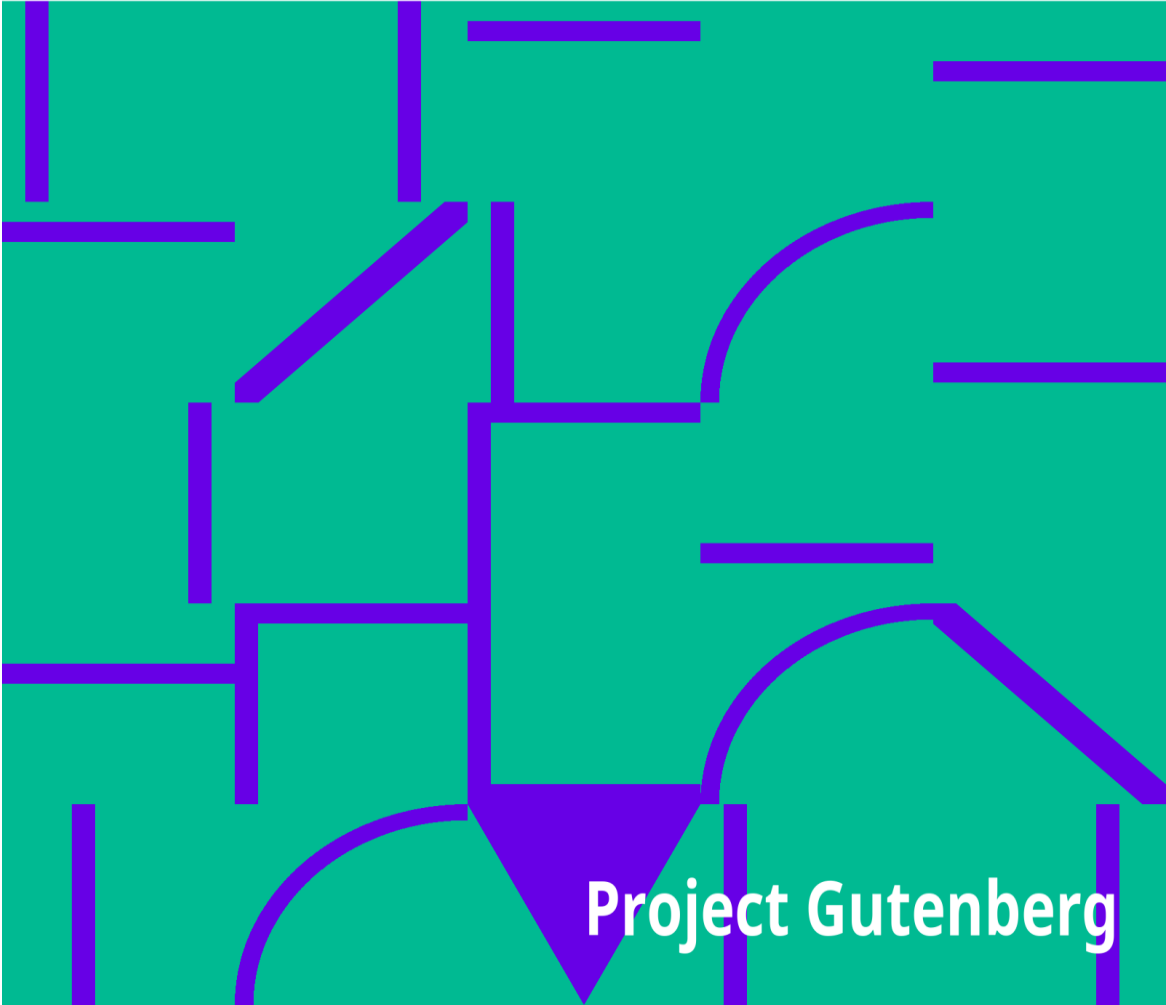

Век Колумба
Джеймс Дж. Уолш

The century of Columbus

James J. Walsh

Project Gutenberg

Содержание

[Век Колумба](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[КНИГА I. КНИГА ИСКУССТВ ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ГЛАВА IX](#)

[ГЛАВА X](#)

[КНИГА II. КНИГА ДЕЯНИЙ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ГЛАВА IX](#)

[ГЛАВА X](#)

[ГЛАВА XI](#)

[ГЛАВА XII](#)

[ГЛАВА XIII](#)

[КНИГА III. КНИГА СЛОВ ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ГЛАВА VI](#)

[ГЛАВА VII](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ I](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ II](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#)

[КНИГА I КНИГА ИСКУССТВ](#)

[ГЛАВА I ВЕЛИКИЕ ХУДОЖНИКИ: РАФАЭЛЛО](#)

[ГЛАВА II ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ](#)

[ГЛАВА III МИХАЭЛЬАНДЖЕЛО](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V ЖИВОПИСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ](#)

[ГЛАВА VI СКУЛЬПТУРА В ИТАЛИИ](#)

[ГЛАВА VII СКУЛЬПТУРА И МАЛЕНЬКИЕ ИСКУССТВА И РЕМЕСЛА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ](#)

[ГЛАВА VIII АРХИТЕКТУРА ВЕКА](#)

[ГЛАВА IX МУЗЫКА](#)

[ГЛАВА X КНИГИ И ГРАВЮРЫ: ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ И МЕТАЛЛЕ](#)

[КНИГА II КНИГА ДЕЯНИЙ](#)

[ГЛАВА I СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И РАБОТНИКИ](#)

[ГЛАВА II БОЛЬНИЦЫ, УХОД И ЛЕЧЕНИЕ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ](#)

[ГЛАВА III СВЯТОЙ ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА И ИЕЗУИТЫ](#)

[ГЛАВА IV СЕР ТОМАС МОР И НЕКОТОРЫЕ ЕГО СОВРЕМЕННОКИ](#)

[ГЛАВА V РЕФОРМАТОРЫ](#)

[ГЛАВА VI ВЕЛИКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРИЙ](#)

[ГЛАВА VII АМЕРИКА В ВЕКА КОЛУМБА](#)

[ГЛАВА VIII НЕКОТОРЫЕ ВЕЛИКИЕ ЖЕНЩИНЫ](#)

[ГЛАВА IX ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ](#)

[ГЛАВА X ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ ВЕКА](#)

[ГЛАВА XI БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ](#)

[ГЛАВА XII МЕДИЦИНА](#)

[ГЛАВА XIII ХИРУРГИЯ](#)

[КНИГА III КНИГА СЛОВ](#)

[ГЛАВА I ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)

[ГЛАВА II ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)

[ГЛАВА III ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)

[ГЛАВА IV ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)

[ГЛАВА V АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)

[ГЛАВА VI НАУКА В ИТАЛИИ](#)

[ГЛАВА VII НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТЕУТОНСКИХ СТРАНАХ](#)

[ГЛАВА VIII НАУКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ I СЭР ТОМАС МОР И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ II ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ](#)

[УКАЗАТЕЛЬ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга «Век Колумба»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Век Колумба

Автор: Джеймс Дж. Уолш

Дата выпуска: 28 января 2011 г. [электронная книга № 35095]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: английский

Кредиты: Произведено Доном Костучем

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK «СТОЛЕТИЕ КОЛУМБА» ***

[Примечания переписчика]

Этот текст взят из копии, хранящейся в Интернет-архиве:
<http://www.archive.org/details/centurycolumbus01walsgoog>

Номера страниц в этой книге обозначены цифрами в фигурных скобках, например . Они расположены там, где в оригинальной книге были разрывы страниц.

Очевидные орфографические или типографские ошибки были исправлены.

Длинные цитаты и ссылки выделены отступом.

Сноски были перенумерованы во избежание двусмысленности и перенесены в конец соответствующего абзаца.

Ссылки на страницы в таблице иллюстраций были скорректированы, чтобы всегда открываться над изображением. Прокрутите вниз, если изображение не отображается в окне просмотра.

[Конец примечаний транскрибатора]

ОТ ТОГО ЖЕ АВТОРА

СЕРИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА УНИВЕРСИТЕТА ФОРДХЭМ

СОЗДАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

Жизнь людей, которым медицинская наука XIX века обязана больше всего. Второе издание. Нью-Йорк, 1910 г. 2,00 доллара США.

ПАПЫ И НАУКА

История папского покровительства наукам, особенно медицине. 45-е издание. Нью-Йорк, 1911 г. 2,00 доллара США.

СОЗДАТЕЛИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Жизнь людей, которым мы обязаны важными достижениями в области электричества. В сотрудничестве с братом Потамианом, F.S.C., Sc.D. (Лондон), профессором физики в Манхэттенском колледже. Нью-Йорк, 1909. 2,00 доллара США.

ОБРАЗОВАНИЕ, НАСКОЛЬКО ДАВНОЕ НОВОЕ

Выступления по истории образования при различных случаях. 3-е тысячее издание. Нью-Йорк, 1911 г. 2,00 доллара США.

СТАРИННЫЕ МАСТЕРА МЕДИЦИНЫ

История студентов и преподавателей наук, связанных с медициной, в средние века. Нью-Йорк, 1911 г. 2,00 доллара США.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОГРЕСС И ИСТОРИЯ

Академические выступления на тему «Как старо новое». Нью-Йорк, 1911 г. 2,00 доллара США.

ТРИНАДЦАТОЕ ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ВЕКОВ

5-е издание (50 000 экземпляров). 116 иллюстраций, 600 страниц. Catholic Summer School Press, 1911. Почтовая оплата 3,50 \$.

В ПОДГОТОВКЕ

СОЗДАТЕЛИ АСТРОНОМИИ

СЕРИЯ ИЗДАНИЙ DOLPHIN PRESS

КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННИКИ В НАУКЕ

Первая и вторая серии, каждая по 1,00 доллару США.

ПСИХОТЕРАПИЯ

Лекции о влиянии разума на тело, прочитанные в Медицинской школе Университета Фордхэм. Appletons, Нью-Йорк, 1912 г., 6,00 долларов США.

СЕБАСТЬЯНО ДЕЛЬ ПИОМБО, ХРИСТОФ КОЛУМБ
(МЕТРОПОЛИТЕН-МУЗЕЙ. НЬЮ-ЙОРК)

Век Колумба

ДЖЕЙМС ДЖ. УОЛШ, K.C.St.G., доктор медицины, доктор философии, доктор юридических наук

LITT.D. (Джорджтаун), Sc.D. (Нотр-Дам)

ПРОФЕССОР ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КАТЕДРАЛЬНОМ КОЛЛЕДЖЕ;
ПОЖИЗНЕННЫЙ ЧЛЕН НЬЮ-ЙОРКСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕН НЬЮ-
ЙОРКСКОЙ АКАДЕМИИ МЕДИЦИНЫ. ГЕРМАНСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВ ИСТОРИИ
МЕДИЦИНЫ. ИТАЛЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И МЕДИЦИНСКИХ

НАУК, КЛУБА МЕДИЦИНСКОЙ ИСТОРИИ СВ. ЛУИ, МЕДИЦИНСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИХОДА
НОВОГО ОРЛЕАНА, А.М.А., А.А.А.С. И Т. Д.

С 86 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

CATHOLIC SUMMER SCHOOL PRESS

Нью-Йорк, 1914

Авторское право, 1914

Джеймс Дж. Уолш

THE QUINN & BODEN CO. PRESS

РАМБЕЙ, Н. Дж.

Рыцарям Колумба

, для которых материал, представленный в данной книге, был первоначально собран для лекций во многих частях страны и чье искреннее интерес к распространению исторической правды способствовали ее завершению, автор братски и с уважением посвящает эту книгу.

«Время от времени наступают эпохи более благоприятных условий, когда мысли людей сближаются больше, чем обычно, и многочисленные интересы интеллектуального мира объединяются в один целостный тип общей культуры. XV век... является одной из таких счастливых эпох; и то, что иногда говорят о веке Перикла, верно и для века Лоренцо — это век, плодотворный для личностей, многогранных, централизованных, полных. Здесь художники, философы и те, кого действия мира возвысили и обострили, не живут в изоляции, а дышат общим воздухом и черпают свет и тепло из мыслей друг друга. Существует дух общего возвышения и просвещения, в котором все одинаково общаются. ... Этот торжественный пятнадцатый век трудно изучить слишком много, не только из-за его положительных результатов в области интеллекта и воображения, его конкретных произведений искусства, его особых и выдающихся личностей с их глубоким эстетическим

очарованием, но и из-за его общего духа и характера, из-за этических качеств, которые он воплощает в совершенном виде».

Уолтер Пейтер, «*Ренессанс*».

{vii}

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своей предыдущей книге «Тринадцатый век» я описал период человеческой деятельности, в котором, как мне кажется, было достигнуто больше всего значимого в плане проявления лучших качеств человека и развития человечества, чем в любой другой соответствующий период мировой истории. Многим может показаться, что я противопоставляю тринадцатому веку так называемый век Колумба, период с 1450 по 1550 год. В качестве предисловия я могу сказать, что я не имею такого намерения и по-прежнему уверен, что XIII век является величайшим из веков, хотя следует признать, что, вероятно, в веке Колумба было больше выдающихся людей, чем в предыдущий период. Однако XIII век является величайшим, потому что его достижения оказали более широкое влияние и потому что большее число людей имело возможность и стимул проявить все самое лучшее, что было в них, чем в любой другой период мировой истории. В результате большая часть человечества была счастлива, как никогда раньше и никогда после, потому что счастье приходит только с осознанием хорошо проделанной работы и удовлетворением от личных достижений. И это величайший период в истории человечества, когда человек был счастлив как никогда.

Однако Ренессанс, поскольку именно этот период в истории обычно известен под этим названием, который здесь называется веком Колумба, достиг результатов во всех сферах человеческой деятельности, которые стали вдохновляющими образцами для всех последующих поколений, и в первую очередь для нашего. Почему величие человеческих достижений должно происходить в периоды, удаленные друг от друга, трудно понять. Я иногда высказывал предположение, что, вероятно, в этом вопросе существует биологический закон, факторы которого пока не до конца понятны. Каждые три или четыре года фермер ожидает, что наступит так называемый яблочный или фруктовый год, то есть он соберет хороший урожай фруктов, а в промежуточные годы урожай фруктов часто бывает весьма посредственным. {viii} Человек гораздо сложнее, чем фрукты, и поэтому для подготовки великого человеческого урожая требуется более длительный интервал, поэтому человечество достигает своего высшего плодоношения только каждые три или четыре века. Несомненно, век Колумба — один из лучших плодоносящих периодов в истории человечества.

Не было ничего, что люди того времени не делали бы превосходно, и очень многие из них делали почти все, за что брались, лучше, чем кто-либо из их преемников. В любопытном контрасте с нашим временем, очень немногие из них ограничивались каким-либо одним способом самовыражения. Из-за своего противоречия со многими из наших распространенных представлений, таких как, например, всеобщее убеждение в постоянной эволюции человека и предполагаемом прогрессе человечества из года в год, но, безусловно, из века в век, а также распространенная мысль, что в конце концов мы сейчас должны быть намного впереди прошлого, — хотя есть множество доказательств тщетности этой самоуверенности — история века Колумба должна быть интересна нашему поколению. Поскольку она создает исторический фон, на котором можно правильно увидеть истинное значение открытия нашего континента сразу после окончания Средневековья, она должна иметь особую привлекательность для американцев. Вот причины, по которым была написана эта книга.

Ввиду обширности охватываемой темы автор едва ли может надеяться, что ему удалось избежать ошибок в деталях. Его единственная мысль заключается в том, что широкий взгляд на весь спектр достижений может быть достаточно полезен для тех, кто интересуется историей человеческой культуры, чтобы компенсировать почти неизбежные

ошибки. Всеобъемлемый характер книги может придать ей наводящую на размышления и ретроспективную ценность. Она адресована не специалистам, а широкому кругу читателей, интересующихся всеми аспектами человеческих достижений и желающих дополнить обзор политической истории рассказом об интеллектуальной и нравственной жизни великой эпохи. Благодарим г-на Стивена Хоргана за материальную помощь в подборе иллюстраций, что было нелегкой задачей из-за огромного количества материала, из которого нужно было выбирать. Были предприняты определенные усилия, чтобы избежать известных шедевров и сделать так, чтобы иллюстрации дополняли знания о том времени.

{ix}

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ xxv

Открытие Америки было лишь одним из ряда выдающихся достижений Колумба в его время.

В его веке, с 1450 по 1550 год, было больше великих людей, чем в любом другом веке в истории человечества.

В области искусства он не имеет себе равных.

По своим достижениям он не уступает ни одному другому веку, прежде всего в области социальной работы, науки, образования, а также в достижениях в области физических и биологических наук, медицины и хирургии.

Его литература отстает от литературы некоторых других периодов истории, но это век Льва X и одна из самых интересных эпох мировой литературы во всех европейских странах.

КНИГА I. КНИГА ИСКУССТВ

ГЛАВА I

ВЕЛИКИЕ ХУДОЖНИКИ; РАФАЭЛЛО

1

Рафаэль, Леонардо да Винчи и Микеланджело — величайшие художники мира.

Рафаэль — величайший из религиозных художников.

Родился в Урбино.

Герцог Фредерик — покровитель искусств.

Учился у Тимотео Вити и Перуджино.

Влияние Фра Бартоломео.

Работа в Риме.

Станцы Ватикана.

Камера делла Сегнатура.

Эскизы для гобеленов Сикстинской капеллы.

Сикстинская Мадонна.

Рафаэль, художественный руководитель и археолог.

ГЛАВА II

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

15

«Мона Лиза».

Дань уважения Уолтера Пэтера.

«Тайная вечеря» раскрыла гениальность и методы художника.

«Мадонна в скалах».

Скульптор, инженер, геолог, анатом, зоолог, ботаник и биолог.

Вскрытия и предложенный учебник по анатомии.

Карьера художника.

Превосходит своего учителя Верроккьо.

Научные интересы.

Изобретатель.

Личность, жизненная философия.

Резюме Буркхардта — «колоссальный гений».

{x}

ГЛАВА III

МИКЕЛАНДЖЕЛО

[32](#)

Скромное происхождение величайшего гения мира.

Небольшой интерес к книгам.

Мастерская Гирландайо.

Академия Лоренцо де Медичи.

Вскрытия.

Ранние работы.

Пьета, причина молодости матери.

Давид.

Гробница папы Юлия.

Галлеры.

Украшение Сикстинской капеллы.

Моисей.

Сакристия Сан-Лоренцо.

«Четырехдушные» сонеты Микеланджело.

Практический гений. Семейные заботы.

Советы по поводу брака.

Дружба с Витторией Колонна.

Отношение к религии.

Влияние растет со временем

ГЛАВА IV

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ХУДОЖНИКИ ТОГО ВЕКА: ФРА АНЖЕЛИКО,
ПЕРУДЖИНО, ФРА БАРТОЛОМЕО, БОТТИЧЕЛЛИ, БЕЛЛИНИ, ТИЦИАН, КОРРЕДЖО,
ТИНТОРЕТТО, ВЕРОНЕЗЕ И ДРУГИЕ

[53](#)

Век, богатый художниками.

Фра Анджелико — мистик.

Перуджино, учитель Рафаэля;

в Сикстинской капелле;

картины, ошибочно принятые за работы Рафаэля.

Величайшие произведения Фра Бартоломео.

Мифология и психология Боттичелли;

Мадонны;

иллюстрации к Данте.

Портреты Беллини;

Мадонны.

Прекрасные цвета Тициана;

религиозные картины;

портреты;

мифологические сцены.

Пьеро деи Франчески.

Лука Синьорелли.

Мелоццо да Форли.

Корреджо — среднее звено между различными итальянскими школами;

«Самый искусный художник со времен древних греков».

Тинторетто — мастер рисунка и художник мирового уровня.

«Композиция Микеланджело и колорит Тициана».

Великолепные большие картины Веронезе.

ГЛАВА V

ЖИВОПИСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ

71

Нидерланды:

Братья Ван Эйк — предшественники;

Роджер ван дер Вейден;

Картины Мемлинга в больнице Святого Иоанна, Брюгге;

Дирк Боутс;

Квентин Матсис;

Лукас ван Лейден;

Герард Давид;

Юстус Гентский;

Ян ван Мабузе;

Бернард ван Орлей;

Блондеэл.

Нюрнбергский соперник Брюгге;

Дюрер;

Гольбейны.

Франция:

Клуэ;

Кузен;

Фуке

Испания:

Наваррете;

Хуан де Боргона;

Луис де Варгас;

Пабло де Сеспедес.

Женщины-художницы в Испании

ГЛАВА VI

СКУЛЬПТУРА В ИТАЛИИ

[85](#)

Двери Гиберти для баптистерия во Флоренции.

Донателло.

Великие конные статуи Гатамалета и Коллеони.

Святой Георгий работы Донателло,

Святой Франциск,

Бэмбино Джезу,

Святой Иоанн Креститель

Личность Донателло.

Его паралич.

{ xi }

Лука делла Роббиа, скульптор, мастер по работе с терракотой.

Андреа дель Верроккьо, ювелир, художник, скульптор:

«Неверие святого Фомы»,

«Коллеони».

Бенвенуто Челлини, скульптор, ювелир, писатель.

Джон из Болоньи:

Нептун,

Меркурий.

Скульптура в Чертозе в Павии.

Упадок скульптуры

ГЛАВА VII

СКУЛЬПТУРА И МЕЛКИЕ ИСКУССТВА И РЕМЕСЛА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ

97

Имена скульпторов Нидерландов часто неизвестны.

Гробницы Марии Бургундской и Карла Смелого.

Резьба по дереву,

Брюгге,

Лейден,

Харлем.

Германия:

Нюрнберг,

Вайт Стосс,

Дюрер,

Адам Крафт,

Вишеры.

Гробница Святого Себальда;

Гробница Максимилиана в Инсбруке.

Франция:

Коломб.

Тур — великий центр искусства:

Жан Фуше и гробница Агнес Сорель:

Жан Гужон и Жермен Пилон.

Фламандские и французские гобелены.

Золотой век гобелена.

Современная оценка.

Красивые алтарные сосуды, эмали, мебель,

замки и ключи, шкатулки для драгоценностей, доспехи, часы

ГЛАВА VIII

АРХИТЕКТУРА ВЕКА

[114](#)

Купол Брунеллески.

«*De re aedificatoria*» Альберти:

Церковь Сан-Франческо.

Флоренция, Ручеллай, Рикарди и дворец Питти.

Венеция;

Библиотека Святого Марка;

Дворец дожей и Гримани.

Палладио в Виченце.

Генуя, город дворцов.

Виньола,

Вилла папы Юлия,

Дворец Капрарола.

Фасад Чертозы.

Сикстинская капелла и Королевский колледж, Кембридж.

Лёвен, Отель де Виль.

Брюссель, *Гран-Плас*.

Испания:

Университет Алкалы.

Клуатр Лупиана.

Алькасар, Толедо.

Башня Хиральда.

Франция:

Лувр,

Павильон де л'Ороль;

замки.

Архитектура эпохи Возрождения — живая сила

ГЛАВА IX

МУЗЫКА

[134](#)

Музыка эпохи Возрождения столь же оригинальна, как искусство и литература.

Начало в Нидерландах, Окенхайм, Жоскен, Аркадельт.

Степени в музыке, Англия.

Немецкая музыка, Ганс Сакс.

Римская музыка,

Клод Гудимель,

братья Анимучча,

братья Нанини,

Орландо ди Лассо.

Церковная реформа музыки.

Палестрина,

карьера,

достижения,

недавнее восстановление в качестве католического стандарта.

Оратория.

Доминантова септима.

Развитие музыкальных инструментов — орган, скрипка

ГЛАВА X

КНИГИ И ГРАВЮРЫ: ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ И МЕТАЛЛЕ

[146](#)

Возрождение интереса к красивым книгам.

Художественные рукописи.

Изобретение книгопечатания.

Самые красивые печатные книги в мире

{ xii}

Наша имитация.

Часословы.

Иллюстрации.

Резное шрифтовое искусство.

Уильям Кэкстон:

его место в английской прозе.

Альдус Мануций:

первые издания всех классиков;

карьера;

проблемы в бизнесе;

достижения.

Джеффри Тори.

Симон де Коллин.

Шамп Флери.

Тори, королевский печатник.

Сон Полифило.

Иллюстрации Фра Джокондо.

Дюрер и немецкая гравюра на дереве.

Бургмайер.

Хольбейн.

Французская гравюра на дереве.

Немецкая гравюра на металле.

Итальянские иллюстрации.

Анатомия Везалия.

Художественное переплётное дело.

Гролье.

Декаданс в искусстве книжного дела

КНИГА II. КНИГА ДЕЯНИЙ

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И РАБОТНИКИ

169

Критерий периода;
решение социальных проблем.
Кульминация социального влияния гильдий.
Особенности страхования.
Отсутствие богаделен и приютов для сирот.
Забота о непутевых.
Гильдия Святого Креста, Стратфорд;
приюты для бедных;
гимназия.
Тридцать тысяч гильдий в Англии.
Благотворительность.
Часовня и мост гильдии сэра Хью Клоптона.
«День подаяния».
Забота бегиннок о зависимых:
их место в истории.
Кредитные учреждения для бедных.
Святая Екатерина Генуэзская.
Организация благотворительности.
Святой Филипп Нери;
современная оценка.
Святой Игнатий.
Савонарола.
Политические осложнения.
Судьба Савонаролы.
Забота Ласаса о индейцах.
Святой Франциск Борджиа.
Пытки в более поздней истории.
Мания охоты на ведьм после Реформации.
Упадок благотворительности

ГЛАВА II

БОЛЬНИЦЫ, УХОД И ЛЕЧЕНИЕ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ

[192](#)

Гуманность, заботящаяся о больных.

Пренебрежение в более позднее время;

больницы, похожие на тюрьмы, без обученного обслуживающего персонала.

Красивые больницы эпохи Возрождения.

Дом невинных во Флоренции.

Оспedale Маджоре, Милан.

Больница Санто-Спирито, Рим.

Больницы бегиннок, Нидерланды.

Больница Святого Иоанна, Брюгге.

Обильные запасы воды.

Религиозная униформа и чистота.

Сэр Томас Мор о больницах.

Братья милосердия в Испании.

Маленькие братья-благотетели.

Уход за душевнобольными.

Испания — лидер.

«Открытая дверь».

Последующие злоупотребления.

Итальянские психиатрические лечебницы.

Последующий упадок

ГЛАВА III

СВЯТОЙ ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА И ИЕЗУИТЫ

[206](#)

Великий гений организации.

Карьера.

Политическая и религиозная ситуация в Европе.

Новое рыцарство.

{ xiii }

«Малая компания Иисуса».

Духовные упражнения.

Миссии иезуитов:

Индия,

Япония,

Китай,

Южная Америка,

Редукции Парагвая,

Северная Америка.

Иезуитские отношения, сбор и передача знаний.

Образование иезуитов;

великие ученики;

библиография.

Деятельность в области наук.

Астрономы-иезуиты.

В других областях.

Все для всех.

Наследие Игнатия: преследования и оскорбления

ГЛАВА IV

СЕР ТОМАС МОР И НЕКОТОРЫЕ ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

[223](#)

Художник по человеческой воле.
Англия в момент рождения Мора.
Юность.
Брак.
Противостояние королю.
Учеба в Лувене и Париже.
Занятый адвокат, забота о бедных.
Дружба с Эразмом.
Семейная жизнь.
Маргарет Мор.
Линакр.
Декан Колет.
Лили.
Джон Кайус.
Английские сочинения Мора.
Утопия.
Спорные сочинения.
Лорд-канцлер — очищает список дел.
Почести и богатство или долг и смерть.
Выбор Мора.
Трудная ситуация.
Юмор на эшафоте.
Лорд Кэмпбелл о своей казни;
о лордах-канцлерах, которые сменили его

ГЛАВА V

РЕФОРМАТОРЫ

[243](#)

Реформация или религиозное восстание.

Изменения в образовании и их влияние на умы людей.

Янссен об интеллектуальном движении эпохи Возрождения.

Реформаторы, Лютер, Кальвин, Генрих VIII.

Ложные представления о Реформации, Халлам.

Политическая коррупция.

Лютер, Денифль, Гризар.

Лютер об индульгенциях.

Лютер и Цвингли.

Суды Божьи.

Лютер и Меланхтон одобряют двоеженство.

Комментарий Макгифферта.

Разочарование Лютера.

Кальвин — строгий.

Жизнь без отдыха.

Разочарование Кальвина.

Казнь Сервета.

Совесть Генриха VIII.

Как английский народ был лишен своей религии.

Коббетт, Маколей, Фредерик Харрисон и профессор Пауэлл об английских и шотландских реформаторах.

Профессор Бриггс о святых Реформации.

Контрреформация.

Последствия Реформации

ГЛАВА VI

ВЕЛИКИЕ ИСКАТЕЛИ И СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРИЙ

[262](#)

Принц Генрих Мореплаватель.
Жуан II Португальский.
Бартоломеу Диаш.
Васко да Гама.
Колумб.
Америго Веспуччи.
Каботы.
Магеллан.
Кругосветное плавание.
Открытия в Южном море.
Австралия.
Вераццано в Нью-Йорке.
Французские исследователи.
Старые и новые строители империй.
Кортес.
Писарро.
Испанское обращение с индейцами.
Контраст с нашим отношением.
Исследователи эпохи Колумба и современности

ГЛАВА VII

АМЕРИКА В ВЕК КОЛУМБА

[275](#)

Славная глава американской истории до 1550 года.

Сидни Ли противопоставляет испанское и английское влияние в Америке.

Профессор Борн о ранней американской культуре.

Мексиканское образование.

Университеты Мексики и Лимы.

Стипендия.

Образовательные стандарты.

Доктор Чанка об Америке.

Garcilaso de la Vega.

Профессор Борн противопоставляет испанское и английское образование.

Печатный станок.

Старопечатные книги.

Первая американская больница.

Шамплейн в Мексике.

Остается в Панаме.

ГЛАВА VIII

НЕСКОЛЬКО ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

[290](#)

Женщины эпохи Возрождения.

Изабелла Кастильская.

Гений мира и войны.

Административная власть.

Образование.

Добродетели домохозяйки.

Забота об индейцах.

Прескотт противопоставляет Изабеллу и Элизабет.

Vittoria Colonna.

Письмо мужу о честности.

Стихи.

Влияние на людей эпохи Возрождения.

Семья Гонзага.

Святая Екатерина Генуэзская.

Battistina Vernazza.

Лукреция Борджиа.

Исторические традиции и факты.

Оправдание Грегоровиуса.

Гарнетт об отравлениях Борджиа.

Похвала Альдуса.

Лукреция как правительница.

Ее защита евреев.

Любовь ее мужа.

Виктор Гюго и лукрецианский миф.

Маргарита Наваррская.

Личный характер.

Заботьтесь о бедных.

Мария Бургундская.

Святая Тереза.

Mater Spiritualium.

Дань уважения французскому, немецкому и английскому языкам.

Величайшая из интеллектуальных женщин.

Некоторые из ее принципов.

ГЛАВА IX

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

[313](#)

Этапы женского образования до нашего времени.

Итальянские университеты.

Бенедиктинские монастыри.

Время Карла Великого.

Святая Бригида Ирландская.

Витторино да Фельтре и его ученики.

Гуарино.

Физическая подготовка.

Лукреция, мать Лоренцо Великолепного.

Изабелла и Беатриче Д'Эсте.

Широкие возможности женского образования.

Влияние на их семьи.

Сады эпохи Возрождения.

Камерини Изабеллы Д'Эсте.

Апартаменты Лукреции Борджиа.

Женская преданность социальным проблемам.

Сравнение с нашим временем.

Публичные выступления.

Олимпия Мора.

Анджела Меричи, основательница в сфере образования.

Урсулины и иезуиты.

Их продолжающаяся деятельность по всему миру.

Анна Бретонская.

Маргарита Наваррская.

Секс.

Женское образование в Испании.

Дань уважения Прескотт.

Женское образование в Англии:

Маргарита Анжуйская,

Маргарет Бофорт,

графиня Арундел,

леди Джейн Грей,

Мария, королева Шотландии,

королева Елизавета,

Маргарет Мор.

Чаритас Пиркхаймер.

Женское образование и религия.

"Красота, нрав, образование, добродетель, благочестие в сочетании сделали их гармоничными человеческими существами" (Буркхардт)

ГЛАВА X

ФИЗИЧЕСКАЯ НАУКА ВЕКА

[343](#)

Наука развивалась так же чудесно, как искусство и литература.

Переводы классиков науки.

Кардинал Николай Кузанский.

Пюрбах.

Regiomontanus.

Кардинал Виссарион.

Ученые в Италии со всего мира.

Линакр, Везалий, Гай.

Тосканелли и Колумб.

Коперник и новая вселенная.

Его отношение к реформации.

Леонардо да Винчи, ученый и изобретатель.

Научный дух.

Телезио и индуктивный метод.

Химия в медицине.

Василий Валентин и Парацельс.

Колумб и склонение магнитной стрелки

ГЛАВА XI

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

[360](#)

Изучение природы в средние века.

Анатомы эпохи Возрождения.

Острое итальянское наблюдение.

Leonardo da Vinci.

Предполагаемая церковная оппозиция вскрытию.

Все художники-диссекторы.

Везалий, отец современной анатомии.

Колумб, Фаллопий, Евстахий, Аранци, Сервет.

Caesalpinus.

Кровообращение.

Харви в долгу перед итальянскими анатомами.

Ботаника.

Леонардо да Винчи, Брунфельс, Фукс, Трагус, Эвриций и Валериус Кордус. Дань уважения Валериусу Кордусу.

Цезальпинус как ботаник.

Руэллиус и Пьер Белон во Франции.

Испанские и португальские исследования американских и индийских растений

ГЛАВА XII

МЕДИЦИНА

[381](#)

Стандарты образования.
Клиническое обучение.
Принципы Рабле.
Ранние печатные медицинские книги.
Леоникен.
Линакр.
Кай.
Montanus.
Парацельс,
химия и медицина,
физические факторы,
в терапии,
профессиональные заболевания.
Отказ от претензий на знание.
Вклад Парацельса в хирургию.
Животный магнетизм.
Абсурд.
Бэзил Валентайн.
Теории аутоотоксемии.
Корнелий Агриппа.
Влияние разума на тело.
Патологическая анатомия.
Benivieni.
Йост ван Лом.
Schenck von Graffenberg.
Petrus Forestus.
Fracastorius.
Парэ при подагре.
Лекарства из нового света.
Ботанические сады.
Теория и наблюдения.
Психические заболевания, дифференциация.
Бальнеотерапия.
Джером Кардан, абсурдности.
Долголетие Корнаро.
Санитарные правила.
Законы о чистых продуктах питания.
Популярная гигиена.
Алкогольные напитки.
Советы по здравоохранению в Италии.

Заражение туберкулезом.
Сэр Томас Мор на месте врача

{xvi}

ГЛАВА XIII

ХИРУРГИЯ

[409](#)

Распечатка старых учебников по хирургии.
Великолепные больницы.
Исследование огнестрельных ранений.
Ambroise Paré.
Эксперименты с пулями.
Хирургические специальности.
Ортопедия.
Костная хирургия.
Переливание крови.
Трахеотомическая трубка.
Магнит в хирургии.
Операция кесарева сечения.
Гинекология и акушерство.
Операция на сердце.
Косметическая хирургия.
Искусственные носы, губы и веки.
Асептическая хирургия.
Пиемия как инфекционное заболевание.
Парацельс против назойливой хирургии.
Немецкие хирурги.
Пфольшпундт, трубки в хирургии кишечника.
Бруншви́г о необходимости анатомии.
Жесткие повязки.
Герсдорф, хирургия анкилозов.
Холл об опыте в хирургии.
Четыреста страниц Герлта о хирургии эпохи Возрождения

КНИГА III. КНИГА СЛОВ

ГЛАВА I

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[427](#)

Латынь - универсальный язык ученых.

Три великие книги:

"Подражание Христу",

"Утопия" и

"Духовные упражнения" святого Игнатия.

"Подражание" - самая влиятельная из книг о человеке.

Другие произведения А. Кемписа.

Дань уважения "Имитации";

святые, юристы, солдаты, ученые единодушно восхваляют ее.

Одна из величайших книг в мире.

Иллюстративные отрывки.

"Ода любви".

"Утопия", "Республика" Платона и святой "Град Божий" Августина.

Яркое художественное произведение.

Глубокое социальное исследование.

Перевод епископа Бернета.

"Духовные упражнения" - это книга вещей, а не слов.

"Коллоквиумы" Эразма и "Encomium Moriae"

ГЛАВА II

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[442](#)

Эпоха Льва Х.

Ариосто "почти, если не совсем высший" (Сейнтсбери).

Орландо Фуриозо.

Сравнения Ариосто, сонет.

Итальянские мистерии и пьесы о чудесах.

Баллады.

Карнавальные песни.

Лоренцо Медичи как поэт.

Итальянская проза.

Макиавелли,

история,

пьесы,

стихи,

художественная литература,

"универсальный гений" (Гарнетт).

Гвиччардини, история, воспоминания.

Вазари - Жизни художников.

Итальянская художественная литература,

Ариенте,

Луиджи да Порто,

Илличини, "Бельфагор"

Макиавелли.

Чинтио.

Банделло.

Распущенные истории, призванные уменьшить распущенность.

Автобиография Беневенуто Челлини,

"Кортиджано" Кастильоне, не "Автобиография", символ
мысли века и философии жизни

ГЛАВА III

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[462](#)

Вийон.

Принц Чарльз Орлеанский.

Клеман Маро.

Франциск I как писатель.

Маргарита Наваррская.

"Маргариты" Маргариты.

Французская поэтесса страсти.

Эпиграммы Мелена де Сен-Желе.

Плеяды.

"Принц и крестьянин" Ронсара.

Joachim du Bellay.

Французская проза, Комин, переводы Амьо.

Непонятый гений Рабле,

его жизнь,

свидетельства терпимости ко времени,

современные исследования и влияние.

Воплощение французского Ренессанса

ГЛАВА IV

ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[476](#)

Письма королевы Изабеллы.

Мистические писания святой Терезы.

Рыцарские рассказы.

Амадис де Галль.

Истории о мошенничестве, Селестина, Лазарильо де Тормес.

Писатели-мистики,

Иоанн Авильский,

Луис де Гранада и

Луис де Леон.

Испанская поэзия - Боскан и Гарсиласо де ла Вега.

Камозэн "величайший из современных эпических поэтов" (Шлегель).

Короткие стихи.

Любовные сонеты.

ГЛАВА V

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

[485](#)

Английская драматическая литература -

"Обыватель",

Страсти и рождественские пьесы,

Интермедии.

"Брак Витте и науки"

первая пьеса, разделенная на акты и сцены.

Драматизм пьес о морали.

Работа Джона Скелтона.

Интерлюдии Джона Хейвуда, "Четыре буквы "П"", иллюстративный отрывок.

Социальная и религиозная сатира, "Ральф Ройстер Дойстер".

"Реликвии" Перси, "Древняя баллада о Чеви Чейзе".

"Смерть Артура" Мэлори, переводы Кэкстон.

Шотландская поэзия.

Джеймс I.

"Королевская пристань".

Слепой Гарри, Роберт Хенрисон, Гэвин Дуглас и Уильям Данбар.

Английская поэзия, Говард граф Суррей и сэр Томас Уайет.

Место Мора в английской прозе.

Жизнь Эдварда В.

Перевод Фруассара Бернера.

Сборники английского молитвенника.

Переводы Священных Писаний Тиндейла и Ковердейла.

ГЛАВА VI

СТИПЕНДИЯ В ИТАЛИИ

[501](#)

Италия - Alma Mater Studiorum.

Новое обучение.

Эней Сильвий (папа Пий II).

Кардинал Бессарион.

{xviii}

Греческие учителя, Халкондилы, Газа, Трапезунд и Аргиропулос.

Папа Николай V.

Флорентийская академия.

Ландино, Фичино и Политиано.

Итальянские академии.

Помпоний Летус,

Платина,

Римская академия,

Витрувианская академия,

Неаполитанская,

Венецианская академии,

Калепинус.

Pico della Mirandola.

ГЛАВА VII

УЧЕНОСТЬ ТЕВТОНСКИХ СТРАН

[513](#)

Нигде ученость не была такой глубокой, как в Германии.

Братья общей жизни, основатели, цель.

Замечательные ученики.

Николай Кузанский.

Рудольф Агрикола.

Иоанн Далбергский.

Джейкоб Уимфелинг.

Alexander Hegius.

Эразмус.

Melanchthon.

Reuchlin.

Ulrich von Hutten.

Конрад Мут (Мутианус).

Конрад Селтес, издание пьес Хросвиты.

Dürer and Wilibald Pirckheimer.

Сэндис о немецких гуманистах.

Янссен о классической культуре и христианской науке.

Критические исследования.

ГЛАВА VIII

СТИПЕНДИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ

[531](#)

Каждая страна Европы заинтересована в новом обучении.
Первый учитель французского, Алеандр, итальянец.
Буде (Budaeus), преданность учебе.
Основание Коллеж де Франс.
Toussain, Turnebus, Rabelais, Montaigne.
Рабле "наука без совести - гибель души".
Скалигеры.
Испанские ученые:
Гусман,
Антонио Лебрица,
Барбоза,
все трое студенты из Италии.
Кардинал Хименес,
Университет Алькалы, комплутенский полиглот.
Грамматика под властью испанских умов.
Португалия, Университет Коимбры.
Англия рано разделила энтузиазм к новому обучению.
Линакр, Джон Фри и Кай были преподавателями в итальянских университетах.
Лорд Грей Коднорский; Джон Типтофт, граф Вустерский.
Эразмус в английской стипендии.
Греческие студенты:
Селлинг,
Гросин,
Уильям Латимер,
Лили,
Джон Фишер.
Критическая стипендия.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СЭР ТОМАС МОР И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

[545](#)

Религиозная терпимость и практика Мора.
Постоянные армии и их зло.
"Уравновешенный страх" и баланс сил.
Завышенная оценка золота и драгоценных камней.
Прожиточный минимум.
Не удовольствие, а добродетель - цель жизни.
Охрана лесов.
Научные книги.
Разделение времени.
Собственный дом Мора.

{xix}

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ

[553](#)

Упадок в искусстве, образовании, учености и гуманизме начинается сразу после Реформации и достигает кульминации в конце восемнадцатого века.

Образование не стало свободнее; академической свободы стало меньше (проф. Paulsen).

Новое обучение и реформаторские доктрины.

Епископ Бейл о пренебрежении книгами.

Бессмысленное уничтожение библиотек.

Декаданс в искусстве, "Король побелки и королева высшего уродства".

Герхард Гауптманн об упадке искусства как непомерной цене личной свободы совести.

Упадок благотворительности.

Больницы, похожие на тюрьмы.

Распад социальной организации.

Суеверия и пытки распространились после Реформации.

Наваждение колдовства.

Политический декаданс.

Палата лордов дореформации.

Уничтожены популярные праздники.

Интернационализм отошел на второй план.

Современный социальный прогресс - это возврат к средневековым представлениям.

{xx}

{xxi}

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1.	Себастьяно дель Пьомбо, Христофор Колумб (Музей Метрополитен, Нью-Йорк)	Фронтиспис
2.	Карпаччо, Встреча святых. Иоахим и Анна.	Напротив, страница xxix
3.	Тициан, император Карл V	xxxiv
4.	Рафаэль, Рисунок убийства невинных.	На странице 3
5.	Рафаэль, "Мечта рыцаря",	Страница напротив 4
6.	Рафаэль, "Афинская школа",	страница напротив 8
7.	Рафаэль, Поэзия (Мозаика, Ватикан)	Напротив страницы 14
8.	Леонардо да Винчи, "Мадонна в скалах"	Напротив, страница 20
9.	Рафаэль, папа Юлий II,	Напротив, страница 37
10.	Фра Анджелико, Святой Франциск,	Напротив, страница 53
11.	Перуджино, Погребение (Питти)	Напротив страницы 56
12.	Боргоньоне, Святая Екатерина Александрийская	Напротив страницы 57
13.	Боттичелли, Иллюстрация к Данте	На странице 61
14.	Беллини, Дож Лоредано	Напротив страницы 62
15.	Корреджо, "Женитьба святой Екатерины" (Лувр)	Страница 66
16.	Госсерт, "Дева и Младенец Иисус" (итальянское влияние на фламандский)	Напротив, страница 69

17.	Ван дер Вейден, Мать Долороза,	Напротив, страница 71
18.	Квентин Матсис, Легенда о святом. Энн (В центре)	Напротив страницы 73
19.	Ван Ори, доктор Зелле,	Напротив, страница 74
20.	Дюрер, Титульный лист "Жития Пресвятой Богородицы"	На странице 76
21.	Клуэ, Франсуа, Елизавета Австрийская	На странице 79
22.	Наваррете, Собор Святых Петра и Павла (Эскуриал)	На странице 81
23.	Сеспедес, "Тайная вечеря" (Кафедральный собор, Кордова)	На странице 83
24.	Бертольдо ди Джованни, "Битва" (Барджелло)	Напротив страницы 85
25.	Росселино, Антонио, Мадонна	Напротив страницы 87
26.	Донателло, Гатамелата	Напротив страницы 91
27.	Бенедетто Ровеццано, Каминная доска	Напротив, страница 95
28.	Кафедра, Лейден,	Напротив страницы 98
29.	Дюрер, проповедующий Иоанн Креститель (барельеф из резного дерева)	На странице 100
30.	Король Артур (Инсбрук)	На странице 103
31.	Генрих VIII на золотом поле (барельеф, Руан)	На странице 104
32.	Гужон, Ювелирный шкаф	На странице 106
33.	Доспехи (пятнадцатый век, Париж)	На странице 108

34.	Шкатулка для духов, чеканное золото	На странице 111
{xxii}		
35.	Сиденья (миниатюры пятнадцатого века)	На странице 112
36.	Часы (Париж)	На странице 113
37.	Альберти, Сан-Франческо (Римини)	На странице 115
38.	Микеланджело, Собор Святого Петра (Рим)	На странице 116
39.	Альберти, дворец Ручеллаи (Флоренция)	На странице 119
40.	Двор, Дворец дожей (Венеция)	На странице 121
41.	Палладио, дворец Барбарано (Виченца)	На странице 123
42.	Отель де Вилль (Лувен),	Страница 124
43.	Алькала, Паранимфо	На странице 125
44.	Алкала, Двор Архиепископского дворца	На странице 126
45.	Монастырь (Лупиана, Испания)	На странице 128
46.	Тоledo, Алькасар	На странице 130
47.	Мелоццо да Форли, "Ангел с лютней" (Рим)	Напротив страницы 141
48.	Скрипка и бас-гитара, Германия	На странице 144
49.	Верард, "Часослов", Граница	На странице 147
50.	Фуке, Миниатюрная рукопись Ливия. (Париж)	На странице 150

51.	Тори, Отрывок из "Часослов"	На странице 157
52.	Тори, Страница "Часослов" Коллинза	На странице 160
53.	Дюрер, "Брак Пресвятой Девы"	На странице 163
54.	Черная буква окаймляла страницу	На странице 165
55.	Игральная карта	На странице 167
56.	Часовня Стратфордской гильдии	На странице 175
57.	Стратфорд, Мост сэра Хью Клоптона	На странице 176
58.	Браманте, Госпитальный суд (Милан)	На странице 195
59.	Мемлинг, Мученичество святой Урсулы (Брюгге, госпиталь Святого Жана),	Страница 197
60.	ВГольбейн, сэр Томас Мор	Напротив страницы 223
61.	Маттео Чивитале, "Вера" (Барджелло)	Напротив страницы 243
62.	Гольбейн, "Генрих VIII" (Лондон)	Напротив страницы 255
63.	Филиппино Липпи, "Мадонна с четырьмя святыми"	Напротив страницы 260
64.	Страдан, "Колумб в первом путешествии" (ниелло, слоновая кость)	На странице 276
65.	Заголовок письма колумба	На странице 282
66.	Страница Письма колумба (1494-)	На странице 283
67.	Больница, Мексика (основана до 1524 г.)	Страница .
„68.	Больница, (другой вид)	Напротив, страница 287

69.	Кривелли, Мадонна на троне	Напротив страница 290
70.	Гольбейн, королева Екатерина Арагонская,	Напротив, страница 293
71.	Тициан, "Представление Богородицы"	Напротив, страница 296
72.	Пальма Веккьо, Сент-Барбара,	Напротив, страница 304
73.	Мостерт, Дева Дейпара (Антверпен)	Напротив страницы 312
74.	Беллини, Мадонна, Святые Екатерина и Мария Магдалина (Венеция)	Напротив страницы 318
75.	Пинтуриккьо, Святое семейство (Сиена)	Страница, расположенная напротив 326
76.	Дюрер, "Рождество Христово" На	странице 339
77.	Виварини, "Сент-Клер"	Напротив страницы 341
78.	Тициан, Парацельс	На странице 386
{xxiii}		
79.	Гольбейн, доктор Уильям Баттс	Напротив страницы 413
80.	Чима да Конельяно, Христос (Дрезден)	Напротив страницы 431
81.	Тициан, Ариосто	Напротив страницы 443
82.	Пальма Веккьо, поэт (иногда называемый Ариосто),	Страница .
„83.	Франсия, Дева Плачущая над Телом Христовым (Лондон),	Страница .
„84.	Страница из старопечатной книги с гравюрой на дереве На странице 487	

85.	Театр, Титульный лист Теренса	На странице 491
86.	Мантенья, Святой Георгий	Напротив страницы 501
87.	Корреджо, Пресвятая Дева и святой Себастьян	Напротив страницы 508
88.	Чима да Конельяно, Собор Святого Фомы (Венеция),	Страница 519
„89.	Тори, Двор Франциска I	На странице 534

{xxiv}

{xxv}

Введение

Многим людям дата открытия Америки, должно быть, кажется несколько неуместной. По крайней мере, им, должно быть, трудно понять, как так получилось, что до конца пятнадцатого века удалось совершить такое великое открытие нового континента, как это. Обычно говорят, что средние века закончились падением Константинополя (1453), хотя ряд историков в последние годы начали датировать завершение средневековой истории открытием самой Америки. Вряд ли это согласуется с общепринятыми представлениями о широко распространенном невежестве, недостатке научного любопытства, недостатке инициативы и отсутствии великих человеческих интересов в средние века, что такое важное достижение, как открытие Америки, должно было произойти именно в это время. Несмотря на растущее знание, раскрывшее замечательные достижения средневекового периода, все еще есть очень много людей, считающих себя хорошо информированными, для которых тысячелетие примерно с 500 по 1500 год кажется почти серией чистых страниц, и их не может не удивлять, что кто-то смог подняться из трясины уныния в том, что касается человеческих знаний и предприимчивости, которые, как часто заявляют, представляют эти времена, до апогея энергии, смелости и сознательной успешной цели, необходимой для открытия Западного полушария. По-видимому, только особое провидение, подготавливающее новое время, могло привести к этому важному открытию из Назарета так называемых "Темных веков".

Для объяснения великого открытия Колумба в это время были сочтены необходимыми всевозможные объяснения. Некоторым это казалось результатом счастливой случайности, благодаря которой одному из глубоко самобытных духов человечества, с **жаждой странствий** в его душе, удалось, наконец, заполучить кого-то, кто предоставил ему возможность совершить долгое неопределенное путешествие, в ходе которого, к счастью, было совершено открытие Западного полушария. Мы часто слышим о счастливых случайностях в научных {ххvi} открытиях, и предполагается, что они отражают счастливые шансы человечества. Однако не следует забывать, что такие счастливые случайности случаются только с гениями. Ньютон открыл законы всемирного тяготения после того, как увидел, как падает яблоко, но многие миллиарды людей видели, как падают яблоки до него, не имея ни малейшего представления о гравитации. Гальвани случайно коснулся лапок лягушки своими металлическими инструментами, проводя электрические эксперименты, и таким образом стал "учителем лягушачьих танцев", по презрительному выражению многих его коллег-ученых, и отцом биологического электричества для нас, но, несомненно, многие другие, лишенные его научной проницательности, видели это явление, не привлекая к нему особого внимания.

Высказывалось предположение, что немалая доля удачи, приведшей к открытию Американского континента, была обусловлена упрямством характера Колумба. Он был человеком, который, задумав идею, был обязан осуществить ее, чего бы это ни стоило. Это, конечно, люди, как правило, совершающие успехи и открытия и добивающиеся привилегий для нас. Их не устраивает быть такими, как другие, и мир обычно называет их чудаками. Они настаивают на том, чтобы все делать по-другому, и их видение великих достижений не меркнет даже под облаком возражений, которые мужчины склонны выдвигать против чего угодно, и, прежде всего, против любой цели, которую они сами не могут понять. Говорят, что Колумб был одним из тех смертных, которых действительно подстегивают препятствия и которых нельзя заставить отступить от своей цели ни отказами, ни даже разочарованиями после предварительного поощрения, которые переносить гораздо труднее. Стойкость характера Колумба во время путешествия, позволившая ему преодолеть ропот своих людей

и удержать корабли на прежнем курсе, несмотря на почти начавшийся мятеж, является отражением этой черты его характера, и все же не было конца упрямым людям, которые так и не преуспели в достижении чего-либо стоящего. После участия в экспедиции или во время подготовки к ней упрямство характера Колумба в лучшем смысле этого выражения было просто неопределимо, но вопрос в том, что. Как он оказался вовлеченным в экспедицию в это время?

{xxvii}

Достаточно лишь немного ознакомиться с историей времени, в которое получил образование Колумб, и с историей достижений людей, живших вокруг него в течение полувека, предшествовавшего открытию Америки, чтобы понять, почему именно в это конкретное время было сделано это открытие. Вероятно, никогда еще не было такого периода, когда было совершено так много в высшей степени великих дел или когда было живо так много людей, чьи непреходящие достижения оказали влияние на все последующие поколения, как за почти семьдесят лет жизни Колумба. Таким образом, чтобы проиллюстрировать предысторию истории открытия Америки, мне показалось целесообразным взять период, который можно назвать Веком Колумба, с 1450 по 1550 год, и показать, что было достигнуто за это время. Открытие Америки произошло примерно в середине этого периода и представляет собой одно из серии великих достижений, совершенных людьми того времени, которым суждено никогда не терять интереса для человечества. Узнать о других великих событиях и людях того периода - значит лучше понять, что означало открытие Америки и какое место работа Колумба в этом отношении должна занять в истории человеческих достижений. Настоящий том может быть в лучшем случае лишь очень кратким обзором великих достижений и историей жизни людей того времени.

Джон Рескин однажды сказал, что единственный правильный способ познать истинное значение периода истории человечества - это изучить книгу его искусств, книгу его деяний и книгу его слов, то есть взвесить значимость его художественных достижений, значение того, что его люди сделали для своих братьев, и ценность его литературы с точки зрения мировых достижений. Если судить по этому стандарту, век Колумба следует отнести к числу величайших периодов человеческих достижений в мировой истории. Это период Возрождения, и, как всем известно, это знаменитая эпоха современности. С тех пор это было любимое исследование очень многих ученых на протяжении очень многих поколений. В нем были представлены многие идеи, более того, большинство важных мыслей и изобретений, на которых основан наш современный прогресс. Это правда, что его великий импульс произошел от импульса, данного повторным внедрением греческих идей и идеалов в современный мир, но только то, что {xxviii} были люди таланта и гениальности, способные быть побужденными к достижениям греческим стимулом, ничего великого не было бы достигнуто. Кроме того, хотя она многим обязана Греции, она велика сама по себе, и ее люди многое добавили к тому, что пришло к ним из Греции, и переняли и адаптировали классические идеи и идеалы, чтобы придать им большое значение в современном мире.

Что касается Книги об искусстве века Колумба, едва ли нужно говорить в этой вводной главе больше того, что уже было высказано, а именно, что это период Возрождения. Теперь весь мир знает об искусстве Возрождения и обо всем, что было достигнуто людьми, жившими в течение столетия после падения Константинополя в 1453 году. В это время все виды искусства, живопись, скульптура, архитектура, музыка, а также декоративно-прикладное искусство достигли наивысшего выражения. Повсюду, особенно в Италии, люди начинали так, словно в мир пришла новая жизнь, и приступали к достижению

художественных результатов, которые, по-видимому, были невозможны для предыдущих поколений, и, увы, для понятия человеческого прогресса! часто были предметом отчаяния последующих поколений. Если подражание - самая искренняя лесть, то эти художники периода Возрождения действительно были польщены, поскольку в последующее время подражать им стало почти правилом, и даже величайшие из художников последующих поколений находились под глубоким влиянием работ этих людей и обычно были вполне готовы признать, сколь многим они им обязаны.

В Италии список имен художников, которые в то время выполняли работы, которым мир никогда добровольно не позволит умереть, длинный и славный. В истории расы никогда не было периода равного влияния и достижений в этом виде искусства. Почти в каждом городе Италии в течение этого столетия появилась группа художников, которые в любой другой период прославили бы целую нацию. Флорентийская школа превосходит по значимости все остальные, и в ее истории встречаются такие имена, как Фра Анджелико, Беноццо Гоццолли, фра Бартоломмео, Липпо Липпи и Филиппино Липпи, Боттичелли, Гирландайо, Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Мазаччо и Микеланджело. Венеция произвела на свет в первой половине нашего периода таких людей, как Виварини, Беллини, Тициан, Карпаччо, Пальма Веккьо, Джорджоне и Лоренцо Лотти, достойных предшественников великих имен, которые должны были прийти во второй половине - Тинторетто и Паоло Веронезе.

КАРПАЧЧО, ВСТРЕЧА СВЯТЫХ. ИОАКИМ И АННА

{xxix}

Умбрийская школа художников включает в себя группу людей, родившихся в горных городках Умбрии, которые, следовательно, принадлежат не одному городу, но их величия достаточно для славы любого количества городов, - Джентиле да Фабриано, Бонфигли, Перуджино и его учеников, Пинтуриккьо, Ло Спанья и многих других, прежде всего Рафаэля. Болонья владела тремя Караччи: Гвидо, Доменикино и Гверчино. В Парме были Корреджо, Феррара, Доссо Досси и Гарофало; в Падуе - Андреа Мантенья и его учитель Скварчионе; в Риме - ученики Рафаэля, Джулио Романо, Сассоферато и Карло Маратта, а также Да Имола. Эти школы итальянской живописи охватывают все способы самовыражения кистью в своей области применения.

Однако и другие страны Европы не остались без выдающихся представителей удивительного художественного духа того времени. В Германии жили Альбрехт Дюрер и Гольбейны, в Низинах величайшая работа Ван Эйка была написана незадолго до начала века и вдохновила Мемлинга, Ван дер Вейдена, Квентина Матсиса и других. В Испании такие люди, как Сурбаран и Рибальта, были достойными предшественниками великих гениев

Беласкеса и Мурильо, которые представляют собой плоды великолепного труда работников искусства эпохи Возрождения. Все они были готовы признать свои обязательства перед великими художниками предшествующей эпохи, и их работы действительно являются продолжением этого ренессансного духа. Достижения художников периода Колумба оказались столь же обильным стимулом для последующих художников, как открытие Америки великими мореплавателями стало стимулом для исследователей, первооткрывателей и создателей империй в последующем столетии. Сильный ветер духа дул повсюду, и люди были глубоко затронуты им, и были достигнуты результаты, о которых раньше и мечтать было нельзя, и даже когда ветер духа стих, он все еще побуждал людей к достижениям, которые были превзойдены только в течение непосредственно предшествующего периода и на которые следовало смотреть с восхищением и завистью, и которым воздавали самую искреннюю похвалу, подражая, во все последующие столетия.....{xxx}.....

Художники века Колумба, этого великого периода Возрождения, никогда не были просто художниками. Некоторые из них, такие как Микеланджело и Леонардо да Винчи, хотя и принадлежали к числу величайших художников мира, предпочитали думать о себе как о ком-то другом, а не как о художниках. Леонардо написал величайший из портретов, но при этом был великим инженером, архитектором, изобретателем, ученым и всем остальным, к чему у него касались руки. Микеланджело, несомненно, был великим художником, но это было наименьшим из его достижений, поскольку он был более великим как архитектор, скульптор и, возможно, даже как поэт, чем как живописец. Рафаэль, помимо того, что был художником, был архитектором и, прежде всего, археологом. Для классической археологии было печальной потерей, что он не дожил до осуществления своего плана создания модели старого Рима. Он был великим знатоком техники своего искусства и, если бы не умер в раннем возрасте тридцати семи лет, несомненно, добился бы многого помимо живописи. Многие художники и скульпторы того времени были ювелирами или работниками по металлу, и почти все они были ремесленниками, хорошо владеющими своими руками и способными делать разные вещи. Практически все они были архитекторами, и многие из них доказали свои способности в этом отношении. Человек эпохи Возрождения всегда думал, что он может сделать все хорошо, и специализация была последней вещью в мире, о которой думали. Их уверенность в собственных силах придавала им поразительную широту возможностей для достижения целей.

В скульптуре список великих имен едва ли менее замечателен, чем список великих художников. В нее входят такие люди, как Верроккьо и Леонардо, Донателло, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Делла Роббиа, Бенвенуто Челлини и многие другие, менее известные в этот великий период, но на которых в любое другое время смотрели бы как на чудотворцев искусства. Скульптурная работа, например, выполненная в связи с Чертозой в Павии, хотя и не соответствует некоторым истинным целям скульптуры, показывает, как прекрасно люди эпохи Возрождения воплощали художественные идеи любого рода. Каким бы славным ни был список скульпторов Италии, другие страны ни в коем случае не затмеваются итальянским превосходством. Работы {xxx} великих скульпторов Нюрнберга Адама Крафта и Питера Вишера, а также кружка скульпторов, создавших замечательную группу героев в Инсбруке, показывают, как ветер духа гениальности в искусстве дул повсюду. В Нидерландах, хотя мы не всегда знаем имена скульпторов, их прекрасные памятники всегда с нами. Такая прекрасная работа, как Гробница Марии Бургундской, выполненная Питером Беккером из Брюсселя, является непреходящим памятником художественного совершенства. В Нидерландах повсюду есть резьба по дереву, демонстрирующая художественный гений того времени, во Франции Колумб, получивший

образование во Фландрии, проделал прекрасную работу, а Жан Жюст и его сын оставили памятник своему скульптурному гению в кафедральном соборе Тура. Жан Фуше создал прекрасную гробницу Агнес Сорель в Лоше, а после того, как дух Возрождения пришел во Францию, Жан Гужон и Жермен Пилон создали свои шедевры. Рельефы Жана Гужона для "Фонтана невинных" очень хорошо известны, и их часто можно увидеть в копиях. "Три грации" Жермена Пилона, хотя, возможно, в них уже есть некоторые признаки декаданса, представляют собой очаровательное произведение искусства, которое никогда не было превзойдено в более современное время.

В архитектуре век Колумба, пожалуй, более знаменит, чем своими достижениями в других видах искусства. Почти в каждом городе Италии есть выдающийся архитектор, оставивший после себя гениальный памятник. Брунеллески умер незадолго до начала столетия; Браманте, Альберти, Леонардо да Винчи и, прежде всего, Микеланджело - великие имена того времени. За ними следуют такие другие имена, как Палладио, Сангалло, делла Порта, Сансовино и Сан-Микеле, и работа этой группы людей оказала большее влияние на последующие поколения, чем любая другая. Памятники того времени включают собор Санта-Кроче во Флоренции, собор Святого Петра в Риме и многие из великолепных дворцов и больниц, которые сейчас являются предметом такого большого восхищения и внимания со стороны ученых, приезжающих в Италию. В наше время воспроизведение архитектурных типов эпохи Возрождения и тщательное изучение того, что сделало итальянское Возрождение в модификации классических типов архитектуры для современного использования, дали нам больше красивых монументальных зданий, чем любое другое вдохновение, которое когда-либо было у людей. {xxxii} К сожалению, эпоха Возрождения в своем преклонении перед классическими типами и идеалами развила презрение к старой готической архитектуре, что имело много печальных последствий для художественного вкуса, но людям того периода удалось воздвигнуть себе великолепный памятник на все времена.

В том же столетии произошел расцвет и удивительное развитие музыки почти во всех областях этого искусства, и это поразительно иллюстрирует, как гений того времени дал людям силу возвышенного выражения во всех эстетических формах. В этом виде искусства Италия не была лидером, как в других областях эстетики, хотя она оказалась способной ученицей, превзойдя к концу периода даже своих мастеров. Именно фламандцам мы обязаны великим зарождением музыки в это время, как мы также многим обязаны им и их братьям из Голландии во всех видах искусства. Окенгейм из Эно и его ученики, прежде всего Жоскен, разработали технику полифонической музыки, а Фландрия поставляла музыкальных мастеров во все крупные столицы Европы. Клод Гудимель, родившийся в Авиньоне, но получивший образование во Фландрии, открыл свою знаменитую музыкальную школу в Риме в первой половине шестнадцатого века, и хотя, возможно, он не был, как часто говорили, учителем Палестрины, он помог создать римскую школу, в которой развивались братья Анимучча и братья Нанини. В это время Орlando де Лассо занимался своей работой, а Стефано Ваннео из Реканати опубликовал свой трактат о контрапункте в 1531 году. Было изобретено использование аккорда доминантной седьмой ноты, и святой Филипп Нери поощрял те религиозные музыкальные упражнения, кульминацией которых стала сначала оратория, а затем то, что мы знаем как оперу.

Как всегда бывает в действительно великий художественный период, произошло великолепное развитие как ремесел, так и искусства. Когда на таких людей, как Верроккьо, возможно, даже на самого Леонардо да Винчи, Поллайоло и Бенвенуто Челлини смотрели не только как на скульпторов, но и как на ювелиров, легко понять, насколько художественным было ювелирное дело того времени. На самом деле, большинство художников эпохи

Возрождения обучались в мастерских. Это были не только технические училища, но и художественные школы самого высокого качества. Как следствие, не только в работе с золотом и металлом, но и в каждом {xxxiii} другом ремесле отмечаются художественные импульсы высоких достижений. Витражи того времени являются одними из самых красивых, когда-либо созданных. Все производство стекла и фарфора достигло высокого уровня совершенства. Интересно отметить упадок производства тонкого стекла, который начинается ближе к концу нашего периода. В то время огранка драгоценных камней достигла апогея совершенства, что сделало драгоценные камни эпохи Возрождения одними из самых драгоценных в мире. Искусство изготовления медалей было еще одной художественной специальностью того времени, в которой оно, вероятно, никогда не было непревзойденным и очень редко имело себе равных. В книжном деле художественное мастерство превзошло само себя. До развития книгопечатания как эксклюзивного способа изготовления книг произошла удивительная эволюция иллюстрированных книг ручной работы. Многие сохранившиеся до наших дней образцы являются одними из самых красивых в мире. С их помощью печатные книги стали такими же замечательными художественными произведениями, и поэтому во времена Колумба мы имеем самое прекрасное книгоиздательство, которое когда-либо знал мир. Каждая часть книги, шрифт, интервалы, бумага, переплет были выполнены художественно. То, что казалось простым рукоделием, было возведено в ранг искусства, и всякий раз, когда впоследствии - и никогда в большей степени, чем в наше время, - людям требовались образцы для создания прекрасных книг, они возвращались к тем, которые были созданы в этот период.

КНИГА ДЕЯНИЙ века лучше всего будет оценена по именам деятелей того замечательного времени. История действительно творилась. То, что пришло с расцветом португальской империи, главным образом благодаря влиянию принца Генриха, и Испанской империи в Америке при Фердинанде и Изабелле, было лишь великим началом богатства и власти, которые Европа должна была черпать из заморских колоний. К сожалению, столетие было периодом политических волнений. Бурлящий дух, который привел к большим достижениям в каждом отделе, породил множество войн и беспорядков. Война Алой и белой розы в Англии и многочисленные войны в Италии, политическое недовольство в Германии и беспокойное состояние Франции сделали человеческую жизнь очень дешевой как раз тогда, когда она была способна на самые длительные достижения. Великие монархи, такие как император Карл V, Франциск I, король Франции, и Генрих VIII Английский, творили добро и вред {xxxiv} в пропорциях, которые очень трудно правильно оценить. Никогда не было более деспотичного короля, чем Генрих VIII, и, вероятно, никогда не было менее справедливого, чем Франциск I. Епископ Стаббс, английский историк конституции, присвоил Карлу V право на титул великого, однако в его карьере правителя так много, по крайней мере сомнительного, что история, вероятно, никогда добровольно не согласится с этим. Военные подвиги, придворные интриги, продажная дипломатия, демонстрация самых уродливых черт человечества - все это подчеркивалось в этот период, потому что великие люди велики и в том зле, которое они совершают, но, к счастью, в книге о деяниях века есть и другая сторона, которую стоит прочитать.

Среди событий века - великая битва при Павии, в которой Франциск I Французский потерпел столь сокрушительное поражение, что впоследствии, находясь в заключении в Чертозе, отправил своей матери знаменитое послание: "Все потеряно, кроме чести". В этом столетии также состоялось знаменитое собрание "Поле золотой скатерти", на которое английская и французская знать явилась в таких ярких нарядах, что буквально многие из них "несли свои замки на спине". Их последующее банкротство укрепило позиции короны в обеих странах. К сожалению, это больше, чем что-либо другое, заложило основы того

абсолютизма, для разрушения которого потребовалась Французская революция и ее преемники в других странах прошлого столетия. Это было время знаменитой Вормсской диеты и всех политических и религиозных потрясений, которые получили название Реформации, хотя в последние годы историки стали признавать это движение не как великую эпохальную реформу в религии, распад которой она вызвала своей доктриной индивидуального суждения, а как религиозный бунт, затронувший северные народы Европы, нарушивший преемственность традиций культуры, образования и искусства, которые были полностью под влиянием старой Церкви и которые у этих северных народов не повторялись в течение нескольких столетий после этого прискорбного разделения в христианстве.

ТИЦИАН, ИМПЕРАТОР КАРЛ V.

Однако величайшим достижением этого периода была его ученость. В каждой стране Европы мужчины посвящали {xxxv} себя изучению латинских и греческих классиков, и повсюду предоставлялись возможности для получения образования высочайшей важности. Они не были простыми учеными, и имена таких людей, как Эней Сильвий Пикколомини, впоследствии ставший папой Пием II; Альд Мануций, великий венецианский печатник; Леон Баттиста Альберти, известный не только как ученый, но и как архитектор и художник всех мастей, и сам Лоренцо Медичи, являются лишь блестящими примерами в отдельно взятой стране науки, которая была чрезвычайно продуктивной и влиятельной. В каждой стране Европы история одна и та же. В начале этой книги казалось, что науку века можно подытожить в одной главе. Я обнаружил, что даже одной главы, посвященной Италии, совершенно недостаточно и что тевтонским странам самим по себе требовалась еще одна

глава даже для довольно неполного описания своих научных достижений. Рудольф Агрикола; Рейхлин, который был известен как "трехязычное чудо" Германии; Дезидериус Эразмус, самый влиятельный ученый Европы того интеллектуального периода; Якоб Вимпфелинг, школьный учитель Германии; Меланхтон, благородный **прецептор Германии**, и все продукты школ Братьев общей жизни служат демонстрацией величия немецкой науки того периода. В Англии есть такие люди, как епископ Селлинг, кардинал Мортон, архиепископ Уорхэм, декан Колет, Томас Линакр, доктор Джон Кайус, Роджер Эшам, Томас Мор и многие другие, которые в любой другой период были бы причислены к выдающимся ученым.

И все же другие латинские страны не сильно отставали от Италии и в то время были честными соперниками тевтонских стран в области науки. Королева Изабелла сама выучила латынь, когда уже была королевой на троне. Придворная мода, несомненно, распространялась, и это произошло. Кроме того, королева поддержала кардинала Хименеса в создании этого великолепного памятника науки - комплутенсийской полиглотской Библии. Развитие университетов в Испании лишь идет параллельно соответствующему движению в остальной Европе, но, вероятно, в это время было основано больше высших учебных заведений и, прежде всего, более переосмыслено и воссоздано на более широкой {xxxvi} основе, чем в любой другой соответствующий период истории. Во Франции индекс научных достижений является основой Коллеж де Франс, который должен был так много значить для интеллектуальной жизни Франции. Это дало возможность ученым беспрепятственно продолжать свою работу в окаменевшем Парижском университете, который стал стеснен старомодными методами и в настоящее время был неспособен сам выполнять большую интеллектуальную работу, и все же, благодаря уставам и привилегиям, предоставленным ему в период его расцвета, все еще был способен подавлять истинный дух знаний и препятствовать реальному развитию.

Никогда в мировой истории не было такого времени, когда ученость, в той мере, в какой этот термин означает знание великих книг прошлого, занимала бы столь видное место в умах людей или имела такое большое влияние. Никогда еще не было такого времени, когда так много власть имущих чувствовали, что самое лучшее, что они могли бы сделать для своего народа, а также для своей собственной славы, - это поощрять обучение. Ученые пользовались более высокими почестями, чем когда-либо в мировой истории. Даже правящие князья и высшая знать чувствовали, что они обязаны ради самих себя ознакомиться с великими произведениями литературы или, по крайней мере, притворяться, что знакомы с ними, и что частью их политики должно быть покровительство преподавателям и исследователям Нового Знания. Быть покровителем ученых считалось столь же важным, как выступать в аналогичном качестве для художников, скульпторов и архитекторов, хотя, возможно, с сохранением работ великих мастеров искусства связано больше личной славы. К счастью, эти ученые были поощрены в своих трудах, и у нас есть целая серия замечательных изданий старой классики, выполненных ценой времени, труда и терпения, которые лишь немногие из тех, кто трудился над такой работой при гораздо более благоприятных обстоятельствах, могут должным образом оценить. Их издания были выпущены как прекрасные книги в это замечательное время, и поэтому они остались для нас драгоценными сокровищами вплоть до наших дней.

Достижения в искусстве и науке этого столетия хорошо известны и общепризнаны. Однако редко осознают, что нынешнее столетие почти столь же велико в своем {xxxvii} замечательном прогрессе в науке, как и в любой другой интеллектуальной области. В это время были заложены широкие и глубокие основы наших современных наук, и были достигнуты достижения научного обобщения, а также точных и детальных наблюдений,

которые можно с уверенностью сравнить с достижениями любого другого периода мировой истории, даже нашего собственного. Теория Коперника, вероятно, произвела большую революцию в мышлении людей относительно земли и вселенной, частью которой она является, чем мысль любого человека за всю историю человечества. Великие ученые-медики того периода почти так же эффективно произвели революцию в человеческом мышлении относительно строения людей и животных, как Коперник совершил революцию в отношении вселенной. Везалий, которого называют отцом современной анатомии, оставил нам гениальный памятник в своей работе о строении человеческого тела, а его знаменитые современники Евстахий, еще один анатом Колумб, и Цезальпин, а также Сервет дополнили знания в области анатомии и физиологии, которые Везалий так хорошо начал. Сервет и Колумб описали циркуляцию крови в легких примерно в одно и то же время; а вскоре после окончания нашего периода Цезальпин, обучавшийся в школах того времени, описал циркуляцию крови в организме.

Во всех областях биологических наук, в анатомии и физиологии, в патологии, в ботанике, в зоологии, в палеонтологии, в этнологии и лингвистике, в антропологии были достигнуты заметные успехи. Полученные знания были великолепно применены на благо человека и животных, в отдаленных странах были найдены новые растения для медицины, и произошло новое великое развитие медицины. Ни один из анатомов и физиологов того времени не упустил возможности использовать свои знания для увеличения объема информации о болезнях и их лечении. Везалий был не только великим анатомом, но и почти таким же великим патологом и одним из эпохальных диагностов в истории медицины. Он был первым со времен греков, кто описал аневризму, то есть патологическое расширение артерии в результате болезни или несчастного случая, и первым в истории медицины, кто продемонстрировал наличие такого состояния у живого человека. Парацельс, {xxxviii} Амбруаз Паре, Линакр, Иоанн Кай и целый ряд великих учителей Италии - имена, которые вызывают в памяти историю медицины и хирургии. Вероятно, нет ни одного периода в мировой истории, в котором было бы так много известных в медицине имен, которым мир никогда добровольно не позволил бы умереть.

Однако в высшей степени великие свершения этого времени, истинные, добрые и великое дело века - это то, что оно сделало для людей. Это период, когда было больше организаций для социальной помощи и возвышения, чем в любой другой известный нам период. Гильдии реагировали на каждую социальную потребность. Существовали пенсии по старости, заработная плата по инвалидности, страхование от пожара, несчастного случая на море, кражи со взломом, разбоя на дорогах, уничтожения урожая, гибели животных и все другие способы взаимной защиты от неожиданностей, которые мы были склонны считать достижениями нашего времени. Говорят, что в Англии насчитывалось 30 000 гильдий, когда они были подавлены Генрихом VIII, и деньги в казначействах, многие миллионы фунтов стерлингов, были конфискованы под предлогом того, что они были религиозными организациями. Они содержали гимназии, имели стипендии в университетах, организовывали техническую подготовку и ученичество, заботились о сиротах, устраивали развлечения для жителей города, несколько раз в год собирали членов клуба на дружеские встречи и банкеты, проводили спортивные соревнования, всячески поощряли общественную жизнь и невинные развлечения и представляли собой жизненно важное ядро братских интересов среди мужчин. Наша глава, посвященная этому, также показывает, насколько серьезно богатые люди того времени относились к своему долгу филантропической заботы о своих горожанах со стороны различных учреждений.

Вряд ли можно было ожидать, что в период, когда так много делалось для социальных нужд, пренебрегали своими больницами, и на самом деле в этот период были построены

некоторые из самых красивых больниц в мире, и везде, где строились больницы, они соответствовали своему назначению. Больницы более позднего времени, особенно восемнадцатого и девятнадцатого веков, были немногим лучше тюрем и в высшей степени непригодны. В то время горожане, вместо того чтобы думать, что для больных бедняков достаточно чего угодно, чувствовали, что затронута честь города, и больница, будучи муниципальным зданием, была {xxxix} построена с такой же заботой о внешней красоте и внутренней полезности, как и знаменитые ратуши или церкви того времени. Мы знаем, насколько хорошо заботились о пациентах, поскольку у нас есть множество свидетельств клинического преподавания медицины у постели больного. Всякий раз, когда больницы хорошо построены и дежурный врач берет студентов с собой на обходы, обеспечивается наилучшее лечение пациентов. Они прекрасно заботились и о душевнобольных, и о слабоумных. Ужасные злоупотребления в этом отношении, имевшие место в восемнадцатом веке и реакцией на которые являются наши собственные более счастливые, хотя и далеко не удовлетворительные условия, были прискорбным, почти непостижимым вырождением великолепной работы прежних времен.

Женщины века Колумба во всех отношениях достойны места рядом с мужчинами своего времени. Те, кто в последние годы говорил о девятнадцатом веке как о первом периоде в мировой истории, когда женщины получили возможность получить высшее образование, забывают удивительно много этапов женского образования тех давних времен. В двенадцатом веке в Университете Салерно была кафедра женских болезней, которой руководили женщины-профессора. В тринадцатом веке в Болонском университете были женщины-профессора, и фактически ни одно столетие, начиная с двенадцатого, не обходилось в Италии без выдающихся женщин-профессоров в одном или нескольких итальянских университетах.

Прежде всего, те, кто говорит о женском образовании как о недавней эволюции, должно быть, странным образом забывают о женщинах эпохи Возрождения. В Италии, Франции, Испании, Германии, Англии был длинный ряд выдающихся женщин, некоторые из которых были известны своей ученостью, некоторые - своим художественным вкусом, некоторые - своими литературными способностями, все они оказывали прекрасное влияние на мужчин того времени и вдохновляли на то, что было лучшим. Большая часть замечательной социальной истории того времени связана с ними, но нет такой сферы интеллектуального или морального развития, в которой их имена не были бы заметны. Виттория Колонна, Д'Эсте, женщины из Дома Медичи, Гонзаги в Италии, королева Анна Бретонская и Маргарита Наваррская во Франции, королева Изабелла Кастильская, королева Екатерина Английская, Маргарет Мор, Мария Шотландская, Маргарита Бургундская, {xl} Леди Джейн Грей, королева Елизавета - когда еще за те же сто лет жила такая плеяда ученых женщин? Помимо них, известных в светской литературе, здесь были святая Андже́ла Меричи, великая основательница ордена урсулинок; святая Екатерина Генуэзская, замечательный организатор благотворительности; святая Тереза, вероятно, величайшая интеллектуальная женщина, когда-либо жившая, и другие женщины, отличавшиеся высочайшими качествами ума и сердца, которых слишком много, чтобы их упоминать.

Труднее всего сжать главы книги, посвященные женскому образованию и женщинам века. То, что они сделали, чтобы сделать свои дома красивыми, а домашнюю обстановку очаровательной, как они вдохновляли художников того времени, что они сделали, чтобы выявить лучшее, что было в них самих, - об этом действительно трудно рассказать на нескольких страницах. Их вклад в интеллектуальное достояние человечества был не очень велик, и только двое или трое из них имеют имя, которое сохранится в литературе, и ни один из них - в искусстве, но то, что они сделали для этического прогресса человечества в

особенно опасное время, когда изучение языческих авторов и греческого искусства ослабило основы христианской морали, представляет собой триумф женских достижений, о котором нельзя сказать слишком много похвал.

"КНИГА СЛОВ века" составляет наименее важную главу в достижениях того времени, и по сравнению с искусствами и деяниями ее литература кажется почти разочаровывающей, однако не следует забывать, что это была эпоха Льва X, о которой Сентсбери в "Раннем возрождении", в своей серии периодов европейской литературы, говорит: "О немногих эпохах труднее говорить в кратком изложении, чем об этом столетии". Он добавляет, что "эпоха Льва X на протяжении немалого периода времени и при многих изменениях преобладающих литературных вкусов превозносилась как одна из величайших эпох литературы, возможно, как величайшая эпоха современной литературы". Она упала с этого высокого положения около столетия назад, но реакция на нее была, как это всегда бывает с реакциями, преувеличенной, и мы постепенно снова начинаем ценить величие литературы того времени. Теперь мы знаем, что существует очень мало периодов, внесших столь значительный вклад, который действительно имеет непреходящую ценность для мировой литературы, как эпоха Льва X.

{xli}

Одной латинской литературы этого столетия было бы достаточно, чтобы обеспечить ей место в качестве одного из замечательных продуктивных периодов в мировой литературе. "Подражание Христу" не было написано в течение столетия, хотя его автор, по-видимому, облек его в ту окончательную форму, в которой мы сейчас знаем его о начале нашего периода. Именно в это время она получила признание как великий источник утешения, чудесное исследование человеческого сердца во время испытаний и триумфа и самая влиятельная книга, когда-либо выходившая из рук человека. Мы собрали небольшую подборку почестей, которые воздавали ей некоторые серьезные мыслители всех последующих поколений, но было бы легко заполнить целый том словами высочайшей похвалы. В латинской литературе этого периода также следует отметить "Утопию" сэра Томаса Мора, которую с тех пор читали все поколения, серьезно относившиеся к своим социальным проблемам, и никогда особенно в наше время. Она заслуживает места в мировой литературе рядом с "Республикой" Платона и намного опережает любые попытки описания социалистического государства, предпринятые в наше время. По крайней мере, для ученых труды Эразма представляют собой непреходящий вклад в латинскую литературу классического типа, кладезь информации, касающейся учености, а также отсутствия учености того времени. Для тех, кто интересуется мистическими сюжетами, "Духовные упражнения" святого Игнатия - еще одно латинское произведение того периода, которое, хотя его вряд ли можно отнести к литературе, поскольку, как мы уже говорили, Игнатий, подобно Микеланджело, писал вещи, а не слова, должно занять свое место среди колумбийских писем непреходящей ценности, поскольку сейчас им пользуются чаще, чем когда-либо прежде.

Существует не так много превосходящих произведений народной литературы того времени, и все же "История Макиавелли" представляет собой единственный вклад в историческую литературу, который занимает место в интересах человечества рядом с бессмертным трио классических историков - Геродотом, Фукидидом и Тацитом. "Ариосто" представляет собой одну из любимых работ итальянских ученых, и поскольку с тех пор итальянцы были самым культурным народом в мире, их критические суждения должны быть признаны очень ценными. В популярной литературе рыцарские рассказы, плутовские романы или истории о мошенничестве и почти бесконечное {xlii} количество итальянских романов показывают, насколько широким, должно быть, было популярное чтение того времени. Во Франции Вийон всегда был любимцем всех сословий, а вместе с Карлом Орлеанским он был известен ученым по крайней мере за пределами Франции и по достоинству оценен. Французский стиль стиха, последовавший за итальянским, в это время оказал влияние на другие страны Европы и никогда не переставал предлагать идеи для формы менее серьезных видов поэзии, по крайней мере, для всех поколений, вплоть до нашего собственного. Влияние Клемана Маро, Брантома и "Плеяд" ощущалось во всех литературных произведениях Европы и не исчезло полностью даже по прошествии почти четырех столетий, прошедших с их времен.

Литература века содержит, помимо имен Рабле, а также Кальвина во Франции, Бальдассаре Кастильоне, Микеланджело, Вазари, Политиана, Бембо, Лоренцо де Медичи, Пико делла Мирандола и ученых дам Виттории Колонна, Маргариты Наваррской, Лукреции Торнабуони, матери Лоренцо де Медичи, а также великих ученых того периода в Италии. В Испании Святая Тереза и великие писатели-мистики компенсировали тривиальность и худшее в плутовских романах и рыцарских историях. В Португалии воспитывался молодой гений Камеэнса, в то время как в Англии сэр Томас Мор закладывал основы современной английской прозы, были написаны великие пьесы-морали "Обыватель" и "Замок

настойчивости", а первые плоды английской драматической литературы в ее более современной форме появились в "Ральфе Ройстере Дойстере" и "Игле Бабушки Гуртон". В Германии литературный продукт на народном языке был менее значительным, но великие популярные гимны Лютера и его перевод Священных Писаний на народный язык дали мощное рождение современным немецким стихам и прозе, в то время как Ганс Сакс и миннезингеры сделали не меньше для популярной поэзии. Немногие периоды могут представить литературу, столь богатую в каждой стране, такую разнообразную, с таким количеством устойчивых элементов и с таким большим количеством того, что с тех пор остается постоянным достоянием ученых. Литература того времени, возможно, и не равнялась своему искусству или даже своей науке, но за это не нужно извинений.

Таким образом, одним словом, книги об искусстве, деяниях и словах века Колумба, если читать их хотя бы немного внимательно {xliv}, показывают нам удивительный период, в который сила человеческих достижений была на самом высоком уровне. Его искусство во всех областях никогда не было непревзойденным и сравнивалось только с искусством греков, от которых, однако, у нас нет ни одной картины, достойной этого названия. Его интеллектуальные достижения в науке обеспечивают ему лидерство в сфере образования, по крайней мере, в современном мире. То, чего она достигла для людей в великих делах человечества, представляет собой триумф гуманизма в лучшем смысле этого слова и представляет собой достижения, достойные подражания современности. Книга его слов имеет меньшее значение, и все же в мировой истории есть не более двух или трех периодов, которые превосходили его, и есть некоторые направления литературы, в которых ему нет равных. В разгар нынешнего столетия открытие Америки вместо того, чтобы быть неожиданностью, не может не казаться самой естественной вещью в мире. Повсюду люди делали то, что на протяжении многих веков было им не под силу, и они добивались триумфа во всех формах человеческих усилий. Учитывая тот факт, что существовала большая неоткрытая часть мира, было больше шансов, что она будет обнаружена в это время, чем в любое другое время в мировой истории. Такова предыстория открытия Америки Колумбом, которую должен знать каждый, кто хочет понять ее место.

КНИГА I

КНИГА ИСКУССТВ

ГЛАВА I

ВЕЛИКИЕ ХУДОЖНИКИ: РАФАЭЛЬ

Любая попытка надлежащего рассмотрения книги об искусстве века Колумба должна начинаться с трех великих имен - Рафаэля, Леонардо да Винчи и Микеланджело. Это величайшее трио в истории искусства - все их имена в начале их жизни были связаны с одним городом, но к концу их жизни оказали глубокое влияние на мир искусства. Из этих троих как художник Рафаэль, несомненно, величайший, хотя, несомненно, здесь, если вообще где-либо в истории искусства, сравнения одиозны. Каждый из этих гениев в своей области живописи был непревзойденным - как религиозный живописец Рафаэль, как портретист Леонардо, как великий художник-декоратор Микеланджело. Однако Рафаэль соперничает с Леонардо в написании портретов, и некоторые религиозные картины Леонардо - почти единственные, достойные быть помещенными помимо великих религиозных видений Рафаэля. Микеланджело, однако, мог при случае, как он показал в "Сикстинской капелле", оказаться соперником любого из них в этом отношении.

Как это, как правило, свойственно мужчинам того времени, все трое были гораздо большим, чем просто художники. Рафаэль умер в раннем возрасте тридцати семи лет, но, помимо создания своей великой картины, он прославился как архитектор и археолог. Леонардо настаивал на том, чтобы о нем думали не как о художнике, а как об инженере и архитекторе, хотя он написал величайший из когда-либо созданных портретов и однажды победил Микеланджело в конкурсе скульптуры. Микеланджело достиг превосходства во всех четырех величайших видах искусства. Он непревзойденный художник во всем, за что брался, он величайший скульптор со времен греков, он один из величайших архитекторов всех времен, но при всем этом, благодаря тому, что может показаться почти невозможным достижением, он был одним из величайших поэтов и написал сонеты, равные только Данте и Шекспиру. Эти люди века Колумба не только никогда не были узкими специалистами, но совсем наоборот; они были чрезвычайно разнообразны в своих интересах и чувствовали себя в противоречии с распространенным в наше время мнением, что такая широта интересов только увеличивала их способность к самовыражению во всем, за что они брались.

Из троих, вероятно, Рафаэль оказал самое широкое влияние на публику. Все его картины бессознательно для большинства людей раскрашивали и визуализировали для них библейские сцены, особенно из Нового Завета, и с тех пор его композиции оказали большое влияние на художников. Он глубоко повлиял на весь мир искусства, и поскольку вот уже несколько столетий некоторые из его величайших работ выставляются за пределами Италии, они производят свой эффект и наводят художников на мысль о том, насколько хорошо можно выразить глубочайшее видение.

Этому человеку, который по всеобщему согласию был величайшим художником из когда-либо живших, было около девяти лет, когда Колумб открыл Америку. Согласно традиции, он умер в свой день рождения в возрасте тридцати семи лет в 1520 году. Менее чем за два десятилетия активной творческой жизни он написал серию картин, которые были триумфом даже в тот славный период удивительных художественных достижений. С тех пор они были предметом любовного изучения и нежного восхищения. Многие из них приводили в отчаяние художников, пришедших после него. Но Рафаэль не является художником для художников в каком-либо исключительном смысле этого слова. Он такой же популярный

кумир среди тех, кто признается в отсутствии критических знаний об искусстве, как и безнадежный образец для тех, чья жизнь посвящена искусству.

РАФАЭЛЬ, КАРТИНА "ИЗБИЕНИЕ НЕВИННЫХ" (гобелен, ВАТИКАН)

В отличие от многих гениев, хотя его семья была бедной, его ранние годы были окружены всеми благоприятными условиями для развития его талантов. Рафаэль - это его имя при крещении, а его фамилия была Санти. (Имя Санцио, которое ему часто приписывают, не имеет подтверждения в истории.) Его отец Джованни Санти занимал должность эксперта по искусству, поскольку в то время эта должность была официально учреждена, при герцоге Фредерике, правящем принце Урбино, и именно здесь родился Рафаэль. Герцог был одним из самых выдающихся и, возможно, наиболее разборчивых из великих покровителей искусства и литературы эпохи Возрождения, и в то время у него на службе состоял ряд известных художников, среди которых Пьеро делла Франческа, Мелоццо да Форли и Юстус Гентский. Интерес герцога Фредерика ко всему художественному сделал столицу его маленького княжества одним из важнейших художественных центров того времени, а его дворец до сих пор остается Меккой для гостей Италии, интересующихся развитием

искусства, поскольку в нем хранятся некоторые из величайших шедевров художников эпохи Возрождения. Рафаэль в детстве имел, в более ограниченном смысле, почти такое же благоприятное окружение, как Микеланджело во Флоренции, но с благосклонностью отца к его занятиям, а не с противодействием, с которым столкнулся этот флорентийский современник. Урбино действительно был почти таким же центром интеллектуального влияния и прогресса в то время, как двор Лоренцо Великолепного, при котором воспитывался Микеланджело. Именно в Урбино Бальдассаре Кастильоне написал "*Cortigiano*", книгу джентльмена, элегантно изложенное того, что обозначалось этим термином в эпоху Возрождения.

Когда Рафаэлю было около одиннадцати лет, умер его отец, но, к счастью, дядя по материнской линии, под опеку которого он перешел, был так же благосклонен к искусству, как и его отец. Уступая желанию мальчика, он разрешил ему поступить в мастерскую Тимотео Вити, ученика художника Франчи, который недавно вернулся после учебы в других частях Италии, чтобы поселиться на родине. В течение следующих нескольких лет Рафаэль посвятил себя обучению рисованию, которое должно было так много значить для него. Всего около века назад был найден альбом для зарисовок, который сейчас находится в Венецианской академии и был приобретен для города, в котором хранится более сотни рисунков пером и тушью различных картин, скопированных Рафаэлем, и компетентные критики заявляют, что в них уже можно распознать виртуозный гений художника.

Помимо этого, он написал серию картин в мастерской Тимотео. Некоторые из них сохранились. Вероятно, наиболее известными являются "Святые Георгий и Святой Михаил", которые сейчас находятся в Лувре, хотя "Сон рыцаря" в Национальной галерее в Лондоне вызывал восхищение особенно молодежи на протяжении многих поколений. Некоторые утверждают, что самая очаровательная из этих ранних картин, написанных в Урбино, - "Три грации трибуна Шантийи".

РАФАЭЛЬ, МЕЧТА РЫЦАРЯ

После этого Рафаэль некоторое время, вероятно, около четырех лет, учился у Перуджино в Перудже. Этот период его жизни интересен главным образом тем фактом, что, овладев

техникой Перуджино, Рафаэль пошел далеко за пределы своего мастера, хотя какое-то время влияние этого мастера, вероятно, скорее препятствовало, чем помогало его развитию. Только одна из картин, созданных в Перудже, "Коронация Богородицы", написанная для францисканцев этого города и теперь выставленная в Ватикане, раскрывает, как заявляют искусствоведы, истинный гений Рафаэля, сияющий сквозь качества, которые он позаимствовал у своего перуджийского мастера.

После нескольких лет плодотворной студенческой работы Рафаэля в Горной местности, столь дорогой изучающим итальянскую культуру за ее четыре периода великого искусства, наступил его флорентийский период, который представляет собой новую и удивительную эволюцию его художественного гения. Когда он прибыл сюда в 1504 году, Леонардо да Винчи в свои продуктивные сорок и молодой Микеланджело в свои показательные двадцать с небольшим работали над своими знаменитыми историческими карикатурами, и атмосфера города была глубоко пропитана духом Возрождения. Сейчас немного трудно думать о Рафаэле просто как о молодом начинающем художнике, зарабатывающем на жизнь написанием портретов для довольно заурядных людей и исполнением своих ранних мадонн для частных ораторий, отчасти из любви к своей работе, но главным образом потому, что он нуждался в деньгах, и все же это составляло его занятие. [Сноска 1]

[Сноска 1: Как указывал Гримм в своей "Жизни Микеланджело", покровители художников эпохи Возрождения в начале этого периода и даже до достижения кульминации его развития были либо представителями среднего класса, либо состояли из религиозных орденов и церковных властей, занимавшихся украшением церквей. Горожане заказывали картины для своих домов или для украшения церквей. Художник был таким же ремесленником, как ювелир или любой другой. Когда художники стали фаворитами принцев, королей и правителей, когда они стали занимать должности при дворах, вскоре начался упадок. Жизнь при дворе не была рассчитана ни на то, чтобы выявлять лучшее, ни на то, чтобы поощрять глубокие размышления, ни на то, чтобы предоставлять досуг, необходимый для великого искусства, и истина утратила свою привлекательность в ревнивом соперничестве и желании угодить покровителю.]

Его Мадонны вскоре сделали его знаменитым. В конце первого года его пребывания во Флоренции появился один из его шедевров - "Мадонна великого герцога", которую до сих пор можно увидеть в музее Питти. В то время Рафаэль находился под влиянием великого доминиканского художника фра Бартоломмео, хотя, несомненно, образцы работ фра Анджелико, столь часто встречающиеся во Флоренции, имели над ним свою власть. Нежность и мистическая красота, которые в сочетании с человеческой нежностью его прекрасных матерей делают его мадонн такими очаровательными, являются плодом исследований Рафаэля во Флоренции. Под влиянием двух доминиканских художников были созданы такие великие картины, как "Прекрасная жардиньерка" из Лувра, "Мадонна со щеглом", ныне находящаяся в Уффици, Флоренция, и "Мадонна на лугу", одно из сокровищ венской коллекции.

Незадолго до отъезда из Флоренции он написал для Атланты Бальони картину "Погребение", которая является его первой попыткой создать историческую картину. Критики заявляют, что картина была несколько испорчена переутомлением и чрезмерным беспокойством, чтобы соперничать с некоторыми великими картинами такого рода Леонардо и Микеланджело, которыми так восхищался Рафаэль. Как бы то ни было, это, несомненно, одна из величайших картин в мире, особенно если принять во внимание возраст художника - двадцать пять лет. Сразу после того, как он закончил ее, он был вызван

в Рим проницательным покровителем гениев папой Юлием II. Ему представилась прекрасная возможность. Впереди у него было немногим более десяти лет жизни, но за эти десять лет мировому искусству предстояло получить едва ли не величайшие сокровища. В своих "Итальянских городах" Блашфилды рассказали историю его римской карьеры:

"Покорение Рафаэлем своего окружения было почти волшебным: он появился молодым, о нем хорошо отзывались как о мастере, но репутация у него была едва ли **равная между другими**; за десять коротких лет - сколько, если считать их по истории искусства - он умер, написав Ватикан, Фарнезину, всемирно известные алтарные произведения, спланировав реставрацию всего **города**, примирив врагов и вдохновив друзей, и добившись успеха, не вызвав ненависти.

"Он добился этого успеха благодаря своим огромным и разносторонним способностям, но, прежде всего, потому, что в искусстве он был величайшим ассимилятором и композитором, которые когда-либо жили. Эти два слова дополняют друг друга; он получил впечатления и соединил их; его темперамент в точности соответствовал этому чудесному римскому дому, ибо римской школы на самом деле никогда не существовало, это была просто тускло-умбрийская школа, возвышающаяся на семи холмах и становящаяся все величественнее и свободнее в созерцании Древности.

"К этому созерцанию Рафаэль привнес не только блестящий дар, но и удивительное накопление ума; кроткие глаза на портрете Уффици были пронзительными, когда смотрели на природу или искусство, а за ними находился перегонный куб, в котором то, что попадало через эти глаза, плавилось, осаждалось или кристаллизовалось по его воле".

Папа Юлий II, сам один из величайших гениев истории, мечтавший о единой Италии задолго до того, как появилась какая-либо возможность ее осуществления, и высоко ценивший гениальность, которая сама по себе обеспечила бы ему главенствующее место среди великих правителей мира, вызвал в Рим для украшения апартаментов Ватикана нескольких величайших художников того времени. Даже из далекой Фландрии приезжал Ройш, а затем были Перуджино, старый мастер Рафаэля, ныне уже преклонных лет, и Синьорелли, совсем такой же старый, и Лотто, и Содома, и Перуцци, и другие. Именно рядом с ними Рафаэлю приходилось выполнять свою работу. Через год после приезда Рафаэля он, самый молодой из них, которому еще не исполнилось двадцати шести лет, был выбран папой - насколько хорошо он был осведомлен - в качестве того, кому следует доверить все важные награды. Затем появилась возможность заняться Camera della Segnatura, этим триумфом декоративного искусства. "Эта палата Ватикана" стала, как говорит биограф Рафаэля в Католической энциклопедии, "своего рода зеркалом тенденций человеческого разума, кратким изложением всей его идеальной истории, своего рода пантеоном духовного величия. Таким образом, представление идей приобрело драматическую ценность, будучи уже не неподвижным изложением неизменной истины, как в Средние века, а страстным поиском знания во всех его отраслях, моральной жизнью человечества".

Его украшения для Сеньоральной камеры, вероятно, являются одним из величайших вкладов в декоративное искусство, когда-либо сделанных. Они, безусловно, одни из самых интересных. С ними соперничают только замечательные украшения Микеланджело в Сикстинской капелле, и есть некоторые критики, которые уступили бы пальму первенства

Рафаэлю. Здесь мы имеем свидетельство не только его способности великолепно рисовать, но и его интеллектуального гения и его суждения о ценностях в истории литературы и философии. Такие картины, как "Диспута" и "Афинская школа", являются реальным вкладом в историю человеческой мысли. Только человек, который сам обладал глубоким интеллектом наравне с великими интеллектуальными гениями, которых он рисовал, мог успешно задумать и завершить эти великолепные группы величайших людей мира. Хорошо было сказано, что умение должным образом ценить картины Сегнатуры само по себе является образованием. Уметь воспринимать их во всей их значимости как эссе по искусству, истории литературы и философии - значит далеко продвинуться по пути к культуре. Достижение Рафаэля здесь заключается в великом уме, одаренном удивительной силой понимания, а также почти непревзойденной способностью к самовыражению. Никакие декоративные картины современности, какими бы великолепными они ни были, не могут быть помещены рядом с ними.

Меня часто удивляло, как Рафаэлю удалось так точно изобразить фигуры Платона, Сократа, Аристотеля и других в его великой картине "Афинская школа". Только гений, наделяющий людей интуицией, позволивший Шекспиру чудесно изобразить характер людей всех времен, а слепому Гомеру - дать нам устойчивую картину человека, мог позволить ему сделать это. Это было время Нового Обучения и недавно пробудившегося интереса к классике, но никакое простое накопление информации никогда бы не сделало его способным к такому представлению. Как однажды сказал Гладстон о Гомере, целая энциклопедия сведений о греках гомеровского времени не рассказала бы нам о них столько, сколько дал нам Гомер. В то время, когда Рафаэлю было не намного больше тридцати, и его жизнь была занята живописью, а не накоплением эрудиции. Генри Стрейчи в своем наброске Рафаэля обращает внимание на тот факт, что ни один из великих современных итальянских гуманистов не был в то время в Риме. Ни Бембо, ни Библиена, ни Кастильоне не было там, где с ними можно было бы легко посоветоваться, и только гениальная проницательность Рафаэля позволила ему так чудесно выполнить поставленную перед ним задачу. Ибо, хотя сюжеты, вероятно, были выбраны за него, он должен был сам продумать детали, и действительно, эти замечательные композиции показывают это очень ясно.

Рафаэль, Афинская школа

Рафаэль раскрыл для нас в "Camera della Segnatura", как почти никто другой, отношение ума своего периода к смыслу жизни. Годы научной преданности изучению языческой древности и особенно великих греческих философов и поэтов, а также остатков ее скульптур пробудили в умах людей более широкий взгляд на жизнь и ее значение, чем это было возможно на протяжении веков. Рафаэль суммировал это в замечательных документах, которые он оставил в Ватикане, и перенес на холст то, что великие ученые того времени пытались выразить словами. Покойный профессор Краус из Мюнхена в своей главе о Риме времен Медичи во втором томе Кембриджской современной истории рассказал об этом так:

"Четыре изображения камеры представляют устремления души человека в каждой из ее способностей; стремление всего человечества к Богу посредством эстетического восприятия (Парнас), объяснение разума в философских исследованиях и всех научных изысканиях (**Афинская школа**), порядок в Церкви и государстве (**Дар церковных и светских законов**) и, наконец, теологию. Все это можно резюмировать как живописное воплощение знаменитой фразы Пико делла Мирандолы **"истинная философия, изобретенная теология, религия посидет"**; и это соответствует тому, что говорит Марсилио в своей **"Академии благородных умов"**, когда он характеризует дело нашей жизни как восхождение к ангелам и Богу".

Художники, поэты и писатели наперебой произносили сильные хвалебные слова в адрес этих наград. Блашфилды в своих "Итальянских городах" рассказали историю ограничений, в которых он работал, об ограничениях комнаты, освещенной с двух сторон, с двумя стенами, прорезанными окнами, а затем о том факте, что в значительной степени, вероятно, его сюжеты были продиктованы, но ему необходимо изложить их в конкретной форме и ясно. Блашфилды также рассказали, как хорошо молодой художник не только преодолел эти трудности, но и на основе этих самых трудностей создал самые замечательные фрагменты своих шедевров.

В одном абзаце они подробно описали историю общения Рафаэля с художниками Рима того периода. Поскольку это дает некоторое представление о богатстве художественного гения, существующего в наше время, это глубоко волнует нас здесь. Они говорят: "Урбинат (Рафаэль), каким бы сильным он ни был, почувствовал необходимость еще больше укрепиться, заручившись дружбой других художников и создав своего рода маленький двор. Нам рассказывают, что почти каждую ночь за его столом собирались Лука Синьорелли, Пьетро Перуджино, Бальдассаре Перуцци, Джованантонио Бацци и Лоренцо Лотто. Что за возраст! когда на одном званом ужине могло собраться такое количество всемирно известных художников, которые, в свою очередь, выходя из своих покоев в Борго Веккьо, могли встретить Микеланджело, возвращающегося из Ватикана в сопровождении флорентийцев, Буджардини, Граначчи, Аристотеля да Сангалло и Л'Индако, которые помогали ему в Сикстинской капелле".

Так много говорилось о Camera della Segnatura, что иногда забывается, что в Ватикане есть и другие залы, украшенные Рафаэлем, только менее замечательные, чем эта. Если бы они существовали где-нибудь еще, их ценили бы очень высоко, и если бы они были написаны любым другим художником, это поставило бы его в ряд великих художников всех времен. Камера дель Инсендио, названная так из-за изображения "Пожара в Борго", содержит в этой сцене одну из самых драматичных картин, когда-либо написанных. Здесь прекрасно проработаны и другие великие драматические сюжеты, такие как "Клятва Льва III" и "Коронация Карла Великого". В этой работе Рафаэлю, вероятно, в значительной степени помогали ученики и единомышленники, но на всем этом лежит печать его гения. В "Камере дель Элиодоро" есть такие картины, как "Сон Иакова", "Жертвоприношение Исаака" и

"Неопалимая купина", которые демонстрируют удивительную силу композиции Рафаэля и в то же время гениальную готовность, позволившую ему переходить от одного сюжета к другому, достигая столь многого, что поражаешься, подумав о том, какие идеи, должно быть, переполняли его, и в то же время насколько хорошо все сделано, учитывая, что художнику так часто нужен прежде всего элемент времени для совершенствования своей работы. Если бы Рафаэлю дожили до обычной продолжительности жизни или до таких лет, как у Микеланджело четыреста десять или почти пять десятков у Тициана, какое изобилие его искусства было бы в мире.

Одна из величайших работ Рафаэля в Риме сравнительно мало ценится, за исключением тех, чье внимание было особенно приковано к ней. Это были его карикатуры для серии гобеленов, которые будут вывешены в Сикстинской капелле. Эти гобелены должны были быть изготовлены в Нидерландах, но папа хотел, чтобы сюжеты, которые должны были быть изображены, принадлежали Рафаэлю. Рафаэль согласился сделать для них карикатуры, хотя и знал, что они будут нарезаны на рулоны шириной около двух дюймов и переданы ткачам. Он понятия не имел, что они когда-либо будут выставлены, за исключением несовершенного способа, которым гобелен может представлять живопись. Большинство художников высокого ранга, вероятно, отказались бы от такого заказа. Конечно, казалось довольно унижительным для его достоинства как художника думать, что он должен предоставлять только копии, которым самим по себе не было места в его собрании работ и которые были в лучшем случае сомнительным дополнением к его славе. При таких обстоятельствах не было бы ничего удивительного, если бы композиция и манера исполнения карикатур были намного ниже, чем у его работ в живописи и фресках.

Однако он отдался заказу беззаветно и выполнил серию рисунков, которые являются одними из величайших композиций, когда-либо выходивших из-под руки художника. Эти карикатуры, после того как их скопировали на гобелен, лежали в узких рулонах, в которые их разрезали на фабрике гобеленов в Нидерландах, пока, возрожденные почти в наше время, они не стали самыми драгоценными сокровищами музея Южного Кенсингтона в Лондоне. Здесь они были любимым предметом изучения художников всех стран и добавили лавров к венцу художественной славы Рафаэля. У него было присущее художнику чувство радости от работы и художественная совесть, позволявшая ему соответствовать канонам собственного суждения и вкуса даже в задаче, которая заключалась в том, чтобы представлять его только из вторых рук. Почти никогда в истории великий художник не соглашался таким образом стать помощником ремесленника, и то, что Рафаэль, величайший из художников, должен был сделать это, показывает подлинный дух истинного искусства в том виде, в каком оно развивалось в то время.

Некоторые из этих карикатур, такие как "Святой Павел, проповедующий афинянам", считаются одними из величайших произведений Рафаэля. Рафаэля по праву называют величайшим декоратором, когда-либо жившим, и все же он согласился внести свою лепту в убранство Сикстинской капеллы, над которой так величественно возвышалась триумфальная работа Микеланджело, чтобы драпировки на стенах были достойны той замечательной часовни, которую спланировал великий папа и имел счастливую возможность привлечь к отделке величайших людей всех времен.

Пожалуй, ничто так не демонстрирует удивительную художественную силу и влияние Рафаэля, как тот факт, что его композиции впоследствии продиктовали практически все интерпретации библейских сцен. Совершенно бессознательно люди переняли его взгляд на вещи. Он не одевал библейских персонажей в одежду своего времени, но, с другой стороны, несмотря на свои обширные познания археолога, он не пытался передать на своих картинах

подлинную жизнь того времени и костюмы более древнего периода. Серия карикатур особенно иллюстрирует, насколько хорошо он визуализировал сцены, и все же апостолы одеты в одежды, которые они никогда не носили. Пока я пишу, передо мной гравюра Павла, проповедующего афинянам. Тот Незвестный Бог, которому они поклонялись, он пришел проповедовать им. Это замечательная композиция. Вероятно, ничто и никогда не превосходило ее. Однако, вероятно, в нем нет ни единой черты, которая каким-либо образом отражала бы то, что соответствует истории в этой сцене или в людях. После того, как он прожил столетия, его визуализация удовлетворяла умы людей, настолько гений способен навязать себя человечеству.

"Сикстинская Мадонна", единственная картина Рафаэля, написанная на холсте, обычно считается величайшей религиозной картиной, когда-либо созданной, и одним из самых замечательных воплощений яркого поэтического воображения, которым обладает мир. Все в нем полно возвышенного внушения. Величественная поза Мадонны, позирующей на облаках, ее совершенной красоты лицо, ее устремленный вдаль взгляд, полный восторженного почитания и поглощенности своим материнством, но материнством Божественным, провозглашают ее видением с Небес. Более чудесного представления о человеческой матери Божества никогда не было достигнуто, и все же критики и художники едины в том, что Божественное Дитя, Которого она так нежно держит на руках, превосходит Девственную Мать в чудесном воплощении глубокого воображения. Он смотрит на мир из этих объятий торжественными священными глазами, которые каким-то образом дают представление о Его глубоком интересе ко всему, что Он видит, и о всеобъемлющем видении. Затем есть суровый бородатый папа Сикст, вззирающий ввысь с восторженной преданностью, и грациозная, прекрасная Святая Барбара, достойный представитель скромных дев, которые во всем мире на протяжении всего времени с момента пришествия Христа скромно опускали глаза перед Девой-Матерью и ее младенцем. Ниже представлены два очаровательных мальчика-ангела, чьи очаровательные детские восторженные позы всегда вызывали такой большой интерес.

Говорят, что это были портреты двух маленьких мальчиков, которые с любопытством заглядывали в окно мастерской, пока Рафаэль писал картину. Его превращение озорных, любознательных, в высшей степени мальчишеских лиц в выражение ангельского восторга - один из триумфов картины, который всегда вызывал наибольший интерес. Первоначально написанный для итальянской церкви, он теперь является сокровищем дрезденской галереи, где занимает отдельную комнату, больше похожую на святилище, к которому благочестивые прихожане приезжают со всего мира и в котором, как в некоем священном месте, посетитель отчетливо понижает голос и ходит на цыпочках. Ничто так не говорит о значении этой картины, как наблюдение за толпами, которые съезжаются со всего мира, чтобы увидеть ее, и за тем, как ей почти поклоняются те, чье мнение ценится больше всего.

После "Сикстинской Мадонны", к несчастью для искусства, внимание Рафаэля все больше и больше отвлекалось от его особой сферы работы художника, и его время было занято более широкими занятиями арт-директора и археолога. Это не было бы так печально, возможно, только из-за краткости жизни, уготованной ему судьбой. Если бы он дожил до двадцати трех десяти лет, то десять лет, посвященных этим этапам художественного творчества, как их вполне можно назвать, вероятно, оказались бы полезными для его развития. Как бы то ни было, мы, вероятно, будем думать об этом как о времени, потраченном впустую великим гениальным художником. Его художественное руководство доказывает гениальность этого человека. Его мастерская в Риме постепенно приобрела характер художественной школы. При этом были подготовлены рисунки не только для фресок, но и для мозаики, для гобеленов, для резьбы по дереву и камню и даже для гравировки и других видов искусства.

Вазари упоминает пятьдесят ученых, которые были наняты в качестве учеников и ассистентов в этой мастерской. Тем временем интерес Рафаэля к истории искусств и страсть к классическому искусству побудили его направить художников в Неаполь и Афины, чтобы они сделали рисунки к обнаруженным там примечательным древностям. Его разносторонние интересы показывают, насколько широки были его собственные симпатии ко всему художественному.

Ближе к концу своей жизни, хотя тридцатипятилетний Рафаэль и не подозревал о приближении смерти, он посвятил себя изучению римских древностей и руководству археологическими раскопками, которые в то время велись в Риме. Он задумал реконструировать весь план древнего Рима, основанный частично на открытиях археологов, а частично на описаниях классических авторов. Для этого он собственноручно сделал множество планов и набросков, и хотя они, к сожалению, утеряны, в библиотеке Мюнхена есть копия отчета, который он составил по этому вопросу. Оно выполнено в форме латинского письма папе Льву X, показывающего, насколько глубоко папа был заинтересован в этом плане и что, весьма вероятно, Рафаэль взялся за него по его настоянию. Это письмо было объявлено памятником промышленности и археологическим познаниям художника. Обычно в наше время мы, вероятно, думаем, что художник посвящает себя своей живописи и оставляет такую работу профессиональному ученому. Мы не ищем многогранности в художнике. Однако Рафаэль, подобно Леонардо да Винчи и Микеланджело, очевидно, обладал великолепной широтой интеллекта, которая дала бы самые драгоценные плоды духа во многих областях помимо живописи, если бы он только дожил до лет, подобных годам многих его великих современников.

РАФАЭЛЬ, ПОЭЗИЯ (МОЗАИКА, ВАТИКАН)

ГЛАВА II

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Когда было объявлено, что "Мона Лиза" украдена из Лувра, по цивилизованному миру прокатился трепет беспокойства, почти смятения. Его восстановление было триумфом. Это всего лишь женский портрет, сам по себе не имеющий значения, с тем, что некоторые могли бы назвать обычным пейзажем за ним, и все это на сравнительно небольшом холсте, краски которого несколько потускнели от времени и неблагоприятного окружения за время его существования, составляющего немногим более четырехсот лет, тем не менее, на него смотрели как на одно из самых ценных художественных сокровищ человечества. Критики, имеющие право на собственное мнение, часто заявляли, что это, вероятно, величайший портрет человека, который когда-либо был написан. Когда мы вспоминаем, как великолепно Рембрандт изобразил голландских бюргеров своего времени, с какой изумительной экспрессией Рафаэль изобразил некоторых знакомых ему персонажей и как чудесно Веласкес изобразил некоторых своих современников, то, что хорошие критики поставили "Мону Лизу" Леонардо выше них, показывает, какое высокое место должно быть отведено ей в истории искусства. Искусствоведы высказывались в почти неизмеримых выражениях относительно значения выражения лица "Моны Лизы". Они без колебаний заявляют, что Леонардо изобразил саму душу, а не только телесные черты женщины. Уолтер Патер в своем "Возрождении" написал почти дифирамбическое описание этого явления, которое хорошо известно и все же заслуживает того, чтобы процитировать его снова, хотя бы для того, чтобы показать, как действительно великий критик может быть увлечен любимым произведением искусства:

"Джоконда" - это в самом прямом смысле шедевр Леонардо, показательный пример его образа мыслей и творчества. По суггестивности с ней сравнима только "Меланхолия" Дюрера; и никакой грубый символизм не нарушает эффекта ее приглушенной и грациозной таинственности. Всем нам знакомы лицо и руки фигуры, сидящей в мраморном кресле в этом кругу фантастических скал, словно в слабом свете под водой. Возможно, из всех древних изображений время меньше всего охладило ее.

"Присутствие, которое таким странным образом возникло у воды, выражает то, чего на протяжении тысячи лет желал человек. Вот голова, на которую обрушиваются все "концы света", и веки немного устали. Это красота, сотворенная изнутри плоти, отложение, клеточка за клеточкой, странных мыслей, фантастических мечтаний и утонченных страстей. Поставьте его на мгновение рядом с одной из этих белых греческих богинь или прекрасных женщин древности, и как бы их взволновала эта красота, в которую перешла душа со всеми ее недугами? Все мысли и опыт мира запечатлелись там, в том, что они способны усовершенствовать и придать выразительность внешней форме: анимализм Греции, похоть Рима, мечтательность средневековья с его духовными амбициями и воображаемой любовью, возвращение языческого мира, грехи Борджиа. Она старше, чем скалы, среди которых она сидит; как вампир, она много раз умирала и познала тайны могилы; и была ныряльщицей в глубоких морях, и хранит их мертвый день при себе; и торговала странными сетями с восточными купцами; и, как Леда, была матерью Елены Троянской, и, как Святая Анна, матерью Марии; и все это было для нее всего лишь звуками лир и флейт, и

живет только в изяществе, с которым оно формировало меняющиеся черты и придавало им оттенок. веки и руки".

Хотя "Мона Лиза", несомненно, была величайшим из портретов Леонардо, возможно, лучшее представление о силе Леонардо как художника можно найти в "Тайной вечере". Вместо того чтобы создать безмятежную группу, он выбрал момент сразу после того, как Господь сказал, что один из Двенадцати предаст Его, и когда все спрашивают: "Это я, Господь?" Он представляет не только индивидуальный шок, но и естественную группировку, возникшую вследствие объявления о том, что есть четыре группы по три человека в каждой, отдельные и с очень отчетливым интересом, и все же они расположены так, чтобы не нарушать единства картины. С левой стороны все трое внешних пристально смотрят на Господа, в то время как внешняя группа с другой стороны смотрит в сторону от Него, но все их руки указывают на Него. Внутренние трое справа разговаривают непосредственно с Ним, в то время как соответствующие трое слева заняты друг другом и все же явно сосредоточены на Нем. Вероятно, никогда не было более выразительного набора лиц. Каждый в высшей степени индивидуален, и каждый из них чудесным образом отражает характер представленного Апостола. Было сказано, что художник как будто написал сжатую биографию каждого из них своей кистью. Все характерные черты разных Апостолов, которые мы знаем, можно увидеть на их лицах. Он изобразил души и характеры людей на воображаемых портретах, которые он создает.

Существует старое предание, упомянутое Вазари, этим очаровательным собирателем легенд о старых художниках, что Леонардо, не сумев удовлетвориться головой и лицом Иисуса, оставил его незаконченным. Это действительно было бы печальной потерей для искусства. Леонардо долго колебался, прежде всего раздумывая, стоит ли ему следовать образцу, но в конце концов примирился с традицией, принял тип головы Господа, созданный Джотто, и, усовершенствовав ее, еще больше преуспел в придании ей мистического сверхчеловеческого вида, который вызывал бы идею божественности. Легко увидеть, как много он позаимствовал, но труднее осознать, как много он добавил, и все же художники, которые изучали это, чувствовали, что это действительно был триумф и что, насколько это было возможно, Леонардо изобразил божественное человеческое лицо. Он строго следовал своей модели в случае с головами апостолов, и никто лучше него не знал, как выбирать модели, но в "голове Христа" он отворачивается от модели и разрабатывает свой замысел на основе идеалов человеческого лица, которых так много существовало в его хорошо сохранившемся воображении. Лицо Христа оставалось каким-то расплывчатым, дрожащим, неразтворенным, как лица, видимые в облаке или в огне. Сам Леонардо однажды посоветовал своим ученикам искать подсказки в любопытных формах облаков и огня и даже изучать расплывчатые формы, которые возникают при имитации человеческих лиц на потрескавшихся и покрытых пятнами поверхностях разрушенных стен, и, похоже, его собственная преданность этому делу помогла ему в создании этого чудесного лица.

Много было сказано о голове Иуды на этой картине. По словам Вазари, Леонардо превзошел самого себя в этом лице и голове, и он говорит о "силе и правдивости, с которыми мастер продемонстрировал властную решимость, ненависть и предательство Иуды". Согласно другой легенде, он месяцами бродил по флорентийскому дворцу в поисках головы и лица, достаточно выразительных по своей злобности для своего Иуды. Возможно, тогда можно было бы ожидать увидеть в Апостоле-предателе человека-монстра. Вопреки традициям Вазари, который здесь, по-видимому, потворствовал своей тяге к сенсационному, у Иуды очень интересное человеческое лицо, скорее слабое, чем сильное, но с присущими ему

искупительными качествами. В конце концов, не следует забывать, что лицо должно было помнить или, по крайней мере, не вызывать негатива тот факт, что этот человек в течение трех лет находился в обществе Господа, избранный как один из Двенадцати, с возможностями столь же великих свершений во благо, как и у других, если бы он не отвернулся. Иуде не было предназначено стать предателем, но он сам сделал себя таким. На преступление его толкнула не его природа, а неспособность контролировать определенные стихийные страсти, прежде всего жажду денег, которые привели его к этому. С тех пор многих хороших людей уводили тем же путем. У нас есть лицо человека, который мог бы быть одним из почитаемых Апостолов. То, что он им не был, - его собственная вина. Говорят, что та же модель была использована Леонардо для Петра и Иуды. Если это так, то, несомненно, это был гениальный ход. Петр тоже был слаб. Он даже отрекся от Учителя, но у него хватило духу осознать свою слабость и покаяться. Лицо Петра на свету, лицо Иуды в тени на картине Леонардо. Если бы Леонардо не дал Иуде сумку для переноски, не выставил его лицом из ряда стоящих рядом с ним Апостолов, находящихся на свету, и не заставил его угрожающе опрокинуть соль, потянувшись за хлебом лучшего качества, чем тот, что был рядом с ним, было бы довольно трудно выделить его среди остальных.

Одно абсолютно верно в этом великом произведении искусства. Все лица апостолов, возможно, за исключением лица Иоанна, грубо выражены. Люди, которым предстояло продолжить дело Учителя и обратить мир в христианство, ни в коем случае не были женоподобными, и прежде всего они были грубыми рыбаками Галилеи. Их костюмы модернизированы, их бороды, вероятно, менее неопрятны, чем если бы они были настоящими иудеями, но перед нами группа мужчин, сама сила черт лица которых делает их поразительными.

Как уже было хорошо сказано, Леонардо разрушил старую формальность и неподвижность ранних художников и привнес в сцену жизнь и действие. Впервые персонажи лишены своих ореолов, и нет ничего, что делало бы группу людей чем-то большим, чем просто человеческими существами, глубоко заинтересованными в великой цели и до глубины души обеспокоенными предположением Самого Учителя о том, что теперь этой цели должна была помешать измена одного из них. Эта концепция кажется тем более естественной, когда мы вспоминаем, что никто из них еще не был утвержден в благодати, что один должен был отречься, другой предать, и все должны были колебаться и трусить в великий момент испытания.

Учитывая всю эту продуманность картины Леонардо, можно было бы ожидать, что все его внимание будет уделено лицам и мало - самой композиции и обстановке картины. Происходит прямо противоположное. Композиция, вероятно, самая замечательная из когда-либо созданных. Сама комната устроена так, что все привлекает взгляд к центру картины, где сидит Учитель, в то время как позади Него среднее из трех окон с арочными створками отделяет Его от Апостолов. Через эти три окна в задней части можно увидеть один из разнообразных горных пейзажей, которыми восхищался Леонардо. Масштабы пейзажа, который можно увидеть, показывают, что ужин проходил в "верхней комнате". Голые балки потолка в кессонной конструкции, распространенной в Италии, стены, украшенные большими панелями, заполненными дамасским узором, - все это проработано с художественной полнотой деталей. Можно было бы ожидать, что художник "Тайной вечери" упустил из виду именно такие детали в своем сосредоточении на возвышенном моменте и персонажах. Скатерть, кроме того, прекрасно обработана, а полотно, его узор и складки выполнены с такой тщательностью, какой можно ожидать от **жанрового** художника по тканям. Бокалы и сервировка стола прорисованы очень тщательно, каждая деталь была

выполнена с художественной совестью и глазомером до совершенства, даже в мелочах, что свидетельствует о тщательности и всеобъемлющем мастерстве художника.

Чем больше узнаешь о способности Леонардо изображать детали и о его преданном изучении природы, тем меньше удивляешься традициям, связанным с его головой Медузы. Для художника было нелегко изобразить эту отвратительную голову с извивающимися змеями, вид которой, согласно традиции, превращал зрителей в камень, но ему удалось передать ужасное настолько, насколько это возможно. Извивающиеся змеи выполнены с преданностью деталям и реалистичной естественностью, которой мог достичь только великий наблюдатель за природой. Помимо змей во всех их разновидностях, на картине изображены летучие мыши, ящерицы и всевозможные паразиты, в то время как облачко мифического дыхания, которое можно увидеть выходящим изо рта, дополняет картину. Интенсивный реализм этих деталей жизни низших животных является неожиданностью для того периода, но прежде всего удивительно, что это мог сделать человек, обладавший такой удивительной способностью к идеализации, когда он хотел ее использовать. Именно это сочетание качеств, столь противоположных самих по себе и часто считающихся взаимоисключающими, составляет нескончаемое удивление гениальности Леонардо. То, что художник "Тайной вечери" и очаровательной "Мадонны в скалах" также создал эту "Голову Медузы", действительно трудно понять, и все же не больше, чем можно было бы ожидать от одного из величайших художников эпохи Возрождения, который в то же время является едва ли не самым разносторонним гением в мире.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ, "МАДОННА В СКАЛАХ" (ЛОНДОН)

При всех этих великолепных достижениях в живописи, которые сами по себе ставят его на вершину в этой великой области искусства, можно подумать, что главная претензия Леонардо на признание была связана с его живописью. Однако он сам был бы первым, кто возразил бы против оценки его деятельности на любых подобных основаниях. Вероятно, он вообще не считал себя художником или, по крайней мере, занимался живописью только в минуты досуга. Однажды он победил Микеланджело на конкурсе скульптуры, но, несомненно, думал о себе не столько как о скульпторе, сколько как о художнике. Он создал то, что его поколение объявило величайшей конной статуей, когда-либо созданной, и его поколение знало, что они имели в виду под этим, поскольку перед ними были два таких триумфа конной скульптуры, как "Гатамелата" Донателло и "Коллеони" Верроккьо. Точно так же, как в живописи, когда он хотел заняться скульптурой, он мог делать это с высочайшим совершенством, которому нет равных. Как ни странно, Леонардо считал себя инженером. Он фактически взял на себя контракт на расширение системы каналов вокруг Милана и выполнил его настолько хорошо, что его работа используется до сих пор. В ходе этого он изобрел тачку, передвижную буровую вышку, самосвальную буровую вышку, различные способы перемещения породы, шлюзы для каналов и систему поддержания судоходного уровня воды в реках, которые летом обычно были почти пересыхающими.

Леонардо обладал той глубокой самооценкой, которая, скорее всего, присуща гениям и которая у людей меньшего роста кажется тщеславной. Он знал, что не было практически ничего, к чему он хотел бы приложить руку, в чем он не мог бы выработать оригинальные идеи. Ему было всего двадцать с небольшим, когда он написал письмо Людовико Сфорца, в котором он очень спокойно рассказывает своему будущему покровителю обо всем, что от него можно было бы ожидать, если бы герцогу это понадобилось.

"ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ЛОРД. - Изучив и оценив работы нынешних изобретателей боевых машин, я обнаружил, что в них нет ничего нового, что отличало бы их. Поэтому я вынуждаю себя обратиться к вашему превосходительству, чтобы раскрыть вам секреты моего искусства. 1. У меня есть метод наведения мостов, очень легких и очень прочных; удобных в транспортировке и негорючих. 2. Новые средства разрушения любой крепости или замка (у которых фундамент не высечен из цельной скалы) без применения бомбардиров. 3. Немедленно и бесшумно прокладывать мины и проходы под рвами и ручьями. 4. Я сконструировал неотразимые защищенные колесницы для перевозки артиллерии против врага. 5. Я могу создавать бомбарды, пушки, мортиры, пассаволанти; все новое и очень красивое. 6. Также тараны, машины для литья снарядов и другие поразительные машины. 7. Для морских сражений у меня есть приспособления как наступательные, так и оборонительные; корабли, борта которых отражают каменные и железные ядра, а также взрывчатые вещества, неизвестные ни одной живой душе. 8. В мирные дни я хотел бы надеяться удовлетворить ваше Превосходительство в архитектуре, в возведении общественных и частных зданий, в строительстве каналов и акведуков. Я знаком с искусством скульптуры и живописи и могу выполнить заказы по мрамору, металлу, глине или по росписи маслом, как и любой художник. И я могу поручиться за эту конную статую, отлитую из бронзы, которая навеки прославит блаженную память отца вашей светлости и прославленного дома Сфорца.

"И если что-либо из вышеперечисленного покажется вам экстравагантным или выходящим за рамки возможного, я готов провести эксперимент в вашем парке; или в любом месте, которое вашему превосходительству будет угодно назначить; чьему милостивому вниманию я покорнейше себя рекомендую".

Был ли когда-нибудь более уверенный в себе гений? Никогда не было человека, который лучше выполнял все свои обещания.

То, чего Леонардо смог достичь как инженер, можно увидеть по все еще существующему каналу длиной около 200 миль, по которому он проводил воды Адды через труднопроходимые перевалы Вальтеллины к воротам Милана. По-своему, учитывая условия, в которых ему приходилось работать, и препятствия, которые ему приходилось преодолевать, это был такой же великий инженерный подвиг, как и прокладка Панамского канала, и, безусловно, гораздо более масштабный инженерный проект, чем завершение строительства Суэцкого канала, хотя до тех пор, пока Панама не покрыла его славой, наше поколение было склонно гордиться этим достижением.

Леонардо да Винчи был далек от того, чтобы быть просто артистом, и обладал типично научным и пытливым складом ума. Всякий раз, когда перед ним возникала научная проблема, независимо от того, как другие решали ее до него и, прежде всего, независимо от того, как решали ее его современники, он решал ее для себя и почти неизбежно в истинном свете науки. Например, когда он был инженером, отвечающим, если использовать наш современный термин, за каналы центральной Италии, необходимые для них вырубки позволили обнаружить ряд окаменелостей. В основном это были раковины, напоминающие морские раковины его времени, хотя и не совсем похожие на них. До этого было сделано несколько подобных находок, и человеку было очень трудно объяснить их. Обычно они были обнаружены под довольно толстым слоем земли. Они были похожи на раковины, принадлежавшие существам, жившим на морском берегу. Как можно объяснить их присутствие вдали от моря и полностью скрытыми? Иногда, когда их находили у поверхности на вершинах довольно высоких гор на некотором расстоянии от моря, предлагалось объяснение, и оно было общепринятым, что они попали туда в результате Всемирного потопа. Захороненные раковины, особенно те, что были глубоко захоронены, не могли быть объяснены таким образом. Ученые, и давайте не будем забывать, что именно ученые в истинном смысле этого слова были особенно заинтересованы в таких объектах, люди, которые очень хорошо знали математику и принципы естествознания и которые сделали ценные наблюдения в других областях науки, разработали обоснованную теорию их присутствия. Это были незавершенные существа, появившиеся на земле из-за избытка творческой силы, которая не совсем завершила свою работу. Их развитие было как бы остановлено до того, как они действительно стали живыми существами. Когда Леонардо да Винчи наткнулся на ракушки в выемках для своих каналов, он предложил другое и, как ему показалось, более простое объяснение. На самом деле это были морские моллюски, которые попали туда, где они сейчас находились, в то время, когда эта часть суши была затоплена морем. Они были покрыты в процессе осаждения и трансформации суши, которая постепенно отодвинула море далеко в сторону. Всегда требуется гений, чтобы предложить такое простое объяснение, и, как правило, большинству его современников оно кажется совершенно невероятным из-за самой своей простоты. Обычно они довольно убедительно выражают свое презрение к такому простодушию или неправильности мышления, хотя через некоторое время они приходят к согласию с этим объяснением, но обычно отказываются приписывать изобретателю какую-либо ценность его идеи, потому что теперь это кажется настолько очевидным, что они, в конце концов, не могут думать о ней как о чем-то настолько новом.

Мы знаем, что Леонардо провел серию исследований морских раковин, хотя обычно предполагалось, что его исследования были направлены скорее на их художественную красоту, чем на научные знания о них. Однако, по-видимому, само его знакомство с ними привело его к закладке первого камня в фундамент науки палеонтологии. В его записных

книжках можно найти наброски ряда спиральных раковин. Все они очаровательны своими красивыми изгибами, и они привлекли его художественный взор. Природа никогда не создает ничего просто полезного. Этот прочный, внешне грубый панцирь аморфных уродливых моллюсков - то есть уродливых по большинству человеческих стандартов - очень красив по своим формам и цвету. На прекрасное использование Леонардо своего исследования морских раковин указал кто-то, кто изучал некоторые винтовые лестницы для углов дворцов в Северной Италии, которые, как говорят, спроектировал Леонардо. Это были всего лишь частные лестницы, ведущие обычно из женских покоев в сады замков, и, вероятно, предназначались для использования в качестве пожарных лестниц. Иногда они выступали из углов здания. Мы знаем, какими отвратительными могут быть пожарные лестницы. Они были очень красивыми и эффектно украшали здание. Они были спланированы в подражание спиралям некоторых морских раковин, которые изучал Леонардо.

Повсюду мы находим эту смесь преданности полезному и практичному, а также эстетическому, научному и художественному. Он сделал серию вскрытий. Эти вскрытия были сделаны в то время, когда, если верить некоторым нашим современным историкам науки в ее отношении к религии, Церковь категорически запрещала вскрытие. Подобные заявления тем более непонятны, что не только все анатомы и хирурги этого столетия делали вскрытия совершенно свободно, а величайшие вскрытия были проведены в Риме папскими врачами в Папской медицинской школе, но и каждый художник того времени изучал анатомию в художественных целях посредством вскрытий. У нас есть вскрытия Рафаэля, Микеланджело и многих других, а также Леонардо да Винчи.

После проведения большого количества вскрытий Леонардо предложил написать учебник анатомии. Обычно может показаться, что такой учебник из рук художника был бы в высшей степени поверхностным и вряд ли способствовал бы дальнейшему изучению анатомии, хотя он мог бы быть полезен студентам, изучающим искусство, особенно при их анатомической работе. Однако за последние двадцать лет серия набросков Леонардо, сделанных по его вскрытиям, была переиздана из ряда коллекций оригиналов в важных библиотеках Европы. Коллекция в Виндзорском замке в Англии особенно ценна, а эскизы очень полные. Любой, кто ознакомится с этими переизданиями, сразу поймет, что если бы Леонардо написал свой учебник анатомии и проиллюстрировал его собственными рисунками, это стало бы эпохальной вехой в истории анатомии и медицины.

Только через четверть века после смерти художника Везалий, которому было всего пять лет, когда умер Леонардо, опубликовал свой великий учебник анатомии. В то время Везалиусу было всего двадцать семь лет, но его работа произвела революцию в анатомии, и его по праву называют отцом современной анатомии. Если бы у Везалия была возможность ознакомиться с работой Леонардо, его собственная работа была бы значительно облегчена. Леонардо с присущей ему тщательностью изучал анатомию не только для художественных целей, но и для любых других целей, как научных, так и художественных.

Есть его исследования по зоологии, сделанные, очевидно, ради его работы в скульптуре, которые представляют собой важные дополнения к этому научному отделу. То же самое верно и в отношении ботаники. Цветы привлекли его художественный взор, но они в равной степени апеллировали и к научному пониманию, и поэтому мы находим эскизы многих их разновидностей, которые очень интересны, но также и очень поразительны с научной точки зрения, потому что они демонстрируют знание частей цветов в деталях, которые обычно не

предполагались существующими в то время. Неудивительно услышать, что он проделал выдающуюся работу в математике. Каким-то образом точный научный склад его ума и его буквальность во всех вопросах, относящихся к науке, заставляют нас ожидать этого. Вероятно, никогда еще не было столь всесторонне развитого ума, как у него. Аристотель обладал большей научной точностью и более широкими знаниями, но ему не хватало, по крайней мере, чего-то от силы Леонардо для воплощения своих художественных идей, иначе мы наверняка получили бы от него какое-нибудь великое искусство или его традиции. При таком знании научной стороны мышления Леонардо даже не удивительно обнаружить, что он выдвинул теорию эволюции. Это обобщение, далеко не новое, как часто воображают, привлекало многие великие исследовательские умы на протяжении веков, согласно названию книги современного ученого "История теории на всем пути" От греков до Дарвина".

Одним из наиболее интересных предвосхищений набора идей, которые определенно считаются вполне современными и действительно появились так недавно, что мы еще не совсем уверены во всей их значимости, является занятие Леонардо да Винчи мышечными движениями и экономия времени и труда за счет тщательного регулирования этих движений. Он предположил, что каждый отдельный вид работы, выполняемой мышечным трудом человека, должен быть тщательно изучен с целью упрощения и сокращения количества движений, необходимых для ее выполнения, чтобы сэкономить как время, так и усилия. Одним словом, он практически предвосхитил современные идеи инженера по повышению эффективности настоящего времени, хотя, как я уже говорил, мы скорее склонны считать эти идеи совершенно новыми и недавними.

Личность этого универсального гения - одна из самых интересных, которые предстоит изучить человечеству. Каждая деталь имеет особое значение. Леонардо да Винчи родился в благородном флорентийском доме Винчи в Валь д'Арно. Он был не по годам развитым ребенком, привлекавшим внимание красотой черт лица и манерами обаятельного поведения. Ходят истории о том, как он импровизировал музыку и песни, даже когда был совсем маленьким. Чуть позже мы слышим, что он пожалел певчих птиц в клетках, купил их и выпустил на свободу. Когда он рос, ему нравились цветы; действительно, можно сказать, что они его почти очаровывали, и яркие платья флорентийских девушек и окрестных крестьян привлекли его внимание. Традиция также связывает его с пристрастием к резвым лошадям. Как будто этого было недостаточно, чтобы проявить артистический темперамент, еще будучи мальчиком, он начал проектировать, делать наброски и даже лепить предметы, которые его интересовали. Рассказы Вазари о нем показывают, что даже в это раннее время, когда он был всего лишь мальчиком, его эскизы и пластические работы были посвящены улыбающимся женщинам.

Его призвание казалось очевидным, и отец отвел его учиться в мастерскую Андреа дель Верроккьо, в то время величайшего художника Флоренции, чьи работы всегда сохраняли влияние на последующие поколения. Те из нас, кто видел его "Коллеони" в Венеции, вероятно, подумают о нем как о великом скульпторе. Несомненно, он был одним из величайших скульпторов мира, но у него был широкий художественный дух людей эпохи Возрождения, и не было такого вида искусства, которым бы он не интересовался и в котором он не совершал поступков, достойных его великого времени и вызывающих восхищение последующих поколений. Верроккьо был великим художником и скульптором, но он также работал с металлом и, как многие из этих художников эпохи Возрождения, был вполне готов создавать предметы домашнего обихода даже для обычного использования, при условии, что только ему было позволено вложить в них красоту. Сосуды для питья, музыкальные инструменты, ворота, деревянные двери и, прежде всего, любые предметы,

предназначенные для священного использования, за которые он был рад получить комиссионные.

Это было как раз то место, где мог тренироваться такой многогранный гений, как Леонардо, хотя, скорее, давайте скажем, что это было как раз то место, где такой многогранный гений мог найти и тренировать себя. Конечно, молодой Леонардо, должно быть, был обязан кому-либо очень немногому, за исключением внушения и некоторых незначительных указаний в технике. Очень скоро он превзошел своего учителя, по крайней мере, в живописи, и мастер признал этот факт, по-видимому, без всякой ревности. Согласно имеющейся у нас истории, братья из Валломброзы наняли Верроккьо для написания картины "Крещение Христа". Мастер разрешил Леонардо нарисовать ангела в левом углу. Был такой разительный контраст между свежей юношеской работой ученика и кропотливой работой мастера, что Верроккьо, как говорят, больше не писал или, по крайней мере, не предпринимал более амбициозных попыток создать великие картины. Однако скульптура всегда была любимой работой старого мастера, так что это не было такой уж большой трагедией.

Именно после этого, в раннем взрослом возрасте, Леонардо заинтересовался окружающими его предметами природы и провел множество исследований их значения. Некоторое время он занимался астрономией и предвосхитил некоторые мысли, которые Коперник должен был привести в порядок в своей великой теории. В то время подобные идеи в астрономии носились в воздухе. Кардинал Николай Кузанский более чем намекал на них, когда примерно в середине пятнадцатого века заявил, что земля движется в небесах подобно другим звездам. Астрономические темы были любимыми размышлениями интеллектуальных гениев. Региомонтанус, умерший до того, как ему исполнилось сорок, был жив в отрочестве Леонардо, и после того, как он начал серию астрономических брошюр, которые позже оказали такое глубокое влияние на Колумба и португальских мореплавателей, был приглашен в Рим для реформирования календаря. Тосканелли проводил наблюдения за кометами, на основании которых позже были подтверждены их орбиты. Каждая форма наблюдения за природой привлекала пытливого Леонардо, и он изучал окружающие его растения, медитировал на образование кристаллов и занимался всеми формами живых существ. Каким-то образом ему казалось, что такое расширение его интеллекта поможет ему шире выражать свои мысли в искусстве, хотя, вероятно, это было всего лишь его врожденное любопытство, проявлявшееся в ненасытные юношеские годы во всем, что попадалось под руку. Его достижения в науке кратко изложены в главе, посвященной физическим наукам.

Леонардо, похоже, много занимался механическими игрушками. Он создал механических птиц, которые летали, механических львов, которые ходили, и ящерицу, которая ползала, чьи рога и глаза двигались, в то время как колеблющиеся крылья постоянно находились в движении. Однако каждое из этих изобретений было результатом серьезного изучения. Он с большим усердием взялся за проблему полетов и был совершенно уверен, что сможет создать машину, с помощью которой люди смогут передвигаться по воздуху. Он очень тщательно изучал крылья птиц и предвосхитил знание большинства принципов полета по мере их развития в последующие годы. Он использовал своего механического льва в качестве приманки, чтобы привлечь внимание Франциска I. Говорят, что зверь шел через зал для аудиенций к монарху, пока, оказавшись рядом с ним, не встал и не показал тот факт, что на его сердце была выбита "Лилия Франции". Собственное имя Леонардо происходит от льва, и предполагалось, что это было его заявление о патриотической привязанности и верности французскому королю.

Кое-что о **занятости** его ума можно понять из сплетен, которые можно услышать о нем в письмах того времени, или даже из того, что можно заключить из его собственного дневника. Говорят, например, что в разгар написания картины "Тайная вечеря" в работе произошел значительный перерыв, потому что Леонардо очень заинтересовался изобретением новой машины для измельчения мяса и приготовления сосисок. Голова одного из Апостолов некоторое время оставалась незаконченной, потому что Леонардо не мог починить лопасти нового станка так, чтобы сделать их более удобными для него. Недоброжелательные критики говорили, что он сделает что угодно, лишь бы избавиться от своей картины. Те, кто меньше всего понимал, заявляли, что это потому, что у него банальный ум и он не способен концентрировать свое внимание. Любой, кто занимался художественной работой любого рода или действительно посвятил себя литературному творчеству любого рода, вероятно, поймет методы Леонардо в таких вопросах. Приходит время, когда конкретное направление мысли на данный момент исчерпывается, и новые идеи приходят медленно и с трудом. Серьезный самокритичный писатель или художник признает, что то, что он делает в такие моменты, не имеет того значения, которое ему хотелось бы, и что ему, вероятно, придется стереть или значительно изменить большую часть этого впоследствии или пожалеть об этом, если он этого не сделает. Тогда, если он мудр, он отворачивается в сторону и дает своему уму полный покой, посвящая его чему-то совершенно отличному от того, чем он был занят раньше. Если он настаивает на продолжении своей работы после того, как иссякнет вдохновение или иссякнет направление его мыслей, это становится все более и более трудным и все более и более нудным занятием. Наконец, если только он почти полностью не лишен надлежащей самооценки, ему буквально приходится бросить работу, которая стала такой трудной.

Леонардо не стал дожидаться этого, но после того, как определенный набор идей иссяк, посвятил себя другим, совершенно непохожим вещам. У него были проблемы с чисткой щеток, и он обнаружил, что из птичьего помета можно извлечь довольно крепкий щелок. Он сразу же посвятил значительное время выяснению, нельзя ли использовать полученный таким образом материал также для стирки белья. Действительно, его внимание к изобретениям для облегчения бытовых трудностей характеризует его как вполне современного человека в своих представлениях. Помимо своей машины для производства сосисок, он изобрел вертел для запекания свиней и разработал различные формы посуды, которые были бы удобнее тех, что обычно использовались в то время.

Некоторые выражения Леонардо заслуживают того, чтобы их зафиксировать, потому что они так хорошо показывают нам характер этого человека. Он не писал никаких нравоучительных эссе, но ряд сохранившихся его высказываний показывают, что у него были решительные и очень определенные мнения относительно многих важных человеческих интересов. Его величайшей картиной, вероятно, была "Битва за штандарты", в которой, согласно сохранившимся для нас описаниям, он изобразил все ужасы войны. Он изобразил неистовство соперничества в его самом жестоком проявлении. В одном из своих знаменитых выражений он описывает войну двумя словами: **pazzia bestialissima**. Мне немного сложно перевести это в соответствии с оригиналом, но я полагаю, что это было бы что-то вроде "кульминации животного безумия". Даже это не так сильно, как превосходная степень **bestialissima** в итальянском.

Легкость, с которой он передавал свои услуги от одного выдающегося благородного мастера другому, заставила некоторых предположить, что ему не хватало лояльности или, по крайней мере, он был вполне доволен жизнью до тех пор, пока находил кого-то, кто платил ему за его работу. На самом деле он часто тратил на эксперименты различного рода гораздо больше, чем ему платили за результаты его труда, и деньги, похоже, значили для него очень

мало. Он был известен своей щедростью по отношению к своим друзьям, и однажды он сказал: "Бедные - это те, у кого много потребностей". Он очень хорошо понимал, что бедность совершенно относительна, и если человек недоволен тем, что у него есть, он беден, независимо от того, сколько у него есть. Как и следовало ожидать, прежде всего Леонардо осознал ценность работы. Для него поистине благословенным был человек, нашедший свою работу. По его выражению, "как хорошо проведенный день дарит радостный сон, так и хорошо прожитая жизнь дарит радостную смерть".

Из-за беспокойных условий в Италии того времени ему, вероятно, приходилось страдать от многих несправедливостей, его труды часто прерывались, его работа часто не выполнялась, и легко понять, насколько сильно его, должно быть, раздражала зависть окружающих его людей поменьше. Однако он понял, что счастье зависит от того, чтобы не позволять себе беспокоиться из-за таких мелочей. Единственное удовлетворение - продолжать свою работу. Как он сказал, "Лучший щит от несправедливости - это двойной покров долготерпения". Тогда его жизненная философия была во многих отношениях идеальной. Нужно быть стойким, чтобы следовать этому, но почему мелкие тривиальности глупых человеческих склок должны беспокоить человека, перед которым расстилается все искусство и наука и который знает намного больше, чем другие представители его поколения, но чьи знания, несомненно, должны были очень ясно показать ему, как мало, в конце концов, он знал обо всем, что еще предстояло узнать?

Как и его итальянские современники в целом, Леонардо оставался верен своей приверженности старой церкви. Его очаровательная "Мадонна" и "Тайная вечеря" вряд ли могли исходить от того, кто не был верующим. Если бы эти вещи были всего лишь плодом воображения художников эпохи Возрождения, они не были бы выражены с такой изумительной реальностью. Мы мало что знаем о его жизни, хотя мы так много знаем о его работе и мыслях. Однако, когда ему пришло время умирать, он оставил мессам наследие для своей души. Это был обычай того времени, и вполне могло рассматриваться лишь как условное признание его приверженности обычаям своих современников. Кроме того, однако, он оставил некоторую сумму денег на свечи для возжигания в храме Пресвятой Богородицы в маленькой деревушке, где он вырос мальчиком и где часто молился. Это, по-видимому, указывает на то, что вера его детства все еще была ему дорога или вернулась в своей мальчишеской нежности в конце его жизни. Вся его карьера - это карьера удивительно разностороннего человека, который едва ли мог не признать место духовного в жизни и его значение для понимания человеком вселенной.

Буркхардт завершает одну из глав своей работы "Возрождение в Италии" словами, которые, вероятно, лучше, чем кто-либо другой, отражают характер Леонардо. Никто не мог лучше понять, о чем он говорил, чем великий немецкий историк эпохи Возрождения. "Колоссальные очертания натуры Леонардо можно представить лишь смутно и на расстоянии".

ГЛАВА III МИКЕЛАНДЖЕЛО

Вероятно, величайшим художественным гением, которого когда-либо знал мир, безусловно, человеком, который лучше всего умел выражать свои мысли во всех видах искусства, используя резец, карандаш, кисть и перо, был сын Лодовико де Леонардо Буонарроти-Симони, которого последующие поколения знали как Микеланджело. Он был членом знатной итальянской семьи, пользовавшейся большим авторитетом в мире. Они утверждали, что состоят в родстве со знаменитыми графами Каносса в Северной Италии, и когда Анджелио прославился, глава семьи Каносса того времени признал это родство. Дворянство обычно желает породниться с великим гением, но специалисты по генеалогии не смогли проследить это родство. Когда родился Микеланджело (6 марта 1475 г.), его отец был губернатором замка Капрезе, который стоял на гребне крутого скалистого хребта Катенайских Альп, откуда открывался вид на дикие и изрезанные холмы, на которых берут начало Тибр и Арно. Он умер за два месяца до рождения Шекспира в 1564 году, когда еще месяц жизни дожил бы ему до девяностолетия. Он - еще один типичный пример того факта, что гении обычно обитают в телах долгожителей. Великие люди могут жить недолго по чистой случайности, но, как правило, избыток жизненных сил, который позволяет великому уму широко выражать себя, также позволяет личности, с которой он связан, достичь долголетия.

Нам повезло, что Анджелио был таким великим гением, что, как сказала Лилли: [Сноска 2] "На свете мало великих людей, о которых у нас есть так много таких подлинных документов". Его работы являются живыми памятниками его гения, но у нас есть, помимо мельчайших подробностей всей его долгой жизни, его борьбы, его триумфов, его друзей, его покровителей и, прежде всего, огня испытаний, через которые прошел его гений, чтобы обеспечить себе выражение.

[Сноска 2: У. С. Лилли: "Типы эпохи Возрождения". Макмиллан, 1904.]

Мать Микеланджело умерла, когда он был совсем маленьким, и единственным ее событием в его жизни было то, что она дала ему его имя, потому что увидела в нем что-то божественное, хотя, возможно, это не редкость. Когда срок полномочий его отца истек, он вернулся во Флоренцию, но оставил своего малолетнего сына на Капрезе на попечение кормилицы, дочери каменщика и жены другого каменщика. Микеланджело часто говорил, что любовь к мрамору и камнерезному делу он впитал с самого детства. Зубило и молоток были его ранними игрушками для игр, и хотя ему было всего шесть лет, когда его привезли во Флоренцию, существует традиция делать грубые наброски углем на стенах его загородного дома. Во Флоренции его отправили в школу знаменитого грамматика Франческо Вентурино из Урбино, преподавателя Нового учения, который также несколько лет спустя стал учителем Рафаэля. Однако Микеланджело, согласно традиции, уделял мало внимания своим книгам, но его постоянно можно было увидеть с карандашом в руке, делающим всевозможные наброски. Он стал общаться с некоторыми учениками-искусствооведами и художниками, и вскоре большую часть своего времени отдавал рисованию и зарисовкам.

Хотя Микеланджело жил во времена Возрождения и, несомненно, находился под очень глубоким влиянием гуманистического движения, это влияние проявлялось совсем не так,

как обычно предполагают те, кто думает о Ренессансе как о времени, когда повторное открытие греческой классики привело к книжному знанию и, как следствие, к углублению и обострению интеллектуальности человека. Микеланджело в любое время очень мало интересовался книгами, вероятно, презирал ученость, плохо знал латынь, хотя ему было бы так легко выучить ее, учитывая, что его родным языком был итальянский, и, вероятно, он не знал греческого. Он умер, как я уже сказал, в год рождения Шекспира, и много говорилось о предполагаемой невозможности замечательной концепции Шекспира о вселенной человека без дополнительных знаний в смысле учености. Шекспир плохо владел латынью и еще меньше греческим, но, несомненно, человек, который больше всего заслуживает места рядом с ним, - это Микеланджело, который находился в аналогичном положении. Кондиви говорит нам, что книги были для Микеланджело "скучной и бесконечной борьбой". Его очень часто жестоко избивали - как рассказывает сам художник, **на благо страны баттута** - за то, что он бродил по мастерским художников вместо того, чтобы ходить в школу, или рисовал для себя, вместо того чтобы изучать свои книги.

Его отец намеревался, чтобы его сын занялся производством шелка и шерсти. Когда он обнаружил свои художественные наклонности, то, конечно, запретил такую глупую трату времени и сурово наказал парня. Казалось позором, что член уважаемой семьи Буонарроти занимается таким малоприбыльным и малоизвестным занятием, как рисование на холсте и работа по мрамору. Был обычный результат. Микеланджело не смог побороть свой врожденный гений, и после нескольких мучительных сцен его отец, наконец, разрешил ему войти в мастерскую Доменико Гирландайо, который на тот момент был самым выдающимся художником Италии. Более того, прошло совсем немного времени, прежде чем Анджело стал исправлять рисунок своего мастера. Сначала Гирландайо был встревожен этим, но его неизбежно покорили выдающиеся работы Анджело, пока однажды он не заявил, хотя в целом Анджело проработал в его студии всего год: "Этот молодой человек разбирается в искусстве больше, чем я сам". Затем ему дали место в Академии Лоренцо де Медичи, Гирландайо попросили выдвинуть двух своих лучших учеников для поступления в Академию и выбрали в качестве одного Анджело. Несомненно, этот выбор доказывал, что учитель не завидовал ученику, как говорили некоторые.

В академии Лоренцо Микеланджело познакомился с некоторыми из самых выдающихся людей Италии того времени. Там были двое сыновей Лоренцо, Джованни и Джулио, которые впоследствии стали папами Львом X и Климентом VII; Пико делла Мирандола, поэт и ученый; Политиан, поэт, классицист и философ; Фичино, глава платоновской академии во Флоренции того времени, а также Биббиена и Кастильоне, последний впоследствии стал автором знаменитой книги **"Il Cortigiano"**. Двое последних были большими друзьями Рафаэля, когда несколько лет спустя он учился во Флоренции. Неудивительно, что в этих обстоятельствах Анджело очень заинтересовался античной скульптурой и что его первой самостоятельной работой стал барельеф, изображающий битву между Гераклом и кентаврами. Он до сих пор хранится в Доме Буонарроти и своими многолюдными фигурами свидетельствует о гении и уверенной художественной хватке будущего великого скульптора, который его выполнил.

Анджело, однако, вскоре понял, что для того, чтобы успешно заниматься скульптурой, он должен изучать не только внешнюю сторону человеческого тела и античные скульптуры, но и знать все строения тела. Соответственно, он приказал перенести мертвые тела из больницы в специальную комнату, предоставленную для него в монастыре Санто-Спирито, и тщательно препарировал их. В наше время часто говорят, что в тот период препарирование было запрещено церковью, но нет абсолютно никаких следов какого-либо подобного законодательства, и каждый художник второй половины пятнадцатого века

занимался препарированием. Микеланджело вознаградил настоятеля монастыря за его помощь в этих исследованиях, вырезав для него распятие из дерева, которое показало пользу, полученную от его вскрытий. При таком рвении к искусству неудивительно, что молодой человек вскоре обнаружил, что способен создавать скульптуры большого художественного значения. У нас есть предания о статуе "Геркулеса", горельефе "Мадонны" и "Спящем Купидоне", история которых была богата событиями. Торговец на время закопал его в землю, а затем продал как антиквариат. Кардинал Риарио, купивший его, разгадав уловку, пригласил скульптора, который ничего не знал об обмане, в Рим, и там была выполнена часть его первой важной работы.

Его самые ранние римские работы были на античные сюжеты: "Купидон", который был утерян, и "Вакх", который сейчас находится в Барджелло. Однако его первое крупное поручение было получено от кардинала де Сен-Дени, французского посла в Риме. Это была "Мадонна" с мертвым Спасителем на коленях, сразу после Его снятия с Креста. Сейчас эта группа находится в соборе Святого Петра в Риме, и, хотя она была выполнена, когда Микеланджело было меньше двадцати пяти лет, ее стали считать одной из величайших скульптур мира. Его копии сейчас можно увидеть в большинстве важных музеев, так что любое желающее познакомиться с ним может легко получить хорошее представление о его юношеском гении.

Некоторые критики возражали, что "Мадонна" в группе слишком молода, чтобы быть матерью мертвого сына, который лежит у нее на коленях. Собственный ответ Микеланджело на это возражение, конечно, единственный, который заинтересует тех, кто любит группу и хотел бы точно знать, что он имел в виду. Мы знаем это от Кондиви, которому Микеланджело доверил это:

"Разве ты не знаешь, - сказал он, - что целомудренные женщины сохраняют свою молодость гораздо дольше, чем другие? Разве это не гораздо более верно в случае с Девственницей, которая никогда не испытывала распутного желания бросить тень на свою красоту? ... С обликом "Сына Божьего" все совсем наоборот, потому что я хотел показать, что Он действительно принял человеческую плоть и что Он перенес все страдания человека, но без греха".

"Пьета", вероятно, одна из величайших скульптур всех времен, но следующей важной работой Микеланджело стало то, что, вне всякого сомнения, поставило его в ранг мировых скульпторов. Это был его "Давид". Это тем более интересно из-за трудностей, с которыми он это исполнил. Огромная глыба мрамора тончайшей прожилки находилась на работах в Санта-Мария-дель-Фьоре, Флоренция, которую несколько скульпторов спроектировали для использования, и по крайней мере двое или трое начали работу над ней, но затем бросили. Микеланджело увидел это и увидел в этом возможности героической статуи. Он предложил свой проект, он был принят властями, и он приступил к работе. Он построил мастерскую прямо на месте и заперся на восемнадцать месяцев, категорически отказываясь показывать кому бы то ни было свои работы. Результатом стал так хорошо известный "Дэвид". Впоследствии его копия была выполнена из бронзы, и ее можно увидеть на холме над Флоренцией. Часто говорили, что разница во впечатляющей бронзовых и мраморных статуй показывает, насколько лучше мрамор приспособлен для выражения человеческой фигуры. Триумф художника не только в воплощении этого триумфального выражения молодости, но и в преодолении строгих ограничений его материалов показывает в высшей степени практический гений человека, который в возрасте тридцати лет смог выполнить такую работу.

РАФАЭЛЬ, ПАПА ЮЛИЙ II

После создания этих великих скульптур Микеланджело вступил в соревнование по живописи и был выбран в качестве соперника Леонардо для украшения одной стороны Зала совета синьории. Леонардо уже приступил к работе, когда Микеланджело получил заказ. К сожалению, ни одна из картин так и не была завершена. До нас дошла только часть карикатуры Леонардо, хотя карикатура Микеланджело, изображающая нескольких пизанских солдат, застигнутых флорентийцами врасплох во время купания в реке Арно, сейчас находится в Холкхэм-холле в Англии и была хорошо выгравирована Скьявонетти. Эта карикатура была предметом пристального изучения современников, и особенно большое влияние она оказала на Рафаэля.

После этой работы Микеланджело был вызван в Рим папой Юлием II и получил задание изготовить ту великую гробницу, которая занимала так много внимания Анджеоло в течение следующей четверти века, доставляла ему так много трудностей и душевных волнений и которой в конечном итоге было суждено остаться незаконченной или, по крайней мере, не иметь ничего общего с тем значением, которое планировалось изначально. Если кто-то немного вникнет в жизнь Микеланджело в то время, когда он был окружен завистью своих коллег, ему мешали в работе разного рода политические разногласия, пренебрежение тех, кто не смог оценить его по достоинству, и открытая зависть тех, кто благоволил его

соперникам, можно будет понять некоторое представление о трудностях его художественной души.

В разгар его приготовлений к возведению великой гробницы папы Юлия, для которой он провел почти год в каменоломнях в Карраре, добывая подходящий сорт мрамора и отрабатывая три или четыре статуи, пока работники каменоломен доставали другой мрамор, который он хотел, строительство гробницы было отложено. К счастью, работа, проделанная в это время, не была полностью потеряна. Два галерных раба в Лувре, которые являются одними из величайших скульптур такого рода, когда-либо созданных, свидетельствуют о трудолюбии и гениальности Микеланджело, и с тех пор они стали любимыми работами художников всех мастей.

Когда строительство гробницы было отложено, Микеланджело вызвали расписывать свод Сикстинской капеллы. Говорят, что этим поручением он был обязан зависти соперников, которые надеялись дискредитировать его. Сикстинская капелла - самое сложное помещение для эффектного оформления, поскольку представляет собой просто продолговатую коробку с низким сводчатым потолком. Именно этот потолок Микеланджело должен был украсить фресками. Сначала он отказался принять заказ, заявив, что он не художник-фресковед, но папа настоял. Более трех лет, за исключением времени еды и сна, он прятался за строительными лесами, большую часть времени лежа на спине и рисуя над собой, так что через некоторое время он не мог читать, не подняв книгу над головой. Когда эшафот был снесен, триумфальное проявление его гения открыло один из самых великолепных памятников искусства, которыми обладает мир.

Как говорит Гримм, "Если человек хочет получить представление об искусстве Джотто и его учеников, архитектуре и живописи вместе взятых, он должен отправиться на Кампо Санто в Пизе; если он хочет увидеть шедевр следующего периода искусства, обширное развитие, лежащее между Мазаччо и Микеланджело, он должен отправиться в Сикстинскую капеллу".

К счастью для последующего времени, это одно из немногих великих декоративных произведений того времени, которое можно изучать в том виде, в каком его оставил художник, или, по крайней мере, без учета благонамеренных дополнений реставраторов. Потолок Сикстинской капеллы был серьезно поврежден дымом и просачивающейся с крыши водой и со временем несколько потускнел в условиях использования капеллы, но благодаря своему расположению он был спасен от ошибочных действий людей. Говорят, что один великий папа сказал: "Есть два способа разрушить произведение искусства: разрушением и реставрацией". Он вполне мог бы добавить, особенно в свете того, что произошло даже в Ватикане с Рафаэлем и другими: "и из двух последнее хуже". От этого, к счастью, была спасена великая работа Микеланджело, и в результате даже в своем поврежденном состоянии она остается одним из признанных триумфов человеческого искусства, несомненно, величайшим декоративным произведением, которое когда-либо было сделано со времен греков.

Некоторые из величайших работ Микеланджело были выполнены для гробницы Юлиана, и триумфом его гения в настоящее время является "Моисей", который должен был стать одним из четырех пророков, нашедших место на памятнике. Было бы нетрудно собрать некоторые из самых бурных проявлений художественного энтузиазма по поводу "Моисея". Люди, которые сами являются великими скульпторами, заявили, что это триумф власти человека над мрамором. Художники заявляли, что чрезвычайно трудно придать мраморному произведению определенное выражение лица, и все же Микеланджело преуспел в этом в "Моисее", но, как также было сказано, каждая часть статуи обладает той

удивительной способностью, которой он обладал, придавая ей глубокую выразительность. Люди, чье мнение ценно из-за их собственной значительной работы, были безграничны в своих похвалах ныне знаменитому колену статуи и замечательному тому, как ступня правой ноги опирается на землю. Однако все это лишь детали. Человек, должно быть, видел статую много раз, и значение каждой ее части возрастало от повторения впечатления, и тогда что-то от удивительного гения ее скульптора доходит до зрителя. Мы не можем не сожалеть о том, что Микеланджело не позволили спокойно закончить великую гробницу так, как он планировал, ибо, взяв в качестве примера "Моисея", мы, несомненно, увидели бы в ней величайший триумф современного гения скульптуры, если не всех времен.

Это, вероятно, одна из самых ярких фигур, когда-либо созданных. С тех пор церковь Сан-Пьетро-ин-Винколи, в которой она находится, стала местом паломничества художников со всего мира и всех тех, кто интересуется искусством. Микеланджело запечатлел момент, когда Моисей, спускающийся с горы со скрижалями закона в руках, видит перед собой процессию Золотого Тельца. В Книге Исход сказано: "он воспылил гневом". Моисей только что вернулся от общения со Всевышним, и его гнев умеряется и возвышается религиозным энтузиазмом и величием, которое придает ему сознание своей высокой миссии. Каждая часть статуи дышит гневом правосудия, но в то же время с возвышенным чувством ужасности преступления, которое только что было совершено против Всевышнего и которое Его слуга должен безжалостно осудить.

И все же, если бы художнику разрешили без перерыва работать над гробницей Юлиана, мы могли бы пропустить часть или всю великую работу, которую он выполнил под руководством пап Медичи во Флоренции. В то время как "Моисей" считается лучшим выражением его способностей в зрелые годы, в то время как "Давид" относится к его юности, есть хорошие критики, которые без колебаний говорят, что самую интересную работу Микеланджело можно найти в серии статуй, являющихся высшим достижением мастерства скульптора, которые находятся в ризнице Сан-Лоренцо. Есть четыре аллегорические фигуры: "Рассвет и сумерки", "День и ночь", которые напоминают об основных фазах и стремительном течении человеческой судьбы, в которых Микеланджело выразил в нетленном мраморе свои мысли о жизни и ее значении. Кроме того, здесь есть две статуи "Медичи": одна, статуя "Лоренцо" - не великого Лоренцо, а его сына, - и другая, "Джулиано", младшего сына Великолепного. Однако сейчас они настолько мало считаются портретными статуями Медичи, что одна из них известна как *il pensiero*, мыслитель, и ее коллега также считается выражением идеала, а не личности. Сам Микеланджело говорил, что через сто лет никому не будет дела до того, кого изображают эти статуи, поэтому, глядя сквозь брэнное зрением великого художника, они стали в его руках символами бессмертных настроений человечества.

Кульминационная работа великой жизни Микеланджело была сделана в последние годы его жизни, когда он посвятил себя архитектуре. В этой области искусства он был так же велик, как и в любой другой, и, вероятно, даже больше, чем кто-либо из когда-либо предшествовавших ему. Некоторые из его небольших работ, таких как "Порта дель Пополо" и церкви-близнецы рядом с ней, достойны восхищения сами по себе, но в то же время просты и превосходно вписываются в окружающую обстановку. Милле однажды сказал, что суть красоты в искусстве заключается в адаптации истины к условиям. Триумфом архитектуры Микеланджело стал большой купол собора Святого Петра. Поскольку великая базилика, к сожалению, была достроена в более позднее время, с площади Святого Петра невозможно получить должного представления об этом. Только вблизи, с крыши самой великой Церкви, можно получить истинное представление о ее удивительной красоте и колоссальных размерах. Конечно, предполагалось, что его можно будет увидеть с большого расстояния, и

при таком взгляде он выделяется с поразительной эффективностью. В старые времена, когда люди приезжали в экипажах через горы в Рим, Купол собора Святого Петра был первым, что бросалось в глаза с расстояния в двадцать миль, и увиденное таким образом производило глубокое впечатление на смотрящего. Например, из Тиволи, когда над горизонтом не видно ничего, кроме могучего купола Микеланджело, а весь Рим, даже на его семи холмах, теряется из виду, можно по достоинству оценить его колоссальные размеры и чудесное очарование. Тогда это кажется зрителю не произведением рук человека, а скорее каким-то великим чудом природы, созданным рукой Самого Творца.

То, как Микеланджело преуспел в создании этого из материалов, которые были у него под рукой, с помощью - материальной и личной, - которой он мог командовать, и несмотря на все препятствия, которые стояли на его пути, непонимание, ревность, мелкое соперничество художников поменьше, действительно удивительно. Некоторые из его биографов были поражены тем, что он должен был достаточно разбираться в математике, чтобы суметь правильно спланировать и сконструировать ее. Они откровенно признают, что в молодости у него не было возможности изучить математику, необходимую для такой работы, и, по-видимому, забывают, что всякий раз, когда Микеланджело что-либо делал, он каким-то образом находил в себе силы для достижения своей цели с абсолютной тщательностью. Он намеревался воздвигнуть Пантеон над могилой Святого Петра, и ему удалось осуществить свое честолюбивое намерение, поскольку огромный купол, хотя он и не начинает изгибаться в купол, пока не окажется более чем в ста футах над мостовой, несколько больше в диаметре, чем огромный свод Пантеона, триумф римской строительной мощи, который был провозглашен одним из чудес света.

Следует упомянуть еще об одном этапе творчества Микеланджело. Этот величайший из скульпторов, самый смелый и успешный из архитекторов и лучший из художников-декораторов, был также одним из величайших поэтов. "Четырехдушный" - вот подходящий эпитет, который был придуман для выражения этой многогранности. Говорили, что только Данте и Шекспир могли сравниться с ним в написании сонетов, и нет никаких сомнений в том, что он является одним из самых важных вкладчиков в итальянскую литературу, даже в славный век Льва Х. Аддингтон Саймондс объявил, что его сонеты - это скорее грубо вырезанные стихи, чем законченные произведения искусства, а великий итальянский критик Бембо заявил, что "он говорит **вещи**, в то время как другие поэты произносят слова". Его друг и биограф Кондиви сказал: "Он посвятил себя поэзии скорее для собственного удовольствия, чем потому, что сделал это профессией, всегда принижая себя и обвиняя в своем невежестве". Его стихи были нацарапаны на обороте старых писем, рисунков или других бумаг, случайно оказавшихся поблизости, и лишь изредка копировались и отсылались его друзьям. Несмотря на частые уговоры друзей, он никогда бы не согласился при жизни издать какой-либо сборник своих стихов. Однако многие из них были добросовестно сохранены, и различные прочтения и исправления некоторых из них показывают, что его художественное чутье не позволяло ему отпускать вещи без того, чтобы, по крайней мере в какой-то степени, не придать им форму, достойную мысли.

Нигде нельзя найти лучшего выражения характера Микеланджело, чем в его сонетах, и в них есть глубокая религиозная жилка, которая раскрывает глубокую веру этого величайшего из людей во все великие истины христианства, его чувство личной преданности Творцу, его зависимость от Него и необходимость делать для Него все, что чрезвычайно освежает. Для Микеланджело это было разгадкой тайны жизни.

Возможно, лучшее представление о его сонетах можно получить из его строк о Данте. В эпоху Возрождения вошло в обычай считать, что единственная литература, о которой стоит

задуматься, - это классическая, и прежде всего греческая, и что средние века не произвели ничего значительного в искусстве или литературе. Даже Данте не считался большим исключением из этого правила, хотя и признавалось, что он стоял намного выше своих современников. Слово "готический" применительно к архитектуре, искусству и литературе этих грубых предков, потомков готических варваров, было изобретено критиками эпохи Возрождения, чтобы в полной мере выразить свое презрение к произведениям более раннего периода. Микеланджело не питал иллюзий относительно сравнительных ценностей. Прежде всего, он признавал непревзойденный характер поэзии Данте. Его сонет рассказывает остальное и сочувственно настаивает на том, что он был бы готов вынести даже годы страданий и изгнания Данте, чтобы создать такую чудесную поэзию.

"В темную бездну он направился;
Оба нижних мира он увидел, и в мощи
своей великой души узрел яркое великолепие Бога,
И даровал нам на земле истинный дневной свет:
Звезду высшей ценности своим ясным лучом,
Тайны Небес он открыл нашему тусклому взору,
И имел для гердона то, что злоба низменного мира
Часто дает душам, проявляющим благороднейшую благодать,
Труд всей жизни Данте был понят,
Его цель высока этим неблагодарным государством.
Который приветствовал всех с добротой, кроме добрых.
Был бы я таким, терпел бы подобную злую судьбу.
Ощутить вкус его изгнания, разделить его возвышенное настроение!
Ради этого я бы с радостью назвал все земные дела великими".

Ожесточенное соперничество и ревность, которые его окружали, иногда создавали впечатление, что Микеланджело, должно быть, сам был придирчивым, не готовым признать достоинства других художников, хотя, так сказать, в качестве смягчения чувствуется, что в этом он лишь разделял дух времени. Любое подобное впечатление было бы совершенно неоправданным в свете того, что мы знаем о Микеланджело. Его восхищение древними было безграничным. Именно он, когда их впервые раскопали, подошел к лошадям, которые сейчас находятся на Капитолии в Риме, и, похлопав одну из них по спине, сказал "Вставай", как будто они казались ему настолько верными жизни, что должны были уйти. Единственный абзац из наброска Микеланджело в "Биографиях художников" [Сноска 3] покажет, насколько высоко он ценил некоторых из своих непосредственных предшественников:

[Сноска 3: Хоутон Миффлин, Бостон, 1878 г.]

"Анджело был большим поклонником трех знаменитых флорентийских художников, которые были до него. О "Воротах в баптистерий" Гиберти он сказал: "Они так прекрасны, что достойны быть вратами рая". Стоя перед статуей Святого Марка работы Донателло, он

воскликнул: "Марк, почему ты не говоришь со мной?" а в другой раз он сказал: "Если святой Марк выглядел так, мы можем смело верить тому, что он написал". Когда ему посоветовали отличить фонарь в капелле Медичи от того, который Брунеллески построил в старой ризнице Сан-Лоренцо, он заметил: "Это может быть лучше, чем фонарь в старой ризнице Сан-Лоренцо". изменился, но не улучшился". О других художниках он отзывался не менее приятно, сказав о Джентиле да Фабриано, что его имя соответствует изяществу его стиля; а о медалях Чезари, что "искусство достигло своего последнего часа, ибо дальше этого оно не может пойти".

Если когда-либо и был человек, который имел право немного гордиться своими способностями и достижениями, то, несомненно, это был Микеланджело. Он преуспел в воплощении мыслей, слишком глубоких для слов, во всех способах человеческого выражения, даже в том, что слова служили его целям в значительной степени, хотя и неадекватно; гениальные люди так восхищались его работой и находились под ее влиянием, что всю свою жизнь он получал самую искреннюю лесть, подражание от людей, которые сами были одними из выдающихся гениев его поколения, и все же именно он в своем сонете под конец своей жизни попросил прощения у своего Бога, если он когда-либо использовал свои силы так, как будто они были его собственными, а не во славу Создателя, который их дал. У нас есть множество историй о его терпеливом изучении искусства и архитектуры, вплоть до конца его жизни. Однажды кардинал Фарнезе встретил его, когда ему было за шестьдесят, во время уединенного созерцания развалин Колизея. На его вопрос, почему он был там один, Анджело ответил: "Я все еще в школе, беру уроки, чтобы продолжать учиться". Однажды он нарисовал старика, чем-то похожего на него самого, сидящего в детской коляске с девизом "Я все еще учусь".

Его анатомические исследования, начатые в ранней юности во Флоренции, никогда не прекращались, и когда не хватало других предметов, он препарировал домашних животных и, прежде всего, радовался возможности препарировать нескольких лошадей. Дюрер в Германии и Да Винчи в Италии были верными диссекторами, а Микеланджело продолжал традицию.

Личность этого величайшего из гениев, которых когда-либо знал мир, не может не быть интересной. Микеланджело - истинный представитель одного из величайших периодов человеческой истории, и поэтому каждая деталь его жизни привлекает людей. Подобно многим великим гениям, Микеланджело был тем, кого называют мастером на все руки, то есть тем, кто мог искусно создавать орудия труда и предметы своими руками. Говорят, что на протяжении всей своей жизни он предпочитал не доверять изготовление орудий своего искусства чьим-либо другим рукам. Он сам изготавливал стамески, напильники и пробойники и смешивал собственные цвета. Даже в преклонном возрасте он продолжал использовать стамеску для себя и навсегда прославился своим дерзким мастерством обращения с ней. В возрасте шестидесяти лет он, по описанию, за короткое время снял с очень высокой глыбы мрамора больше чешуек, чем трое молодых мраморщиков смогли бы за время, в три или четыре раза превышающее это. Виженеро описал его как наносящего одним ударом мраморную чешуйку шириной в три-четыре дюйма с такой точностью по линии, что, если бы он оторвался хотя бы немного больше, он рисковал погубить свою работу.

Насколько одиноким он был посреди всей своей великой работы и сколько материальных трудностей давило на его дух и не давало ему опьяниться той радостью художника от свершений, которая могла бы даже повредить работе или, по крайней мере, стремлениям даже такого великого художника, как он, можно очень хорошо понять по цитатам из

некоторых писем к своему отцу, в которых он не ворчливо, а как будто нуждаясь в ком-то в качестве доверенного лица, изливает свои сокровенные чувства:

"Я стою здесь в сильном беспокойстве и с величайшей физической усталостью. У меня нет никаких друзей, и я не желаю иметь их; и у меня недостаточно времени, чтобы поесть то, что необходимо. Пусть ко мне больше не прибавляется никаких неприятностей, ибо я больше не вынесу ни грамма ". Летом 1508 года он писал: "У меня больное сердце, я болен и измучен усталостью, беспомощен и без гроша в кармане". Год спустя он снова написал: "Папа Римский уже год не давал мне ни гроша; и я не прошу об этом, потому что чувствую, что не заслужил этого, и это потому, что живопись - не тот вид работы, который является моей профессией. И все же я трачу свое время без фруктов - да поможет мне Бог!"

Взгляды Микеланджело на супружество хорошо известны. Священнику, который однажды спросил его, почему он так и не женился, он сказал: "У меня уже есть жена, которая мне не по зубам; та, которая постоянно преследует меня. Это мое искусство, а мои работы - мои дети". И все же его душевная нежность и привязанность к детям не затмила его увлеченности искусством, ибо Гримм рассказывает историю о ребенке, остановившем его на улице и попросившем нарисовать, и художник взял предложенный ему лист бумаги и исполнил желание.

Однако, когда Микеланджело был семидесятипятилетним стариком, он был готов дать совет своему внучатому племяннику Леонардо по поводу женитьбы. Этот совет интересен со многих точек зрения, но особенно потому, что Микеланджело считал, что выбор жены - это то, о чем нужно молиться и просить особой помощи Свыше:

"Леонардо, я написал тебе о том, чтобы жениться, и рассказал о трех девушках, о которых мне здесь упоминали. ... Я не знаю ни одного из них и не могу сказать о них ни хорошего, ни дурного, ни посоветовать вам об одном больше, чем о другом. ... Giov. Франческо мог бы дать вам хороший совет; он стар и знает мир. [Самому Микеланджело в то время было семьдесят пять лет.] Помяните меня перед ним. Прежде всего, обратитесь за советом к Богу, ибо это великий шаг. Помните, что муж должен быть по крайней мере на десять лет старше жены и что она должна быть здоровой". Снова он написал: "Леонардо, в моем последнем письме я послал тебе записку о девушках на выданье, которую прислали мне из Флоренции. ... Тебе нужна жена, с которой ты мог бы общаться, которой ты мог бы править, и которая не будет заботиться о пышности и каждый день бегать на вечеринки и бракосочетания. Женщине, которая делает такие вещи, легко ошибиться. Никто также не должен говорить, что ты хочешь облагородить себя браком, ибо хорошо известно, что мы такие же древние и благородные граждане Флоренции, как и представители любого другого дома. Представь себя Богу, и Он, возможно, поможет тебе". [Сноска 4]

[Примечание 4: Возможно, будет интересно узнать, что внучатый племянник действительно взял жену, одну из тех, кого рекомендовал его двоюродный дедушка, и что Микеланджело продиктовал имена детей, часто навещал их, заваливал подарками и был лучшим другом и доверенным лицом их матери.]

Однако, оставаясь холостяком, великий художник не избежал тревожных забот семейной жизни, поскольку у его братьев вошло в обычай обращаться к нему за помощью всякий раз, когда возникала беда. Его семья возражала против того, чтобы он стал скульптором, потому что это было ниже достоинства их знати, но теперь, когда он добился успеха, они были вполне готовы свободно распоряжаться его деньгами. У него был младший брат-козел отпущения, который был особенно занозой в заднице, постоянно попадал в неприятности, и

ему помогали, прежде всего постоянно требуя денег. Микеланджело однажды написал ему, когда работал над огромным потолком Сикстинской капеллы.

"Если ты позаботишься о том, чтобы преуспевать, чтить своего отца, я помогу тебе, как и другим, и вскоре устрою тебя в хорошую лавку. ... Я двенадцать лет странствовал по всей Италии, ведя собачий образ жизни, снося всевозможные оскорбления, перенося всевозможную тяжелую работу, изнуряя свое тело многими трудами, подвергая саму свою жизнь тысяче опасностей исключительно для того, чтобы помочь моей семье, и теперь, когда я начал немного поднимать ее, ты один желаешь сделать то, что в один час смешает и разрушит все, что я делал столько лет и с таким трудом".

Утешительные письма Микеланджело дочери своего брата (Леонардо), которая была хрупкой и болезненной, показывают, насколько нежными были его семейные привязанности. Иногда его изображали эгоцентричным холостяком, занятым только своим искусством. Любое подобное изображение его - всего лишь одно из многих односторонних ложных впечатлений об этих гениях эпохи Возрождения, все они, при близком знакомстве, оказываются искренними людьми с глубоко развитыми всеми человеческими интересами.

Одним из самых интересных эпизодов в жизни Микеланджело является его знакомство с Витторией Колонна. Это один из самых очаровательных эпизодов платонической дружбы с удивительным взаимовлиянием во благо, зафиксированный в истории. Виттория вдохновляла Микеланджело в его творчестве, и его дань уважения ей полна глубочайшего восхищения и почти поклонения святой. С другой стороны, никто не мог бы занимать более высокое положение в глазах Виттории, чем Микеланджело. Она предложила сюжеты для определенных картин, и Микеланджело написал их. Она написала с благодарностью и сказала по поводу одного из них:

"У меня была величайшая вера в Бога, что Он дарует вам сверхъестественную благодать нарисовать этого "Христа"; затем я увидел это, настолько чудесное, что оно во всех отношениях превзошло мои ожидания. Ободренный твоими чудесами, я пожелал того, что сейчас вижу чудесным образом исполненным, а именно, чтобы это было в каждой части в высочайшем совершенстве, и чтобы никто не мог желать большего или тянуться вперед, желая так сильно. И я говорю вам, что мне доставило радость то, что ангел по правую руку от Меня так прекрасен; ибо Архангел Михаил поместит тебя, Микеланджело, по правую руку от Господа в Судный день. И, тем временем, я не знаю, как служить вам иначе, как молиться этому милому "Христу", Которого вы так хорошо и совершеннейшим образом нарисовали, и умолять вас распоряжаться мной как полностью вашим во всем и через все".

Эта дружба Микеланджело и Виттории стала настолько знаменитой, что многим может показаться, что время соткало вокруг нее романтический ореол, далеко выходящий за рамки реальности. Однако требуется лишь небольшое изучение современных документов, чтобы показать, что факты представляют интерес даже больше, чем рассказываемые истории. Современные биографы обогатили традицию множеством деталей, и Гримм дал прекраснейшую картину этой самой знаменитой дружбы между мужчиной и женщиной, которая отражает столько чести для обоих участников. Ничто из того, что я знаю, не противоречит стольким ложным представлениям о Ренессансе, которые широко распространены и которые слишком часто принимаются в качестве критерия образа мыслей и поведения в этот период. Это противоречит всем так называемым языческим тенденциям эпохи Возрождения.

Кондиви, ученик Анджело, который писал о своем мастере при жизни и был тесно связан с ним на протяжении многих лет, с любовью отдает дань чистоте ума и речи Микеланджело. Великий мастер был образцом великодушия, и Кондиви говорит:

"Я часто слышал, как он говорил о любви; и другие, кто слушал его на эту тему, подтвердят мои слова, сказав, что единственная любовь, о которой он говорил, была той, о которой говорится в трудах Платона. Со своей стороны, я не знаю, что говорит Платон, но одно я, проживший с ним так долго и так близко, могу утверждать, что никогда не слышал от него ничего, кроме самых чистых слов".

Он был одним из самых воздержанных людей. Он буквально не думал о земных удобствах. Часто он брал в руку кусок хлеба во время работы, и это было все в течение долгого дня. Его питание, вероятно, было нерегулярным, и он уделял ему очень мало внимания. Что касается его сна, то он был известен даже среди самых напряженных людей своего времени своей способностью работать без сна и тем небольшим количеством, которое он принимал. Когда он был глубоко заинтересован какой-нибудь работой, он ложился прямо в одежде, а через несколько часов снова вставал за работу. Удивительно то, что при таких условиях жизни он должен был дожить почти до девяноста лет, но работа никогда не убивает, и если изначальная жизненная сила велика, люди гораздо лучше доживают до предела своего существования, расходуя свою энергию, чем позволяя ей реагировать внутри них, как это часто бывает. Некоторые его покаянные выражения были восприняты как указание, пусть это говорят современные писатели, но никак не его современники, на то, что он был страстной натурой и в юности давал волю своим порывам. Однако, за исключением этих слов покаяния, которые были довольно условны в его время и указывали скорее на падение ниже идеалов, чем на реальные серьезные ошибки, у нас нет абсолютно никаких доказательств. С другой стороны, у нас есть некоторые его высказывания, которые указывают на то, с какими трудностями он сталкивался в обуздании своих страстей в юности и как он рад, что приложил усилия, поскольку это спасло его от сожалений в последующей жизни.

Мысль о смерти была его любимой, и он, кажется, часто останавливался на ней и считал, что нет мысли лучше для человека. Это не только наказывало, но, прежде всего, помогало человеку избавиться от стремления к тривиальному и просто эгоистичному в жизни. Он считал мысль о смерти единственным соображением, которое помогает нам познать самих себя и спасает нас от того, чтобы стать добычей родственников, друзей или хозяев, честолюбия и других пороков и грехов, которые лишают человека самого себя. Это было его главной целью в жизни - прожить ее ради достижений, а не просто ради мелочей, которые легко удовлетворяют столько мужчин. Всякий раз, когда у него возникало искушение позволить себе отступить от своих высших целей в жизни ради сиюминутного превосходства, мысль о смерти действовала отрезвляюще, и время, когда наступала тьма и никто не мог трудиться, возвращало его к его лучшей работе, какими бы трудностями это ни сопровождалось.

Отношение Анджело к религии тем более интересно, что часто говорят, что великие люди эпохи Возрождения, благодаря своему глубокому изучению языческой древности, соприкоснулись с язычеством. Однако в Микеланджело нет и следа этого, и, несомненно, его следует рассматривать как типичного великого человека эпохи Возрождения. Всю свою жизнь он думал о своем отношении к своему Создателю и о необходимости выполнять работу не только для себя и не в корыстных целях, но и с великими целями, которые были бы достойны данных ему талантов. Однажды, когда у него возникли большие трудности из-за противодействия его планам и вмешательства в замыслы, которые, по его мнению,

должны быть осуществлены, он сказал папе Павлу III: "Святой отец, вы видите, что я приобретаю; если эти изнурительные испытания, которые я переношу, не приносят пользы моей душе, я теряю и время, и труд". Папа, у которого Микеланджело был большим любимцем и который превыше всего любил его искреннюю, прямолинейную простоту и глубокое религиозное чувство, по-отечески положил руки на плечи великого художника и сказал: "Не сомневайся. Ты приносишь пользу и душе, и телу".

К концу жизни его ум все больше и больше занимали религиозные мысли, и он культивировал в себе очаровательно простое благочестие. Это часто выражалось и раньше в его великих произведениях искусства, как в картинах, так и в скульптурах, и еще более отчетливо в его сонетах. Некоторые, по-видимому, думают, что художник в силу своей профессии может выражать прекрасные мысли на религиозные темы, даже если он их не чувствует. Предполагается, что каким-то образом дело художника - создавать у себя такие настроения, а затем выражать их, как если бы в искусстве можно было широко выразить то, чего человек на самом деле не чувствует. Большинство людей, однако, похоже, думают, что формальное выражение в *словах* должно значить больше в таких вопросах, и для них сонеты Микеланджело, несомненно, станут доказательствами его абсолютной искренности в религиозных вопросах. К концу жизни большая часть его поэзии носит глубоко религиозный характер. Он послал два сонета Вазари, когда тому было около семидесяти пяти, как он сказал биографу, "чтобы вы могли увидеть, где я храню свои мысли". Более возвышенного выражения христианского смирения и духа молитвенности, пожалуй, никогда не было. Одно из них, поскольку оно выражает его признание того факта, что мирские мелочи увлекли даже его, это ***очарование Священных Писаний как обскуры истинности***, стоит процитировать как итог его религиозной жизни и чувств:

"Мирские басни отняли у меня
время, которое у меня было для размышлений о Боге;
Его благодать погребена под землей забвения,
Откуда всегда прорастает злосчастный урожай грехов.
То, что делает другого мудрым, сбивает меня с пути истинного, я
Медленно различаю дурной путь, по которому я прошел:
Надежда угасает, но все еще поднимается желание, чтобы Бог
освободил от себялюбия, моего верного увядания.
Сократи половину моего пути с земли на небеса!
Дорогой Господь, я не смогу подняться даже наполовину
, Если Ты не поможешь мне в этом паломничестве.
Научи меня ненавидеть мир, который так мало стоит.
И все прекрасные вещи, которые я обнимаю и ценю.
Пусть бесконечная жизнь перед смертью будет моей платой".

Последней скульптурной работой Анджело была группа, очень похожая на его первую великую религиозную группу "Пьета". Она состояла из Пресвятой Девы с мертвым Христом и двух других фигур. Когда-либо был закончен только "Христос". Его намерение состояло в том, чтобы поместить эту группу на алтарь над его могилой, но его желание так и не было исполнено. Интересны обстоятельства его работы над ней. Как и многие старики, он часто ловил себя на том, что не спит по ночам и нуждается в чем-то, чтобы занять свои мысли.

Когда он встал на этот путь, он обычно работал в одиночестве и тишине над этими фигурами с любовными воспоминаниями и заботой и с мыслью, что это будет его памятник после смерти. Он стал смотреть на смерть скорее как на друга, чем как на врага, сказав однажды, что "жизнь, которая была дана нам без нашей просьбы, таила в себе чудесные возможности для добра, и смерть, которая пришла непрошеной из той же самой руки Провидения, несомненно, не могла оказаться менее благословенной".

На закате восемнадцатого февраля 1564 года Микеланджело повернулся к своим друзьям и сказал: "Я отдаю свою душу Богу, свое тело земле, а все мирское имущество моим ближайшим родственникам, наказывая им всю жизнь помнить о страданиях Иисуса Христа". Составляя завещание несколькими годами ранее, он оставил в качестве альтернативного наследника Церковь при условии, что "доход должен был из любви к Богу раздаваться скромным беднякам".

Хотя Леонардо да Винчи действительно был универсальным гением, вполне заслуживающим этого высокого титула, не следует забывать, что эпоха, в которую он жил, была эпохой Микеланджело. "Божественный мастер", как любили называть его художники-соотечественники с тех самых пор, как он появился на свет. Вероятно, следует признать, что он продвинул человеческую природу так далеко в ее способности выражать красоту и истину жизни, как ни один человек, когда-либо живший. Божественное в человеческой природе нигде не проявляется так ярко, как в достижениях Микеланджело. Не было ни одной формы искусства, ни одного способа выражения, ни одной области мысли, в которой он не преуспел. Следует признать, что его мысли часто были слишком возвышенны и слишком глубоки для ограничений человеческой природы, и что ему не всегда удавалось завершить свою работу таким образом, как он сам желал бы, и прежде всего таким, который сделал бы ее полностью понятной обычным смертным. Его работы дают нам лучшее представление о возможностях человеческой природы, однако Виттория Колонна, которая так хорошо знала Микеланджело, заявила, что те, кто восхищается работами Микеланджело, восхищаются лишь малой частью его личности. Она пришла к пониманию того, насколько в нем было больше, чем проявлялось даже в его работах. Часто художник вызывает разочарование после своих работ. Личность Микеланджело вызывала разочарование в его работах, как будто в них должно было быть гораздо больше.

Таким, каким его знали тогда современники, он был, если это возможно, более великим, чем предстает перед нами в своих произведениях. Вероятно, никогда не жил более крупный человек во всех лучших смыслах этого термина, художник, скульптор, архитектор, поэт, простой, скромный, набожный, в дружбе являющийся образцом для подражания, как глубоко любимый учитель - этот человек, который так чудесно преуспел во всем, за что брался, является одним из самых гордых представителей человеческой натуры, но сам остро осознавал, как мало он на самом деле может сделать из всего, что накопилось в его душе. Ни одна карьера в истории так ясно не показывает, что дыхание Творца находится в Его творениях, чтобы вдохновлять и возвышать. Насколько глубоко творение может влиять на себе подобных, Микеланджело иллюстрирует, возможно, как никто другой. Безусловно, существует не более нескольких избранных духов, которых можно пересчитать по пальцам одной руки, о которых мы думаем на одном дыхании с ним, когда подсчитываем благотворных гениев человечества, и мы едва ли можем предвидеть конец этому влиянию, кроме полного разрушения нашей современной цивилизации. Как сказал Гримм в конце своего шестого издания "Жизни Микеланджело", "Немыслимо, чтобы влияние, оказанное им на художественное творчество человечества, не усиливалось с течением времени".

ФРА АНДЖЕЛИКО, СВЯТОЙ ФРАНЦИСК

ГЛАВА IV

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ХУДОЖНИКИ ВЕКА. ФРА АНДЖЕЛИКО, ПЕРУДЖИНО, ФРА БАРТОЛОМЕО, БОТТИЧЕЛЛИ, БЕЛЛИНИ, ТИЦИАН, КОРРЕДЖО, ТИНТОРЕТТО, ВЕРОНЕЗЕ И ДРУГИЕ

Возможно, ничто так не иллюстрирует богатство гениев в то время, которое мы называли веком Колумба, как тот факт, что после подробных описаний жизней Рафаэля, Микеланджело и Леонардо да Винчи многие художники первого ранга по-прежнему остаются на втором месте, так сказать, некоторые из них демонстрируют некоторые качества, которые сделали их почти уникальными в истории искусства. Некоторые из этих великих художников признаны одними из самых выдающихся художников всех времен. Когда будет осознано, что такие люди, как Фра Анджелико, Перуджино, Боттичелли, Тициан, Корреджо, Тинторетто и Веронезе, должны быть объединены в одной главе, необходимость сжатия в нашем описании столетия начнет осознаваться. Каждый из них заслуживает для любого адекватного представления своей работы не нескольких абзацев, а большого тома, и о каждом из них действительно был написан не один, а множество томов даже спустя столетия после их смерти. Не следует забывать, что почти такая же аббревиатура истории должна быть использована для обозначения любого другого этапа достижений века.

Когда открылся Век Колумба, фра Анджелико только что вызвали в Рим, чтобы приступить к тому, что обычно считается венцом его жизни. Это была фресковая роспись стен малой орактории в Ватикане, с тех пор известной как часовня Николая V, потому что ее оформление было заказано этим великим понтификом, человеком глубокой учености и просвещенным покровителем изящных искусств, чья цель сделать Рим не только центром религиозной жизни, но и источником наилучшего влияния на искусство и науку во всем мире, получила широкое признание. Художники и искусствоведы были почти полны похвал этим украшением Фра Анджелико. Стены с трех сторон были увешаны двумя сериями картин, верхняя часть которых иллюстрировала жизнь святого Стефана, а нижняя - святого Лаврентия. То, что два столь похожих сюжета были обработаны в тесном соседстве без каких-либо повторений в дизайне или композиции, само по себе является наилучшим возможным доказательством силы художника и его конструктивного воображения. Рисунки демонстрируют свежесть замысла, весьма примечательную для человека преклонных лет, но при этом сила и искренность его искусства абсолютно не ослабевают, и, во всяком случае, наблюдается углубление религиозного чувства, столь характерного для него. Когда он выполнял эту работу, ему было, вероятно, за шестьдесят пять лет.

К счастью, в наши дни, когда так легко приобрести дешевые репродукции работ всех великих художников и когда можно легко получить цветные копии картин фра Анджелико, каждый может сам узнать хотя бы что-то о мягкости и силе этого очаровательного художника раннего Возрождения. Его мадонны обладают самым трогательным материнским выражением лица и в то же время полны мистической святости, которая присуща Матери Божьей. Его ангелы - это постоянно повторяющийся аргумент и убедительный призыв к существованию этих невидимых существ, которые, как было хорошо заявлено, выглядят настолько реальными, что кажутся убедительными. Его изображения Христа как мужчины и мальчика полны человечности, и в то же время в них

есть Божественность, сияющая сквозь завесы плоти. Никто, кроме человека, который твердо, безраздельно и всецело верил в то, что он рисовал, не мог бы подарить нам эти чудесные изображения. Таким образом, легко понять, что когда дело доходит до его изображений святых, Фра Анджелико дает нам абсолютно реалистичные изображения их в различных действиях, поскольку их деятельность привлекает его. Среди них он представил несколько портретов своих друзей, заложив таким образом фундамент той портретной живописи, которой суждено было так тонко развиваться в следующем поколении и которая, к счастью, сохранила для нас черты стольких людей, которых мы хотели бы знать. В то же время на заднем плане своих картин он дал нам начало современной пейзажной живописи во всей красоте и очаровании своего собственного, простого, бескорыстного взгляда на красоты природы.

Одним из самых значительных итальянских художников первой половины века правления Колумба, тем более интересным, что он был мастером молодого Рафаэля, был Пьетро Ваннуччи, которого мир искусства знает как Перуджино по названию города, в котором он поселился, Перуджи. Он родился незадолго до начала века, в 1447 году. Его родители были бедны, хотя и не из низкого сословия, и мальчиком Пьетро работал поденщиком в магазине у художника в Перудже. Было много дискуссий о том, кем был этот художник, и, вероятно, лучшим определением является Никколо да Фолиньо, которого иногда считают основателем школы умбрийских художников, в которой Перуджино впоследствии занял столь важное место. Никколо сам был учеником Беноццо Гоццолли, который был обязан своим обучением фра Анджелико. В Перудже были и другие художники, под влиянием которых оказался молодой Перуджино, и их имена, взятые в связи с уже упомянутыми, покажут удивительное влияние искусства за рубежом того периода. Вазари упоминает также Бонфигли, известного также как Бенедетто Буонфильо, чьи работы в лучшем виде можно увидеть только в Перудже и они заслуживают изучения, и Фьоренцо ди Лоренцо, у которого впервые появляются типичные умбрийские пейзажи, которые являются столь важной чертой картин Перуджино. Еще более важное влияние на жизнь Перуджино оказал Пьеро делла Франческа, который, возможно, некоторое время жил в Перудже, хотя Перуджино, возможно, встречался с ним в другом месте.

После своей ученической работы художником в Перудже Перуджино путешествовал и находился под влиянием таких людей, как Лука Синьорелли, Лоренцо и группы великих художников того времени во Флоренции, включая Гирландайо, Кози, Мороселли и Боттичелли, а также мастера Верроккьо, в мастерской которого Перуджино, вероятно, познакомился с Леонардо да Винчи, а также с Лоренцо ди Креди. Вот две часто цитируемые строки из Джованни Санти: "два юноши, похожие по возрасту и любви, Леонардо да Винчи и перуджиец Петр из Пьеве". Заслугой Перуджино было то, что он выделился даже среди них, и его религиозные картины имеют ценность сами по себе. После долгих лет тренировок и путешествий Перуджино получил возможность побывать в Риме, особенно в Сикстинской капелле. О своей работе там Беренсон сказал в книге "Центральноитальянские художники эпохи Возрождения": "Именно золотистый радостный цвет, тонкий ритм групп и, прежде всего, жизнерадостный простор этой фрески покоряют и удерживают нас". Он говорил о "золотом мечтательном лете" на своих картинах в Лувре, и особенно о "круглом изображении Мадонны со святыми-хранителями и ангелами, окутанных Небесным цветом, блаженно грезящих ярким летним днем". Способность Перуджино изображать человека "не как ничтожество на фоне бесконечности, а таким, каким человек должен быть в Эдеме, доминирующим и возвышающимся высоко над горизонтом", обеспечила ему отдельное место. "Именно это возвышение человека над пейзажем не только оправдывает, но и делает картины великими".

Гримм в своей "Жизни Микеланджело" делает все возможное, чтобы сказать, что "Работы Перуджино в Сикстинской капелле намного превосходят другие, хотя среди них такие великие люди, как Боттичелли, Синьорелли и Гирландаджо. Его простота, его симметрия, его продуманная композиция и отделка отдельных фигур, хотя в других они часто находятся в массе, едва различимой, все это придает его живописи исключительное своеобразие".

Возможно, величайшей данью уважения Перуджино, которую отдали последующие поколения, является приписывание Рафаэлю некоторых работ, которые с тех пор были признаны работами Перуджино. "Аполлон и Марсий" из парижского Лувра, который уже тридцать лет находится в Салоне Карре, является типичным примером и до сих пор называется Рафаэлем в каталоге Лувра, хотя теперь он почти наверняка приписан Перуджино. В большинстве крупных галерей Европы есть картины, которые они ценят очень высоко, созданные Перуджино, и ошибки в отношении его работ всегда были такими, что свидетельствовали о высочайшей оценке Перуджино, поскольку они приписывались великим мастерам.

ПЕРУДЖИНО, ПОГРЕБЕНИЕ (ПИТТИ)

БОРГОНЬОНЕ, СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ

Одним из великих художников того времени, который, если бы он не сделал ничего другого, кроме глубокого влияния на Рафаэля, заслуживал бы места в любом описании искусства этого столетия, является фра Бартоломмео. Он был близким другом Савонаролы и написал хорошо известный портрет великого проповедника после неудачной казни монаха. В то время, когда орден Святого Доминика был очень непопулярен, Бартоломмео вступил в него в 1500 году и на время отказался от живописи. [Сноска 5] Однако он вернулся к своему искусству "на благо монастыря и во славу Божию". Вполне естественно, что на него очень сильно повлияли религиозные работы фра Анджелико, его брата, которые были повсюду вокруг него в монастыре Сан-Марко, а также он попал под влияние Леонардо да Винчи, работавшего во Флоренции в первом десятилетии шестнадцатого века. Бартоломмео руководил студией Сан-Марко, и именно здесь Рафаэль вступил с ним в контакт к взаимной выгоде обоих художников, хотя Рафаэль был намного моложе его. В 1508 году Бартоломмео посетил Венецию и попал под очарование богатого колорита Беллини и Тициана.

[Сноска 5: Часто говорят, что нам повезло, что проповедь Савонаролы не оказала глубокого влияния на флорентийцев, ибо, если бы это произошло, это, несомненно, серьезно повлияло бы на искусство, а поскольку это так, часто заявляют, что, должно быть, было много прекрасных произведений искусства, принесенных в жертву кострам, разведенным на улицах Флоренции по вдохновению Савонаролы. В

очерке фра Бартоломмео (М. Е. James, Лондон, 1902) ответ на этот вопрос содержится в одном абзаце:

"Художники Италии не ссорились с монахом; некоторые из лучших из них были его преданными друзьями, в то время как многие вступали в его Орден. Fra Filippo Lappacini in 1492, Fra Agostino di Paulo, Fra Ambrogio and Fra Luca della Robbia, Fra Benedetto (miniature painter), 1495, Fra Eustachio, 1496. Микеланджело постоянно читал проповеди монаха; Кронака, великий архитектор, "не мог говорить ни о чем другом". Рафаэль изобразил его среди учителей Церкви. Бальдини, Лоренцо ди Креди и Боттичелли любили его".]

Вероятно, величайшими работами фра Бартоломмео являются "Женитьба святой Екатерины", "Страшный суд", которые сейчас находятся в церкви Санта-Мария-Нуова во Флоренции, картина, которая, как говорят, привлекла внимание Рафаэля, и хорошо известное "Сошествие с креста", или, как ее часто называют, "Плач о Христе", "в котором выражение страдания на лицах очаровательно различается для различных персонажей Святого Иоанна, Магдалины и Пресвятой Девы, и настолько приглушенное, что небесный покой озаряет группу". Было заявлено, что Бартоломмео объединил духовность фра Анджелико с совершенным обращением к форме и цвету Рафаэля в сочетании с присущей ему мягкой серьезностью и преданностью, которая была частью его жизни. "Сошествие с креста" - одна из его последних работ, и она далека от каких-либо признаков ослабления силы, исполнена виртуозно и твердо. По анатомии, композиции и цвету она непревзойденна; по тонкости чувств и религиозной набожности она считается одной из величайших картин мира. Его портрет "Савонарола", произведение любви пылкого ученика, заслуженно является его самой известной работой и одним из величайших портретов всех времен, достойным быть поставленным рядом с работами таких мастеров портретной живописи, как Беллини, Тициан, Рафаэль и даже Леонардо.

Среди других второстепенных художников времен Колумба одним из величайших, художником, который выделялся бы среди всех своих современников практически в любой другой период искусства, является Сандро Боттичелли. Он единственный современник, которого Леонардо упоминает в своем "Трактате о живописи". Четверть века назад Уолтер Патер в своих "Очерках эпохи Возрождения" сказал о нем в связи с тем отличием, что его упомянул Леонардо:

"Это превосходство может быть обусловлено только случайностью, но некоторым оно скорее покажется результатом обдуманного суждения, поскольку люди начали осознавать очарование работ Боттичелли; и его имя, малоизвестное в прошлом веке, постепенно приобретает значение. В середине пятнадцатого века он уже во многом предвосхитил ту медитативную тонкость, которая, как иногда полагают, свойственна великим творцам своего времени. Оставив простую религию, которая занимала последователей Джотто в течение столетия, и выросший из нее простой натурализм, связанный только с птицами и цветами, он искал вдохновения в том, что для него было произведениями современного мира, в трудах Данте и Боккаччо, а также в новом прочтении своих собственных классических историй; или, если он рисовал религиозные эпизоды, рисовал их с затаенным оригинальным чувством, которое затрагивает вас как реальная суть картины сквозь завесу ее мнимого сюжета".

В своих картинах "Весна" и "Рождение Венеры" Боттичелли продемонстрировал свою способность создавать великолепные картины с богатым воображением, а "Венера" особенно демонстрирует его способность выражать интимную, неуловимую психологию

своего предмета. В своем небольшом наброске Боттичелли Стритер (Католическое общество истины, Лондон, 1900) говорит:

"Возможно, самое поразительное в этом утонченном видении древности - это сознательный акцент на расстоянии, с которого это видение воспринимается. Печаль, которую Боттичелли научился сдерживать в своих недавних "Мадоннах", с новой силой прорывается в тоскливом плаче богини наслаждений, разлученной со своим истинным домом "мирскими муками на протяжении двадцати веков", "зияющей гробницей, где похоронены старые религии мира и откуда воскрес Христос". Кажется, не так, как утверждали некоторые критики, Боттичелли стремился, и тщетно, достичь истинного воплощения языческого идеала, скорее, он искал в этом странном месте, смешение языческих и средневековых чувств, чтобы выразить его собственное глубокое убеждение в невозможности для более позднего возраста когда-либо достичь этого".

Боттичелли известен прежде всего своими круглыми картинами. Каким-то образом эти **тонди**, как их называют, вошли в моду во Флоренции примерно в середине второй половины пятнадцатого века, и когда Боттичелли было около тридцати, он написал целую серию. Достаточно только увидеть очаровательные репродукции, которые сейчас так часто используются в декоративных целях, чтобы понять, насколько они прекрасны. "Мадонна Магнификат", названная так потому, что Пресвятая Дева изображена с пером в руке, пишущей свою хвалебную песнь, хотя также известная как "Коронация Пресвятой Девы", потому что ангелы изображены возлагающими корону ей на голову, является самой совершенной из них. Линии композиции, которые были изысканно расположены так, чтобы вписаться в круглую рамку, были очень удачно сопоставлены с линиями венчика раскрытой розы. Боттичелли смог не только преодолеть трудности этой округлой формы живописи, но и на самом деле создать из трудностей, связанных с этой формой композиции, новые красоты, подобно тому, как поэт может выбрать особенно сложный метр, и на самом деле повысить качество или, по крайней мере, очарование своей поэзии благодаря изысканной форме, в которую он ее облек.

Одной из форм художественной деятельности Боттичелли, которая в наше время очень привлекает внимание художников и литераторов, является выполнение им серии иллюстраций к Данте. С его глубокой симпатией к средневековому духу вполне можно было ожидать, что он создаст настолько адекватные иллюстрации к Данте, насколько это возможно. Требуется глубокое знание Данте, чтобы оценить эти иллюстрации. Они совсем не похожи на современные попытки проиллюстрировать Данте и отделены от иллюстраций Доре так же далеко, как Небо от земли. Они чрезвычайно наивны и просты и на первый взгляд могут показаться современному человеку карикатурами, а не иллюстрациями. Элемент гротеска в Данте ни в малейшей степени не преуменьшен. Требуется много изучения, чтобы оценить глубокое выражение Рескина о том, что благородный гротеск - одно из самых возвышенных достижений искусства. Иллюстрации должны быть изучены в связи с текстом и в духе глубокой преданности Данте, прежде чем появится надлежащая оценка. Однако великие авторитеты в искусстве и древней литературе объединились, заявив, что это самые чудесные иллюстрации к Данте, которые когда-либо были сделаны. Это показатель гениальности Боттичелли, которого он так чудесно достиг в искусстве, незнакомом ему лично, а затем совершенно новым в мире. Его иллюстрации были сделаны в виде копий для иллюстрации печатной книги.

До тех пор, пока Боттичелли не будет изучен добросовестно и серьезно, большинство людей, вероятно, будут думать о нем как о художнике, передающем то, что он видел, с определенным поэтическим очарованием и наивностью, которые, напротив, делают его

особенно интересным для современного мира. Немногие осознают, насколько признательные ученики Боттичелли, которые в то же время являются искусствоведами, научились думать о его высокой серьезности, его возвышенной цели и его чудесном исполнении в его картинах. В наше время им стали восхищаться прежде всего за его психологию, и по мере того, как наш собственный интерес к психологии углублялся, росла и оценка Боттичелли. Он был одарен глубоким психологическим пониманием характера, которое он умел выразить с почти невероятной простотой и прямоотой. Говоря о своем св. Августин, святой Иероним, святой Элигий и святой Иоанн, известный немецкий критик. Профессор. Штейнман недавно сказал:

БОТТИЧЕЛЛИ, ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДАНТЕ

"Казалось бы, в этих четырех сильно контрастирующих фигурах Боттичелли стремился изобразить четыре человеческих темперамента в их отдельных и отличительных способах реагирования на один и тот же духовный призыв: пламенный энтузиазм импульсивного Святого Иоанна, устремленного ввысь, охваченного изумлением; прилежную сосредоточенность, с которой святой Иоанн Августин, который здесь олицетворяет флегматичный темперамент, невозмутимо продолжает писать; напряженная тоска святого Иеронима, измученного многочисленными постами и бдениями; и великодушие сангвиника святого Элигия, который, глядя перед собой, поднимает руку в благословении. С непревзойденным мастерством Боттичелли провел различие между реальностью этих живых фигур и идеальным качеством небесного видения. И этой картине придается особый художественный интерес, что делает ее типичным примером редкой многогранности гения художника, благодаря тому факту, что в энергичном, массивном, реалистичном изображении святых, в фантастической, поэтической утонченности ангельских хоров, в чопорном, суровом традиционализме центральных фигур мистерии показаны три отдельных способа воображения, три отдельных метода манипулирования линией и цветом, настолько отчетливые и индивидуализированные, что может показаться, что они должны быть работой трех отдельных художников".

Очень великим художником, которого не часто ценят так, как следовало бы, за пределами Италии, хотя в последние годы он гораздо более известен, является Джованни Беллини, выдающийся венецианский живописец. Его портрет "Дож Лоредано" сейчас признан одним из величайших портретов в мире, и его копии можно увидеть повсюду. Однако его шедеврами являются алтарные изображения, которые известны своей красотой и религиозностью. Особенно знамениты его мадонны. Его хорошо известная картина в Берлине "Ангелы, оплакивающие Христа", вероятно, является одной из самых по-человечески трогательных мистических картин. "Представление младенца Христа" в Храме, в котором Мария изображена передающей младенца первосвященнику за столом, в то время как поразительное выражение поклонения на лицах старца Симеона и Иосифа чудесным образом дополняет смысл картины, является еще одним типичным примером способности Беллини выражать самые возвышенные религиозные чувства.

БЕЛЛИНИ, ДОЖ ЛОРЕДАНО

Среди тех, кто занимал второе место в этот великий период искусства, одним из величайших, несомненно, был Тициан. В любой другой период он вполне мог бы стать величайшим художником своего времени. Его живопись была написана в Венеции, и его раннее обучение было работе со стеклом и мозаикой, чему, по-видимому, следует приписать его чудесное развитие цвета в живописи. В возрасте около пятнадцати лет он поступил в мастерскую Джованни Беллини, в то время величайшего из венецианских художников и одного из важных вкладчиков в искусство того периода. В этой студии собралась группа молодых людей, в том числе Джорджоне, с которым Тициана связывала тесная дружба, Джованни Пальма, Лоренцо Лотто и Себастьяно Лучани, которым суждено было прославиться. Особенно Тициан и Джорджоне оторвались от старых традиций живописи и стали основоположниками современного искусства. Всю свою долгую плодотворную жизнь, длившуюся почти 100 лет, за исключением очень коротких визитов в другие места, Тициан жил в Венеции и создавал там свои замечательные картины. Есть его шедевры, которые признаны художниками и критиками одними из величайших картин, которые у нас есть. Ни одна картина не изучалась студентами-искусствоведами более добросовестно во всех поколениях со времен него. Некоторые из его мадонн являются одними из самых красивых в мире и выдерживают сравнение даже со всеми, кроме самых прекрасных работ Рафаэля. Его "Погребение Христа" в Лувре - превосходное изображение этой сцены, которая так часто

привлекала художников. "Успение Пресвятой Богородицы" в Академии в Венеции, вероятно, является одной из самых посещаемых картин в Италии и демонстрирует все лучшие качества, хотя и некоторые недостатки великого венецианца.

Такие картины, как "Сретение Пресвятой Богородицы" в Ватикане в Риме, показывают, как Тициан добросовестно развивал свои лучшие способности, пока не достиг высшей точки художественного самовыражения. Вероятно, никогда не было сделано более убедительных репрезентаций религиозных тем. Хотя он мог создавать замечательные картины большого масштаба, и его композиции всегда были предметом любовного изучения, некоторые из его небольших картин едва ли не прекраснее всех, созданных им, а его серия маленьких мадонн не имеет себе равных, и очень немногие из них превзойдены даже трактовкой Рафаэлем той же темы.

Однако как художник-портретист Тициан почти превзошел свои работы религиозного живописца. Его серия портретов императора Карла V входит в число величайших портретов мира. Некоторые считают, что его портреты Филиппа II даже превосходят портреты его отца. Портреты самого Тициана и его дочери - замечательные "поддельные представления" реальных людей. Действительно, портреты его современников, оставленные нам Тицианом, представляют вечный интерес, и помимо того, что они являются великими произведениями искусства, они чудесным образом освещают изображенные человеческие личности. Они представляют собой не просто воспроизведение черт личности, но сохраняют для потомков характер и саму душу. Леонардо да Винчи и Рафаэль превзошли его, когда поставили перед собой ту же задачу. Ван Дайк равен ему в некоторых отношениях, но приносит гораздо меньше удовлетворения. Рембрандт и Веласкес - его ровесники, но есть те, кто считает, что он в значительной степени сочетает в себе лучшие качества обоих этих великих преемников в одной и той же области.

Однако, помимо своих религиозных картин и портретов, Тициану удалось создать некоторые из величайших изображений древних мифологических преданий, которые когда-либо были созданы. Его вызывающая всеобщее восхищение картина "Вакханалии" в Мадриде и еще более знаменитая "Вакх и Ариадна", которую сейчас так часто можно увидеть в копиях, показывают, насколько хорошо он мог проникнуться духом древней олимпийской мифологии. Для эпохи Возрождения, в которую он жил, было типично, что он таким образом вдохновлялся греческой культурой и религией. Если бы мы не получили из его рук так много прекрасных христианских религиозных картин, которые никогда не могли быть написаны кем-либо, кроме человека, который сам верил в религиозные сцены и мистерии, которые он изображает, было бы почти невозможно поверить после изучения этих языческих картин, что он мог сохранить благочестивое христианское благочестие и веру с такой сочувственной оценкой и глубоким пониманием психологии старых языческих мифов. Однако именно такое сочетание было вполне возможно для великих умов эпохи Возрождения. Чем больше они походили на Тициана, Микеланджело и Рафаэля, тем глубже была их вера, хотя тем выше была их способность изображать фазы религиозного чувства, которые можно было бы считать настолько чуждыми их религиозному опыту, что они совершенно не могли выразить свое сочувствие. Меньшие люди под влиянием греческой мифологии стали просто язычниками, но более великие сохранили свою веру в ее полноту. Людей поменьше стало настолько больше, что у нас есть традиция эпохи Возрождения превращать людей в язычников, но это неверно по отношению к гениям того времени.

Тициан, как сказал Делакура в статье в своем **"Словаре изящных искусств"**, один из тех, кто ближе всего подошел к духу античности. Великий современный художник и ценитель искусства без колебаний заявил, что нигде, за исключением, возможно, таких великих

памятников древности, как скульптуры Пантеона, античность не может быть так хорошо понята, как в картинах Тициана. И все же это художник, к которому епископы и духовные лица, монахи и монах-паства и люди его времени, желавшие выразить то, что было глубочайшим в их чувстве преданности и благочестия, стремились с наибольшим рвением из-за его удивительной способности передавать все очарование религиозных персонажей и всю силу религиозных чувств. Он обладает всей многогранностью эпохи Возрождения, но при этом нисколько не утрачивает средневековой способности внушать глубокие христианские чувства.

Очень великой художественной школой эпохи Возрождения была та, что зародилась в Южной Тоскане и Романье, тремя наиболее известными представителями которой являются Пьеро деи Франчески, Лука Синьорелли и Мелоццо да Форли. О влиянии Пьеро на Перуджино уже говорилось. Беренсон заявляет, что он "едва ли уступает Джотто и Мазаччо в чувстве осязательных ценностей; в передаче ценностей силы он соперничает с Донателло; он, возможно, был первым, кто использовал эффекты света для их прямых тонизирующих или подчиняющих и успокаивающих свойств; и, наконец, если судить как иллюстратора, можно усомниться в том, что другой художник когда-либо представлял мир более полным и убедительным, когда-либо имел идеал более величественный или когда-либо наделял вещи более героическим значением".

Два ученика Пьеро, Мелоццо и Синьорелли, каждый из которых начинал, как говорит Беренсон, с наследия, оставленного ему Пьеро, но, следуя подсказкам собственного темперамента и руководству собственного гения, по-своему великолепно достигли совершенства. Мелоццо обладал более величественным темпераментом, Синьорелли - более тонким и глубоким умом. Посетители Лоретто, которые увидят там ангелов-музыцирующих в куполе, вероятно, будут удивлены способностью художника выразить что-то от волшебства музыки. Беренсон говорит о них: [Сноска 6] "Они почти что похожи на французскую готику в своем колдовстве, и они слушают свою собственную игру так, словно хотят очаровать самый тайный дух своих инструментов. И вы поймете, какое чувство утонченной красоты было у Синьорелли, если, сидя за "Авророй" Гвидо, остановите свой взгляд на его Мадонне работы в том же павильоне дворца Роспильози".

[Сноска 6: **Указ. соч.**, стр. 81.]

Одним из величайших художников эпохи Возрождения, которого в последние годы снова стали ценить, является Антонио Аллегри, широко известный как Корреджо, из маленького городка недалеко от Мантуи, в котором он родился. Он - одна из самых удивительных фигур в истории искусства. Насколько нам известно, у него не было ни учителей, ни учеников. Кажется, он никогда не посещал ни один из городов, в которых в его время (1494-1524) можно было увидеть так много великих картин, и не стремился познакомиться ни с кем из своих великих современников. Все, что мы знаем о нем, это то, что у него был "дядя, который рисовал, но не был художником". Он повлиял на художников позднего времени в Италии едва ли не больше, чем кто-либо из его современников. Некоторые относят его к декадентской или "сладкой" школе итальянской живописи, и, несомненно, такие художники, как Гвидо Рени и Карло Дольчи, которые на протяжении многих веков были более популярны, чем великие мастера, находились под его глубоким влиянием. Несмотря на такое пренебрежение к достижениям других в жизни, ему было суждено сформировать школу, которая привлекла больше внимания последующих поколений, чем почти любой из его современников. Его картины представляют собой кульминацию итальянского религиозного искусства, а его картины с изображением ангелов и небесных существ, вместе

с картинами фра Анджелико двумя поколениями ранее, показывают, как чудесно итальянские художники того времени умели визуализировать духовные концепции.

КОРРЕДЖО, "ЖЕНИТЬБА СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ" (ЛУВР)

Гримм в своей "Жизни Микеланджело" говорит о Корреджо: "Как Парма, где он (Корреджо) писал картины, находится между Миланом, Флоренцией и Венецией, так и живопись Корреджо представляет собой нечто среднее между школами этих городов. Более великий, чем все, кто пришел после Микеланджело, Леонардо и Рафаэля, Корреджо обладает многими качествами в своем искусстве, в которых превосходит даже их. В отличие от венецианцев, он не пренебрегал рисованием; он охватил все свое искусство и заметно продвинулся вперед".

Гримм заходит так далеко, что говорит: "Если бы мы могли представить себе потоки, вытекающие из гения Рафаэля, Леонардо, Тициана и Микеланджело, чтобы сформировать новый дух, то этим духом был бы дух Корреджо. У него есть мечтательная улыбчивая мягкость Леонардо и, если добавить внешнюю деталь, его судьба в отношении нашего абсолютного незнания его внутренней и внешней жизни; у него есть радостные, лучезарные, нетварные качества Рафаэля с его короткой жизнью и ее прерыванием в самом ее расцвете; у него есть смелость Микеланджело, его любовь к беспрецедентным позам и его способность воспроизводить их в изумительном ракурсе; у него есть мягкий колорит Тициана и дар изображать трепещущую обнаженную плоть так, как будто в ней бьется пульс".

То, что он ушел из жизни в расцвете сил, в возрасте тридцати лет, - одна из величайших потерь в искусстве мира, но то, что мы имеем от него, показывает высочайшего художника,

и хотя у нас могли бы быть другие драгоценные художественные сокровища, мы вряд ли могли бы получить более полное раскрытие его гения.

Ли Хант в своей статье о нем в "Католической энциклопедии" подчеркивает далеко идущее влияние, которое работы Корреджо оказали на художников его времени, и насколько глубоко принципы его искусства преобладали в живописи и скульптуре семнадцатого и восемнадцатого веков по всей Италии и Франции.

"Корреджо - самый искусный художник со времен древних греков в искусстве ракурса; и, действительно, он был мастером всех технических приемов в живописи, будучи первым, кто ввел правила воздушной перспективы. Сияющий свет заливает его картины и настолько тонко распределен, что незаметно переходит в тень с той игрой отражений среди теней, которая придает прозрачность каждой модуляции. Это **светотень**. Даже в самых ранних работах Аллегри это было заметно, а позже он стал признанным мастером этого искусства. Его утонченное чувство заставляло Корреджо писать обнаженную натуру, как бы исходя из видения идеальной красоты; чувственное в жизни он делал чистым и прекрасным; земные удовольствия он одухотворял и придавал выражение душевной красоте, самой кульминации истинного искусства. Его изображения ангелов - это крик **Sursum Corda**. Возраст, в котором он жил и творил, отчасти был ответственен за это; но его скромность, его уединенный нрав, его любовь к уединению, его идеальная домашняя жизнь, его благочестие и общение с монахами-бенедиктинцами способствовали этому гораздо больше".

Очень великим художником века Колумба, хотя обычно о нем думают как о художнике более позднего периода, был Якопо Робусти, которого мы знаем как Тинторетто. По словам Ридольфи, который сам родился почти в день смерти Тинторетто, художник родился в 1512 году, хотя для него были приняты более поздние даты - до 1520 года. Как и многие другие великие деятели эпохи Возрождения, он тоже дожил по меньшей мере до семидесяти пяти, а возможно, и далеко за восемьдесят. Тот же запас энергии, который позволял ему выполнять свою работу, обеспечивал ему продолжительность жизни. Он был сыном красильщика и в детстве увлекался рисованием, находя цвета, используемые его отцом, ценными для практики в живописи. Хотя он жил в то время, когда работали многие великие художники эпохи Возрождения, он не испытал на себе их глубокого влияния, но, к счастью для себя, развил свой собственный гений. Он известен своим рисунком, своей властью над которым он был обязан препарированию, рисованию с натуры и с моделей, задрапированных и освещенных различными способами, некоторые из них подвешены к потолку, чтобы получить правильный ракурс летящих фигур. Он изобрел хитроумное устройство - прямоугольную рамку с перекинутыми через нее веревочками, которая, если держать ее перед глазами, учила точно измерять пропорции. В то время как венецианские художники в целом славятся своим колоритом, Тинторетто является лучшим из них в рисовании и одним из величайших художников Италии.

ГОССЕРТ, ДЕВА И МЛАДЕНЕЦ ИИСУС (ИТАЛЬЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФЛАМАНДСКИЙ)

Как и у всех других великих деятелей эпохи Возрождения, почти без исключения, у него была страсть к работе, и он оставил нам огромное количество готовых картин. Некоторые из его картин, как, например, "Вакх и Ариадна", считаются величайшими в своем роде. Некоторые из его великих картин, хранящихся во дворце дождей в Венеции, были излюбленным предметом изучения художников еще с его времен. Раскин считал его одним из величайших художников, когда-либо живших, и сделал его имя и творчество известными англоязычным народам. Вероятно, никто никогда не осмеливался попытаться решить так много проблем в живописи, как Тинторетто, и никто не решал их лучше. Он оказал глубокое влияние на свое поколение и с тех пор оказывал влияние на каждое поколение, которое обладало истинно критическим духом и высокой оценкой искусства. О нем хорошо сказано, и без преувеличения, что он в совершенстве владел каждой деталью своего искусства. Ридольфи рассказывает нам, что двумя его любимыми предметами изучения были работы Тициана и рельефы Микеланджело. Он написал на стене своей мастерской эти слова: ***Il disegno di Michelangelo é il colorito di Titiano*** (рисунок и композиция Микеланджело и колорит Тициана). Таковы были его амбиции. Он был настолько близок к достижению этой трансцендентной цели, насколько, возможно, это возможно сделать.

Выдающимся художником венецианской школы того времени, которого обычно считают принадлежащим к более позднему периоду, является Паоло Кальяри, более известный как Веронезе. Однако ему было двадцать два года до закрытия Века Колумба, и поскольку он

начал свою работу очень рано, он получил несколько важных заказов еще до того, как ему исполнилось двадцать пять лет. Всем своим образованием он обязан, по крайней мере, великому периоду. Его величайшая картина "Свадьба в Кане" была написана практически в течение десятилетия после окончания нашего периода. Он очень любил огромные композиции, и только Тинторетто превзошел его в концепции больших картин и наполнении больших полотен. Как и большинство художников эпохи Возрождения, он был человеком неутомимой энергии, а также разделял легкость, которой обладали столь многие из них; его очень большие картины не служили для ограничения количества его картин в той степени, в какой можно было бы ожидать в противном случае. Он был мастером декора и использования роскошного цвета, который изобрели венецианцы благодаря своему знакомству с пигментами и изготовлением стекла, и ни один великий художник-декоратор не мог сравниться с ним в эффекте, производимом этим богатством цвета. Уже начинается декаданс, и его великим картинам не хватает чувства, и, прежде всего, в них нет и следа религиозного чувства, хотя многие из них посвящены религиозным сюжетам, но это великолепные, непревзойденные, холодные триумфы композиции.

Эти великие художники эпохи Возрождения, тронутые духом гуманизма, царившим в мире их времени, и древнегреческими представлениями о месте человека как самого центра вселенной, создали новый взгляд на людей в их отношении к окружающему миру. Они эллинизировали свое видение людей и наложили отпечаток на культуру и цивилизацию своего времени. Беренсон предположил в своей книге "Центральноитальянские художники эпохи Возрождения", что таким образом они повлияли не только на то, как люди смотрят на людей, но и на самом деле в какой-то степени преобразили самих людей с помощью зеркала, которое они держали перед собой. Он сказал: [Сноска 7]

[Сноска 7: Указ. соч., стр. 67.]

"Способ визуализации, на который повлияли художники, гуманисты и правящие классы, не мог не стать универсальным. У кого была сила пробиться сквозь этот новый стандарт видения и из хаоса вещей выбрать формы, более определенно выражающие реальность, чем те, что были созданы гениальными людьми? Ни у кого не было такой силы. Люди волей-неволей должны были видеть вещи именно так, и никак иначе, видеть только изображенные формы, любить только представленные идеалы. И это было не все. Благодаря этой тонкой и самой непреодолимой из всех сил, бессознательной привычке к подражанию, люди вскоре либо действительно стали походить на новые идеалы, либо, во всяком случае, искренне старались быть похожими на них. Результатом стало то, что после пяти столетий постоянного подражания типу, впервые представленному Донателло и Мазаччо, мы как раса стали больше похожи на этот тип, чем когда-либо прежде. Ибо нет более любопытной истины, чем банальное утверждение, что природа подражает искусству. Искусство учит нас не только тому, что видеть, но и тому, кем быть".

VAN DER WEYDEN, MATER DOLOROSA

ГЛАВА V

ЖИВОПИСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ

Хотя принято считать наш период, век Колумба, временем Возрождения, обязанным своим вдохновением возрождению греческих идей в современном мире, не следует забывать, что совершенно независимо от этого в ту эпоху за границей дул "великий ветер духа" искусства. Эпоха Возрождения считается итальянской, но тевтонские страны демонстрируют в столетии Колумба великое художественное развитие, на начальном этапе совершенно не подверженное влиянию новых Знаний, пришедших с греческим возрождением. Живопись, скульптура, архитектура, декоративно-прикладное искусство - все это достигло наивысшего расцвета в тевтонских странах, особенно во второй половине пятнадцатого века, свидетельства чего можно увидеть в памятниках, сохранившихся для нас, особенно в Нидерландах и на Юге Германии.

Фламандское искусство превыше всего остального достигло в это время высокого уровня совершенства, который едва ли когда-либо или где-либо был превзойден. Работа братьев Ван Эйк, выполненная незадолго до начала Века Колумба, проложила путь к новому великому развитию искусства и сделала их изобретение живописи маслом излюбленным средством изобразительного самовыражения. После такой работы, как "Поклонение Агнцу" в Генте, никто не мог усомниться ни в их гениальности как художников, ни в будущем нового направления в живописи. Их ученик, Роджер Ван дер Вейден, не превзошел своих учителей, но достойно продолжил традицию, которую они установили, и передал факел, зажженный ими, преемникам, чьей славе суждено было стать бессмертной. Мемлинг действительно великий мастер живописи, почти никогда не превзойденный, редко равный себе и представляющий фазу развития искусства, совершенно независимую от гуманистической стороны Возрождения.

Замечательные украшения гроба святой Урсулы в больнице Святого Иоанна в Брюгге, выполненные примерно во времена открытия Америки, достойны того, чтобы их поместили рядом с величайшими произведениями искусства Европы любого периода. Почти более красивое "Поклонение волхвов" в том же месте демонстрирует мельчайшую проработку деталей, изумительную силу композиции, очарование экспрессии и чудесное применение красок, которые не выцветали на протяжении всех этих четырех с половиной столетий, что заслуженно ставит его в ряд высших художественных триумфов мира. То, что Джотто в Падуе на Арене, а фра Анджелико в Сан-Марко во Флоренции, Мемлинг в больнице Святого Иоанна в Брюгге. Картины нужно увидеть во всем великолепии их неувядающих красок, чтобы их оценили должным образом или чтобы те, кто менее знаком с великими работами нидерландских художников, могли понять похвалы критиков; но даже неокрашенные репродукции дают некоторое представление о очаровании оригиналов.

Как ни странно, из-за пренебрежения тевтонскими народами биографическими подробностями жизни своих художников даже имя Мемлинга не было известно с полной определенностью до сравнительно недавних лет. Брюгге был одним из крупнейших торговых городов того времени, богатым, густонаселенным, деловым, предприимчивым, амбициозным, домом князей-торговцев, которые были столь же щедры в своем покровительстве искусству, как духовенство или знать Италии, или как наши собственные

миллионеры, хотя они верили в создание новых произведений искусства, специально адаптированных к их окружению, а не в коллекцию тех, что имели устоявшуюся репутацию. В первой половине пятнадцатого века в Брабанте появилась группа известных художников, о которых мы уже упоминали, большинство из которых в то или иное время работали в Брюгге. Как говорит Уил, сам член Королевской академии Бельгии, в своей книге "Ганс Мемлинк": [Сноска 8] "Ни у кого из многих знаменитых людей, сделавших этот город своим домом, нет больше причин гордиться Брюгге, чем у Ганса Мемлинка". Однако, хотя его работы сохранились, личная память о нем была утрачена, и поэтому только в наше время стало совершенно ясно, что начальной буквой его имени должна быть "М", а не "Н", хотя писатели, пишущие об искусстве, часто используют другую форму, и что конечной буквой, вероятно, должна быть "с", а не "g", хотя в английском языке последнее окончание встречается чаще всего.

[Сноска 8: Лондон: George Bell & Sons, 1907.]

КВЕНТИН МАТСИС, "ЛЕГЕНДА О СВЯТОЙ" АННА (В ЦЕНТРЕ)

Только в 1889 году отец Дюссар, С.Дж., обнаружил в Публичной библиотеке Сент-Омера в рукописи историка Джеймса Де Мейера отрывок из дневника, в котором смерть художника Джона Меммелинка датирована 11 августа 1494 года. Вероятно, он родился около 1435 года или чуть раньше, так что все его достижения как художника пришлось на первую половину века правления Колумба. Мемлинг - величайший из всех этих ранних художников

Нидерландов в своих портретах, и все же есть много религиозных картин, которые полны набожности лучших итальянцев и замечательны по своей композиции, решению технических проблем живописи и удивительной силе выражения, которые делают его одним из величайших художников мира. Его великая картина, получившая название "Христос - свет миру", является триумфом во всех способах самовыражения художника. Его святилище Святой Урсулы, продолговатая дарохранительница из резного дуба с остроконечными концами, для которой Мемлинг выполнил серию миниатюр, является одним из самых красивых произведений подобного рода в мире. На очень компактных панелях Memling разместил сотни красивых лиц и деталей архитектуры, судоходства и водных сцен, которые нужно увидеть, чтобы оценить по достоинству. "Было сказано, что Ван Эйк, даже рисуя религиозные сюжеты, пробуждает только земные идеи, в то время как Мемлинг, даже рисуя земные сцены, разжигает мысли о небесных вещах. По его картинам легко увидеть, что он действительно был человеком скромным и чистым сердцем, который, когда искусство начало отказываться от своего положения служанки Церкви, чтобы служить удовольствиям людей, сохранил свою любовь к христианской традиции и с искренней простотой рисовал то, во что он верил и почитал, так, как он представлял и видел это в своих размышлениях. В его работах нет ни наигранности, ни стремления к новизне, ни смешения языческих идей".

Современник Мемлинга, Дирк Баутс, заслуживает едва ли меньшей похвалы, а Квентин Матсис - еще один из гениальных художников того времени. История его превращения из кузнеца в художника - всего лишь хорошая иллюстрация, легендарная или нет, близости механических искусств, особенно золотых и серебряных, но и всех кузнецов, к свободным искусствам живописи и скульптуры. Отделение этих высших и низших искусств друг от друга всегда ведет к упадку, причем не только в механических, но и в свободных искусствах. Ювелир или серебряник в Нидерландах, в Италии, в Нюрнберге легко становился скульптором в самом высоком смысле этого слова и нередко успешно обращал свое внимание на другие искусства. Это было идеальное состояние, показывающее, как глубоко проникла культура, и всякий раз, когда по крайней мере чего-то из нее не существует, гуманитарные науки наверняка будут искусственными и заимствованными, а не родными и подлинными.

Преемники Мемлинга во фламандской традиции живописи сохранили отличительные черты своего мастера, и даже при недостатке того гения, который один только позволяет людям выполнять великую работу, создавали картины, которые намного превосходили посредственные и которые служили распространению духа культуры среди людей. Лукас ван Лейден за свою короткую жизнь, длившуюся менее сорока лет, совершил несколько прекрасных поступков, которые навсегда сохранят память о нем. Джерард Давид не дотягивает до работ таких великих современников, как сам Мемлинг. Ученик Дэвида, Местарт, благородно продолжает традиции своего учителя. Майкл Кокси и другие проделали хорошую работу до конца века Колумба, что в стране, менее обеспеченной великими художниками, чем Фландрия, обеспечило бы им самые почетные места в истории национального искусства.

Поколение фламандских художников после Мемлинга, которые учились в Италии, представляет среди них несколько великих художников, достойных упоминания даже рядом со своими итальянскими мастерами, хотя это, по общему признанию, великие художники эпохи Возрождения. Юстус Гентский - первый из них, фактический современник Мемлинга и человек, который не только учился у итальянцев, но и, в свою очередь, оказал глубокое влияние на них, с которыми он соприкоснулся. Ян ван Мабузе-Госсерт, Бернард ван Орлей, Блондил и Жерар Давид были тронуты духом итальянского Возрождения и его великими

художниками, но сохранили природный огонь своего гения и продемонстрировали национальные особенности, которые заслуженно отвели им место совершенно отдельно от итальянских школ. Некоторые из их картин относятся к числу тех, которые мир знает лучше всего и ценит наиболее высоко, и в последующие годы они приобрели еще больший авторитет по мере распространения знаний и высокой оценки тевтонского искусства.

ВАН ОРЛИ, ДОКТОР ЗЕЛЛЕ

Какими бы великими ни были отличия и достижения Нидерландов, в то время они не настолько превосходили Южную Германию, чтобы затмить ее блеск. Чем Брюгге был для Нидерландов и особенно Фландрии как столица искусства в начале века Колумба, Нюрнберг был для Южной Германии. Город вполне заслуживает названия Северной Флоренции, поскольку все искусства здесь пышно процветали, а памятники свидетельствуют даже лучше, чем любые традиции, о том, как много здесь было сделано в области искусства. Ее величайший художник в этом, очень похожий на многих своих итальянских современников, не был ограничен в своих способностях к самовыражению каким-либо одним узким способом, поскольку Альберт Дюрер был художником, дизайнером, гравером, но также, как Леонардо, математиком и, как Микеланджело, писателем. Место Дюрера как художника слишком хорошо известно, чтобы нуждаться в специальном описании здесь. Сейчас он признан одним из величайших художников мира, достойным упоминания на одном дыхании даже со своими величайшими современниками - Рафаэлем, Леонардо, Тицианом, Боттичелли и Корреджо. В последние годы он стал более известен широкой публике. К его

благочестивым картинам добавляется определенная тевтонская буквальность, которая придает им мистичность.

Он один из великой группы культурных интеллектуалов, которые сделали Нюрнберг таким знаменитым в то время. Хотя его искусство имеет много существенных немецких черт, оно гораздо больше, чем национальное, хотя и очень хорошо демонстрирует высокий уровень мастерства, которого достигли немецкие художники того времени. Его визиты в Италию и Нидерланды расширили его взгляды, развили его художественное чутье, отточили его вкус и многое сделали для него, однако присущий его живописи немецкий характер и абсолютная индивидуальность художника сохранились. Некоторые из его мадонн по-своему столь же очаровательны, хотя и сильно отличаются от итальянских, как и работы великих художников эпохи Возрождения на полуострове. Его "Поклонение волхвов" выдержит сравнение даже с шедеврами Италии и Нидерландов, а его мадонны, хотя и немецкого типа, по-своему нежны. Во второй период работы некоторые из его картин в Венеции показывают, насколько глубоко он находился под влиянием венецианских колористов и все же никогда не был простым подражателем.

ДЮРЕР, ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ "ЖИТИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ" (ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ, 1511)

Дюрер проделал прекрасную работу настоящего художественного качества не только в живописи, но и в гравюре на дереве, а затем и в гравюре на меди. Гравюры с его ксилографии или меди до сих пор стоят дорого, и действительно, вполне вероятно, что более высоко ценятся только работы Рембрандта. Он довел эти два вида искусства до большого совершенства. Он был прекрасным мастером, а также художником, и как офорт, так и гравюра на дереве во многом обязаны его изобретательским способностям и мастерству рукоделия.

Как и следовало ожидать от этого близкого друга Вилибальда Пиркхаймера, он был не только художником, но и ученым, и у нас есть от него три книги: одна о пропорциях человеческой фигуры, которая показывает, насколько тщательно он изучал основы своего искусства; одна о геометрии и одна об искусстве фортификации. Подобно Леонардо, он чувствовал свои способности инженера и, подобно Рафаэлю и Микеланджело, широко интересовался не только всеми видами искусства, но и всеми интеллектуальными интересами своего времени. Как и итальянцы, он не был узким специалистом ни в каком-либо смысле этого слова, и ничто так ясно не показывает, как его карьера и достижения, насколько дух гениальности был распространен в то время повсюду в Европе, поднимая людей на высоты достижений, которые раньше были едва ли возможны.

Помимо Дюрера, великими художниками Южной Германии были Гольбейны, отец и сын. Ганс Гольбейн старший впервые получил известность в Аугсбурге как партнер своего брата Зигмунда, художника, ни одна из работ которого до нас не дошла. Почти все его ранние работы посвящены Страсти и демонстрируют влияние его исследований Страстных пьес, которые в то время так часто ставились по всей Южной Германии. В начале шестнадцатого века он попал под итальянское влияние и написал несколько картин, которые, будучи наивными и примитивными, свидетельствуют о высоких художественных способностях. Его славу полностью затмил его сын, Ганс Гольбейн, известный как младший, хотя нет никаких сомнений в влиянии, оказанном Гольбейном-отцом на искусство своего периода, а его альбомы для зарисовок являются ценным материалом для биографии и обычаев его современников.

Его сын покинул Аугсбург около 1515 года, чтобы стать иллюстратором книг в Базеле. Говорят, что первым покровителем младшего Гольбейна был Эразм, для которого вскоре после своего приезда он проиллюстрировал издание "*Encomium Moriae*" набросками пером и тушью, которые сейчас находятся в музее в Базеле. Примерно через пять лет работы иллюстратором Ганс начал привлекать внимание своими портретными рисунками. Некоторые из них, как говорит Дж. А. Кроу в своей статье о Гольбейне в девятом издании "Британской энциклопедии", "отделаны с немецкой изысканностью и силой и тонкостью почерка, с которыми редко кто может соперничать в какой-либо школе". То, что он мог писать почти с таким же мастерством, как его портрет Бонифация Амербаха, написанный в 1519 году, дает достаточно доказательств, поскольку он "признан одним из наиболее совершенных примеров плавного и прозрачного обращения, которые Гольбейн когда-либо выполнял" (Кроу).

Однако искусство постепенно вытеснялось в немецких странах, и, прежде всего, не было возможности для религиозной живописи, которая раньше была главным источником дохода и вдохновения, а также основным ресурсом художников до этого, как это продолжало быть в латинских странах. Кроме того, религиозная революция заняла умы людей спорами на религиозные темы, и интерес к искусству еще больше снизился. Насколько хорошо Гольбейн мог писать религиозные картины, очень хорошо иллюстрирует знаменитое изображение бургомистра Мейера с женами и детьми в молитве перед Пресвятой Девой. Немногие мадонны производят большее впечатление, чем эта, но теперь прекрасная Богородица больше не была объектом почитания. Гольбейн больше не мог получать подобных заказов и, как говорят, был вынужден зарабатывать себе на жизнь даже росписью щитов. Эразм, чей портрет он так часто рисовал в самых разных позах, посочувствовал его бедности и отсутствию занятий и отправил его с рекомендательной запиской к сэру Томасу Мору. Мор сразу оценил его по достоинству, заставил написать свой собственный портрет и портреты членов своей семьи и заинтересовал в нем дворянство.

КЛУЭ, ФРАНСУА, ЕЛИЗАВЕТА АВСТРИЙСКАЯ, ЖЕНА КАРЛА IX (ЛУВР)

Гольбейн выполнил портреты многих выдающихся представителей знати Англии и после двух счастливых лет вернулся в Базель, прихватив с собой в музей Эразма эскиз семьи Мора, который до сих пор можно увидеть в галерее этого города, поскольку он действительно является одним из его драгоценных сокровищ. На деньги, заработанные в Лондоне, Гольбейн купил дом и написал для него очаровательные портреты своей жены и детей, но в следующем году стал свидетелем ярости иконоборцев, которые в своем так называемом реформаторском рвении за один день уничтожили почти все религиозные изображения в Базеле. Неудивительно, что два года спустя он вернулся в Англию, где торговцы Сталелитейного завода дали ему ряд заказов на написание портретов, и он также был нанят двором для создания знаменитой серии портретов будущих королей для Генриха VIII. Некоторые из них подчеркивают, что он мог писать портреты абсолютно без лести. Серия его рисунков в Виндзоре является одним из самых ценных сокровищ английской короны. Он был занят написанием картины Генриха VIII "Подтверждение привилегий цирюльников", которую до сих пор можно увидеть в их здании в Лондоне, когда заболел чумой и умер в 1543 году. Кроу говорит: "Если бы он прожил свои последние годы в Германии, он не изменил бы течения, которое решило судьбу живописи в этой стране; он бы лишь разделил судьбу Дюрера и других, которые просто продлевали агонию искусства среди невзгод Реформации".

Повсюду великий дух проникал в искусство и породил ряд художников с оригинальностью и силой самовыражения, которые обеспечили им место в истории искусства. Первое важное событие современного периода во Франции произошло среди иллюстраторов книг и хорошо проиллюстрировано работами Жана Фуке из Тура, придворного художника Людовика XI. Я упомянул некоторые из книг, иллюстрированных им, в главе о книгах и гравюрах, и там вы найдете копию одной из его иллюстраций из знаменитой рукописи Ливия. Он создал серию более крупных работ, которые дают ему право называться художником, и его портреты достойны того времени. Бурдишон и Перреаль, первый из которых писал исторические сюжеты и портреты во времена правления Людовика XI, а второй, прикомандированный к армии Карла VIII во время его итальянской экспедиции, написали множество батальных сцен. Эти первые французские художники были мало подвержены влиянию итальянского искусства, а затем появилась группа Жана Кузена и Клуэ, особенно Франсуа, которого часто называют Жанет, который, хотя и находился в некоторой степени под итальянским влиянием, все же показал, особенно в связи со скульпторами Коломбом и Жаном Гужоном, что во Франции есть художники, способные сформировать местную школу. Портрет Елизаветы Австрийской, жены Карла IX, выполненный Клуэ, достоин великих портретистов того времени.

НАВАРРЕТЕ, СОБОР СВЯТЫХ ПЕТРА И ПАВЛА (ЭСКУРИАЛ)

В Испании, как и во Франции, в век Колумба произошло развитие искусства, которое ничем не обязано внешнему влиянию и отражает оригинальность того времени. Еще в 1454 году некто Санчес де Кастро, "Утренняя звезда" Андалусии, написал **ретабло** в кафедральном соборе Севильи и фреску Святого Юлиана в церкви того же города. В 1516 году он все еще занимался живописью, так что, должно быть, прожил не менее долгую жизнь, чем многие великие итальянские художники того времени. Хуан де Боргона работал в Толедо в 1495 году над серией картин, напоминающих о Перуджино, но обладающих собственной оригинальностью. Поэтому неудивительно, что Луиса де Моралеса, родившегося примерно в начале шестнадцатого века, называют "Божественным" и приветствуют как первого испанца, чей гений и удача обеспечили ему место среди великих художников Европы. Одним из мастеров живописи того времени является Хуан Фернандес Наваррете, большинство картин которого были написаны после окончания нашего столетия, но который провел в ней около двадцати пяти лет своей жизни, подвергся ее влиянию и получил от нее свое образование. Он чрезвычайно интересен, потому что его прозвище **эль Мудо**, Немой, напоминает о том факте, что он был одним из несчастных глухих, которые из-за отсутствия слуха не могут говорить, и все же преуспели в разработке великолепного способа самовыражения. Предполагается, что такие возможности для неполноценных вполне современны, но на самом деле, несмотря на трудности и препоны, гений обычно находит

способ самовыражения. Как и в Италии, в Испании есть свои школы живописи, и школа Андалусии получила известность при Луисе де Варгасе, "лучшем художнике севильской линии от Санчеса де Кастро до Веласкеса" (Стерлинг, "Художники Испании"). Его самая ранняя известная работа была завершена примерно в конце века правления Колумба. Это алтарная часть часовни Рождества Христова в кафедральном соборе Севильи, которой так часто восхищаются. Варгас известен своими портретами, "величием и простотой своего замысла, правильным рисунком и свежим колоритом, а также великой чистотой и изяществом женских образов". [Сноска 9] Пабло де Сеспедес, родившийся ближе к концу нашего периода, занимавшийся своей работой впоследствии, очень хорошо известен.

[Сноска 9: Живопись на испанском и французском языках, Джерард В. Смит, среди руководств по искусству.]

СЕСПЕДЕС, ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ (КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР, КОРДОВА)

В школе Валенсии Хуан де Хуанес известен своими религиозными картинами. Его энергия и разнообразие изобретений замечательны, а колорит великолепен. Его многочисленные изображения Христа не имели себе равных, лучшим, пожалуй, было изображение Священной Чаши. Его карандаш был полностью посвящен религии, и, согласно традиции, он обычно общался и исповедовался перед тем, как сделать священный снимок. У него было две дочери, Доротея и Маргарита, которые известны в истории испанского искусства, типичные, прославленные женщины испанского Возрождения.

BERTOLDO DI GIOVANNI, BATTLE (BARGELLO)

ГЛАВА VI

СКУЛЬПТУРА В ИТАЛИИ

Веку Колумба было суждено стать свидетелем создания одной из лучших скульптур со времен греков. Вероятно, ни в одном отделе искусства этот период не выделяется так сильно, как любой другой период нового времени, или даже любое другое время, за исключением Перикла, по своей способности предоставить великие образцы пластического искусства. Триумфы скульптуры были достигнуты в любой среде - из камня, бронзы, терракоты, дерева и драгоценных металлов. В начале века было создано несколько очень замечательных скульптур, которые предвещали грядущее чудесное развитие событий. Именно в 1447 году Гиберти завершил работу над второй парой дверей для баптистерия во Флоренции, которые с тех пор вызывают восхищение всего мира. После этого стало легко понять, что не было такого развития художественного самовыражения в пластике, которого нельзя было бы ожидать. Все возможные ожидания были реализованы в последующие столетия.

Столетие Колумба началось с такого же великого триумфа в скульптуре и благодаря работам мастера, столь же великого в своей зрелости, которая наступила как раз тогда, каким был Фра Анджелико в живописи. Фра Анджелико, однако, был мало затронут ренессансным духом классицизма, в то время как Донателло, знакомое имя Донато ди Никколо ди Бетти Парди, которого классический импульс заключался в том, чтобы опередить всех современных художников и действительно стать моделью и предметом изучения для всех последующих изучающих скульптуру, родился еще до конца четырнадцатого века, но, как и многие выдающиеся художники эпохи Возрождения, прожил долгую жизнь, полную упорного труда и великих достижений, и самая важная часть этой работы пришлось на 1450 год.

Его величайший триумф - памятник Гатамелате - был установлен в Падуе в 1453 году. Есть две конные статуи, которые весь мир признает высшими произведениями искусства, и копии которых можно найти во многих музеях нашей цивилизации. Один из них - "Гатамелата" Донателло, а другой - "Коллеони" Верроккьо, который был учеником Донателло. Более ранний скульптор видел некоторые конные памятники римских времен и задавался вопросом, не мог бы он подражать им или, по крайней мере, достичь той же цели. Неустрашимый трудностями, с которыми, кажется, всегда сталкивались люди в то время, он столкнулся не только с проблемой создания модели, которая выражала бы его идеи, но и с тем, как облечь ее в бронзовую форму, которая сделала бы ее нетленной. Он должен был овладеть всеми проблемами анатомии лошади, но прежде всего он должен был ознакомиться с деталями техники искусства основателей, чтобы полностью освоить процесс отливки такого большого изделия за один раунд. Практически ему пришлось самому открывать для себя огромное количество этих технических моментов и изобретать методы достижения своей цели. Большинству людей в любое время это показалось бы почти невозможным достижением. Они были бы обескуражены, если бы попытались это сделать. Было много более простых форм его искусства, которыми он мог бы заниматься, а не взваливать на свои плечи всю технику бронзового литья, но Донателло невозмутимо шел своим путем и достиг своей цели.

Нет ничего более интересного и в то же время более характерного для этого периода открытий и достижений - действительно, это достойная прелюдия к веку Колумба - чем тот факт, что самая первая конная статуя, созданная в наше время, когда перед скульптором стояли все трудности, как материальные, так и художественные, - является одним из величайших памятников подобного рода в мировой истории. Только "Коллеони", созданный полвека спустя, превосходит, если это действительно можно признать, хотя это была самая первая попытка. Однако это не так уж удивительно, если осознать значение других работ того времени. В течение полувека после изобретения масляной живописи появились на свет некоторые из величайших шедевров этого направления; менее чем за полвека после изобретения книгопечатания были напечатаны одни из самых красивых книг, когда-либо созданных. В наше время в результате многочисленных дискуссий об эволюции сложилась тенденция думать, что такие триумфальные достижения приходят только после долгой эволюции и как кульминация длительного процесса развития. Напротив, гений в любой момент мировой истории впервые овладевает способом самовыражения и добивается в нем триумфа, который вызовет зависть и восхищение всех последующих поколений.

РОССЕЛИНО, АНТОНИО, МАДОННА

Хотя успех Донателло в этой грандиозной конной работе, как можно было бы ожидать, свидетельствует о том, что его гений гораздо больше подходит для монументальной скульптуры, чем для любого другого вида его любимого искусства, вряд ли найдется какой-

либо этап скульптуры, который он не проиллюстрировал бы прекрасно. Сам дух юности запечатлен в нетленной бронзе в его "Святом Георгии". Вероятно, нет более успешной попытки художественного изображения "маленького бедняги Бога", чем скульптурное воплощение Донателло в его статуе "Святой Франциск" в церкви Святого Антония Падуанского.

Именно Донателло, по словам М. Мюнца, немецкого специалиста по истории скульптуры, извлек ребенка из античности и вернул его искусству. Некоторые из его детских личиков - одни из самых красивых, когда-либо созданных, и в то же время без всякой болезненной сентиментальности, которая могла бы заставить их надоесть. Их тела живые, их драпировки облегают или парят, когда они касаются своих владельцев или подхватываются воздухом. Только его великий современник Лука делла Роббиа соперничал с ним в этом отношении, и сомнительно, что даже он превзошел его, хотя мир, как правило, знает делла Роббиа за его детские лица и думает, что Донателло выполнил более монументальную работу. Бесконечно человечный "Бамбино Джезу" Донателло и его мальчишеское "Св. Иоанн Креститель", не по годам серьезные, в церкви Ванчетони во Флоренции, где их редко можно увидеть, если особо не присматриваться, являются очаровательными примерами силы выражения детского лица Донателло.

В Донателло, как и во многих других художниках века Колумба, человек едва ли не интереснее, чем его работа. Вазари рассказывает нам, что во время работы над "Гатамелатой" в Падуе его работы считались чудесами, и их так хвалили, что в конце концов мастер, что характерно, решил вернуться во Флоренцию. Однажды он наивно заметил: "Если бы я остался здесь еще немного, я бы забыл все, что когда-либо знал, из-за того, что меня так много хвалили. Я охотно вернусь домой, где меня постоянно порицают; ибо такое порицание дает повод для изучения и, как следствие, приносит еще большую славу". Его конец был очень печален. Он, чьи руки так многого достигли, был разбит параличом и все же прожил еще много лет. Его ученики, у которых великий мастер был любимцем, заботились о нем и даже до конца принимали его предложения, разрабатывали его идеи и приносили ему свои работы для критики. Галилея, столетие спустя неспособного видеть после того, как он заглянул в небеса дальше, чем кто-либо другой; Бетховена, неспособного слышать после того, как он написал самую божественно прекрасную музыку, когда-либо задуманную, можно сравнить с Донателло с его бесполезными умелыми руками.

Однако даже эта печальная судьба не огорчила его, а только сделала более нежным к тем, кто нуждался в помощи. У него не было близких родственников, но были какие-то дальние связи, и, услышав, что его конец близок, Хоуп Ри рассказывает в своем "Донателло" (Лондон: George Bell & Sons), которому я обязан большинством деталей этого наброска, напомнил ему об их существовании и умолял оставить им небольшое имение, которым он владел недалеко от Прато. "Я не могу согласиться на это, родственники мои, - ответил он им, - потому что я хочу, и это действительно кажется мне разумным, оставить это крестьянину, который так долго трудился над этим, а не вам, которые никогда ничего не делали в связи с этим и действительно желают этого в качестве некоторой компенсации за ваш визит ко мне. Иди, я даю тебе свое благословение". Эпиграмма, которой старый Джорджо Вазари заканчивает свою слишком короткую оценку великого мастера, кажется наиболее подходящей к любому упоминанию о его жизни: "O lo spirito di Donato opera nel Buonarroto, o quello del Buonarroto, предвосхищающая опера в Донато" ("Либо дух Донателло снова проявился в Буонаротти, либо гений Буонаротти уже существовал в Донателло").

Среди великих художников в самом высоком смысле этого слова и одним из величайших скульпторов того периода следует считать Луку делла Роббиа, с именем которого

естественным образом связаны имена других представителей этой семьи, и в частности Андреа. Лука был выбран в качестве одного из скульпторов для выполнения частей декоративных работ Кафедрального собора Флоренции. Он создал одну из знаменитых **канторий**, две певческие галереи из скульптурного мрамора, которые, к сожалению, больше не находятся в самом Дуомо, а находятся в музее в восточной части великой церкви. Это было закончено в 1438 году, когда Луке, чьи годы совпадают с столетием, исполнилось тридцать восемь лет. Среди художников, которых флорентийские чиновники могли бы выбрать для оформления этих певческих галерей, были также Донателло, который фактически смоделировал второго из этой пары, и Гиберти, с тех пор прославившийся большими дверями баптистерия. Достаточно сказать, что когда "Певческая галерея" Луки делла Роббиа была закончена, флорентийцы очень хорошо поняли, что не совершили никакой ошибки, предоставив ему исполнять ее, несмотря на то, что у него были такие великие соперники.

Это почти единственная великолепная работа из мрамора, которая у нас есть от Луки делла Роббиа. Он был ученым, а также художником, и его очень интересовала художественная глазурь. Он посвятил себя тому, чтобы сделать ее как можно более совершенной, и преуспел в добавлении этого замечательного нового средства к скульптуре. Как и многие другие художники и скульпторы того времени, он изначально был ювелиром, но стал стремиться к более высоким достижениям, чем те, которыми обычно занимаются ремесленники. Вазари рассказывает нам, что он вырезал весь день и рисовал всю ночь, согревая ноги долгими зимними вечерами, укрывая их корзиной, полной плотницких стружек. Он работал над глазурью из терракоты, поначалу, по-видимому, намереваясь сохранить свои глиняные модели путем их обжига.

Работая в этой новой среде, он вложил в создание моделей для нее весь свой скульпторский гений и преуспел в достижении некоторых из самых красивых результатов. Он разработал материал таким образом, чтобы получить очаровательный цвет, кремово-белые фигурки, выделяющиеся на мутно-голубом фоне, с идеальной глазурью и почти незаметными стыками. Лишь сравнительно недавно работам делла Роббиа вновь была дана должная оценка, хотя современники ценили его по достоинству, но в качестве компенсации за пренебрежение его работы теперь входят в число самых дорогих произведений искусства, когда бы они ни появлялись на публичных распродажах. Посвятив себя новым художественным модам, он выполнял заказы как из бронзы, так и из мрамора для украшения Флоренции, и бронзовые двери ризницы Кафедрального собора принадлежат ему, а также некоторые мраморные рельефы на Колокольне.

"На самом деле, - говорит Хоуп Ри в своей книге "Тосканские и венецианские художники" [Сноска 10], - общее количество работ, созданных им за двадцать с лишним лет его жизни, показывает, что он был одним из тех усердных тружеников искусства, подобных которым вряд ли видели до или после эпохи Возрождения". Лука так и не женился, но предоставлял все возможности своему племяннику Андреа делла Роббиа, который был способным учеником, но практически полностью придерживался нового стиля, изобретенного его дядей. Несмотря на то, что можно было ожидать, молодой человек, благодаря обучению своего дяди и владению дядиными секретами, не справился с работой лучше, хотя количество выполненной им работы сделало терракоту делла Роббиа важной частью флорентийского искусства. В его руках и руках его сына Джованни то, что было таким же чистым искусством, как любая форма скульптуры, превратилось всего лишь в декоративное ремесло. Однако многие прекрасные изделия Андреа, и особенно хорошо известный "Бамбине", медальоны для младенцев в пеленках из Больницы невинных, были очень популярны во все времена и вновь приобрели популярность в наши дни. Великая серия

эпизодов из жизни святого Франциска, выполненная Андреа для францисканского монастыря Ла Верна, представляет собой кульминацию его творчества. Он глубоко сочувствовал ранним францисканским традициям и прекрасно излагал их детали.

[Сноска 10: "Тосканские и венецианские художники: их мысли и творчество", автор Хоуп Ри. Лондон: J. M. Dent & Co., 1904.]

ДОНАТЕЛЛО. ГАТАМЕЛАТА

Одним из величайших скульпторов эпохи Возрождения, которого действительно следует причислить к величайшим художникам всех времен, является учитель Леонардо да Винчи Андреа дель Верроккьо. Он был одним из замечательных флорентийских художников, чей гений был признан Лоренцо Великолепным, и этот либеральный покровитель искусств и литературы предоставил ему возможность достойно выразить свои художественные замыслы. Три его великих произведения - гробница Пьеро и Джованни де Медичи в церкви Сан-Лоренцо; его "Давид", который находится в Национальном музее, Барджелло во Флоренции и "Ребенок, держащий дельфина", который сейчас находится во дворе Палаццо

Беккьо, - все три были выполнены для Лоренцо. Все они выполнены в бронзе, но, обладая универсальностью людей своего времени, Верроккьо мог столь же очаровательно выразить себя и в других средствах массовой информации. Мишель сказал о терракотовой "Мадонне", изготовленной для больницы Санта-Мария-Новелла, что в ней "высочайшее совершенство мысли сочетается с самым скрупулезным наблюдением за природой". Знаменитый мраморный бюст "Цветочницы" находится в Барджелло. Серебряный **бассо-рилево**, "Усекновение главы Иоанна Крестителя", сейчас находится в Кафедральном музее Флоренции.

Два его шедевра - "Недоверие святого Фомы" и статуя Коллеони, знаменитого **кондотьера**, командовавшего венецианскими войсками. Оба они выполнены из бронзы. Может показаться, что глубокое чувство сцены между Христом и Фомой неверующим мало подходит для выражения в скульптуре, но Верроккьо преуспел в создании чрезвычайно красивого и трогательного произведения искусства. Божественная Человечность, побуждающая Фому сомневающегося приложить руку к Своему пронзенному боку, является прекрасным воплощением одного из самых патетических инцидентов. Триумфом гения Верроккьо, однако, является "Коллеони". Это, вероятно, величайшая конная статуя, когда-либо созданная. Современники утверждали, что фигура герцога Миланского верхом на коне Леонардо да Винчи превзошла его. Иногда высказываются сомнения относительно того, не соперничает ли с ней "Гатамелата" Донателло. Этот вопрос следует оставить на усмотрение великих художников и скульпторов, а пока нет никаких сомнений в том, что Верроккьо был одним из величайших скульпторов, когда-либо живших. Буркхардт заявил, что "мы имеем право назвать эту конную статую самой прекрасной в мире".

К сожалению, Верроккьо простудился во время отливки и умер в раннем возрасте сорока трех лет, иначе мы могли бы получить от него еще более замечательную работу. Он типичный многогранный гений эпохи Возрождения, хотя в скульптуре, в частности, только двое, возможно, трое из его величайших современников когда-либо равнялись ему; сомнительно даже, превзошли ли они его "Коллеони", однако все, что он когда-либо делал, было шагом вперед по сравнению с его предыдущими достижениями. Его ученик Леопарди, завершивший отливку "Коллеони", - еще один великий скульптор того времени, на которого в любой другой период смотрели бы как на выдающегося художника. Кроме того, он блистал отраженной славой за свою роль в "Коллеони", хотя очень сомнительно, что ему принадлежит какая-либо, кроме очень малой, заслуга в завершении этой работы, которую Верроккьо оставил в таком состоянии, что почти ничего не потребовалось, чтобы сделать ее такой, какой она была с тех пор, - одним из величайших памятников скульптуры в мире.

Великим скульптором эпохи Возрождения, в карьере которого, однако, есть много других интересных черт, сделавших его знаменитым, является Бенвенуто Челлини. Он родился в 1500 году и, как многие художники и большинство скульпторов того времени, начал свою трудовую деятельность в качестве подмастерья ювелира. После трудного детства в Риме и других итальянских городах, во время которого он выполнил несколько медалей, которые являются одними из лучших в своем роде, когда-либо созданных, и различные декоративные изделия из драгоценных металлов, он некоторое время находился при дворе Франциска I. Впоследствии он работал во Флоренции, вложив свой гений в укрепление города во время войны с Сиеной. Хотя его карьера совершенно исключительна среди великих художников того времени, ее часто принимают за тип беспокойного, скорее аморального, чем безнравственного персонажа, который, как предполагалось, был создан языческим влиянием Нового Учения. Однако истинными типажми художников века Колумба являются такие люди, как Рафаэль, Леонардо и Микеланджело, глубоко увлеченные своей работой, озабоченные только возможностью достичь высокой

художественной цели и без какой-либо беспокойной безнравственности, которая, по крайней мере, предположительно, была характерна для Челлини. Было бы гораздо ближе к истине указать на жизнь таких людей, как фра Анджелико или фра Бартоломмео, счастливых в своих монастырских домах, или Корреджо, который так мирно проводил время с религиозными деятелями маленького городка, в котором он жил, чем называть бурную карьеру Бенвенуто типичной для эпохи Возрождения.

Автобиография Челлини, столь же великое произведение художественного воображения, весьма вероятно, как и все, что он когда-либо выполнял из пластических материалов, привлекла к себе такое же внимание в литературе, как его великие скульптуры в искусстве. Таким образом, его имя стало знакомо многим, кто ничего не знает о личной карьере великих художников того времени и кто со всей добросовестностью продолжит делать свои выводы о характере людей эпохи Возрождения на основе довольно хвастливого заявления Челлини о своих успешных пороках, хотя это как раз то исключение, которое доказывает обратное правило. Несмотря на свое отталкивающее представление о самом себе, у него бывали моменты сильного религиозного чувства и высочайшего вдохновения. Любопытно, кто видел его знаменитого мраморного "Христа" в Эскуриале, вряд ли подумает, что ему совершенно не хватало глубокого религиозного чувства. Его знаменитая бронзовая группа "Персей, держащий голову Медузы", которой флорентийцы заслуженно отвели почетное место перед старым герцогским дворцом во Флоренции, является одним из шедевров современной скульптуры. У. М. Россетти отозвался о ней в своей статье в "Британской энциклопедии" как о "произведении, полном огня гения и величия ужасающей красоты". Один из самых типичных и незабываемых памятников итальянского Возрождения. Его история отливки этого великого памятника показывает, с какими трудностями сталкивались скульпторы того времени, и все же с каким триумфом они преодолевали технические препятствия и создавали великие произведения искусства.

Будучи великим скульптором в монументальном творчестве, Челлини никогда не считал небольшие по размеру предметы искусства недостойными своего внимания, и подобно Рафаэлю, желавшему создавать карикатуры на гобелены Сикстинской капеллы и создававшим великолепные живописные сцены в качестве сюжетов для них, Челлини, с истинно художественным духом эпохи Возрождения, прекрасно моделировал любые формы изделий из металла. Он лепил кувшины, колокольчики и даже кольца и драгоценности, создавал монеты и медали для папского монетного двора и для Медичи во Флоренции. Говорят, что все, что чеканилось под его руководством, достигало высочайшего совершенства. Его работа в **альто-релиево** была такой же прекрасной, как и в **бассо-релиево**. По всей Европе есть хорошо аутентичные экземпляры меньших размеров, сделанные из его рук, например, колокол в коллекции Ротшильда, золотая солонка в Вене, щит искусной работы в Виндзорском замке и даже прекрасно отделанные доспехи, такие, какие он изготовил для шведского короля Карла IX, которые можно увидеть в Стокгольме.

Конечно, для любой правильной оценки итальянской скульптуры этого периода работы Леонардо да Винчи и Микеланджело должны быть очень большими. Они рассматривались в отдельных главах, и здесь есть место только сказать, что, хотя, к сожалению, у нас почти нет скульптур Леонардо, мы унаследовали от его собственного поколения традиции великолепного мастерства. Что касается Микеланджело, то его собственное поколение слишком восхищалось им, и почти неизбежное подражание его гению привело к упадку пластического искусства гораздо раньше, чем это могло бы произойти в противном случае. Его недостаткам подражали без какой-либо гениальной выразительности, которая

оправдывает их в великих оригиналах. Если бы скульптура Микеланджело была единственным вкладом этого периода в пластическое искусство, этого было бы достаточно, чтобы отнести ее к числу периодов наибольшей продуктивности в этой области искусства. Как бы то ни было, до Микеланджело были люди, чей гений неоспорим и чьи достижения с тех пор признаны миром.

Список скульпторов века достойно замыкает имя Иоанна Болонского, который родился в Дуэ во Фландрии, но всю свою жизнь провел в Италии, и трудно сказать, относить ли его к итальянским или неитальянским скульпторам. Большая часть его великих работ была сделана после конца нашего века, но поскольку на момент закрытия века ему было, вероятно, больше двадцати пяти лет, и он получил всю свою подготовку и вдохновение от людей нашего времени, он заслуживает места здесь. Иоанна, который получил свое название Болонья благодаря тому факту, что одна из его величайших работ, бронзовый "Нептун", была изготовлена для фонтана Болоньи, его современники часто называли ***Fiammingo***, имея в виду место его рождения. Вероятно, ни один скульптор его времени не был более популярен на протяжении веков, чем он, и очень немногие из тех, кто хоть сколько-нибудь претендует на образование и культуру, не знают его замечательную фигуру "Меркурия" с крылатыми ногами, вознесенными ввысь бризом, дующим изо рта Эола, бога ветров. Вероятно, никогда не было более виртуозного выражения легких, непринужденных, грациозных движений в скульптуре, чем сейчас. Джон знаменит своей способностью выражать движение в рамках ограничений пластического искусства. Объявлено, что его "Похищение сабинянок" в Барджелло во Флоренции "приблизилось к выражению стремительного движения и воздушной легкости больше, чем когда-либо было достигнуто до или после". У него не было недостатков в виде преувеличения, характерных для позднего Возрождения, и он обладал многими из его лучших качеств.

БЕНЕДЕТТО РОВЕЦЦАНО, КАМИННАЯ ДОСКА

Скульптурные работы на Чертозе в Павии и внутри нее относятся в основном к периоду правления Колумба. Она остается одним из величайших архитектурных и скульптурных памятников мира. У него есть свои недостатки, которые в основном связаны с чрезмерной роскошью убранства и неспособностью привести убранство и саму структуру в гармонию, но он остается прекрасным образцом искусства того времени. С тех пор он остается местом паломничества любителей искусства и, несомненно, будет оставаться таковым до тех пор, пока длится нынешний этап развития нашей цивилизации. В нем собраны некоторые наиболее эффектные работы, и хотя не все его скульптуры задуманы в истинном духе того, что относится к пластическому искусству, есть многое из того, что никогда не было превзойдено, кроме в высшей степени великих скульпторов, людей, которых в этой области считают гениями мира. Когда Чертозу сравнивают с некоторыми церквями, которые в семнадцатом и восемнадцатом веках считались высшими проявлениями художественного совершенства, становятся очевидными вкус и способности скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения.

Пожалуй, ничто так ярко не подчеркивает достижения скульпторов этого периода, как глубокий упадок искусства в последующем столетии. Единственное имя, которое сколько-нибудь заметно выделяется в семнадцатом веке, - это имя Бернини, человека несомненного

таланта, который в лучший период развития искусства мог бы быть первоклассным скульптором. Однако большая часть его монументальных работ совершенно нехудожественна и была объявлена "серией совершенных моделей того, что является худшим в пластическом искусстве". Еще более поучительно узнать, что на эту работу в его время смотрели с величайшим восхищением. Ни один скульптор ни в один период не удостоивался столь бурных похвал. Восемнадцатый век опустился, если это было возможно, еще ниже во всем, что относилось к истинной скульптуре, и скульпторы, часто обладающие большим техническим мастерством, занимались изготовлением таких тривиальных вещей, как статуи, покрытые тонкими вуалями, сквозь которые можно было разглядеть формы и черты, и другие приемы искусства. Только когда в конце восемнадцатого века появился Канова, появился какой-то проблеск надежды на скульптуру, и даже он был в какой-то степени затмеваем классическим формализмом, который пришел вместе с ней.

ГЛАВА VII

СКУЛЬПТУРА И ДРУГИЕ ВИДЫ ДЕКОРАТИВНО - ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ

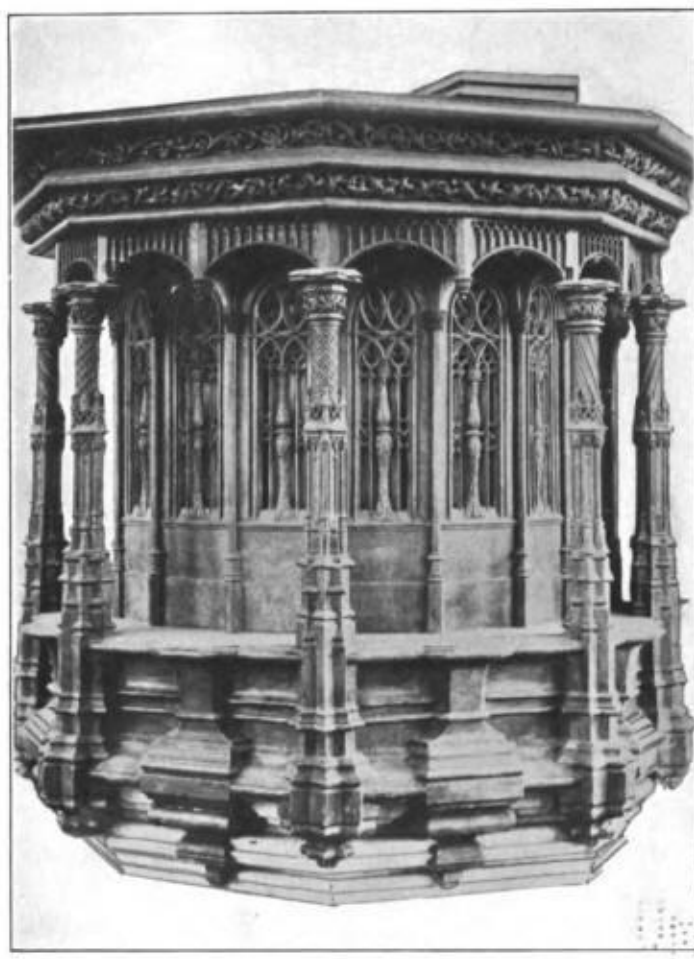
В то время как Италия в то время преуспевала в скульптуре, как, впрочем, и во всех областях искусства, практически все другие страны Европы переживали великолепный период развития пластического искусства, немалая часть которого была сугубо национальной по своему характеру, а некоторые из самых ценных из них были совершенно свободны от итальянского влияния. Кроме того, были замечательные достижения во вспомогательных видах искусства, заслуживающих упоминания, что подтверждает место этого периода среди величайших продуктивных эпох. Весьма примечательное развитие скульптуры произошло в Нидерландах, где в разгар зарождающейся демократии и коммерческого процветания произошел большой всплеск художественного гения. Богатые покровители обладали хорошим вкусом, чтобы признавать художественный гений и поощрять его. Не было ни периода, ни страны, когда торговцы проявляли бы себя более разборчиво и благотворительно. Было бы действительно удивительно, если бы страна, породившая Ван Эйков и первую великую эволюцию масляной живописи с работами Ван дер Вейдена, Мемлинга, Квентина Матсиса, Джерарда Дэвида и многих других на холсте, не подарила нам скульптуру, достойную этого прекрасного художественного развития.

Мы, как правило, не знаем имен отдельных скульпторов в Нидерландах, потому что, очевидно, они считали себя художниками-ремесленниками, чьим долгом было выполнять свою работу добросовестно и тщательно, не ища никакой награды в виде славы и особого признания, кроме их собственного сознания того, что они проделали хорошую работу. Их скульптуры можно увидеть во многих местах, в соборах, ратушах и других красивых зданиях, возведенных в то время. В Лувене, Брюсселе и многих других городах на территории нынешней Бельгии, в частности, должно было быть много мастеров по камню, которые вполне заслуживали названия скульпторов. Они выполняли не только прекрасные декоративные работы, но и статуи в полный рост, бюсты, медальоны с высоким и низким рельефом, а также всевозможные пластические украшения. Высокое качество их исполнения вряд ли может быть оспорено, и все же отсутствие их имен часто создавало впечатление, что в то время не было великих скульпторов; однако дошедшая до нас прекрасная скульптура резко противоречит любому подобному представлению.

Некоторые работы, выполненные в скромной среде с использованием дерева, особенно интересны. Ярким примером является очаровательно художественная резьба по дереву, изображающая освящение святого Элуа в церкви Нотр-Дам в Брюгге. Места для хора в церкви в Лувене столь же достойны высокой оценки, а резьба по дереву в хоре в Гарлеме, которой так часто восхищаются, относится к тому же периоду. Возможно, одним из лучших образцов резьбы по дереву того времени является кафедра Лейденского собора, изготовленная в этом столетии.

Гробницы Марии Бургундской и Карла Смелого в церкви Нотр-Дам в Брюгге еще больше подчеркивают скульптурные способности этих поколений, хотя из-за редкости крупных шедевров, по-видимому, было мало возможностей отобразить их в монументальном

масштабе. Эти памятники, особенно самый старый, являются в высшей степени великими произведениями искусства. Их сравнение очень проливает свет на историю скульптуры нашего периода. Несмотря на то, что они были построены с разницей всего в полвека, они выполнены под влиянием двух типичных, но очень разных художественных импульсов этого столетия. Гробница Марии, построенная Питером Беккером из Брюсселя в 1502 году, выдержана в средневековом и готическом стиле. Статуя Карла, выполненная по заказу Филиппа II незадолго до 1560 года, представляет собой явно ренессансное произведение. Более поздняя гробница гораздо современнее и очевиднее по смыслу всей своей символики, но не нужно быть художником, чтобы увидеть, насколько более подлинно художественной является более ранняя гробница. На первый взгляд один кажется почти точной копией другого, за исключением, конечно, фигуры умершего и предметов украшения саркофагов, но требуется совсем немного изучения, чтобы обнаружить, насколько снизилось художественное качество произведений эпохи Возрождения. Нигде так легко не увидеть ценность старого и нового и не сравнить готику и Ренессанс, как здесь.

КАФЕДРА, ЛЕЙДЕН

Скульптура очень чудесно развивалась в Германии в первой половине века правления Колумба. Коммерческое процветание того времени, развитие промышленности и рост торговли вызвали приток богатства, особенно во многие города Южной Германии, и немалая часть этого богатства была потрачена благодаря щедрости жертвователей на украшение их церквей. Вера народа была глубокой и тотальной. Реформы еще не пришли,

чтобы поколебать ее. Германия уделяла особое внимание скульптурным украшениям из дерева. Было изготовлено огромное количество резных алтарей, кафедр, ширм для хоров, киосков, дарохранительниц и других церковных принадлежностей очень сложной конструкции и, как правило, высокого художественного качества. Одним из первых великих немецких резчиков по дереву был Йорг Сырлин, создавший знаменитые хоры Ульмского собора, богато украшенные статуэтками и балдахинами. Его сын с тем же именем занимал большую кафедру в том же соборе и получил заказ на изготовление сложных киосков в церкви Блаубойрен. Они были закончены в течение года после открытия Америки. В Нюрнберге резьба по дереву также достигла высокой степени совершенства, и Файт Штосс из Нюрнберга, хотя и был известен своими выходками, считался самым искусным художником по церковным изделиям из дерева. Его пригласили в Краков для строительства главного алтаря, дарохранительницы и киосков Фрауэнкирхен. Его шедевром является огромная деревянная панель площадью почти шесть квадратных футов, вырезанная в конце пятнадцатого века, с огромным количеством сцен из библейской истории, которая сейчас находится среди сокровищ ратуши Нюрнберга.

Сам Альбрехт Дюрер с ренессансной разносторонностью занимался скульптурой и не пренебрегал даже таким скромным средством, как дерево. Он был искусным резчиком по дереву и выполнил дарохранительницу с изящно вырезанным рельефом Христа на кресте между Его матерью и святым Иоанном, которую до сих пор можно увидеть в часовне монастыря в Ландау. В Британском музее хранится ряд миниатюрных рельефов из самшита, которые также были выполнены Дюрером, хотя он рано отказался от резьбы по дереву ради художественных работ из материалов, которые, как можно было ожидать, будут более долговечными. Влияние резьбы по дереву этого периода можно отметить в работах скульпторов того времени, даже после того, как они отказались от нее в пользу камня и бронзы. Например, великий памятник Адаму Крафту Шрайеру в церкви Святого Себастьяна в Нюрнберге, очень четко демонстрирует влияние резьбы по дереву. Однако нет никаких сомнений в его высоком месте среди скульпторов даже этого славного периода в искусстве.

ДЮРЕР, ПРОПОВЕДУЮЩИЙ ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ (БАРЕЛЬЕФ ИЗ РЕЗНОГО ДЕРЕВА)

Семья Вишер на протяжении трех поколений выполняла серию великолепных памятников из бронзы, особенно во второй половине века правления Колумба. Гением семьи был Петер Вишер во втором поколении, который был принят в качестве мастера-скульптора в гильдию скульпторов Нюрнберга в 1489 году. Возможно, самое интересное в его работах - это абсолютное владение техникой своего искусства. Немногим людям удавалось отливать из бронзы с таким высоким эффектом. Завершив работу над великолепной гробницей архиепископа Эрнеста в Магдебургском соборе, в которой все еще сохранились некоторые следы готического влияния, Вишер получил возможность создать свой шедевр в виде прекрасного балдахина для усыпальницы святого Себастьяна в Нюрнберге, настоящего триумфа пластического искусства. Современная критическая оценка этого проекта очень хорошо подтвердила восхищение современников. Его детали являются неиссякаемым источником интереса и изучения. Некоторые статуэтки святых, прикрепленные к стройным колоннам балдахина, являются одними из самых очаровательных образцов подобного рода, которые у нас есть. Они обладают изяществом и достоинством, а также большой выразительностью. Рядом с основанием находится небольшая, очевидно портретная, фигура довольно полного бородатого мужчины в большом кожаном фартуке и с инструментами скульптора, с которыми он обычно работал, в руках, которая считается фигурой самого Петра. Это чудо остроумного реализма.

История создания этого монументального шедевра сама по себе является уроком в искусстве того времени. Питеру помогали его сыновья, и они работали над этим почти непрерывно более десяти лет, между 1508 и 1519 годами. Часто им было чрезвычайно трудно получить достаточно денег за свою работу от властей, которые соглашались платить, хотя и достаточно скупно, но они посвящали себя этому так беззаветно, как если бы это была щедро вознаграждаемая работа. Меньшие фигурки выполнены с изумительным вниманием к деталям, и каждая деталь работы, изящные завитки листвы, которые так обильно использовались, драконы и даже гротески, все детали, которыми заполнены все возможные части балдахина, были выполнены, очевидно, без малейшего внимания к времени и труду, которые требовались для них, и с удовольствием хорошего мастера от своей работы.

Иногда говорят, что эти теутоны-кульпторы из Нюрнберга были простыми мастерами по обработке бронзы, которые воспроизводили в этом материале идеи и рисунки других. Как отмечает Сесил Хэдлэм в своей небольшой книге "Бронзовые основатели Нюрнберга" [Сноска 11], "Свидетельства наших глаз, которые позволяют нам проследить развитие их стиля, было бы достаточно, чтобы опровергнуть это мнение, даже если бы у нас не было документальных свидетельств, которые показывают, что отец и сыновья всю свою жизнь были терпеливыми и кропотливыми рисовальщиками и ремесленниками". Нет никаких сомнений в том, что они переняли и адаптировали многие идеи великих итальянских скульпторов своего времени и предшествующих ему. На них оказали глубокое влияние Сансовино, Донателло, Леонардо да Винчи, но они не были простыми подражателями и не были плагиатчиками ни в каком смысле этого слова. Еще раз процитирую мистера Хэдлэма (стр. 131):

[Сноска 11: "Бронзовые основатели Нюрнберга: Питер Вишер и его семья", автор Сесил Хэдлэм, бакалавр, бывший Деми Колледжа Магдалины в Оксфорде. Лондон: Джордж Белл и сыновья, 1906.]

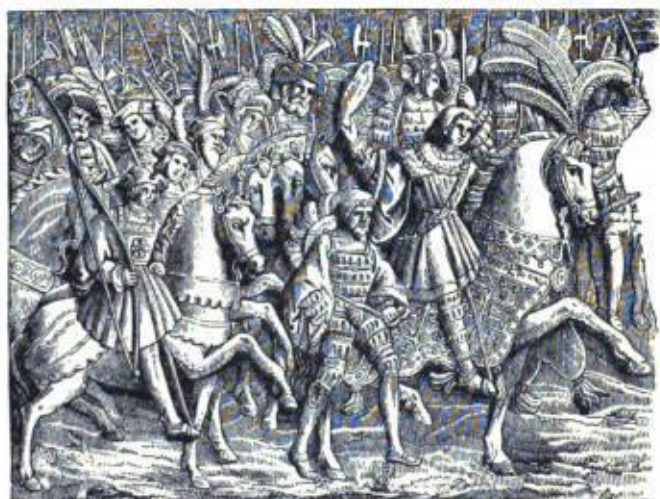
"Они могли применить уроки, извлеченные из тщательного изучения итальянских мастеров, и применить их с успешной оригинальностью. Именно в энергии, которая живет в "Короле Артуре", в простой, но энергичной композиции и исполнении барельефов, таких как "Исцеление слепого из гробницы святого Себастьяна" или "Мемориал Тахера", с их совершенно замечательным обращением с линиями и плоскостями; именно в нежном и одухотворенном чувстве, вложенном в величайший из их бронзовых портретов, кроется неоспоримое подтверждение того, что имитация оказалась не слишком рабской, и исследования, которое не омертвило, а вдохновило".

В других городах Южной Германии, таких как Аугсбург и Инсбрук, и, по крайней мере, в одном городе Северной Германии, Любеке, есть бронзовые скульптуры, которые показывают, насколько живым был дух пластического искусства по всей Германии в то время.

КОРОЛЬ АРТУР (ИНСБРУК)

В Иннсбрюке хранится серия бронзовых статуй, все они выполнены в первой половине XVI века, и с тех пор они всегда привлекали внимание художников мира. Двадцать восемь колоссальных бронзовых фигур окружают гробницу императора Максимилиана, которая стоит в центре нефа собора. Они созданы для изображения героев древности, и одна из них, обычно считающаяся самой прекрасной, представляет собой идеальную статую короля Артура из британских легенд, известного благородством лица и позы. Он представлен в пластинчатых доспехах начала пятнадцатого века. Статуя Теодориха также считается не только очень прекрасным образцом работы того периода, но и одной из величайших бронзовых статуй в мире. Трудности, возникшие при отливке этих изделий из бронзы, были настолько велики, что император пригласил Петера Вишера из Нюрнберга руководить по крайней мере этой частью работы, и вполне вероятно, что его влияние ощущалось и при лепке. Однако рисунки обычно приписываются местным художникам из Инсбрука, в именах которых мы не уверены. Ни в чем эти более древние периоды так не отличаются от наших, как в полном пренебрежении художников прилагать какие-либо усилия для обеспечения своей личной славы.

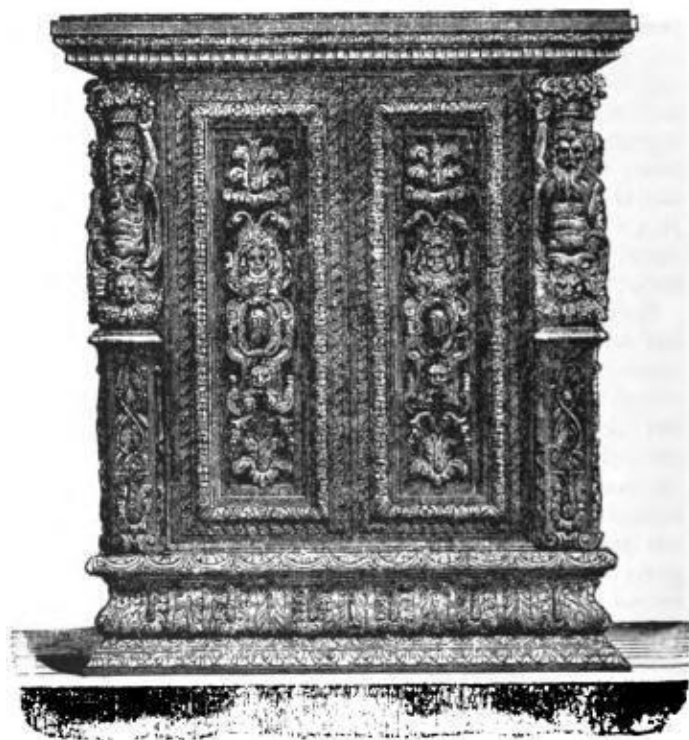

ГЕНРИХ VIII На ЗОЛОТОМ ПОЛЕ (С БАРЕЛЬЕФОВ ОТЕЛЯ "БУРГ ЭРАЛЬД", РУАН)

Во Франции еще до эпохи Возрождения или, по крайней мере, до того, как почувствовалось влияние греческих идей, наблюдалось великолепное развитие скульптуры, унаследованной от более раннего периода XIII-начала XIV веков, который оставил такие великолепные памятники, как гробницы в Сен-Дени, Ле Бо Дье в Амьене и статуи на паперти Шартрского собора. Первым из этих французских готических скульпторов века Колумба был Колумб, получивший образование во Фландрии и основавший школу скульптуры в Туре. Он выполнил надгробие Маргариты Австрийской и ее мужа герцога Филиберта Савойского в мраморной церкви Бру. Тур стал крупным центром искусства во второй половине пятнадцатого века. Его название, город шпилей, указывает на то, что в их церковной архитектуре всегда были стремления к эффекту, и в это время это достигло кульминации в скульптуре. С Колумбом работали его племянники, в то время как Жан Жюст и его сын сотрудничали в создании поэтической гробницы, построенной в честь сына и дочери Карла VIII в кафедральном соборе Тура. Здесь же они воздвигли знаменитую гробницу Людовика XII и Анны Бретонской, которая с тех пор была перенесена в Сен-Дени. Жюсты умели воплощать в мраморе трогательные человеческие качества, что всегда вызывало особый интерес к их работам. Жан Фуше, вероятно, построил в это время прекрасную гробницу Агнес Сорель в озере Лох, которая была так знаменита и с тех пор помогла сделать Озеро излюбленным местом паломничества.

Французская скульптура, затронутая эпохой Возрождения, достигла дальнейшего триумфа художественного развития в первой половине шестнадцатого века. Особенно выделяются два имени - Жана Гужона и Жермена Пилона. Хотя в их стилях уже заметны первые признаки той аффектации и маньеризма, которые развивались по мере развития эпохи Возрождения, они сочетали большое техническое мастерство с утонченностью моделирования. Несомненно, величайшим из французских скульпторов того времени был Жан Гужон, самой приятной работой которого является мраморная группа Дианы, возлежащей рядом с оленем, демонстрирующая силу, превосходящую силу любого другого, за исключением величайших итальянских скульпторов. Он выполнил серию скульптур для старой части Лувра, которая прекрасно гармонирует с архитектурой. Его рельефы для Фонтана Невинных являются одной из самых известных его работ и обладают собственным очарованием.

Другой великий скульптор, Жермен Пилон, получивший образование под влиянием эпохи Возрождения, создал свою лучшую работу сразу после окончания века правления Колумба. Его группа из Трех граций, несущих на головах урну с сердцем Генриха II, казненного для Екатерины Медичи, заслуженно получила очень высокую оценку. Примерно в то же время другие мужчины, мэтр Понсе и Бартеlemi Приер, выполнили работу, которая привлекла большое внимание. Прекрасное портретное изображение лежащей фигуры в полных доспехах герцога Монморанси, которое всегда привлекало внимание людей с критическим художественным вкусом и является одним из сокровищ Лувра, является работой Приера.

ГУЖОН, ЖАН, ЮВЕЛИРНЫЙ ШКАФ

История последующего упадка во Франции столь же поразительна, как и в других странах. В семнадцатом веке не появилось ни одной сколько-нибудь значимой скульптуры, хотя некоторые художники того времени демонстрировали большое техническое мастерство. Действительно, только с приходом Худона, в конце восемнадцатого - начале девятнадцатого века, история посредственности или чего похуже принесла хоть какое-то облегчение, и в его время пластические искусства достигли очень низкого уровня развития. Современная французская скульптура - результат движения, начатого Юдоном, но ее отделяет от эпохи Возрождения почти два столетия упадка.

Очень интересным и ценным развитием декоративно-прикладного искусства, пришедшим в Нидерланды в это время, было изготовление художественных гобеленов. Это период, когда ткачество всех видов достигло наивысшего совершенства во всем мире. Восточные ковры пятнадцатого и шестнадцатого веков имеют самые высокие цены и являются одними из самых красивых образцов ковроткачества, которые у нас есть. В Нидерландах и Франции гобелен достиг наивысшего совершенства, и образцы, выполненные в это время, теперь почти без исключения являются драгоценными сокровищами государственных музеев и подобных общественных учреждений и, вероятно, больше не перейдут из рук в руки, потому

что они считаются слишком ценными для образовательных целей и воспитания народного вкуса, чтобы государственные власти когда-либо расставались с ними. В частности, в Нидерландах изготовление гобеленов достигло апогея совершенства. После того, как Микеланджело попросили украсить потолок Сикстинской капеллы, Рафаэля попросили сделать серию карикатур для гобеленов, которые будут развешаны по стенам, которые должны были быть выполнены во Фландрии. После завершения работ они вызвали восхищение Рима, и у нас есть множество похвал в их адрес от великих людей того времени, чьи критические способности во всех вопросах, связанных с искусством, не вызывают сомнений.

Вазари с энтузиазмом отдает дань уважения, которое, даже не принимая во внимание его хорошо известную склонность чрезмерно восхвалять при определенных обстоятельствах, все же показывает, насколько полностью этот период великого искусства был удовлетворен этими шедеврами. Он сказал:

"При виде этой серии поражаешься. Исполнение изумительное. Трудно представить, как можно было с помощью простых нитей придать волосам и бороде такую изысканность и передать податливость плоти. Это произведение скорее божественное, чем человеческое; воды, животные и жилища изображены настолько идеально, что кажется, будто они нарисованы кистью, а не сотканы".

ДОСПЕХИ (АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ МУЗЕЙ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА, ПАРИЖ)

Впервые гобелены были показаны на следующий день после Рождества 1519 года в Сикстинской капелле, для которой они были созданы. На этом мероприятии присутствовали некоторые из величайших ученых эпохи Возрождения, художников и литераторов. В то время было принято отправлять в Рим в качестве послов из зарубежных стран выдающихся

ученых и любителей. Многие из них присутствовали. Все были полны энтузиазма в своем восхищении. Ходили слухи, что они были совершенно неспособны выразить все, что они чувствовали к этим новым произведениям искусства. Все присутствующие, сказал один из гостей в письме своему государю, потеряли дар речи при виде этих драпировок, и все единодушно считают, что ничего прекраснее во вселенной не существует. Другой из присутствующих написал:

"После окончания рождественских праздников папа выставил в своей часовне семь гобеленов (восьмой не закончен), выполненных на Западе (во Фландрии). Все они считались самыми прекрасными образцами ткацкого искусства, когда-либо выполненными. И это несмотря на известность, достигнутую другими гобеленами - гобеленами для прихожей папы Юлия II, гобеленами, созданными для маркиза Мантуанского по карикатурам Мантеньи, и гобеленами, созданными для короля Неаполя. Они были разработаны Рафаэлем Урбинским, превосходным художником, который получал от папы римского по 100 дукатов за каждую карикатуру. В них много золота, серебра и шелка, а ткачество стоило 1500 дукатов за штуку - в общей сложности 16 000 дукатов (160 000 долларов) за набор, - как говорит сам папа, хотя по слухам, стоимость составляла 20 000 золотых дукатов".

Даже этот рассказ свидетельствует о том, что сикстинскими гобеленами так восхищались не из-за их редкости, а из-за их уникального качества. На самом деле, большинство правящих придворных семей Италии заказывали для себя гобелены, которые с тех пор стали известными, и большинство из них были сделаны во Франции и Нидерландах.

Теперь не осталось абсолютно никаких сомнений в том, что именно в этот период были сотканы лучшие из когда-либо созданных гобеленов. Джордж Лиланд Хантер в своей книге "Гобелены, их происхождение, история и ренессанс" [Сноска 12] говорит, что Золотым веком гобеленов был переходный период готического Возрождения - последняя половина пятнадцатого века и первая половина шестнадцатого века - сто лет, в течение которых появились гобелены эпохи Возрождения, а готические гобелены перестали ткать, в то время как многие из величайших гобеленов были выполнены в смешанном стиле, например, "История Богородицы в Реймсе". Существуют наборы, сотканные в разное время в этот период, которые являются одними из величайших сокровищ гобеленов мира. Самый большой из всех этих наборов - "История святого Реми" в одноименной церкви в Реймсе - шестнадцати футов в высоту и общей ширины 165 футов. Когда одна из них была выставлена на Парижской выставке в 1900 году, изнанкой наружу, чтобы продемонстрировать богатство и солидность древних неувядающих красок, она привлекла внимание любителей со всего мира. История Святого Этьена в девяти частях, хранящаяся в музее Клуни в Париже, была подарена собору Осера в 1502 году.

[Сноска 12: John Lane Co., Нью-Йорк, 1912. стр. 33.]

На самом деле в то время во Франции едва ли был собор или монастырь, в котором не хранились бы прекрасные гобелены, которые сейчас являются очень ценными сокровищами. За последние годы стоимость таких гобеленов очень возросла, и наши миллионеры были готовы потратить почти баснословные суммы, чтобы завладеть ими. У нас была возможность здесь, в Америке, благодаря щедрости покойного мистера Пирпонта Моргана, увидеть некоторые из них в музее Метрополитен и понять, что похвала в их адрес вполне заслуженна. Мистер Хантер говорит, что "самые известные гобелены в мире - это гобелены эпохи Возрождения, хотя единственное различие в большинстве случаев между

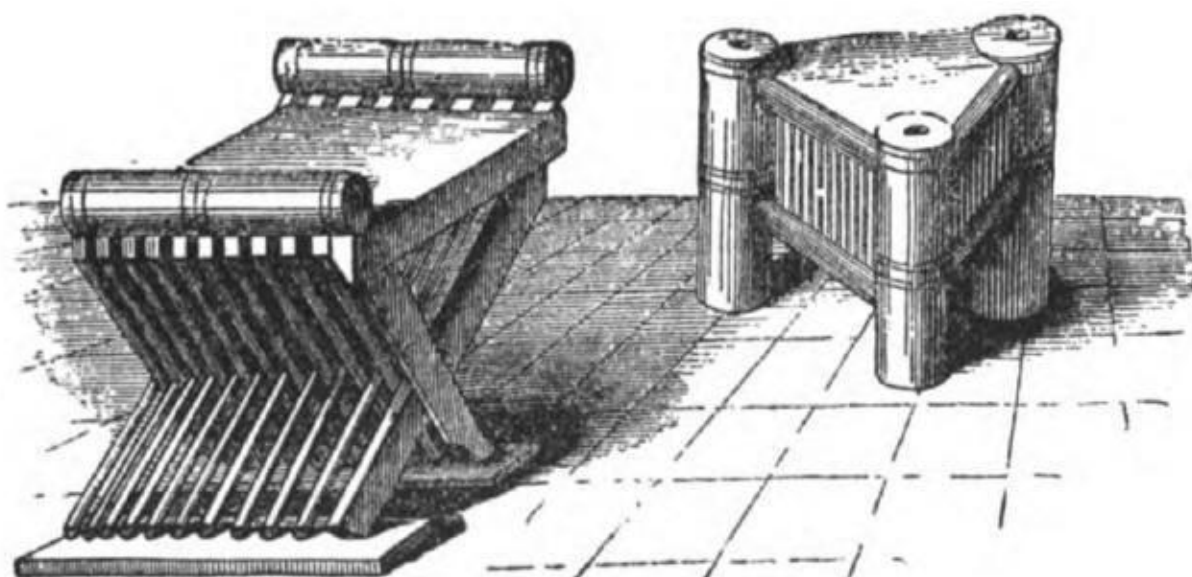
готическими гобеленами конца пятнадцатого века и гобеленами эпохи Возрождения начала шестнадцатого заключается в том, что в одном из них любая архитектура, орнамент или отделка имеет готические мотивы, в то время как модели для этих же деталей в более позднем гобелены нарисованы в эпоху Возрождения. Брюссельские гобелены начала шестнадцатого века особенно красивы и являются предметом отчаяния современных производителей гобеленов. Однако другие фламандские города - Аррас, Турне, Брюгге, Лилль, Антверпен - прославились своими гобеленами, а голландский Делфт был достойным соперником. Искусство, кажется, требует от наших современных ремесленников слишком много терпения, чтобы конкурировать со своими собратьями из старого времени, но, несомненно, с ростом и признанием художественного мастерства и спросом на очаровательное украшение домов и общественных зданий независимо от затрат, мы можем с уверенностью ожидать развития даже в этом направлении.

Другие виды декоративно-прикладного искусства также чудесным образом развивались за пределами Италии, а также на полуострове. Были изготовлены прекрасные сосуды для алтаря, чаши, подсвечники, распятия и тому подобное, и действительно, это высший период их изготовления. Некоторые чаши того времени были изготовлены выдающимися скульпторами, которые чувствовали, что не могут посвятить себя более подходящему для церковных целей производству искусства, чем это. Вдохновленный глубоким религиозным чувством, Бенвенуто Челлино даже из небольших произведений причисляет их к величайшим произведениям искусства в мире. Бенвенуто Челлино изготовил знаменитые морзы, чаши и распятия. Многие из них были выполнены для покровителей за пределами Италии. Типичным примером является его хорошо известное распятие в Эскуриале близ Мадрида, изготовленное для Филиппа II. Процесссионные кресты очень хорошо служили декоративному эффекту, и некоторые из них того времени действительно являются очень красивыми произведениями искусства. Такое же применение художественного мастерства было отмечено почти во всем, что предназначалось для служения Церкви или для использования в муниципальных зданиях для украшения муниципального имущества. Хорошо известные железные перила колодца, выполненные, как говорят, Квентином Матсисом (или Мэссисом), когда художник был всего лишь кузнецом и еще не занимался живописью, являются типичным образцом сочетания прекрасного и полезного, которое характеризует так много работ того времени и вызывает всеобщее восхищение.

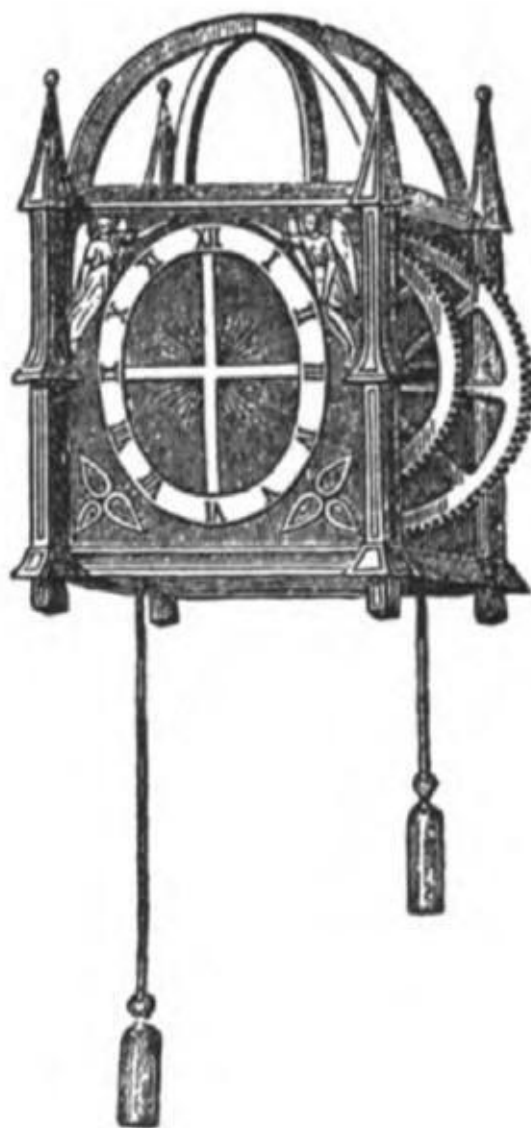
ШКАТУЛКА ДЛЯ ДУХОВ (ЧЕКАННОЕ ЗОЛОТО, ФРАНЦИЯ, ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК)

Едва ли существовала какая-либо форма декоративного искусства, которая не получила бы высокого художественного развития в это время почти по всей Европе. В последние годы эмали привлекают большое внимание, и недавняя презентация коллекции Barwell Британскому музею вновь привлекла внимание к лиможским работам. Лондонская *"Illustrated News"* воспроизвела серию лиможских эмалей из коллекции Barwell, изумительных по цвету и художественному совершенству. Куртуа, младший из которых, Жан, умер в 1586 году, вероятно, являются величайшими мастерами своего дела. Пьер Куртуа (или Куртис) изготовил примерно в конце нашего века самые большие эмали, которые когда-либо производились в Лиможе, с изображениями Добродетелей в натуральную величину. Пьер Реймон (Raymond или Rexmont), который был мэром Лиможа в 1567 году, проделал кое-какую работу, которая привлекла внимание еще в 1532 году. Поток художественного влияния того времени можно очень хорошо изучить по его творчеству, поскольку в раннем возрасте он находился под влиянием немцев, позже попал под влияние итальянской школы, хотя он был учеником Нардона Пени, который сам происходил из известной французской семьи художников пятнадцатого и шестнадцатого веков, чьи работы всегда отличались. Некоторые эмалевые таблички и подшивки того времени являются одними из самых ценных сокровищ национальных коллекций по всему миру.

СИДЕНЬЯ (МИНИАТЮРЫ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА)

Некоторые замки, ключи, защелки и петли для дверей, изготовленные в этот период, являются одними из самых красивых образцов работы из железа в мире. В музее Ключи в Париже хранится ряд этих, а также других изделий из железа эпохи Колумба, которые показывают, что люди того времени проявляли в своей работе истинный художественный дух. Оружейники того периода изготавливали, вероятно, самые красивые доспехи, которые когда-либо были изготовлены, и почти все лучшие образцы в коллекциях, особенно в национальных оружейных мастерских, относятся к этому времени. Шкатулки для ароматов и драгоценностей различных видов из драгоценных или полудрагоценных металлов всегда выполнялись с тонким художественным вкусом, или, по крайней мере, некоторые из лучших их образцов в мире относятся к этому времени. Часы были изготовлены с совершенством механизма и в то же время богато украшены, что придает им место в мире искусства, а не просто в промышленной сфере. Мебель того времени известна своим художественным качеством, а некоторые из небольших предметов, выполненных известными скульпторами или под их руководством, были произведениями искусства, которые сейчас считаются мировыми сокровищами на все времена.

ЧАСЫ (ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК, ПАРИЖ)

ГЛАВА VIII

АРХИТЕКТУРА ВЕКА

Точно так же, как внедрение греческих идей дало новый импульс литературе и искусству, скульптуре и живописи, это произошло также, и, возможно, в еще большей степени, с архитектурой. Влияние классической мысли начало ощущаться до 1450 года. Впервые это было отмечено в церковной архитектуре, и его влияние прослеживается по всей Европе. Брунеллески, построивший огромный купол собора во Флоренции, умер в 1444 году, но не раньше, чем показал миру своего времени, насколько прекрасна такая концепция и как ее можно реализовать. Он ездил в Рим и изучал Пантеон, а также все другие великие здания, которые римляне оставили в этом городе, и во время учебы, увлекшись этим предметом, он освоил каждую деталь их стиля и познакомился с каждой формой римского искусства. Сначала он завершил строительство церкви Сан-Лоренцо во Флоренции, а затем ему была доверена более крупная работа - завершение Санто-Спирито, которое Арнольфо и Джотто оставили незаконченным и, по-видимому, в соответствии с практикой Средневековья, даже без рисунка, показывающего, как они намеревались его завершить. Они бы придали ему готическую крышу. Брунеллески задумал купол, а затем, в ходе своих исследований и проектирования, определенно положил начало развитию архитектуры эпохи Возрождения.

Первое важное влияние на архитектуру нашего столетия оказал Леон Баттиста Альберти, которого привело к изучению архитектуры его интерес к классической литературе и желание восстановить классический стиль как в зданиях, так и в письмах. Чтобы достичь этой цели, он написал учебник архитектуры, *"De re aedificatoria"*. Помимо теории классической архитектуры, он также посвятил себя ее практическому воплощению, и есть несколько хорошо известных образцов его работ. Очаровательная маленькая классическая церковь Сан-Франческо в Римини и гораздо более важная церковь Сан-Андреа в Мантуе были возведены под его руководством. Последняя церковь отмечена, по словам Фергюссона в его "Истории современной архитектуры" [Сноска 13], "красотой своих пропорций, чрезвычайной элегантностью каждой детали и уместностью способов, в которых классические детали используются без малейшего насилия или напряжения". Все детали классической архитектуры применительно к церквям можно найти в этой книге в их самой простой и искренней форме. Впоследствии они стали настолько привычными, что стали эталоном церковной архитектуры.

[Сноска 13: Dodd, Mead & Co., 1899.]

ALBERTI, SAN FRANCESCO (RIMINI)

МИКЕЛАНДЖЕЛО, собор СВЯТОГО Петра (РИМ)

Большое развитие этот новый стиль получил при Браманте из Урбино, который родился в год смерти Брунеллески. Его самым замечательным памятником церковной архитектуры является церковь в Лоди. Работа Альберти заключалась в основном в восстановлении базиликанской формы. Браманте подчеркивал купольный или византийский тип. После этих двух можно сказать, что переход от средневекового стиля архитектуры к современному был завершен и проходил при самых благоприятных условиях. Купол Санта-Мария-делле-Грации, который Фергюссон называет "как внешне, так и внутренне одним из самых приятных образцов своего класса, найденных где-либо", является еще одним памятником гению Браманте. Однако Браманте наиболее известен своим смелым дизайном и великолепным фундаментом собора Святого Петра в Риме. Он не дожидаясь завершения строительства, но если бы его первоначальный план был осуществлен, готовое здание было бы во многих отношениях более удовлетворительным, чем оно есть на самом деле, и имело бы множество менее серьезных архитектурных недостатков.

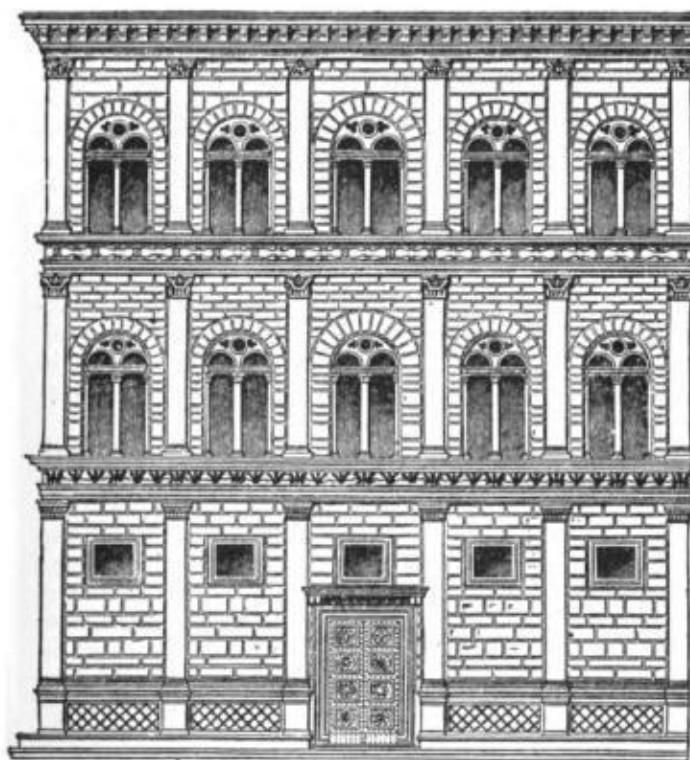
Прекрасным образцом богато украшенной архитектуры эпохи Возрождения является фасад знаменитой Чертозы близ Павии. Рисунки для него были подготовлены Боргоньоне, выдающимся миланским художником того времени, одна из картин которого воспроизведена в главе о второстепенных итальянских художниках. Он был в гораздо большей степени художником, чем архитектором, и Чертоза демонстрирует это. Однако многие архитекторы, не имеющие никаких амбиций за пределами своего собственного отдела, были бы в высшей степени довольны, преуспев в создании столь красивого и гармоничного дизайна, какой можно увидеть на фасаде великой церкви итальянских картезианцев.

Памятником архитектуры века является собор Святого Петра в Риме, первоначально спроектированный Браманте, чей дизайн был очень красиво разработан и гармонизирован Сангалло, но только после того, как Рафаэль около шести лет продолжал работу Браманте, а Бальдассаре Перуцци сменил его на такой же срок, хотя и без особых достижений. Дефекты, на которые так часто обращают внимание, происходят от этой преемственности архитекторов. Дизайн Сангалло был сохранен для нас и показывает, какая великолепная концепция у него была. Купол Микеланджело вполне мог бы занять свое место в этом проекте, если бы не какой-либо подавляющий эффект, который он оказывает на завершенное сооружение. Несмотря на всю критику, которая может быть высказана в адрес собора Святого Петра, поскольку, как говорит редактор недавнего издания книги Фергюссона "История архитектуры" (Dodd, Mead & Co., 1899), "большое отдалается от прекрасного и необходим компромисс", это одна из самых замечательных церквей и одно из самых чудесных сооружений, когда-либо созданных руками человека. Сам Фергюссон суров в критике, и все же он говорит: "несмотря на все недостатки в деталях, интерьер собора Святого Петра больше приближается к возвышенному по архитектурному эффекту, чем любой другой, созданный рукой человека".

В Англии архитектура эпохи Возрождения, то есть влияние классики, оказала очень незначительное, фактически почти никакого влияния в век Колумба. Однако гениальность, а также вкус строителей и архитекторов того времени хорошо иллюстрируются развитием готической архитектуры, которое имело место в этот период. Итальянцы эпохи Возрождения решили, что интерьер зданий должен быть украшен картинами. Английские строители еще находились в том периоде, когда они считали, что внутренняя отделка, так же как и внешняя, должна естественным образом вытекать из конструкции здания. Эти два

стиля очень хорошо проиллюстрированы на примере двух знаменитых сооружений, которые были построены одним поколением, хотя и разделены половиной ширины европейского континента, и которые являются триумфами соответствующих стилей архитектуры. Это Сикстинская капелла в Риме и часовня Королевского колледжа в Кембридже, планы которых из-за неизбежного контраста, который они предполагают, и высочайшей эффективности обоих заслуживают изучения. Каждый из них обладает своей собственной красотой, которой не могут не восхищаться сторонники любого стиля, и оба являются великолепным свидетельством способности людей того времени благородно и красиво выражать себя в строительных работах под влиянием религиозных идей.

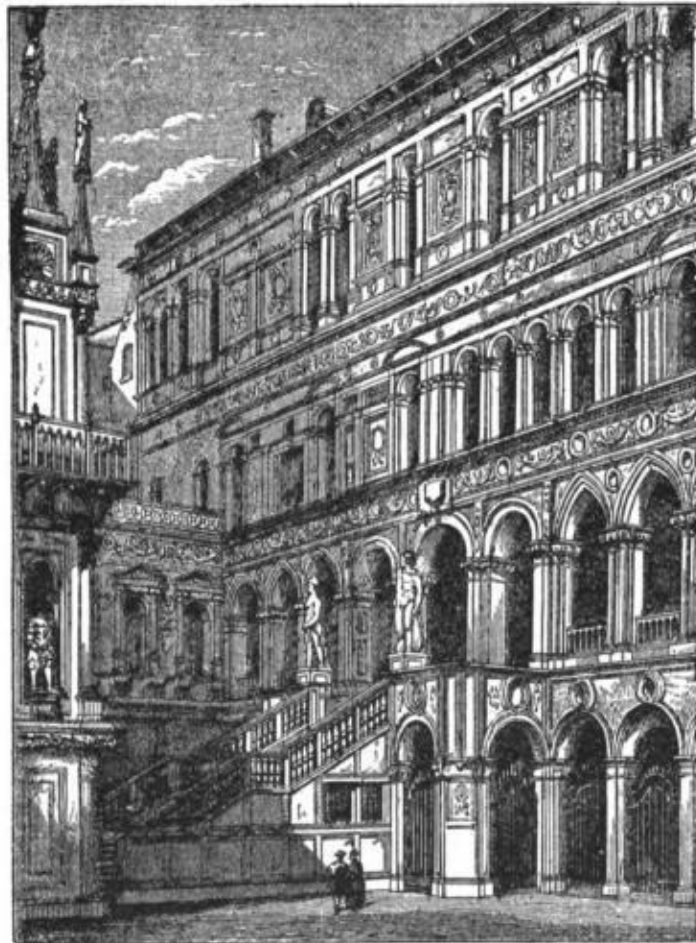
В Испании примечательна архитектура того времени, хотя в основном она носит церковный характер. Все здания, возведенные Фердинандом и Изабеллой, выполнены в готическом стиле, а знаменитая церковь Святого Иоанна королевского в Толедо такая же готическая, как часовня Генриха VII в Вестминстере. Собор в Саламанке, строительство которого было начато в 1513 году, и собор в Сеговии в 1525 году - оба полностью готические. Эти здания настолько хорошо известны, что вряд ли нужно подчеркивать достижения этого периода в архитектуре. Первым произведением эпохи Возрождения в Испании является кафедральный собор в Гранаде, который, хотя и является в некотором роде готическим, содержит ренессансные идеи и модификации формы, которые были приняты для многих современных церквей.

АЛЬБЕРТИ, ДВОРЕЦ РУЧЕЛЛАИ (ФЛОРЕНЦИЯ)

Светская архитектура этого периода достигла такого же большого прогресса, как и церковная архитектура, и она представляет еще больший интерес, потому что почти все идеи, широко используемые архитекторами для создания монументальных общественных зданий или амбициозных частных построек в наше время, заимствованы и адаптированы из архитектуры века Колумба. Как и в церковной архитектуре, эпоха Возрождения начинается во Флоренции. Первыми шагами было возведение двух великолепных дворцов города, до сих пор хорошо известных и вызывающих восхищение, Риккарди, ранее называвшегося Медичи, и Питти. Отель Riccardi был спроектирован Микелоцци и имеет великолепный фасад длиной 500 футов и высотой 90 футов. Длина "Питти" составляет 490 футов, высота трех этажей в центре, высота каждого этажа 40 футов, с огромными окнами на расстоянии 24 футов друг от друга от центра к центру. Они очень хорошо показывают, чего могли достичь архитекторы того времени в таком грандиозном масштабе. Оба были завершены примерно в начале века правления Колумба. После этого флорентийские здания стали более богато украшенными, и все же орнамент был должным образом адаптирован к структуре и создавал эффект красоты, который заслуженно завоевал современное восхищение и изучение. Вероятно, двумя самыми известными зданиями первой половины века правления Колумба являются флорентийский дворцы Ручеллаи и Гваданьи, фасадами которых многие восхищались. Дворец Ручеллаи был спроектирован Альберти, Гваданьи - Браманте. Поскольку их идеи доминировали в церковной архитектуре, теперь они должны были доминировать в светской архитектуре.

После Флоренции следует Венеция, и здесь богатство города, его восточный колорит, а также свет и воздух его окрестностей породили серию удивительно красивых богато украшенных зданий эпохи Возрождения, известных во всем мире и особенно известных англоговорящим людям по книге Раскина "Камни Венеции". Самым известным из них является Палаццо Вендрамини, которому можно позволить говорить самому за себя. Одним из самых красивых зданий Венеции является Библиотека Святого Марка, расположенная прямо напротив дворца дождей и построенная Сансовино. Едва ли менее красив шедевр Сан-Микели, Дворец Гримани, в котором сейчас находится почтовое отделение. Эти здания знакомы всем. Знать их - значит восхищаться ими, и с тех пор архитекторы всех прогрессивных строительных периодов уделяли им много внимания.

ДВОРЕЦ ПРИДВОРНЫХ ДОЖЕЙ (ВЕНЕЦИЯ)

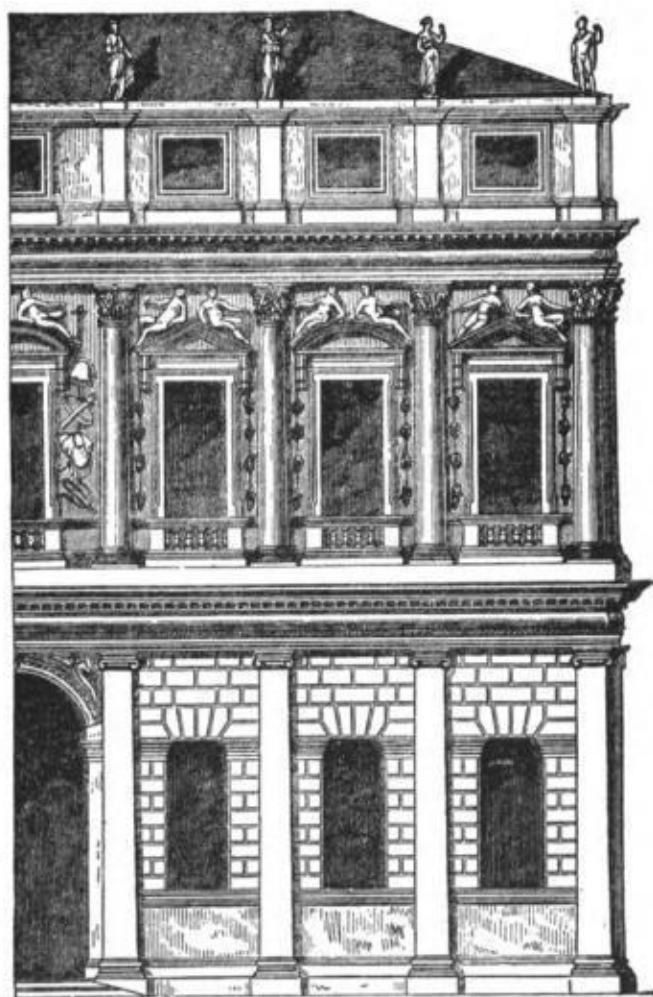
Очень интересное развитие архитектуры эпохи Возрождения произошло в маленьком городке Виченца, родине Палладио и месте действия некоторых из его лучших работ. Палладио не был столь совершенен в своих достижениях, как предполагали некоторые из его поклонников, но он очень успешно применил большинство идей эпохи Возрождения к архитектуре, и его влияние на последующее время, как покажут некоторые иллюстрации, которые мы выбрали из его работ, ощущалось всегда и почти везде. Дворец Тьене, который очень хвалили и который обычно называют одним из его самых успешных проектов, Фергюссон довольно жестко критиковал, и все же нельзя отрицать его эффективность.

Хиерикейтский дворец, еще один из проектов Палладио, считающийся одним из его лучших, имеет возражение, что он открытый и слабый по углам и твердый в центре, а центр заполнен сверху и слаб снизу, и все же, упомянув эти недостатки, Фергюссон говорит, что есть "изысканные пропорции частей, которые искупают этот фасад, и неопределимая элегантность деталей, которая обезоруживает критиков работ Палладио, так что, несмотря на наихудшее расположение, они все равно оставляют приятное впечатление на зрителя". Возможно, это слабая похвала, но от Фергюссона это действительно похвала. Многие другие с большим энтузиазмом отнеслись к этой и другим работам Палладио, и стоит только оглянуться на наши современные амбициозные структуры, чтобы понять, насколько велико влияние Палладио по-прежнему.

В Генуе есть несколько очень красивых зданий того времени, хотя, поскольку их материалом, несмотря на название "город дворцов", была в основном бутовая кладка, покрытая штукатуркой, окна без наличников, намерение состояло в том, чтобы нарисовать архитектурную лепнину на штукатурке, а также расписать фрески между ними, можно понять неудовлетворительность большей части архитектуры для современного изучения. Несмотря на эти ограничения, Галеаццо Алесси (с 1500 по 1572 год) преуспел в строительстве нескольких очень красивых зданий. Вероятно, самым почитаемым примером является здание, ныне известное как Муниципалата в Страда-Нуова, ранее известное как дворец Турси-Дория.

Виньола (1507-1573) занимает то место в Риме, которое Палладио занимал в Виченце в конце века правления Колумба. Очаровательным примером его строительства является вилла папы Юлия недалеко от Рима, фасад которой, безусловно, принадлежит ему и которая, не будучи амбициозной, олицетворяет его способность выражать простоту и достоинство даже в летнем домике.

Его величайшее произведение - дворец Капрарола, построенный примерно в тридцати милях от Рима для кардинала Алессандро Фарнезе. Здание тем более интересно, что в нем заложены идеи для некоторых крупных общественных зданий нашего времени и содержится нечто большее, чем просто предложение по некоторым недавним архитектурным планам, несколько шокирующим характер для Нью-Йорка.

ПАЛЛАДИО, ДВОРЕЦ БАРБАРАНО (ВИЧЕНЦА)

План дворца Капрарола представляет собой пятиугольник, окружающий круглый двор, каждая из пяти сторон имеет длину 130 футов, а двор - 65 футов в диаметре, в то время как три этажа имеют высоту около 30 футов каждый. Обычно он считается одним из лучших дворцов Италии. Несмотря на сложность задачи и исключительно неблагоприятный характер пятиугольной формы для внешнего архитектурного эффекта и удобного расположения внутри, архитектор преуспел превосходно. Как очень хорошо видно на картинке, подход был выполнен великолепно, и эффект кастелляции был очень хорошо обеспечен.

История архитектуры, как светской, так и религиозной, за пределами Италии в настоящее время столь же интересна, как и в самой Италии. Повсюду по всей Европе возводились прекрасные здания, выполненные с очаровательным вкусом и с высокой эффективностью. Это особенно верно в отношении различных муниципальных зданий, ратуш, больниц, приютов для детей-подкидышей и всех других сооружений, созданных благодаря

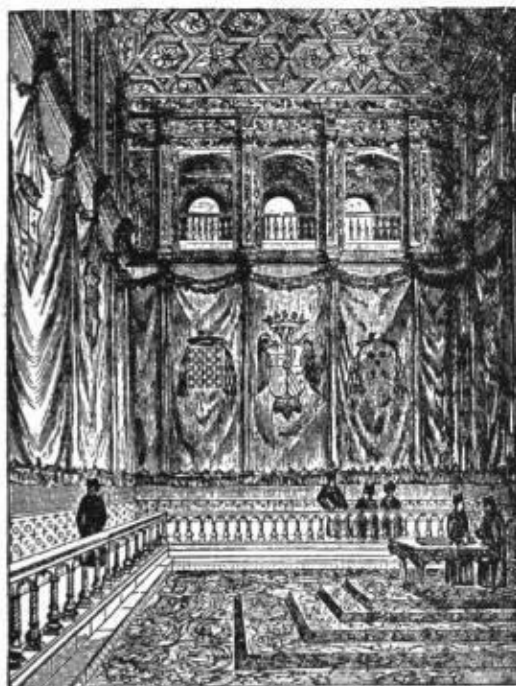
гражданской щедрости в настоящее время. Точно так же, как в отношении живописи и скульптуры, в этот период Нидерланды были родиной некоторых чрезвычайно красивых художественных произведений, отличавшихся большой оригинальностью и совершенством деталей. Едва ли найдется хоть один важный город Бельгии, и даже целый ряд тех, что стали совершенно неважными в наше время, который не представлял бы собой какой-нибудь архитектурный памятник кардинального значения в истории архитектуры. В то время как Италия гораздо более известна, Бельгия заслуживает пристального внимания студентов и любителей всех видов искусства и в последние годы получает его по праву, и не в последнюю очередь ее архитектура получила должную оценку.

HOTEL DE VILLE, LOUVAIN

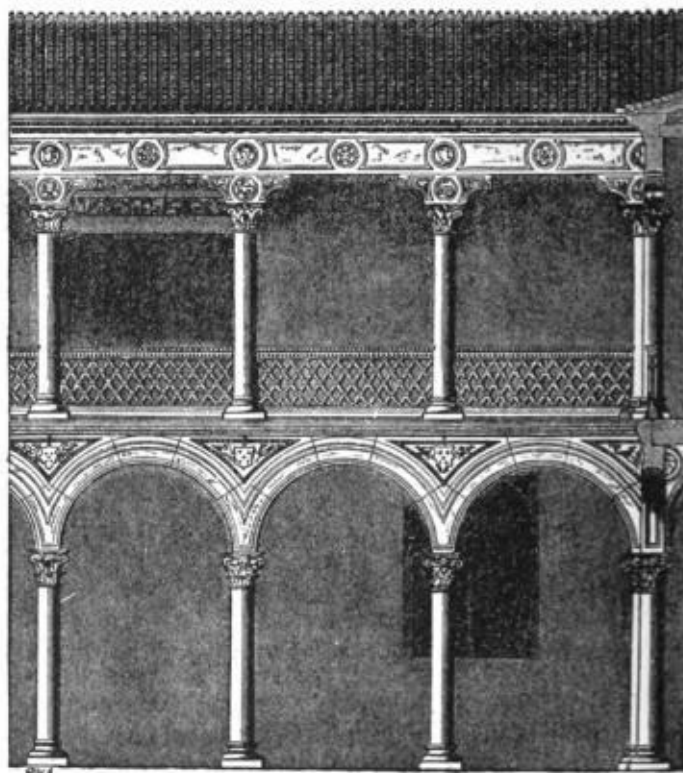
Одним из самых красивых архитектурных памятников конца пятнадцатого века является ратуша Лувена. Действительно, это один из самых красивых архитектурных памятников такого рода в мире. Шайес в своей "Истории архитектуры" говорит: "Лувенский городской отель не только является самым замечательным муниципальным зданием Бельгии, но и можно тщетно искать равного ему в Европе". Его архитектор, чье имя было неизвестно до девятнадцатого века, был всего лишь мастером-каменщиком столицы Брабанта, когда ему было поручено построить для горожан одного из самых важных городов того времени ратушу, такую, которую они сочли бы достойной себя, но, прежде всего, превосходящую те,

что были возведены в любом из соседних городов. Ему в высшей степени удалось выполнить поручение, и, к счастью, ратуша сохранилась почти в своем первоначальном состоянии как памятник замечательному художественному мастерству того времени.

АЛЬКАЛА, ПАРАНИМФО (ГОСУДАРСТВЕННАЯ КВАРТИРА УНИВЕРСИТЕТА)

Джордж Уортон Джеймс в своей книге "Некоторые старые фламандские города" пишет: "Изысканный отель де Виль напоминает шкатулки или реликварии, которые короли и королевы обычно ставили на высокие алтари соборов. Здесь та же простота дизайна, та же красота линий, прямоугольник с фронтонами, подчеркнутый изящной башней на каждой вершине и еще одной на каждом углу, все это завершается корончатым шпилем, увенчанным золотым венцом ". Украшения очень изящные, напоминающие о деревенских кружевах, но кажется почти невероятным, что этот эффект был так чудесно создан в камне.

АЛЬКАЛА, ДВОР АРХИЕПИСКОПСКОГО ДВОРЦА

Несмотря на множество украшений, строение не поражает чрезмерной декоративностью, как многие здания семнадцатого века, но каким-то образом все очаровательные скульптурные орнаменты кажутся здесь столь же уместными, как и в изысканных узорах городского кружева.

Красивый отель де Виль в Брюсселе почти так же интересен, как и в Лувене, и представляет собой начало века Колумба. На противоположной стороне Гранд-Плас находится то, что сейчас известно как Maison du Roi, ранее известное как Broodhuis или Хлебный дом, который едва ли менее интересен, хотя и сильно отреставрирован, чем Отель де Виль. Один из них является памятником готики середины пятнадцатого века, другой демонстрирует влияние эпохи Возрождения в начале шестнадцатого века. Вся площадь Гран-Плас дает прекрасное представление о приверженности этих муниципалитетов гражданской красоте и монументальному строительству и представляет собой предвосхищение идей, которые обычно считаются современными, но которые были очень тщательно разработаны и применены для придания "Красоты городу" в веке Колумба. Если бы здесь было место, многое можно было бы рассказать о великолепных ратушах Брюгге, Гента и других городов Нидерландов.

Архитектура Испании, практически всегда связанная с именами духовных лиц и обычно строящаяся в церковных, образовательных или благотворительных целях, очень хорошо демонстрирует глубокий интеллектуальный гений людей, ради которых было совершено открытие Колумба и которые начали пожинать материальные выгоды от расширения испанских владений на Западном континенте. Одним из самых важных зданий того времени является Университет Алькалы, которым руководил знаменитый кардинал Хименес, или Сиснерос. Перестройка началась около 1510 года и продолжалась почти до конца века

правления Колумба. Это чрезвычайно красивое здание. Архиепископский дворец вполне соответствует ему, и его двор получил очень высокую оценку. Фергюссон высоко отозвался о скобчатых капителях на верхнем этаже этого двора, эскиз которых мы приводим, и он считает это изобретение испанского архитектора совершенно новой и ценной идеей в архитектуре, которая, к сожалению, не получила широкого распространения.

Некоторые внутренние помещения вызвали большое восхищение, и Paranimfo, государственная квартира в университете, заслуживает внимания не только из-за своей внутренней красоты, но и из-за того, что она выполнена в испанском стиле. Крыша выполнена из панелей с богатой резьбой по дереву в стиле, заимствованном у мавров. Фергюссон говорит, что в часовне университета над кенотафом великого кардинала есть еще один, более красивый образец подобной работы.

МОНАСТЫРЬ (ЛУПИАНА, ИСПАНИЯ)

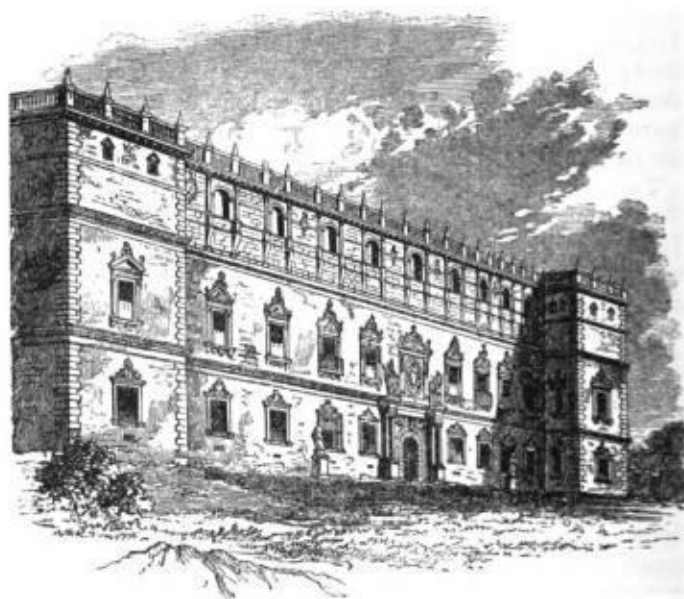
В других частях Испании некоторые из этих прекрасных дворов и интерьеров были украшены очень изысканно, как и подобает южанам, и в то же время с эффективностью и вкусом, которые впоследствии вызвали всеобщее восхищение. В монастыре Лупиана есть закрытый двор, похожий по дизайну на двор в Алкале, но еще более величественный, высотой в четыре этажа, каждая галерея светлее, чем та, что находится под ней, и устроена таким образом, чтобы создавать впечатление достаточной прочности в сочетании с легкостью и элегантностью, характерными для внутренней архитектуры, особенно когда используется внутри, как здесь. Фергюссон, чье мнение только что было процитировано, считает, что испанские архитекторы были гораздо более счастливы в этом отношении, чем их итальянские собратья, и главным образом потому, что они заимствовали идеи из своего

собственного испанского искусства, а не слишком настойчиво придерживались классических идей.

Заслуживают упоминания два королевских здания в Испании - дворец Карла V в Гранаде и Алькасар в Толедо. Строительство Алькасара было начато еще до конца века правления Колумба, но закончено только позже. Представленный здесь эскиз дает прекрасное представление о том, насколько простыми и в то же время должным образом украшенными для монументальных целей испанские архитекторы создавали свои здания в то время. Истинно испанские черты солидности внизу, с возрастающим богатством и открытостью наверху, очень эффектны и тем более интересны, что историки архитектуры заявляют, что этот эффект был мало понят за пределами испанского полуострова.

Верхняя часть знаменитой башни Хиральда в Севилье, которая всегда привлекала столько внимания своей красотой, строилась как раз в конце прошлого века. Мы, в современной Америке, отдали ему дань искренней лести, имитируя его в башне Мэдисон-сквер-Гарден. Интересно осознавать, что испанцы поместили фигуру Веры на вершине красивой башни, поразительно устремленной ввысь. Важно ли то, что мы в наше время не нашли ничего лучшего для установки там, чем изношенный символ статуи Дианы?

Французская светская архитектура в это время достигла ряда замечательных достижений, которые очень хорошо известны и вызывают всеобщее восхищение. Парижский Лувр - это череда памятников, отражающих архитектурный дух французов на протяжении веков. Я думаю, что все согласны с тем, что часть этого здания, возведенная в столетие Колумба, не только самая интересная, но и самая красивая. Павильон И'Хорлог довольно очарователен в своей эффективности. Говорят, что декоративные части были изваяны по эскизам Жана Гужона. Этого самого по себе достаточно, чтобы мы были уверены, что они будут красивыми, но, кроме того, они были очень художественно спроектированы, чтобы усилить эффект архитектуры.

АЛЬКАСАР (ТОЛЕДО, ВНЕШНИЙ ФАСАД)

Наиболее известным вкладом французов в архитектуру того времени являются их знаменитые замки. Типичным примером этого является замок Шамбор, построенный Франциском I сразу после его возвращения из испанского плена. Несмотря на то, что дизайн выполнен в классических деталях, он в высшей степени французский по своему характеру, и с тех пор это излюбленное исследование архитекторов. Его репутация показывает, насколько хорошо архитекторы того времени выполнили свою задачу по созданию впечатляюще красивого здания. В это же время был построен Мадридский замок, расположенный в Булонском лесу в Париже и, к сожалению, разрушенный во время революции, и эскизы, которые остались нам, показывают нам его красоту и эффективность, обеспеченные сравнительной простотой. Все знаменитые замки Франции были либо построены, либо получили свои самые знаменитые пристройки под влиянием нового духа, который пришел в архитектуру под влиянием Франциска I. Замки Бери и Блуа, Амбуаза и Шенонсо были продуктами этого периода. Лестница и крыло, в центре которого она находится в Блуа, являются одними из самых почитаемых или, по крайней мере, наиболее часто рисуемых произведений той эпохи.

Все остальные отделы архитектуры, кроме церковного и муниципального, были затронуты духом предприимчивости, вошедшим в архитектуру в это время. Леонардо да Винчи предлагал строить укрепления при любых обстоятельствах, чем сложнее, тем лучше, и преуспел в выполнении ряда превосходных работ. Согласно традиции, он заложил прочный фундамент, даже под водой, для некоторых французских укреплений, и они сохранились до сих пор. В мостостроении, в частности, в этот период были проделаны отличные работы. В главе, посвященной социальной работе и рабочим, вы найдете иллюстрацию моста, построенного сэром Хью Клоптоном через Эйвон в Стратфорде примерно во времена открытия Америки, которая показывает, что в то время они умели строить красиво и долговечно. В городах Европы есть много частных домов, построенных в это время, некоторые из них даже семьями без каких-либо претензий на богатство или знатность,

которые очень хорошо иллюстрируют, насколько искренней и основательной была их домашняя архитектура, насколько красивой из-за своей честной прямоты и насколько в высшей степени долговечной. Фра Джокондо, который редактировал альдинское издание Витрувия в 1511 году и который редактировал "Цезаря" в 1513 году, ввел иллюстрации в эти работы, и в частности план моста Цезаря через Рейн. Однако он использовал свои классические знания с благой целью, поскольку на службе у короля Франции он, вероятно, построил два благородных моста, которые до сих пор перекинуты через Сену. Они были закончены в начале шестнадцатого века. Нетрудно было бы отметить другие примеры того же рода во многих частях Европы в это время.

Фергюссон очень хорошо подытожил место этого столетия в архитектуре в своем совете Италии относительно того, что нужно сделать, чтобы вернуть этой стране первенство, которое она завоевала в архитектуре в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Он сказал (стр. 169): "Италии остается только вернуться к вдохновению, характерному для конца пятнадцатого и рассвета шестнадцатого века, основать на нем стиль, который будет настолько красивым, насколько это соответствовало бы ее потребностям и ее климату. Если она только попытается возродить традиции великой эпохи, освященной воспоминаниями о Леонардо да Винчи и Рафаэле, о Браманте, Сангалло и даже о Микеланджело, она не ошибется. Эти люди иногда допускали ошибки по неопытности, а также потому, что система, по которой в те дни занимались искусством, была такова, что делала успех невозможным; но их стремления были правильными, и на их работах лежал отпечаток благородства, **который с тех пор никто не превзошел.**

"Начиная с их времени историю итальянского искусства можно резюмировать в нескольких словах. В пятнадцатом веке она была оригинальной, уместной и величественной; в шестнадцатом она стала правильной и элегантной, хотя слишком часто и с примесью педантизма; а в семнадцатом она переросла в каприз и жеманство, пока не стала столь же причудливой, сколь и безвкусной. В восемнадцатом веке она опустилась до единообразного уровня робкой посредственности, столь же лишенной жизни, как и искусства".

Для всех стран Европы, как и для Италии, столь же верно, что для избавления архитектуры от прискорбных, грязных влияний, охвативших ее, необходимо возвращение к идеям века Колумба. К счастью, с тех пор, как Фергюссон написал свой параграф советов для Италии, отношение людей к архитектуре в целом сильно изменилось, и почти повсюду возводятся красивые здания, в большинстве из которых заметны идеи Возрождения, но прежде всего уроки, извлеченные из этого плодотворного периода прекрасного строительства, направляют умы и руки архитекторов и строителей. Повсюду вокруг нас вырастают красивые здания эпохи Возрождения. Поскольку это всего лишь имитации, они являются печальным свидетельством отсутствия у нас оригинальности. Если каким-то образом, используя те же высокие стандарты вкуса и вдохновение классических авторов, что и люди века Колумба, мы сможем добиться успеха в разработке архитектуры, соответствующей нашим условиям и окружающей среде и пригодной для использования в наши дни, тогда мы достигнем решения проблемы, которую они так хорошо решили. Что они сделали прежде всего, так это воплотили в жизнь изречение Горация о том, что "тот, кто смешивает полезное и прекрасное, получает все преимущества". Просто полезное отвратительно. Просто красивое чудовищно. Успех заключается в том сочетании пользы и красоты, ключ к которому так изобретательно нашли современники Колумба.

ГЛАВА IX

МУЗЫКА

Все признают высшие достижения Италии в искусстве живописи, скульптуры, архитектуры и даже в менее значительных видах декоративно-прикладного искусства периода Возрождения, который мы назвали Веком Колумба. Однако не всегда осознается, что ее место в музыке почти столь же важно и что ее достижения в этом искусстве пришлось на тот же период. Хотя музыкальное развитие в современных формах происходило, как правило, после окончания нашего столетия, великие основы современной музыки были заложены именно в это время. Однако они не настолько глубоки под поверхностью развитой музыки, чтобы в настоящее время быть полностью скрытыми от нас. Напротив, есть много композиторов и музыкальных тактов того периода, которые все еще представляют интерес совершенно независимо от их древности и которые любители музыки очень хорошо знают, несмотря на время, прошедшее с момента их сочинения.

Мы ничего не знаем об античной музыке и действительно едва ли способны представить, как именно сочинялась греческая музыка, как она была написана и выражена. Таким образом, можно было бы подумать, что эпоха Возрождения, представляющая влияние на современный мир возрождения греческих идей, была лишена какого-либо важного развития музыки. В любой другой области, даже в области науки, действительно, можно было бы сказать, особенно в области науки, легко прослеживается влияние контакта с древнегреческими идеями. Они служили стимулом для учебы и часто предоставляли фундаментальную информацию, на которой строились современные, то есть ренессансные, разработки. Таким образом, без этой помощи древних можно было бы разумно ожидать, что музыкой пренебрегли бы или, безусловно, приостановили бы ее существование, но это не так. Существует великий период музыкальной истории, возможно, не столь значительный, как прогресс в других областях эстетики, но содержащий в себе великолепное достижение и зародыш всей нашей современной музыки.

Пожалуй, ничто так хорошо не демонстрирует тот факт, что Эпоха Возрождения не была, как это часто считается, возрождением из небытия после примерно 1500 лет тьмы и отсутствия достижений, как история музыки. Если бы только до эпохи Возрождения в Европе был большой период развития, стимул греческого языка возымел бы очень незначительный эффект. Древние философы говорили, что вещи воспринимаются в соответствии с возможностями получателя, и в наше время любимой максимой преподавателей является то, что студенты забирают с лекции то, что представляет для них ценность, ровно пропорционально тому, что они принесли на нее. Именно расцвет культуры предшествующего периода позволил поколениям эпохи Возрождения так хорошо воспользоваться Новыми Знаниями. В музыке, поскольку Нового обучения не было, им приходилось полагаться на собственные усилия, и великолепные плоды их музыкального прогресса показывают, насколько гений того времени был способен добиться успеха сам.

В результате отсутствия каких-либо стимулов для развития музыки из греческих источников, первое ее развитие в это время отмечается не в Италии, как это верно для других направлений эстетической эволюции из-за соседства с Грецией, а, напротив, на

дальнем Западе Европы и особенно в Нидерландах. Гендерсон в своей "Истории музыки" заявляет, что "в то время все страны принимали нидерландских мастеров", и можно найти имена выдающихся учителей музыки, которые были из Нидерландов, в таких далеких друг от друга центрах, как Неаполь, Венеция, Мюнхен и Мадрид.

Первым из них, кто был чрезвычайно важным фактором в музыке того времени, был Окегем, или Окенгейм, из Эно, который во второй половине XV века стал считаться, вероятно, величайшим учителем того времени. По известности его превзошел его ученик Жосс Депре, обычно известный под именем, широко используемым среди его друзей, Жоскен, который также является уроженцем Эно. Хендерсон заявляет, что "в техническом мастерстве ни один мастер никогда не превосходил Окегема; и всему, что он знал, он научил Жоскена, который сделал это отдушиной для своего настоящего музыкального гения". Лютер сказал о нем: "В Италии поют только Жоскена; во Франции - только Жоскена; в Германии - только Жоскена; во Фландрии, в Венгрии, в Богемии, в Испании - всегда только Жоскена". Исходя из этого свидетельства и общеизвестной популярности музыки этого композитора, вполне вероятно, что никогда не было великого европейского музыканта, который в свое время снискал бы более всеобщее признание среди любителей музыки, чем Жоскен.

Нет никаких сомнений в достоинствах его работы. Аркадельт, который был учителем Палестрины в Риме и сам был выдающимся музыкантом того времени, сказал о нем: "Другие композиторы создают свою музыку там, где их берут ноты, но Жоскен создает свою музыку там, где ему хочется". Музыкальные способности Аркадельта признаны; его "Аве Мария" до сих пор часто поют.

Другие страны в то время не обошлись без важного развития музыки. Англия была лидером в области музыкального сочинения и эволюции до того, как настала очередь Фландрии. В тринадцатом и четырнадцатом веках Англия развила партийное пение, а также заложила основы контрапункта. В пятнадцатом веке музыкальная композиция и эрудиция стали придавать музыкантам такое большое значение, что им были присуждены академические почести. Говорят, что Джон Хэмбойс, автор нескольких трактатов по музыкальному искусству, был первым, кому когда-либо была присвоена степень доктора музыки. Согласно записям, в 1463 году Кембриджский университет присвоил степень доктора музыки Томасу Сейнту Жюсту и степень бакалавра музыки Генри Хабингтону. В течение следующего столетия требовалось, чтобы кандидаты на получение степени доктора музыки представили оригинальное музыкальное произведение. Америка последовала примеру Англии в присуждении академических степеней в области музыки, хотя я полагаю, что ни одна другая страна не сделала этого, кроме Ирландии.

Во второй половине века правления Колумба в Германии существовала мощная местная музыкальная школа, которая, однако, почти полностью посвятила себя сочинению песен для народа. Самым известным из композиторов того времени является знаменитый Ганс Сакс из Нюрнберга, который в первой половине шестнадцатого века написал так много баллад для народа и положил их на свою собственную музыку. По профессии он был сапожником, и все музыкальные композиторы в этом особом жанре, похоже, были ремесленниками, которые занимались сочинением музыки и написанием баллад на свою музыку в качестве отдыха после ежедневного труда. Они организовались в гильдии, которые, в подражание старым рыцарским певцам времен рыцарства, они называли мастерзингерами. В своей энергичной оригинальности это движение вначале создало

поразительную народную музыку, оказавшую замечательное влияние на жизнь людей. Однако через некоторое время дух исключительности заявил о себе и серьезно навредил их творчеству. Они ввели жесткие и педантичные законы, отказывались допускать к мастерству в гильдии тех, кто не следовал этим законам, и буква убила дух, и настоящая музыка исчезла, в то время как люди, которые гордились своими музыкальными способностями и вкусом, пытались возвысить ее, но на самом деле сводили ее существование к нулю. Однако упадок музыки соизмерим только с упадком других видов искусства и обусловлен многими из тех же причин. Вторая половина века правления Колумба ознаменовалась расцветом великой римской музыкальной школы, которая в конце этого периода должна была привести к кульминации музыкальных достижений, что ставит эту эпоху в ряд величайших музыкальных эпох мира. Как и во всей Италии, Рим был обязан своим музыкальным вдохновением и преподаванием фламандцу. Великим мастером был Клод Гудимель, который, как говорят, родился в Авиньоне, но получил образование во Фландрии и известен как фламандец. Среди его учеников в Риме, где он открыл школу, самые известные музыканты шестнадцатого века и одни из самых известных всех времен. Среди других, вероятно, были Палестрина, высший мастер современной церковной музыки, хотя старая традиция о большом влиянии Гудимеля на него сейчас отрицается; братья Анимучча, один из которых был кающимся и близким другом святого Филиппа Нери, основателя Оратории, в честь которого названа оратория, и братья Нанини, которые внесли такой большой вклад в итальянскую музыку до конца шестнадцатого века. Другим его учеником был Орландо ди Лассо, известный как Лассус или Латрес из Монса, который был одним из величайших и самых популярных музыкантов того времени. Он был известен во многих странах и популярен во всех из них. Ему мы обязаны определенной попыткой заставить слова и музыку звучать в такой гармонии, которая подчеркивала бы и полностью согласовывала значение того и другого. В течение значительного периода росло злоупотребление тем, что многословные музыкальные пассажи были написаны из одних слогов. Даже Жоскен часто потворствовал этому порочному способу. После реформации Орландо ди Лассо эта практика должна была вернуться во фьоритури оперных композиторов, особенно итальянцев начала девятнадцатого века, и Вагнеру пришлось бороться с ней. В революции, произведенной в музыке современным немецким композитором, в этом отношении, по крайней мере, мало такого, чего не предвидел его великий предшественник Орландо целых три столетия назад. Более того, Орландо ди Лассо был известен своей нежностью, красотой, а также большим количеством и разнообразием своих работ. Одна из его песен "Matona! Прекрасная девушка!" была признана одной из самых очаровательных партийных песен в мире.

Лассус (ди Лассо) в то время пробовал все формы музыки, но посвятил себя в основном музыкальным композициям для церковных целей. У нас есть от него псалмы, гимны, литании, магнификаты, мотеты, а также более пространные музыкальные произведения для религиозных служб. Бонавиа Хант, ректор Тринити-колледжа в Лондоне и преподаватель истории музыки, в своей "Истории музыки" заявляет, что сочиненные Лассусом семь покаянных псалмов для пяти голосов являются одними из его лучших работ. Они содержат элементы, которые сделали их любимым занятием студентов-музыковедов даже в наше время. Лассус ввел в музыку такие музыкальные термины, как **Аллегро** и **Адажио**, а также привнес в музыкальную композицию хроматические элементы. В свое время его очень ценили, и он был назван **Princeps Musicae**, принцем музыки. Он получил столько же почестей от государственных деятелей, сколько Палестрина - от церковников, и история о чести, оказанной им обоим их собственным поколением, является наилучшей возможной данью музыкальному вкусу того времени. Лассус был произведен в рыцари ордена Золотой Шпоры.

Однако величайшим музыкантом нашего времени, возможно, действительно величайшим из всех времен, является Палестрина, который в 1551 году был назначен музыкальным руководителем капеллы Юлиана в Ватикане с определенной надеждой, что он исправит зло, которое проникло в музыку и делало искусство в его новейшем развитии настолько непригодным для религиозных целей. Тридентский собор, заседания которого в это время проходили с перерывами, должен был принять закон, обеспечивающий подходящую музыку для мессы. Всевозможные орнаментальные пассажи, или, по крайней мере, то, что предполагалось таковыми, были введены в церковную музыку, пока, наконец, не стало совершенно невозможно следить за словами службы. Как сказал кардинал Борромео, "Эти певцы считали своей главной славой то, что, когда один произносит *Sanctus* другой произносит *Саваоф*, а третий *глория туа*, и весь эффект музыки - это не более чем беспорядочное кружение и рычание, больше напоминающее выступление кошек в январе, чем прекрасные майские цветы". Он был одним из комитета, который настаивал на различных сессиях Тридентского собора на музыкальной реформе, и хотя их творчество иногда ложно представлялось как унижительное по отношению к самой музыке, все, что они делали, было ложью. Совет хотел добиться того, чтобы слова были понятны, и на самом деле их настойчивость в упрощении музыки привела к великолепному новому развитию искусства.

Иногда говорят, что творчество Палестрины произвело революцию в музыке его времени. Однако это неверно, поскольку его великая массовая музыка была всего лишь эволюцией в руках великого мастера музыкального движения, предшествовавшего его времени. История о том, что его попросили написать музыку, сильно отличающуюся от той, что была непосредственно перед этим, чтобы сохранить церковную музыку и, таким образом, изобразить музыку, которая все еще использовалась в церковных службах, была дискредитирована недавними историческими исследованиями. В конце века Колумба был достигнут кульминационный момент в музыкальном самовыражении, который олицетворяет Палестрина и который ознаменовал эпоху в истории музыки. Имевшие место злоупотребления были совершенно далеки от подлинной эволюции музыки. Хендерсон в своей книге "Как развивалась музыка" (Нью-Йорк: Stokes, 1898, стр. 73) рассказал эту историю:

"Месса Марцелла не была написана на заказ, и в ее стиле не было ничего нового. Месса - это просто образец всего лучшего, что было во времена Палестрины. Она воплотила все самое благородное в полифоническом стиле, разработанном нидерландской школой. Его мелодия чиста, сладостна и плавна, а его выразительность идеально соответствует религиозному духу текста. Современники Палестрины, такие как Лассо и некоторые из его предшественников, писали в том же стиле. "Покаянные псалмы" Лассо гораздо проще по стилю, чем эта месса. Его кажущаяся простота заключается в том факте, что за глубоким владением техническими средствами скрывается его превосходное искусство. Полифоническое письмо непревзойденно по своей ровности; каждая часть так же хороша, как и любая другая. Гармонии прекрасны, но, по-видимому, нет прямой попытки создать их. Кажется, что они просто возникают. Но над всеми другими качествами стоит врожденная сила выражения в этой музыке. Это, как намекнул Эмброуз, как если бы композитор привел на землю ангельское воинство".

Меес в своей книге "Хоры и хоровая музыка" обрисовал место музыки Палестрины в церковных службах и очень ясно дал понять, насколько она полезна для набожности, а не отвлекает, как это делает современная музыка. Диккенсон в своем "Исследовании истории музыки" говорит, что, "Сравнивая мессу Палестрины с мессой Шуберта или Гуно, он (слушатель) почувствует разницу не только в стиле и форме, но и в цели и идеале.

Современное произведение стремится передать настроения, передаваемые словами, в соответствии с общими методами, которые преобладают в современной лирической и драматической музыке; в то время как цель более старой музыки - передать универсальное чувство преданности, которое является безличным и общим. Музыка здесь соответствует идее молитвы. Здесь нет мысли о каком-то определенном изображении; музыка стремится лишь усилить мистическое впечатление от церемонии в целом ".

Миз сказал в своей работе, стр. 61:

"Представление Палестрины о том, какой должна быть музыка Римской церкви, полностью соответствовало принципу ранней церкви: музыка должна составлять неотъемлемую часть литургии и усиливать ее впечатляющуюсть. ... Никакие чувственные мелодии, никакие диссонирующие, создающие напряжение гармонии, никакие резкие ритмы не отвлекают мысли и не будоражат чувства. Цепочки согласных аккордов, вырастающие из сочетания плавно перетекающих, тесно переплетенных частей, контуры которых почти теряются в лабиринте тонов, убаюкивают ум в том состоянии подчинения неопределенным впечатлениям, которое делает его восприимчивым к мистическому влиянию церемониала и отворачивает его от мирских вещей ".

MELOZZO DA FORLÌ. АНГЕЛ С ЛЮТНЕЙ (РИМ)

Возможно, лучшим доказательством непреходящей ценности творчества Палестрины является тот факт, что некоторые из его сочинений до сих пор можно услышать в Сикстинской капелле, и что даже в наше время [Сноска 14] было начато определенное движение по возвращению его музыке подобающего высокого места в служении Церкви. Всякий раз, когда после его смерти музыка была действительно на высоком уровне, Палестрину ценили по достоинству. Всякий раз, когда музыкальный вкус подвергался унижению и люди отправлялись в погоню за новизной, причудливыми эффектами и чрезмерным украшением, Палестриной пренебрегали. Для музыки он - то же, что Данте для литературы и искусства, пробный камень, по которому легче всего правильно оценить критическую способность и дух признательности поколения. Хендерсон в своей книге "Как развивалась музыка", из которой мы уже цитировали, резюмировал достижения Палестрины в нескольких словах:

[Сноска 14: Указ папы Пия X, требующий восстановления григорианского распева на почетном месте в литургических службах и делающий музыку Палестрины стандартом, которому должна должным образом соответствовать хоровая музыка, многим любителям музыки казался явно реакционным и, возможно, старомодным. На самом деле, это было хорошо продуманное восстановление таких критериев в церковной музыке, которые исключили бы возможность дальнейшего проникновения современных неподходящих музыкальных разработок в церковные службы. Это было открыто для тех же возражений со стороны тех, кто знал не больше, чем указ папы Льва XIII о том, что философия святого Фомы Аквинского должна быть стандартом в католических философских и теологических школах. Эти два декрета войдут в историю рядом друг с другом как примеры способности великих пап направлять церковную политику таким образом, чтобы уберечь верующих от человеческого вырождения вкуса и мышления. Музыка Палестрины является таким же незыблемым стандартом церковной музыки, как мысль Аквината - надежным критерием в философии.]

"Прежде чем оставить тему Палестрины, позвольте мне попытаться разъяснить читателю, чем так хорош его стиль. Композиторы до него начали стремиться к упрощению церковной музыки. Они стремились достичь своей цели, разрушив оковы канонического права. Канон требовал наиболее точного подражания в различных голосовых партиях. Новый стиль допускал наибольшую свободу. Результатом стало то, что свободная полифония заняла место жесткого канона. Следовательно, композиторы смогли уделять больше внимания развитию плавной, красивой и выразительной мелодии. Заслугой работы Палестрины было то, что она довела этот стиль до совершенства. Его сочинения стали образцом для последующих композиторов, и действительно, они по сей день остаются непревзойденными образцами чистой церковной музыки".

Карьера Палестрины представляет собой еще один яркий пример возможностей для самовыражения, предоставленных гению этим периодом. Согласно современному источнику рукописей, так что эта история, вероятно, гораздо более достоверна, чем обычно, молодой Пьерлуиджи из Палестрины, древнего Пренесте, продавая на улицах Рима продукты с фермы своего отца, распевал песни, одну из которых услышал хормейстер Санта-Мария-Маджоре. Он обнаружил, что у мальчика не только красивый голос, но и вкус к

музыке, поэтому дал ему возможность получить музыкальное образование. Палестрина дожил до восьмидесяти с лишним лет, и ему предоставлялись многочисленные возможности для проявления своего гения. Вторую половину своей жизни он провел как один из самых почитаемых людей своего поколения. Его самый блестящий период начался, когда ему было почти семьдесят и когда он, очевидно, думал, что его карьера подошла к концу. Только что вышло полное собрание его сочинений в тридцати трех томах, последний том завершеного издания был подарен Пию X в 1908 году, который больше всего интересовался этим великим современным памятником католическому музыкальному гению. Великий композитор достоин стоять рядом со святой Терезой, святым Филиппом Нери и святым Игнатием Лойолой как один из главных героев контрреформации. Он сделал для музыки и Церкви то, что другие делали для образования, мистицизма и социальных реформ.

Примерно в конце века Колумба началась одна из самых интересных глав в истории музыки. Святой Филипп Нери, о котором мы говорили в главе о социальной работе и тружениках того периода, сам был предан музыке и понимал, как много она может значить для занятия ума высшими вещами, которые были бы источником удовольствия и социальной релаксации одновременно. Он также ценил, какую ценность музыка может придать правильному выражению религиозных чувств и даже как много она может добавить к подлинному религиозному чувству. Представления о чудесах второй половины пятнадцатого века всегда сопровождались определенными песнями и припевами со словами, относящимися к священным сюжетам, которые часто переложены на популярную музыку. Святой Филипп понимал, что эти представления можно поднять на более высокий уровень, введя больше музыки и используя наилучшую возможную музыку для их иллюстрации. Соответственно, в ходе богослужений, проводимых в его оратории, он вводил исторические сцены и священные аллегории в музыкальном оформлении, обращаясь, как правило, к своим друзьям-музыкантам в Риме, и особенно к Анимучче, с просьбой снабдить его сочинениями. Отсюда и термин *oratorio*, итальянское слово, обозначающее ораторское искусство, для этого класса музыки. Своей высшей формы выражения, драматической, она достигла только в конце шестнадцатого века, но это изобретение периода Колумба.

Чрезвычайно важным изобретением того времени было введение аккорда доминантной седьмой. Обычно говорят, что это открытие принадлежит Клаудио Монтеверде из семнадцатого века, но самые ранние дошедшие до нас музыкальные произведения, в которых встречаются примеры феноменального аккорда доминантной седьмой с полной свободой современной практики, принадлежат Жану Мутону из Холлинга в Лотарингии, который умер около 1522 года. Почти столетие после этого это великое открытие, как и многие другие в любой области науки, боролось за место. Наконец оно было признано. Это открытие тесно связало музыку с наукой и продемонстрировало ее основу в естественных законах акустики. В своей статье об истории музыки в "Британской энциклопедии" сэр Джордж А. Макфаррен, профессор музыки Кембриджского университета, заявил, "что открытие доминирующей седьмой открывает принцип, который языческие философы и христиане тщетно искали ощупью на протяжении веков, в то время как завеса математических расчетов висела между ними и истиной". Любопытная особенность истории ее появления заключается в том факте, что она долгое время не вызывала одобрения у ортодоксальных музыкантов и фактически столкнулась с организованной оппозицией.

Даже этого краткого наброска будет достаточно, чтобы показать, насколько сильно музыка развивалась в век Колумба. Вероятно, нет соответствующего периода в мировой истории, который мог бы продемонстрировать такой реальный прогресс, который является устойчивым прогрессом. Возможно, ни в одной области эстетики предполагаемый прогресс

не приходит и не уходит от поколения к поколению легче, чем в музыке. То, что определенные поколения музыкальных критиков очень высоко оценили, часто оценивается их преемниками как совершенно бесполезное. Напротив, музыкальные достижения этого периода были маяками для последующих поколений. Всякий раз, когда принципы, которые были приняты в то время, сильно отклонялись от них, музыкальный вкус оказывался ложным, а музыкальные достижения - тривиальными. Именно такого рода достижения, абсолютно непреходящие по своим качествам, превыше всего важны для человечества, и нигде это не проиллюстрировано так хорошо во всех областях интеллектуальных усилий, как в этот век Колумба.

НЕМЕЦКИЕ МУЗЫКАНТЫ, ИГРАЮЩИЕ НА СКРИПКЕ И БАС-ВИОЛЕ (КОНЕЦ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА)

Орган в том виде, в каком мы имеем его в настоящее время, практически приобрел свою современную форму в век Колумба. Во второй половине пятнадцатого века органостроителями того времени были разработаны педали и их применение, а в первой

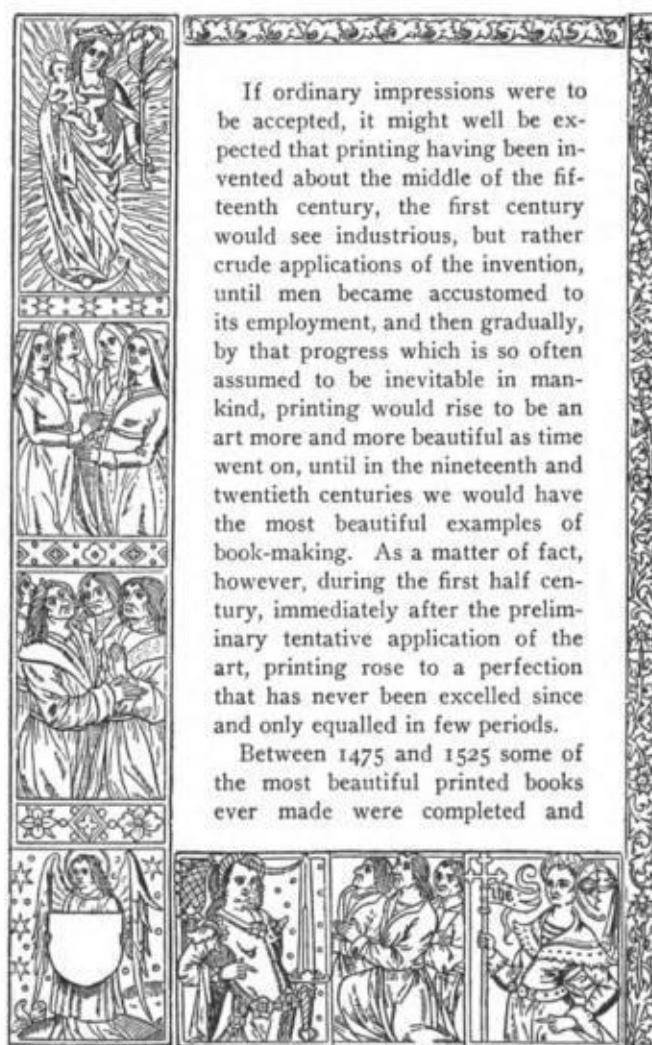
половине шестнадцатого века в большом количестве стали использоваться трубы, а упоры были расположены так же, как в современном органе. Существуют записи об органостроении, особенно во Франции, относящиеся к концу первой четверти шестнадцатого века, которые показывают, что инструмент достиг очень современной стадии развития и что теперь для дальнейшего развития этого инструмента требовалось всего лишь приспособление таких механических приспособлений, которые позволили бы органисту управлять большим количеством труб. Хорошее представление о совершенстве органа того времени можно получить из описания органа, построенного в Сен-Морисе, Анже, Франция, в 1511 году, о котором у нас есть подробный отчет в судебном процессе несколько лет спустя. Он содержал две башни из тридцатипятифутовой трубы, сорок восемь упоров и отдельную педаль. В то время независимая педаль вошла в обиход. Примерно в это же время начала развиваться скрипка, которая к концу века Колумба почти достигла своего современного вида, так что она была готова к процессу совершенствования, который должен был произойти в течение следующего столетия.

ГЛАВА X

КНИГИ И ГРАВЮРЫ: ГРАВЮРА ПО ДЕРЕВУ И МЕТАЛЛУ

Наука этого столетия хорошо известна всему миру, и Ренессанс рассматривается как время, когда глубокое знание классики, Новое учение, или гуманизм, как его называли, пробудили современный дух. Люди того времени многому учились из книг. В таком случае интересно отметить, как много они делали для книг. Поколения с лихвой оплатили свой долг перед прошлым тем, что они сделали для сохранения древних писаний, и прежде всего тем, что облекли их в достойную форму для использования будущими поколениями и восхищения ими. Вероятно, следует считать, что эпоха Возрождения ценила книги больше, чем любой другой период в мировой истории, и сделала больше для придания достоинства, красоты и постоянства объектам их поклонения.

Не случайно именно в начале этого периода, примерно в 1450 году, было доведено до совершенства изобретение книгопечатания. Книги росли в цене, хотя спрос постоянно возрастал, пока не стало понятно, что должен появиться какой-то способ сделать их доступными для гораздо большего числа людей. Необходимость - мать изобретений, и потребность в какой-либо вещи заставляет умы людей работать до тех пор, пока они не получают ее. Опыт Кэкстон, подробно описанный далее в этой главе, проливает свет на этот вопрос. Однако, каким бы великим ни было изобретение, заслугу в котором, по-видимому, должны разделить немцы Гутенберг, Фуст и Шеффер, использование этого изобретения в течение последующего столетия заслуживает еще более высокой оценки. Это действительно было достойное время, но не случайно, ибо любое время получает по заслугам и получает вознаграждение за свои собственные интересы и усилия.

ГРАНИЦА ИЗ "ЧАСОСЛОВ" ЭНТОНИ ВЕРАРА (1488)

Если принять обычные оттиски, то вполне можно было бы ожидать, что книгопечатание было изобретено примерно в середине пятнадцатого века, и в первом столетии это изобретение будет усердно, но довольно грубо применяться, пока люди не привыкнут к нему, а затем постепенно, благодаря тому прогрессу, который так часто считается неизбежным для человечества, книгопечатание с течением времени становилось бы искусством все более и более прекрасным, пока в девятнадцатом и двадцатом веках у нас не появились бы самые прекрасные образцы книгопечатания. На самом деле, однако, в течение первой половины столетия, сразу после предварительного применения этого искусства, книгопечатание достигло совершенства, которое с тех пор никогда не было превзойдено и лишь в отдельные периоды имело себе равных.

Между 1475 и 1525 годами некоторые из самых красивых печатных книг, когда-либо созданных, были завершены и достойно переплетены. Век Колумба может похвастаться производством самых красивых книг в мире. Последующие столетия ознаменовались упадком книжного искусства, которое было прогрессивным вплоть до второй половины девятнадцатого века. В то время были выпущены одни из худших книг, когда-либо созданных, с плохим дизайном, дешевым шрифтом, еще более дешевой, но, к счастью, скоропортящейся бумагой, печально нехудожественными иллюстрациями и уродливыми

переплетами (**совершенные** - это выражение употребил один любитель книг). Не следует забывать, что тот же самый упадок затронул и все остальное, и что живопись, скульптура и архитектура достигли своего наивысшего расцвета также в девятнадцатом веке, хотя книга продолжала оставаться в тени дольше, чем любое другое произведение искусства.

К счастью, Уильям Моррис привлек внимание к крайнему уродству коммерциализированного книгоиздания и побудил свое поколение к благородным усилиям по восстановлению утраченного искусства. Он продемонстрировал, как художественно можно создавать книги, взяв за образец печатные книги времен Колумба. Он, насколько это было возможно, имитировал их красивую бумагу ручной работы без отражающей поверхности, такого оттенка, что чернила выделялись на печатных страницах с широкими полями и разумными интервалами, с шрифтовыми гранями, в высшей степени удобными для чтения, выполненными с прицелом на настоящее художественное качество и чернилами, которые не выцветали все эти 400 лет. Все это были качества книги, вполне достойные подражания. С тех пор этой работой занимались во многих местах, и сейчас красивые книги не такая редкость, как раньше, хотя сомнительно, что даже со всеми нашими механическими приспособлениями, нашей способностью продавать достаточно большие тиражи, процветанием того времени и интересом издателей и библиофилов нам удалось создать какие-либо книги, которые мы осмелились бы сравнить с рядом томов, напечатанных в веке Колумба.

Совершенство, которого достигло ручное изготовление книг в то время, когда было изобретено книгопечатание и оно начало входить во всеобщее употребление, сделало сравнительно легким изготовление превосходных печатных книг - превосходных как в смысле хорошей печати, так и в смысле прекрасных иллюстраций. "Часослов" конца пятнадцатого века - один из самых красивых томов, когда-либо созданных. Они были тонко исписаны изящным почерком, красиво оформлены, красиво иллюстрированы и в очень подходящем переплете. Даже лучшие художники без колебаний посвящали себя созданию иллюминированных иллюстраций к любимым книгам. Французы были, как предполагает Данте в песни XI "Чистилища", лучшими просветителями своего времени, и они продолжали сохранять это превосходство в течение пятнадцатого века. Джерард В. Смит в своей книге "Живопись на испанском и французском языках" (Иллюстрированные справочники по истории искусств) говорит, что "французская школа миниатюры, хотя и превосходила по серьезности и оригинальности школу миниатюры Фландрии и Италии, все же была искусна в присвоении многих достоинств обеих. Они превзошли первых по общему составу своих испытуемых, а вторых - по своей перспективе". Самым известным из их художников-иллюстраторов того времени был Жан Фуке, придворный живописец Людовика XI, чьи работы как живописца обсуждаются в главе "Живопись за пределами Италии". Картины, написанные им в иллюстрированном музее Иосифа Флавия в Парижской библиотеке, особенно хорошо известны, и их часто хвалят за свободу изобретения, разнообразие и совершенство деталей в аксессуарах. Композиции, созданные для иллюстрации Тита Ливия, латинского историка Ливия, были признаны достойными восхищения своей естественностью и жизнью. Фуке особенно доволен пейзажами, которые он вводит в свои картины, и архитектурными деталями, которые он добавляет. Миниатюра, которую мы скопировали с рукописи Ливия в Национальной библиотеке, очень хорошо иллюстрирует все эти качества и дает понять, что ни в одном элементе художественной красоты или живописной ценности не было недостатка в книгах, которые изготавливались вручную, когда книгопечатание произвело революцию в книжном искусстве.

Некоторые книги с дополнительными иллюстрациями этого периода являются одними из самых красивых печатных книг, когда-либо выпущенных по своему богатству. Не так давно

Трегаскис рекламировал маленький Часослов, напечатанный *Симоном Дюбуа для мэтра Жофруа тори де Буржа в 1527 году*, за шестьдесят гиней. Он описывает его как чрезвычайно редкое и первое, в котором встречается арабесковая кайма, столь часто используемая Тори и его преемниками в последующих изданиях. Дибден, воспроизводя некоторые границы в своем "Библиографическом декамероне", сказал, что он не видел ничего более прекрасного в этом роде. Каждая страница напечатана в рамках различной гравюры на дереве, изображающей птиц, рыб, цветы и насекомых, с инициалами королевы-матери и коронованных короля и королевы в сочетании с гербами Франции и Савойи.

ФУКЕ, ЖАН, МИНИАТЮРНАЯ ЖИВОПИСЬ ИЗ РУКОПИСИ ЛИВИЯ. (BIBLIOTHÈQUE NATIONALE, PARIS)

Это, конечно, период, когда эти книги были написаны наиболее красиво. Есть целый ряд их образцов, которые появились в продаже в последние годы и пользуются высокими ценами не только из-за своей древности, но и из-за изысканного очарования их украшений.

Первые печатники оказались в конкурентной борьбе с такими изысканными книгами. Поэтому неудивительно, что они стремились выполнять красивую работу и прилагали максимум усилий. Прекрасную, широкую предприимчивость печатников того времени можно очень хорошо оценить по быстрому развитию их искусства и ремесла по созданию буквенных шрифтов для всех различных алфавитов. Греческий шрифт был создан еще в 1465 году. Первой книгой, полностью напечатанной греческими миниатюрами, была Грамматика Ласкариса в Милане в 1476 году. Первые шрифты на иврите появились еще в 1475 году. Знаменитый курсивный шрифт Альдуса, который, как говорят, является

имитацией почерка Петрарки, был введен Альдусом Мануциусом из Венеции для его проекта небольшого издания "Классики". Вырезал его, вероятно, художник Франсия (Райболини). Впервые он был использован в "Вергилии" 1500 года. Арабские шрифты впервые были использованы для печати книг в 1514 году в Фано в Италии. Сирийский язык использовался для печати еще в 1538 году, и сразу после окончания века Колумба в ходу были превосходные варианты этого языка. Псалтирь была напечатана на русском языке в Кракове еще в 1491 году, а русские шрифты использовались в Праге в 1517 году. Англосаксонские и ирландские типы были использованы вскоре после окончания века Колумба.

Печатание нот началось рано, самый ранний образец нотного шрифта встречается в "Полихрониконе" Хигдена, напечатанном Винкеном де Вордом в Вестминстере в 1495 году. Ноты были напечатаны на деревянных дощечках двадцать пять лет назад, хотя в некоторых книгах оставались пробелы, которые нужно было заполнять от руки. Около 1500 года в Венеции был основан нотный станок. Ближе к концу века были изобретены специальные типы и прессы многих видов для воспроизведения музыки.

Великий английский печатник того времени, Уильям Кэкстон, является характерным типом ученых печатников того периода. Мы почти ничего не знаем о его жизни. Он выражает благодарность своим родителям за то, что они дали ему образование, позволившее ему зарабатывать на жизнь, хотя и не говорит, где и как он получил образование. Примерно в начале века правления Колумба он поселился в Брюгге, занявшись собственным бизнесом, и вскоре преуспел. Он был учеником Роберта Ларджа, богатого лондонского торговца товарами того времени, который был одним из влиятельных людей того периода. В 1453 году Кэкстон вернулся в Англию для официального вступления в Компанию Мерсеров. Его дальнейшая история мало чем отличается от истории Шлимана, открывшего Трою в наше время. Он отошел от дел, по-видимому, со знанием дела, поступил на службу к Маргарите, герцогине Бургундской, вероятно, для того, чтобы иметь больше времени для своей литературной работы, а в следующем году закончил свой перевод с французского "Пересказа истории Троя", который был посвящен Маргарите. Его книга пользовалась большим спросом и распространялась в рукописи. Задача по ее копированию была слишком сложной и совершенно медленной для удовлетворения спроса. Обладая истинным деловым чутьем, Кэкстон затем "попрактиковалась в grete charge и передала ордеину упомянутую книгу в принте". Его книга была напечатана в Брюгге в 1474 году. В следующем году была напечатана его вторая книга "Игра в шахматы", которую он также перевел с французского.

В следующем, 1476 году, Кэкстон вернулся в Англию и открыл свою собственную типографию в Вестминстере. Первым выпуском его типографии были "Изречения философов", датированные 1477 годом. Хотя он умер четырнадцать лет спустя, в 1491 году, говорят, что за прошедший короткий период он выпустил девяносто шесть книг из Вестминстерского издательства. Его публикации включают произведения Чосера и Гауэра, "Смерть Артура" *сэра Томаса Мэлори* и ряд переводов с французского, латыни и голландского, большинство из которых, вероятно, сделаны им самим и все под его редакторским руководством. Он выпустил ряд небольших благочестивых книг, которые свидетельствуют о его глубоком религиозном интересе. Несмотря на то, что он был воспитан в профессии, которой успешно занимался до тех пор, пока не заработал денег, он был образованным человеком, писавшим на превосходном энергичном английском и испытывавшим горячий энтузиазм к литературе. Он является одной из величайших сил в английской прозе до шестнадцатого века и вместе с сэром Томасом Мором помог зафиксировать ее в том виде, в каком она должна была перейти к елизаветинцам и обрести нашу современную форму. Его жизнь является наилучшим из возможных свидетельств

возможностей для получения образования, которые изобиловали в начале века Колумба и которые могли бы легко обеспечить даже те, кто находится за пределами того, что обычно считается возможными шансами на получение высшего образования.

Историю великих печатников эпохи Возрождения вполне можно подытожить в трудах венецианца Альда Мануция, который был выдающимся ученым и издателем. Родившийся в 1450 году, он был учеником Гуарино из Вероны и, очень добросовестно изучив греческий, решил напечатать всех греческих классиков. Он взял почерк Мусуруса за образец, по которому был отлит его греческий шрифт, а затем приступил к подготовке достойной публикации. Чернила были изготовлены в издательстве и использовались только лучшие материалы. У него была специальная бумага с фабрик Фабриано, а переплетные работы производились в отдельном цехе его собственного предприятия. [Сноска 15] Результатом стал великолепный набор *Editiones Principes*, выпущенный его домом. Первым из них был *Musaeus*, напечатанный в 1493 году. Всего примерно за двадцать два года было выпущено двадцать восемь **основных изданий** греческой и латинской классики. Его торговый символ, Дельфин и Якорь, символизируют скорость и упорство. По этому поводу сам Альдус однажды сказал: "Я многого достиг благодаря терпению (слово, которое он использовал, было ***cunctando***, буквально "не торопясь") и я работаю без паузы". Как мы уже говорили, Альдус изобрел форму шрифта под названием *Italic*, на которую он получил патент от папы Льва X. В 1500 году Альдус напечатал первый лист предлагаемой Библии на иврите, греческом и латыни - Многоязычной Библии, которая так и не была завершена. Его работа была продолжена после его смерти в 1515 году Асолани, его шуринами, позже Паоло Мануцио, его сыном, а затем другим Альдусом, его внуком. В 1518 году был напечатан Эсхил, и тогда не было ни одного сохранившегося ненапечатанного греческого классика первого ранга.

[Примечание 15: Возвышенные мотивы, побудившие людей заняться искусством книгопечатания, можно очень хорошо оценить по некоторым высказываниям Альдуса по этому поводу. Мальчиком он был застенчивым, неуклюжим и замкнутым, и хотя получил образование в лучших школах Феррары и Рима, не проявил каких-либо заметных способностей. Какое-то время он, кажется, готовился к священничеству, но вместо этого стал наставником в княжеских домах. Этого было достаточно для его скромных вкусов и спокойной научной жизни. В возрасте сорока лет он оставил эту карьеру и с небольшими средствами начал редактировать и готовить к печати произведения почти забытых греческих авторов. Примерно в это время Колумб спустил на воду свои корабли, чтобы отплыть в Америку. Какой бы ранней ни казалась эта дата в истории искусства, книгопечатание уже было пережито. Когда Альдус добрался до Венеции, в этом городе было или должно было быть 160 типографий или издателей. Большинство из них были бедны, некоторые обанкротились, и никто из них не зарабатывал денег, которые могли бы соблазнить сорокалетнего мужчину без опыта заняться деловой карьерой. Состояние торговли в Риме было едва ли лучше. Италию беспокоили слухи о надвигающейся войне. Именно в этих условиях Альдус заявил в предисловии к одной из своих ранних книг:

"Я дал обет посвятить свою жизнь общественному благу. Бог мне свидетель, что это мое самое искреннее желание. ... Я оставляю мирную жизнь, предпочитая ее трудолюбивой и требовательной. ... Человек рожден не для удовольствий, недостойных возвышенного духа, а для обязанностей, которые делают его достойным. Давайте оставим мерзким низшую жизнь животных".]

Альдус посвятил себя печатанию классических произведений и совершенно пренебрег теологическими трудами, которые были так популярны, по крайней мере, среди печатников того времени. После семи лет тяжелейшей работы он сказал: "На этом седьмом году моей добровольной работы я могу искренне сказать - да, под присягой, - что за все эти долгие годы у меня не было ни часа мирного отдыха". В 1498 году, возможно, от переутомления, но, скорее всего, из-за пренебрежения обычной заботой о природе в виде регулярного приема пищи и сна, он заболел тяжелой болезнью. Во время болезни его мысли вернулись к студенческим дням, и он поклялся, что станет священником, если выздоровеет. Однако после выздоровления он попросил и получил освобождение от этого обязательства. На следующий год он женился на дочери известного брата-печатника Торресано из Асолы, и хотя у них была большая разница в возрасте - Альдусу было пятьдесят, а его жене едва исполнилось двадцать, - брак, похоже, оказался счастливым. После этого о здоровье Альдуса заботились лучше, а затем его бережливый тесть, который был успешным издателем, вероятно, помог ему многими советами, в результате чего Альдус сделал свои книги дешевле и более продаваемыми, и с тех пор у нас меньше претензий по поводу пренебрежения публики к покупкам.

Альдус был одним из самых занятых людей. Его девизом было *festina lente* (торопись медленно). В одной из своих книг он говорит: "Вы не представляете, как я занят; забота, которую я должен уделять своим публикациям, не дает мне достаточно времени ни на еду, ни на сон". В целях самозащиты от скуки, и легко понять, сколько могло найтись в этот период вновь пробудившегося интереса к науке людей, которые подумали бы, что могут приятно и с пользой для себя провести несколько часов в заведении Альдуса, он вывесил на своей двери следующее предупреждение:

- Кто бы ты ни был, Альдус просит тебя быть кратким. Когда ты договоришь, оставь его, если только ты не придешь, как Геркулес, на помощь Атласу, уставшему от своей ноши. Знайте, что здесь найдется работа для каждого, кто переступит порог ". С тех пор практически каждому крупному печатнику и публицисту приходилось пытаться защитить себя и свое время каким-либо подобным способом. Человеческая природа, или, по крайней мере, человеческая природа зануд, ничуть не изменилась за эти пять столетий.

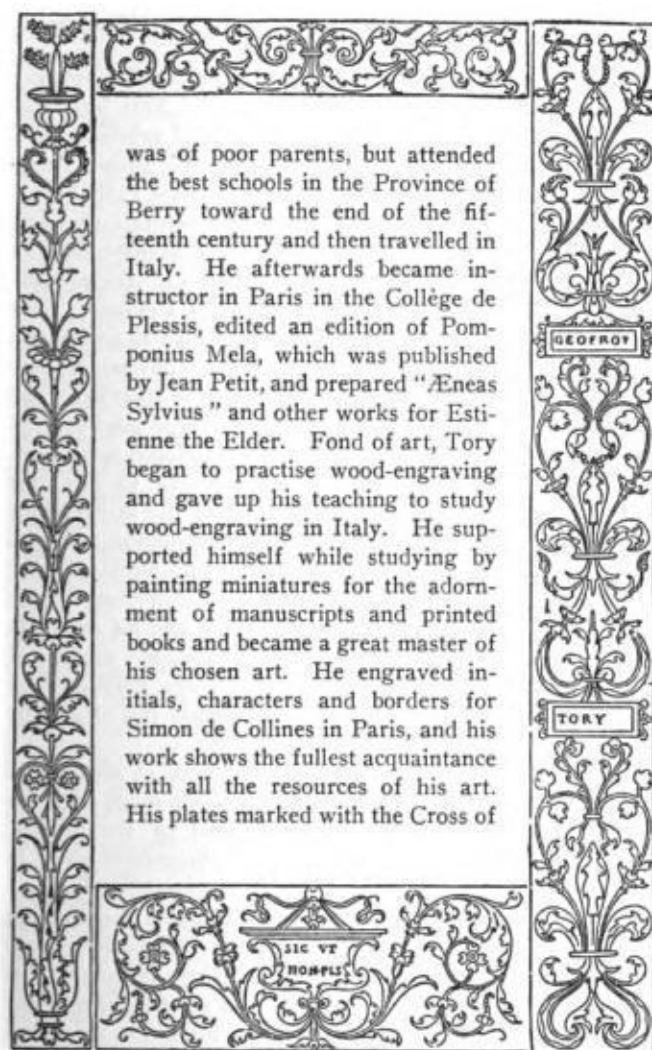
Несмотря на все, что он сделал для своего поколения, он встретил мало благодарности и еще меньше личной признательности. Было много выдающихся ученых, которые были его близкими друзьями, было много высокопоставленных духовных лиц, которые восхищались им и помогали ему, было много благородных покровителей и клиентов его дома, которые, должно быть, приносили ему много утешения. Но у него были и свои критики: Эразм не смог удержаться от нескольких едких острот по поводу скудости своего стола, поскольку сам был в некотором роде обжорой. Скалигер действительно сказал о нем, что он пил за троих, но делал только половину работы одного человека, в то время как Альдус был очень воздержан. Кроме того, Альдус жаловался, что его книги перепечатывались мошенническим путем, что его рабочие уходили от него после того, как он их обучал, и что иногда ему даже приходилось защищаться от предательства своих собственных сотрудников. Уже в то время они начали жаловаться на несправедливость, причиненную автору отсутствием авторских прав. Erasmus жаловался: "Наши законодатели не заботятся об этом вопросе. Тот, кто продает английское сукно за венецианское, наказывается, но тот, кто продает испорченные тексты вместо хороших, остается на свободе. Испорченных книг бесчисленное множество, особенно в Германии. Существуют ограничения для плохих пекарей, но их нет для плохих печатников, и нет такого уголка земли, куда не попадали бы плохие книги ".

Автор в старом *журнале Scribner's Magazine* за октябрь 1881 года подвел итог тому, чего Альдус достиг в своей профессии, в абзаце, который, очевидно, исходит от человека, хорошо знающего свой предмет и, вероятно, в наше время столкнувшегося с некоторыми из проблем, с которыми пришлось столкнуться Альдусу, хотя и с преимуществом опыта, накопленного более чем за четыре столетия с тех пор, чтобы помочь ему в их решении.

"Учитывая трудности, с которыми ему пришлось столкнуться, и не в последнюю очередь трудность найти наборщиков, которые могли бы читать греческие рукописи и набирать греческие шрифты, удивительно, что они такие правильные, как есть. Некоторые из них безупречны. Когда он предлагал читателю своего издания Платона, как он сделал в предисловии к этой книге, золотую монету за каждую обнаруженную ошибку, он, должно быть, был уверен в ее точности, которая проистекает только из сознания тщательной редакторской работы. Вкус Альдуса как редактора выходил за рамки текста. Не довольствуясь точной версией, он представил ее в приятном виде. Все признают ценность его изобретения курсива, даже если его использование в качестве буквы текста не одобряется. Но мало кто считает, что мы в долгу перед Алдусом за нынешние формы, которые он ввел. Насколько велико это обязательство, будет легко осознать после изучения неуклюжих знаков и противоречивого стиля греческих переписчиков до шестнадцатого века. Изобретение Альдом маленьких заглавных букв уже было замечено. Итак, вот три различных стиля книгопечатания, которые он ввел и которые были приняты повсеместно почти без разногласий. Другие печатники проделали работу высокого качества; другие создатели шрифтов создали приятные декоративные или причудливые шрифты; но ни один печатник или основатель со времен Алдуса не изобрел хотя бы одного оригинального стиля печати, который был принят и продолжал использоваться в качестве буквенного текста для книг ". [Сноска 16]

[Примечание 16: Именно после визита Гролье в Aldus в Италии он взялся за создание коллекции книг в красивых переплетах и печатных изданиях, которые с тех пор сделали его знаменитым; очевидно, вдохновением он был в немалой степени обязан великому итальянскому печатнику.]

Другим самым выдающимся печатником века Колумба, чья карьера заслуживает более подробного описания, был француз Джеффри Тори, или Тринус, который не так хорошо известен, как Альдус, появившийся в истории немного позже, но чьи работы отличались высочайшим художественным характером.

БОРДЕР ИЗ "ЧАСОСЛОВ" ДЖЕФФРИ ТОРИ (1525)

Как и Альдус, он был из бедных семей, но к концу пятнадцатого века посещал лучшие школы в провинции Берри, а затем путешествовал по Италии. Впоследствии он стал преподавателем в Париже в колледже Плесси, редактировал издание Помпония Мелы, опубликованное Жаном Пети, и подготовил "Энея Сильвия" и другие произведения для Этьена Старшего. Увлекаясь искусством, Тори начал заниматься гравировкой по дереву и бросил преподавание, чтобы изучать гравировку по дереву в Италии. Во время учебы он зарабатывал на жизнь рисованием миниатюр для украшения рукописей и печатных книг и стал великим мастером избранного им искусства. Он выгравировал инициалы, иероглифы и бордюры для Симона де Коллина в Париже, и его работы демонстрируют наиболее полное знакомство со всеми возможностями его искусства. Его тарелки, отмеченные Лотарингским крестом, теперь считаются достойными самого высокого места в каждой коллекции choice.

Его главным вкладом в книгоиздание стало его замечательное оригинальное произведение под названием "Поле Флери". Эта книга была разделена на три части для обучения печатников. Первая из этих частей содержала трактат о правильном использовании букв. Во

второй говорилось о происхождении заглавной буквы и ее надлежащем месте. Третья содержала точные рисунки букв и большое количество алфавитов различных видов, так что можно было правильно подобрать шрифт для различных типов книг и различных размеров в зависимости от места и страницы. Эта работа оказала далеко идущее влияние. Одним из результатов стала немедленная и полная революция во французском книгопечатании и орфографии - отказ от готики и принятие нового стиля вырезания под старину. После использования в течение нескольких столетий изготовленные таким образом грани были на некоторое время заброшены и сейчас возрождаются. В этой книге Тори также изложила правила правильного использования во французском языке ударений, апострофа и знаков препинания. Он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы решить эти назойливые проблемы использования для всего мира. Публикация этой книги принесла Франциску I, самому ученому и покровителю науки, автору, которому так многим обязана французская эпоха Возрождения, титул королевского печатника. Некоторые границы Тори проиллюстрированы на этих страницах. С тех пор они стали плодотворными моделями, полными предложений для такой работы.

С развитием книгопечатания потребность в методах умножения иллюстраций для печатных книг вскоре дала о себе знать, и на нее тонко откликнулся гений века. Гравюра на дереве для книжной иллюстрации появилась очень рано в истории книгопечатания и, в конце концов, была всего лишь развитием деревянных блоков, из которых первоначально возникла первая идея подвижных шрифтов. Вначале это было очень грубо, и все же часто с художественным выражением, которое придает ему большой интерес. Вскоре начали реализовываться его возможности для печати в сочетании с подвижными шрифтами, и по мере того, как печатные книги становились все красивее, а шрифты - более художественными, возникла необходимость в снабжении художественными иллюстрациями, и вскоре такая потребность была удовлетворена. Вероятно, первой гравюрой на дереве, предназначенной для книжной иллюстрации и демонстрирующей заметные художественные качества, была "Мечта Полифилы", в которой, как говорит Вудберри в своей "Истории гравюры на дереве", "Итальянская гравюра на дереве, вдохновленная духом Возрождения, продемонстрировала свое самое прекрасное творение". Она была написана венецианским монахом Франческо Коломбо в 1467 году и впервые напечатана Альдусом в 1499 году. Тема была достойной, поскольку, хотя книга представляет собой странное смешение греческих, латинских, древнееврейских и арабских традиций и поэтической символики, она олицетворяет дух Возрождения. Он представляет собой поиск молодостью красоты универсальной природы и совершенства древнего искусства под названием Полиа, очаровательная девушка, сочетающая в себе все качества. Всего представлено 192 рисунка. Они приписывались многим выдающимся мастерам, даже Джону Беллини и Рафаэлю, среди прочих, но, вероятно, были созданы Бенедетто Монтаньей.

Как быстро иллюстрация стала помогать в понимании текста в книгах, очень хорошо видно на примере работ фра Джокондо. Когда в 1508 году он опубликовал "Письма Плиния младшего" в альдинском издании, он не только описал, но и проиллюстрировал виллы древних. В 1511 году он отредактировал альдинское издание "Витрувия" с его грубыми гравюрами на дереве, которые, тем не менее, гораздо более тщательно иллюстрируют, чем многие более амбициозные современные книги, и которые включают первый современный план римского дома. Когда в 1513 году он выпустил свое альдинское издание "Цезаря", оно было проиллюстрировано самым ранним из всех современных рисунков моста Цезаря через Рейн. Фра Джокондо на самом деле является истинным отцом иллюстрированной классики, как предположил Сэндис в своих Гарвардских лекциях о "Возрождении обучения" (Издательство Кембриджского университета, 1905). Возможно, стоит добавить, что добрый

монах был студентом не просто ради эрудиции, поскольку, как отмечается в главе об архитектуре, он поступил на королевскую службу во Франции и в 1497 году спроектировал по крайней мере один, если не два, из благородных мостов, которые до сих пор перекинuty через Сену.

Значительным прогрессом, достигнутым в книжной иллюстрации и создании гравюр, мы обязаны Альбрехту Дюреру, который не только первым открыл возможности гравюры по дереву как способа художественного выражения, но и сразу увидел, что оно не может сравниться с конкурирующим искусством гравировки по меди в той тонкости линий и глубине тона, от которых зависит совершенство гравюры по металлу, но, понимая ограничения, Дюрер прописал материалы и процессы гравировки по дереву.

СТРАНИЦА "ЧАСОСЛОВ", СДЕЛАННАЯ ДЛЯ САЙМОНА ДЕ КОЛЛИНА (ТОРИ)

Он увеличил размер вырезов, придал линиям широту и смелость и добился новых приятных эффектов за счет сильных контрастов черного и белого. Как говорит Вудберри в своей

"Истории гравюры на дереве" (Harper's, Нью-Йорк, 1883): "Таким образом, он показал истинный метод гравюры на дереве; но искусство обязано ему гораздо большему: он привнес в практику этого дела руку и ум великого мастера, поставил ремесло механика на службу высокому воображению и живому интересу и поместил его среди изящных искусств - дело гораздо более важное, чем любые усовершенствования процессов или методов". При этом мы можем добавить, что он всего лишь достиг того, чего достигли многие его современники в других искусствах. Ювелиры стали скульпторами и живописцами, декораторы - настоящими художниками, а ученые из своих классических книг научились выполнять то, чему они учились у древних.

Было бы трудно рассказать достаточно о гравюрах Дюрера на дереве. Его гравюрам следует позволить говорить самим за себя. К сожалению, из-за ограниченности места мы можем привести только одно из них, но оно послужит прекрасным примером чудесных качеств, которые Дюреру удалось выразить в том, что до этого могло показаться безнадежно грубой средой. Первая из четырех знаменитых серий рисунков, в которых впервые демонстрируется его мастерство в гравюре по дереву, была опубликована в 1498 году, но, вероятно, закончена до этого времени. Она состояла из пятнадцати больших гравюр на дереве, иллюстрирующих Апокалипсис святого Иоанна, к которым прилагалась виньетка удивительного благородства и простоты.

Другие люди проделали замечательную работу в этой новой среде после того, как Дюрер указал им путь, хотя никто из них не превзошел и, возможно, даже не сравнялся со своим мастером. Фрагменты "триумфального шествия Максимилиана" Ганса Бургкмайера показывают, что его ученики были вполне способны пойти по его стопам. Такие люди, как Ханс Шеффелин и Ханс Спрингинкли, а также Ханс Бальдунг, намного превосходили большинство своих преемников по художественному качеству гравюр на дереве. Лукас ван Лейден и Кранахи показывают, как художники освоили этот новый способ самовыражения, а ряд людей, работавших в этом столетии, доказывают удивительную способность времени стимулировать мужскую гениальность.

Помимо Дюрера и группы людей, на которых он оказал большое влияние, особого упоминания заслуживает один человек, Ганс Гольбейн, поскольку он особенно ярко иллюстрирует связь нового искусства с книгоизданием. Гольбейн начал заниматься гравировкой на дереве, как только поселился в Базеле, примерно в возрасте двадцати лет. Он начал с оформления титульного листа, начальных букв и ксилографии для издателей того периода. Он иллюстрировал книги гуманистов, особенно "Утопию" сэра Томаса Мора, в то время новое и популярное произведение, а затем разработал гравюры на дереве для библейского перевода Лютера и сделал несколько превосходных карикатур. Он реалист и проиллюстрировал особенно скромную жизнь, случаи из повседневной жизни крестьян и детей, и эти сцены иногда используются в качестве фона для начальных букв, около двадцати алфавитов которых приписываются ему. Джеффри Тори во Франции привнес классический дух в гравюру по дереву, а скульпторы Жан Кузен и Бернар Саломон и особенно Жан Гужон, сделавший несколько превосходных вырезов для Витрувия (1547), и группа других иллюстраторов во Франции показывают, как искусство распространялось и использовалось по всему миру.

Еще одним интересным достижением как в гравюрах, так и в книжной иллюстрации стала постепенная эволюция гравюры на металле, которая, как и гравюра на дереве, достигла своего наивысшего совершенства в Германии. Мартин Шонгауэр, умерший в 1488 году, - первое значимое имя, хотя ему предшествовал неизвестный немецкий гравер, о котором обычно говорят как о "Мастере 1466 года". Шонгауэр использовал изогнутую штриховку и

значительно усовершенствовал технику. После него пришел Дюрер, который возвел гравюру на металле, особенно на меди, в область искусства. Вероятно, ничто так хорошо не иллюстрирует его способность к мелкой наблюдательности, как некоторые из его медных пластин. Его животные воспроизведены с точностью и очарованием, и на заре пейзажной живописи он изучал каждый лист, ветку и ствол дерева и знал, как изобразить именно то, что он видел. Наивысшего художественного мастерства достиг Маркантонио в Италии, работавший под руководством Рафаэля. После работ этих мастеров осталось совсем немного, что могли бы добавить последующие граверы.

ДЮРЕР, "БРАКОСОЧЕТАНИЕ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ" (ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ, 1511)

Насколько это новое развитие искусства помогло иллюстрированию книг, могут легко оценить те, кто знаком с некоторыми старыми книгами. Даже технические книги, такие как учебники анатомии, были прекрасно иллюстрированы с медных пластин, которые представляли собой не просто обычные картинки, а часто настоящие произведения искусства. Иллюстрации к "Анатомии Везалия", вероятно, были подготовлены под руководством Тициана одним из его лучших учеников Калькаром, а анатомические иллюстрации Евстахия, вероятно, также были написаны по совету великого художника. [Сноска 17]

[Сноска 17: Насколько высоко в наше время ценится книгоиздание и переплетное дело этого периода, возможно, лучше всего и легче всего понять из следующего материала: "На распродаже Библиотеки леди Брук на аукционе Сотбис мистер Кворич купил за 1500 долларов хорошо сохранившийся экземпляр Ливия, датированный 1543 годом, в прекрасном современном сафьяновом переплете и заплатил 1475 долларов за датированный 1533 годом экземпляр *"De Rebus Oceanicis, et Orbe Novo" Петруса Мученика*" (Нью-Йорк *Геральд*, 26 ноября 1913 г.).]

В то время как за внутренней стороной книги ухаживали так тщательно и вдумчиво, внешней стороной ее не пренебрегали. Именно в этот период были изготовлены самые красивые переплеты в мире. Название клуба Гролье в Нью-Йорке является свидетельством этого, ибо, когда наши американские библиофилы захотели дать своей ассоциации достойное название, они позаимствовали его у великого книголюбца века Колумба, Жана Гролье, казначея Франции, который так много сделал для поощрения прекрасного книгоиздания того времени. Коллекция книг, составленная Гролье, вероятно, самая известная из когда-либо собранных вместе. Как правило, они были красиво напечатаны на лучшей бумаге и в наиболее подходящем и художественном переплете. Прослежена история жизни практически каждого из них, и многие книголюбцы приобрели бессмертие по сравнительно дешевой цене, поскольку в то или иное время владели одной из книг Гролье, поскольку имя каждого владельца, как правило, занесено в хронику. У многих книговладельцев нашего времени есть единственный шанс прославиться в грядущем времени благодаря тому факту, что в его библиотеке есть одна из книг Гролье.

СТРАНИЦА С ЧЕРНОЙ БУКВОЙ И РАМКОЙ (1520)

Красивые переплеты нужно увидеть, чтобы оценить по достоинству, но каждый этап художественного оформления книг был исчерпан. В то время как кожа была излюбленным материалом для переплета, использовались шелк, гобелен и плюш, а также всевозможные украшения - металл, панцирь черепахи и драгоценные камни. Вероятно, никогда еще вкус не проявлялся так ярко, как в это время, и хотя последующие мастера научились отделять намного лучше, лучшие переплеты современности вряд ли сравнятся по художественному качеству с переплетами периода Колумба.

Брэндер Мэтьюз в своей книге "Переплеты, старые и новые" сказал: "Мы должны признать, что в наше время очень мало отделочников (книг), обладающих оригинальностью изобретения, свежестью композиции или индивидуальностью вкуса". Далее он говорит, что в наше время у нас есть более определенное ремесло, но менее художественное качество. Ремесло улучшилось, искусство пришло в упадок. Рука приобрела навык, но голова утратила свою силу.

В наше время мы снова начинаем по достоинству оценивать ценность прекрасных книг. Между нашим веком и веком Колумба были периоды, когда в книжном мире распространялись только самые грязные идеи, или когда властвовал безвкусица, и переплетное дело, как книгопечатание и другие искусства, переживало период упадка после шестнадцатого века, который трудно объяснить, хотя легко найти причины для этого, и который продолжал погружать книги во все большее и большее отсутствие художественных качеств почти до двадцатого века. Из ямы, вырытой пренебрежением интересом как к прекрасному, так и к полезному, мы сейчас выбираемся, но, к сожалению, многие из нашего времени склонны думать, что это произошло впервые, хотя мы только начинаем, пока отдаленно, подражать красотам книжного дела средневековья и Возрождения.

Еще более интересным для современности является отношение этих великих коллекционеров книг времен Колумба к своим драгоценным сокровищам. Они считали, что принадлежат не только себе, но и всем тем, кто способен ими воспользоваться. Выдающийся итальянский коллекционер, предшественник Гролье, Майоли, напечатал на своих книгах девиз: *Tho. Maioli et amicorum* - то есть "собственность Томаса Майоли и его друзей". Ряд других коллекционеров книг, включая Гролье, подражали этому. Говорят, что Майоли обладал истинно любительским духом и сам занялся изготовлением красивых переплетов. Джеффри Тори также посвятил себя переплетному делу, а также гравировке по дереву и своей работе в типографии. Одним словом, это было время, когда люди стремились сделать книгу как можно более красивой, все время помня о том, что ее главной характеристикой должна быть полезность.

ИГРАЛЬНАЯ КАРТА, ФРАНЦИЯ, ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

КНИГА II

КНИГА ДЕЯНИЙ

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И РАБОТНИКИ

Любое столетие, в котором не наблюдается важной эволюции работы на благо бедных, которые "всегда с нами", организованных усилий в пользу больных, которые неизбежны при нынешнем состоянии существования человека, а также некоторого общего признания общественного долга по отношению к большому числу мужчин и женщин, которым всегда нужно помогать чего-то добиться в их жизни, потому что им не хватает инициативы и способности добиваться результатов самостоятельно, не заслуживает места среди великих столетий существования человечества. Век Колумба в этом отношении является одним из примечательных периодов истории человечества. Во многих странах были построены великолепные больницы - этап его истории, настолько важный, что нам пришлось отложить рассмотрение этого вопроса для специальной главы, посвященной больницам. Он видел организацию многих средств помощи бедным, и в частности определенных методов ухода за старыми и молодыми, за инвалидами и обездоленными, а также происхождение институтов, через которые бедняки за свои небольшие взносы могли получать ссуды, чтобы пережить повторяющиеся кризисы существования. Кроме того, существовало множество приютов в лучшем смысле этого слова, основанных для ухода за душевнобольными и хроническими страдальцами других видов, и многие другие благотворительные учреждения были организованы и учреждены в таких формах, чтобы приносить как можно больше пользы. Прежде всего, в этом столетии был создан ряд религиозных орденов, которые должны были осуществить различного рода социальные реформы, а основатели которых должны были своим примером и советами должным образом поощрять многие благотворительные фонды.

Наиболее интересное развитие услужливости в это время произошло в связи со многими гильдиями, которые достигли своего наивысшего развития в конце пятнадцатого века. Эти гильдии заботились об инвалидах, поддерживали стариков, заботились о сиротах, давали детям техническую подготовку, основывали школы во многих местах и часто отправляли более умных мальчиков даже в университет, а также обеспечивали различные развлечения в течение года для членов гильдий, их соседей и горожан. Насколько универсальным было их влияние на жизнь, например, английского народа, лучше всего можно оценить по подсчетам Тулмина Смита, авторитет которого во всем, что касается истории английских гильдий, неоспорим, согласно которым примерно в начале шестнадцатого века в Англии существовало около тридцати тысяч таких братских организаций.

Они затрагивали все сферы общественной жизни того времени и помогали в решении многих социальных проблем. Они страховали своих членов от потерь при пожаре, ограблении, на море, при обрушении дома, тюремном заключении и даже от потерь в результате наводнения. Существовала страховка от потери зрения, от потери конечности или любой другой формы увечья. Глухонемые могли бы быть застрахованы таким образом, чтобы обеспечить им доход, и можно было бы получить соответствующее облегчение от проказы, так что, если бы кто-то был изолирован от общества законом, требующим сегрегации прокаженных, можно было бы обеспечить его едой и жильем, даже если

производительная работа стала невозможной. [Сноска 18] Существовала также страховка фермера от потери скота и сельскохозяйственной продукции.

[Сноска 18: Уолш, "Тринадцатое величайшее из столетий", приложение для прессы католической летней школы, пятое издание, Нью-Йорк, 1912 г.]

Не было ни богаделен, ни сиротских приютов. Мы только что еще раз осознали, что, как правило, лучшим возможным опекуном для детей является их мать, если она жива. В конце концов, дешевле помочь ей сохранить семью, чем отдавать их в специализированные учреждения, а домашнее обучение почти бесконечно лучше. Они очень четко осознали этот факт в позднем Средневековье и в веке Колумба, и если мать умирала, а отец не мог содержать детей, что случалось очень редко, или если оба родителя были мертвы, детей распределяли по семьям, которые усыновляли их с особым соглашением о том, что на них следует смотреть как на членов семьи. Чиновники гильдии присматривали за этими детьми, следили за тем, чтобы с ними не обращались жестоко, и предоставляли особые возможности для их обучения, а также очень часто предоставляли приданое девочкам, когда они выходили замуж. Действительно, существовала традиция, согласно которой "дети гильдии", как называли этих сирот, скорее всего, имели лучшие возможности в жизни, чем те, чьи родители были еще живы.

Несмотря на всю их заботу о бедных, в то время, как и всегда, существовала проблема бездельника, человека с *жаждой странствий*, который нигде не хочет осесть и не может постоянно работать. Они довольно хорошо справлялись с тем, что мы привыкли называть бродягой. Прежде всего, они избежали многих злоупотреблений, связанных с публичным попрошайничеством. Этот метод заслуживает внимания. Когда член гильдии умирал, каждый член должен был присутствовать на его похоронах. Те, кто этого не сделал, были оштрафованы на небольшую сумму, но все же достаточную, чтобы удержать их от пренебрежения этим обязательством, если только их не вынудит какая-то необходимость. Эти штрафы поступали в общий фонд в пользу бедных и раздавались в качестве милостыни за упокой души умершего брата. Кроме того, каждый член гильдии должен был пожертвовать мелкую монету в качестве дополнительной милостыни за умерших, и эта денежная сумма была сдана на хранение казначею гильдии для этой специальной цели. Каждому, кто подавал милостыню, вручался жетон, которым он мог пользоваться по своему усмотрению. Когда член гильдии встречал кого-то, кто выглядел так, как будто нуждался в помощи, вместо того, чтобы давать ему деньги, он вручал ему этот жетон, и тогда нищий мог получить все, в чем он больше всего нуждался - еду, кров или одежду, - предъявив жетон казначею гильдии, церковному пономарю или любому из церковных старост или духовенства. Это предотвращало злоупотребление благотворительностью, давало немедленную помощь там, где это было необходимо, и не приводило к обнищанию, потому что человек, получивший помощь, знал, что целью того, что ему было дано, было благо души умершего брата, а не просто жалость к нему.

Численность и эффективность деятельности гильдии лучше всего можно понять из изучения истории Гильдии Святого Креста в Стратфорде. Благодаря тому факту, что интерес к Шекспиру привел к очень тщательному изучению всех возможных крупиц информации о жизни города за столетие до него, мы располагаем многими подробностями, касающимися этого. Гильдия Святого Креста в Стратфорде стала представлять почти все формы инициативы на благо горожан. Они периодически устраивали банкеты, устраивали театрализованные представления, заботились о бедных, строили богадельни, которые

сильно отличались от домов призрения, заботились о сиротах и инвалидах и поддерживали начальную школу, а также помогали некоторым из своих членов получить высшее образование. Гильдия стала настолько известной благодаря своему благотворительному вкладу в жизнь города, что выдающиеся представители знати и судьи, представители различных профессий и видные купцы со всех окрестностей обратились за привилегией стать ее членами и получили ее. Гильдия приобретала собственность и имела определенный доход. Мы знаем, что в 1481 году он приобрел дом священника в Литтл-Уилмкоуте, где у Арденов, предков матери Шекспира, была собственность со всеми ее доходами.

Одно очень интересное сооружение в Стратфорде демонстрирует разницу между богадельнями последующих веков и богадельнями века Колумба. Прямо рядом со школой Гильдии и часовней в Стратфорде стоит ряд маленьких домиков, которые сейчас выглядят довольно странно, но не настолько непохожи на дома того времени, в которых они были возведены, чтобы бросаться в глаза. Таких домов было с дюжину или больше, в них должны были жить престарелые бедняки, муж и жена занимали первый этаж маленького домика вдвоем. На верхних этажах этих домов также были предусмотрены места для вдовцов, старых дев и старых холостяков, которые стали слишком старыми для работы. Это аккуратные маленькие кварталы, в которых пожилые люди все еще живут довольные жизнью и которые для посетителя Стратфорда представляют очень большой интерес. Часовня гильдии находилась недалеко, в нескольких сотнях футов от самой дальней из них, и даже самые немощные старики, которые на самом деле не были прикованы к постели, могли утешиться посещением церкви, и для них в удобное время проводились специальные службы. На самом деле, после перестройки часовни сэром Хью Клоптоном очень многие горожане, за исключением дней больших праздников, ходили в часовню гильдии из-за ее удобства, а не в церковь Троицы за городом. Мальчики из соседней школы гильдии играли во дворе, где их могли видеть старики, обеспечивая, таким образом, наилучшее времяпрепровождение для старших, в то время как в течение дня оживленное движение по главной дороге проходило мимо них, еще больше отвлекая.

Особого упоминания заслуживает гимназия, которая была основана и поддерживалась гильдией. Это было бесплатно для детей членов гильдии, и школьному учителю было запрещено брать что-либо у своих учеников. Глава гильдии выплачивал ему годовое жалованье. Раньше датой его возникновения считался 1453 год, но теперь известно, что он существовал гораздо раньше, хотя в это время произошла основательная реорганизация, натолкнувшая на мысль о его фактическом основании. Насколько успешной была его работа, можно судить по количеству стратфордцев, занявших высокие посты в Англии - за одно столетие их было не менее трех лорд-канцлеров - и по тому, что мы знаем об этом во времена Шекспира. Она была закрыта при Генрихе VIII, но из-за недовольства народа она, как и ряд других учреждений подобного рода, были восстановлены при Эдуарде VI и стали известны как грамматические школы Эдуарда VI. Как подчеркнул Гайрднер, для такого назначения очень мало оснований. Новые фонды создавались крайне неохотно и экономно, учитывая огромные средства, которые были конфискованы. Однако грамматическая школа была настолько эффективной в своем обучении, что даже сыновья торговцев в Стратфорде писали друг другу на довольно хорошей латыни. Некоторые письма сохранились.

Некоторые из этих деталей очень хорошо показывают характер социальной работы, проводимой гильдией, особенно в ее школах и богадельнях. Сэр Сидни Ли продолжает: "Но в 1547 году все эти преимущества прекратились: гильдия была распущена, и все имущество перешло в королевскую сокровищницу". Отчет о том, что случилось с некоторыми из этих давно созданных фондов в пользу бедных и образования, можно найти в его главе. Они были переданы фаворитам короля, которые использовали их для различных недостойных

целей и, прежде всего, просто для того, чтобы соответствовать изнеженной роскоши того времени.

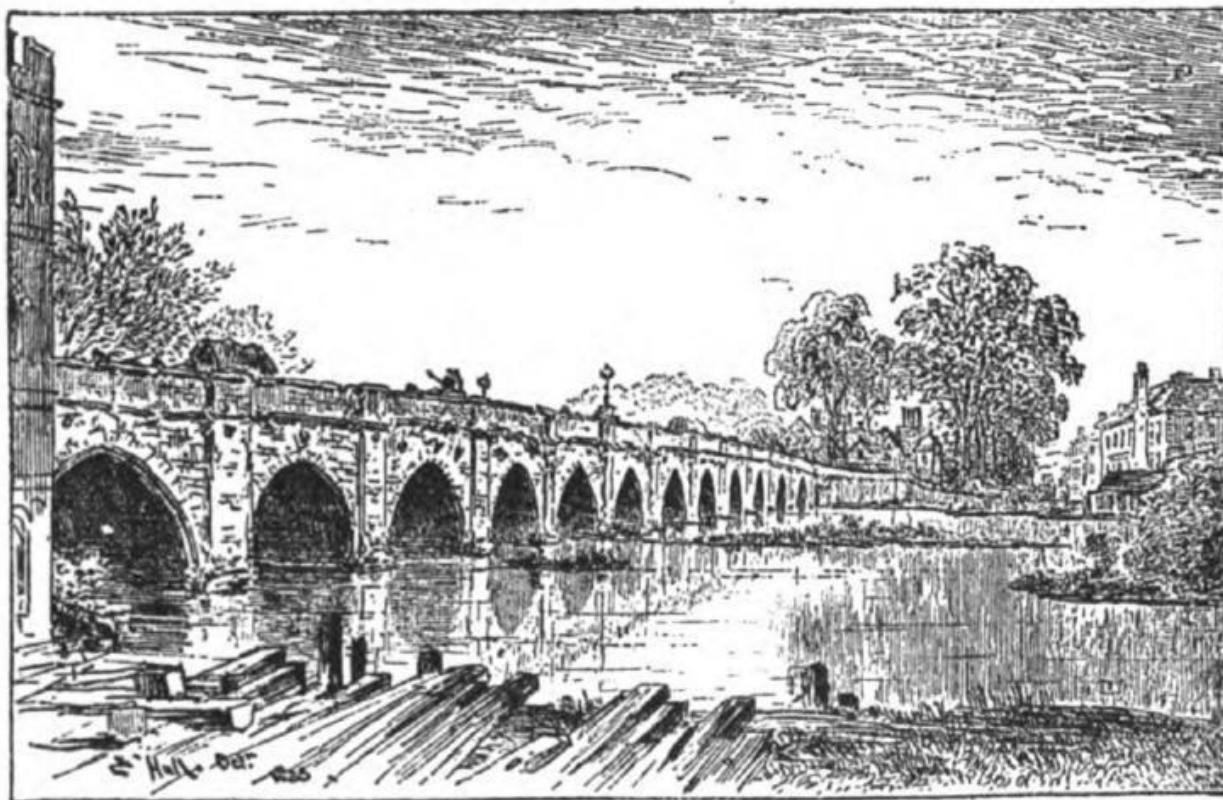
Преподобный Огастес Джессоп, англиканский настоятель Сайминга, в своем сборнике эссе "Перед великим разграблением" рассказывает о других частях Англии и о том, что "богадельни, в которых кормили и одевали стариков и женщин, были ограблены до последнего фунта, бедных подающих милостыню без предупреждения выставляли на холод просить хлеба. Больницы для больных и нуждающихся, иногда великолепно укомплектованные медсестрами и капелланами, сам **смысл существования которых** заключался в том, что они должны были заботиться о тех, кто уже не мог позаботиться о себе, у них отбирали все их имущество, заключенных отправляли доковылять до какой-нибудь удобной сухой канавы, лечь и умереть, или заползти в какой-нибудь сарай или лачугу, где за ними ухаживал, не опасаясь последствий, какой-нибудь добрый мужчина или женщина, которые не могли вынести вида, как страдающий ближний падает и умирает у их собственного порога ". Чем закончилась вся эта тонкая организация социальной работы, часто оставалось загадкой для изучающих социальную историю того времени. Однако это нетрудно понять, если вспомнить события второй половины века правления Колумба. Сэр Сидни Ли в своем "Стратфорде-на-Эйвоне" рассказал историю конца света в том, что касается Стратфорда. Я предпочитаю позволить ему рассказать историю (стр. 101):

"Политики, окружавшие Генриха VIII и Эдуарда VI, сочли уничтожение религиозных корпораций не более приятным для своей совести, чем для своих кошельков. В 1545 и в 1547 годах уполномоченные приезжали в Стратфорд, чтобы доложить о владениях и уставе Гильдии Святого Креста. Доход оценивался в пятьдесят фунтов, один шиллинг, одиннадцать пенсов и полпенни, из которых двадцать один фунт, шесть шиллингов и восемь пенсов выплачивались в качестве жалованья четырем капелланам. Там был клерк, который получал четыре шиллинга в год; и Оливер Бейкер, следивший за часами (снаружи часовни), получал тринадцать шиллингов и четыре пенса. На территории была бесплатная школа, и Уильям Далам, школьный учитель, ежегодно получал за обучение десять фунтов. "Также ежегодно, - говорится в отчете, - раздается xxiiij беднякам, братьям упомянутой гильдии, lxiijs: iijd; vz. xs. для раздачи углем, а остальным - наличными деньгами; кроме одного дома, называемого Богадельней; и кроме v. или vii. учитывая их хорошее обеспечение мастера той же гильдии".

ЧАСОВНЯ ГИЛЬДИИ В СТРАТФОРДЕ И БОГАДЕЛЬНИ (ОТРЕСТАВРИРОВАНА СЭРОМ ХЬЮ КЛОПТОНОМ, 1500 г.)

Типичный пример того, как богатые люди относились к своим общественным обязанностям в век Колумба, можно найти в случае сэра Хью Клоптона из Стратфорда-на-Эйвоне. Он был лорд-мэром в 1492 году и, так и не женившись, посвятил свой досуг и богатство филантропии. Ранее в жизни он сколотил состояние как торговец в Лондоне. Именно он построил Нью-Плейс, который впоследствии стал собственностью Шекспира. Прямо через дорогу стояла часовня гильдии, и, поскольку сэр Хью был видным членом гильдии, когда это здание, к сожалению, нуждалось в реставрации в конце пятнадцатого века, он позаботился об этом. Алтарь остался нетронутым, но неф и башня в том виде, в каком они у нас есть, были восстановлены им самим. Он умер до завершения работ, но оставил достаточно денег, чтобы обеспечить их завершение. Это очаровательный образец перпендикулярной готики того времени, украшенный искусно выполненными картинами, иллюстрирующими историю Святого Креста. Впоследствии эти картины были покрыты побелкой, потому что дух "реформаторства" не мог терпеть подобных изображений, но в последние годы некоторые из них были частично раскрыты, показывая, насколько интересно была выполнена работа.

МОСТ СЭРА ХЬЮ КЛОПТОНА В СТРАТФОРДЕ-НА-ЭЙВОНЕ

Еще более интересным, и, возможно, нынешнее поколение сочтет это более практичным, было переустройство сэром Хью из цельного камня старого деревянного моста через Эйвон в Стратфорде. Он был построен из необработанного камня, с четырнадцатью арками, и к нему была пристроена длинная дамба, тоже каменная, с хорошими стенами с каждой стороны. Насколько это было необходимо, можно судить по тому, что антиквар Лиланд,

посетивший Стратфорд около 1530 года во время путешествия по Англии, отметил в своем отчете о своем путешествии огромную ценность этого подарка. "До времен Хью Клоптона, - писал он, - там был всего лишь жалкий деревянный мост и не было дамбы, ведущей к нему, из-за чего многие бедняки либо отказывались приезжать в Стратфорд, когда река разливалась, либо, приезжая туда, подвергались опасности для жизни". Мост все еще стоит, чтобы убедить нас в тщательности, с которой были заложены его основы.

Когда сэр Хью Клоптон пришел составлять свое завещание, Стратфорд в значительной степени выиграл и другими способами, как отметил мистер Сидни Ли, которому мы обязаны большей частью этих подробностей, в своей книге "Стратфорд-на-Эйвоне" (Лондон: Seeley & Co., 1907, стр. 94):

Он завещал также C. marks для раздачи xx. бедным девушкам с добрым именем и известностью, проживающим в Стратфорде, то есть каждой из них по пять марок при вступлении в брак; а также CI. бедным домовладельцам в Стратфорде; также Lli. новому зданию, "крестовому проходу в тамошней приходской церкви" (Дагдейл). В то же время завещатель не забывал о нуждах лондонских бедняков или их больниц; и от имени бедных ученых университетов он организовал шесть выставок в Кембридже и Оксфорде, ежегодная стоимость каждой из которых составляла четыре фунта в течение пяти лет ". [Сноска 19]

[Сноска 19: Возможно, можно подумать, что в то время в Англии было мало возможностей сколотить сколько-нибудь значительное состояние, и поэтому пример сэра Хью Клоптона будет значить очень мало. Однако на самом деле это было время, когда, прежде всего, быстро сколачивались состояния и денег в Англию текло больше, чем когда-либо прежде. Тэн в своей "Истории английской литературы" цитирует Акты парламента, "Краткий обзор" Уильяма Страфффорда и другие правительственные документы, которые проясняют это. Он подводит итог ситуации, говоря:

"К концу пятнадцатого века был дан импульс торговле, и торговля шерстью достигла внезапного роста, причем такого огромного, что кукурузные поля были превращены в пастбища, "благодаря чему жители упомянутого города (Манчестер) разбогатели и обеспечили себе достойный образ жизни", так что в 1553 году сорок тысяч кусков ткани были вывезены на английских кораблях. Это уже была та Англия, которую мы видим сегодня: страна зеленых лугов, пересеченных живыми изгородями, населенная скотом, изобилующая кораблями, мануфактурная, богатая земля, с народом тружеников, питающихся мясом, которые обогащают ее, пока обогащаются сами. Они улучшили сельское хозяйство до такой степени, что за полвека урожай с акра был удвоен".]

Многочисленные благотворительные акции сэра Хью Клоптона очень хорошо иллюстрируют чувство многих из тех, кто зарабатывал деньги в то время, что они распоряжались своим богатством на благо общества. Иногда считается, что гражданская филантропия - гораздо более современная идея, чем в этом столетии, и иногда считается, что то, что было отдано на благотворительность, было плохо направлено. На самом деле, в то время богатые люди, по крайней мере, так же заботились о своих благодеяниях, как и в

наше время. Если разнообразные работы сэра Хью Клоптона для его горожан следует рассматривать как типичные, а все указывает на такой вывод, то они с еще большей вероятностью могли принести долговременную пользу. Он не специализировался, но там, где находил хорошую работу, делал ее. Действительно, вся история о том, как делать добро другим в наше время, заслуживает изучения в наше время, потому что оно решает многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас.

Интересным этапом их сбора средств на благотворительность было сохранение старого обычая, существовавшего на протяжении нескольких столетий, - проводить особый день, в который каждый, к кому обращались определенные адвокаты с благотворительными просьбами, должен был что-то пожертвовать. Обычно это было на следующий день после Белого воскресенья. Иногда в английских деревнях при въезде на мост, или через рыночную площадь, или на главную улицу города натягивали веревку, и каждый проходящий должен был заплатить пошлину на благотворительность. Наш современный "день тегов" стал возрождением этого обычая, хотя в средневековых городах, где все знали друг друга, этот обычай представлял меньшую социальную опасность.

В то время Нидерланды были очень процветающими странами и серьезно относились к проблеме помощи бедным. Как мы более подробно рассказывали в главе "Больницы и уход за душевнобольными", орден бегинок взял на себя уход за бедными и посещение их, и во многих местах Бегинажи в какой-то степени приобрели характер учреждений по уходу за бедными. Слово "богадельни" стало настолько неудачным в своих коннотациях, что вряд ли кому-то придет в голову использовать его в связи с этими почти отдельными деревенскими сообществами, с обилием воздуха и света, в которых молодые женщины из лучших слоев общества жили своей жизнью в маленьких, опрятных, привлекательных домиках и заботились о престарелых бедняках и детях в маленьких домиках недалеко от своих собственных. Большое количество иждивенцев содержалось в основном за счет доходов, которые эти молодые женщины из лучших слоев общества приносили с собой в учреждение, и за счет средств, пожертвованных друзьями, которые были заинтересованы в их хорошей работе. Наши современные поселения в чем-то похожи на них, но существует так много различий в пользу старых институтов, которые действительно представляют собой почти идеальный способ осуществления благотворительности, что контраст разительный.

Многие религиозные ордена, которые так хорошо работали во времена Колумба, прошли через множество превратностей. Правительства часто прибегали к обогащению своих фаворитов за счет благотворительных фондов, находящихся в их руках, и для политиков это был простой способ получить деньги. Несмотря на все это, некоторые из них продолжают выполнять свою работу даже в настоящее время. Среди них особенно заслуживают внимания бегинки. После объединения Голландии и Бельгии, в начале девятнадцатого века, Вильгельм Голландский попытался аннулировать многие права бегинок и конфисковать большую часть их собственности. Муниципалитет Гента, в котором находился крупнейший бегинаж, направил протест, в котором перечислялись великие заслуги ордена во время войн и эпидемий, и недружественные намерения правительства Голландии были изменены. В девятнадцатом веке список добрых дел, совершенных бегинками, очень поразителен, и некоторые из них были перечислены мисс Наттинг и мисс Док в их "Истории сестринского дела":

"В 1809-10 годах бельгийские бегинки посвятили все свои силы службе в армии во время эпидемии лихорадки. Во время войны 1813 года их здания были превращены в больницы, а после Ватерлоо они буквально сделали все, что у них было, чтобы облегчить невыносимые страдания. В 1832, 1849 и 1853 годах они снова достойно служили во время эпидемий

холеры. Помимо их готовности в качестве медсестер, они также не испытывали недостатка в качестве хороших граждан. В 1821 году они внесли щедрую сумму на создание муниципальных промышленных мастерских и часто выступали в качестве общества помощи пострадавшим от стихийных бедствий, таких как наводнения и пожары ". Это краткая хроника девятнадцатого века о благотворительной организации, которая достигла пика своей полезности в век Колумба.

Такие функции оказания помощи нуждающимся в настоящее время осуществляются различными организациями, которые появились сравнительно недавно. Поскольку эти организации являются новыми, часто предполагается, что обязанности, которые они сейчас выполняют, были либо совершенно неизвестны, либо почти полностью игнорировались в прежние времена. Требуется лишь небольшое изучение деталей общественной жизни и организации благотворительности до Реформации, чтобы оценить, как много было достигнуто различными религиозными орденами. В англоязычных странах, в частности, было настолько принято думать, что религиозные люди были в основном заняты своими собственными мелкими заботами, эгоистично стремясь к накоплению средств, позволяющих им жить в праздности, что их реальное место в жизни древности почти полностью упускалось из виду. Они представляли всевозможные благотворительные организации, которые приобрели известность за последние несколько поколений и которые, к сожалению, были так необходимы. Свои обязанности выполняли мужчины и женщины, которые отказались от всякой надежды на получение прибыли для себя и полностью посвятили себя этим добрым делам, тем самым устранив многие злоупотребления, которые сейчас начинают так проявляться в благотворительных организациях.

История создания Монти ди Пьета, кредитного учреждения для бедных в Италии, является одной из самых интересных глав не только в социальной работе этого периода, но и во все периоды. Первоначальное предложение для них исходило от великого ученого, проповедника и труженика на благо народа святого Бернардина Сиенского, который умер незадолго до открытия Века Колумба. Однако их организацией мы обязаны блаженному Бернардину из Фельтре, этому достойному сыну святого Франциска Ассизского, который обычно изображается на своих картинах с символом Монте-ди-Пьета, маленьким зеленым холмом, состоящим из трех насыпей, а на вершине либо крест, либо знамя с надписью: **"Curam illius habe"** (Позаботьтесь об этом). В созданном таким образом виде эти учреждения, Монти ди Пьета, были благотворительными ссудными домами, где бедные могли легко получить деньги под залог и, как правило, с очень небольшими затратами для них, помимо погашения кредита. В то время считалось, что благотворительность вполне может до такой степени заботиться о бедных, и у умерших богатых людей был обычай оставлять наследство, по которому непогашенные залоги предметов первой необходимости могли быть возвращены бедным без возврата ссуды. Кстати, подобные наследия пока не являются чем-то необычным даже в латиноамериканских странах, и по крайней мере два из них были зарегистрированы в течение года. Дух этих учреждений был превосходным, и они принесли великое благо, распространившись по всей Италии и в той или иной форме проникнув в латинские страны, по крайней мере, во времена Колумба.

Святая Екатерина Генуэзская, чья работа была выполнена примерно в начале века правления Колумба, является типичным примером организатора благотворительности того времени. Став молодой вдовой, она начала навещать пациентов в больнице и в конце концов стала проводить там все свое время, за исключением того, которое было посвящено посещению больных на дому и доставке их в больницы. Вскоре она организовала ряд других, или, по крайней мере, они собирались вокруг нее до тех пор, пока не была проделана

большая благотворительная работа. Многие знатные дамы того времени по крайней мере каждую неделю посвящали несколько часов посещению больных в больницах. Есть трогательная история о Фрэнсис, герцогине Бретани, которая ухаживала во время тяжелой болезни за преемником своего мужа на герцогском троне, который обошелся с ней очень несправедливо. Впоследствии она удалилась в монастырь кармелиток, где во время эпидемии ухаживала за больными монахинями на протяжении всего ее течения, а в конце покончила с собой. В следующем столетии Эвелин в своем "Дневнике" рассказывает о своем удивлении при посещении больниц Парижа, когда он увидел, как много благородных людей, мужчин и женщин, обслуживали их и "как порядочно и по-христиански, вплоть до деликатности, ухаживали за больными в Шарите [одной из крупнейших больниц]". Это было всего лишь продолжением прекрасных традиций прежних времен, удививших Эвелин, потому что они полностью исчезли в протестантской Англии.

Этот период был особенно богат социальными работниками, особенно теми, кто использовал христианство как основу, позволяющую мужчинам помогать самим себе. Одним из величайших из них, чье влияние настолько живо даже в наше время, что кардинал Ньюман любил называть его своим любимым отцом Филиппом, был Филипп Ромоло Нери (1515-1595), более известный как святой Филипп Нери, апостол Рима. В молодости он проявил себя довольно блестящим ученым, но когда перед ним открылась успешная деловая карьера, он бросил все это и в 1533 году прибыл в Рим без денег, не сообщив своему отцу о предпринимаемом шаге и намеренно лишив себя покровительства дяди, который решил сделать его своим наследником. Некоторое время он преподавал и писал стихи, латынь и итальянский, а затем изучал философию в Сапиенце и теологию в школе августинцев. Когда ему было около тридцати, он стал близким другом св. Игнатий Лойола и многие молодые люди, собравшиеся вокруг него, благодаря его привлекательному, дружелюбному характеру, нашли призвание к интеллектуальной и духовной жизни в зарождающемся Обществе Иисуса.

В 1548 году вместе со своим духовником он основал братство Пресвятой Троицы для попечения о паломниках и выздоравливающих в Риме. Его члены собирались для причастия раз в месяц, и там было рассказано о Святом Причастии - практике, которая была введена Филиппом. Иногда он проповедовал даже будучи мирянином, и в 1551 году по приказу своего духовника, поскольку ничто иное не могло преодолеть его смирение, он принял сан священника. Он уделял особое внимание мужчинам и мальчикам и преуспел в том, чтобы сделать их близкими друзьями. В разгар этой работы вокруг него собрались священники, и, наконец, Григорий XIII признал маленькую общину Конгрегацией Ораторского искусства. Папа Григорий XIV, который ранее был большим личным другом Филиппа, сделал бы его кардиналом только из-за большого нежелания святого.

Его небольшая группа ораторианцев, среди которых наиболее заметным был историк церкви Бароний, проделала замечательную работу в Риме, и появилось много других домов этой конгрегации. Мало кто из когда-либо живших людей имел такое большое влияние на всех, кто соприкасался с ним, как святой Филип Нери, и именно это личное влияние характеризовало работу его конгрегации в последующие времена. Ньюман и Фабер, а также многие выдающиеся новообращенные трактарианского движения в Англии стали членами Оратории, и труд святого Филиппа дошел до нашего поколения через них с замечательным успехом. Его карьера представляет собой еще один пример удивительной способности людей того времени создавать всевозможные вещи, которые влияют на все последующие поколения.

Современник и близкий друг святого Филиппа Нери, святой Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, всегда считался великим организатором в области образования, редко социальным работником. Однако в Риме не было ни одной социальной проблемы, которой он не уделял бы своего личного внимания, несмотря на многочисленные призывы, поступавшие в его время. Он преподавал маленьким детям катехизис и настаивал на том, что это должно быть особенностью работы его ордена, несмотря на его приверженность высшему образованию. Он организовал различные учреждения для бедных и своими усилиями добился основания приюта для падших женщин в Риме и сам лично проводил по улицам к нему некоторых из тех, кто должен был войти. Его пример в этом вопросе следует рассматривать как пример того, на что были готовы пойти многие вдумчивые люди того времени при выполнении того, что они считали своими общественными обязанностями.

Одним из великих социальных реформаторов того времени, чья несчастная смерть с тех пор сделала его предметом широкого внимания, был Савонарола, доминиканский монах, судьба которого стала печальным камнем преткновения в непонимании того времени. Он использовал свои великие ораторские способности, чтобы провести социальную реформу. Это было, к сожалению, необходимо. Соприкосновение со старыми языческими идеями через новое обучение сделало многих людей того времени еще более эгоистичными, чем обычно. В разгар роскоши и мирских интересов того времени пришло пренебрежение к старому товарищескому чувству доброты и милосердия, которое было характерно для средневековья. Это затронуло в основном так называемые высшие классы. Именно это, прежде всего, пытался реформировать Савонарола. Ему чудесным образом удалось взбудоражить народ, и, вероятно, никому еще не удавалось произвести такую революцию в общественных чувствах целого города, как Савонароле.

В результате его пламенных призывов люди начали великое преобразование городской жизни, изменив самих себя. Исповедальни были переполнены кающимися, аудитория превысила вместимость самой большой церкви Флоренции, этого города просторных церквей, и те самые улицы, на которых годами не слышали ничего, кроме языческой поэзии, огласились музыкой гимнов и псалмов. Однако действительно важным шагом в реформе стало значительное изменение отношения людей к другим, и особенно к нуждающимся или страдающим. Люди продавали свои товары и раздавали вырученные средства бедным. Женщины собирали всевозможные предметы своего тщеславия, сжигали их на рыночной площади и посвящали себя уходу за больными. Старая вражда была улажена, а мысли о мести отброшены в сторону, хотя они были самыми дорогими традициями в семьях на протяжении поколений. Какое-то время, вероятно, не было более счастливого сообщества, чем Флоренция. Никто не нуждался, эгоизму почти пришел конец, а беззаконию было совершенно неизвестно. Условия были слишком хорошими, чтобы длиться среди обычного человечества. Начались политические распри, и на движение повлияли всевозможные политические факторы. Граждане объединились в христианское содружество, которым они хотели, чтобы правил Савонарола. Через некоторое время, опьяненные очевидным успехом движения, многие надеялись подняться к власти в условиях довольно донкихотских политических условий, которые сложились, и почти нет необходимости говорить, что их подстегивали некоторые правящие князья Италии, которые надеялись сами извлечь выгоду из условий во Флоренции.

Давным-давно Гораций сказал: "Вы можете убрать природу, как вилкой, но она вернется". Какое-то время во Флоренции правило сверхъестественное, но естественное взяло верх, и тогда начались неприятности. Савонарола стал его жертвой, но не раньше, чем он ясно показал, в чем заключалось зло того времени, и указал путь, по которому они могли быть исправлены, хотя на внезапное их исправление надеяться не приходилось.

Савонарола был социальным, а не религиозным реформатором. Его часто провозглашали реформатором дореформации, но не было доктрины старой Церкви, которую Савонарола не принимал, и именно по политическим, а не богословским причинам он был казнен, хотя церковники имели к этому большое отношение. Все характерные доктрины Церкви - почитание Святых и Пресвятой Девы, Пресвятое Причастие, Пресуществление - подробно рассматриваются в его трудах, и он даже является автором гимна Пресвятой Деве и трактата о поклонении ей. При этом он вовсе не был увлечен идеей самоосуждения и независимости в религии. Никто так настойчиво, как он, не проповедует власть папы и необходимость повиновения Риму. Ничего более сильного или недвусмысленного в этом отношении никогда не было написано, чем некоторые отрывки, найденные в его трудах.

Очень жаль, что его огромному общественному влиянию во благо не позволили проявиться в важных социальных реформах. Великие церковники позднего времени осознали печальность его смерти, и папа Бенедикт XIV, чей авторитет в вопросе канонизации Святых и воздаваемых им почестей является высочайшим, употребил выражение, которое показывает, с каким высоким почитанием Савонарола относился к одному из величайших пап. Как сказал кардинал Ламбертини, папа Бенедикт: "Если Бог дарует мне благодать попасть на Небеса, как только я утешусь этим Блаженным Видением, мое любопытство побудит меня искать Савонаролу". Полвека спустя сообщалось, что параллельное выражение, которое едва ли не более поразительно, употребил папа Пий VII, сказавший: "На Небесах будут решены три серьезных вопроса: Непорочное зачатие, пресечение Общества Иисуса и смерть Савонаролы". [Сноска 20]

[Сноска 20: Как скоро это оправдание Савонаролы начало ощущаться в умах высших духовных лиц, возможно, лучше всего можно понять из того факта, что, когда примерно через десять лет после смерти монаха Рафаэля попросили украсить собор Ватикана, он представил Савонаролу рядом со святым Фомой Аквинским, среди великих учителей Церкви, на самой первой фреске, которую он написал. Эта фреска была замечена и тщательно изучена папой римским и высоко оценена им. Почти нет необходимости говорить, что действия Рафаэля в этом вопросе никогда бы не были разрешены, если бы не очень сильная реакция в пользу Савонаролы.]

На самом деле, все чувства великих католических ученых и историков современности были направлены на то, чтобы оправдать характер Савонаролы. Его осудила не Церковь, а церковники, и не по религиозным, а по политическим причинам. К сожалению, в английском языке общее впечатление о нем складывается из "Ромолы" Джорджа Элиота, и эта выдающаяся английская романистка, несмотря на свою эрудицию, была менее всего приспособлена по темпераменту или интеллектуальной подготовке и в высшей степени непригодна из-за своих религиозных идей для написания жизни Савонаролы и его отношения к своему времени. Никто не видел социальных злоупотреблений так хорошо, как он, и никто не привлекал к ним внимания так эффективно. Однако он признал их злоупотреблениями, а не в каком-либо смысле последствиями религиозной системы. Он был бы последним в мире, кто пожелал бы серьезного возмущения Церкви. Он в течение многих лет занимал высокие посты в доминиканском ордене и испытывал самую полную симпатию к религиозным орденам и иерархии своего времени.

Одним из величайших социальных работников этого столетия, несомненно, является Бартоломе де Лас Касас, который так много сделал для смягчения злоупотреблений в обращении с индейцами, которые, к сожалению, распространились под испанским суверенитетом в первые дни. Он был сыном Франсиско Касаса, который сопровождал Колумба во втором путешествии и привез с собой мальчика-индейца, которого он оставил

своему сыну в качестве слуги. Бартоломе изучал юриспруденцию в Саламанке, приобрел высокую репутацию юриста, а затем стал советником испанских губернаторов Антильских островов, а затем острова Эспаньола. После нескольких лет успешной юридической практики Лас Касас стал священником и посвятил себя облегчению положения индейцев. Став священником, он обеспечил себе положение реформатора. Каким бы странным это ни показалось тем, кто не понимает того периода, он обрел почти полную свободу слова и, не заботясь о своих материальных потребностях, мог беспрепятственно посвящать все свое время и энергию избранному им делу жизни. Он совершал ошибки, он был в высшей степени непрактичен, но нет никаких сомнений в его абсолютной преданности делу человечества и в его неустанной деятельности и рвении в деле надлежащего христианского обращения с индейцами. Он привлек внимание людей своего времени и, прежде всего, государей Испании и самых влиятельных мужчин и женщин этой страны.

Его крестовый поход имел много общего с обнародованием "Новых законов" в 1542 году и поправками к ним в 1543 и 1544 годах. Они не отменили крепостное право, но сильно ограничили его, так что поговаривали даже, что туземец пользовался большими привилегиями, чем креол. Он отказался от епископства Куско в Перу, заявив, что никогда не примет никакого церковного сана, и только после долгих уговоров согласился стать епископом Чьяпаса на Юге Мексики. Его административные полномочия оказались не столь велики, как его гуманитарные идеалы, и, хотя он много говорил о злоупотреблениях, он не был в состоянии исправить их так же, как многие другие, которые не стремились быть такими радикальными, как он. Он много написал, и его книги переиздавались многими изданиями. Он был великой душой, которая нашла высшую цель и посвятила ей долгую девяностолетнюю жизнь. Менее пылкий сторонник, чем он, почти наверняка потерпел бы неудачу в проведении великой реформы, которая была необходима. Подобно нашим собственным аболиционистам, он был слишком радикален во многих своих взглядах, и все же сам его энтузиазм увлекал других к совершению великого добра. Его труды были кладом информации об условиях в колониях, и, хотя их следует сбрасывать со счетов с точки зрения его склонности преувеличивать интерес к индийским вопросам, это преувеличение в значительной степени оправдано великой гуманитарной целью, которая его диктовала. Лас Касаса, несомненно, следует считать одним из величайших филантропов мира.

Важным общественным деятелем, если имя социального реформатора ему не совсем подходит, был герцог Гандийский, более известный как святой Франциск Борджиа. Он был правнуком папы Александра VI, а его дед, Хуан Борджиа, который приобрел наследственное герцогство Гандия в королевстве Валенсия в Испании, был убит неизвестной рукой, возможно, рукой его брата, Цезаря Борджиа. По материнской линии герцог Гандийский был правнуком Фердинанда Католика. Его дед был архиепископом Сарагосы. Сам он стал блестящим придворным при дворе Карла V, а в отсутствие императора считался главой императорской семьи. Он и его жена были фаворитами императрицы. После смерти императрицы ему было поручено перевезти ее останки в Гранаду, и, поскольку ему пришлось официально опознать их там перед погребением, он был потрясен, когда гроб открыли, переменой, произошедшей за несколько дней после смерти государя, которому он так ревностно служил. Он обратился к тому, чтобы его жизнь что-то значила, не ради мимолетной чести, а ради блага других. Для достижения этой цели он присоединился к иезуитам и в конечном итоге стал третьим генералом ордена. Его перемена в жизни привлекла широкое внимание и сделала едва ли не больше, чем что-либо другое, для уменьшения многих эгоистичных тенденций среди знати того времени, вызванных

языческим духом Возрождения. Это была социальная реформа, которая сделала имя Борджиа таким же источником вдохновения для добра, каким оно было для зла.

Возможно, еще более важной для этого периода является то, что можно назвать негативной стороной его социальной истории. Очевидно, очень многие люди совершенно убеждены, что позднее Средневековье и Эпоха Возрождения были свидетелями многих жестоких действий и пыток, некоторые из которых были законными, которые свидетельствуют если не о настоящем варварстве, то о печальном, почти бесчеловечном отсутствии доброты и товарищеских чувств со стороны мужчин и женщин того времени. Большинство людей, которые слышали о жестокости и пытках, совершенно уверены, что в целом они достигли своего апогея ожесточения в позднее Средневековье и что даже эпоха Возрождения не была свободна от них. Предполагается, что в более поздние столетия, особенно в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом, люди выбирались из трясины уныния в этом вопросе, в которую человечество, к сожалению, погрузилось в средневековый период. Мы скорее гордимся этой эволюцией человечества, совершенно забывая на данный момент, насколько больше, чем все прежнее варварство, страдания, сопутствующие нашему промышленному развитию. Однако это, в лучшем случае, списывается на непреднамеренность, в то время как средневековая и ренессансная жестокость считается преднамеренной.

В истории не так много впечатлений, более ложных, чем это, и это полностью происходит из-за незнания даты ряда исторических событий, которые иногда объединяются как средневековые или, по крайней мере, не современные, поскольку предполагается, что современная история начинается, как правило, с открытия Америки. На самом деле, все усовершенствования пыток появились после столетия правления Колумба. Нюрнбергская Дева, железные сапоги, в которые вбивали клинья для пыток, железные рукавицы, в которых поджаривали руки живых людей, и многие другие отвратительные изобретения, которые по праву занимают видное место в истории, были изготовлены в конце шестнадцатого и семнадцатом веках, а не во времена Колумба или в средневековый период. Почти все наихудшие изощрения законных пыток были изобретены в ходе мании колдовства, охватившей Европу в конце шестнадцатого и в течение семнадцатого веков. Травля ведьм и охота на ведьм были сравнительно небольшими, и очень мало ведьм было предано смерти в предыдущие столетия. Колдовство было постреформационным заблуждением.

Британская энциклопедия (Девятое издание) в своей статье о пытках особо подчеркивает тот факт, что: "Общее право Англии гордится тем, что оно никогда не признавало пытки законными. Случаи применения пыток как средства получения доказательств неизменно предписывались Коронай или Советом, или каким-либо судом чрезвычайной власти, таким как Звездная палата, не заявляющим, что они связаны нормами общего права". "Применение пыток стало более распространенным явлением при монархах эпохи Тюдоров", - продолжается в этой статье. "При Генрихе VIII это, по-видимому, часто использовалось". Могу ли я добавить, что частота подобных случаев приходится на конец его правления, когда начались религиозные трудности. "При Эдуарде VI зарегистрировано только два случая, а при Марии - восемь. Правление Елизаветы стало его кульминационным моментом. По словам Хэллема, "дыба редко простаивала в тауэре на протяжении всей последней части правления Елизаветы". Разновидности пыток, применявшихся в этот период, полностью описаны Лингардом и включали дыбу, дочь мусорщика, железные рукавицы или бильбо и камеру под названием "маленькая непринужденность". Реестры совета во времена правления Тюдоров и ранних Стюартов полны записей о применении пыток, как за государственные, так и за обычные преступления".

При Елизавете и Стюартах, и даже позже, были случаи, полностью признанные английским общим правом, которые отличались от пыток только названием. Еще раз процитирую Британскую энциклопедию:

"*Peine forte et dure* был ярким примером этого. Если заключенный молчал от злобы, вместо того чтобы умолять, его приговаривали к казни, то есть к тому, чтобы его растянули на спине и надевали на него железа столько, сколько он мог вынести, и даже больше, и так продолжалось, питаясь плохим хлебом и застоявшейся водой в течение нескольких дней, пока он не умолял или не умирал. Оно было отменено Георгом III, и Георг IV постановил, что заключенный, стоящий безмолвно, должен заявить о своей невинности. Случай **пейна** произошел совсем недавно, в 1726 году. Иногда вместо **пейна** использовали привязывание больших пальцев плетками. Говорили, что это было обычной практикой в Олд-Бейли вплоть до прошлого века. В судебных процессах по обвинению в колдовстве судебные разбирательства часто имели характер пыток, например, когда предполагаемую ведьму бросали в пруд, чтобы посмотреть, утонет она или выплывет, брали у нее кровь и втыкали в тело булавки, пытаясь найти бесчувственное место. Признания, по-видимому, также часто добивались настоящими пытками, причем пытками необычного характера, поскольку предполагалось, что дьявол защищает своих приверженцев от последствий обычных пыток".

Семнадцатый век стал свидетелем гибели многих тысяч бедных людей, которых считали ведьмами. Преследования за колдовство имели место, в частности, в странах, наиболее пострадавших от Реформации. В Германии, а также в Англии их было много. В то время даже самые грубые формы пыток изобретались с почти дьявольской изобретательностью. Именно под влиянием этой бредовой психической заразы и страха одержимости дьяволом с душевнобольными и страдающими нервными заболеваниями всех видов стали обращаться более бесчеловечно, чем когда-либо прежде. Кульминация бесчеловечности в их отношении была достигнута в восемнадцатом веке, когда использовались кандалы, цепи и темницы, пока, наконец, чрезмерное жестокое обращение не привело к реакции и реформам.

Гуманизм демонстрирует упадок, заметный, определенный и прогрессирующий с конца шестнадцатого по конец восемнадцатого века. Интерес к религии угасал, как и в Англии, пока не приехал Джон Уэсли, чтобы привнести в нее новый дух. Права людей уважались все меньше и меньше, а бедняки подвергались угнетению со стороны тех, кто был выше их, пока во Франции не наступили ужасные условия, сложившиеся при **старом режиме**, и почти аналогичные условия в других странах. Французская революция должна была произойти. Люди больше не могли этого выносить. Как говорит Илер Беллок, один из лучших современных историков Французской революции, "Это движение на самом деле было попыткой восстановить людям права, которыми они пользовались в средние века".

ГЛАВА II

БОЛЬНИЦЫ, СЕСТРИНСКИЙ УХОД И ПОПЕЧЕНИЕ О ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

Отличным критерием социального статуса любого периода истории является подлинная гуманитарная цель, которая его движет, и то, насколько серьезно он относится к обязанности заботиться о тех, кто больше всего нуждается в уходе, видно по характеру его больничных зданий и их техническому обслуживанию. Исходя из этого стандарта, Век Колумба оказывается одним из величайших столетий истории. Большинству людей это покажется очень удивительным, потому что общее впечатление было таково, что до нашего поколения больницы были довольно уродливыми зданиями институционального типа, с маленькими окнами, убогой обстановкой и совершенно неподходящим внутренним устройством для больных. Нет никаких сомнений в том, что здания больниц незадолго до нашего поколения - и некоторые из них, к сожалению, остаются живыми свидетелями - были именно такими, как было предложено, и, если возможно, еще хуже. Действительно, некоторые из больничных зданий двух поколений назад были настолько непригодны для своего назначения, насколько это можно было себе представить. Однако общее чувство в связи с этим фактом вызывает не столько чувство вины, сколько жалости. Большинство людей предполагают, что старшие поколения не знали, как строить хорошие больницы. Они делали все, что было в их силах, но до развития современных знаний в области гигиены и санитарии, а также требований, предъявляемых к администрации больниц современной хирургией, едва ли можно было ожидать, что больницы будут чем-то иным, кроме жалких куч зданий, которыми они обычно и являлись, и считались подходящими, если только они обеспечивали защиту от непогоды и пропитание для больных бедняков.

Однако любой, кто обратится к реальной истории больниц, будет удивлен, обнаружив, что самые плохие больницы в мировой истории были построены в первой половине девятнадцатого века. Обычно создается впечатление, что если больницы столетней давности были такими плохими, то больницы предшествующего столетия должны были быть намного хуже и так далее, становясь все более непригодными, пока в средние века они не стали невыразимыми. На самом деле, больницы тринадцатого и четырнадцатого веков, как правило, были прекрасными зданиями, такими же очаровательными для своих целей, как и вся остальная архитектура того времени - церкви, монастыри, аббатства, замки, ратуши и прочее. В то время у них был период замечательной хирургической практики, о которой мы узнали из переиздания их учебников хирургии только в последние годы, и существует определенная, прямая связь между хирургией и надлежащей организацией больницы. Всякий раз, когда есть хорошая хирургия, есть и хорошие больницы, а всякий раз, когда есть хорошие больницы, хирургия занимает видное, прогрессивное место в истории медицины.

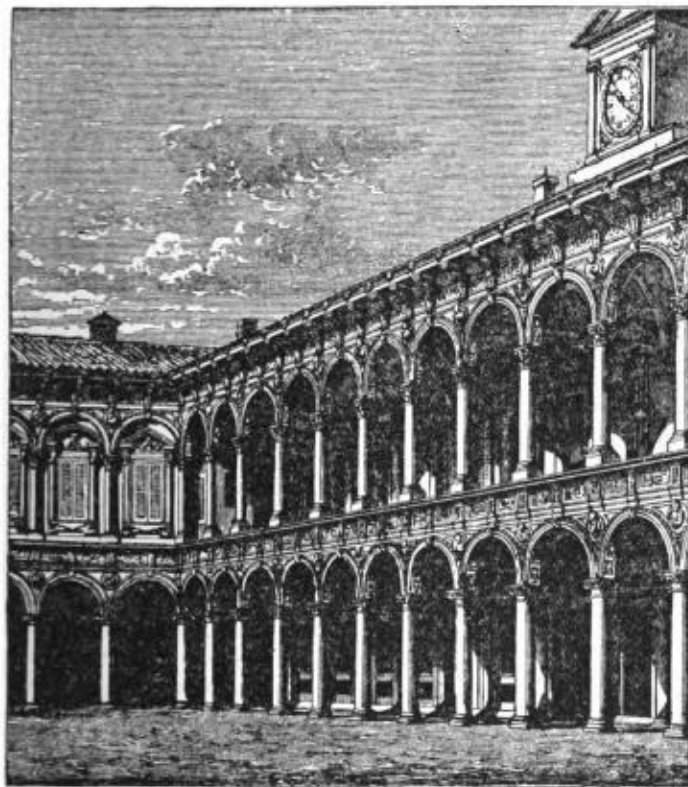
Трудно понять периоды упадка в строительстве и обслуживании больниц, а также в сестринском уходе и обучении, но не сложнее, чем понять взлеты и падения хирургии. То, что анестезия и антисептика должны сохраняться какое-то время, а затем постепенно утрачиваться, понять не труднее, чем то, что больницы должны постепенно "опуститься до почти неопишуемого уровня деградации". Мисс Наттинг и мисс Док в своей "Истории

сестринского дела" описали столетие с 1750 по 1850 год как "Темный период сестринского дела".

Они цитируют Якобсона, известного немецкого писателя об уходе за больными, который говорит: "замечательным фактом является то, что внимание к благополучию больных, улучшениям в больницах и учреждениях в целом и к деталям сестринского ухода пережило период полного и длительного застоя после середины семнадцатого века или после окончания Тридцатилетней войны. Ни чиновники, ни врачи не проявляли никакого интереса к повышению уровня сестринского дела или к улучшению условий в больницах. В течение первых двух третей восемнадцатого века, продолжает он, ничего не было сделано для улучшения состояния строительства или ухода за больными. Только среди религиозных орденов сохранялся интерес к сестринскому делу, и сохранились некоторые остатки техники. Результатом стало то, что в этот период общий уровень ухода за больными упал намного ниже, чем в более ранние периоды. Городские больницы были похожи на тюрьмы: голые, некрашенные стены, маленькие темные комнаты, маленькие окна, через которые не проникал солнечный свет, и мрачные палаты, где теснились пятьдесят или сто пациентов, лишенных всех удобств и даже предметов первой необходимости. В муниципальных и государственных учреждениях того периода не слышали о прекрасных садах, просторных залах и источниках воды старой монастырской больницы средневековья, не говоря уже об удобствах их уютных интерьеров".

Так случилось, что примерно в начале века правления Колумба произошло грандиозное строительство нового здания больницы. Это было только то, чего можно было ожидать, поскольку только начинался замечательный новый период архитектуры, и здания всех видов возводились с таким великолепием, что с тех пор ими восхищается весь мир. Красивые базилики, дворцы эпохи Возрождения, ратуши строились архитекторами того времени, чтобы сделать их драгоценными памятниками для будущих поколений. Больницы внесли свою лепту в это возрождение архитектурного интереса, и был возведен ряд действительно красивых больничных зданий, которыми мы стали очень восхищаться с тех пор, как сами осознали свою обязанность строить прекрасные больницы. Старые муниципалитеты считали, что здания, возводимые для более бедных граждан, не должны планироваться с мыслью, что для бедных все достаточно хорошо, но должны соответствовать достоинству города.

Одной из самых красивых больниц того времени является знаменитая **больница Санта-Мария дельи Инноченти**, которую называют лучшим и интереснейшим приютом для подкидышей в мире. Он был построен под патронажем гильдии торговцев шелком в начале пятнадцатого века, строительство было завершено в 1451 году, и представляет собой образец очаровательной архитектуры, украшенный прекрасными картинами и хорошо известными голубыми медальонами делла Роббиа. Итальянцы, однако, называли его не приютом для подкидышей, как принято в наших более грубых северных обычаях, тем самым навязывая детям трагедию своего существования, а Домом невинных. Несомненно, они были невинными жертвами условий, которые привели к тому, что родители бросили их. Детей держали до семилетнего возраста, а затем их распределили по семьям, которые пообещали относиться к ним как к своим собственным детям. Мальчиков обучали ремеслам; девочек, обученных всем домашним занятиям, после замужества госпиталь или приемные родители давали приданое или принимали в монастыри, если они того желали. Чтобы показать, как живет дух, организовавший больницу в Век Колумба, мы можем процитировать то, что мисс Наттинг и мисс Док говорят о больнице в своей "Истории сестринского дела" (стр. 243):

БРАМАНТЕ, БОЛЬШОЙ ГОСПИТАЛЬНЫЙ СУД (МИЛАН)

"Сегодня этот богато исторический дом находится в ведении сестер Святого Винсента де Поля под руководством высоконаучного и прогрессивного совета, состоящего в основном из медиков, и является одним из наиболее ухоженных и хорошо управляемых учреждений подобного рода из существующих, а его сочетание средневекового очарования с современной наукой является благоприятным и счастливым ".

Другие больницы Флоренции едва ли менее интересны. Больница, куда Ромола ходила ухаживать за своими пациентами, все еще существует, но больше не является больницей. Сейчас это очень интересная Академия изящных искусств. Одной из прекрасных больниц, возведенных в это время, которая может служить типом зданий, возведенных для больничных целей, является великая Ospedale Maggiore в Милане. Важные части этого здания были закончены в век Колумба. Один из его дворов настолько красив, что его приписывают Микеланджело, хотя представляется более вероятным, что это произошло благодаря почти столь же великому архитектурному гению Браманте. Знаменитый госпиталь Санто Спирито в Борго в Риме был перестроен Сикстом IV в первой половине века правления Колумба и обладал многими характеристиками лучшей архитектуры того времени. Практически в каждом городе Италии в то время строились действительно прекрасные больничные здания. Неаполь и Венеция дополнили свои прекрасные средневековые больницы, и повсюду в этом отношении было высоко развито гуманитарное направление.

Однако Италия была не единственной страной в Европе, где были прекрасные больницы. Действительно, каждая страна внесла свою лепту в это, и везде, где был период расцвета архитектурной эволюции, больницы вносили свою лепту в развитие. В Нидерландах и Северо-Восточной Франции, где перестраивался или возводился заново ряд прекрасных соборов и церквей, и прежде всего там, где возводились великолепные ратуши, которые с тех пор стали предметом восхищения, больницам уделялось большое внимание. Были возведены не только прекрасные здания, но и создана великолепная организация ухода за больными. Среди людей царило большое процветание, они занимались мировой торговлей, они были демократичны в своих идеях и чувствовали, что достоинство муниципалитетов требует достойной заботы о гражданах, какими бы бедными они ни были.

МЕМЛИНГ, МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ СВЯТОЙ УРСУЛЫ (БРЮГГЕ. БОЛЬНИЦА СВЯТОГО ЖАНА)

Прежде всего, среди них возникли некоторые из наших собственных идей в отношении больниц, и многие богатые люди пришли к пониманию того, что в умелых руках обученных санитаров о них можно было бы лучше позаботиться в должным образом оборудованных больничных помещениях, чем в их собственных домах. Не было того страха перед больницами, который возникает всякий раз, когда они предназначены исключительно для бедных, - и вполне заслуженно, потому что пациенты неизбежно становятся объектом множества злоупотреблений.

Эта живописная бельгийская община, бегинки, в то время руководила рядом больниц, которые прославились своей тщательной организацией и обслуживанием на высоком уровне эффективности. Один из них был основан в Боне Николя Ролином, канцлером герцога Бургундского, примерно в начале века правления Колумба. Мисс Наттинг и мисс Док в своей "Истории сестринского дела" дали описание (стр. 269) этого, а также некоторые детали ухода и управления, в основном взятые из "Истории религиозных орденов" Хелиота:

"Он был построен с большим великолепием, с длинными палатами, переходящими в часовню, чтобы больные могли слышать службы, и выходящими в квадратные дворы с галереями сверху и снизу. Принимались пациенты обоих полов, всех рангов и степеней, как богатые, так и бедные. Там была одна палата для самых тяжелых больных, а позади всего - здание для умерших со "множеством туалетов и каменных столов". В верхних галереях располагались апартаменты для богатых пациентов, и знатные люди приезжали сюда со всей округи. Апартаменты состояли из спальни, гардеробной, приемной и кабинета. Они были богато меблированы, и у каждого пациента было по три кровати, чтобы он мог передвигаться с одной на другую. В каждой квартире было свое постельное белье, посуда и мебель, "и они ничего не заимствовали ни у кого другого". Апартаменты и палаты были названы в честь короля, королевской семьи, герцогов Бургундских и других выдающихся личностей. В средних палатах принимали пациентов среднего класса, а в нижних галереях - бедняков. Богатым пациентам присылали еду и вино, они сами оплачивали лекарства, но комнаты и услуги сестер были бесплатными. Однако немногие ухаживали, не сделав подарка. О бедных заботились бесплатно, но если они хотели чего-то особенного, им приходилось это покупать. Через двор протекала небольшая река, которую по каналам отводили в разные департаменты для осушения. Было отмечено, что в больнице не было неприятных запахов, подобных тем, которые были обнаружены во многих других, но было приятно и чисто".

Условия в этих больницах века Колумба были намного лучше, чем мы могли себе представить, пока недавние исторические исследования не открыли их нам, и так много людей каким-то образом убедились, что в больницах древности не было надлежащих условий для ухода за больными, таких, какие мы снова разработали в наше время, что описания других больниц кажутся необходимыми, чтобы прояснить организацию больниц того времени. Мисс Наттинг и мисс Док заявляют, что "больница в Шалон-сюр-Сон тоже была великолепна, и там тоже не было неприятных запахов, но зимой с потолка свисали нежные духи, а летом - корзины с растущими растениями. При нем был большой сад, через который протекал ручей с перекинутыми через него маленькими мостиками. " Легко понять, какое очаровательное место для выздоравливающих и какой приятный вид для пациентов можно было бы создать из такого окружения. Нет никаких сомнений в том, что ими хорошо воспользовались, ибо это время прекрасных садов эпохи Возрождения, когда повсюду естественная красота культивировалась с благой целью.

Хелиот в своем **"Монашеском порядке"** описывает прекрасные аптеки в этих больницах, где готовились различные лекарства, многие из которых выращивались в больничном саду, а также другие помещения больницы, помещения для сестер милосердия, и говорит, что "за

пациентами ухаживали со всем умением, добротой сердца и утонченностью, которых можно было ожидать от окружающих их условий". Он очень хорошо оценил тот факт, что надлежащие помещения для пациентов и медсестер в значительной степени способствуют созданию таких условий ухода, которые, несомненно, окажут максимально возможную помощь в лечении заболеваний.

В это время был сформирован специальный сестринский орден бегинок, и поскольку эти религиозные женщины набирались, как правило, из лучших слоев населения, принося с собой такое приданое, которое позволило бы им прокормить себя в любой работе, за которую они могли бы взяться, легко понять, на каком высоком уровне должно было находиться сестринское дело. Это напомнило бы об условиях, существовавших на заре обучения медсестер в наше время, когда очень многие претендентки на должности медсестер были подготовлены семейной жизнью дома к преданности свободной профессии, а не просто к занятию, необходимому для получения средств к существованию.

То, как их усилия были оценены пациентами, будет очень хорошо понятно из того, что до сих пор можно увидеть в больнице Святого Жана в Брюгге. Великий художник Мемлинг какое-то время был пациентом больницы. Он чувствовал, что обязан своей жизнью добрым сестрам, которые так много сделали для него, и поэтому написал для них большой алтарь и украсил знаменитый храм святой Урсулы. Картины были написаны примерно в то время, когда Колумб открыл Америку. Они являются одними из самых красивых образцов религиозной живописи, когда-либо созданных. Украшения святилища, в частности, относятся к числу величайших произведений искусства в мире. Они представляют собой почти миниатюры и содержат большое количество лиц, прекрасно выполненных, но каждая деталь была проработана великим художником, очевидно, с любовью. Текстура некоторых предметов одежды в том виде, в каком он их воспроизводит, с тех пор вызывает восхищение у посетителей выставки. Каждый год в больницу обращаются многие тысячи посетителей, и даже небольшая сумма денег (двадцать центов), взимаемая за допуск к ним, составляет в совокупности годовой доход в тысячи долларов. Больница, которая очень просторна и имеет большие сады с извивающимся вдоль них каналом, имеет возможность выполнять свою работу намного лучше благодаря этому заметному увеличению своих доходов благодаря благодарности пациента, умершего более четырехсот лет назад.

Многие из этих больниц были красиво оформлены. В то время они очень хорошо понимали, что умы пациентов должны быть заняты, если они хотят спастись от угнетающего эффекта чрезмерных размышлений о себе, и они чувствовали, что созерцание голых стен не способствует отвлечению ума. В то время во многих из этих больниц стены были красиво украшены, а в коридорах висели великолепные картины. Поскольку они были нарисованы прямо на стене, как правило, на них не собиралась пыль и не было возможности для скопления грязи.

Компания Helyot настояла на достаточном запасе воды, который они взяли за правило обеспечивать для этих старых больниц. Считалось, что обильное употребление воды абсолютно необходимо для поддержания здоровых условий работы в больнице. В наше время мы все больше и больше приходим к пониманию того, что, хотя антисептики имеют большое значение после того, как произошло заражение и грязь попала внутрь, мыло и горячая вода являются наилучшими материалами, особенно при частом применении, для поддержания санитарных условий.

Многие привычки религиозных людей, посвятивших себя уходу за больными, имели определенные особенности, которые делали их гораздо более гигиеничными для

пациентов, чем обычная женская одежда. Как правило, они были очень простыми, часто делались из моющихся материалов, голова всегда была покрыта, а на плечах и запястьях носились безупречно белые. Этого было достаточно само по себе, чтобы постоянно помнить о необходимости скрупулезной чистоты. Грязь проявлялась очень легко. Когда медсестры, или, по крайней мере, те, на ком лежали основные обязанности, происходили из утонченных семей и носили эти привычки, не могло быть никакого пренебрежения чистотой.

Лучшее из возможных доказательств правильной оценки места больниц в жизни в то время можно найти в рассказе сэра Томаса Мора о больницах в Утопии. Не следует забывать, что он путешествовал по Фландрии, когда писал это. Он рисует народ своей идеальной республики как обладателя прекрасных больших больничных зданий, обеспечивающих достаточные условия для проживания, так что даже во время эпидемии не должно быть опасности заражения, и в изобилии снабженных всем необходимым для ухода за больными. Стандартом было не то, что было достаточно хорошо для больных бедняков, а то, что было достойно достоинства города, заботящегося о своих гражданах. Доказательством полноты их мер по уходу за пациентами является добавленное заявление о том, что практически все, кто был болен, предпочли обратиться в больницу, а не получать уход дома. Такого положения дел, которое сейчас снова складывается среди нас после долгого перерыва, в течение которого больницы были предметом страха бедных и отвращения тех, кто был вынужден обращаться к ним. Весь отрывок чрезвычайно интересен по этой причине:

"Но они больше заботятся о своих больных, чем о любых других; их размещают и обеспечивают в государственных больницах. В каждом городе у них есть четыре больницы, которые построены без стен и настолько велики, что могут сойти за маленькие городки; таким образом, если бы у них когда-либо было такое количество больных, они могли бы разместить их удобно и на таком расстоянии, чтобы те из них, которые больны инфекционными болезнями, могли содержаться так далеко от остальных, что не могло бы быть опасности заражения. Больницы оборудованы и снабжены всем необходимым для облегчения состояния и выздоровления больных; и за теми, кто помещен в них, ухаживают с такой нежностью и бдительностью, и за ними так постоянно ухаживают их искусные врачи, что поскольку никого не направляют к ним против их воли, то во всем городе едва ли найдется хоть один, кто, если бы он заболел, не предпочел бы отправиться туда, чем лежать больным дома".

Дух века и его сила организации благотворительности и добрых дел хорошо выражены в основании "Братьев милосердия" в Испании в 1538 году португальским солдатом, который был ранен в бою, что было нередким явлением в те дни, и поклялся посвятить свою жизнь Богу, если выздоровеет. Он снял небольшой дом в Гранаде, где собрал несколько больных людей и ухаживал за ними с величайшей заботой. Чтобы поддержать их, он ходил по улицам вечером с корзинкой, выпрашивая милостыню для своих пациентов. Через некоторое время пришли другие и присоединились к нему в его благой работе. Ящики для подаваний были расставлены тут и там по городу, чтобы напоминать людям о помощи, в которой они нуждались. Постепенно объем их работы увеличился, им поручили руководство больницами, они навещали больных у них на дому, и орден распространился не только по Европе, но и по всем испано-американским странам этого континента. Говорили, что в течение ста лет после основания ежегодное число пациентов, находящихся под их опекой, составляло около двухсот тысяч. В Италии было основано несколько домов ордена, и над их ящиками для подаваний там, внизу, была надпись: **Fate bene, fratelli** (Творите добро, младшие братья). Из-за этого знака они стали известны как **Fate Bene Fratelli**, "Добрые младшие братья".

Надлежащий уход за душевнобольными обычно рассматривается как очень современный этап гуманитарной эволюции. Большинство людей думают, что до последних ста лет душевнобольными ужасно пренебрегали, если только с ними не обращались с абсолютным варварством, и что правилом было просто помещать их за решетку, чтобы они не могли причинить вред себе или другим, ограничивая, надевая наручники и иным образом препятствуя их деятельности, независимо от их здоровья или психического воздействия на них. В этом еще раз, как и в большинстве исторических идей, касающихся гуманитарного развития, ошибочные представления обусловлены тем фактом, что забота о душевнобольных была на самом низком уровне в восемнадцатом и начале девятнадцатого века, и что с тех пор произошло значительное улучшение, хотя не следует забывать, что с тех пор не было ни одного поколения, когда бы не звучали очень серьезные жалобы на заслуженное пренебрежение к душевнобольным в какой-либо части цивилизованного мира. Мы получили откровения относительно ухода за душевнобольными в сельских районах даже наших Восточных Штатов, которые были почти невероятными. Условия, которые, как мы узнали, существуют на Юге в учреждениях по уходу за душевнобольными, которые были выявлены в результате недавнего расследования пеллагры, носили аналогичный характер. Эпитет "средневековый", который так часто применяется к этим состояниям, абсолютно необоснован нашими нынешними знаниями о старинном уходе за душевнобольными.

Был сделан вывод, что, поскольку в восемнадцатом веке уходом за душевнобольными так пренебрегали, в предыдущие столетия он, должно быть, был почти бесконечно хуже. Та же логическая ошибка лежит в основе огромного количества ложных представлений об истории средневековья и Возрождения. Восемнадцатый век был самым низким из столетий в искусстве, литературе, образовании и гуманитарных целях. Предыдущие столетия демонстрируют некоторые очень интересные разработки в области ухода за душевнобольными, некоторые из которых предвосхищают наши самые современные идеи. В Гиле в Бельгии, начиная с раннего средневековья, уход за дефективными осуществлялся по плану деревни. Подобные заведения были нередки. Они разработали систему ухода за душевнобольными "открытых дверей", а психиатрические учреждения были в основном при монастырях, расположенных далеко за городом и в хороших условиях, поскольку они никогда не были переполнены. Именно скученность всегда влечет за собой серьезные злоупотребления и приводит к тому, что кажется варварством, но на самом деле является неспособностью справиться с большой проблемой неадекватными средствами.

Так случилось, что незадолго до начала века правления Колумба произошло особое развитие системы ухода за душевнобольными и открытие серии больниц, которые представляют собой эпоху в истории помощи этим бедным людям. Наиболее важная часть этого развития пятнадцатого века произошла в Испании. Приюты были основаны в Валенсии, Сарагосе, Севилье, Вальядолиде и Толедо. Это движение иногда приписывали мавританскому или магометанскому влиянию, но даже Леки в своей "Истории европейской морали" отверг эти утверждения, которые абсолютно бездоказательны. Испания продолжала оставаться страной, в которой о сумасшедших заботились лучше всего в Европе вплоть до начала девятнадцатого века. Пинель, великий французский психиатр, снявший кандалы с душевнобольных Франции, объявил Испанию страной, в которой к сумасшедшим относятся с наибольшей мудростью и гуманностью. В своей книге "Психическое отчуждение" он приводит некоторые подробности лечения, которые демонстрируют очень современное признание необходимости быть нежным и осторожным по отношению к душевнобольным, а не суровым и насильственным.

В Англии довольно важное развитие системы ухода за душевнобольными произошло в течение этого столетия в связи с лондонской больницей Бедлам. Это заведение,

первоначально основанное как приют для страждущих бедняков, как следует из его названия Вифлеем (дом хлеба), независимо от того, страдали они каким-либо конкретным недугом или нет, через некоторое время превратилось в больницу, а затем, в качестве дальнейшего развития, ограничилось заботой о душевнобольных. Тиндейл - первый, кто употребил слово "Бедлам" в значении сумасшедшего дома или сумасшедшего человека, так что обращение, очевидно, произошло в его время. Сложился один очень интересный обычай, который служит демонстрацией практикуемого метода лечения. "Бедлам" стал обозначать человека, выписанного из этой больницы с лицензией на попрошайничество. После выздоровления от острых состояний душевнобольным разрешалось выходить на улицу при условии, что, если о них некому было позаботиться, они носили на руках жестяную пластинку в качестве значка, указывающего на то, что они какое-то время находились в приюте. Эта жестяная тарелка вызывала симпатию у тех, кого они встречали, и люди того времени по-разному помогали им. Кроме того, это служило предупреждением о том, что, поскольку такие люди какое-то время находились в приюте, их нельзя ни раздражать, ни обращаться с ними совсем как с другими людьми, а, наоборот, о них нужно заботиться. Они были известны как бедламеры, бедламиты или попрошайки бедлама. С ними обращались так хорошо, что бродяги и другие попрошайки различных описаний завладели значками и злоупотребили доверием общественности.

После правления Генриха VIII Бедлам, который был религиозным учреждением, перешел под опеку государства, и с этого времени истории о всевозможных злоупотреблениях повторяются при последовательных расследованиях в каждом следующем поколении. Эвелин в своем "Дневнике 1656 года" отмечает, что видел в Бедламе нескольких бедняг в цепях. В восемнадцатом веке для тех, кто искал развлечений, вошло в обычай посещать Бедлам и наблюдать за выходками душевнобольных пациентов в качестве развлечения. Особенно это делалось знатью и их друзьями. За поступление в больницу взималась копейка, и существует традиция, что когда-то годовой доход в размере 400 фунтов стерлингов поступал из этого источника. Это означало бы, что в течение года больницу посетили сто тысяч человек. На некоторых фотографиях Хогарта больницу таким образом посещают светские дамы.

В Риме папы, признавая превосходство ухода за душевнобольными, практикуемого в Испании и Наварре, в шестнадцатом веке открыли в Риме Паццареллу под присмотром трех наваррцев. Эта больница для душевнобольных "принимает сумасшедших людей, какой бы нации они ни были, и принимаются меры к возвращению им здравого рассудка; но если безумие оказывается неизлечимым, их оставляют при жизни и снабжают едой и одеждой, необходимыми для состояния, в котором они находятся". Очевидно, они надеялись на улучшение во многих случаях и ожидали, что пациентам позволят покинуть лечебницу хотя бы на время, хотя, если их отчуждение продолжится, их оставят. Примерно в конце века Колумба богатая венецианка, очевидно, привлеченная заботой, оказываемой умалишенным, "прониклась такой великой жалостью к этим бедным созданиям, увидев их, что оставила им в наследство все свое состояние. Это позволило руководству с одобрения папы Пия IV открыть новый дом".

Именно после шестнадцатого века упадок в сфере ухода за душевнобольными становится очень заметным. Это достигло своего апогея, как и следовало ожидать, примерно в то же время, когда эффективность больниц и ухода за больными достигла самого низкого уровня. Бердетт в своей книге "Больницы и приюты мира", Лондон, 1901 год, озаглавил свою третью главу "Период жестокого подавления в лечении и жестокости с 1750 по 1850 год". Этот упадок был во многом вызван тем фактом, что учреждения по уходу за душевнобольными превратились в государственные приюты с наемными служителями,

единственным интересом которых через некоторое время стало получение зарплаты и как можно меньше проблем с уходом за душевнобольными. В предыдущие столетия они находились под опекой религиозных орденов.

ГЛАВА III

СВЯТОЙ ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА И ИЕЗУИТЫ

В то время как художники, скульпторы, архитекторы и поэты эпохи Возрождения создавали шедевры, которым суждено было повлиять на все последующие поколения, испанский солдат, используя людей в качестве своего материала, создал человеческий шедевр для достижения великих целей, которому суждено было стать таким же жизненным и долговечным, как любому из высших достижений того времени. Подобно тому, как Рафаэль использовал цвет и мрамор Микеланджело, а Леонардо да Винчи - оригинальные идеи гениального изобретателя первого ранга, Игнатий Лойола формировал волю людей к великой творческой цели, которой было суждено повлиять не только на Европу, но и на все континенты земного шара, возможно, больше, чем любому другому творению того времени. Рота Иисуса, как он ее называл - и ему нравилось добавлять этот эпитет понемногу, - отряд обученных солдат, чьим девизом было "Во имя вящей славы Божьей" (*Ad Major em Dei Gloriam*) и чьи цели должны были быть настолько разнообразными, насколько все виды деятельности могут быть включены в такой стандарт, стали в течение полувека после его смерти самым могущественным объединением интеллектуалов по своему влиянию на человечество, которое когда-либо видел мир. Это было не столько преднамеренное творение, сколько Провиденциальная формация, постепенно обретающая свое место в мире под руководством гения великой души, продолжающей жить после смерти тела, которое она создала.

Родившийся в Испании в замке Лойола за год до открытия Колумбом Америки, младший из одиннадцати детей, Игнатий до своего тридцатилетия был отважным воином-рыцарем. Раненый во время осады Памплоны французами в 1521 году, когда его нога плохо срослась, он сделал повторный перелом, терпя ужасную боль в те дни перед анестезией, чтобы не задевать свою гордость из-за уродства. Во время вынужденного безделья он прочитал, исчерпав все остальное чтение этого места, особенно рыцарские романы, житие Христа и жития различных святых, особенно святого Франциска Ассизского, и пришел к выводу, что жизнь стоит того, чтобы жить, только когда живешь в подражание Богочеловеку. Среди множества почти невероятных трудностей в течение более чем дюжины лет он формировал свой характер духовными упражнениями, занимался изучением грамматики в классе с маленькими мальчиками, зарабатывал на жизнь попрошайничеством в качестве одного из студентов-попрошаек того времени и собрал вокруг себя в Парижском университете группу из семи человек, которые в 1534 году приняли вместе с ним обеты как члены Общества Иисуса. С истинно испанским рыцарством их первой целью было отвоевать Святую Землю у неверных, отправившись в Иерусалим и обратив его в свою веру. Война помешала им сделать это, и они стали учителями и миссионерами в Италии. Их рвение было так велико и в то же время так направлялось разумом, они были настолько абсолютно бескорыстны и обладали очарованием, которое привлекало так много внимания, что они творили чудеса. Папа принял их с добротой и дал им временное подтверждение их правления. Папа Павел III настаивал на ограничении числа религиозных орденов из-за возникших в них злоупотреблений, но после прочтения правила Игнатия он объявил, что "здесь перст Божий", дал им самое полное подтверждение, и в 1543 году они были признаны одним из религиозных орденов Церкви.

Фрэнсис Томпсон очень ярко, с присущим поэту стремлением к эффекту, описал ситуацию в Европе, когда родился Лойола. Это даст лучшее представление о том, какая неразбериха царила вокруг него в тот момент, когда этот сын неизвестного дворянина начал работу, которой, наконец, было суждено навести порядок по крайней мере в большей части религиозного и образовательного хаоса того времени:

"Это была великая, блестящая, порочная эпоха, полная возможностей славы и опасностей для молодежи Испании. Старый порядок сдавался. По всей Европе народы шумели о рушащихся руинах феодализма, а консолидация абсолютных монархий возвестила о новом политическом созидании. В могучей пыли войн и восстаний сам христианский мир исчезал, оставляя вместо себя устройство государств на светской основе, известное как "баланс европейских сил".

"Через год после рождения маленького Лойолы Колумб отплыл, чтобы основать Новый Свет. Когда мальчик перешел ко двору, день Фердинанда и Изабеллы миновал; Карл V ожидал восшествия на испанский престол. Прежде чем начать кампанию, закончившуюся взятием Памплоны, Карл унаследовал скипетр Испании и был избран в Германскую империю. Великий полководец Гонсалво де Кордова был мертв; Франциск I был королем Франции, распевал *"Souvent femme varie"* и готовился сразиться с Карлом за господство в Европе. Английский Гарри все еще был грубоватым Хэлом, в глазах Болейн еще не забрезжил свет Евангелия, и многие английские королевы, даже не мечтая о грядущем рискованном достоинстве, все еще носили голову на плечах. Но молодой немецкий монах с толстой шеей, в капюшоне с эмблемой Реформации, собирался перерезать буксирный трос между тевтонскими нациями и лодкой Петра. Был констебль Бурбон, который должен был немедленно призвать восставших тевтонов к разграблению Рима, был ювелир Челлини, который должен был хвастаться, что убил его там; молодой Гастон де Фуа должен был пронестись пламенем по Италии и уйти, как современный Эпаминонд - победители, оплакивающие Равенну; Баярд, последний представитель рыцарства в нецивилизованный век, должен был оставить имя **без страха и упрека**. И там был молодой Лойола: что насчет него? Почему, прежде чем Сервантес стал высмеивать рыцарство Испании, он не должен был быть испанским Баярдом, испанским Гастоном де Фуа или даже обоими в одном лице?"

Рыцарем, которым он мечтал стать, и которым ему предстояло стать, но совсем не таким, как в его мечтах. Сервантес не высмеивал рыцарство Испании или Европы. Любая подобная мысль была далека от него. Игнатию Лойоле предстояло продемонстрировать рыцарство, все еще живущее во многих сердцах, и сформировать и повести за собой людей, которые должны были выполнять задачи странствующих рыцарей по всему миру, думая не о себе, а возвышая людей, армию, как я уже говорил, он предпочитал называть ее "маленьким отрядом", состоящим из лидеров других, к тому, что в его время казалось менее донкихотским, чем в наше, к вящей славе Божьей, но уже тогда не было лишено своих провидческих качеств. Неустрасимым рыцарем, **без страха и упрека**, он, несомненно, был, но когда он пал, его цель активно пережила его, в нее перешла его собственная великая душа, и ей было суждено пережить его, по-видимому, навсегда.

Спустя почти четыре столетия иезуиты, как стали называть "маленькую компанию Иисуса" Игнатия, все еще продолжают свою работу - учителя, миссионеры, писатели, ученые, редакторы; везде и всюду достигают цели своего основателя, делая все, что кажется наиболее подходящим для продвижения в соответствии с их девизом "К вящей славе Божьей". Когда они были подавлены в 1773 году, их было около двадцати тысяч. После целого поколения формального небытия они, так сказать, восстали из мертвых, и сейчас в мире их около шестнадцати тысяч, в их школах только в этой стране около двадцати пяти

тысяч учеников, и, вероятно, двести тысяч в их школах по всему миру. Ни одна группа людей не обладает большим влиянием, и это влияние не используется в большей степени во благо, чем иезуиты. Они люди, и у отдельных членов есть свои недостатки.

Игнатий был назначен первым генералом, и именно ему принадлежит Устав Ордена. Единственное, что он написал еще, - это небольшая книга "Духовных упражнений", сборник мыслей, с помощью которых люди должны были упражнять свои души и сердца в течение тридцатидневного уединения, которое они совершали для того, чтобы, насколько это возможно, освободиться от земных мотивов и всякого эгоизма, чтобы серьезно заняться следованием за Христом. Было сказано, и, вероятно, справедливо, что эта маленькая книга оказала большее влияние на поведение людей с момента ее написания, чем любое другое, когда-либо выходившее из рук человека. Она была написана в течение той же четверти века, когда Макиавелли писал "Принца". Конституции иезуитов вызывали восхищение у всех, кто их глубоко изучал, и они являются образцом для большинства религиозных орденов, как мужских, так и женских, основанных со времен его правления. Они были написаны не только с учетом идеалов, но они росли в сознании Игнатия в годы его генералитета и представляют собой сжатый практический опыт иезуитов в течение первых десяти лет их существования, когда он проходил через перегонный куб государственного гения, направляемого абсолютным желанием святого только обеспечить еще большую славу Божью.

Единственной целью Игнатия было заставить людей подражать той жизни, которую Богочеловек вел на земле, которая стала всепоглощающим мотивом его собственной жизни. В результате он посвятил себя всем формам работы на благо общества, которые могли бы способствовать этому. Преподавание катехизиса детям он считал самым важным, и взял это на себя как личную обязанность. Социальное зло и исправление заблудших женщин были его особой заботой в Риме, и он без колебаний вел этих женщин в дом-убежище, который он основал для них в городе. Его работа для них принесла большое и долговременное благо. Он понимал, что образование было самым важным средством влияния на людей, поэтому его орден был особенно предан этому делу.

Высшим качеством Игнатия была его удивительная способность подбирать людей, которые могли бы сослужить службу в великих начинаниях. Святой Франциск Ксаверий, ставший великим апостолом Индии, признал, что своим призванием к этой возвышенной работе он был обязан Провидению исключительно Игнатию, который изменил свое честолюбие с погони за научными достижениями на жизнь, направленную на распространение христианства. Блестящий молодой профессор Парижского университета, который поначалу скорее презирал пожилого студента, очевидно, тугодума из-за непривычки к учебе, стал смотреть на Игнатия почти как на второго отца, и его выражение "Какая польза человеку от того, что он приобрел весь мир и потерял свою собственную душу?" стало для него лейтмотивом существования. Посвятив себя новой цели в жизни, Фрэнсис Ксаверий ничего не взял назад, и когда Игнатий добился для него привилегии отправиться в Индию в качестве апостола, он преуспел за десять лет между 1542 и 1552 годами в прочном насаждении христианства среди местных жителей как в Индии, так и в Японии, и только его преждевременная смерть в 1552 году помешала ему добиться того же для Китая. Как бы то ни было, он оставил вдохновение от своего примера, чтобы оно стало духом величайшей миссионерской работы на Востоке, которая когда-либо была известна.

Эта работа миссий должна была стать одной из главных особенностей достижений иезуитов в последующее время. Хотя они руководили некоторыми из самых важных колледжей в Европе и за сто лет под их опекой оказалось более ста тысяч студентов, вскоре их

миссионеров можно было найти в каждой стране. Столетие иезуитских миссий в Японии после времен святого Франциска Ксаверия - одна из самых славных, назидательных и романтических глав в истории Церкви. Им удалось обратить многие тысячи японцев и организовать их в христианские общины. К сожалению, политические проблемы внутри страны, коммерческое соперничество различного рода извне в конечном итоге привели к преследованиям христиан. Японские христиане показали тогда, что они знали, как умирать с твердостью первых мучеников. Все священники были казнены или изгнаны, и все же подготовка местных катехизаторов была настолько тщательной, что даже в наше время, когда Япония снова открылась для миссионерской деятельности, были найдены деревенские общины, в которых сохранилась христианская вера.

В Индии их успех был не менее замечательным, и им удалось решить кастовую проблему, которая до этого времени была безнадежным препятствием на пути христианства. Роберт де Нобили, племянник Беллармина, великого теологического писателя и историка Церкви, перенял одежду и чрезвычайно трудные привычки брамина из высшей касты. За несколько лет ему удалось обратить в свою веру более ста тысяч представителей этого доселе невероятно эксклюзивного класса. У него было много достойных товарищей в качестве коллег и преемников. Среди прочих Андраде, первому апостолу Тибета, удалось проникнуть в запретную священную землю лам и совершить множество обращений. Обо всех кастах Индии заботились, и в Гоа, Мангалоре, Мадуре, Калькутте и Бомбее существовали большие миссионерские центры.

Китайские миссии иезуитов были в свое время не менее успешными и в некотором смысле придали ордену еще больший престиж. Выдающиеся ученые, такие как отец Риччи, произвели впечатление даже на высокомерных китайских мандаринов, основали астрономические обсерватории и преуспели в завоевании благосклонности двора. Как следствие, их братья получили разрешение проповедовать людям евангелие и обратили в свою веру многие тысячи людей. К сожалению, здесь, как и в Японии, политические беспорядки в самом Китае и коммерческая зависть Запада, вызванная опасением, что иезуиты могут отдавать предпочтение в торговле определенным странам, а не другим, привели в конечном итоге к их изгнанию и разрушению их миссий.

Однако именно на американском континенте история иезуитских миссий особенно интересна американцам. Сам Игнатий основал миссии в Южной Америке, открыв миссии в Бразилии через отца Де Нобрезу в 1549 году. Позже в Чили, Перу и Мексике иезуиты с беспримерным успехом трудились среди индейцев. В начале семнадцатого века они основали знаменитые Сокращения Парагвая. Это были общины индейцев-христиан, живших мирно и в самой счастливой общественной жизни. История жизни, которую вели индейцы в этих Сокращениях, больше похожа на некое идеальное содружество, чем на реальную главу истории дикого народа, постепенно приводимого к счастливой цивилизации. Исследователи общественного порядка часто возвращались к изучению путей и средств, с помощью которых была совершена эта великая работа, и с энтузиазмом восхваляли совершенные чудеса. В 1717 году эти Сокращения в Парагвае насчитывали более ста тысяч индейцев-христиан. С подавлением Общества в португальских владениях после середины восемнадцатого века они пришли в упадок, и совершенный идеал человеческой жизни, который делал людей счастливее, чем, возможно, когда-либо прежде, исчез из существования.

В Северной Америке труды иезуитов были столь же замечательными, как и в других местах, возможно, даже более удивительными по проявленному героизму, чем в любой другой части земного шара. Их труд среди индейцев, несмотря на то, что они рисковали и часто

подвергались пыткам и смерти, и хотя их жизнь была связана с самыми тяжелыми видами труда в самых тяжелых условиях лишения, нехватки пищи и страданий от сурового климата, а также еще более непредсказуемого характера дикарей, составляет главу в истории человечества, которая является одним из самых волнующих рассказов о человеческой храбрости во имя высокой, бескорыстной цели. Жизни таких людей, как отцы Даниэль, Лальман, Бребеф, Жог и Маркетт, являются памятниками высшей человеческой преданности великому делу человечества и христианства. Они предшествовали первопроходцам, и их истории жизни среди индейцев, рассказанные в "Отношениях иезуитов", являются самыми ценными документами в ранней истории исследований на этом континенте, внося важный вклад в науку об индейской этнологии и географии Америки, а также в другие области знаний. Банкрофт сказал о них: "История их трудов связана с происхождением каждого знаменитого города в анналах Французской Америки; ни один мыс не был пройден, ни одна река не вошла в реку, но путь был проложен иезуитом". Паркман отдал должное их работе как миссионеров и первопроходцев, хотя грустно видеть, как плохо он оценил мотив их работы и как ему почти полностью не удалось осознать возвышенную гуманность их намерений.

Куда бы они ни отправились, они посвящали себя не только распространению христианства, но и сбору ценной научной информации, которую передавали в Европу. Они привели к завозу в Европу ценных ботанических образцов, особенно лекарственных растений и различных веществ, которые они нашли в употреблении у индейцев. Название "кора иезуитов" для обозначения хинина является лишь свидетельством того факта, что именно миссионер ордена в Бразилии первым узнал, насколько ценно это вещество при лечении малярийных лихорадок, и добился его распространения в Европе. Они составили словари индейских языков, которые в настоящее время являются единственными остатками некоторых из этих языков коренных американцев, что является важным вкладом в филологию. Часто эти языковые исследования являются единственным значительным доказательством взаимоотношений между индейскими племенами и их реального места происхождения в стране. Географические знания, которые они собрали и передали, были самыми ценными.

Все это было сделано в разгар самоотверженной жизни индейцев, о которой современный человек читает со все возрастающим удивлением. Это кажется почти невероятным, если вспомнить, что люди, которые так героически переносили эти страдания, всегда были высокообразованными, образованными выпускниками европейских колледжей и часто потомками бережно воспитанных семей. Нередко миссионеры видели очень мало плодов от своих трудов в течение длительного периода времени, и они должны были быть удовлетворены, если им удавалось привлечь хотя бы нескольких новообращенных среди стариков, женщин и детей в результате многолетнего труда. Вклад в цивилизацию этих людей, сформированный по образцу могучего святого разума великого современника Колумба Игнатия Лойолы, является одним из величайших достижений, которыми мы обязаны столетию Колумба.

Однако самой важной функцией иезуитов, по замыслу самого Игнатия, была не миссионерская работа, а образование. Игнатий предполагал, что его маленькая Компания Иисуса должна быть, прежде всего, учителями. Его устав организовал обучение и описал методы. Не прошло и поколения после его смерти, как у них были одни из лучших школ в Европе. Повсюду иезуитские школы посещали лучшие классы, и не успело закрыться первое столетие истории иезуитов, как в их классах собралось более ста тысяч учеников. Причина этого заключалась в том, что их система преподавания и интеллектуальной дисциплины готовила ученых лучше, чем любая другая. Основой образования они считали классику.

Гуманитарные науки стали важной составляющей образования в эпоху Возрождения. Когда орден был основан, дух Возрождения был на пике, и школы нового обучения множились по всей Европе. Иезуиты приняли его как лучшее средство тренировки ума, и то, насколько хорошо они им пользовались, показывает история.

Сразу же, с таким пристальным вниманием к деталям, столь характерным для ордена, они начали систематизировать образование, и результатом стало великое *ratio studiorum*, вероятно, самый значительный вклад в литературу о методах воспитания, когда-либо сделанный. В нем особо подчеркивалась необходимость предварительного выбора, то есть предварительного обсуждения и объяснения урока, который учащиеся должны были изучить на следующий день, тщательных методов декламации и демонстрации, а затем, наконец, настаивалась на необходимости частых повторений. Соревнование рассматривалось как наиболее ценный элемент для пробуждения интереса студентов. После периода пренебрежения мы возвращаемся к этой мысли еще раз. Темы, то есть письменные упражнения, и особенно те, в которых непосредственно использовался изучаемый язык, были определены как наиболее важный фактор лингвистического образования. Было подробно рассмотрено фактическое использование языка, который будет изучаться на занятиях. После изучения классической литературы студент должен был пройти курс философии, то есть логики, общей метафизики и психологии, до окончания учебы. Прежде всего, настаивалось на моральном и интеллектуальном воспитании.

В своих "Очерках о реформаторах образования" Квик в первом абзаце своей книги "Место иезуитов в образовании" довольно поразительно резюмировал: "Со времен возрождения образования ни одна группа людей не играла такой заметной роли в образовании, как иезуиты. Со свойственными им проницательностью и энергией они вскоре ухватились за образование как за ступеньку к власти и влиянию; и благодаря своему организаторскому таланту они создали систему школ, которая вытеснила с поля боя всех важных конкурентов и сделала иезуитов преподавателями католической и даже, в некоторой степени, протестантской Европы. Их мастерство в этом качестве засвидетельствовано высшими авторитетами, Бэконом и Декартом, последний из которых сам был их учеником; и это, естественно, было вознаграждено: на протяжении более ста лет почти все выдающиеся люди во всем христианском мире, как среди духовенства, так и среди мирян, получали иезуитское воспитание и всю жизнь относились к своим старым учителям с почтением и привязанностью".

Если судить о какой-либо группе учителей справедливо, то, несомненно, не может быть лучшего источника доказательств в отношении них, чем то, что можно получить от их учеников. Почти все без исключения ученики иезуитов наиболее горячо восхваляют их. Только те, кто не знал их лично, с горечью осуждали их. Знать их достаточно хорошо - значит любить и почитать их.

Несколько имен выдающихся учеников иезуитских школ послужат примером того типа людей, на которых они оказывали влияние своим образованием. Среди них были: Боссюэ, Корнель, Мольер, Бурдалу, Тассо, Фонтенель, Дидро, Вольтер, Бурделе, Декарт, Бюффон, Юстус Липсиус, Муратори, Кальдерон, юрисконсульт Вико, Ришелье, Тилли, Мальзерб, дон Иоанн Австрийский, Люксембург, Эстерхази, Шуазель, святой Франциск Сальский, Ламбертини, один из величайших ученых своего времени, впоследствии самый образованный из пап под руководством имя Бенедикта XIV и покойного папы Льва XIII, одного из величайших современников.

Некоторое представление о продуктивности иезуитов как ученых, философов и литераторов можно получить из каталога их работ, изданного отцами де Бакер и обновленного отцом Зоммервогелем. Хьюз в книге "Лойола и образовательная система иезуитов" из серии "Великие просветители" (Scribner's, 1902) подытожил значение этих работ:

Но, в конце концов, два отца де Бакера опубликовали серию из семи томов в кварто в 1853-1861 годах; и первый шаг, за которым они последовали, в 1869-1876 годах, выпустив новое издание в трех огромных фолиантах, содержащих имена 11 100 авторов. В это число не входят дополнения с именами писателей нынешнего столетия, а также анонимных авторов и псевдонимов. Из этой последней категории. Исследования отца Зоммервогеля, проводившиеся вплоть до 1884 года, позволили ему опубликовать каталог объемом в 600 страниц, состоящий из двух колонок. Писатели этого столетия, которых De Backers занесли в каталог своего приложения, заполнили 647 колонок, фолиант, очень мелким шрифтом. В общей сложности три фолианта содержат 7086 колонок, сжатых со всем искусством типографской конденсации.

"Там, конечно, можно увидеть Суареса, а также Корнелиуса а Лапиде, Петау и болландистов. Под одним именем, подобным имени Заккарии, записано 117 произведений, из которых 116-е находится в тринадцати томах кварто, а 117-е - в двадцати двух томах октаво. Катехизис Канисия заполняет почти одиннадцать колонок примечаниями к его основным изданиям, переводам, сокращениям; комментариями к нему и критическими замечаниями. На счету Россиньоля 66 работ. Список произведений об Эдмунде Кэмпione, за или против него, в основном на английском языке, занимает фолиант Де Бакерса, две с половиной колонки мельчайшего шрифта. Беллармин в новом издании отца Зоммервогеля занимает пятьдесят страниц в две колонки.

Под каждой работой указаны издания, переводы, иногда сделанные на все языки, включая арабский, китайский, индийский; также критические статьи и работы, опубликованные в "опровержении" - противоречивом предприятии, которое в значительной степени сформировало протестантскую богословскую литературу того времени и, только в случае Беллармина, означало богословскую протестантскую литературу на 40 или 50 лет позже. Оксфорд основал кафедру против Беллармина. Издания одной из работ этого великого человека каталогизированы Зоммервогелем под отдельными заголовками на 54 языках.

"В методической или синоптической таблице, приведенной в конце работы авторов, не только почти бесчисленные темы, к которым прилагаются каталоги с именами авторов, но и такие темы, которых можно было бы и не ожидать. Таким образом, под "Военным искусством" стоят имена 32 авторов; Сельское хозяйство - 11; Военно-морской флот - 12; Музыка - 45; Медицина - 28.

"Завершая эту историю нашего Образовательного ордена, у нас есть один краткий взгляд на это у этих двенадцати или тринадцати тысяч авторов, все из одной семьи. У нас есть гораздо больше. Эта единственная работа, "свидетельствующая", как говорит Де Бакер в своем Предисловии, "в одно и то же время о потрясающей деятельности и часто бесспорной заслуге, о которой три с половиной столетия шло своим чередом, а весь мир - местом и театром, является общим свидетельством религии, литературы, науки и образования в каждой стране, цивилизованной или варварской, где Общество Иисуса трудилось и путешествовало".

Очень часто кажется, что, поскольку основой иезуитского образования была классика, наукам уделялось мало внимания или вообще не уделялось внимания, и, следовательно, важная фаза интеллектуального развития человека была проигнорирована, а существенный набор интересов человечества был отброшен назад или, по крайней мере, потерпел неудачу в своей эволюции. Однако те, кто так думает, совершенно не знают истории иезуитов, их образовательных усилий и достижений. На самом деле, среди иезуитов всегда были выдающиеся ученые, и многие из великих первооткрывателей и учителей науки за последние три с половиной столетия были членами ордена. Очень рано в своей истории иезуиты обратили свое внимание на астрономию, в то время одну из наиболее развитых физических наук, и вскоре почти в каждом важном иезуитском колледже появились обсерватории, в которых велась хорошая работа. Когда Григорий XIII, едва ли более четверти века спустя после смерти Игнатия, захотел провести реформу календаря, он обратился к иезуиту, отцу Клавиусу. С тех пор появились выдающиеся астрономы-иезуиты. В наше время отец Секки, иезуит, вероятно, проделал более важную работу, чем любой другой астроном-одиночка третьей четверти девятнадцатого века. Среди имен астрономов-иезуитов: отец Шайнер, который проводил наблюдения, в частности, за Солнцем; отец Цизатус, чьи статьи о кометах справедливо причислены к наиболее важным по этому предмету; отец Зупи, который первым описал темные полосы на Юпитере и впервые увидел фазы Меркурия, о которых Галилей скорее догадался, чем увидел; отец Гримальди, который изучал Сатурн и составил одну из первых карт Луны, достойных этого названия; отец Риччоли, который ввел лунную номенклатуру; отец Максимилиан Хелл, память о котором наша собственная Ньюкомб был оправдан, как и многие другие.

Они были известны своими близкими отношениями с учеными, посвятившими себя аналогичным предметам, и они были близкими корреспондентами Кеплера и преуспели в том, чтобы помочь ему сохранить профессорскую должность в университете Граца, когда австрийский император издал указ об изгнании всех протестантских профессоров из австрийских университетов. [Сноска 21]

[Сноска 21: Примерно в то же время, когда Харви во время поездки по Европе посетил иезуитов в их колледжах в ряде городов, этот факт был отмечен людьми, сопровождавшими его, и они шутили с ним относительно возможности того, что он либо обратит иезуитов, либо будет обращен ими. Однако он сказал, что нигде не нашел более сочувствующих друзей и заинтересованных ученых, чем среди этих религиозных деятелей. Его дружба с ними даже дала некоторое основание для заявления о том, что он, возможно, был католиком.]

Однако не следует думать, что иезуитов интересовала только астрономия. У них было большое количество математиков и преподавателей всех физических наук. Знаменитый Римский колледж, основанный во времена святого Игнатия, всегда считался образцом того, каким должен быть иезуитский колледж. Именно здесь великий ученый отец Кирхер преподавал почти половину семнадцатого века. Его пригласили в Рим, чтобы начать там свое преподавание незадолго до осуждения Галилея. Он не принял бы приглашения, если бы существовало хоть малейшее чувство противодействия со стороны Церкви или его ордена преподаванию науки. Преподавая в Римском колледже, он написал серию учебников по всем разделам физической науки. Существует несколько учебников по магнетизму, один по свету, второй по звуку, третий по астрономии, четвертый по подземному миру и многие другие.

Было бы легко подумать, что эти книги - всего лишь компиляции и что они, вероятно, были едва ли чем-то большим, чем небольшие справочники несовершенных знаний того времени. Напротив, это великолепные большие тома, прекрасно напечатанные, прекрасно

иллюстрированные, библиографические сокровища, полные оригинальных наблюдений. Это одни из лучших учебников, когда-либо выпущенных. Оригинальность отца Кирхера проявляется в том факте, что он усовершенствовал проекционный стереоскоп или волшебный фонарь, который его побудило изобрести желание иметь возможность проводить демонстрации в своих классах. Он также основал Кирхерианский музей, благодаря которому преподавание антропологии и этнологии получило значительное развитие благодаря редкостям, присланным в Рим миссионерами-иезуитами со всего мира. Его книга "О вредителях" полна ценных наблюдений и содержит первые предположения о том, что инфекционные заболевания переносятся насекомыми. Не было ни одной темы, которой он не затронул и которую не осветил.

С тех пор появилось много выдающихся ученых-иезуитов, и они продолжают свою работу вплоть до наших дней. В настоящее время одним из наиболее известных биологов в специальной области энтомологии является отец Васманн, С.Дж., который опубликовал около семисот статей о муравьях, их хозяевах и гостях и который, воспользовавшись помощью своих братьев по всему миру, описал многие сотни новых видов. Насколько успешны были иезуиты в своем стремлении к науке, возможно, лучше всего можно понять из того факта, что, хотя в "Биографическом словаре науки" Поггендорфа из менее чем девяти тысяч имен почти тысяча - католические священнослужители, около пятисот из них - иезуиты. Их занятия, прежде всего священническими, часто оставляли им мало свободного времени для научных исследований, и все же им удалось вписать свои имена в историю науки.

Два направления современной науки многим им обязаны. Замечательные изобретения отца Секки в области метеорологических приборов были отмечены премиями Французской академии наук, а другие члены ордена провели успешные научные исследования в этой области. Иезуиты на Филиппинах и в Вест-Индии сделали больше для изучения условий, предшествующих циклонам и ураганам, чтобы дать предупреждение относительно них, чем кто-либо другой. Их работа была полностью признана правительством Соединенных Штатов. Многие иезуитские колледжи и университеты по всему миру в настоящее время располагают сейсмологическими обсерваториями для изучения землетрясений, и, несомненно, их тесная связь и широкое распространение привнесут важные детали информации в эту область знаний, из которой могут быть сделаны важные выводы.

Работа иезуитов стала лучше цениться в англоязычных странах, где старые религиозные предрассудки препятствовали ее надлежащему признанию вплоть до сравнительно недавнего времени. Маколей в своем эссе об "Истории пап" Ранке по-своему поразительно резюмировал достижения иезуитов. Когда он писал, иезуиты лично были неизвестны в Англии, и поэтому неудивительно, что в его панегирике есть места, полные старых предрассудков, накопившихся в английской истории, из-за которых термин "иезуитизм" стал словом, выражающим худший упрек. Однако широкая начитанность Маколея дала ему очень обширные знания о замечательной работе, сделанной Лойолой и его сыновьями в течение двух столетий после их основания. Этот отрывок слишком хорошо известен, чтобы на него можно было здесь просто сослаться.

Его похвала их успешной миссионерской работе по всему миру, которая, несомненно, задала моду, по которой протестантские историки в англоязычных странах стали признавать чудесную работу иезуитов среди дикарей, не так хорошо известна: "Старый свет был недостаточно широк для этой странной деятельности. Иезуиты вторглись во все страны, которые великие морские открытия предшествующей эпохи открыли для европейской предприимчивости. Их можно было найти в недрах перуанских рудников, на рынках

африканских караванов с рабами, на берегах островов Пряностей, в обсерваториях Китая. Они обращали в свою веру людей в регионах, куда ни алчность, ни любопытство не соблазнили никого из их соотечественников, и проповедовали и спорили на языках, из которых ни один другой уроженец Запада не понимал ни слова ".

Неудивительно, что Паркман, который в некотором смысле помог нам, американцам, лучше понять их, но которому во многих отношениях совершенно не хватает должной симпатии к ним, вероятно, потому, что он не был хорошо знаком с ними лично, сказал о них:

"Иезуит был и остается повсюду - в школьных классах, в библиотеке, в кабинетах принцев и министров, в хижинах дикарей, в тропиках, на замерзшем севере, в Индии, Китае, Японии, Африке, Америке; то как христианский священник, то как солдат, математик, астролог, брамин, мандарин, под бесчисленными личинами, с помощью тысячи искусств заманивая, убеждая или принуждая души в лоно Рима".

Он уверен, что в них должно быть много такого, что заслуживает осуждения, поскольку они были предметом такой сильной критики и преследований. Как и многие другие, он не может заставить себя думать, что последнее желание их основателя относительно них, чтобы они подвергались преследованиям, как это было с их Господином и Наставницей, должно быть символом их судьбы. Однако там, где он знает их лучше всего, например в Канаде, он без колебаний хвалит их, хотя и заявляет, что не его дело восхвалять их, а изображать такими, какими они были.

Сразу же лейтмотив надлежащей оценки иезуитов и краткое изложение того, чего достиг с их помощью Лойола, можно найти в заключительных параграфах книги Фрэнсиса Томпсона "Жизнь св. Игнатий" (Benzigers': Нью-Йорк, 1909, стр. 318):

"Выйдя из этой пещеры Манрезан, забытый миром, о котором он сам забыл, и отвергнутый родившей его землей, один и без посторонней помощи, он создал и привел в движение силу, которая остановила реформацию, охватившую Север и угрожавшую завоевать христианский мир. Он глубоко заложил основы своего Ордена и, довольный тем, что его работа была хорошей, умер, оставив в наследство только Божий дар, чтобы все люди говорили о нем плохо.

"Самое необычное завещание, которое когда-либо передавал Основатель, было выполнено самым необычным образом. Союз энергии и терпения, проницательности и самоотдачи, для которого не было ничего невозможного в том, что ему предписывалось, были ведущими качествами Святого. Игнатий; и насколько его Орден процветал, так это потому, что он воплотил в себе качества своего Основателя. Административный гений, который среди князей Европы или "необразованных умов" Парагвая, возможно, является самой яркой светской чертой этого государства, исходит непосредственно от человека, который мог бы управлять провинциями величайшей империи шестнадцатого века; но предпочел управлять с алтарей Церкви армией, которая пережила армии Испании и сделала завоевания более долговечными, чем огромная империя, которая дрейфовала к своему падению вслед за разбитыми галеонами Армады ".

Иезуиты - буквально одно из величайших творений этого великого периода. Не знать их как таковых - значит упускать из виду значение их порядка и немалую долю истинного духа эпохи, из которой они вышли. Искусство и литература эпохи Возрождения не создали произведения, которому суждено было жить так ярко и оказывать такое глубокое влияние

на людей всех последующих поколений, как "маленькому обществу Иисуса", как его задумал и организовал Игнатий Лойола.

ГОЛЬБЕЙН, СЭР ТОМАС МОР

ГЛАВА IV

СЭР ТОМАС МОР И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННОКИ

В то время как в этот великий период Возрождения Рафаэль, Леонардо да Винчи и Микеланджело и многие другие демонстрировали способность человеческого разума выражать себя всевозможными эстетическими способами, а Коперник, Региомонтан, Везалий и Парацельс показывали, как интеллект человека может проникать в тайны вселенной без него и в ту меньшую вселенную, микрокосм, которым он является сам, а Эразм, Пико делла Мирандола и Линакр демонстрировали человеческую ученость на самом высоком уровне, великий современник в Англии выразил человеческая жизнь в ее лучшем проявлении с сильной точки зрения человеческой воли. Это был сэр Томас Мор, лорд-канцлер Англии, казненный Генрихом VIII, но только после того, как ему удалось превратить свою жизнь в замечательное произведение живого искусства глубочайшего значения, к которому с тех пор притягиваются люди всех классов. Он был великим ученым, великим юристом, великим судьей - единственным человеком, который когда-либо проходил по делу английского канцлерского суда, - писателем выдающихся способностей не только на своем родном языке, но и на латыни, философом, который в том, что касается рассмотрения социальных проблем, заслуживает места рядом с Платоном: однако он знаменит не какими-либо из этих достижений, а своим непоколебимым следованием тому, что он считал своим долгом, хотя это стоило ему всего, что обычно дорого людям, - жизни, репутации, собственности и даже возможности бедности и страданий для тех, кто был ему дорог. после его смерти.

Сэр Томас Мор родился в Лондоне 7 февраля 1478 года. Мы, вероятно, думаем о войнах Алой и Белой розы как о чем-то более далеком от нас, но они еще не закончились. Эдуард Четвертый теперь прочно восседал на троне, но в его правление для монархии были бурные времена. Первоначально Эдуард взошел на трон в марте 1461 года, но восстание Делателя королей графа Уорика привело к реставрации бедного Генриха VI в 1470 году, и Эдуарду пришлось бежать из страны. Он вернулся в 1471 году, разбил Уорика при Барнете 14 апреля 1471 года и Маргариту Анжуйскую при Тьюксбери 4 мая 1471 года. В течение дюжины лет после этого царил покой, но только после того, как Генрих VII победил Ричарда III при Босворте в 1485 году, а затем женился на принцессе-йоркистке Елизавете, мир в Англии был обеспечен. Итак, сэр Томас Мор родился в очень беспокойной Англии. В детстве у него был учитель Николас Холт, который, похоже, с истинно ренессансным духом сумел полностью пробудить интерес молодежи. В возрасте двенадцати лет он поступил в дом кардинала Мортон, архиепископа Кентерберийского. В то время существовал старый добрый обычай отдавать мальчиков на воспитание в семьи выдающихся дворян или высших церковных сановников, исходя из идеи, что общение с влиятельными людьми представляет собой лучший стимул для развития интеллектуальных способностей, которые составляют настоящее образование.

Вскоре юнг Мор привлек внимание выдающегося старого кардинала, который предсказывал ему будущее величие. Ропер, который женился на дочери Мора Маргарет, рассказывает случай из жизни мальчика в то время и добавляет, что это следствие высокой оценки кардинала. Мора отправили в университет. Он говорит в знаменитом абзаце, который

показывает нам не по годам развитый характер Мора и то чувство юмора, которое характеризовало его всю жизнь:

"Хотя большинство из них были молоды годами, все же иногда на Рождество он внезапно появлялся среди игроков и, никогда не разбираясь в этом вопросе, становился частью их собственной жизни, что заставляло зрителей интересоваться спортом больше, чем все игроки рядом. Кардинал, чьим остроумием и отзывчивостью он восхищался, часто говорил о нем знати, которая несколько раз обедала с ним: "Этот ребенок, который ждет здесь за столом, кто бы ни дожил до того, чтобы увидеть это, окажется замечательным человеком ". После чего, чтобы он лучше продвинулся в учебе, он отправил его в Оксфорд".

Проработав около четырех лет в доме кардинала, Мор благодаря щедрости своего покровителя поступил в университет, а затем занялся изучением права и был принят в коллегия адвокатов.

Когда ему было двадцать шесть, Мор стал членом парламента, а на следующий год, в 1505 году, женился. История его брака представляет интерес, довольно уникальный в своем роде. Он отправился в дом Джона Колта из Ньюхолла в Эссексе с явной целью найти ему жену. Ему сказали, что старшая дочь Джона - как раз тот человек, который ему нужен. Когда он приехал туда, ему больше понравилась вторая дочь, но он женился на ее старшей сестре, чтобы не подвергать ее дискредитации из-за того, что ее обошли стороной. Есть те, кто говорят, что его святость началась именно там. Остается надеяться, что его жена ничего не узнала об этом гораздо позже.

В год его женитьбы, когда от него можно было разумно ожидать осмотрительности в отношении своего политического будущего, он более решительно выступал в парламенте против предложения короля Генриха (VII) о выделении очень крупной субсидии в качестве приданого его дочери Маргарет. Несмотря на его молодость, его аргументы по этому вопросу были настолько убедительными и соответствовали старинным обычаям и законам Англии, что Палата общин сократила субсидию едва ли более чем до четверти требуемой суммы. Когда его любимые придворные сообщили Генриху VII весть о том, что человек, которого он считал едва ли более чем безбородым мальчишкой, привел к крушению его надежд и планов и лишил возможности пополнить свою казну, а для сердца скупого короля не было ничего дороже этого, легко понять, что Мор не был любимцем при Дворе.

Мор, по-видимому, счел целесообразным на некоторое время уехать из Англии из-за недовольства короля. Это дало возможность провести некоторое время в Париже, а также в Лувене. В Лувене началось его знакомство с Эразмом, которое переросло в длительную близость в дальнейшей жизни. Похоже, он не упускал ни одной возможности развить свой интеллект и расширить интеллектуальные интересы. Пока он был юристом, греческие авторы стали любимым предметом изучения, а философия и наука - его развлечениями. Буквально о нем можно было бы сказать, что не было ничего человеческого, что не интересовало бы его.

Через некоторое время Мор вернулся в Лондон и занялся юридической практикой. После смерти Генриха VII в 1509 году он стал самым популярным адвокатом того времени и очень скоро получил чрезвычайно прибыльную практику. Он отказывался получать гонорары от бедных, и особенно от вдов и сирот, которые, как ему казалось, каким-либо образом подвергались угнетению. Традиция показывает, что в то время он был чем-то вроде общества юридической помощи Лондонскому сити. Он категорически отказывался выступать в суде по делам, которые считал несправедливыми. Иногда говорят, что такая

скрупулезная юридическая практика препятствует успешной карьере и, прежде всего, приводит к потере возможностей, которые делают юриста известным. С Мором произошло прямо противоположное, и он стал самым известным в своей профессии еще до того, как ему исполнилось сорок.

Самой приятной частью жизни Мора были эти годы его профессиональной карьеры. Затем у него появилась возможность часто общаться в самых очаровательных дружеских и литературных кругах с группой людей, чьи имена известны в эпоху английского Возрождения. Он и Эразмус были друзьями на всю жизнь, и, возможно, нет большей дани уважения характеру Эразма, чем преданная привязанность Мора к нему и его сочувственная преданность Морю. Сам Эразм, хотя и был гораздо более великим ученым, не обладал такой глубиной и силой характера, какими обладал Мор. Эти мужчины во многих отношениях были почти полной противоположностью друг другу, и, возможно, они чувствовали, насколько дополняют друг друга их качества. Мор был в высшей степени практичен, Эразмус был довольно непрактичен; Мор был полон юмора, Эразмус был остроумен. Мор сочувствовал всему человечеству, даже когда находил, что критиковать; критика Эразма, вероятно, была горькой, и он скорее смеялся над собой, чем над людьми, так что он не заслужил всеобщей любви, а совсем наоборот, за исключением нескольких близких друзей, в то время как наиболее типичной чертой жизни Мора является любовь и привязанность, которые она вызывала.

Семейная жизнь Мора - одна из самых интересных особенностей его карьеры. Эразмус говорил об этом с восторженным восхищением, и, поскольку он имел личный опыт работы с этим в течение довольно длительных периодов в разное время и сам был очень чувствительным, легко раздражающимся человеком, его свидетельство по этому вопросу тем более важно. Возможно, это связано с восторженным восхищением Эразма Большим, но в любом случае это показывает нам, насколько глубоко он ценил и был готов зафиксировать свое удовольствие от привилегии быть принятым в семью как друг:

"Управляет ли мой друг своим домашним хозяйством, где совершенно неизвестны недоразумения и ссоры? Действительно, на него смотрят как на универсального целителя всех различий, и никогда не было известно, чтобы он расставался с кем-либо из них по причине недоброжелательности. Его дом, по-видимому, наслаждается особым счастьем, заключающимся в том, что все, кто живет под его крышей, выходят в мир улучшенными в своем нравственном отношении, а также в улучшенном материальном положении; и никогда не было известно, чтобы какое-либо пятно пало на репутацию кого-либо из его счастливых обитателей. Здесь вы можете представить себя в академии Платона. Но, действительно, я был бы несправедлив к его дому, сравнив его со школой этого философа, где предметом обсуждения были только абстрактные вопросы и случайные моральные добродетели; правильнее было бы назвать его школой религии и ареной для проявления всех христианских добродетелей. Все его обитатели изучают гуманитарные науки, хотя благочестие - их первая забота. В стенах никогда не слышно ни пререканий, ни гневных слов. Никто не сидит сложа руки; каждый с готовностью выполняет свой долг, а регулярность и хороший порядок устанавливаются простой силой доброты и обходительности. Каждый выполняет возложенную на него задачу, и все же все так жизнерадостны, как будто веселье - их единственное занятие. Несомненно, такой дом заслуживает того, чтобы называться школой христианской религии".

Те, кто обнаружил в жизни канцлера недостаток того, что можно назвать романтикой, поскольку оба его ухаживания были в высшей степени прозаичными, могут найти адекватную компенсацию за это и материал для должной оценки нежной натуры Мора в

размышлениях о сильной привязанности, которую он проявлял к своим детям, и особенно к своей дочери Маргарет. Маргарет более чем заслуживала всей этой привязанности своего отца, но, вероятно, в истории не было случая, чтобы такая привязанность была выражена столь очаровательно. К счастью для нас, обширная переписка, которая велась между отцом и дочерью, в значительной степени сохранилась. Письма являются очаровательным выражением отцовской и дочерней привязанности. Возможно, больше всего молодых людей нынешнего поколения заинтересует то, в чем сэр Томас отвечает на письмо своей дочери с просьбой о деньгах. Вероятно, все были бы готовы согласиться с тем, что в подавляющем большинстве случаев отеческие ответы на сыновние просьбы о деньгах в наше время формулируются в несколько иных терминах. Отец написал с классическими ссылками, которые призваны сделать ее учебу еще более ценной:

"Ты просишь у меня денег, моя дорогая Маргарет, слишком застенчиво, поскольку просишь у отца, который готов давать, и поскольку ты написала мне такое письмо, что я не только оплатил бы за каждую его строчку золотым филиппином, как Александр за стихи Черилоса, но, если бы мои средства были так велики, как я желаю, я бы вознаграждал каждый слог двумя унциями золота. Как бы то ни было, я посылаю вам только то, что вы просили, но хотел бы добавить еще, только то, что так же, как я горю желанием дать, я желаю, чтобы моя дочь просила и уговаривала меня, особенно вас, чья добродетель и ученость стали так дороги моей душе. Так что чем скорее ты потратишь эти деньги с толком, как ты привык делать, и чем скорее попросишь больше, тем больше ты будешь уверен, что угодишь своему отцу".

Линакр, второй из группы, с кем Мор был в значительной степени связан, является одним из выдающихся персонажей Англии того времени. Как и многие другие, он привлек внимание великого церковника, епископа Селлинга; в молодости он отправился в Италию в его свите и там имел преимущество тесного общения с семьей Медичи, когда Лоренцо Великолепный готовил своих сыновей стать правителями Италии, политическими и церковными. Линакре пробыл в Италии около десяти лет, в основном во время понтификата папы Александра VI, о котором было сказано так много уничижительного, но вместо того, чтобы уменьшить его преданность Церкви из-за злоупотреблений, которые, как говорят, существовали в Италии в то время, он вернулся в Англию ревностным католиком. Много лет спустя, когда к концу жизни он почувствовал ее пустоту, он раздал свое имущество на образовательные цели и стал священником. Его фонды в Кембридже и Оксфорде, и особенно основание Королевского колледжа врачей, внесли очень ценный вклад в интеллектуальную жизнь Англии. Колледж врачей продолжает жить в соответствии с конституциями, которые он предоставил. Его кафедрам, основанным в Оксфорде и Кембридже, повезло меньше, потому что беспорядки в конце правления Генриха VIII и во времена Эдуарда VI привели к конфискации многих из этих образовательных фондов или, по крайней мере, к их использованию в личных целях короля.

Эразм был величайшим ученым того времени, Линакр считался, возможно, лучшим греческим ученым того периода, а Мануций в Венеции, находясь в Италии, воспользовался своими знаниями для редактирования некоторых греческих классиков. Он сам перевел несколько томов Галена на латынь, и перевод был объявлен, по словам Эразма, лучшим, чем греческий оригинал.

Третий из этой группы друзей Мора был едва ли менее выдающимся человеком, чем двое других. Это был декан Колет из церкви Святого Павла. Он тоже был тронут духом Возрождения, но, как и все остальные члены этой группы, вместо того, чтобы увлечься язычеством или отдалиться от христианства, его преданность Церкви и его вере

расширилась и углубилась благодаря его знаниям. Его проповеди в соборе Святого Павла привлекли всеобщее внимание. Но его личное влияние, возможно, было еще более красноречивым.

Согласно традиции, эти люди и некоторые другие, такие как Лили, а иногда, вероятно, и Джон Кайус, который впоследствии основал колледж Кайуса в Кембридже, обычно встречались после обеда для обсуждения вопросов литературы, общества и философии в доме матери Колета в Степни. Там мы видим, как они спорят по литературным вопросам с той напряженной серьезностью, которая была характерна для эпохи Возрождения, и в разгар которой Коле иногда приходилось сдерживать горячий энтузиазм других, чтобы спор не перерос в ссору. Сюда, согласно традиции, дама Коле, мать декана, иногда приносила им на сорт клубнику, которая была завезена в Англию из Голландии, вероятно, самим Эразмом или под его влиянием, и часть которой была выращена в саду Коле. С английским молоком и сладкими пирожными того времени они стали приятной паузой во второй половине дня или подходящим средством для разглаживания разгоревшейся дискуссии.

Такая группа людей составляет Академию в лучшем смысле этого слова. Когда Платон водил своих ученых по Академическим рощам и обсуждал с ними высокие мысли, возникла первая Академия, а английское Возрождение стало еще одним ярким примером того, как трение различных многогранных умов может способствовать выявлению лучшего во всех из них. Удовольствие от такого общения могут по достоинству оценить только те, у кого была возможность разделить его. Эти встречи, должно быть, действительно были событиями в жизни мужчин, и многие из них, у которых не было возможности побывать в Италии, должно быть, с особым энтузиазмом впитывали все, что их многолетний итальянский опыт дал другим. Эти перерывы в его более серьезных практических обязанностях в баре, должно быть, были самыми счастливыми и удивительно расширяющими по своему воздействию.

Хорошее представление об интересах Мора как молодого человека в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет можно получить из того, как он взялся за перевод "Жизни, писем и произведений" Пико делла Мирандолы. Хотя Пико был одним из самых образованных людей эпохи Возрождения, он также был одним из самых набожных. И больше, чем кто-либо другой, он продемонстрировал возможность быть глубоко знакомым с греческой культурой и при этом сохранять глубокую преданность религии. Похвала Мора в адрес него в жизнеописании, которое он написал, лучше, чем что-либо другое, показывает направление его собственных мыслей. Этот отрывок дает хорошее представление о стиле прозы Мора на английском языке, с орфографией, несколько, но не полностью модернизированной:

"О, очень счастливый ум, - пишет он, - которого не могли угнетать никакие невзгоды, которого не могло укрепить никакое процветание: ни хитроумие всей философии не могло вызвать в нем гордости, ни знание еврейско-халдейского и арабского языков, кроме греческого и латыни, не могло вызвать в нем тщеславной славы, ни его огромное состояние, ни его благородная кровь не могли взорвать его сердце, ни красота его тела, ни великие греховные события не могли вернуть его на сладострастный широкий путь, ведущий нас в ад: что там было такого чудесного по силе, что могло бы заставить его гордиться?" мог бы перевернуть тот разум о нем, который сейчас, как говорит Сенека, был поставлен выше судьбы, поскольку тот, кто обладает как ее благосклонностью, так и ее злобой, ничего не говорит, чтобы быть связанным духовным узлом со Христом и его небесными гражданами".

Мор также написал несколько стихов о превратностях судьбы, в которых он описывает ее как раздающую хрупкие подарки мужчинам только для того, чтобы позабавиться, внезапно

забирая их обратно. Это было буквальным выражением его собственной карьеры, и его совет о том, как бросить ей вызов, лучше всего иллюстрируется его собственной жизнью:

"Это ее развлечение, так она доказывает свою мощь;

Великим хвастовством она может похвастаться, если благодаря ее силе кто-то станет и Богатым, и несчастным одновременно в течение часа.

А потому, если ты твердо желаешь устоять.

Прими сторону бедности и позволь гордой удаче уйти.

Не принимай ничего, что исходит из ее рук.

Любовь, манеры и добродетель - вот единственные,

с которыми двойная Удача может не свести тебя.:

Тогда ты можешь смело бросить вызов ее поворотному шансу.

Она не сможет тебе ни помешать, ни продвинуться".

Молодой король Генрих VIII глубоко заинтересовался Море из-за своего блестящего интеллекта, успешного ведения дел, безупречного характера и, прежде всего, из-за своего остроумия и юмора. Он хотел видеть его членом своего Двора, но этому еще долго сопротивлялись. Он предпочитал независимость жизни придворного и, несмотря на уговоры Вулси, который был произведен Львом X в кардиналы в 1515 году и утверждал, как дорога его служба его величеству, продолжал отказываться. Однако после посольства во Фландрию, куда он отправился вместе с Катбертом Тунсталем для переговоров с послами Карла V, который тогда, однако, был всего лишь эрцгерцогом Австрийским, после возобновления союза с английским монархом и еще одного посольства такого же рода в 1516 году, Мор согласился прибыть к королевскому двору. Во время своего посольства во Фландрии он, вероятно, нашел время написать свою "Утопию" на латыни, и она была опубликована на Континенте, хотя в Англии была опубликована только спустя почти двадцать лет после его смерти. Контакт с Эразмом пробудил литературный дух Мора, и Эразм почувствовал, что интеллект Мора открывает великолепные возможности для литературы. Эразм оплакивал свое превращение в придворного и говорит в своих письмах: "Король действительно притащил его ко Двору. Никто никогда так рьяно не стремился попасть туда, как Многие стремились избежать этого".

Литературная репутация Мора в большей степени основана на его "Утопии", написанной, когда ему было тридцать семь лет, во время его отсутствия в Англии по поручению Катберта Танстала в Нидерландах. Это отсутствие длилось всего шесть месяцев, и это даст некоторое представление о индустрии Море. Дома он был погружен в свою юридическую практику, и теперь, когда у него было свободное время от общественных и посольских забот, он нашел время написать один из самых интересных вкладов в науку управления с социальной стороны, который, вероятно, когда-либо был написан. Она была написана на латыни и впервые была напечатана в Лувене в конце 1516 года под редакцией Эразма, Питера Джайлса, иногда известного под своим латинским именем Эгидиус, и других литературных друзей Мора во Фландрии. Впоследствии она была переработана Мором и напечатана Фробиниусом в Базеле в ноябре 1518 года. Книга стала популярной на Континенте и была переиздана в Париже и Вене, но не была опубликована в Англии при жизни Мора. Мор явно опасался, что это может быть неправильно понято там, хотя по ходу книги он был очень осторожен, чтобы все, что могло показаться относящимся к Англии, казалось прямо относящимся к какой-то другой стране.

Английский перевод не публиковался в Англии до правления Эдуарда VI в 1551 году. Однако стандартным переводом является перевод, сделанный епископом Бернетом. Вряд ли может не показаться странным, что автор истории "Протестантской реформации", который

больше, чем кто-либо другой, почти удерживал Англию от ослабления каких-либо ее антипопейских чувств или правительственных постановлений, переводит книгу последнего великого папского католика для своих соотечественников, но это дань уважения, значение которой нельзя упустить. Говорят, что Бернета побудили сделать перевод те же чувства протеста против произвола правительства, которые побудили Мора написать его. Цитируемые здесь отрывки всегда взяты из перевода Бернета.

К сожалению, "Утопия" в основном известна обычным читателям по производному от нее прилагательному Утопический, которое стало означать безнадежно идеальную или неосуществимо непрактичную схему. Несомненно, многих удерживала даже мысль о прочтении этой книги из-за возникшего ощущения, что книга утопического характера не может иметь сколько-нибудь серьезного значения. "Утопия" в переводе с греческого просто означает "нигде". Сам Мор часто называет его латинским именем *Nusquam* с тем же значением. Это была просто страна, которой, к сожалению, еще нигде не существовало, в которой все делалось совсем не так, как, по крайней мере, где-либо в цивилизованной Европе, но где люди продумали, каким должно быть их отношение ко многим вещам, которые в Европе, следуя традициям и условностям, были подвержены многим злоупотреблениям и социальным несправедливостям.

Сэр Томас осознал всю опасность, исходившую от так называемой Реформации, и без колебаний принял участие в спорах, которые неизбежно разгорелись. Уже в 1523 году он опубликовал "Ответ Лютеру", в 1525 году - письмо-памфлет против Померана, в 1528 году - диалог "Сказал он и сказал я", в 1529 году - "Мольбу душ", в 1531 году - "Опровержение Тиндейла", в 1532 году - свою "Апологию", в 1533 году - "Развенчание Салема и Бизанса" и в 1533 году - "Ответ на вечерю Господню", вероятно, написанный либо Уильямом Тиндейлом, либо Джорджем Джемом. [Сноска 22]

[Сноска 22: Хорошее представление о том, как изменилось написание английского языка за четыре столетия, можно получить из названия одной из этих противоречивых работ Мора, недавно появившейся в каталоге книготорговца. Частое использование *у* там, где мы сейчас используем *і*, почти заставляет думать, что *і* были исчерпаны конкретным шрифтом, или же что этот наборщик питал особую любовь к *у*. Эта последняя идея, вероятно, верна, поскольку, на самом деле, в книгах, напечатанных примерно в то же время, так много *у* обычно не использовалось.

"Сэр Томас Мор был диалогом ... Где он почитал дайверса мэтерса как почитаемого имагиса и реликварию, молился сайнтису, а гойнге - пилгримагу. Как и многие другие тайнги, соприкасающиеся с пестрой сектой Лютера и Тиндейла и т.д. Недавно переросшая веру. См. фолиант "Черное письмо" с надписью "фаутес сбежал в принтинге".]

Когда кардинал Уолси, лорд-канцлер, пал после провала бракоразводного процесса, король настоял на том, чтобы сэр Томас Мор занял этот пост. Мор, должно быть, знал, насколько трудной, даже почти невозможной, будет для него эта должность. Однако было опасно противиться воле Генриха VIII, и поэтому в течение недели после низложения Вулси сэр Томас Мор был назначен лордом-канцлером - должность, которую до этого очень редко занимали непрофессионалы, хотя с тех пор ее занимают непрофессионалы почти без исключения. Говорят, что его установка состоялась под радость и аплодисменты всего королевства. Некоторые говорили, что Мор был рад одержать победу над Вулси и что он действительно воспользовался возможностью, предоставленной ему новым саном, чтобы

оскорбить своего предшественника и показать, что он замышлял стать его преемником. Однако для подобных высказываний нет никаких оснований, и даже сам Вулси заявил, что Мор был человеком, который должен был занять этот пост, единственным, кто мог бы стать его преемником. Эразм, пишущий по этому поводу, совершенно уверен, что сам Мор не заслуживает поздравлений, поскольку он предвидел предстоящие трудности, но королевство заслуживает поздравлений. Он также чувствовал, что это было бы потерей для литературы. Как он сказал: "Я вовсе не поздравляю Мор или литературу, но я действительно поздравляю Англию, потому что лучшего или более святого судьи назначить было невозможно".

Наиболее характерной чертой канцлерства Мора было его быстрое рассмотрение дел. Он очень хорошо понимал, что правосудие должно быть не только восторжествовано, но и, насколько это возможно, совершено быстро, а утомительное затягивание дел на большие сроки приводит к несправедливости, даже если по ним выносятся справедливые решения спустя много лет. Канцлерский суд в Англии стал притчей во языцех из-за медлительности процедуры и неоднократно подвергался насмешкам в течение девятнадцатого века, но уже в шестнадцатом веке на рассмотрении Суда находилось множество дел, которые тянулись по двадцать лет, а то и больше. Задержки были вызваны главным образом тем фактом, что лорд-канцлеры были заняты многими другими обязанностями и не всегда чувствовали себя способными выполнять задачу рассмотрения дел и взвешивания доказательств. Несомненно, некоторые задержки были вызваны тем фактом, что подарки были получены, если не самим лорд-канцлером, то, по крайней мере, судебными чиновниками, и чем дольше тянулись дела, тем больше было возможностей для подобных нарушений. Уточнение календаря Канцлерского суда ознаменовало эпоху в истории английского права и является одним из наших лучших свидетельств сугубо практического характера Мора.

Именно его смерть больше всего на свете вызывает восхищение. Это был человек с поразительной широтой интересов, для которого жизнь, должно быть, значила очень много. В молодости он близко общался с избранными интеллектуалами своего времени. В юности он был избранным другом лучших ученых Европы - таких людей, как Коле, Эразм и Линакр, с международной репутацией. Он представлял своего короля за границей в важных миссиях еще до того, как ему исполнилось сорок. Он показал себя великим юристом, несмотря на щепетильность совести, которая, как обычно предполагалось, чрезвычайно затрудняла успешную юридическую практику. Несмотря на предельную честность во всех сферах жизни и отсутствие какого бы то ни было намека даже на подтасовку общественного или королевского мнения, он был любимцем всех слоев общества. Как автор, он написал книги, которым мир не позволит добровольно умереть. Они заняты вещами, которые мужчины часто отталкивают от себя, серьезны, возвышенны, целеустремленны, и все же сейчас они более начитанны, чем были в его время. Он был философом, достойным быть поставленным рядом с величайшим философом-практиком, и его "Идеальная республика", написанная в его собственном глубоком юмористическом ключе, является отличным вкладом в эту форму литературы.

К этому человеку примерно в возрасте пятидесяти лет пришел самый высокий пост, на который он мог надеяться в Англии. Он был любимцем своего короля и Двора. Он всячески использовал свой высокий пост на благо содружества, и прежде всего на благо народа. Он произвел революцию в методах работы канцелярии и преуспел в возвращении Правосудия в притоны закона, где ее присутствие было настолько редким, что почти вызывало сомнения. Перед ним открывалось великое будущее, связанное с возможностью приносить пользу другим. Каким бы бескорыстным он ни проявлял себя, несомненно, он не мог бы получить большего удовлетворения для своих амбиций, чем это. В разгар исполнения им своих

служебных обязанностей ему пришлось принять решение в отношении самого себя. О лорде верховном канцлере Англии часто говорят как о хранителе совести короля. Таковым более очевидно считал себя в действительности. Во всяком случае, он был хранителем своей собственной совести.

Король, не сумевший добиться развода с женой, на которой женился двадцать лет назад, чтобы жениться на более молодой и красивой женщине, решил даровать развод самому себе и с этой целью взял на себя верховенство как в Церкви, так и в государстве. Знатные люди, зная его упрямый характер, подчинились этой узурпации власти, которая, к тому же, была сопряжена с возможностью обогащения за счет конфискации монастырского имущества и передачи его фаворитам короля. Даже епископы Англии колебались лишь некоторое время, а затем почти все до единого принесли клятву превосходства, которая объявляла Генриха верховным главой как Церкви, так и государства. Было только одно или два заметных исключения из этого правила.

Казалось бы, после этого не должно возникнуть никаких трудностей для Продолжения. Если епископы и духовенство страны были готовы признать короля главой Церкви, почему мирянин должен колебаться? И еще больше колебался. Он отказался принести присягу первенства. Ему объяснили, что отказываться было опасно. С другой стороны, ему было показано, и это, должно быть, было очень ясно для него самого, что если он примет это, то получит великую милость короля, и что на самом деле не было почти ничего, к чему он не мог бы стремиться. Он был лордом-канцлером, но облагораживание и обогащение наверняка придут к нему. Король всегда был высокого мнения о нем, сейчас был особенно раздражен его отказом, но был бы полностью завоеван им, если бы он уступил. Казалось вполне вероятным, что звание пэра достанется ему сразу же, и что более высокие степени дворянства были лишь вопросом времени. Времена были беспокойные, и он, возможно, смог бы сделать много хорошего, но, конечно, он не мог ожидать, что другие советники рядом с королем сделают что-либо, кроме как уступят прихотям монарха.

Здесь возникла дилемма. С одной стороны, честь, власть, богатство и благосклонность его короля, а также уважение его поколения; с другой стороны, позор, обнищание его семьи в результате похищения, тюремное заключение, возможно, смерть. Более спокойно все взвесил и принял решение следовать своей совести, чего бы это ему ни стоило. Он сделал это полностью благодаря силе своего характера и без какого-либо поощрения со стороны других. Напротив, там царило полное уныние.

Приняв свое решение, он не стал думать, что все остальные должны были относиться к нему так же, но, напротив, он сочувствовал другим, осознал все трудности и спокойно признал, что они вполне могут действовать добросовестно. Когда ему было объявлено решение его судей о том, что он должен умереть, он очень спокойно поблагодарил их за их решение и сказал, что надеется встретиться с ними на небесах. Этот отрывок стоит прочитать на собственном причудливом, простом и убедительном языке Мора.

Вероятно, в мировой истории не было случая, когда обязанность следовать совести была бы видна более ясно и признавалась более преданно, чем когда Мор пошел на смерть за то, что называлось государственной изменой, потому что он отказался принести присягу в том, что король Англии был главой Церкви, а также государства. Все человеческие мотивы противоречили его следованию совести в этом вопросе. Он был почти совершенно один. Епископ Фишер из Рочестера, это правда, был с ним, но Мор заявил в одном из своих писем, что даже если бы епископ нашел какой-то способ примириться со своей совестью и

принести присягу, как это сделали многие другие честные люди, какими они считали себя и как думали о них другие, он не чувствовал, что смог бы принять ее.

Ему внушали, что сам факт того, что он стоит один, показывает, что, должно быть, что-то не так в его методе рассуждений и способе принятия решения по данному вопросу. Все епископы Англии согласились принести присягу. Некоторые из них, это правда, успокаивали свою совесть, добавляя дополнительную фразу "насколько позволяет закон Божий" или что-то в этом роде, но большинство из них принимали ее без каких-либо подобных изменений, и действительно, как правило, члены Комиссии, приводившие присягу, отказывались принимать ее, если она не понималась буквально и без дополнений.

Возможно, самое тяжелое испытание для целеустремленности Мора пришлось на долю его собственной семьи. Когда он был заключен в тюрьму, им разрешали часто видеться с ним, намеренно полагая, что они наверняка сломят его угрызения совести. Его жена категорически отказывалась понимать, почему кто-то должен противопоставлять себя всему остальному королевству и думать, что его совести следует следовать, что бы ни случилось, хотя совесть стольких других людей, по-видимому, была спокойна в этом вопросе. Как она говорила ему снова и снова, думал ли он, что он лучше епископов Англии и священников, принесших присягу, и считал ли он себя единственным, кто правильно понимал и мог увидеть справедливость в этом вопросе? Некоторые выражения ее лица типичны для женщин в ее положении и показывают нам, как мало изменилась человеческая природа за эти четыреста лет. Мор просто тихо и мягко посмеялся над ней и, несколько раз объяснив свою позицию с разных точек зрения, отказался спорить с ней, но, насколько это было возможно, занимал время ее визитов разговорами о других вещах. Как правило, ей было нетрудно отвлечься на любую другую тему, потому что она ни в чем не разбиралась глубоко и, главное, не имела ни малейшего намека на серьезное положение дел в Англии.

Его дочь Маргарет, о которой он так много думал, была гораздо более опасной соблазнительницей, чем миссис Мор, хотя, конечно, она не представляла себя ни в какой подобной роли. Она рассказала эту историю в письме леди Аллингтон, падчерице Мора, поскольку его вторая жена ранее была замужем. Леди Аллингтон написала Маргарет длинное письмо, в котором она рассказала о своей беседе с Одли, лордом-канцлером, который пообещал помочь Мору, хотя и заявил, что решение находится в собственных руках Мора, если он отбросит свою глупую щепетильность. Одли сказал леди Эллингтон, что "он поражен тем, что Мор был настолько упрям в своем собственном тщеславии в материях, что никто не колебался, кроме слепого епископа [Фишера] и его самого". Всегда, когда жена или дочь приходили навестить его, они сначала молились вместе, и я могу сказать, что молитвы не были короткими, поскольку они включали Семь Покаянных псалмов, а также другие официальные молитвы. Когда Маргарет заговорила о письме леди Эллингтон и о том, как упрямство Мора отталкивало его друзей, он, улыбаясь, назвал ее госпожой Евой, искусительницей, и спросил, не сыграла ли его дочь Эллингтон с ней злую шутку, "и письмом заставила тебя снова прийти и искушать своего отца, а за оказанную тебе услугу заставить его поклясться против своей совести и таким образом отправить его к дьяволу".

Именно в это время он особо подчеркнул тот факт, что каждый должен сам разобраться со своей совестью. У нас есть стенографический отчет одного из его разговоров с дочерью, в котором эта позиция очень сильно подчеркивалась:

- Воистину, дочь моя, я никогда не собираюсь вкладывать свою душу в спину другого мужчины, даже самого лучшего из живущих, кого я знаю. Ибо я не знаю, куда он может отнести это. Нет на свете человека, в котором, пока он жив, я мог бы быть уверен. Кто-то

может делать это из благосклонности, а кто-то из страха, и поэтому они могут направить мою душу по ложному пути. И кому-то могло бы прийти в голову замутить себе мозги и подумать, что если бы он сделал это из страха, Бог простил бы это. И некоторые, возможно, думают, что они покаются и покаются в этом, и что таким образом Бог дарует им это. И некоторые, возможно, считают, что, если они говорят одно, а думают при этом противоположное, Бог больше заботится о сердце, чем о языке; и что, следовательно, их клятва основывается на том, что они думают, а не на том, что они говорят. Но, положив руку на сердце, Маргарет, я не могу использовать подобные способы в столь важном деле.

Несмотря на это, Маргарет по-прежнему настаивала на том, что его не просили клясться против своей совести, чтобы составить компанию другим, а проинструктировали изменить свою совесть, исходя из соображений, что такие-то и такие-то многие люди считают присягу законной и даже обязанностью, поскольку этого требует парламент.

Бриджитт в своей "Жизни сэра Томаса Мора" приводит некоторые подробности завершения дискуссии, представляющие чисто человеческий интерес: "Когда он увидел свою дочь после этой дискуссии, сидящей очень печально, не из-за страха, который она испытывала за его душу, а из-за временных последствий, которые она предвидела, он снова улыбнулся и воскликнул: "Как теперь, дочь Маргарет? Что теперь, мать Ева? Где сейчас твой разум? Сиди, а не размышляй с какой-нибудь змеей в груди, о каком-нибудь новом убеждении еще раз предложить отцу Адаму яблоко".

"По совести говоря, отец, - ответила Маргарет, - я больше не могу идти. Ибо, поскольку пример стольких мудрых людей не может тронуть вас, я не вижу, что еще сказать, разве что попытаться убедить вас доводами, приведенными мастером Гарри Паттенсоном". (Следует помнить, что Паттенсон был шутом Мора, ныне находящимся на службе у лорд-мэра.) "Ибо, - продолжала Маргарет, - однажды он встретил одного из наших людей, и когда тот спросил, где ты, и услышал, что ты все еще в Тауэре, он рассердился на тебя и сказал: "Да что с ним такое, что он не хочет клясться? Почему он должен придерживаться клятвы? Я сам принес эту клятву." И вот, - говорит Маргарет, - я поклялась". На это Мор рассмеялся и сказал: "Это слово тоже было похоже на Еву, потому что она предложила Адаму плод не хуже, чем съела сама".

Все подробности сцен его смерти сами по себе представляют глубокий интерес. Он был готов повиноваться королю во всем, за исключением тех случаев, когда, по его мнению, была затронута его совесть. Когда они пришли просить его не произносить речь на казни, потому что король этого не хотел, он очень просто поблагодарил их и сказал, что рад, что ему передали пожелания короля, и что он, несомненно, им подчинится. Он добавил, что у него было намерение что-то сказать, но сейчас он воздержится. Когда до его сведения было доведено, что одежда, которую он наденет, перейдет в собственность палача, и что, следовательно, чем хуже он будет одет, тем меньше его потери, он спросил, есть ли кто-нибудь, кто мог бы оказать ему большую услугу, чем собирается оказать палач, и что он предпочел бы надеть свое лучшее. Он действительно надел их, когда губернатор объяснил ему, что это плохой прецедент, и затем он сменил их на другие. Он был все тем же кротким джентльменом во всем, хотя можно было бы ожидать, что его настойчивость в отношении своей совести в отличие от настойчивости всех остальных укажет на него как на упрямого человека, абсолютно непоколебимого в своих собственных мнениях.

Юмор, который характеризовал всю его жизнь и который так понравился его друзьям, не покидал его до самого конца. За двадцать лет до этого Эразм писал об этом, каламбурил над названием, *Encomium Moriae*, используя греческое слово *Moria* для обозначения глупости.

Годы и высокий пост, серьезные преследования, жестокое тюремное заключение, возвышенные решения, влекущие за собой смерть, - все это не уничтожило его. Когда он собирался взойти на эшафот, ступени этого сооружения оказались довольно шаткими, и он попросил, чтобы ему помогли подняться, хотя что касается спуска, он сказал, что чувствует, что ему, возможно, придется передвигаться самому. На эшафоте он представился палачу, преподнес ему подарок, а затем, когда он клал голову на плаху, наступив на бороду, которую он не привык носить до того, как попал в тюрьму, он откинул ее в сторону, сказав: "По крайней мере, это не привело к государственной измене". Все остальное было безмолвным общением со своим Богом.

Так умер один из величайших людей своей расы - великий по интеллекту, сочувствию, практической философии, великий прежде всего по характеру. *Totus teres atque rotundus.*

О его казни лорд Кэмпбелл в своих "Жизнеописаниях лорд-канцлеров Англии" сказал: "Учитывая великолепия его таланта, величие его достижений и невиновность при его жизни, мы все равно должны рассматривать его убийство как самое страшное преступление, которое когда-либо совершалось в Англии в рамках закона".

Завершая свою биографию Мора в "Жизнеописаниях лордов-канцлеров", лорд Кэмпбелл, который совершенно не сочувствовал религиозным взглядам Мора и который совершенно уверен, что Реформация принесла Англии огромную пользу, заявил:

"Я действительно неохотно прощаюсь с сэром Томасом Мором не только из-за его приятных качеств и экстраординарных заслуг, но и из-за моего отвращения к подлым, грязным, беспринципным канцлерам, которые сменили его и сделали вторую половину правления Генриха VIII самым позорным периодом в наших анналах".

МАТТЕО ЧИВИТАЛЕ, ФЕЙТ (БАРДЖЕЛЛО)

ГЛАВА V

РЕФОРМАТОРЫ

В течение последней четверти века правления Колумба Европа была очень серьезно встревожена, и умы людей были сильно заняты движением, которое в англоязычных странах стало называться, по крайней мере, "реформацией", хотя многие историки сейчас предпочитают говорить о нем как о религиозном восстании в Германии в шестнадцатом веке. Нет никаких сомнений в том, что это движение было вызвано волнениями - политическими, социальными и религиозными, - охватившими людей в то время. Научные достижения благодаря изучению греческой и латинской классики пробудили умы людей. Великие достижения в искусстве и архитектуре еще больше пробудили в них чувство собственного могущества. Внедрение греческих идей в современный мир привело к великому развитию науки. Колумб, находившийся в значительной степени под влиянием классических исследований, инициировал движение, которое произвело революцию в мышлении людей относительно земли, на которой они живут. Коперник, которого учили люди, делавшие комментарии к Птолемею, видел дальше своих учителей и в то время подарил миру новую вселенную. Развивалась физическая наука, а биологическая наука, особенно во всем, что связано с анатомией и физиологией, получала удивительный импульс. Неудивительно, что люди чувствовали себя готовыми к переменам.

Прежде всего, полное изменение основы образования оказало глубокое влияние на людей. На протяжении веков образование было связано с наукой, и особенно с этическими науками. Философия в ее различных аспектах составляла учебную программу старых университетов. Метафизика, логика, риторика, грамматика, этические философии или, как мы бы сказали, науки о мире, о мышлении, о речи, а также политические и моральные науки, хотя, конечно, также математика, музыка и астрономия, были предметами особого внимания. Теперь мужчин обучали с помощью классики, Нового Обучения, как это называлось. Вполне естественно, что они узнали о них гораздо больше, чем когда-либо имели возможность узнать их отцы, и, прежде всего, они пришли к выводу, что это настолько важнее всего, чему учили их отцов, что подрастающее поколение было совершенно уверено, что они знают намного больше, чем знали предыдущие поколения. Соответствующее состояние ума сложилось в наше время, когда в результате постепенной замены классики в университетских программах естественными науками возникло другое поколение, получившее образование, совершенно отличное от своих предков. То, что стало называться модернизмом, который лучше всего определить как ощущение того, что в наше время мы знаем намного больше, чем знали наши предки, и вряд ли можно ожидать, что мы самодовольно примем философию и религию, которые их удовлетворяли, на самом деле является интеллектуальным движением, очень похожим на то, которое можно было отметить почти повсеместно в век Колумба.

Картина этого, нарисованная Янсеном в его "Истории немецкого народа" (Т. III, стр. 17), вряд ли может не привлечь внимания из-за своего предвосхищения того, что обычно считается вполне современными идеями. Было то же самое отсутствие уважения к старым временам, то же чувство, что до своего драгоценного времени люди действительно знали недостаточно, чтобы быть способными серьезно задуматься о Церкви и христианстве, и та

же тенденция высмеивать обычаи старых времен просто из-за неспособности понять дух, стоящий за ними. Этот отрывок становится тем более интересным, если вспомнить, что почти каждый из людей, которые таким образом в молодые годы были так уверены в провале Церкви в ее миссии, возвращались к нему позже и признавали, что без христианского единства и даже догматизма, который ранее он так презирал, не могло быть настоящей церкви. Янссен сказал:

"Эразм, однако, серьезно предложил пересмотреть доктрины, заложенные ранней Церковью. Он был склонен рассматривать сделки, споры и доктринальные решения христологического периода как первый шаг в непрерывном разложении Церкви. С тех пор Церковь, по его мнению, отошла от своей "древней евангельской простоты"; богословие стало подчиняться казуистической философии, которая, в свою очередь, выродилась в схоластические методы, с помощью которых было фактически разрушено христианское учение и христианская жизнь. На протяжении всей своей литературной карьеры он вел войну против этой бесплодной схоластики с язвительностью, не имеющей аналогов, и ее представители были мишенью для его насмешек и презрения. С тех пор, как установилось господство этой схоластики, весь западный мир, заявлял он, был подвержен духу иудаизма и фарисейства, которые сокрушили истинную жизнь христианства и теологии и превратили ее в простую монашескую святость и пустой церемониализм.

"Презрение к средневековью как к периоду тьмы и духовного рабства, софистики в обучении и простой **внешности** в жизни и поведении зародилось у Эразма и его школы и было передано ими более поздним так называемым реформаторам. Благодаря высокому уважению, которым пользовался Эразм за его культуру и ученость, его ироничные и клеветнические труды, направленные против средневековой культуры, а также против влияния Церкви и традиций христианских школ, долгое время оставались неоспоримыми".

Неудивительно, что очень многие люди считали, что религия и философия жизни, которые были достаточно хороши для их предков, недостаточно хороши для них, потому что они думали, что они намного выше своих предков во всех интеллектуальных достижениях. Как следствие, произошла великая религиозная революция, которая с тех пор потрясла западное христианство. Писатели рассматривали это со многих и разных точек зрения и соглашались расходиться во мнениях относительно его значения. Место, отведенное этому революционному движению в истории, полностью зависит от автора, рассказывающего о нем. Для некоторых историков это было великое движение за свободу человека и источник практически всех благ современной цивилизации. Для других это была главным образом политическая реакция, вызванная амбициозными монархами, соблазненными идеей управлять Церковью так же, как государством, и, прежде всего, обогатиться за счет конфискации церковного имущества. Эти два противоречивых взгляда постепенно приводятся к некоторой гармонии. Потребовалась вся мощь современной научной и критической истории, а также изучение оригинальных и современных документов и их критическая оценка, чтобы немного приблизить нас к истине. Мы пока не в состоянии ясно видеть это. Но мы гораздо ближе, чем когда-либо прежде, и будущее является самым многообещающим.

Между тем, единственный способ конкретно и объективно рассматривать реформаторское движение на его месте в Столетьи Колумба - это рассматривать его, как и все другие важные фазы деятельности того периода, через жизнь людей, которые являются признанными лидерами и первопроходцами в нем. Есть трое, которые, хотя и совершенно не симпатизируют друг другу, несут большую ответственность за разделение Западного христианства, чем кто-либо другой. Это Лютер в Германии, Кальвин во Франции и

Швейцарии, а также Нокс в Шотландии и, наконец, Генрих VIII в Англии. Несомненно, все трое этих мужчин обладали огромной силой характера, обладали личностью, которая позволяла им доминировать над другими. Кроме того, Лютер и Кальвин были мастерами энергичного стиля в просторечии, когда этот способ выражения был достаточно редким, чтобы иметь власть над массами людей в их соответствующих странах. До этого времени ученые всегда использовали латынь для научных дискуссий на религиозные темы, но теперь они были перенесены на форум популярных дебатов благодаря использованию местного наречия. Прежде всего, каждому человеку было сказано, что все, что ему нужно сделать, это прочитать Священные Писания, истолковать их для себя и создать свою собственную религию без необходимости подчиняться какому-либо авторитету. Халлам заявляет, что "нельзя отрицать, что реформа была проведена путем стимулирования самых невежественных людей отвергнуть авторитет своей Церкви", хотя в комментарии он добавляет, что "она мгновенно лишила их свободы суждения и обрек всех, кто осмеливался отклоняться от линии, проведенной законом, на яростную клевету, а иногда и на узы и смерть".

Лорд Эктон однажды заявил, что самой сложной проблемой в написании исторических текстов было бы достижение согласия между убежденным католиком и убежденным протестантом при описании жизнеописаний реформаторов, и особенно Лютера. Было написано очень много жизнеописаний трех упомянутых нами людей, и предложение лорда Эктона вполне можно повторить в отношении почти всех из них. Однако в последние годы благодаря публикации современных документов, последовавшей за открытием архивов и научным развитием истории, стало возможным получить относительно них реальные факты, а не мнения, и сейчас мы, вероятно, в лучшем положении, чтобы судить о них и о движении, с которым их имена и деятельность так тесно связаны, чем любое поколение с тех пор. Как заявили редакторы "Кембриджской современной истории" в своем предисловии, "длительный заговор против раскрытия истины постепенно потерпел крах". "Ввиду изменений и достижений, подобных этим (печать архивов), для историка нашего времени стало невозможным безоговорочно доверять даже самым уважаемым второстепенным авторитетам. Хотя мы не можем получить окончательную историю в этом поколении, традиционная история может быть отброшена и может быть показана точка, которая была достигнута на пути от одного к другому". Эти выражения более верны по отношению к истории Реформации и реформаторам, чем к любому другому периоду и людям.

Все обобщенные объяснения движения Лютера, которые раньше принимались для объяснения Реформации и ее прогресса, теперь были определенно отвергнуты почти всеобщим консенсусом историков. Реакция началась по меньшей мере поколение назад. Халлам в своем "Введении в историю литературы" сказал:

"Какими бы ни были наши предубеждения относительно истинности доктрин Лютера, мы должны быть осторожны, рассматривая Реформацию как часть истории человечества, чтобы не быть введенными в заблуждение поверхностными и необоснованными представлениями, которые мы иногда находим у современных авторов. Например, то, что Лютер, пораженный абсурдностью господствующих суеверий, желал ввести более рациональную религиозную систему; или что он боролся за свободу исследования и безграничные привилегии индивидуального суждения; или то, что другие изволили предположить, что его рвение к знаниям и древней философии привело его к нападкам на невежество монахов и коварную политику Церкви, которая противостояла всем либеральным исследованиям. Эти представления являются всего лишь ошибочными

уточнениями, что должен признать каждый здравомыслящий человек, знакомый с ранними реформаторами или изучавший их историю ".

Недавние исторические исследования все больше и больше подчеркивают, что движение не было религиозным ни в каком смысле, кроме поверхностного, и что силы, собравшиеся за спиной Лютера, были политическими. У правящих князей была возможность стать одновременно главой Церкви и государства в своих владениях и, прежде всего, завладеть собственностью Церкви и разделить ее со знатью или своими приближенными, тем самым укрепляя свою власть над правительством и обеспечивая расширение власти. В наши дни мы знаем всемогущую силу политического взяточничества и то, как оно подрывает честность и развращает характер. В период Реформации повсюду можно легко проследить его следы.

Лютер был не только первым, но и самым важным из этих реформаторов. По поводу истинного значения его работы было больше споров, чем по поводу любого другого. Несомненно, он был лидером, благодаря которому произошла религиозная революция того периода. У него были предшественники, но работа ни одного из них не имела такого значения, как его. За последние десять лет в его истории произошла революция. Денифле, великий историк средневековых университетов, опубликовав все документы, которые показывают худшую сторону характера Лютера, вызвал большой переполох в Германии. Более поздняя жизнь реформатора Гризара, в соответствии с традициями его ордена, гораздо более иренична, но при этом очень ясно показывает, как многие из общепринятых благоприятных впечатлений о Лютере противоречат многим недавно обнаруженным материалам о его жизни, которые теперь доступны. Только те, кто читал эти книги, могут претендовать на знание реалий истории религиозного восстания в Германии, хотя даже их, вероятно, не следует рассматривать как представляющие истину в последней инстанции.

Что касается Лютера и других реформаторов, а также значения всего движения, я предпочел цитировать только протестантские авторитеты, чтобы избежать почти неизбежной предвзятости моего собственного образования и среды. Даже при этом я могу только надеяться дать приблизительно беспристрастное обсуждение этих людей, чья работа, как я вижу, нанесла больший ущерб развитию человечества во всех направлениях мысли, чем что-либо еще в современной истории.

История ранней жизни Лютера, о несчастьях в его семье, о внезапной смерти его друга, которая заставила его отказаться от карьеры адвоката и уйти в монастырь, - все это, благодаря наследственности и личному характеру, показывает его как человека с сильными импульсами, управляемого ими. Нет никаких сомнений в том, что в первые годы своей монашеской карьеры Лютер был счастлив и что рассказы о его несчастье основаны на его собственных необдуманных высказываниях в более поздней жизни, которым противоречат документы, написанные в более ранние годы. Доктрина индульгенций, против которой он так яростно выступал, в высшей степени открыта для злоупотреблений, как и сама религия - и, несомненно, подвергалась злоупотреблениям в его время, но учение Церкви по этому вопросу остается в точности таким, каким оно было во времена Лютера и до него, и с тех пор было принято разумными членами Церкви. Новообращенные, подобные Ньюману или Мэннингу, не говоря уже о многих других людях нашего времени, без труда принимают это, как только они это понимают. Протестантские аргументы, основанные на этом, полностью объясняются непониманием истинного значения позиции Церкви в этом вопросе. Только те, кто не *хочет*, не могут этого понять. Заявление Лютера о том, что он находил доктрину индульгенций слишком трудной для понимания, является одной из тех интересных идей относительно его ранней карьеры, которые со всей искренностью сформировались в его

сознании позже, но которым противоречат его собственные труды, поскольку от него исходит замечательная проповедь на тему индульгенций, содержащая превосходное изложение учения Церкви.

Лютер постепенно превратился в одного из тех людей, которые так часто встречаются в мировой истории, которые совершенно уверены, что мир неправ почти во всем и что они рождены, чтобы все исправить. Они полностью верят в себя, у них есть огромный запас энергии, которую можно черпать, они обычно обладают сильной способностью к самовыражению, и есть большое количество людей, ожидающих, что они поведут их за собой, и немало желающих воспользоваться для своих собственных целей движением, которое создают беспокойные. Теперь хорошо известно, что подавляющее большинство людей не думают самостоятельно, но готовы принять мысли других людей и часто более склонны доводить такие мысли до логических выводов или, по крайней мере, пытаться приспособить их к практической жизни, чем оригинальные мыслители. Судьба поколения зависит от того, кого оно выберет в качестве своих лидеров. К сожалению, выбор часто бывает не совсем добровольным, а навязывается людям условиями, или они навязываются гениальной привлекательностью лидера, а иногда даже в большей степени теми, кто собирается вокруг него в начале движения и помогает придать ему импульс.

Отношения Лютера с Цвингли, швейцарским реформатором, яснее, чем что-либо другое, демонстрируют характер реформатора, его уверенность в своей божественной миссии и абсолютную уверенность в том, что у него есть миссия, направленная Небесами. Цвингли не согласился бы с интерпретацией Лютером учения о Тайной вечере. Они начали предавать друг друга анафеме, и по наущению друзей встретились на конференции, где каждый заявил о победе в споре. Цвинглианцы, похоже, действительно признали силу доводов Лютера, но не осмелились полностью уступить, и когда они вернулись по домам, Цвингли очень презрительно отозвался о доводах своего противника и громко заявил, что полностью победил его. Это вызвало у Лютера несколько резких обвинений, и среди прочего Лютер написал Якобу Пробсту из Бремена следующее:

"Хвастаясь тем, что я был побежден при Марбурге, священнослужители поступают по своему обыкновению. Ибо они не только лжецы, но и сама ложь, обман и лицемерие, как показывают Карлштадт и Цвингли как на деле, так и на словах. В Марбурге они отменили, как вы можете видеть из составленных там статей, то, чему до сих пор учили в своих пагубных книгах, касающихся крещения, использования таинств и проповеди слова. Мы ничего не отменяли. Но когда они были побеждены также и в вопросе о Вечере Господней, они не пожелали отказаться от своего положения, хотя и понимали, что оно несостоятельно, потому что они боялись своего народа, к которому они не смогли бы вернуться, если бы отреклись".

Он так и не простил Цвингли, и когда некоторое время спустя швейцарский реформатор, исполнявший обязанности капеллана швейцарской протестантской армии в битве со швейцарскими католическими кантонами, был убит, Лютер объявил это событие особым промыслом Провидения. Он был полностью убежден, что на него снизошел особый дух пророчества и что он был вдохновлен осудить Цвингли и объявить, что его гибель не за горами. После известия о печальной безвременной кончине Цвингли он написал своему другу Линку:

"Мы видим Божий суд во второй раз - сначала в случае с Мюнцером, а теперь и с Цвингли. Я был пророком, когда сказал: "Бог недолго будет терпеть эти безумные и яростные богохульства, которыми они изобилуют, смеясь над нашим хлебом, сотворенным Богом, и называя нас плотоядными, дикарями, кровопийцами и другими ужасными именами".

Это преувеличение собственной значимости и убежденность в своих близких отношениях с Божеством с течением времени становились все более и более очевидными. Зрелище отнюдь не непривычное, хотя обычно оно носит патологический характер, и всегда вызывает удивление то, сколько последователей такие персонажи способны собрать вокруг себя в любой момент истории расы. Именно этот аспект жизни Лютера и психическое развитие его карьеры привлекли особое внимание историков в последние годы и получили множество иллюстраций из доселе неиспользованных оригинальных документов.

В некоторых недавних исследованиях о Лютере, написанных теми, кто пытается представить как можно более убедительные доводы со всей современной информацией, которая сейчас доступна, есть несколько очень проливающих свет отрывков о характере реформатора, который традиционно считался великим религиозным лидером. Например, объяснение того, как Лютер разрешил ландграфу Филиппу Гессенскому взять вторую жену, очень беспокоит тех, кто думает о нем как о реформаторе религии. Макгифферт в своей книге "Мартин Лютер, человек и его работа" (Нью-Йорк, 1912) многое говорит о разрешении, несомненно, предоставленном не только Лютером, но и Меланхтоном на это двоеженство, а затем о предлагаемом отказе в браке, который, если возможно, более тревожит современный мир, чем само разрешение. Макгифферт сказал (стр. 364):

"Предложенный отказ от брака, который, кажется, проливает столь зловеющий свет на все дело, Лютер обосновал несколько софистически, апеллируя к традиционной максиме о неприкосновенности исповеди, требующей от священника, в случае необходимости, говорить неправду, а не разглашать ее секреты. Он оправдывал это также более фундаментальным принципом, согласно которому высшим этическим мотивом является забота о благе нашего ближнего, и лучше солгать, чем причинить ему вред. Этот принцип, которому учили не только немногие учителя этики нашего времени, но и других эпох, он часто выражал".

Макгифферт, при всех его очевидных усилиях защитить Лютера, откровенно говоря, считает весь этот инцидент чересчур. Он сказал (стр. 366):

"С любой точки зрения двоеженство ландграфа было позорным делом, а согласие Лютера - самой серьезной ошибкой [!] в его карьере. Он действовал добросовестно [!], но с прискорбным недостатком моральной проницательности и исключительным отсутствием

проницательности и дальновидности. Одобрить отношения, столь унижительные для вовлеченных в них женщин и столь подрывающие одну из самых священных гарантий общества, означало проявить слишком мало тонкости моральных чувств и уверенности в моральных убеждениях; в то время как быть так легко обманутым распутным принцем было не большей честью для его проницательности, чем думать, что такое дело можно сохранить в секрете от его проницательности ".

Тот же самый биограф подвел итог последним годам жизни Лютера, о которых у нас сохранилось так много записей в виде писем и различного рода документов. Как говорит Макгифферт: "В его более поздних работах почти нет признаков ослабления сил. Тот же Лютер все еще говорит в них со всем колоритным юмором, едкой сатирой и грубой бранью своих лучших дней". Он продолжает (стр. 373):

"Несмотря на разнообразие его занятий, последние годы его жизни были далеки от счастливых. Со временем он стал более придирчивым, нетерпеливым и ожесточенным. Кажется, его реже, чем в прежней жизни, беспокоили сомнения относительно его собственного духовного состояния и божественной миссии, но, соответственно, он впал в уныние из-за результатов своих трудов и недостойности своих последователей. Вместо того чтобы обнаружить, что благодаря его евангелию мир превратился в рай, он увидел, что все идет по-прежнему, и его сердце заболело от разочарования. Первый прилив энтузиазма прошел, и радость боя прошла, у него было время понаблюдать за результатами своей работы, и они были ему отнюдь не по вкусу.

"Условия даже в самом Виттенберге были ему не по душе. Он чувствовал, что в этом центре евангельского света должны быть преданность и чистота, которых больше нигде нет. Вместо этого, по мере того как город увеличивался в размерах и значимости, а нравы несколько утрачивали свою прежнюю простоту, его чрезмерно чувствительному человеку казалось, что все быстро идет к худшему".

Кальвин, как и Лютер, был еще одним из этих энергичных деятельных духов, столь распространенных в это время Возрождения, который чувствовал, что у него есть особое призвание Свыше - учить мир доктринам, сильно отличающимся от тех, которые были получены ранее. Как и Лютер, он тоже использовал свой родной язык в речи и письме с силой и оригинальностью, которые делают его одним из основоположников прозы своего языка. С самой ранней юности отличавшийся очень серьезным нравом, не проявлявший никакого интереса к играм и забавам, которыми увлекались его коллеги-ученые, избегавший общества и его удовольствий, склонный порицать все, что не было глубоко серьезным, и осуждать все, что отдавало легкомыслием, он находил множество возможностей для реформ. Суровый в высшей степени к самому себе, он считал расслабление почти греховным. Он настаивал на том, чтобы другие придерживались того же режима, и даже обычные развлечения в жизни считал грехом. Ему совершенно не хватало той склонности к здоровым, счастливым и сердечным развлечениям, которая является признаком крепкого здоровья ума и тела и наилучшим из возможных доказательств абсолютного здравомыслия. Старая Церковь поощряла развлечения людей. Кальвин сделал кардинальным принципом религии то, что ничего из этого не должно было быть. Вероятно, он несет за это ответственности не больше, поскольку это произошло из-за недостатка чего-то в нем, чем дальтоник за неспособность воспринимать цвета.

Бедный Кальвин, не обладавший способностью расслабляться, настаивал на том, что другие не должны потакать своим слабостям, и сделал основой своей религии утверждение, что любое подобное потакание своим слабостям греховно. Исходя из этого, прийти к учению о

предопределении к вечному наказанию было несложно. Бог, который хотел, чтобы жизнь проходила без развлечений, наверняка не постеснялся бы обречь большинство Своих созданий совершенно без их вины на вечное наказание. Почему, когда люди создают своих богов, они делают их хуже самих себя? Даже мудрые греки не избежали этой ловушки.

Всегда есть множество людей, готовых последовать за любым, кто провозглашает любую доктрину, какой бы неразумной она ни казалась, если только он решительно настаивает на своей вере и если он, очевидно, сам искренне верит в нее. Кальвин был одним из доминирующих духов, которые легко получают контроль над другими, и его суровость к самому себе привлекла многих мрачных людей вокруг него к преданности его делу, которая граничила с богослужением. Они даже позволяли управлять собой его жесткой руке, и, вероятно, никогда не было места, где человеческой природе уделялось меньше внимания, чем в Женеве в те дни, когда Кальвин правил там железным жезлом и когда его особый метод реформирования религии был так безоговорочно принят. Суровым шотландцам эта суровая доктрина особенно понравилась, и ученик Кальвина, Нокс, пользовался в Эдинбурге почти таким же авторитетом, как и его учитель в Женеве.

Как и Лютер, Кальвин до конца своей жизни был глубоко разочарован Реформацией и ее влиянием на человечество. Прискорбные разногласия протестантов между собой, их готовность преследовать друг друга, их отказ допускать что-либо похожее на религиозную терпимость, прежде всего их неприятие, за исключением очень ограниченного числа, его собственных доктрин, заставили его не предвидеть в будущем ничего, кроме зла. Он знал, что глубоко взволновал человечество на Западе Европы, но он не мог предсказать ничего, кроме печальных результатов от условий, которые он видел вокруг себя. Однажды он сказал: "Будущее ужасает меня. Я не смею думать об этом. Если Господь не спустится с небес, нас поглотит варварство".

ГОЛЬБЕЙН, ГЕНРИХ VIII (ЛОНДОН)

Пятно, запятнанное именем Кальвина казнью Сервета, было смягчено его приверженцами, но уверенность в его полной враждебности к несчастному физиологу, который настаивал на том, чтобы заняться теологией в опасное время, теперь улажена. Задолго до казни Сервета в Женеве Кальвин фактически обеспечил с помощью своей хорошо развитой системы шпионажа и доноительства, распространившейся даже на католические страны, преследование Сервета католическими церковными властями Франции. Детали этого теперь прослежены очень четко. Когда Сервет, думая найти защиту там, где проповедовалась свобода толкования Священных Писаний, приехал в Женеву, его судьба была решена. Сам Кальвин сделал личным делом обеспечение своего осуждения и приведение его в исполнение. Многие реформаторы официально соглашались с тем, что действия Кальвина в данном случае были в высшей степени правильными, и даже мягкий Меланхтон не осудил бы их. Ничто так четко не проясняет, как это, что заявление о Реформировании, направленное на поощрение свободы мысли, полностью основано на неправильном представлении о том, что пытались сделать реформаторы. Реформаторы хотели свободы религиозного мышления для себя, но они не были готовы предоставить ее другим. В конце концов, нам, американцам, не нужно обращаться к зарубежной истории, чтобы очень хорошо понять это, поскольку пуританские последователи Кальвина, изгнанные из Англии англиканскими религиозными преследованиями и нетерпимостью,

обосновались в Новой Англии, где они практиковали жесточайшую нетерпимость и категорически отказывались позволять кому-либо жить в их общинах, если он или она, как на собственном опыте узнала Энн Хатчинсон, не подчинялись их религиозным догматам и практикам.

В истории Генриха VIII меньше того, что могло бы вызвать разногласия у историков. Его популярность объясняет революционные изменения, произошедшие в правительстве и религии Англии. Он влюбился в женщину моложе и красивее своей пожилой жены, которая более двадцати лет была, как он сам признавался, его верной, любящей супругой, а потом на его совести оказался его первый брак. Последующие браки - лучший комментарий к этому объяснению. Его отец, Генрих VII, оставил ему полную казну, и сын щедро тратил ее в первые годы своего правления, и в конце концов знаменитое Месторождение Золотой парчи почти исчерпало ресурсы короны. Многие дворяне буквально несли свои поместья на спине и возвращались из Франции заложенными с такой большой суммой, что власть дворян была сломлена. Это сделало большинство из них полностью зависимыми от короля. Когда начались проблемы с Церковью, сам король и большинство знати были весьма рады возможности получить во владение церковную собственность, поместья крупных монастырей и многочисленные фонды благотворительных и социальных целей, которые существовали в связи с церковными обществами. Все это вполне могло быть подпадает под действие закона о конфискации, чтобы пополнить королевскую казну или, по крайней мере, достаться выжидающей подхалимажной знати.

Вопрос, на который многие не смогли удовлетворительно ответить для себя, заключается в том, как у них могли отнять религию целого народа при таких отвратительных обстоятельствах, если они действительно придерживались ее. Предполагалось, что перемена стала возможной только благодаря тому факту, что на протяжении веков в Англии росло чувство оппозиции иностранному духовному правителю, Папе Римскому, и что кульминацией этого стало правление Генриха VIII, позволившее ему возглавить Английскую церковь. Джеймс Гэрднер, однако, полностью развеял эту идею, хотя сам был англиканцем и, подобно Огастесу Джессопу, продолжал придерживаться Англиканской церкви. В своей книге о лоллардизме он показывает, что не было широко распространенного растущего чувства неприятия Рима, и что, хотя, конечно, иногда, когда между короной и папой возникали разногласия, раздавался ропот о духовном неповиновении, который принимал форму, выраженную Шекспиром устами короля Иоанна в его пьесе, это были лишь временные и индивидуальные чувства, а вовсе не растущее чувство широкого распространения. Англия до времен Генриха была одной из самых верных стран Европы в поддержке папства и продолжала оставаться таковой до тех пор, пока действительно не произошли перемены.

На самом деле, народ Англии был лишен своей религии сначала обманом, а затем и насилием. Они не меняли ее добровольно. Они были глубоко привязаны к своей церкви и духовенству. Огастес Джессоп в своей книге "Перед великим разграблением" рассказал историю духовенства до реформации. Он сказал: "Если взять все это в целом, я не могу устоять перед впечатлением, которое становилось все глубже и глубже по мере того, как я читал и размышлял, что приходское духовенство Англии в течение столетий между Завоеванием и Реформацией всегда насчитывало среди себя лучших людей своего поколения". Он перекликается с картиной Чосера о деревенском священнике, который "делал так же хорошо, как и учил". Джессоп добавляет: "Не раз и не два в нашей истории можно было встретить таких приходских священников, которые вставали на сторону народа против тех, кто находится у власти, и избирались народом в качестве своих выразителей, когда их обиды становились невыносимыми". Что касается предполагаемой

коррупции в монастырях, то это было опровергнуто всеми тщательными расследованиями последних лет, пока не стало совершенно ясно, что злоупотребления были не больше, чем можно ожидать в любое время, поскольку мужчины - всего лишь люди. Доказательств коррупции было очень мало, а то, что есть, было явно собрано таким образом, чтобы позволить государственным органам обосновать свою твердую цель конфискации имущества. Важна была потребность в деньгах.

Почти столетие назад Коббетт в своей "Истории английской реформации" обнаружил, что почти невозможно подобрать достаточно сильные слова, чтобы выразить свои чувства по отношению к людям, которые привели к английской реформации. В то время его высказывания считались сильно преувеличенными и результатом его склонности употреблять крепкие выражения. В наше время они все еще остаются радикальными по своей моде, но большинство авторов теперь согласны с существенной правдивостью фактов, на которых они основаны. Когда вспоминается, что миллионы людей на протяжении веков думали о Реформации как об одном из величайших благословений для человечества и источнике почти всех благ, которые мы имеем в наше время, действительно поражает чтение слов Коббетта, однако Коббетт специально изучал свой предмет, он был великим практичным исследователем, который хорошо знал свои исторические источники, который обратился непосредственно к ним и который был потрясен разницей между обычными впечатлениями, создаваемыми историками в религиозных и политических целях, и реалиями, которые он обнаружил. Неудивительно, что он разразился в своей решительной манере:

"Реформация, как ее называют, была (в Англии) порождена звериной похотью, порождена лицемерием и вероломством, взлелеяна и подпитывалась грабежом, опустошением и реками невинной английской и ирландской крови".

Маколей описал характер тех, кто был в наибольшей степени ответственен за смену религии, так называемую реформацию в Англии, словами, которые кажутся странными, учитывая, что сам он никогда бы не подумал подчиниться "римскому игу" и, кажется, даже чувствовал, что было совершено великое благо, хотя и такими мерзкими средствами. В своем "Очерке конституционной истории Халлама" он говорит, что реформаторами были:

"Король, чей характер лучше всего можно описать, сказав, что он был олицетворением самого деспотизма; беспринципные министры; алчная аристократия; раболепный парламент. Таковы были инструменты, с помощью которых Англия была освобождена от римского ига. Работа, начатая Генрихом, убийцей своих жен, была продолжена Сомерсетом, убийцей своего брата, и завершена Елизаветой, убийцей своего гостя".

Некоторые из самых недостойных мотивов и вспомогательных факторов были замешаны в реформаторском движении. В самом деле, из некаатолических источников можно собрать больше горьких обвинений в адрес людей, сделавших возможной Реформацию, чем в отношении почти любой группы людей, достигших какой-либо другой цели в истории. Фредерик Харрисон, например, сказал: "Нельзя отрицать, что происхождение (английского) Истеблишмента замешано на грабежах, злоупотреблениях и интригах, что заметно даже в запутанных анналах шестнадцатого века; что в анналах черным по красному чередуются некоторые из самых черных страниц королевской тирании и правительственной коррупции".

Эндрю Лэнг цитирует профессора Ф. Йорка Пауэлла в описании того, как была вызвана реформация в Шотландии, выражаясь языком, который, по возможности, сильнее, чем у

Фредерика Харрисона: "Вся история шотландской реформации, выросшая из купленной измены и возмутительной нетерпимости, вылившаяся в открытое восстание и безжалостные преследования, оправданная только своими косвенными результатами, является, пожалуй, самой грязной и отвратительной историей, какую только могут показать анналы любой европейской страны".

Почти нет необходимости говорить, что, хотя Реформация была религиозным движением и, следовательно, можно было ожидать, что ее лидеры будут тесно связаны с личной святостью, вероятно, никому ни на минуту не придет в голову предлагать титул святого кому-либо из тех, чьи имена наиболее заметны в этом движении. Джону Уэсли, который пришел два с половиной столетия спустя, легко можно было бы приписать имя святой. Он был одним из тех добрых людей, заботящихся о других, не думающих о себе, особенно о бедных, чья личная победа много значила для его дела. Реформаторы шестнадцатого века, однако, были эгоистичными лидерами людей, с самосознанием великой цели и решимостью довести ее до конца, невзирая на страдания других, вовлеченных в это. В них было мало того, что вызывало симпатию, хотя все они обладали определенными неотразимыми качествами ума, но не сердца, которые привлекали к ним людей. Святость характера, в обычном понимании этого слова, вряд ли можно было бы рассматривать даже в отдаленной связи с ними. Все они были бойцами, и если другие страдали в конфликте, их это мало волновало, поскольку они чувствовали, что они правы и должны выполнять работу Господа во что бы то ни стало. Неудивительно, что в наше время профессор Бриггс из Юнион Теологической семинарии в Нью-Йорке, чей собственный религиозный опыт, должно быть, был для него таким просветляющим, анализируя период Реформации, предположил, что в то время были живы другие, более святые реформаторы, влияние которых, к сожалению, было недостаточно сильным, чтобы переломить ход революции, как только она началась.

В статье в *Independent* (Нью-Йорк), озаглавленной "Как мы можем стать более истинными католиками", профессор Бриггс сказал:

"В шестнадцатом веке были другие и в некоторых отношениях более великие реформаторы, чем более популярные герои Лютер, Цвингли и Кальвин. Сэр Томас Мор, величайший юрист своего времени, лорд-канцлер Англии, главный лидер реформ до Кранмера, отказался от своего высокого поста и пошел на плаху, вместо того чтобы признать верховенство короля в церковных делах; истинный рыцарь, мученик разделения гражданской и церковной юрисдикции. Эразм, величайший ученый своего времени, которого многие считали настоящим отцом Реформации, учителем швейцарских реформаторов, не желал погружать науку и мораль в океан человеческой крови. Он призывал к реформации, а не к революции. Популярное протестантское мнение веками считало его политическим распорядителем времени, но, несомненно, он был самым всесторонним реформатором из всех.

Джон фон Штаупиц, доктор богословия и генеральный викарий немецких августинцев, учитель Лютера и его советник на ранних этапах его реформы, человек незапятнанный и безупречный, Святой по общему мнению как протестантов, так и католиков, лучший представитель благочестия своего времени, был Апостолом Святой Любви и добрых дел, которыми он не пожертвовал бы в интересах протестантского догмата об оправдании только верой. Эти трое бессмертных, которые не отделили себя от Римско-католической Церкви, которые остались в Церкви, чтобы терпеливо продолжать работу по реформированию в ней, - эти трое были иреническими духами, героическими представителями всего истинно католического, маяками великой реформации, которая надвигалась".

ФИЛИППИНО ЛИППИ, МАДОННА С ЧЕТЫРЬМЯ СВЯТЫМИ

В последние годы эта позиция, занятая профессором Бриггсом, все больше и больше признается как истинная с исторической точки зрения. То, что было названо Реформацией, содержало в себе так много неудачных политических элементов, что его благотворная сила была растрчена злоупотреблениями, неизбежно связанными с политическими объединениями. Контрреформация, которая представляла собой реакцию на религиозный бунт начала шестнадцатого века, несла с собой более истинный дух христианства и постепенно собрала вокруг себя те силы культуры, социального подъема и политической свободы, которые больше всего значат для блага человечества и которые так хорошо процветали под покровительственной заботой христианства. Современный прогресс в этом направлении наступил только с разрушением идей и институтов, возвращенных реформаторами. Протестантизм вредил искусству, к сожалению, препятствовал образованию, разрушал архитектуру, сковывал философию, препятствовал учености и, прежде всего, разрушал образовательные и гуманитарные основы ради простой личной выгоды и лишал стимула к истинной благотворительности, его доктрина спасения верой лишь стирала божественное значение добрых дел. В Приложении некоторые из этих

моментов подчеркнуты цитатами известных авторитетов, которые суммировали различные этапы влияния Реформации. Эти писатели, хотя сами и симпатизируют реформаторскому движению в его идеалах, видят его пагубные последствия и оплакивают их.

ГЛАВА VI

ВЕЛИКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И СТРОИТЕЛИ ИМПЕРИЙ

Колумб был не первым великим успешным исследователем этого столетия, которого мы называли его именем. Многие отважные мореплаватели, особенно в течение полувека, предшествовавшего открытию Америки, бросали вызов опасностям океана, столь буквально непроходимого для них, чтобы пополнить знания человека. Большим стимулом для развития мореплавания и исследований стало повторное открытие португальцами островов Зеленого Мыса в 1447 году. После этого люди осмелились отправиться в плавание с определенной целью найти доселе неизвестную землю, и их храбрость была вознаграждена в 1460 году открытием Сьерра-Леоне. Принц Португалии Генрих тогда понял, что будущее его страны, оказавшейся зажатой в Европе, во многом будет зависеть от успеха ее мореплавателей. Он собрал воедино и систематизировал все доступные знания в области мореплавания и вполне заслуживает имени Генриха Мореплавателя. Именно под его вдохновением были исследованы побережье Африки, а также Сенегал и Гамбия. Вероятно, никто так сильно, как он, не помог избавиться от воображаемых ужасов морских глубин и не придал людям мужества отваживаться на все более и более глубокие исследования. Его великой целью было распространение христианства, и для этого он использовал все стимулы патриотизма и любую возможную помощь, которую каким-либо образом можно было получить от науки. Его имя прославило столетие Колумба.

Возможно, что старая традиция о том, что Генрих основал навигационный колледж и даже, как утверждают некоторые, астрономическую обсерваторию в Сагреше, недалеко от мыса Сент-Винсент, со специальной целью проведения наблюдений за склонением солнца для составления более точных навигационных таблиц, может быть благочестивым преувеличением горячих поклонников. Однако, несомненно, он много сделал для научного развития мореплавания и заложил традицию, которой хорошо следовали в Португалии. Иоанн II Португальский назначил комиссию по мореплаванию, состоящую из Родерика и Джозефа, его врачей, и Мартина Богемского. Они изобрели астролябию, хотя крестообразный посох еще некоторое время продолжал использоваться мореплавателями и был одним из немногих инструментов, которыми обладали Колумб и Васко да Гама. Мартин Кортес описал астролябию и показал, насколько она удобнее поперечного посоха для измерения высоты.

Во второй половине века правления Колумба португальцы совершили серию великолепных открытий. В 1486 году король Иоанн II назначил Бартоломью Диаса главой экспедиции, целью которой было обогнуть южную оконечность Африки. Генриха Мореплавателя привлекла история пресвитера Иоанна, легендарного христианского короля Абиссинии, который, как говорили, правил большей частью Африки. Христианские монархи Запада надеялись вступить с ним в контакт. Недавно поступили сообщения, по-видимому, подтверждающие эту традицию, и португальцы при короле Иоанне хотели установить с

ними дружеские отношения. Диаш отплыл в 1487 году, достиг устья Конго, которое было открыто годом ранее, прошел вдоль африканского побережья, вошел в залив Уолфиш и воздвиг колонну недалеко от нынешней Ангра-Пекенья. Затем шторм унес его далеко на юг, но после шторма он поплыл на восток и, повернув на север, высадился в заливе Моссел. Он проследовал вдоль побережья до залива Алгоа и Большой Рыбной реки. По возвращении он открыл мыс и дал ему название ***Cabo Tormentoso*** (Бурный, опасный мыс), но по прибытии домой король Иоанн предложил название, которое он носит до сих пор - мыс Доброй Надежды - очевидно, с желанием рассеять если не связанные с ним опасности, то, по крайней мере, ужас перед ними, который так наполнял умы людей. После этого добраться до Индии стало сравнительно легко, по крайней мере, Диаш показал дорогу, и проблема, которая занимала принца Генриха, связанная с соединением Востока и Запада, чтобы народы могли научиться обмениваться своими богатствами, дорогостоящими материалами Востока и религиозными сокровищами Запада, была решена.

Великая Португальская империя в Индии является примером построения империи в самых сложных обстоятельствах, что свидетельствует об энергии и предприимчивости, мужестве и успешных достижениях людей того периода. В те дни Индия находилась на очень большом расстоянии от Португалии. Мысль об отправке колонии, людям которой предстояло совершить долгое плавание вокруг мыса Доброй Надежды со всеми его опасностями, была смелой мыслью, доходившей почти до отваги. Однако в течение жизни одного поколения эта империя стала замечательным источником дополнительной власти и дохода для метрополии. Бартоломью Диаш больше, чем кто-либо другой, добился этого для Португалии, но было большое количество храбрых людей с высокими административными способностями, которые помогали в этой работе. В то время у Португалии было преимущество в том, что она произвела на свет в высшей степени великого поэта Камоэнса, который мог прославить творчество своих соотечественников и увековечить историю их достижений. Почти всегда поэт приходит, когда совершенно произведение, достойное его гения. Индия оказалась школой мужества и предприимчивости для португальцев того поколения, которые подняли маленькую страну (самую маленькую в Европе) почти на самый высокий уровень влияния и величия.

Хотя великое открытие Колумба затмило работу всех других исследователей и мореплавателей в Западном океане того времени, не следует забывать, что в течение этого столетия большое количество отважных людей, с решимостью, вызванной не невежеством или простым безрассудством, а с такими же искренними целями и отвагой, как у наших исследователей Арктики, достигли замечательных результатов в расширении человеческих знаний о Западном континенте, его обитателях и разнообразных продуктах. Еще до того, как сам Колумб достиг американского континента, Америго Веспуччи, а также двое Кэботов уже прикоснулись к нему. Биографы Веспуччи настаивают на том, что его первое путешествие в Америку было совершено в 1497 году и что он прошел вдоль северного побережья Южной Америки до Мексиканского залива, вернувшись в Испанию 15 ноября 1498 года. Именно в этом последнем году Колумб впервые коснулся материка. В 1499 году Веспуччи вышел со вторым флотом и, придерживаясь прежнего курса, ему удалось достичь устья реки Ориноко, а в 1500 году он вернулся в Кадис. Он совершил третье путешествие в 1501 году и достиг 52° южной широты, пройдя вдоль побережья Южной Америки от 5° южной широты до 4° мыса Горн. Четвертое плавание было предпринято в следующем году, и в ходе этого Веспуччи исследовал отдельные участки побережья Бразилии. Хотя обычно говорят, и это должно быть признано с некоторым основанием, что Колумб был лишен того, что можно считать его законной привилегией как первооткрывателя, поскольку континент Америка не был назван в его честь, нет никаких сомнений в том, что Веспуччи заслужил

высокую оценку человечества за свои смелые исследования, искусное морское дело и надежную навигацию. Научный мир еще больше обязан ему за публикацию его карт и подробное описание американского побережья. Они послужили широкому распространению определенных знаний о новом континенте. Выше всех остальных, за единственным исключением Колумба, даже если это исключение необходимо сделать, он заслуживал того, чтобы Континент был назван в его честь. [Сноска 23]

[Сноска 23: Новость об открытии Америго Веспуччи, по-видимому, быстро распространилась по всей Европе, и с его трудами за несколько лет ознакомились гораздо большее число людей, чем мы могли бы предположить при ограниченных средствах коммуникации того времени. При обсуждении "Четырех стихий", пьесы-морали, в главе, посвященной английской литературе, приводятся строки, показывающие, что пьеса была написана в течение двадцати лет после открытия Америки. Обычно предполагалось бы, что это означает открытие Колумба в 1492 году, но весь отрывок показывает, что речь шла об открытии Континента Америго в Латинской Америке. Полный отрывок таков:

"До сих пор, в течение этих двадцати лет.
Продвигаясь на запад, он находил новые земли.
О которых мы никогда раньше не слышали
Ни письменно, ни другими способами.
Но эти новые земли, найденные недавно,
Были названы Америкой, потому что только
Америкус первым их нашел".]

Хотя мы вряд ли будем думать об итальянцах как о народе мореплавателей, сам Колумб - итальянец, таким же был Америго Веспуччи, но что еще более примечательно, другие величайшие мореплаватели первой половины века правления Колумба, Каботы, также были итальянского происхождения. Джон и Себастьян Кэбот были венецианцами, поселились в Бристоле, достигли континента Северная Америка в 1498 году и проплыли по нему значительное расстояние. Именно на их открытиях Англия основывала свои претензии на североамериканскую часть полушария. Их заслуги как смелых и бесстрашных, но в то же время умных мореплавателей по праву получили самое высокое признание. Благодаря их связи с Северной Америкой мы знаем о них гораздо больше, чем о многих других, которые примерно в то же время отважились совершить длительные, опасные путешествия с целью открытий.

Великими португальскими первооткрывателями после Бартоломею Диаша являются Васко да Гама (ок. 1460-1524) и Магеллан (1470-1521), почти точно его современники. Васко да Гаме, который и раньше часто доказывал свою отвагу как моряк, было доверено командование флотом из четырех судов, отправленных португальцами в июле 1497 года, чтобы определить, правдива ли история Бартоломею Диаша о том, что можно обогнуть Африканский континент и таким образом достичь Индии, или нет. Он причалил к заливу Святой Елены, обогнул мыс Доброй Надежды и 20 мая 1498 года прибыл в Калькутту на Малабарском побережье. По возвращении он был великолепно принят королем, а три года спустя был отправлен с более крупной экспедицией, которая овладела Индией и создала Португальскую Индийскую империю. В то время, несмотря на богатые награды, король явно не доверял ему, который, очевидно, опасался его честолюбия, и в течение двадцати лет он жил в уединении. После этого он был вызван из своего затворничества и назначен вице-королем Индии. К сожалению, его карьера на посту вице-короля длилась всего несколько месяцев, но даже за это короткое время ему удалось исправить многие злоупотребления и

восстановить прочную португальскую власть в Индии. Да Гаме посчастливилось прославиться в бессмертном эпосе Камоэнса, и именно дань уважения великому поэту едва ли не в большей степени, чем его собственным достижениям, выделила его среди многих великих мореплавателей своего времени.

Одним из величайших исследователей того времени, несомненно, был соотечественник и современник Да Гамы Фердинанд Магеллан. Он состоял на службе у короля Португалии, но поскольку его услуги не были оценены по достоинству, он перешел на сторону короля Испании и сумел убедить испанское правительство, что до островов Пряностей можно добраться, поплыв на Запад. Португальцы ранее достигли их, плывя на Восток. Идея Магеллана состояла в том, чтобы найти какой-нибудь способ пройти через американский континент или обогнуть его, чтобы выйти в великое Южное море. Он достиг земли, которой дал название Патагония, где заметил присутствие людей огромного роста. К югу от этого места ему удалось найти пролив, который он назвал проливом Сан-Виттория, но который с тех пор гораздо правильнее называть Магеллановым проливом. Как рассказывает Пигафетти, который был с ним в экспедиции, он пролил слезы радости, когда увидел необъятные просторы нового океана. Он нашел его таким безмятежным, что дал ему название, которое оно носит с тех пор, - Тихий океан. Почти четыре месяца он плыл по Тихому океану, не видя никакой обитаемой земли. Его матросы были вынуждены есть даже кожу, которой был связан их такелаж, и пить протухшую воду. Продолжение экспедиции требовало нечеловеческого мужества и настойчивости, но Магеллан сделал это. Он причалил к островам Ладроне, но, к сожалению, он был убит вскоре после того, как его суда достигли островов Пряностей, как предполагают местные жители, хотя, возможно, и его собственные люди, которые боялись его решимости совершить кругосветное путешествие и боялись, что это снова приведет их к таким же ужасным страданиям, какие они испытали во время путешествия через Тихий океан.

Его лейтенант Себастьян де Элькано держал курс от Молуккских островов к мысу Доброй Надежды, но не достиг его, пока не прошел через трудности, почти такие же суровые, как те, что выпали на долю в Тихом океане. Он потерял двадцать одного своего человека, но сумел вернуться в Севилью всего через три года и один месяц после того, как они отплыли из этого порта. Однако они совершили одно из величайших достижений в истории расы. Они совершили кругосветное плавание и, вне всякого сомнения, доказали, что, плывя на запад, можно вернуться к тому, с чего начинали. Интересно знать, что лейтенант Магеллана Себастьян был удостоен высоких почестей и герба с глобусом мира, опоясанным надписью "Ты был первым, кто обошел меня" (*Primus circumdedisti me*). Испания предъявляла множество претензий на земли, открытые в ходе этой экспедиции, и это заметно увеличило масштабы Испанской империи.

Французов едва ли больше, чем итальянцев, считают великими мореплавателями. Скорее всего, мы оставим это обозначение за испанцами, португальцами и англичанами, однако следующими по приоритету в настоящее время являются записи о некоторых великолепных достижениях французов в области мореплавания. У нас есть отчет о плавании Полмье де Гонневилья, французского священника, доказательства которого основаны на судебном заявлении, сделанном в Адмиралтействе Франции 19 июля 1505 года. Де Гонневиль назвал большой остров, который он открыл, Terre Australe, так что долгое время считалось, что он был первым, кто прикоснулся к Австралии. Однако описание, которое он дает людям и продуктам страны, очевидно, относится к какому-то северному острову в Индийском океане, а не к великому южному континенту. Однако есть все основания полагать, что в ходе этого путешествия были сделаны важные открытия. Чуть позже в том же столетии итальянец Верразано, возглавлявший французскую экспедицию,

которая плавала вдоль побережья Северной Америки, вошел в гавань Нью-Йорка, поднялся вверх по реке Гудзон и высадил экспедицию на острове Манхэттен, где в 1524 году была отслужена религиозная служба, вероятно, Месса, как предположил преподобный доктор Морган Дикс. Обсуждение Беннетом этого вопроса в его "Католических следах в Старом Нью-Йорке" (Нью-Йорк, 1910) не оставляет особых сомнений в этом факте.

Две испанские экспедиции, вероятно, достигли Австралии в первой половине шестнадцатого века. Первой из них командовал Альвар де Сааведра, посланный Кортесом. Кортес, обосновавшись в Мексике, пожелал установить контакт с Востоком, и особенно с островами Пряностей, и именно он отправил туда Сааведру, который был его родственником. Есть некоторые сомнения относительно того, не заходил ли этот мореплаватель в Новую Гвинею вместо Австралии, но нет никаких сомнений в том, что он пересек Тихий океан еще в 1528 году. Сообщается, что в 1542 году Бернардо делла Торре высадился на австралийском континенте, и критический анализ его описания туземцев и условий, которые он там обнаружил, ставит его открытие вне всяких сомнений.

Все люди, возглавлявшие экспедиции во вновь открытые страны в то время, отличались храбростью, а большинство из них - высокими административными способностями и талантом управлять людьми, что делает их одними из мировых гениев. В наше время много говорилось о способностях такого человека, как Сесил Родс, и о том, чего он достиг как строитель империи в Южной Африке. Учитывая разницу обстоятельств, отсутствие средств связи, огромные расстояния, которые приходилось преодолевать, и опасности, с которыми приходилось сталкиваться, есть по крайней мере три человека века Колумба, которые заняли такое место в истории, какого Сесил Родс никогда не займет. Проявляемые качества были того же рода, но гораздо более высокого порядка, поскольку требовали более независимой деятельности и абсолютной уверенности в себе. То, что Васко да Гама сделал в Индии для португальцев, Кортес в Мексике и Писарро в Перу для испанцев, представляет собой достижения в строительстве империи, которые заслуженно принесли этим людям бессмертное имя в истории. В работе имели место досадные злоупотребления. Они случаются всегда, когда дикая раса попадает под господство тех, кто, по крайней мере, считается более цивилизованным народом. Так бывает всегда, даже в самом сердце нашей современной цивилизации, когда один класс людей может безнаказанно использовать в своих интересах другой.

Работу этих людей, пожалуй, лучше всего иллюстрируют короткие очерки карьеры Кортеса и Писарро. Кортес, мальчиком отправленный в Университет Саламанки, обнаружил, что ему не нравится учеба и что его беспокойный дух не может быть удовлетворен образованием и юридической карьерой, к которым его предназначали родители. Он присоединился к экспедиции, которая привела его на Антильские острова в возрасте девятнадцати лет, и вскоре проявил такие качества, как смелость и военные способности, которые сделали его любимцем своего начальства на службе. Как следствие, он был назначен командующим экспедицией в Мексику. Он разгадал индейский метод ведения войны с помощью приманки и засады и обратил его против самих индейцев. Вскоре он стал известен почти молниеносной быстротой своих движений, как казалось его противникам. Когда губернатор Антильских островов, подозревая Кортеса в личных честолюбивых замыслах, направил против него экспедицию, он захватил ее командующего врасплох, хотя у него самого была лишь четверть сил, собранных его противником. Несмотря на подавляющее превосходство, ему удалось победить мексиканцев и установить испанское владычество по всей стране.

Хотя его завоевание было изуродовано многими прискорбными пороками, которые так часто характеризовали подобные события в истории, Кортес не был недобрым к индейцам и всячески старался улучшить их положение и поднять на более высокий уровень цивилизации. Даже Лас Касас отзывается о нем благосклонно, и, хотя иногда говорят, что его доброе отношение к индейцам было частью глубоко продуманного плана использовать свою власть над ними по эгоистичным причинам и даже для измены испанской короне, это объяснение кажется притянутым за уши. Кортес знал, как легко может быть подорвано его положение при дворе, и, прежде всего, он знал судьбу многих людей, добившихся великих свершений для Испании, и о вполне понятных подозрениях, которые могли возникнуть к человеку, добившемуся такого большого успеха, как у него. Он обладал независимым характером и употреблял выражения, которые указывали на то, что он не подчинится обращению, которому подвергались другие. Поэтому неудивительно, что через некоторое время он был исключен из правительства Мексики и был вынужден искать другое занятие для удовлетворения своих неутомимых амбиций. Ему было разрешено присоединиться к великой экспедиции против Алжира в 1541 году, но после ее катастрофического окончания он недолго переживал неудачу. Кортес умел хорошо писать и написал отчеты о своих собственных достижениях, и они были опубликованы несколькими изданиями с переводами на многие языки. Они показывают, что он был трезвомыслящим человеком с большими способностями в интеллектуальном и литературном смысле, а также в административном, и, хотя они вполне естественно окрашены в его пользу, они являются ценными источниками для истории.

Писарро, *филиус Нуллиус*, которому предстояло сколотить состояние, все приобрести и нечего терять, отправился в плавание в возрасте двадцати восьми лет с Алонсо де Охедой из Испании. После многих невзгод он присоединился к Бальбоа и сопровождал его через Панамский перешеек в экспедиции, открывшей Тихий океан. После смерти Бальбоа он следил за судьбой Педрариаса, губернатора региона. Услышав о достижениях Кортеса в Мексике и сообщениях о богатствах стран, лежащих вдоль побережья Тихого океана к югу, он организовал экспедицию для их завоевания. Их проект казался настолько опрометчивым и безрассудным, без всяких перспектив на успех, что жители Панамы называли тех, кто присоединился к экспедиции, "компанией сумасшедших". Несмотря ни на какие препятствия, Писарро продолжал свои приготовления и через восемнадцать месяцев вернулся в Панаму с обилием золота и блестящими отчетами о богатстве стран, которые он посетил. Губернатор, завидуя его успеху, лишил его поддержки и отказался позволить ему продолжить свои исследования.

Затем Писарро пересек океан и прибыл к Карлу V, поделился с ним своей информацией и планами, и Карл, признавая его способности и вероятный успех его проекта, пожаловал ему рыцарский орден Святого Иакова и назначил его губернатором и генерал-капитаном с абсолютной властью на всех территориях, которые он мог открыть и подчинить. Его приказы могли быть пересмотрены только Королевским советом Испании. Вооруженный этой властью, Писарро присоединил империю Перу к империи Карла V, который в то время правил большей частью Европы, чем кто-либо со времен римских императоров. Романтическая история этого достижения и убийства Писарро часто привлекала внимание драматургов, писателей-фантастов, а также историков. Нет никаких сомнений ни в великолепной смелости, ни в политическом таланте, ни в административных способностях человека, который преуспел в этом, несмотря на препятствия, которые казались абсолютно непреодолимыми. Это было достигнуто за счет свободного использования предательства, нарушения веры, а также за счет использования туземцев во всех отношениях, но строители империй во все времена имели в себе такие элементы. Писарро ничем не хуже современных

завоевателей, а во многих отношениях намного лучше. Истории Индии, Египта и Африки будут выглядеть на исторической арене так же плохо, как история Перу.

Нашей собственной великой задачей исследования, колонизации и завоевания в течение последних ста лет было открытие Африки и нахождение Северного и Южного полюсов. Открытие Африки представляет собой действительно большое расширение цивилизации и, несомненно, займет важное место в истории. Однако более чем сомнительно, что с нашими колонизаторами и завоевателями поступят в истории более великодушно или поставят на более высокий уровень товарищеских чувств к туземцам, чем с колонизаторами и завоевателями века Колумба. Работоторговля была отменена в начале девятнадцатого века, и все же за последние сто лет много раз возникало ощущение, что с уроженцами Южной Африки обращаются почти так же, как во времена рабства, и что даже уроженцы Южной Америки, находящиеся в определенных местах под европейским влиянием, были немногим лучше рабов. Действительно, все мировоззрение современности по отношению к ранним завоевателям пролило очень интересный свет на исследования, которые показали, что во многих штатах нашей страны существовала система использования невежественного труда, которую можно охарактеризовать только как рабство.

Вспомнив "сферы влияния" различных наций и способ, которым Южная Африка была поделена без какого-либо учета коренных жителей или их прав в этом вопросе, становится ясно, что мир, несмотря на все его самодовольное осуждение людей прежних времен, ничуть не изменился со времен Колумба. Две латинские нации, испанцы и португальцы, были завоевателями и колонизаторами в начале шестнадцатого века. Тевтонские нации, Англия и Германия, поскольку они заменили Испанию и Португалию в качестве ведущих торговых стран, выполнили эту работу в конце ДЕВЯТНАДЦАТОГО века. Различия между способами действия и общим ходом дел в эти два периода очень незначительны по сравнению с близким сходством мотивов и целей. Нации в оба периода искали регион, за счет которого они могли бы обогатиться, и отправляющимися туда исследователями, колонистами и первопроходцами в оба раза двигали одни и те же мотивы. Действительно, очень сомнительно, что мы шаг за шагом приносили туземцам что-либо подобное тому благу, которое пытались сделать испанцы, и, как мы видели в главе о Столетии Колумба в Америке, часто с поразительным успехом.

В конце концов, не следует забывать, что сейчас в Мексике и Южной Америке живет больше индейцев, чем когда Колумб высадился на берег. Пока еще было невозможно поднять туземцев на высокий уровень цивилизации их европейских захватчиков, который был достигнут только после многих столетий обучения, но, несомненно, сделано было многое. Во многих из этих стран даже местные жители почти готовы к самоуправлению, а страны с недостатком смешанных рас, учитывая все условия, столь же процветающие, как и мы, и приезжие часто заявляют, что их высшие классы обладают более высоким уровнем культуры, чем наш. Президент Тафт, получивший основательный практический опыт на Филиппинах, заявил, что местные жители находятся на пути к готовности к самоуправлению и что они представляют собой единственный пример народа, который после вторжения цивилизованных завоевателей и колонистов постепенно поднялся из своего варварства на все более высокий уровень. Начало этому достижению было положено в век Колумба. Только сравнивая то, что было сделано в нашей стране и в том столетии в решении аналогичных проблем, мы можем получить представление о том, насколько замечательной во многих отношениях является работа более раннего периода. Если в конце следующего столетия аборигены Африки будут жить так же хорошо, как жители Южной Америки и Филиппин, сравнение будет более удовлетворительным.

Нашей проблемой рискованного мореплавания в девятнадцатом веке было открытие Северного и Южного полюсов. Мы преуспели в достижении нашей цели, но не без больших жертв в виде сокровищ и людей и больших страданий. Для многих людей в наше время поиск Полюсов казался просто донкихотским предприятием, и, на самом деле, в нем не было никакой большой практической цели. Путешествия мореплавателей начала шестнадцатого века, должно быть, казались таким же донкихотством, хотя после любого успешного путешествия плоды экспедиции можно было легко оценить как в коммерческом, так и в научном и культурном плане. Когда мы оцениваем разницу между небольшими парусными судами того времени и полным отсутствием средств для хранения продуктов, а также опасностями, связанными с буквально непроходимым океаном, можно получить некоторое представление о храбрости этих отважных искателей приключений. Наши паровые суда, на которых обычно имеются консервированные продукты и лекарства, а также понимание опасностей, с которыми они могут столкнуться, сделали наши путешествия сравнительно простыми, и все же мы почувствовали вдохновение от свершений. Век Колумба занимает почти бесконечно более высокое место в том смысле, что ему следует уделить духу и количеству людей, отважившихся на длительные путешествия, из которых столь многие так и не вернулись и во время которых были абсолютно потеряны все следы многих и многих судов. Несмотря на потери, никогда не было недостатка в людях, способных заняться исследованиями и завоеваниями, и их успех произвел революцию в современной истории.

ГЛАВА VII

АМЕРИКА В ВЕК КОЛУМБА

Поскольку английская колонизация Америки произошла только в семнадцатом веке - Джеймстаун, 1607; Плимут, 1620 - обычно предполагается, по крайней мере в англоязычных странах, что в американской истории в Век Колумба, заканчивающийся 1550 годом, было мало или вообще ничего, о чем стоило бы говорить. Однако на самом деле, хотя Америка была открыта только в 1492 году, существует чрезвычайно интересная и значительная глава американской истории между 1500 и 1550 годами. Это, конечно, все в испано-американских странах. К сожалению, было принято считать испанские колонии отсталыми во всем, что касается образования и культуры, но истории даже этих полувековых периодов здесь, в Америке, когда был достигнут впечатляющий прогресс, ориентиры которого сохранились до сих пор, вполне достаточно, чтобы показать, насколько далеки от реальности некоторые из наших нежно лелеемых исторических впечатлений. Нет ни одного этапа цивилизации, которому не уделялось бы пристального внимания в самом начале истории Испанской Америки, и достигнутые результаты были таковы, что представляли собой устойчивый прогресс в интеллектуальной жизни. В образовании, в книгопечатании и распространении книг, в искусстве и архитектуре, в обучении индейцев декоративно-прикладному искусству, а также принципам самоуправления и даже в науке, хотя в настоящее время обычно не предполагается, что к этой области человеческих достижений следует относиться серьезно, есть много значительных ранних достижений Америки.

Только в сравнительно недавние годы в англоязычных странах появилось что-то похожее на должное признание работы, проделанной испанцами в Америке на заре истории этого континента. Принято было думать, что, в то время как английские колонисты приехали сюда, чтобы обосноваться здесь, главной целью испанцев в Америке было эксплуатировать жителей и страну и делать как можно меньше для них обоих, при условии, что только участники испанских экспедиций заработают достаточно денег, чтобы позволить им жить с комфортом дома в Испании после нескольких лет пребывания здесь, в Америке. Мистер Сидни Ли, выдающийся редактор Английского биографического словаря и авторитетный специалист по Шекспиру и елизаветинскому периоду, а также шестнадцатому веку в целом, в серии статей, опубликованных в *журнале Scribner's* за 1907 год под названием "Зов Запада", опроверг большинство этих представлений, которые так распространены в отношении противоположного отношения английских колонистов и испанских колонизаторов на протяжении ранней истории континента. Он сказал, например, не колеблясь должным образом охарактеризовать главную причину этого исторического обмана:

СТРАДАН (ЯН ВАН ДЕР СТРЕТ), НИЕЛЛО, СЛОНОВАЯ КОСТЬ КОЛУМБА В ЕГО ПЕРВОМ ПУТЕШЕСТВИИ

"Особенно часто теологическая предвзятость оправдывает пренебрежение или способствует неправильному пониманию роли Испании в драме американской истории шестнадцатого века. Первоначальные приключения Испании в Новом Свете часто сознательно или бессознательно упускаются из виду или недооцениваются для того, чтобы она могла фигурировать на исторической сцене как невежественная защитница ложной и устаревшей веры, которая была побеждена под божественным покровительством английских защитников истинной религии. Многие враждебно настроенные критики изображают Испанию XVI века как жадную накопительницу американского золота и серебра, на которое она не имела права, как монополистку американской торговли, которую она отнимала у других, как угнетательницу и истребительницу слабых и невинных аборигенов нового континента, которые сожалели о ее присутствии среди них. Жестокость во всех ее отвратительных формах действительно обычно преподносится как единственный инструмент правления Испании в ее империи шестнадцатого века. С другой стороны, те же авторы приписали английскому авантюристу трогательную человечность, чистейшие религиозные устремления, романтическую отвагу, которая всегда была в распоряжении угнетенного туземца.

"Такая картина не распознается, когда мы применяем пробный камень устных традиций, печатных книг, карт и рукописей, касающихся Америки, которые были распространены в Англии времен Шекспира. Там обнаруживается, что склонность к романтическим приключениям повлияла на испанцев в еще большей степени, чем на елизаветинцев.

Религиозное рвение, как видно, вдохновляло испанцев более постоянно и заметно, чем оно стимулировало его английского современника. Мотивы каждой нации едва ли отличимы друг от друга. Ни один из них не заслуживает того, чтобы ему приписывали какую-либо монополию на добродетель или порок. Прежде всего, изучение современных авторитетных источников проливает ослепительный свет, который освещает каждый уголок картины, ***убедительные факты приоритета испанца как исследователя, научного мореплавателя, завоевателя, поселенца*** ". (Курсив наш.)

Особенно в сфере образования испанцы достигли многого, за что им почти не воздавали должное в англоязычных странах до последних нескольких лет. На самом деле, как сказал недавно на публичном обеде президент одного из университетов великого Востока, "Мы только что открыли Испанскую Америку". Оплакиваемый профессор Борн из Йельского университета, написавший третий том "Американской нации" [Сноска 24] об Испании в Америке, был одним из первых американских студентов-историков, осознавших, сколько несправедливости было допущено из-за общепринятых представлений об испано-американской истории, распространенных в англоязычных странах. В своей главе "Передача европейской культуры", которая является подтверждением испано-американских интеллектуальных достижений, профессор Борн продолжает проводить сравнения между тем, что было сделано в испанской и английской Америке в первые века для образования и интеллектуального развития, и постоянно в ущерб англоязычным странам. Он сказал:

[Сноска 24: Харперс, Нью-Йорк.]

"Здесь можно перечислить не все учебные заведения, основанные в Мексике в ***шестнадцатом веке***, но не будет преувеличением сказать, что по количеству, спектру исследований и уровню достижений офицеров они превосходили все, что существовало в Английской Америке ***до девятнадцатого века***. (Курсив наш.) Мексиканские ученые добились выдающихся достижений в некоторых областях ***науки, особенно в медицине*** и хирургии, но в первую очередь в лингвистике, истории и антропологии. Словари и грамматики местных языков и истории мексиканских институтов являются впечатляющим доказательством их научной преданности и интеллектуальной активности. Выделяются ***"История индейцев Новой Испании" Торибио де Мотoliniи, "История индейцев Новой Испании" Дюрана,*** " но самая важная из всех великих работ Саагуна о мексиканской жизни и религии ". Большинство этих работ были написаны после окончания века правления Колумба, но почва для них была подготовлена, и фактическое накопление фактов для них началось в наш период. Они последовали как естественное развитие научных интересов, уже проявившихся в первой половине XVI века.

Пожалуй, самой интересной особенностью испано-американского развития образования является тот факт, что его первой вехой является школа для обучения индейцев. Немало испанцев, приехавших в Мексику в первой половине шестнадцатого века, пользовались преимуществами университетского образования. Когда их дети выросли, им захотелось отправить их обратно в Испанию для получения университетского образования, и многих отправили туда. Однако необходимость образования индейцев была осознана рано, и в 1535 году колледж Санта-Крус в Тлалтелолко, квартале города Мехико, зарезервированном для индейцев, был основан под патронажем епископа Зумараты. Среди профессорско-преподавательского состава были, как и следовало ожидать, выпускники не только Саламанки, великого испанского университета того времени, но и Парижского университета, который в то время был ведущим университетом мира. Интересно осознавать, что эти профессора не считали, что они полностью выполняют свой долг, преподавая в одиночку, но также преданно посвящали себя тому, что многие стали

рассматривать, по-видимому, как современное развитие университетской жизни, обязанности исследовать и писать. Это реальный показатель жизнеспособности университета и искренности его профессоров. Среди преподавателей Санта-Круса были такие выдающиеся ученые, как Бернардино де Саагун, основатель американской антропологии, и Хуан де Торквемада, сам выпускник мексиканского колледжа, чей труд *"Монархия Индиана"* представляет собой огромное хранилище фактов о Мексике до прихода белых, содержащее множество ценных деталей, касающихся мексиканской древности.

Как раз на исходе столетия Колумба были приняты меры для организации двух университетов в Испанской Америке - одного в Мехико, а другого в Лиме, Перу. Они получили свои королевские хартии в том же 1551 году, но помимо предоставления их хартий, корона выделила определенную сумму испанских доходов в качестве правительственного взноса на их поддержку. По-видимому, стоит отметить, что о подобном поощрении со стороны английского правительства учебного заведения в американских колониях на целое столетие или даже на два позже этого не могло быть и речи. Что бы английские колонисты ни делали для образования, они должны были делать это для себя. Их усилиям не было никакой помощи и даже сочувствия. Английские университеты на протяжении нескольких столетий отказывались признавать американские университеты равными им, и это было справедливо, поскольку их стандарты были слишком низкими, хотя чрезвычайно интересным комментарием к образовательной ситуации в Америке, и особенно к общепринятым представлениям об относительной значимости испанского и английского образования здесь, является тот факт, что Университеты Лимы и Мексики были признаны в XVI веке как родственные учебные заведения не только Саламанкой и другими испанскими университетами, которые в то время были одними из лучших учебных заведений Европы, но и другим университетом Европы, престиж которого был самым высоким, университетом Парижа. Между ними произошел определенный обмен профессорами, хотя формально это не было организовано, и выпускники Саламанки и Парижа преподавали как в Мексике, так и в Лиме. Студентам этих американских университетов были присвоены американские рейтинги, и им было разрешено продолжать свою работу наравне с европейскими студентами университетов - привилегия, которая до сих пор едва ли предоставлялась студентам англо-американских университетов.

Ученые Старого Света прекрасно понимали, что Новые Знания проникают в Западное полушарие, и с гордостью думали, что гуманитарные науки культивируются за пределами Западного океана. Перед концом века Колумба Маркантонио Фламиньо, которого Сэндис в своих "Гарвардских лекциях о возрождении образования" называет чистейшим из латинских поэтов того времени, человеком, который был большим другом Виттории Колонна, отправляя кардиналу Алессандро Фарнезе сборник латинских стихотворений ученых Северной Италии, уверяет кардинала, что Франция, Испания, Германия и далекая Бретань окажут честь этим латинским музам и что даже Новый Свет разделит их восхищение. Как он выразился: "Те, над кем восходит свет зари, когда небеса Италии окутаны тьмой, посвятят свои ночи и дни изучению латинских поэтов Италии".

"Как ни странно, но на том далеком берегу
сейчас процветает любовь к латинским знаниям".

Недавно созданные университеты Мексики и Лимы за полвека, следовавшие за столетием Колумба, превратились в полноценные учебные заведения, вполне заслуживающие названия университет. Лекции по медицине были прочитаны в Мексике в 1578 году, а полноценный медицинский факультет был организован до конца столетия. Наша первая

медицинская школа в Английской Америке возникла только два столетия спустя. Однако более чем за полвека до этого испанские власти проявляли особую осторожность, чтобы предотвратить эксплуатацию испанских колонистов или индейцев претендующими на познания в медицине. Еще в 1527 году муниципальный совет города Мехико разработал строгие медицинские правила, выдающие лицензию на медицинскую практику только тем, кто продемонстрировал наличие университетского диплома в области медицины. Еще раньше были приняты меры для регулярного обучения цирюльников-хирургов, чтобы раны различного рода можно было лечить быстро и должным образом, чтобы даже беднейшие слои населения могли воспользоваться некоторыми регулярными тренировками у тех, чью помощь они могли позволить себе оплатить. Указ о чистых лекарствах, регулирующий деятельность аптекарей, был издан еще в 1529 году. Практически только в наше время аналогичные правила были приняты в этой стране.

Стандарты преподавания в университетах поддерживались в хорошем состоянии. Работа в аспирантуре была буквально работой в аспирантуре, и студенты могли приступить к изучению медицины, права или богословия только после прохождения надлежащей предварительной подготовки на факультетах бакалавриата университета. Испано-американские университеты получили хартию не только от испанской короны, но и от Папы Римского. Формальным названием Мексиканского университета было Папский университет города. Папская хартия была востребована, потому что это был единственный способ обеспечить международную ценность академических степеней, поскольку папство было международным авторитетом того времени. Однако папские хартии для университетов были предоставлены только при условии соблюдения стандартов. Существует множество существующих папских университетских хартий, в которых подчеркивается эта необходимость. При создании нового университета профессора должны были быть выпускниками хорошо признанных, авторитетных университетов, в которых экзамены проводились в строгой тайне, чтобы гарантировать, насколько это возможно, абсолютную справедливость и соблюдение стандартов. Курс обучения и продолжительность его должны были быть организованы в соответствии со стандартами старых университетов.

De Insulis nuper in mari Indico repertis

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПИСЬМА КОЛУМБА (БАЗЕЛЬ, 1494)

De Insulis nuper inuentis

Epistola Christoferi Colom (cui etas nostra multum debet: de Insulis in mari Indico nuper inuentis: ad quas perquirendas octauo antea mense: auspiciis & ere inuictissimi Fernandi Hispaniarum Regis missus fuerat) ad Magnificum dominum Raphaelem Sanxis: eiusdem serenissimi Regis Thesaurarium missa: quam nobilis ac litteratus vir Aliander de Cosco: ab Hispano ideomate: in latinum conuertit: tercio Kalendas Maii. M. cccc. xciiij. Pontificatus Alexandri Sexti Anno primo.

Quoniam susceptę prouincię rem perfectam me consecutum fuisse: gratum tibi fore scio. has constitui exarare: quę te vniuscuiusque rei in hoc nostro itinere gestę inuētęque admoneāt. Tricesimo tercio die postquam Gadibus discessi: in mare Indicum perueni: ubi plurimas Insulas innumeris habitatas hominibus reperi: quarum omnium pro felicissimo Rege nostro: pręconio celebrato / & vexillis extensis: contradicente nemine possessionem accēpi. primęque earum: diui Saluatoris nomē imposui. cuius fretus auxilio: tam ad hanc quam ad cęteras alias puenimus. Eam vero Indi Guanahany vocant. Alias etiam vnāquancque nouo nomine nūcupauimus. Quippe aliam Insulam Sanctę Marię Conceptionis. aliam Fernandinam. aliam Hysabellam. aliam

СТРАНИЦА ИЗ ПИСЬМА КОЛУМБА (БАЗЕЛЬ, 1494)

Преимущество испано-американских университетов заключалось в том, что они находились в тесном контакте с европейскими университетами и, как следствие, переняли свои традиции непосредственно у них. Уставы папских университетов, как правило, прямо требовали, чтобы было три года работы в университете, прежде чем можно будет приступить к медицине или другой дипломной работе, а затем четыре года обучения медицине, прежде чем будет присвоена степень доктора. Даже после этого, согласно итальянским законам тринадцатого и четырнадцатого веков, выпускник не должен начинать медицинскую практику до тех пор, пока он не проведет год на практике у опытного врача. Это год работы в больнице, который мы сейчас пытаемся ввести в медицинских школах в качестве обязательного условия и который принимают, но добровольно, большинство тех, кто серьезно заинтересован в своем профессиональном обучении. Предварительные требования, то есть такая формальная академическая подготовка к изучению медицины, которая позволяет молодому человеку заняться этим

предметом и извлечь из него надлежащую пользу, стали обязательными по закону только в самые последние годы здесь, в Америке, и то в очень ограниченной степени.

Письмо, написанное муниципальному совету его родного города Севильи доктором Чанкой, сопровождавшим Колумба во второй экспедиции, свидетельствует о глубоком научном интересе и острой наблюдательности испанских врачей того времени. Это, несомненно, первый письменный документ о флоре, фауне, этнологии и антропологии Америки. Доктор Фернандес де Ибарра опубликовал в *Журнале* Американской медицинской ассоциации от 29 сентября 1906 г. некоторые выдержки из этого письма, которые показывают, что эти выражения оправданы его содержанием и не являются просто восторженными терминами для обозначения довольно банальных наблюдений. Чанка подробно описал различные породы леса, фрукты, специи, растения, такие как хлопок, птиц и животных, и, прежде всего, обычаи, внешний вид и образ жизни местных жителей. Он подробно описывает их склонность к обращению в рабство и каннибализму. Ничто не ускользало от наблюдения Чанки. Он нашел скипидар, деготь, мускатный орех, имбирь, алоэ, хотя и отметил, что алоэ было не того сорта, что в Испании (барбадосское алоэ до сих пор считается некачественным), корицу, гвоздику, мастику и многое другое. Он отмечает пищу жителей, их способ работы, отсутствие железа, но хорошо сделанные орудия труда, наличие золота во многих местах, описывает климат страны и приводит важные детали, касающиеся ее метеорологии.

Доктор Чанка был врачом их величеств, и он отказался не только от этой должности, но и от большой и прибыльной практики, чтобы стать врачом колоний. Главным образом благодаря ему мы получили какие-либо сведения о втором путешествии Колумба. Это второе путешествие, конечно, сильно отличалось от первого и вез тысячу пятьсот человек, среди которых было много знати, недавно участвовавшей в войнах с маврами и искавшей новых завоеваний в Америке. Они были беспокойными и трудноуправляемыми, небрежными и опрометчивыми, они пробовали многие блюда без должной осторожности и несколько раз преуспевали в отравлении, они подхватили местные лихорадки, и очень вероятно, что только в присутствии доктора Чанки большинство из них погибло бы. Колумб, который считал, что обязан ему жизнью, высоко хвалит его в письме Государям, прося разрешения выплачивать ему особые гонорары в дополнение к жалованью и пайкам, которые ему были разрешены в качестве *писца* в Индии. Его письмо и оценка, которой он пользовался в то время, являются наилучшим из возможных свидетельств уровня достижений испанских врачей века Колумба.

Одним из запоминающихся достижений американской науки в столетие Колумба, которое нельзя обойти здесь без упоминания, является Гарсиласо де ла Вега, историк Перу, родившийся в наше время, хотя свою работу он сделал позже. Он был сыном дочери инков, правившей семьей в Перу, когда пришли испанцы, и был обязан своей матери предложением написать историю своих предков и их земли. Он путешествовал по стране, консультируясь со старыми жителями, главными среди которых были родственники по линии его матери, а его отцом был испанский губернатор Куско, один из немногих испанских губернаторов, который умер не насильственной смертью. Тогда Гарсиласо был в прекрасном положении, чтобы собрать все подробности этой истории, но без предубеждения против испанцев. Поскольку он провел свою жизнь после двадцати лет в основном в Европе, у него были все возможности для глубокого понимания всех условий. Его работа представляет огромную историческую ценность и действительно является основой всего, что мы знаем о старом Перу. Она переведена на все современные языки.

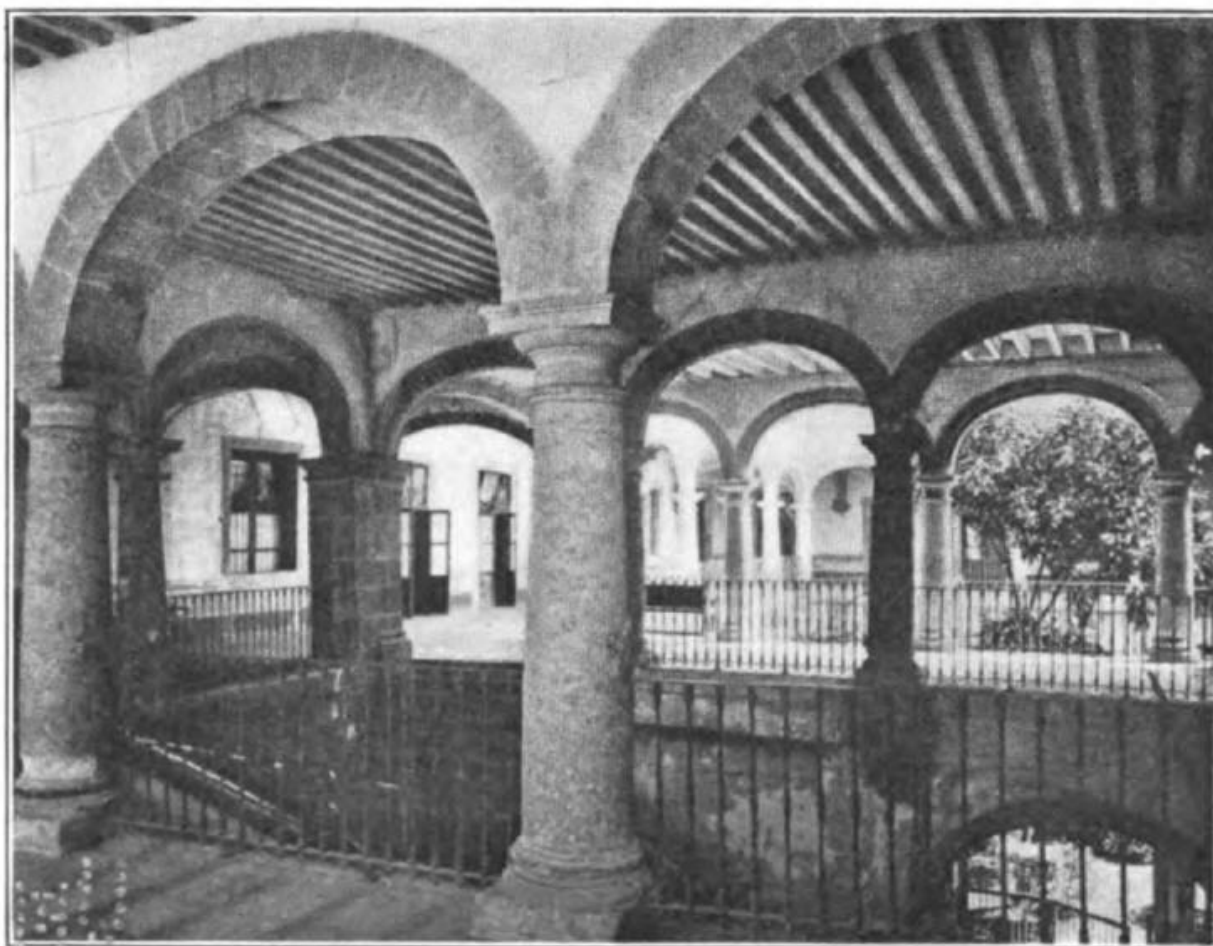
Помимо такого внимания к высшему образованию и воспитанию индейцев, усердно заботились о народном образовании, и, прежде всего, индейцев учили пользоваться своими руками, искусствам и ремеслам и всему тому, что могло бы сделать их полезными, счастливыми гражданами. Контраст между английской Америкой и Испанской Америкой в этом вопросе довольно разителен и был подчеркнут профессором Борном в главе его книги, на которую мы уже ссылались. Он сказал:

"И корона, и Церковь заботились об образовании в колониях, и были приняты меры для его продвижения в гораздо больших масштабах, чем это было возможно или даже предпринималось в английских колониях. Первые францисканские миссионеры построили школы рядом с каждой церковью, и в их обучении широко использовались вывески, рисунки и живописи. Местные языки были сведены к письменности, и через несколько лет индейцы научились читать и писать. Педро де Ганте, фламандский брат-мирянин и родственник Карла V, основал и руководил в индейском квартале в Мексике великолепной школой, которую посещали более тысячи индийских мальчиков, сочетавшей обучение в начальной и высшей областях, механике и изящным искусствам. ***В его мастерских мальчиков учили быть портными, плотниками, кузнецами, сапожниками и художниками***". (Курсив наш.)

Почти нет необходимости говорить, что только в совсем недавние годы мы осознали необходимость такого обучения для наших индейцев и, можно добавить, для более бедных слоев нашего населения в целом.

БОЛЬНИЦА, МЕКСИКА (ОСНОВАНА ДО 1524 ГОДА)

БОЛЬНИЦА, МЕКСИКА (ДРУГОЙ ВИД)

Печатный станок рано нашел свое пристанище в Америке, и даже в век Колумба в испано-американских странах было издано довольно много книг. Часто говорят, что первой книгой, напечатанной в Америке, был Сборник псалмов Массачусетского залива, выпущенный, по-моему, в 1638 году, но, конечно, этого давно ожидали в Мексике и Южной Америке. В этом, как и во многих других деталях испано-американской культуры. Профессор Борн предоставил авторитетную информацию. Он сказал:

"Первые пропагандисты образования и миссий не полагались на отдаленные европейские издания при публикации своих руководств. Печатный станок появился в Новом Свете, вероятно, еще в 1536 году, и представляется вероятным, что первая книга, излагающая элементарное христианское учение под названием "La Escala Espiritual" (лестница духа), была выпущена в 1537 году. Однако известно, что его копии не существует. В шестнадцатом веке в Новой Испании работали семь разных типографий. Среди заметных изданий этих издательств, помимо религиозных произведений и богослужебных работ, были словари и грамматики мексиканских языков, "Седуларио" Пуфы 1563 года, сборник королевских указов, "Медицинский трактат Фарфана".

Непреходящим и очень ярким памятником гуманитарного прогресса, достигнутого в Испанской Америке в настоящее время в области медицины, является больница, которая до сих пор стоит в городе Мехико. Первоначально он был построен Кортесом и наделен им, и

его потомки до сих пор назначают управляющего и имеют большое отношение к поддержке больницы. Он был возведен в 1524 году, и вполне можно было бы подумать, что в любую столь раннюю дату, как эта, это было бы очень грубое сооружение, и удивительно было бы то, что оно все еще стоит. Мисс Наттинг и мисс Док, однако, в своей "Истории сестринского дела" привели две фотографии этого здания, обе из которых мы воспроизводим здесь и которые показывают, что это было красивое здание больницы, вполне достойное тех великих начинаний, которые были достигнуты другими путями мексиканского образовательного и гуманитарного прогресса. Красивый внутренний двор и портики в высшей степени подходили для переменчивого климата Мексики, и все здание является памятником испанской культуры, а также испанской благотворительности. [Сноска 25]

[Примечание 25: Удивление, неизбежное для многих при обнаружении того, что такая красивая больница была возведена в это время, будет смягчено, если вспомнить, что именно в этот период были возведены одни из самых красивых больниц в мире. (Смотрите главу о социальной работе и рабочих.) Кроме того, они очень рано начали возводить красивые здания в Мехико. Здания университета, кафедральный собор и другие общественные здания соответствовали прекрасным традициям архитектуры, распространенным в Европе и особенно в Испании того времени.]

Шамплен, французский мореплаватель, посетивший город Мехико до конца шестнадцатого века, сказал о нем: "Но все удовлетворение, которое я испытал при виде столь приятных вещей (прекрасных природных пейзажей), было ничтожно малым по сравнению с тем, что я испытал, когда увидел прекрасный город Мехико, в котором, я и не предполагал, были такие великолепные здания с великолепными просторными дворцами и прекрасными домами, а улицы хорошо проложены и где видны большие и красивые лавки торговцев, полные всевозможных товаров".

Также не следует думать, что Мексика была единственной прогрессивной частью Испанской Америки на столь раннем этапе нашей истории. Действительно, к концу века Колумба в панамском регионе было достигнуто так много, что, когда сэр Фрэнсис Дрейк совершил набег на это место примерно двадцать лет спустя, берег реки Чагрес был застроен складами, там были красивый монастырь и прекрасная церковь, а также множество каменных домов, украшенных разнообразной резьбой, резиденций губернатора и королевских чиновников. Когда течение реки Чагрес было остановлено для строительства плотины Гатун для Панамского канала, все следы этого исчезли, хотя церковь была практически единственным сколько-нибудь важным зданием, сохранившимся в то время. Очарование его архитектуры и интересная резьба по дереву свидетельствовали о том, насколько высока была культура и насколько хорош вкус строителей почти за столетие до того, как в Английской Америке появилось какое-либо постоянное поселение. Подъем уровня воды в районе плотины не скрыл столь важных свидетельств человеческого прогресса, как когда великая ирригационная плотина в Ассуане затопила руины древнего храма Филы в Египте, и не скрыл таких интересных произведений искусства, но он уничтожил некоторые свидетельства той стадии цивилизации в Америке, которая, по крайней мере, в англоязычных странах была бессмысленно преуменьшена или, к сожалению, неправильно понята.

В Панаме сохранилось много руин, которые дают некоторое представление о том, как много сделали испанцы в век Колумба и насколько постоянными были многие из их построек.

Здесь есть старый мост начала шестнадцатого века, который, хотя и построен без краеугольного камня, сохранил свою главную арку до сих пор. Здесь находится знаменитая плоская арка, которая так ясно демонстрирует, что с тех пор этот регион, должно быть, очень мало подвергался землетрясениям, потому что кажется почти невероятным, что сооружение с таким небольшим изгибом могло простоять в течение какого-либо периода времени, даже в абсолютно нетронутой стране, хотя в Панаме оно существует уже почти четыре столетия. Через перешеек проходила великолепная мощеная дорога, Королевское шоссе, остатки которой до сих пор можно найти в отличной сохранности. Некоторые его части использовались в ходе строительства Панамского канала и оказались очень пригодными к эксплуатации. Когда мы осознаем, что случилось бы с одной из наших дорог через столетие, не говоря уже о четырехстах годах, мы получаем хорошее представление об их долговечности в строительстве. Старая башня Святого Иеронима, все еще стоящая, показывает, насколько прочно и в то же время богато строили испанцы, и, очевидно, почти за столетие до того, как паломники высадились на Плимутской скале, на перешейке существовал великолепный комплекс монументальных сооружений религиозного и гражданского назначения. История этих первых дней американской истории еще не рассказана полностью, но даже те детали, которые доступны, показывают нам, насколько хорошо испанцы трудились ради незыблемости своих основ в Америке.

ГЛАВА VIII

НЕКОТОРЫЕ ВЕЛИКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Вероятно, самой интересной главой в истории Века Колумба для нашего поколения следует считать ту, в которой рассказывается о женщинах того времени, достигших целей, благодаря которым их имена запомнились навсегда. Какими бы великими ни были мужчины, женщины были во всех отношениях достойны их, и с тех пор эти женщины эпохи Возрождения привлекают к себе внимание, хотя никогда так сильно, как сейчас, когда мы снова начинаем серьезно относиться к проблеме предоставления женщинам самых широких возможностей для интеллектуального развития и достижений, каких они только могут пожелать. Итальянские дамы эпохи Возрождения были предметом особого внимания, иногда даже почти полностью затмевая своих не менее интересных сестер других национальностей, поскольку в каждой стране Европы эпоха Возрождения принесла великолепное развитие женских интеллектуальных стимулов и достижений и продемонстрировала прекрасную демонстрацию женских сил.

КРИВЕЛЛИ, МАДОННА НА ТРОНЕ

Было бы совершенно невозможно дать сколько-нибудь адекватное представление о большом количестве женщин, которые в этот период проявляли интеллектуальные способности высокого порядка. Все, что можно сделать, - это отобрать из различных стран Европы тех женщин, которые в то время выполняли работу такого высокого уровня, что их имена никогда добровольно не будут преданы забвению, и чья карьера будет представлять непреходящий интерес для человечества до тех пор, пока сохраняется наша нынешняя форма цивилизации. Они не только заслуживают места рядом с людьми того времени, но некоторые из них действительно должны быть классифицированы как превосходящие всех, кроме самых высоких гениев того периода. Разнообразие их достижений столь же интересно, как и их качество. Прежде всего, женщины века Колумба продемонстрировали свою способность управлять государством, организовывать особенно благотворительные мероприятия, обеспечивать строительство прекрасных больниц и надлежащий уход за больными бедняками, а также руководить украшением своих домов и красотой домашней обстановки, так что внутреннее убранство в стиле Ренессанс и сады были особым предметом подражания всякий раз, когда в последующее время украшение дома занимало должное место.

Первой женщиной, которую следует рассматривать в столетии Колумба, естественно, должна быть Изабелла Кастильская, которой во многом обязаны достижения Колумба. К счастью, в последние годы ее жизнь и карьера стали намного лучше известны, и мы получили более адекватное представление о ее замечательных административных способностях и глубоком влиянии на свое время. Вероятно, в истории нет женщины, которая так глубоко повлияла на свою нацию и поколение, как Изабелла. Во времена великих женщин она была величайшей. Кроме того, она была очаровательно женственна и многое сделала для того, чтобы поднять положение своего пола в Испании до уровня достижений эпохи Возрождения.

Едва ли найдется какой-либо вид деятельности, в котором Изабелла не оставила следов своего гения. Ее способность вдохновлять мужчин была очень велика. Она лично руководила своими армиями, и, несомненно, ей больше, чем кому-либо другому, обязаны успехи испанцев против мавров в то время. Ее талант к миру, так же как и к войне, подтверждается формированием полицейских сил в Испании, **Санта-Эрмандад**, предназначенных для защиты людей и собственности от несправедливости любого рода, хотя особенно от насилия со стороны знати. Она находила Испанию анархичной, лишенной какой-либо власти над беспорядками и с таким количеством элементов недовольства, что казалось безнадежным думать о превращении ее в единую могущественную страну. Она оставила его мирным и процветающим, и когда она умерла, то была правительницей более обширных владений, чем когда-либо имела Римская империя. Отчасти это, несомненно, было ее удачей, но счастливые случайности в истории случаются, как правило, только с теми, кто способен ими воспользоваться. Она поощряла образование и, прежде всего, получила прекрасное образование для себя. Ее кастильский был признан стандартом языка Королевской академией Испании. Став матерью, она занялась изучением латыни, чтобы разделить образование своих детей, и научилась хорошо ее знать. Она чрезвычайно заботилась об образовании своих детей и, чтобы обеспечить им наилучшую умственную подготовку, основала дворцовую школу, куда для преподавания были приглашены одни из самых ученых людей того времени.

Как правило, все, что большинство из нас знает об Изабелле, - это то, что она пригласила Колумба к себе со словами: "Я возьму на себя ответственность за мою собственную корону Кастилии и готова заложить свои драгоценности, чтобы покрыть связанные с этим расходы, если средств в казне окажется недостаточно". Это была женская интуиция, превосходящая по своей проницательности все знания окружающих ее людей. Возможно, есть еще один факт, который известно очень многим людям, а именно, что во время осады Гранады она заявила, что не сменит свою смену до тех пор, пока город не будет взят. Рассказанная о ней с похвалой в начале, эта история дошла до более утонченных времен и стала казаться немного нелепой. Но для любого, кто знает напряженную жизнь, большая часть которой была проведена в седле, подбадривая, уговаривая, угрожая, убеждая, ведя за собой, вдохновляя мужчин своего времени, пока то, что было самой беспокойной и несчастной страной в Европе, не превратилось в прочно консолидированную нацию, где процветание и счастье шли рука об руку, дух женщины будет лучше раскрыт в этом выражении, чем в чем-либо другом.

Пожалуй, во всей мировой истории нет более великой женщины-правителя. То, на что она была способна физически во время своих долгих поездок верхом, могло бы показаться почти невероятным, и все же при всем этом она была в высшей степени женственной, любящей матерью своим детям, известной заботой о своем хозяйстве и, что, пожалуй, самое странное, великой рукодельницей. Многие церкви в Испании с гордостью демонстрировали алтарное полотно, созданное ее руками, и исторические традиции, которые восходят к ее фактическому ручному труду, хорошо подтверждены.

Ее дочери, так же как и сыновья, получили самое лучшее образование, хотя, благодаря примеру и поддержке матери, они посвятили себя рукоделию и даже искусству прядения и ткачества. Говорят, что Фердинанд католик, ее муж, мог заявить, как это сделал Карл Великий, что он не пользовался ни одним предметом одежды, который не был бы шит для него его женой или дочерьми. Когда она была замужем за Фердинандом, они были так бедны, что им приходилось занимать деньги, чтобы сделать слугам подарки, которые были обычными в таких случаях. Говорят, что она штопала один камзол для своего мужа, короля, целых семь раз. Ее глубокое благочестие, твердый характер, привычки к трудолюбию и бережливости, и все же ее способность понимать, что может быть хорошо для ее королевства и ее народа, и свободно тратить на это деньги были замечательным примером для того времени. Прежде всего, она препятствовала праздной расточительности знати и преуспела в значительном уменьшении безнравственности при дворе. Она собрала великолепную коллекцию книг, способствовала обучению в университетах, поощряла это среди женщин того времени, и неудивительно, что историки так много хвалили ее. При всем этом она была крайне несчастлива в своих детях - она видела, как ее сын умер в расцвете юности, ее дочь сошла с ума, другим дочерям, включая английскую королеву Екатерину, было суждено, несмотря на благоприятные предзнаменования в молодости, испытать самое горькое несчастье - и мать должна была быть источником утешения для них всех.

ГОЛЬБЕЙН, КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ

Дух Изабеллы в вопросе прав ее подданных, пожалуй, лучше всего можно оценить по известному выражению, которое она употребила, услышав, что Колумб предложил некоторым представителям испанской знати в качестве подарков индейцев, которых он привез с собой домой. Королева, услышав об этом, возмущенно спросила: "Кто разрешил Колумбу раздавать кому бы то ни было моих вассалов?" Узнав, что некоторые индейцы содержатся в Испании в качестве рабов, она издала указ о том, что они должны быть возвращены на родину за счет лица, во владении которого они были найдены.

Прескотт нарисовал разительный контраст между характерами Изабеллы и Елизаветы. Эти два имени имеют одинаковое происхождение, и есть много деталей из их карьеры, которые наталкивают на сравнение. Поскольку Елизавета на самом деле является продуктом века Колумба, за семнадцать лет до закрытия века, сравнение Прескотта представляет для нас особую ценность, поскольку в нем рассказывается история двух великих женщин того времени, хотя работа одной из них была завершена после закрытия нашего периода. Он говорит (стр. 188, том III):

"Обоим удалось утвердиться на троне после самых опасных перипетий. Каждая вела свое королевство через долгое и триумфальное правление к вершинам славы, которых оно

никогда прежде не достигало. Оба дожили до того, чтобы увидеть тщету всего земного величия и пасть жертвами безутешной меланхолии; и оба оставили после себя прославленное имя, которому нет равных в последующих летописях их страны.

Но с учетом этих немногих обстоятельств их истории сходство исчезает. Их характеры едва ли представляют собой точку соприкосновения. Елизавета, унаследовав значительную долю смелого и грубоватого темперамента короля Гарри, была надменной, высокомерной, грубой и вспыльчивой; в то время как к этим более свирепым качествам в ней примешивались глубокое притворство и странная нерешительность. Изабелла, с другой стороны, уравнивала достоинство королевского положения самыми мягкими и учтивыми манерами. Приняв решение, она была постоянна в своих целях, а ее поведение в общественной и частной жизни характеризовалось прямоотой и порядочностью. Можно сказать, что оба проявили то великодушие, которое подразумевается при достижении великих целей перед лицом великих препятствий. Но Елизавета была отчаянной эгоисткой; она была неспособна простить не только реальную обиду, но и малейшее оскорбление своего тщеславия; и она была безжалостна в требовании возмездия. Изабелла, с другой стороны, жила только для других, - была готова в любое время пожертвовать собой ради соображений общественного долга; и, далекая от личных обид, проявляла величайшую снисходительность и доброту к тем, кто наиболее ощутимо ранил ее; в то время как ее доброжелательное сердце искало все средства для смягчения санкционированной суровости закона, даже по отношению к виновным

"Чтобы правильно оценить этот (контраст), мы должны рассмотреть результаты их соответствующих правлений. Елизавета нашла под рукой все материалы для процветания и умело ими воспользовалась, чтобы создать прочную ткань национального величия. Изабелла создала эти материалы. Она видела, что способности ее народа погружены в летаргию, подобную смерти, и она вдохнула в них дыхание жизни для тех великих и героических предприятий, которые закончились такими славными последствиями для монархии. Если смотреть на подавленное положение, в котором она находилась в первые дни своего правления, достижения ее правления кажутся едва ли не менее чем чудесными ".

Прескотт заявила, что ее сердце было наполнено благожелательностью ко всему человечеству. В самый разгар войны она занималась разработкой средств для смягчения ее ужаса. Говорят, что она была первой, кто ввел благотворительный институт лагерных больниц, и часто рассказывают о ее живой заботе о том, чтобы не проливать кровь даже своим врагам. Ее учреждение инквизиции и изгнание евреев часто противопоставляются этому, но Прескотт, не колеблясь, сказал: "На самом деле будет трудно осудить ее, не осуждая ее возраст; ибо эти действия не только оправдываются, но и превозносятся ее современниками как составляющие ее постоянные претензии на известность и благодарность ее страны". Испанцы гораздо более позднего времени не постеснялись объявить инквизицию "великим доказательством ее благоразумия и благочестия, исключительную полезность которых свободно признала не только Испания, но и весь христианский мир". Несомненно, это спасло Испанию от некоторых бед, которые опустошили Германию во время Столетней войны после Реформации, когда религиозные разногласия настолько ожесточили борьбу и сделали невозможным процветание национальных дел или достижение людьми какого-либо общего понимания в отношении чего-либо на благо содружества. Разница между позициями Испании и Германии в этом отношении весьма поучительна.

В Италии так много выдающихся женщин того периода, что выбор действительно вызывает смущение. Вероятно, однако, общее мнение было бы единодушным, что типичной великой интеллектуальной женщиной того времени является Виттория Колонна, дочь великой римской семьи с таким именем, которая стала женой маркиза Пескары. Чета Колонна в это время находилась в изгнании в Неаполе, где ее отец был великим констеблем. Ее матерью была Агнесина де Монтефельтро из герцогского дома Урбино, и после десятилетнего возраста она воспитывалась своей будущей невесткой, герцогиней Констанцей, на острове Искья. Таким образом, она была тесно связана со многими важными дворянскими семьями Италии, и ее карьере можно рассматривать как пример возможностей получения образования и интеллектуального влияния в ее классе в то время. Ее муж прославился как военачальник и, наконец, в возрасте едва ли более тридцати лет был произведен в генералы императорских войск, когда папа и император Карл V заключили союз и изгнали французов из Милана в 1528 году. Он был командующим императорской армией в битве при Павии в 1525 году, после которой Франциск I, жестоко избитый и взятый в плен, отправил своей матери знаменитое послание из своей камеры в Чертозе близ Павии: "Все потеряно, кроме чести".

Франциск был слишком важным пленником, чтобы оставлять его на произвол судьбы во время войны в Италии, поэтому Карл V приказал перевезти его на корабле в Мадрид. Французские эмиссары, пытавшиеся отвоевать маркиза Пескару у его верности императору, представили ему этот поступок как нечто вроде оскорбления или, по крайней мере, недоверия. Они предложили ему неаполитанский трон, если он оставит императора и перейдет на сторону французов. Маркиз был ранен и только выздоравливал, когда были сделаны эти предложения. Он написал своей жене Виттории, с которой был в самых очаровательных отношениях, рассказал ей о своем предложении и попросил совета. С короной, болтающейся перед ней, и дополнительным искушением, самым тонким, какое только могло быть для женщины, вернуться королевой туда, где она была всего лишь придворной дамой, Виттория написала знаменитое письмо, которое заслуженно так часто цитируется:

"Хорошенько подумай о том, что ты делаешь, помня о славе и уважении, которыми ты всегда пользовалась; и, по правде говоря, я, со своей стороны, забочусь не о том, чтобы быть женой короля, а о том, чтобы соединиться с верным и преданным человеком; ибо не богатство, титулы и королевства могут дать истинную славу, бесконечную хвалу и вечную известность благородным духам, жаждущим вечной славы; но вера, искренность и другие добродетели души; и с ними человек может подняться выше самых высоких королей не только на войне, но и в мире".

ТИЦИАН, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Вскоре после этого ее муж скончался от полученных ран, и сердце Виттории было разбито. Письма, которые они писали друг другу, показывают, насколько это был брак по любви, и за все шестнадцать лет супружеской жизни, кажется, ничто не могло ему помешать. Единственным утешением Виттории теперь была религия, и она подумывала о том, чтобы уйти в монастырь, но было сочтено, что она могла бы добиться гораздо большего добра в этом мире, и было издано специальное папское предписание, разрешающее ей проводить в монастырях столько времени, сколько она пожелает, но запрещающее начальству разрешать ей принимать постриг до тех пор, пока острота ее горя не утихнет и она не сможет принять решение, не будучи слишком подавленной чувством потери. Большую часть оставшейся жизни она провела в монастырях или почти в монастырском уединении. Она написала серию стихотворений, многие из которых носят религиозный характер. Длинный сериал представляет собой своего рода **посвящение** памяти ее покойного мужа. Они написаны очень очаровательными итальянскими стихами, и известный критик и специалист по итальянской литературе описал эти стихи "как проникнутые неподдельным чувством. В них есть то достоинство и мягкость, которые присущи спонтанным высказываниям благородного сердца ". Последние пятнадцать лет своей жизни она жила очень уединенно в Риме и оказала глубокое влияние на многих великих людей эпохи Возрождения и особенно на Микеланджело.

Некоторое представление о месте, которое она занимала в культурном обществе Италии того времени, можно составить из того факта, что в 1528 году Кастильоне представил ей свой "*Il Cortigiano*" в рукописи для одобрения и критики. Она хранила его в течение значительного времени, читала отрывки из него своим друзьям, показывала им другие, а затем вернула с высочайшей похвалой. Она заявила, что очень завидовала людям, которые цитируются в книге, даже несмотря на то, что они были мертвы. Писатель, очень хорошо знавший этот период и особенно изучавший жизнь женщин эпохи Возрождения, заявил:

"Виттория Колонна действительно была женщиной, которой можно было гордиться: не тронутой скандалом, не испорченной похвалой, неспособной ни на какой неблагородный поступок, не осужденной ни за одно нелицеприятное слово. Долгое время находясь среди таких религиозных и политических разногласий, как разделенные и вырванные с корнем семьи, она все же сохранила во всех жизненных отношениях ту драгоценность совершенной верности, которая не требует оправдания".

Слишком часто создается впечатление, что Виттория Колонна стоит почти особняком в своем высочайшем благородстве характера, но это только потому, что о ней заслуженно много говорили. Однако на данный момент у женщин Италии много соперниц во всем, что является лучшим. Очарование некоторых из этих женщин эпохи Возрождения лучше всего можно понять из похвал в их адрес, которые мы слышим от выдающихся литераторов того времени. У одной из них, Элизабет Гонзага, были одни из самых прекрасных вещей, сказанных о ней мужчинами, чьи суждения и критические способности оставляют их на том свете великими учеными писателями. Во вступительном послании к своему *"Кортиджано"* Кастильоне говорит, намекая на смерть этой несравненной дамы: "но о чем нельзя говорить без слез, так это о том, что герцогиня тоже мертва. И если мой разум также обеспокоен потерей стольких друзей, которые оставили меня в этой жизни как бы в пустыне, полной скорби, то все же насколько с большей скорбью я переношу смерть моей дорогой леди, чем все остальные; поскольку она была достойнее всех, и я был более предан ей". Действительно, великая работа Кастильоне была частично написана в память о ней. Пьетро Бембо, вспоминая счастливые дни, проведенные им при ее дворе, говорит: "Я видел много превосходных и благородных женщин и слышал о некоторых, столь же прославленных определенными качествами, но только в ней среди женщин все добродетели были объединены. Я никогда не видел и не слышал ни о ком, кто был бы ей равен, и знаю очень немногих, кто хотя бы близко подходил к ней".

В то время в каждом городе Италии было по несколько таких благородных женщин. Выдающимся среди тех, кого знают не так хорошо, как они того заслуживают, является донна Катарина Фиеско или Адорно из Генуи, одна из святых женщин того времени, которая, забыв о себе, умела так мудро и женственно помогать другим, что ей присвоили титул святой Екатерины Генуэзской. Она была дочерью одной из знатных генуэзских правящих семей, Фиески, дочерью графа Джакомо Фиеско, который был вице-королем Неаполя и папским камергером в первой половине XV века. Катарина родилась 10 июля 1447 года, третья из семи дочерей, мать которых также происходила из древнего генуэзского дома, зачисленного в первое Либро д'Оро. Очень рано она решила стать религиозной, но Джулиано Адорно, сын дожа Антониотто Адорно, влюбился в нее, и хотя у него была репутация молодого бойца и спортсмена, он был хорош собой, и донна Катарина, увидев его несколько раз на мессе, влюбилась в него. Политические соображения помогли этому браку и, действительно, казались наиболее весомыми, поскольку после того, как Катарине рассказали о необузданных повадках Джулиано, она отказалась выйти за него замуж и в конце концов вышла замуж в черном, категорически отказавшись надеть обычное красное бархатное платье и роскошные украшения из золота и драгоценностей генуэзских невест. Их брак, как, очевидно, и опасалась Катарина, не был счастливым, и через пять лет Катарина удалилась в монастырь. После ее отъезда ее мужу становилось все хуже и хуже, и в конце концов, отвергнутый своим снисходительным отцом, он опустился до крайней нищеты и отчаяния. Его жена разыскала его, подняла на руки, и вместе они сняли дом недалеко от Спедале Маджоре, где принимали бедных неизлечимых больных и заботились о них. Пять лет спустя ее муж умер, "своей смертью оплатив все долги", и Катарину избрали настоятельницей женского отделения больницы. Она организовала уход за больными,

реорганизовала больничную службу, особенно в отношении бедных, и очень серьезно относилась к своим официальным обязанностям настоятельницы. Однако она нашла время написать несколько небольших книжек для людей, страдающих душевными и телесными расстройствами, и некоторые из них были переведены на французский и испанский языки. Ее "Трактат о чистилище", излагающий силу христианского благочестия перед лицом смерти, был опубликован в 1502 году и имел широкую популярность в латиноамериканских странах Европы. Она написала серию диалогов, которые стали очень популярными и широко использовались приходским духовенством в драматической форме в церквях. Два персонажа в диалогах были Добрыми и Злыми, и с конкурирующих кафедр они предъявляли свои различные претензии. Обычай такой диалогической формы церковного наставления все еще сохранился в Генуе. В 1509 году она умерла, оставив все свое имущество больнице, и ее тело, чудом сохранившееся, покоится в великолепном хрустальном гробу в часовне больницы. О ней, как говорит Эджкамб Стейли в своей книге "Героини Генуи", была процитирована известная итальянская пословица: ***Вера феличита сенза Дио нон си да*** - Истинного счастья без Бога нет.

Еще одной из этих выдающихся интеллектуальных женщин эпохи Возрождения в Италии была достопочтенная Баттистина Вернацца, чьи родители славились своей доброжелательностью и занимали высокое место в Libro d'Oro de'Benemeriti Генуи. Она родилась в 1497 году. В раннем возрасте она проявила замечательные таланты в изучении латыни и написании стихов на латыни и на родном языке. Она поступила в монастырь делле Грации, но отказалась принять постриг до тех пор, пока оба ее родителя не дадут своего согласия, и хотя ее отец был согласен, ее мать отказалась разрешить разлучить ее с собой. После ранней смерти своей матери она ушла в монастырь и там прославилась своим благочестием и ученостью. Ее труды в основном противоречивы и были очень известны в ее время. Сохранились ее письма известным лидерам протестантской партии. После смерти ее отца к ней перешло значительное состояние ее отца. Она использовала все это для благотворительных дел, и особенно в направлении спасения молодых девушек от злых сообществ. Она дожила до девяноста лет, и память о ней до сих пор так свежа среди генуэзцев из-за всего, что она сделала на благо народа, что в квартале города, где она родилась, Муниципальная школа для девочек носит ее имя - Баттистина Вернацца.

Даже в маленьких городках рождались великие женщины, и одной из самых выдающихся женщин века, чье имя очень мало известно, главным образом из-за ее скромности, является Анджела из Меричи, выдающаяся основательница религиозного ордена по образованию девочек всех сословий, чья деятельность сохранилась до наших дней и чьи религиозные дочери сегодня буквально по всему миру. Вероятно, что творчество ни одной женщины эпохи Возрождения не имело такого далеко идущего эффекта, как творчество этой скромной деревенской девушки, единственным достоинством которой в жизни были забота о других и чувство долга. Слишком краткое изложение ее истории можно найти в главе, посвященной женскому образованию.

Важным этапом карьеры женщин эпохи Возрождения является проявление мужественности и независимости духа. Именно в это время впервые было употреблено слово *virago*, но не как сейчас, как знак неуважения, а, напротив, как высокий комплимент. Екатерина Сфорца, чья мужественная защита своего замка хорошо известна и чья жизнь была полна отваги, была известна как Мегера Форли, хотя в то же время ее называли "лучшей благородной женщиной Италии". Изабелла Гонзага проявляет нечто в том же героическом духе, и Клариче Медичи, жена Филиппо Строцци, принадлежит к той же группе. Эти женщины выделяются как выдающиеся, и все же многие женщины эпохи Возрождения

демонстрировали независимость характера, которая, как обычно считается, возникла гораздо позже.

Есть много образованных людей, которые совершенно убеждены, что, хотя в эпоху Возрождения были выдающиеся женщины, заслуженно прославившиеся своим бескорыстным характером и прекрасным моральным влиянием, в ней было еще больше женщин, чьи пороки сделали их скандалом на все времена и чье влияние имело далеко идущие последствия для зла. Действительно, для многих имя Лукреции Борджиа, ставшее притчей во языцех для обозначения всего худшего в человеческой жизни, считается лучшим символом Возрождения, чем имя Виттории Колонна. Вероятно, лучший способ - помимо уже приведенных реальных фактов из жизни женщин - показать абсолютную неправду этого весьма распространенного впечатления - взять жизнь самой Лукреции Борджиа, поскольку она показывает не только отсутствие исторических подтверждений обычным традициям в отношении нее, но, напротив, насколько она заслуживает того, чтобы быть причисленной к великим добрым женщинам эпохи Возрождения, несмотря на все накопившиеся оскорбления в ее адрес, свидетельствующие об обратном. Вероятно, ничто так не показывает, насколько мало доверия можно доверять документам того времени, если их не рассматривать критически, как полное изменение взгляда на семью Борджиа, особенно на Лукрецию, которое произошло за последние несколько лет, как следствие более тщательного научного исторического исследования последних лет.

Фактов из жизни Лукреции сравнительно немного, и их довольно легко понять. Первая часть книги окутана клеветой, столь распространенной в отношении Борджиа. Они были испанцами, пробивавшими себе дорогу в Италии, и о них нельзя было сказать ничего плохого. Вся ее дальнейшая жизнь была в центре внимания общественности, и это должно быть основой для любого суждения о ней. Когда ей было около двадцати четырех лет, после двух печальных супружеских переживаний она вышла замуж по политической договоренности за Альфонсо, сына Эрколе, герцога Феррарского. Перед этим браком было проведено тщательное расследование ее характера, и специальный посланник, отправленный с этой целью, написал, что "с самой Лукрецией не было ничего необычного. Она была разумной, сдержанной, с добрым и любящим характером, а ее манеры были полны скромности и благопристойности; добрая христианка, преисполненная страха Божьего. ... По правде говоря, таковы ее хорошие качества, что я уверен, что с ее стороны нечего бояться или, скорее, на нее можно надеяться". После замужества Лукреция почти двадцать лет прожила в Ферраре. Когда она умерла в начале среднего возраста, все жители города проводили ее до могилы, которые почитали ее как святую и смотрели на нее как на человека, который сделал все, что мог, чтобы сделать жизнь своего народа счастливее. Она была похоронена в монастыре сестер Корпуса Кристи, в той же гробнице, что и мать Альфонсо, герцогиня Леонора, о доброте которой мы уже говорили, и восхваления ей были на всех языках.

Все, что клеветнически говорится о Лукреции, относится к годам, предшествовавшим этому браку, когда она жила в Риме до двадцати трех лет. Одного знания этого факта вполне достаточно, чтобы сделать истории о ее беспрецедентной порочности весьма сомнительными. Грегоровиус недавно пересмотрел все документы и полностью оправдал ее. Она была всего лишь жертвой жестокой политической ненависти того времени. Если взять один случай отравления, в связи с которым ее имя было столь печально известно, а репутация столь печально известна, Гарнетт в "Кембриджской современной истории" заявляет, что есть только один случай, в котором предполагается, что Борджиа использовали яд, для которого есть какие-либо доказательства, и они очень сомнительны. С этим человеком Лукреция не имела ничего общего. Обсуждая ее развод со Сфорца, он

говорит: "Сделка также в некоторой степени дискредитировала выдвинутые против Борджиа обвинения в тайном отравлении, которые было бы легче и удобнее использовать, чем неприятный и скандальный метод судебного процесса".

Некоторые из отзывов о Лукреции Борджиа от ее современников в высшей степени хвалебны. Среди ее друзей были одни из лучших людей того времени. Альд Мануций превозносит ее до небес, превозносит ее доброжелательность к бедным, ее заботу о страждущих и ее способности правителя. Нет никаких сомнений в том, что она была одной из тех замечательных женщин эпохи Возрождения, чьими административными способностями следует восхищаться больше, чем какими-либо другими качествами. В отсутствие мужа она управляла государством с поразительной осмотрительностью, но при этом справедливость всегда сочеталась с милосердием. Именно благодаря ей был принят закон, защищающий евреев Феррары, который стал образцом для других подобных законодательных актов в городах Италии.

Интересно проследить изменение отношения к ней со стороны тех, кто либо не заботился о ней, либо на самом деле был настроен против нее яростно. Ее невестка, Изабелла Д'Эсте, стала настоящим другом, о чем свидетельствуют ее письма, хотя поначалу ей совсем не нравилась идея союза дома Д'Эсте с домом Борджиа, и потребовалась вся сила воли ее отца и вся его политическая проницательность, чтобы обеспечить ее присутствие на свадьбе. Письма, написанные десять лет спустя, свидетельствуют о самой тесной дружбе между этими двумя женщинами. В течение года после замужества она полностью завоевала своего мужа, которому поначалу было совершенно безразлично, и который женился на ней по настоянию своего отца и исключительно по политическим соображениям. Когда ее первый ребенок умер при рождении, ее муж очень заботился о ней, беспокоился о ее здоровье и дал обет, что отправится в паломничество в Лоретто для ее выздоровления, обет, который он выполнил сразу же, как только стало известно о ее выздоровлении.

Биограф Баярда, знаменитый французский кавалер того времени, *"Без страха и упрека"* заявил по поводу визита Баярда к мадонне Лукреции в Ферраре: "Осмелюсь сказать, что ни в ее время, ни за много лет до этого не было такой великолепной принцессы. Потому что она красива и добра, нежна и любезна со всеми". Грегоровиус заявляет в своей книге "Лукреция Борджиа, согласно подлинным документам и переписке Ее времени": [Сноска 26] "Лукреция завоевала всеобщее уважение и привязанность; она стала матерью своего народа. Она с готовностью прислушивалась к страданиям и помогала всем, кто в этом нуждался. Она отбросила, как сказал современник Иовий, "помпезность и суету мира, к которым привыкла с детства, и посвятила себя благочестивым трудам, основала монастыри и больницы и пожертвовала их". " Она умерла в раннем возрасте сорока лет, так что почти двадцать лет служения другим представляют собой не последствия долгой бурной жизни, когда человеческие страсти перегорели сами собой, а зрелые годы зрелости и наивысшей жизненной силы.

[Сноска 26: Переведено Гарнером, Эпплтон, 1913, Нью-Йорк.]

Кависео даже осмелился, когда хотел похвалить знаменитую Изабеллу Гонзага, сказать, что она приблизилась к совершенству Лукреции. Он добавляет, и Грегоровиус подчеркивает это мнение: "она искупила имя Борджиа, которое теперь всегда упоминалось с уважением". Действительно, на свете мало женщин, о которых мужчины, хорошо знавшие ее лично, произносили бы такие замечательные похвалы и которые сами часто были среди тех великих мужчин и женщин, памяти которых мир добровольно не позволит умереть. Все дурное, что говорят о ней, говорят скандальные и ничтожные писатели ее времени,

итальянские враги испанского дома Борджиа, который пришел в Италию и имел большой успех. Эти мерзкие традиции, кухонные истории эпохи Возрождения, были собраны воедино и сохранены, потому что очень многих людей интересует то, что является злом, а не добром. В то время, когда величие периода, в который она жила, плохо оценивалось и когда религиозные мотивы склоняли к легковерию, о них стали широко сообщать, пока Виктор Гюго не собрал их все вместе для своей характеристики ее и оперой Доницетти не популяризировал идею о том, что Лукреция, вероятно, была худшей женщиной, которая когда-либо жила. Потребовалось много исследований по реальной истории, чтобы изменить это популярное представление, которое до сих пор не исправлено, и ничто так хорошо не иллюстрирует ошибочность популярной исторической информации, как эта история о Лукреции.

PALMA VECCHIO, ST. BARBARA

Когда ей пришло время умирать, ее муж сказал о ней в письме своему племяннику, в отношении которого не было ни малейшего намека на лицемерие или притворство: "Я не могу писать это без слез, зная, что лишен такого дорогого и милого товарища. Именно таким ее образцовое поведение и нежная любовь, которая существовала между нами, сделали ее для меня".

Величайшей женщиной французского Возрождения и, вероятно, самой влиятельной из женщин того времени, за возможным исключением Виттории Колонна, была Маргарита Ангулемская. В англоязычных странах она более известна как Маргарита Наваррская, хотя во Франции о ней иногда говорят также как о Маргарите Валуа или о Франции. Она была сестрой Франциска I, короля Франции, и была предана ему в своей привязанности. Несомненно, именно она больше, чем кто-либо другой, вдохновила своего брата на идею основания Колледжа Франции, и именно она была покровительницей французского Возрождения. После того, как Франциск был взят в плен в битве при Павии и отправлен в качестве пленника в Испанию, она с сестринской преданностью совершила долгое, опасное

и трудное путешествие, каким оно было в те дни, из Парижа в Мадрид, и, несмотря на все трудности, оставалась рядом со своим братом во время его заключения.

Мир в целом знает ее как автора "Гептамерона" и довольно сурово осудил ее за слишком большую свободу манер и морали. Однако наше собственное поколение, которое с юных лет читает в наших ежедневных газетах гораздо худшие истории, чем когда-либо писала Маргарет, не должно быть готово осуждать ее. Трудно понять, как она писала эти рассказы, если не знать условий того времени. Вольность, вошедшая в круг романистов, привела к рассказыванию многих историй, которые даже наш век, привыкший к величайшей вольности в этом вопросе, находит слишком откровенными. Маргарет, которую ее поколение единодушно называет святой, надеялась устранить зло, заключенное в таких историях, рассказав их откровенно и добавив к ним мораль. Истории были прочитаны, а моралью пренебрегли. Ее идея во многом совпадала с предлогом, использованным для публикации множества всевозможных криминальных историй в наше время, - гласность способствует устрашению. Ошибочная психология этой попытки оправдать серьезное нарушение этики слишком очевидна. Благие намерения Маргарет в этом вопросе несомненны. Однако благие намерения не гарантируют, что действия не приведут к пагубным последствиям. Маргарет пыталась исправить коррупцию своего времени почти таким же образом, как многие женщины были привлечены к деятельности в наше время, только она совершила печальную ошибку, используя неправильные средства, думая, что публичность или информация станут защитой от зла, а не стимулом к тем самым формам порока, которые она пыталась исправить - прежде всего, для молодежи. Ее значение в литературе обсуждается в главе, посвященной французской литературе.

Личный характер Маргарет - один из самых прекрасных в истории, и он полностью оправдывает похвалы ее современников и даже слова Виттории Колонны, которые могли бы показаться преувеличенными. Самая интересная черта характера Маргариты - это ее преданность больным беднякам. Внизу, в Алансоне, большая больница была обязана ей своим происхождением, и ее имя было благословенно среди людей за все, что она сделала. Ее служение было не просто отдаленным служением, которое могла бы оказывать королева из-за власти, которой она обладала, нанимая других, но она посвятила себя личной работе для них, которая заставляла их чувствовать ее святое бескорыстие. Король, ее брат, выделил ей грант на создание школы для подкидышей в Париже. Он был известен как *La Maison des Enfants Rouges*, Дом Красных детей, из-за алых платьев, которые были униформой. Фрэнсис в своем гранте говорит, что его сестра рассказала ему, как эти маленькие дети, которых подобрали на улицах Парижа, умирают, когда их доставляют в Отель-Дье, и что они сами нуждаются в особом уходе в учреждении, и он очень рад прийти ей на помощь.

Когда ее собственный сын умер в возрасте нескольких месяцев, Маргарита, чью нежную семейную привязанность можно очень хорошо оценить по ее отношениям с братом, была убита горем. Однако у нас есть наивное описание силы души, с которой она перенесла это: "Она ушла в свою комнату, отказавшись от помощи кого-либо из придворных женщин, и очень смиренно поблагодарила Господа за все добро, которое Ему было угодно ей сделать". Однако она пошла еще дальше, она запретила устраивать какую-либо публичную скорбь, велела петь *Te Deum* от радости в церкви, потому что смерть означала вознесение ангела на Небеса, и она приказала развесить по всему городу плакаты с надписью: "Господь дал и Господь отнял; да будет благословенно имя Господа". И все же после этого она сама носила черный цвет и никогда его не меняла, и через некоторое время этот цвет стал официальным цветом женской одежды при ее дворе.

Одной из выдающихся женщин века, чьи административные способности превзошли способности мужчин того времени, является Мария Бургундская, чью прекрасную гробницу можно увидеть в Брюгге. Памятник является одной из жемчужин старого города, но не более чем соответствует характеру дамы, память о которой он должен был увековечить. Ее отношения с гордыми бюргерами Нидерландов были отношениями сочувствующей правительницы, пытающейся обеспечить процветание этим бережливым городам, торговля которых позволила столь многим их жителям стать богатыми и счастливыми гражданами. Если бы ее отношение к ним перешло к кому-нибудь из ее преемников, мы были бы избавлены от этой уродливой хроники почти ста лет кровопролития, войн и голода в Нидерландах, которая является одним из самых печальных пятен в современной истории. Ее предоставление привилегий и наделение правами с признанием старых обычаев в официальных документах теперь увековечено во многих местах современного искусства Нидерландов, и это является ее лучшей данью уважения и памятником.

Последняя из женщин этого столетия, которая заслуживает упоминания и без которой действительно любой отчет о столетии был бы неполным, вероятно, величайшая из всех женщин того периода и, возможно, величайшая интеллектуальная женщина, когда-либо жившая. Конец главы возвращает нас в Испанию, к Терезе де Сепеда-и-Ахумада, которую мир знает как Святую Терезу. Это правда, что большая часть ее работы была выполнена после окончания века, но поскольку она родилась в 1515 году и, следовательно, была тридцатипятилетней до окончания Века Колумба, получив всю свою подготовку и сформировав ум в период великого Возрождения, ее место, естественно, в этой эпохе. Она самая важная из женщин эпохи Возрождения, хотя это редко осознается, и ее репутация с годами не только не уменьшилась, но, скорее, возросла. Даже за последние двадцать лет множество ее жизнеописаний было написано на всех языках Европы, и не менее дюжины из них вышли на английском. Современные феминистки обратились к ней как к одной из величайших представительных женщин всех времен.

Стоит отметить некоторые из величайших проявлений уважения к ней. Ее собственные испанские соотечественники с любовью называют ее своим Доктором Церкви. В Риме у входа в Ватиканскую базилику, где высечены из мрамора Отцы и Доктора Церкви, вы увидите одну-единственную статую, воздвигнутую женщине, с надписью: **"Mater Spiritualium"** - Мать всего Духовного. Это статуя Терезы, которая была прославленно провозглашена Матерью Духовности, Мастером Мистического Богословия и практически Доктором Церкви в области принципов духовной жизни.

Французы и испанцы находятся почти на противоположных полюсах в своих критических оценках, однако Терезу почитают почти так же высоко во Франции, как и в ее родной стране. Такие разные люди, как Боссюэ и Фенелон, объединились, провозгласив ее своим учителем в науке святых, и объявили ее книги "Путь совершенства", "Замок души", "Книга основ" и "Духовный совет" самым замечательным вкладом в человеческое знание, который когда-либо был сделан.

Ее обращение было обращено не только к латиноамериканским расам Европы. Немецкие мистики всегда находили особую привлекательность в творчестве святой Терезы, и это было верно не только среди студентов-католиков в Германии, но и почти во все времена среди протестантов. В наше время Тереза стала предметом многих монографий немецких писателей.

В английском языке, хотя можно было бы ожидать, что национальные чувства и религиозные предрассудки сделают Терезу малоизвестной или даже намеренно

игнорируемой, ее работы стали очень хорошо известны. В середине семнадцатого века Крэшоу был очарован (никакое другое слово не выразит его возвышенных чувств) ее произведениями и буквально думал, что ни у кого никогда не было такого высокого видения потусторонних вещей. Джордж Элиот отдала ей дань уважения в предисловии к "Мидлмарчу", и хотя ее собственная неудовлетворенность жизнью делает эту дань несколько неохотной и нерешительной, нет никаких сомнений в том, что наша величайшая женщина-романист девятнадцатого века находилась под очень глубоким влиянием произведений "спокойного света" шестнадцатого.

Едва ли какой-либо писатель имел такое широкое европейское влияние, как эта святая-затворница, которая писала только потому, что так велел ей духовник, и которая не думала ни о стиле, ни о чем другом, кроме как как можно проще донести мысли, которые придут ей в голову, до ее испанских религиозных братьев. Ее испанская проза - чудо простого достоинства и корректности, представляющее лучшую испанскую прозу вплоть до нашего времени. Когда несколько лет назад Эчегарай, известный испанский романист современности, получил Нобелевскую премию по литературе, его спросили, что он сделал для совершенствования своего испанского стиля. Он заявил, что чуть ли не единственной книгой, которую он читал ради ее стиля, были "Письма святой Терезы". В английском языке у нас нет ничего похожего на эти письма, хотя письма Каупера ближе всего к ним. Они полны простоты, глубоко интересны деталями обычной жизни и, прежде всего, полны юмора. Это качество, которого, по мнению большинства людей, не хватало великой испанской монахини. Те, кто объяснил бы ее видения и ее унижение истерией или психоневротическими состояниями, сразу же не обманулись бы в своей оценке ее характера, если бы только прочитали ее письма. Истеричным людям прежде всего не хватает чувства юмора, и они относятся к себе очень серьезно.

Данте, вероятно, единственный писатель в европейской литературе, с которым святую Терезу можно по праву сравнить. Она обладает той же способностью передавать все глубокое значение потусторонности, той же универсальностью интереса, тем же чудесным качеством, которое привлекает к ней особенно тех, кто сам по себе глубоко поэтичен или духовен по натуре. Мужчины, которые потратили долгие годы на изучение и переживание того, чему посвящены ее труды, находят их удивительно полными смысла и охотнее всего посвящают им время. Издания ее различных произведений заполнили бы очень большую библиотеку, и нет никаких сомнений в том, что труды ни одной когда-либо жившей женщины в настоящее время не занимают такого большого места в библиотеках всего мира, как труды святой Терезы.

Рядом со святым Фомой и Данте, как достойный член славной троицы писателей, святая Тереза заслуживает места в том, что касается тем, которые были наиболее трудноуловимыми, хотя и наиболее заманчивыми для мужчин. Однако любой, кто подумал бы, что она была просто мистиком, прискорбно ошибся бы в оценке ее карьеры. Прежде всего, она была очень практичной женщиной. Ее многочисленные наставления о реформаторских кармелитках при самых обескураживающих обстоятельствах демонстрируют неукротимую волю женщины и ее способность жить ради достижения цели. Именно она сказала, когда в качестве причины отказа от дальнейшего строительства была названа ее бедность: "Тереза с пятью дукатами ничего не может сделать, но Тереза с Богом и пятью дукатами может сделать все". Теперь нет сомнений, что она больше, чем кто-либо другой в Испании, повернула вспять ход Реформации. К ее совету с нетерпением обращались со всех сторон. Тщательно ведя свою уединенную жизнь, она завела много друзей и повлияла на каждого из них тем, что было в них лучшего. Ее реформа кармелиток принесла много врагов, прежде всего потому, что другие религиозные ордена признали, что им тоже

придется участвовать в реформе, но все было проведено с поразительным успехом, с мягкостью и притормозжением, но с твердостью и мужеством, которые ничто не могло поколебать, и силой достижения, которой ничто не могло помешать.

Те, кто думает, что книги Терезы - это просто эссе о пиетизме или приятное чтение в моменты духовного подъема, глубоко ошибаются. По глубине смысла и устремленности к непознаваемому, но в то же время приближаясь к нему ближе, чем кто-либо другой когда-либо, книги святой Терезы не имеют себе равных. В анализе души и в том, как она раскрывается в своих стремлениях к высшему, Терезе нет равных. Ее картины небесных явлений являются постоянным напоминанием о Данте. Большинство людей считают "Ад" шедевром Данте. Те, кто знает его лучше всего, думают скорее о "Чистилище", но несколько возвышенных, поэтичных душ, погруженных в духовное, сочли его "Парадизо" самым возвышенным из человеческих документов. Хотя во многих произведениях Терезы постоянно присутствуют напоминания о "Чистилище", однако чаще всего в качестве сравнения используется "Рай". То, что кардинал Мэннинг сказал о "Парадизо", вполне может быть повторено и о мистических произведениях Терезы. Было сказано: "После **"Суммы"** святого Фомы не остается ничего, кроме видения Бога". К этому кардинал Мэннинг добавил: "После "Парадизо" Данте не остается ничего, кроме блаженного видения". Те, чья жизнь и учеба лучше всего подходили им как судьям, испытывали такие чувства по отношению к испанской Учительнице Церкви.

Тереза была в высшей степени человечна во всех отношениях, и, несмотря на то, что это можно было бы счесть суровым по отношению к себе, она всегда была добра к тем, кто был рядом с ней, и особенно ко всем, кто по-настоящему страдал. Эти качества достались ей совершенно естественно, потому что ее отец известен как чрезвычайно хороший человек, исключительно хорошо относящийся к своим слугам и милосердный к беднякам Авилы. Действительно, биографы Терезы так настаивают на этих качествах, что совершенно ясно дают понять, что дух времени олицетворяет этот представитель старой испанской знати, который так серьезно относился к своим обязанностям по отношению к другим. Тереза не была одной из тех исключительных душ, которые с самого начала находят монастырскую жизнь легкой и даже утешительной, напротив, она говорила себе, что первые восемь дней своей монастырской жизни показались ей ужасными. Это казалось ей тюрьмой. У нее был физический страх перед аскетизмом, а благочестивые книги наводили на нее скуку. Возможно, единственной очень человеческой мыслью, которая больше, чем какая-либо другая, побуждала ее уйти в монастырь, было чувство независимости. Мысль о замужестве была довольно неприятной. Как она выразилась, одно дело повиноваться Богу, но совсем другое - связать себя повиновением мужчине на всю жизнь.

Словно в компенсацию за все, что неврологи и психиатры могли сказать о ней, ей самой было что сказать о нервных пациентах. Для нее так называемая нервозность была в значительной степени проявлением эгоизма. Хотя она и сочувствовала чувствам депрессии, она не испытывала симпатии к тем, кто не избавлялся от них своим умонастроением, а поддавался им. Она сказала: "То, что называется меланхолией, в основе своей всего лишь желание поступать по-своему". Она твердо верила, что человек не может стать хорошим по многим правилам, но доброта должна исходить изнутри и от духа. Она была весьма нетерпелива к религиозным посетителям, то есть специальным начальникам, посланным для проведения проверок домов верующих, которые установили ряд новых правил для общин. Она сказала: "Я так устала от необходимости читать все эти правила, что не знаю, что было бы со мной, если бы я была вынуждена их соблюдать".

Тогда легко понять, почему кардинал Мэннинг сказал, что святая Тереза является примером того, что "духовность совершенствует здравый смысл". Сама она была одной из самых разумных, жизнерадостных и обаятельных личностей. Мисс Филд в "*Atlantic*" за март 1903 года пишет: "Ее очарование, ее мягкость, прелесть ее разговора были неотразимы". По-моему, именно кардинал Мэннинг заявил, что "она была одной из тех суверенных душ, которые время от времени рождаются, как бы показывая, для чего изначально была создана ее раса и к чему она все еще предназначена".

Тереза однажды сказала: "Боже, сохрани меня от этих великих аристократов, которые могут что-то сделать, но при этом такие странные чудаки". Она не раз напоминала своим монахиням, когда обнаруживала у них склонность заходить слишком далеко в аскетизме, что у нас есть не только душа, но и тело, и что это тело, когда им пренебрегают, мстит душе. Есть несколько важных тем в жизни, по которым святая Тереза не высказывалась мудро, и знать ее труды - значит уметь процитировать множество чудесных обобщений житейского опыта, которые, казалось бы, были недоступны ей в монастыре. По поводу связи низкой заработной платы и добродетели мисс Репплиер в статье "Наши нервы сдали" (*Atlantic Monthly*, сентябрь 1913 г.) процитировала глубокий комментарий святой Терезы, который так хорошо резюмирует всю нашу социальную ситуацию: "там, где добродетель прочно укоренилась, провокации мало что значат".

МОСТЕРТ, ДЕВА ДЕЙПАРА (АНТВЕРПЕН)

ГЛАВА IX

ЖЕНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вероятно, нет более интересного этапа века Колумба для нашего времени, чем его женское образование, поскольку образование женщин переживало период важного развития в пятнадцатом и шестнадцатом веках, который затронул очень большое количество женщин того времени и предоставил широкие возможности всем тем, кто хотел получить высочайшую интеллектуальную культуру. Несмотря на, по-видимому, весьма распространенное впечатление на этот счет, это был не первый случай, когда женщинам был предоставлен шанс получить высшее образование, ибо, напротив, всякий раз, когда в них вновь пробуждался интерес к образованию, женщины просили и получали привилегию участвовать в нем и показывали, насколько полно они могут воспользоваться теми возможностями, которые им предоставлялись. На заре существования университетов женщин приветствовали не только среди студентов, но и среди профессоров. Они полностью руководили кафедрой женских болезней на юге Италии, где самой важной частью университета была медицинская школа, а позже в Болонье они были профессорами на всех кафедрах - юриспруденции, когда юридическая школа была центральной в университете, математики, литературы, даже анатомии. В результате установившейся таким образом традиции, начиная с двенадцатого века, не было ни одного столетия, в течение которого в некоторых итальянских университетах не было бы выдающихся женщин-профессоров.

Ранее, когда Карл Великий реорганизовывал образование на континенте с помощью ирландских и английских монахов, придворные женщины посещали дворцовую школу наравне с мужчинами, и у нас есть много свидетельств об их интересе. Женщины бенедиктинских монастырей разделяли интерес бенедиктинцев в целом к литературе, делали множество копий книг, владели большими и важными библиотеками и даже стали известными писательницами. Хросвита, монахиня-драматург десятого века, получившая известность в веке Колумба благодаря изданию ее работы Кельтесом, немецким гуманистом эпохи Возрождения, является лишь одним из примеров литературного интереса к бенедиктинским монастырям, который, должно быть, был горячим и широко распространенным. Позже у нас есть работы великой аббатисы Хильдегарды, писавшей на многие темы и, вероятно, самой важной писательницы своего времени. Это, безусловно, верно в том, что касается физических наук. Святой Бернард, который был ее современником, пользовался большей репутацией в последующих поколениях, чем Хильдегарда, но в своих кругах она была почти так же известна, как великий основатель цистерцианцев.

Еще раньше, чем Карл Великий или основание монастырских школ, святая Бригида основала женский колледж в Килдэре, в Ирландии, куда приезжали многие представители знати не только самой Ирландии, но и Англии и соседних берегов Европы, ища возможности получить высшее образование. В последние годы мы узнали больше подробностей об этом ирландском этапе женского образования, и он приобретает все большее значение в истории образования.

Таким образом, на каждом новом этапе развития образования женщины вносили свою лепту в это движение, и неудивительно, что, когда Возрождение принесло с собой тот глубокий интерес к древней классике, который был известен как Новое обучение, женщины также внесли свою лепту в это. Самый первый из великих итальянских учителей эпохи Возрождения Витторино да Фельтре настаивал на том, что для его преподавания должны быть два условия. Во-первых, молодым женщинам должно быть позволено пользоваться этим наравне с молодыми мужчинами, а во-вторых, беднякам, желающим учиться, не должно быть отказано в доступе к его занятиям. За великолепным успехом, которого он добился в сфере образования в Мантуе, вскоре последовали аналогичные движения в других итальянских городах, и повсюду зародилась традиция женского образования для тех, кто хотел его получить. Влияние Гуарино на женское образование лишь в меньшей степени, чем влияние Витторино. Как следствие, в Италии не было ни одного сколько-нибудь значимого города, в котором не было бы женщин, известных своим знанием классики и интересом к новому образованию, и во многих городах были выдающиеся студентки, которые даже в ранние годы демонстрировали научную квалификацию, сделавшую их знаменитыми.

У Витторино да Фельтре, великого учителя начала эпохи Возрождения, в первой половине XV века была школа в Мантуе, где на берегу озера он обучал группу благородных юношей и девушек в соответствии с высокими идеалами образования, которые он так хорошо изложил. Их курс обучения включал латынь, греческий, философию, математику, грамматику, логику, музыку, пение и танцы. Однако, помимо этого, его учеников учили "жить простой жизнью, говорить правду и помнить, что истинная ученость неотделима от добродетели и чувства высокой благодарности к Творцу". Как и следовало ожидать от греческих традиций воспитания, которые в то время привлекали так много внимания, тренировкой тела не пренебрегали и настаивали на различных играх на свежем воздухе, чтобы в здоровом теле был здоровый дух.

Некоторые традиции этой школы в Мантуе представляют собой очень интересное чтение и показывают, насколько некоторые промежуточные периоды в истории образования выродились по сравнению с теми ранними днями. Например, мы слышим, что нередко, когда Витторино хотел произвести впечатление на отрывок из Вергилия, его учеников отправляли в Пиетоле, который, вероятно, был идентифицирован как деревня Анды, в которой, согласно Донату, родился Вергилий, и здесь, в тенистых рощах, читали и обсуждали Вергилия, а затем устраивали игры и возвращение в замок. Хотя Витторино был широк в выборе классических авторов, и Вергилия, и Цицерона, и Гомера, и Демосфена читали с пояснениями, а затем некоторые отрывки требовалось выучить наизусть, чтобы сформировать их стиль, он не был педантом и не сторонником демонстрации простой эрудиции. Его самым важным советом для своих студентов было: "Сначала убедитесь, что вам есть что сказать, а затем говорите это просто". Неудивительно, что один из Д'Эсте заявил, "что добродетелью, ученостью и редким и превосходным способом обучения хорошим манерам этот мастер превзошел всех остальных".

Легко было бы подумать, что, возможно, молодые аристократки того времени имели лишь очень поверхностные знания классики, но у нас есть предание о Сесилии Гонзага, дочери правящего дома Мантуи и любимой ученице Витторино, что она умела читать Златоуста в возрасте восьми лет и могла писать по-гречески с исключительной чистотой в возрасте двенадцати лет. Неудивительно, что позже мы слышим о ней как о чуде своего времени. Очевидно, всем предрассудкам относительно женского образования пришел конец, когда

Бембо сказал: "Девушке следует выучить латынь, это придает завершающий штрих ее очарованию".

Сэндис в своих гарвардских лекциях о возрождении образования рассказал историю некоторых из этих молодых женщин-ученых Витторино да Фельтре и Гуарино с некоторыми интересными подробностями, которые показывают, что успехи в учебе не раздували тщеславие молодых женщин того времени и не ослабляли их религиозный дух.

"Женщины, так же как и мужчины, сохранили благодарные воспоминания об интеллектуальном воспитании, которое они получили от Гуарино и Витторино. Ученица Витторино, Сесилия Гонзага, дочь правящего дома Мантуи, чьей свежей и простой грацией можно восхищаться на медальоне Пизанелло, уже в возрасте семи лет изучала греческий; в то время как среди учениц Гуарино Изотта Ногарола была искусна в латинских стихах и прозе и цитировала греческих и латинских авторов в ходе тех ученых писем своему наставнику, которые не были полностью одобрены общественным мнением Вероны. В подобных случаях прилежный характер часто ассоциировался с уединением и сильным религиозным чувством; и, подобно Баптисте деи Малатести, бывшему корреспонденту Леонардо Бруни, обе эти ученые дамы в конце концов приняли постриг".

Несмотря на то, что классике уделялось так много внимания, великими итальянскими авторами не пренебрегали, и итальянских девушек эпохи Возрождения воспитывали на знании классической литературы на родном языке. Было принято, чтобы Данте, Петрарка и Ариосто читали им вслух, пока они занимались вышиванием, и эти очаровательные молодые женщины эпохи Возрождения во всех странах Европы имели репутацию мастеров самого замечательного вышивания. Они также научились играть на различных музыкальных инструментах, и их голоса были усовершенствованы наилучшим образом. Часто возникает вопрос, откуда у них взялось время заниматься всем этим. Некоторые письма от французских и испанских послов при различных итальянских дворах рассказывают об удивительных способностях этих очаровательных молодых женщин. Как правило, идея посла при составлении таких описаний заключалась в том, чтобы предположить возможность заключения браков между отпрысками благородных домов их собственных стран с этими женщинами. Поэтому было весьма важно, чтобы не было большого преувеличения, иначе посол вполне мог быть дискредитирован.

Легко подумать, что при всей этой интеллектуальной жизни молодые женщины того времени, должно быть, очень мало занимались физическими упражнениями, особенно на свежем воздухе, и, прежде всего, не должны были предаваться тому, что мы называем спортом. История школы Витторино да Фельтре противоречит этому, и, кроме того, дошедшие до нас традиции показывают, что в то время каждая молодая женщина из знати училась верховой езде. Все они могли смело ездить верхом. Они охотились, и многие из них ходили на соколиную охоту. Верховая езда, конечно, была абсолютно необходимым достижением в то время, поскольку экипажи были большой редкостью, а те, что имелись, были почти невероятно неудобны для длительных поездок. Хороших дорог за пределами городов тогда еще не проложили, и единственным способом навестить друзей на любом расстоянии была верховая езда. Многим из этих молодых женщин приходилось преодолевать большие расстояния, особенно во время их замужества, и позже они иногда сопровождали своих мужей в довольно длительных путешествиях.

Несмотря на их репутацию ученых, у нас нет серьезных следов их интеллектуальных усилий, и все же некоторые из них писали стихи и прозу намного выше среднего уровня, и, по крайней мере, в Италии их произведения до сих пор читают студенты, изучающие

итальянскую литературу. Например, у нас есть стихи Лукреции Медичи, матери Лоренцо Великолепного, которая была одной из семьи Торнабуони, флорентийских князей-торговцев, обладавшей многими прочными добродетелями среднего класса, из которого она происходила. Традиция гласит нам, что она всегда была самым доверенным советником своего великого сына, и он оставил запись о том, что считал ее самой мудрой. Она была известна своей щедрой милостыней, пожертвованиями бедным монастырям, приданным девочкам-сиротам, и хотя иногда говорили, что все это было лишь попыткой завоевать популярность, любое такое недооцененное ее добрых дел глубоко оскорбляет ее, поскольку она была глубоко религиозна, особенно заботилась о благочестивом воспитании своих детей, и именно тому факту, что она писала для них гимны, мы обязаны дошедшими до нас поэтическими произведениями, которые занимают высокое место среди этой формы поэзии.

Самыми известными из этих женщин эпохи Возрождения, то есть наиболее известными своей ученостью, были сестры Д'Эсте, Изабелла и Беатриче, о которых у нас сохранилось так много интересных преданий. Учителем для девочек был выбран знаменитый Баттиста Гуарини из Вероны, и вместе с ним они научились читать Цицерона и Вергилия и изучать историю Греции. Они изучали итальянскую литературу у многих выдающихся литераторов, некоторые из которых сами были одаренными поэтами, которые приезжали в прекрасный дворец и его сады в Ферраре и были встречены хорошо известным покровителем образования, герцогом Феррарским. Они, по крайней мере, научились читать по-французски и наслаждаться провансальской поэзией. Их мать, Леонора Арагонская, дочь Фердинанда, или, как его иногда называют, Ферранте, короля Неаполя, сама была ученой женщиной. Традиции учености при Неаполитанском дворе были глубокими и продолжительными. Поскольку их отцом был знаменитый ученый и покровитель образования герцог Эрколе I, с обеих сторон было драгоценное культурное наследие. Их мать, однако, была больше известна своим благочестием, чем своей ученостью, хотя это было настолько примечательно, что вошло в историю. Благодаря ее благотворительной деятельности все ее соплеменники смотрели на нее с уважением, так что неудивительно, что летописцы ее времени говорят о ней как о святой.

БЕЛЛИНИ, МАДОННА, СВЯТЫЕ ЕКАТЕРИНА И МАРИЯ МАГДАЛИНА (ВЕНЕЦИЯ)

Часто говорят, что лишь немногие из дочерей знати имели возможность получить высшее образование, и даже принято заявлять, что в большинстве случаев отцы ожидали сыновей вместо дочерей, а затем растили девочек как компаньенок и давали им образование, которое обычно предназначалось для мальчиков. Картина Джордж Элиот о тех временах, данная в "Ромоле", иногда подчеркивала это, и сама она, похоже, не была вполне способна убедить себя в том, что к концу пятнадцатого века в Италии были широкие возможности для получения образования женщинами. Во времена Джордж Элиот женщине было так трудно получить образование, что было почти невозможно заставить себя подумать о достаточных возможностях, существовавших почти четыре столетия назад. Однако любой, кто читает Буркхардта или кого-либо из современных авторов, посвященных эпохе Возрождения, вряд ли подумает, что образование было зарезервировано для незамужних дочерей из семей или что у них действительно были лучшие возможности, чем у других, за исключением того факта, что внимание семьи было сосредоточено на них, как это происходит сейчас. Буркхардт отмечает, что среди образованных женщин эпохи Возрождения чаще всего встречались жены и дочери **кондотьеров**, то есть наемных командиров армий, мужчин, сделавших себя самими того времени, которые занимали видные посты.

Записи достаточно полны, чтобы показать, что женского образования в Италии, вероятно, было не меньше, если не больше, по крайней мере, чем в наше время. Вероятно, многим людям будет трудно в это поверить, но, как я уже говорил, ни один важный город не обходился без этого. Почти во всех городах того времени, которые можно назвать важными, проживало менее 100 000 человек, а во многих из них насчитывалось не более десяти-двадцати тысяч. Когда в каждом из них находишь школы для получения высшего образования для женщин, легко понять, насколько широко было распространено женское движение. Чтобы не подумали, что образование, предоставляемое или разрешаемое женщинам того времени, было узким по своим масштабам, с таким количеством

ограничений, что затрудняло интеллектуальное развитие в истинном смысле этого слова, может быть, стоит напомнить, что женщин даже поощряли в публичной демонстрации своих талантов. Мы читаем о юных принцессах и их придворных, принимающих участие в латинских пьесах, разыгрываемых перед папой римским и другими высшими духовными лицами, а также приезжающими в это время правителями. У нас есть история о том, как Ипполита Сфорца приветствовала папу Пия II, который был ученым Энеем Сильвием до своего восшествия на понтификат, изящной латинской речью, когда он прибыл на Конгресс в Мантую. Еще одной из принцесс-ораторов того времени была Баттиста Монтефельтро, которая известна своими речами, произносимыми по многим важным поводам.

Хотя Д'Эсте, вероятно, были более известны, историки заявляют, что женщины из Дома Гонзага достигли наивысшего совершенства в этот ренессансный период женского образования. Однако повсюду женщины получали возможность получить любое образование, какое бы они ни пожелали. В Неаполе сохранились старые греческие традиции, и когда разрушение Греческой империи турками привело к возрождению греческой культуры на юге Италии, женщины разделили это наравне с мужчинами. При дворе Джоанны или Джованны, карьера которой представляет особый интерес как предвосхищение злополучной Марии, королевы Шотландии, многие женщины достигли высокого интеллектуального уровня. Именно этим высоким неаполитанским образовательным влиянием мы обязаны интеллектуальным развитием Виттории Колонны. Однако везде можно было бы рассказать одну и ту же историю. В Риме, Флоренции, Вероне, Падуе, даже в Форли, Равенне и Римини, а также в Генуе, хотя Генуя была гораздо больше сосредоточена на зарабатывании денег, чем на развитии своей культуры, женщины прекрасно использовали возможности для обучения, часто оказывались более успешными в учебе, чем их братья, и хотя они не достигли многого из того, что требовалось в интеллектуальной жизни, они, кажется, пользовались глубоким уважением своих современников и смотрели на них как на культурных, образованных личностей.

В своей книге "Героини Генуи и Ривьер" Эджкамб Стейли [Сноска 27] кое-что сказал о продуктивности литературных женщин даже в Генуе в этот период. Генуя была известна как, вероятно, более заинтересованная в простой роскоши и менее заинтересованная в интеллектуальной жизни ради нее самой, чем любой из городов Италии, с которыми мы знакомы. Генуэзцы были князьями-торговцами, чьи жены и дети, как и наши собственные, были гораздо больше заняты выставлением напоказ своего богатства, чем развитием вкуса к искусству и литературе и воспитанием истинно критических способностей. Однако я уже упоминал о некоторых продуктах интеллектуальной жизни генуэзских женщин, и это усилит впечатление, которое, я думаю, настолько верно, что в пропорции к населению в то время было столько же женщин, интересующихся образованием и литературой, женщин-писательниц и поэтесс, сколько и в нашей стране. Мистер Стейли сказал:

[Сноска 27: "Скрибнер и сыновья", Нью-Йорк.]

Среди блестящих компаний интеллектуальных и добродетельных девушек, которые восхищались красотой и упивались романсами "Виллетта ди Негро" и подобными удовольствиями, были такие **джентильдонне**, как Перетта Скарпа-Негроне и Ливия Спинола, которые писали стихи о сердце и домашнем очаге; Бенедетта - сестра Ливии - и Катерина Гастаденги - она пела и исполняла народные песни Лигурии; Леонора Сибо и Пеллегрин Лескара, милые переводчицы "Энеиды". - о Вергилии и "Одах" Горация.

Эти образованные женщины эпохи Возрождения были особенно известны тем, что применяли свое образование к домашним заботам. Их художественный вкус проявлялся, как мы уже показали, в выборе различных украшений для него и в руководстве художниками при его оформлении. Вокруг них было не так уж много предметов искусства, но те немногие, что имелись, были сделаны, как правило, выдающимися художниками и в чем-то отражали индивидуальность хозяек дома. Но не следует думать, что они посвятили себя исключительно культу красоты в вещах. Они осознавали свое благотворное влияние на людей своего времени и пользовались им. В этой связи часто приводят пример Виттории Колонна, но не потому, что она исключительная, скорее то, что было характерно. Эти образованные женщины эпохи Возрождения были образцовыми женами и матерями. Они усердно заботились об образовании своих детей, и стихи, которые мы получили от них, или сохранившиеся письма, которые очень ясно свидетельствуют об их высоком интеллектуальном развитии, предназначались для их детей или для их родственников. Очевидно, что их дом всегда был их первой мыслью. Они сами придумывали свои платья, часто выполняли для них некоторые украшения или заказывали их дизайн или шили под их руководством, покупали красивые книги для дома, поощряли иллюстраторов, вышивальщиц и прекрасных рукодельниц того времени и в целом доказали, что готовы и способны помогать через свои семьи, чтобы предоставить возможности художникам, а также ремесленникам и работникам декоративно-прикладного искусства того времени.

Мы находим несколько их имен в списке постоянных клиентов Альдуса в Венеции, его подписчиков, которые сделали возможным продолжение великолепных изданий классики, гарантировав ему по крайней мере стоимость его книг. У нас есть письма, в которых они жалуются на стоимость этих первых изданий, потому что нужно было покрыть другие домашние расходы, но, несомненно, они всегда оказывали большую помощь в деле образования.

Пожалуй, самое интересное из всего, что они сделали, - это прекрасные сады, которые теперь, когда наше поколение благодаря улучшенным транспортным средствам может жить за городом, начинают цениться больше, чем раньше. В последние годы сады эпохи Возрождения были предметом многочисленных публикаций и иллюстраций в наших журналах и книгах, и не следует забывать, что мы обязаны ими прежде всего женщинам эпохи Возрождения. Они пригласили художников и архитекторов, которые спроектировали их, и обучили садовников-ландшафтников выполнять их, но именно их интерес был самым важным. Их сады стали частью их домов и на солнечной земле Италии предоставляли множество убежищ для приятной жизни даже в самую теплую погоду и для уединения даже для толп гостей, что делало их дома достойными ремонта для знати того времени.

Возможно, лучшим критерием основательности образования, получаемого женщинами в то время, является влияние, оказываемое женщинами того периода на искусство, художников и литераторов того времени, и, прежде всего, утонченный вкус, проявляемый в их домах. Типичный пример дает Изабель Д'Эсте, чьи **камеры**, ее личные апартаменты, воспроизведены в Южном Кенсингтоне и описаны в одном из их руководств по внутреннему убранству в Италии в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Поскольку эти украшения для вдовствующей герцогини Д'Эсте были изготовлены примерно в середине века правления Колумба, авторитетное описание их будет лучшим документом. В Музее Южного Кенсингтона реконструировали одну сторону ее комнаты для рисования, и это показывает, как никакое простое описание, красоту квартиры и вкус ее владелицы.

Цитата из описания трех комнат, приведенная в Справочнике по искусству Южного Кенсингтона "Итальянские настенные украшения пятнадцатого и шестнадцатого веков",

лучше всяких похвал даст представление об очаровательном убежище, которое Изабелла создала для себя, когда ее положение вдовствующей герцогини дало ей досуг, а также возможность посвятить себя обустройству жилища, которое должно отражать ее индивидуальность.

"Гротта" на первом этаже старого Палаццо Боннакольси оставалась отдельной для ее коллекций произведений искусства и приемов; принцы в своих путешествиях, послы в своих миссиях, выдающиеся путешественники и художники приезжали навестить ее. Она собрала в нем статуи и редкие предметы и даже пристроила "Кортилию" с фонтанами, играющими летом. Но три новые комнаты на верхнем этаже "Парадизо" стали объектом ее пристрастия, и именно среди такого окружения, настоящего "рая" Изабеллы Д'Эсте, историки должны поместить ее портрет.

"Первый зал был посвящен музыке, любимому занятию Изабеллы. Шкафы были заполнены прекрасными инструментами: мандолинами, лютнями, клавибордами, инкрустированными перламутром и изготовленными специально для нее Лоренцо Павийским; здесь же стоял знаменитый орган того же мастера, описание которого можно найти в переписке принцессы. На стенах этой первой комнаты были воспроизведены виды городов в "интарсии" из редких пород дерева, а на одной из панелей были изображены несколько тактов "Страмботто", сочиненного Окенгемом на слова, продиктованные Изабеллой, и подписанного этим знаменитым мастером пения. На потолке был изображен "Шест", который изображен на гербе дома Эсте, а вдоль карнизов были выложены фризы в виде музыкальных инструментов, вырезанных из дерева.

"Во втором зале, посвященном живописи, а также учебе, стены над панелями украшали шесть шедевров величайших художников того времени.

- Третья комната была отведена для приемов. Повсюду на потолке, в отделениях, на фризах (изящно вырезанных позолоченной лепниной по лазурному фону) находятся устройства, подробно описанные гуманистами ее двора: "Альфа и Омега" и золотой подсвечник с семью ветвями, на котором горит единственный светильник, защищенный от воздействия ветра, с девизом: *"Unum sufficit in tenebris"*; и повсюду можно прочесть таинственный девиз, которым она так гордилась, *"Nec Spe nec Metu"*, высочайшее разрешение сильного духа. разум, который отныне "без надежды, без страха" закончил в одиночестве свою измученную жизнь. В нише толстой стены, слегка приподнятой над полом, Изабелла поставила свой письменный стол так, чтобы до него можно было дотянуться полками со своими любимыми книгами; пока она читала там или писала письма, адресованные поэтам и художникам Италии, переполненная энтузиазмом к искусству и литературе, когда она поднимала глаза над спокойными водами в устье По, в сторону Гов-Вероло, она видела приближающегося позолоченного Буцентавра с гербом Феррары, который приносил ей новости о ее семье Д'Эсте и семье Арагона".

Лукреция Борджиа в Ферраре не только продолжила традицию эстетического хорошего вкуса, столь характерную для семьи Д'Эсте, за которую она вышла замуж, но даже годы ее пребывания в качестве хозяйки дворца в Ферраре знаменуют собой эпоху в его истории. Ей удалось заручиться услугами некоторых величайших художников того замечательного периода, которые приехали и внесли свой вклад в оформление ее личных апартаментов. К сожалению, ее **камерини**, частные апартаменты в Кастелло Россо в Ферраре, были уничтожены пожаром в 1634 году. Они были украшены картинами Беллини, Тициана и Доссо Досси, вставленными в углубления из белого мрамора, вырезанные Антонио

Ломбарди. Эти комнаты, как и везде, были небольших размеров, настоящими жилыми комнатами, отражавшими характер личного вкуса владельца. Это были святилища искусства и литературы с избранными библиотеками избранных томов в изящных переплетах и музыки с прекрасными музыкальными инструментами.

Многие из этих женщин эпохи Возрождения в Италии были известны своей преданностью благотворительности. Действительно, я не знаю ничего более восхитительного, чем история их заботы о больных бедняках. Часто предполагается, что из-за их интереса к образованию, литературе и художникам того времени, и, прежде всего, из-за их преданности удовольствиям в виде одежды и украшений, шелков, драгоценностей и духов, которые тогда так быстро приходили с Востока, у этих женщин, должно быть, было очень мало времени на что-либо, кроме эгоистичного проявления своей личной красоты или интеллектуального таланта. Можно легко предположить, что быстрое накопление богатства, пропорционально, по крайней мере, такого же большого, как в наше время, направляет их, как и многие другие поколения, к более серьезной стороне жизни. Реальная история их жизней сильно отличается. Были исключения, которые, к сожалению, привлекли больше внимания, чем другие, о которых мало что можно сказать хорошего. Однако доля тех, кто с благородством души, заслуживающим упоминания, посвятил себя бескорыстной заботе о тех, кто в ней нуждался, была очень велика. У м-ра Стейли в его "Героинях Генуи" (стр. 225) есть параграф на эту тему, который заслуживает упоминания, поскольку он почти полностью относится к женщинам века Колумба, и не следует забывать, что Генуя была гораздо более торговым городом с более быстрым ростом благосостояния, чем любой другой в Италии, за исключением, возможно, Венеции, и поэтому прекрасный дух личного служения бедным вызывает еще большее восхищение.

"Женщины в любую эпоху и в любой стране гораздо более склонны к делам милосердия и религии; таковой, несомненно, была "корона дочерей Генуи", названная так многими писателями. Бенедеттина Гримальди, "целомудренная, самоотверженная, дружелюбная, милосердная, умеренная в одежде и личных удовольствиях", щедрая покровительница великого Оспедале ди Памматоне, ухаживала за пациентами, страдающими чумой и проказой, и предоставляла кровати для их лечения и облегчения; Аргентина, дочь синьора Опицио Спинолы и жена маркиза ди Монферрато: Виоланта, дочь синьора Джанандреа Дориа; и Изабелла, дочь синьора Луки Фиаско и жена Лукино, Принц Миланский, были современниками на благотельной ниве благотворительности. Преданные служению религии, они доказали искренность своей веры, оказывая благотворительные услуги больным и умирающим мужчинам и женщинам в тюрьме и униженным морякам в порту. Благотворительные учреждения были основаны и одарены в стиле "Донна ди Мизерикордия" в 1478 году, а в 1497 году - "Кампанья дель Мантилетто" - "Носящие вуаль", щедростью благородных женщин. Все это открывало перед страждущими объектами их внимания целебные уголья для удовольствий на их виллах, и не было редкостью увидеть модно одетую даму, сидящую под колоннадой храма или под тенистым деревом, разговаривающую с бедными и оставшимися без друзей страдальцами и подбадривающую их".

Имена принцесс, которые занимали видное место в женском образовании того времени, привели многих к выводу, что в то время только женщинам из высших классов была предоставлена возможность получить образование. В определенной степени это верно, но так должно быть всегда, ибо только у них есть досуг для интеллектуальной жизни. Вспомнить, кем была знать Италии в то время, - значит лучше оценить реальную ситуацию. Это были преуспевающие купцы-банкиры и их потомки (как Дом Медичи), предводители победоносных армий, отпрыски старинных семей, которые оказывали влияние на политику

своих городов на протяжении от трех, иногда даже меньше, до десяти, редко более поколений, дети великих мореплавателей или адмиралов, даже преуспевающих торговцев и фабрикантов, таких как стеклодувы Мурано и князья-купцы Генуи, - одним словом, они представляли точно те же слои населения, что и наши сегодняшние более состоятельные классы. Именно дочерям этих людей в то время была предоставлена возможность получить образование и культуру, и они так хорошо ею воспользовались.

Кроме них, было немало представителей того, что можно назвать низшими классами, которые прославились своей ученостью. Это всегда было верно, особенно в Италии. Екатерина Сиенская была дочерью красильщика. Возлюбленная Данте и ее спутницы, которых мы считаем образованными из-за стихотворений, адресованных им, были дочерьми торговцев. Но в эпоху Возрождения возможности получить образование даже для сравнительно бедных были значительно расширены, и очевидно, что любая из молодых женщин того времени, имевших стремление к образованию, могла получить его, и, несомненно, многие из них получили. Традиция, созданная Витторино да Фельтре, согласно которой женщины и люди с меньшим достатком могли получать образование, сохранилась и стала зародышем дальнейшего развития либерального предоставления возможностей для получения образования для всех классов.

ПИНТУРИККЬО, СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО (СИЕНА)

До нас дошли имена ряда женщин-ученых, которые не принадлежали к высшей знати, и некоторые из их достижений стали частью великой научной традиции того времени. Алессандра Скала и Кассандра Феделе, например, были одними из самых образованных корреспондентов Politian, и на них смотрели как на дам, с которыми можно серьезно обсуждать глубокие научные вопросы. Домитилла Тривульцио произносила латинские речи перед многолюдными собраниями, и женщины-ораторы были довольно распространенным явлением. Традиция о том, что женщины не должны выступать публично, в то время в Италии вообще не получила распространения, и мы часто слышим об их красноречии. Столь распространенное в настоящий момент впечатление, что впервые в истории женщины осмелились публично заявить о своих правах, совершенно ошибочно и основано на глубоком незнании реалий с соответствующей характерной презумпцией осведомленности. Изотта Веронская принимала участие в общественных спорах относительно относительной ценности мужчин и женщин в жизни. Удивительно знакомо обнаружить, что, например, одной из тем, которые она обсуждала, был вопрос о том, следует ли больше винить мужчину или женщину в том, что произошло в Эдемском саду, и еще более знакомо обнаружить, что ее аргумент заключался в том, что мужчина был ответственной стороной. Однако эти ученые женщины были тронуты нежной страстью, и одна из самых выдающихся женщин-ученых, Вероника де Гамбара, вошла в историю как образец супружеской верности, в то время как Гаспара Стампа, выдающаяся поэтесса, согласно преданию, умерла от любви.

Одной из малоизвестных ученых среди женщин эпохи Возрождения, заслуживающей лучшей участи, чем забвение, является Олимпия Мора, настоящий гений науки. Большую часть своего образования она получила при дворе герцогини Рене в Ферраре. Когда в возрасте двенадцати лет она стала компаньонкой дочери герцогини, она уже была знакома с греческой и латинской литературой. Это достаточно удивительно, но ее последующие успехи еще более примечательны. "В четырнадцать лет она писала латинскими буквами и пыталась имитировать диалоги Цицерона и Платона. В шестнадцать лет она читала лекции в Университете Феррары о парадоксах Цицерона" (Сэндис). В двадцать лет она вышла замуж за хорошего немца, о котором мы знаем почти единственное, что он был ее мужем, и она умерла в возрасте двадцати девяти лет в Гейдельберге. Когда были собраны ее литературные останки, они были посвящены той, кто считалась "самой ученой леди своего времени, английской королеве Елизавете".

Однако движение за женское образование того времени было бы совершенно неполным, если бы сами женщины не принимали участия в организации женского образования. Говоря о "Женщинах века", я уже высказывал предположение, что в этом важном элементе женского образования недостатка не было. Существует множество свидетельств присутствия и продолжительной работы по крайней мере одной великой женщины-педагога, в смысле организатора образовательных методов, чье влияние с тех пор постоянно ощущается во многих частях мира и чья работа не только жива в наше время, но и продемонстрировала свою способность адаптироваться даже к нуждам и запросам женщины двадцатого века. В конце концов, это единственное, чего можно было ожидать от педагога нашего времени, поскольку другие достижения ее современников оказались столь продолжительными по своему воздействию.

Этой очень интересной женщиной века Колумба, о жизни которой сравнительно мало известно, хотя с тех пор ее творчество занимает очень важное место в истории образования, была Анджела Меричи, основательница ордена урсулинок. Когда ей исполнилось двадцать лет, эта дочь мелкой итальянской знати убедилась, что величайшей потребностью того времени было лучшее обучение молодых девушек христианскому учению и их воспитание в истинно христианской жизни. Она превратила свой дом в школу, где в определенные часы дня собирала всех маленьких девочек из своего родного городка Дезенцано, небольшого муниципалитета на юго-западном берегу озера Гарда в Ломбардии, и давала им уроки основ христианства. Работа, столь скромно начатая, оказалась настолько ценной, что очень скоро привлекла к себе внимание. Вскоре ее пригласили в соседний город Брешиа, чтобы основать аналогичную школу, но в гораздо большем масштабе и с более амбициозными целями. Она сделала это тем более охотно, что однажды, когда она жила в маленьком городке Дезенцано, ей было видение, в котором ей было открыто, что она должна основать ассоциацию молодых женщин, которые примут обет целомудрия и посвятят свою жизнь религиозному воспитанию молодых девушек.

После многих лет терпеливого ожидания и вдумчивого рассмотрения вопроса организации образования молодых женщин и обеспечения продолжения ее работы - задержка была вызвана главным образом тем, что Анджела опасалась, что она может оказаться неспособной выполнять это должным образом - она пришла к созданию религиозного ордена, который взял бы на себя это служение. Когда написанные ею конституции были представлены Павлу III, папа римский, который, несмотря на свое решение не увеличивать число религиозных орденов, почувствовал себя вынужденным одобрить иезуитов после прочтения их конституций, потому что, как он сказал, он почувствовал, что "здесь находится перст Божий"; также оказался вынужденным одобрить те, которые написала Анджела Меричи, сказав св. Игнатий, основатель ордена иезуитов, сказал при этом: "Я дал вам

сестер". То, что иезуиты сделали для образования молодых мужчин в течение следующих двух столетий, урсулилки сделали для молодых женщин. Они быстро распространялись, пока у них не появились общины во всех католических странах Европы, а затем были основаны дома за морями в странах Латинской Америки и почти везде, где миссионерам удавалось основывать церкви. Воплощение Матери прибыло в Квебек и является одной из самых замечательных женщин в ранней истории континента. Это было до конца семнадцатого века. В начале восемнадцатого века (1726) они основали дом в Новом Орлеане.

Когда начинались гонения, урсулинки, как правило, становились объектом особой вражды тех, кто стремился нанести ущерб Церкви. Во время Французской революции они были особой опорой нетерпимости Французской Республики и принесли много мучеников делу религии. Когда культуркампф пришли в Германию, они были так же специально отобраны для изгнания, как и иезуиты, и действительно, они почти всегда разделяли судьбу иезуитов во времена испытаний. Они не обошлись без особых преследований даже здесь, в Америке. Их монастырь был сожжен дотла в Чарльзтауне, штат Массачусетс, во время ожесточенной волны настроений против религиозных орденов, которая поднялась среди протестантов в 1835 году. Их дом был самым опасным местом во время беспорядков "Ничего не знаю" в Филадельфии примерно двадцать лет спустя.

Сегодня, спустя четыре столетия после своего основания, институт все еще активно работает и выполняет свою работу во всех уголках мира. Когда первые сестры избрали Анджелу своей настоятельницей, они попросили, чтобы институт назывался "Анджелины" в честь ее собственного имени. Она была шокирована и настояла на том, что, как их настоятельница, потребует, чтобы они взяли имя Урсулинок в честь святой Урсулы. При всем этом смирении ее личность была настолько всеобъемлющей, что она до сих пор живет во всех ее домах. Школы для молодых женщин есть во многих штатах Союза и во многих частях Канады. Их можно найти на далекой Аляске, они преподают за Полярным кругом. Урсулины обитают под экватором как на этом континенте, так и в Бразилии и в Африке. Это лишь еще один пример того, какую работу проделали замечательные персонажи века Колумба. Что бы они ни делали, в этом была жизненная сила, которая заставляла это жить и служить стимулом и примером для поколений и столетий вплоть до нашего времени. Анджела Меричи, хотя и была почти неизвестна за пределами католической церкви, была одной из величайших женщин эпохи Возрождения. Вероятно, ни одна женщина того времени, даже святая Тереза, не оказывала столь широкого и глубокого влияния на последующие поколения, как ушедшая на покой Анджела из Меричи.

Как и следовало ожидать, движение за женское образование, которое так сильно ощущалось в Италии, затронуло Францию едва ли в меньшей степени. Действительно, между знатью двух стран и учеными того времени по всей Европе существовали гораздо более тесные отношения, чем обычно предполагается. Поскольку все научные работы велись на латыни, языковой барьер был устранен, и образовательные интересы быстро распространились очень широко. В начале века Колумба королева Анна Бретонская прославилась тем, что настаивала на получении образования женщинами французского двора. Все они посещали латинскую школу, но, кроме того, от них ожидалось знание итальянского и французского языков, и во время рукоделия им читали книги, которые должны были обогатить их память и развить литературный вкус. Королева Анна очень глубоко верила в всестороннее интеллектуальное развитие женщин, и все же настаивала также на их обязанностях как управляющих своим домашним хозяйством, и прежде всего как домохозяйек в лучшем смысле этого слова. Она знала об опасностях простого интеллектуального образования, и часто цитируются ее высказывания на эту тему.

Двор королевы Маргариты Наваррской был, по крайней мере, таким же интеллектуальным, как и двор королевы Анны, и, кроме того, у него было преимущество в более глубоком знании классики, появившейся в то время. Маргарита поощряла литературу и сама вносила в нее свой вклад. Она обладала большой терпимостью образованной женщины и использовала это, чтобы защитить некоторых из тех, кто попал под подозрение, столь распространенное в то время из-за религиозных проблем в Германии, в том, что они одобряют еретические доктрины или пытаются их проповедовать. Как следствие, она сама попала под подозрение в склонности к ереси и сочувствии реформаторам. Однако это было лишь в той степени, в какой это сочувствие разделяли Эразмус и другие люди того времени, которые видели злоупотребления, нуждающиеся в исправлении, и надеялись, что реформаторское движение исправит их, но которые сразу же порвали с ним, когда поняли, что предполагалась революция, а не настоящая реформация. Переписка между Витторией Колонна и Маргаритой свидетельствует одновременно об интимных отношениях ученых женщин разных стран, а также о симпатии, существующей между этими двумя учеными женщинами, влияние которых на своих современниц так много значило для интеллектуальной жизни того времени. Образование, данное Марии, королеве Шотландии, о котором упоминается далее в этой главе, показывает, как высоко ценилось интеллектуальное развитие правящих классов Франции того времени.

Есть определенные высказывания некоторых из этих образованных женщин, особенно тех, кому особо нечего делать, которые являются прекрасным предвосхищением некоторых вещей, которые сейчас очень часто звучат относительно отношения образованных женщин к подавлению ее мужчиной в предшествующее время. Как странно знакомы эти слова Луизы Лабе, французской поэтессы из среднего класса, одно из страстных стихотворений которой вы найдете в главе, посвященной французской литературе. "Теперь пробил час, - заявила она, - когда мужчина больше не может сдерживать честную свободу, к которой так долго стремился наш пол, когда женщины должны доказать, как глубоко мужчины до сих пор обижали их". Это выражение, однако, не более знакомо, чем одно из замечаний современницы мужского пола по поводу увлечения образованных женщин того времени политическими идеями, которое цитирует мисс Сичел в ее книге "Мужчины и женщины французского Возрождения": "Женщины-политики продолжают болтать, как будто это они все делали".

Однако женщины того времени занимались разнообразной практической работой, а не только изучением книг или политическими интригами. Существует традиция о женщине-архитекторе Тюильри - мадемуазель. Перрон (Крыльцо) - ее вполне подходящее имя. Многие француженки были особенно заинтересованы в распространении образования среди беднейших слоев населения, и у нас есть истории многих школьных фондов. Mlle. Ste. Бев, которая основала школу и поселилась напротив нее, очень заинтересовалась ученицами, которых она называла своими "пчелками" и которых поощряла разного рода призами и отличиями. После ее смерти, по просьбе ученых, ее место было накрыто за столом среди них для тех случаев, когда она обычно приходила к ним, поскольку они чувствовали, что ее дух все еще с ними. Mlle. Сентонж хотела заняться образованием, но ее отец воспротивился этому. Ее очень сильно не понимали, и одно время дети на улице забрасывали ее камнями. Она начала с обучения пяти маленьких девочек на чердаке. Десять лет спустя все люди процессией привели ее в большую новую монастырскую школу, построенную для нее, потому что теперь они поняли, как много должна была значить ее работа и насколько бескорыстной была ее преданность делу образования и возвышения их детей. В течение одного столетия после начала нашего периода во Франции было открыто

более трехсот урсулинских школ для обучения девочек, и возможности для получения образования были значительно расширены.

Возможно, самым большим сюрпризом для большинства людей в наше время является прекрасное развитие женского образования, которое имело место в Испании в этот период. Англоговорящие люди, как правило, унаследовали английские предрассудки по отношению к Испании и, вероятно, окажутся в некотором положении, задаваясь вопросом: вышло ли когда-нибудь из Испании что-нибудь хорошее? Фактически, столетие, последовавшее сразу за столетием Колумба, принадлежит Испании за достижения во всех областях интеллектуальной и художественной культуры. Ее литература, живопись, философия, ее педагоги правили миром мысли и эстетики. Для тех, кто хоть что-то знает о высоких достижениях Испании, неудивительно узнать, что образование на полуострове достигло высокого уровня развития в век Колумба и что, прежде всего, женское образование было великолепно организовано, так что интеллектуальные достижения женщин того времени заслуживают высокого места в мировой истории. Все это в основном связано с влиянием Изабеллы Кастильской и было известно до тех пор, пока история этого периода была должным образом понята.

В своей "Истории Фердинанда и Изабеллы" Прескотт с высокой похвалой рассказал историю образования и учености Испании. Что касается женского образования того времени, он сказал в главе "Кастильская литература" (том II):

"На этой блестящей выставке нельзя упускать из виду представителей противоположного пола, которые своими интеллектуальными способностями внесли свой вклад в общее освещение того периода. Среди них писатели того времени расточают панегирики маркизе Монтеагудо и донье Марии Пачеко из древнего дома Мендоса, сестрам историка дона Диего Уртадо и дочерям выдающегося графа Тендильи, который, будучи послом в Риме, уговорил Мученика посетить Испанию и который был внуком знаменитого маркиза Сантьяны и племянником великого кардинала. Это прославленное семейство, ставшее еще более прославленным своими заслугами, чем своим происхождением, заслуживает упоминания как представляющее собой самое замечательное сочетание литературных талантов при просвещенном дворе Кастилии. Преподавателем королевы латинского языка была дама по имени Донья Беатрис де Галиндо, прозванная за ее особые способности

латиноамериканкой. Другая дама, донья Лусия де Медрано, публично читала лекции по латинской классике в Университете Саламанки. А другая, донья Франциска де Лебриха, дочь историка с таким именем, наполнила кафедру риторики аплодисментами в Алькале. Но наши пределы не позволяют продолжать перечисление имен, которым никогда не следовало бы позволять кануть в лету, если бы не редкая ученость, особенно редкая у женского пола, которую они проявляли в эпоху сравнительно непросвещенную. Женское образование в те дни охватывало более широкий кругозор в отношении древних языков, чем это принято в настоящее время; обстоятельство, объясняемое, вероятно, бедностью современной литературы в то время и новым всеобщим аппетитом, вызванным возрождением классического образования в Италии. Однако я не знаю, было ли обычным для ученых дам в какой-либо другой стране, кроме Испании, принимать участие в публичных упражнениях в гимназии и читать лекции с университетских кафедр. Эта особенность, которая может быть частично отнесена к влиянию королевы, которая поощряла любовь к учебе своим собственным примером, а также личным присутствием на академических экзаменах, возможно, также была вызвана аналогичным обычаем, уже замеченным среди испанских арабов ". [Сноска 28]

[Примечание 28: Хотя информация Прескотт относительно образования испанских женщин очень интересна, некоторые части этого отрывка забавны, потому что они отражают идеи середины девятнадцатого века относительно периода Возрождения. Прескотт говорит о той эпохе как о "сравнительно непросвещенной", но ведь в то время мы еще не привыкли подражать архитектуре эпохи Возрождения, изучать литературу и искусство эпохи Возрождения, копировать ренессансное книгоиздание и переплетные работы, восхищаться замечательными деятелями эпохи Возрождения во всех областях и задаваться вопросом, как мы могли бы привнести в нашу жизнь часть изобильной интеллектуальной и художественной жизни того времени. Самодовольство Прескотт типично для американцев двух поколений назад. Со времен Прескотта мы узнали гораздо больше о старинных этапах женского образования, поскольку я кратко рассмотрел их в начале этой главы. Мы узнали, что в каждой стране Европы существовало соответствующее феминистское движение, подобное испанскому, где образованных дам было в изобилии повсюду. Его намек в конце абзаца на тему о том, что развитие Испании, вероятно, было вызвано схожими арабскими обычаями, характерен для той заметной тенденции того времени искать любой источник добра, кроме христианства. Предполагалось, что христианские нации не сделали ничего стоящего до Реформации. Средние века все еще были темными веками, и предполагалось, что люди ничего не достигли. Едва ли мне нужно говорить, что мы все это изменили и что теперь позднее Средневековье рассматривается как один из наиболее продуктивных периодов человеческой истории.]

Английские леди эпохи Возрождения столь же выдающиеся, как и их сестры из Италии, Франции и Испании, своим интересом к образованию и интеллектуальной жизни. Первой, кто заслуживает упоминания, была королева Англии, француженка по происхождению. Это была Маргарита Анжуйская, жена несчастного Генриха VI. Если бы ее муж обладал хотя бы половиной духа или административных способностей своей жены, будущая история Англии могла бы сложиться совсем по-другому. Как бы то ни было, неспособность Маргариты обеспечить трон ни своему мужу, ни своим детям оставила его Тюдорам со всем, что их тирания означала для Англии, и с досадными религиозными беспорядками, которые стали следствием своеволия страстных потомков валлийского рыцаря. Маргарет основала Королевский колледж в Кембридже примерно в начале века правления Колумба и дала тот пример просвещенного покровительства образованию, которому суждено было принести обильные плоды среди англичанок эпохи Возрождения в последующие столетия. Одна из ее преемниц, королева Елизавета Вудвилл, которая восстановила Королевский колледж, когда ему угрожала катастрофа из-за ухудшения его материально-технической базы и эффективности в результате Войны Алой и Белой розы, является еще одной просвещенной покровительницей образования в наше время.

Примерно в середине века правления Колумба Маргарет Бофорт основала богословские курсы в Оксфорде и Кембридже, с тех пор известные как Курсы Маргарет. Несколько лет спустя она основала колледж Христа и колледж Святого Иоанна в Кембридже. Она также основала бесплатную школу в Уимборне в Дорсетшире. Ее собственные интеллектуальные способности и образование подтверждаются ее нынешним переводом "Подражания Христу". Ее мудрым советчиком во всех ее усилиях на благо образования был принявший мученическую смерть епископ Фишер, который оставил нам панегирик ей, позволяющий нам оценить ее место как одной из выдающихся ученых женщин эпохи Возрождения. Как почти все эти женщины, она интересовалась не только книгами, но и различными

художественными произведениями и считала, что первой обязанностью образованной женщины должно быть украшение дома. Она преуспела в декоративном рукоделии в то время, когда великое множество благородных дам привыкли заниматься этим видом искусства и когда было создано множество его прекрасных образцов. Другой представительницей знати, получившей широкую известность благодаря своим интеллектуальным достижениям, была Мэри, графиня Арундел, составительница "Некоторых остроумных предложений", сборника общеизвестных выражений, имевших в то время широкую популярность.

Ближе к концу нашего столетия появились женщины, на которых Ренессанс оказал более непосредственное влияние. Великому множеству дочерей знати была предоставлена возможность получить высшее образование, и многие из них воспользовались ею очень блестяще. Имена выдающихся женщин-ученых или, по крайней мере, женщин, которые были отмечены своими достижениями, многочисленны и включают в себя многих даже особ королевской крови. Очевидно, женское образование вошло в моду, и многие другие, должно быть, были заинтересованы в нем, поскольку оно так глубоко затронуло знатных дам. Было бы совершенно невозможно подумать, что то, что так привлекало внимание дочерей высшей знати, не окажется также очень привлекательным для многих других. Возможно, самой известной из "синих чулок" того времени была леди Джейн Грей, о достижениях которой мы получили столь сочувственный отчет от Роджера Эшэма. Он говорит, что она была глубоко разбиралась в философии и знала латынь, греческий, иврит, халдейский, арабский и французский языки. Нам рассказывают, что она гораздо больше любила читать своих греческих авторов, чем ходить на рауты и вечеринки или даже на охоту, которая была самым модным развлечением того времени. Кроме того, она хорошо разбиралась в музыке и была особенно искусна в рукоделии. Действительно, нет ни одной из этих выдающихся ученых женщин Англии, о чьей преданности рукоделию мы не слышали.

Мария, королева Шотландии, родилась в самом конце века, и в ее образовании сказывалось скорее французское, чем английское или шотландское влияние, но список ее выдающихся учителей показывает, насколько серьезно в тот период относились к вопросу надлежащего образования для будущей королевы. Джордж Бьюкенен был ее профессором латыни, она изучала риторику у Фоше, историю у Паскье и поэзию у Ронсара. У нас есть по крайней мере одно очень интересное латинское стихотворение, которое приписывают ей, и если атрибуция верна, это отличное свидетельство ее учености. [Сноска 29]

[Сноска 29:

"О Владыка!

Speravi in te;

O care mi Iesu!

Nunc libera me:

In dura catena,

In misera poena

Desidero te;

Languendo, gemendo,

Et genuflectendo

Adoro, imploro,

Ut liberes me!"

]

Ее сопернице Елизавете было всего семнадцать лет, когда завершилось столетие, но это был также возраст леди Джейн Грей, когда она была казнена, и все же мы много слышим о ее достижениях, а Елизавета была одной из ее великих соперниц в науке. Как и леди Джейн, Элизабет, как говорят, знала пять языков и изучала музыку, философию, риторику и историю с такой благой целью, что ее достижения были гораздо выше посредственных или общепринятых. На этих примерах, представленных перед нами, не может быть никаких сомнений в модности высшего образования для женщин, и все, что модно, привлекает внимание женщин всех слоев общества.

Вероятно, лучший пример предоставления женщинам возможностей даже для получения высшего образования можно найти в семье сэра Томаса Мора. Он считал, что его девочки должны наравне с его мальчиками пользоваться возможностями для получения нового образования. Его дочь Маргарет довольно известна своими достижениями, Эразм и другие высоко оценили ее. Она досконально знала греческий и латынь и гораздо больше, чем мимолетное или поверхностное знакомство с философией, астрономией, физикой, арифметикой, логикой, риторикой и музыкой. Привязанность к ней отца, его поощрение ее учебы и близкие отношения между ними сделали ее знаменитой не только в истории женского образования, но и во всей мировой истории. Хотя ближе к концу своей жизни Мор был лордом-канцлером, его семья не принадлежала к высшей знати, и сам он, как человек, практически добившийся успеха сам, принадлежал только к профессиональным классам того времени. Таким образом, не кажется надуманным вывод о том, что в то время у многих дочерей юристов и врачей, должно быть, были широкие возможности для получения такого образования, какое они хотели получить, хотя, конечно, у них не было бы преимуществ детей Мора, которые, однако, были обусловлены не его политической значимостью, а его дружбой с великими учеными того времени. Хотя Маргарет так хорошо известна, не следует забывать, хотя мы слышим о них гораздо меньше, что две другие дочери Мора также были очень хорошо образованы. Антиквар Лиланд писал о "трех ученых нимфах, прекрасном потомстве великого Мора". Если так мало известно о других дочерях Мора, вполне вероятно, что было немало других, которые обладали такими же преимуществами, как у них, хотя в истории об этом ничего не известно.

Одним из многочисленных примеров того, что это интеллектуальное движение среди женщин не ограничивалось Италией и даже южными странами, является карьера Чаритас Пиркхаймер, настоятельницы монастыря бедных Кларис в Нюрнберге. Она прославилась как образованная женщина, с которой многие выдающиеся ученые эпохи Возрождения гордились тем, что были связаны. Ее брат Вилибальд, который был ее гидом и учительницей, ценил ее настолько, что посвятил ей несколько своих книг, а в предисловии к одной из них, "О отложенной мести божества", латинском переводе трактата Плутарха, он восхваляет ее образованность и успешную преданность учебе. Скорее встревоженная, чем удивленная, она возразила, что она всего лишь друг ученых, но сама не ученый. Когда Конрад Цельтес опубликовал свое собрание сочинений Розвиты, он подарил один из первых экземпляров книги Чарити Пиркхаймер и в панегирике, написанном по этому случаю, восхваляет ее как одно из славных украшений немецкого Отечества. В то же время он приложил томик своих стихов, и добрая настоятельница очень откровенно попросила его посвятить себя скорее изучению священных книг и созерцанию высоких вещей, чем изучению чувственного и низменного в древних. Она была большой подругой Иоганна Буцбаха и Альбрехта Дюрера. Кристофер Шерл посвятил ей свою книгу "Использование мессы", в своей статье в Католической энциклопедии Клеменс Лоффлер говорит о ней: "Но все похвалы, которые она получала, не возбуждали гордости за Charitas; она оставалась простой, приветливой, скромной и независимой, сочетая в совершенной гармонии высокое

образование и глубокое благочестие. Именно таким образом она устояла перед суровыми искушениями, которые нависли над последними десятью годами ее жизни".

DÜRER NATIVITY

Некоторые высказывания женщин эпохи Возрождения славятся своим остроумием и меткостью. Знаменитый ответ одной из них, датской принцессы Кристины, можно рассматривать как свидетельство того, что остроумная сила выражения была присуща не только женщинам южных стран. Ее картина Гольбейна "Дама в плаще" настолько хорошо известна, что мы, кажется, можем довольно полно воссоздать ее личность. После смерти Джейн Сеймур к ней обратились послы Генриха VIII с предложением руки и сердца.

Действительно, картина Гольбейна была сделана с целью дать восторженному Генри представление о прелестях молодой женщины. В то время ей было всего восемнадцать, но она уже была вдовой Франческо Сфорца, и, как говорят, она ответила, что была бы вполне согласна стать королевой Англии, если бы у нее было две головы и она могла быть уверена, что сохранит одну из них. Однако, поскольку у нее был только один ребенок, она не могла рисковать в этом вопросе. Недавно опубликованная книга Джулии Картрайт "Ее жизнь" показывает, какой умной женщиной эпохи Возрождения она была. Ее ответ вполне достоин итальянских дам того времени, некоторые из которых были известны своим довольно едким остроумием. Один из итальянских аристократов сказал, что долг человека - сражаться, а не принимать участие в общественных церемониях, а один из Гонзага сказал: "Тогда очень плохо, что он не вешается в шкафу со своими доспехами всякий раз, когда на самом деле не участвует в войне".

Часто предполагается, что интеллектуальное развитие, и особенно высшее образование, имеет тенденцию уводить женщин от того благочестивого склада ума, который делает их религиозными. Однако во времена Возрождения есть много примеров, опровергающих эту идею. Таким образом могут быть затронуты более мелкие и поверхностные умы. Это не относится к более крупному и глубокому интеллекту. Святая Тереза в своих наставлениях Матерям домов относительно приема послушниц сказала: "Там, где есть невежество и набожность, не забывайте, что набожность может испариться, а невежество остаться". Многие из самых известных интеллектуальных дам эпохи Возрождения были глубоко набожны, Виттория Колонна - типичный пример, поэтому, несмотря на очевидные свидетельства ее знаменитой книги об обратном, "Маргарита Наваррская".

ВИВАРИНИ, СЕНТ-КЛЭР

Лукреция Торнабуони, мать Лоренцо Великолепного, написала несколько очаровательных религиозных стихов. Разница во мнениях между Клариче деи Орсини, женой Лоренцо, и Политианом относительно преподавания религии ее детям, в котором она вышла победительницей, хорошо известна. Прежде всего, все эти женщины были близки к религиозным женщинам того времени. Многие из них проводили по крайней мере несколько дней в году, часто несколько недель, в любимых монастырях. Они отдыхали, выполняя ежедневные упражнения монашеской жизни в различных монастырях. Этим отличалась Виттория Колонна, которая во время своего вдовства проводила таким образом очень много времени. Ничто, насколько я знаю, так полностью не противоречит клевете на монастырскую жизнь в то время, как эти интимные отношения с монахами.

Примечательно, что в нашей стране и в наше время, прямо по мере распространения образования для женщин, практика более интимных отношений с женскими монастырями становится все более распространенной. Многие женщины мира, учителя, писательницы, теперь каждый год проводят несколько дней в уединении в монастыре. Немало тех, кто приходит в религию, очень хорошо образованы. Очень многие из тех, кто принадлежит к

учительским орденам, прошли тщательную подготовку и часто являются прекрасными экспертами в своей специальности. В период Возрождения дочери великих благородных домов иногда вступали в религиозные ордена. Нередко они сталкивались с противодействием, и особенно оказывалось влияние родителей и семьи, чтобы отвлечь их от их цели. Паола и Сесилия Гонзага обе стали религиозными. Семья, особенно со стороны ее отца, выступала против достижения Сесилией своей цели, но ее великий учитель Витторино да Фельтре, одним из любимых учеников которого была Сесилия, встал на ее сторону. Когда ее отец настоял на том, чтобы найти для нее мужа, Витторино настаивал на том, чтобы женщинам было позволено самим выбирать свою карьеру, и, прежде всего, если они чувствуют призвание к духовной и интеллектуальной жизни, им следует предоставить возможность для саморазвития, которую дает мирная и упорядоченная жизнь монастыря.

Буркхардт суммировала качества женщин эпохи Возрождения в одном предложении, которое стоит напомнить. Так много говорится о влиянии изучения классики на формирование языческих идей, о распушенности морали и ослаблении старых этических стандартов в эпоху Возрождения, что нелишне вспомнить, что думал этот глубокий исследователь того времени. Мы найдем его слова, которые подтвердят и обобщат характер, который мы пытались изобразить о женщинах эпохи Возрождения на этих страницах:

"Их отличие заключалось в том факте, что их красота, нрав, образование, добродетель и благочестие в сочетании делали их гармоничными человеческими существами".

ГЛАВА X

ФИЗИЧЕСКАЯ НАУКА ВЕКА

Хотя повсеместно признается, что эпоха Возрождения была в высшей степени великим периодом во всех видах искусства и литературы, в образовании и учености, и что ее географические открытия сделали ее примечательной с другой точки зрения, очень распространено впечатление, что ей явно не хватало научного развития и что на самом деле надлежащее отношение ума для успешного научного исследования было гораздо более поздней эволюцией. Почти повсеместно считается, что большинство открытий даже основных понятий в науке были сделаны в наше время или, по крайней мере, для поколений, гораздо более близких к нам, чем век Колумба.

Ничто не может быть менее созвучным реальной истории науки, чем любое подобное впечатление. Во многие времена до нас человек добивался большого научного прогресса. Величайшая загадка человеческой истории заключается в том, что часто после того, как были сделаны великие открытия, их каким-то образом упускали из виду. Снова и снова люди забывают свои предыдущие знания и вынуждены начинать все сначала. В столетие Колумба в каждой области науки происходило одно из таких великолепных событий, и были сделаны открытия и сделаны выводы, которые произвели революцию в других формах научного мышления точно так же, как открытие Колумбом Америки произвело революцию в географии, или работы Рафаэля, Микеланджело и Леонардо произвели революцию в художественной мысли мира.

Когда мы вспомним, что именно в это время Коперник выдвинул теорию, которая, вероятно, оказала большее влияние на человеческое мышление, чем любая другая, и что это открытие развилось непосредственно из математики того времени, и в то время как Везалий произвел революцию в анатомии, открытие кровообращения положило начало аналогичной революции в физиологии и были заложены основы ботаники и современной химии в их отношении к медицине, будет понято некоторое представление о величии научного прогресса этого периода. Математика, в частности, развивалась чудесным образом, и всегда, когда в математике открываются новые горизонты, точные науки обязательно переживают период замечательного прогресса. Были возведены прекрасные больницы, и всякий раз, когда появляются хорошие больницы, хирургия прогрессирует, и заботе о пациенте, которая во все времена является неотъемлемой частью медицины, уделяется пристальное внимание.

Прежде всего, люди эпохи Возрождения взяли на себя труд редактировать, переводить и публиковать древних классиков науки и сделать их доступными для изучения их собственными и последующими поколениями. Долг, которым современный мир обязан эпохе Возрождения в этом вопросе, начинает должным образом осознаваться только в результате нашего собственного научного развития в этом поколении. Только глубокий ученый, вероятно, сможет должным образом оценить, сколь многим мы обязаны терпеливой, отнимающей много времени работе того периода по обеспечению доступности книг. Были опубликованы не только античные классики, но и труды средневековья на научные темы. Раннехристианские ученые, арабы и, прежде всего, великие учителя

позднего Средневековья были отредактированы и напечатаны как непреходящее наследие для человечества.

Показатель отношения того времени к физической науке, а также интерес ученых того периода почти ко всем ее аспектам иллюстрируется жизнью кардинала Николая Кузанского, которого обычно называют Кузанус. Он был выдающимся немецким церковником, ставшим епископом Бриксена, а затем кардиналом и пользовавшимся доверием пап до такой степени, что его отправили легатом для исправления злоупотреблений в Германии. Он особенно интересовался математикой и великим немецким историком математики. Кантор посвящает десятки страниц достижениям в математике, которыми мы обязаны Кузану. Согласно традиции, во время своих поездок по неровным дорогам в грубом экипаже того времени он изучал кривую, описанную в воздухе мухой, когда она кружилась вокруг колеса после того, как села на него сверху. Он распознал в этом особый вид кривой, который мы теперь знаем как циклоиду, изучил многие ее особенности и предположил ее математическое значение.

Он особенно интересовался астрономией и заявил, что земля круглая, не является центром Вселенной и что она не может находиться в абсолютном покое. As he put it in Latin: ***terra igitur, quae centrum esse nequit, motu omni carere non potest***. Он очень ясно описал, как земля вращалась вокруг своей оси, а затем добавил, что не может не показаться удивительным заявлением для тех, кто в наше время придерживается подобной идеи гораздо более позднего происхождения, а именно, что он считал, что сама земля не может быть неподвижной, но движется так же, как другие звезды на небесах, ***Учитывайте, что земля не может быть неподвижной, а движется так же, как другие звезды на небесах***. Что еще более удивительно, он, по-видимому, даже получил путем предвосхищения некоторое представление о строении солнца. Он сказал: "Для наблюдателя с поверхности солнца величие, которое предстает перед нами, было бы невидимым, поскольку оно содержит как бы землю в качестве своей центральной массы с окружающей оболочкой из света и тепла, а между ними атмосферу из воды, облаков и окружающего воздуха".

Эти выражения встречаются главным образом в книге ***"О доктрине невежества"***, в которой Кардинал указывает, как много вещей, которые, как думают, они знают, совершенно неверны. Другие его книги посвящены математике, хотя есть небольшой трактат об исправлении календаря, который показывает, насколько тщательно люди того времени распознавали ошибку, которая вкралась в год, и насколько способны они были внести исправление. В своей книге "Статические эксперименты" он приводит очень оригинальное обсуждение лабораторных методов изучения болезней, которое является в высшей степени научным и описано в главе, посвященной медицине.

Жизнь Георга фон Пейербаха, также Пурбаха и Пурбахиуса, австрийского астронома, одного из протеже кардинала Николая, который едва дожил до сорока лет и чья величайшая работа была проделана как раз в начале века Колумба, является прекрасным показателем научного духа того времени. Около 1440 года, когда ему еще не исполнилось двадцати лет, он получил степень магистра философии и свободных искусств с высшими отличиями в Венском университете. После этого он, по-видимому, некоторое время работал в аспирантуре в Вене, особенно по математике у Иоганна фон Гмюндена. Примерно в начале века Колумба он отправился в Италию. Кардинал Николай Кузанский заинтересовался им и обеспечил ему место лектора по астрономии в университете Феррары. В течение следующих нескольких лет он отказывался от предложений стать профессором в Болонье и Падуе, потому что хотел

вернуться в Вену, чтобы преподавать в своей альма-матер. Там, в истинно ренессансном духе неспециализма, он читал лекции по филологии и классической литературе, читал специальные курсы для аспирантов по математике и астрономии. Именно в это время Иоганн Мюллер, Региомонтанус, как его называют, попал под его опеку. Пурбах заслуживает имени, которое было дано ему в честь отца математической астрономии в наше время.

Он ввел десятичную систему счисления, чтобы заменить громоздкий двенадцатеричный метод вычисления, который до его времени использовался в математической астрономии. Он взялся за перевод "Альмагеста" Птолемея, заменил аккорды синусами и рассчитал таблицы синусов для каждой минуты дуги радиусом 600 000 единиц. Эта замечательная работа по упрощению, естественно, привлекла широкое внимание. Кардинал Виссарион познакомился с ним во время визита в Вену и был впечатлен его гениальностью наблюдателя и учителя. Он предположил, что работу над Птолемеем следует вести не по ошибочному латинскому переводу, который на данный момент был единственным доступным в Вене, а по некоторым греческим рукописям великого александрийского астронома. Он предложил обеспечить их, а также обеспечить поддержку Пурбаха во время пребывания в Риме, необходимого для учебы. Приглашение было принято при условии, что с ним поедет его ученик Региомонтанус. Однако, к сожалению, Пурбах умер перед своей поездкой в Рим. Его работы были очень популярны в его время, а его комментарий к "Альмагесту Птолемея", заверченный Региомонтаном, стал одним из стандартных учебников того времени. Всего до нас дошло около двадцати его работ, и его "Новая теория планет" оставалась любимым справочником астрономов даже долгое время после публикации работы Коперника. Его трудолюбие, должно быть, было огромным, но, в конце концов, ничем не отличалось от трудолюбия многих его современников.

Астрономии суждено было стать великой стимулирующей физической наукой начала века Колумба, и преемником Пурбаха в цепи научных гениев того времени был его ученик Иоганн Мюллер, или, как его стали называть по латинизации названия места его рождения, Кенигсберга (во Франконии, недалеко от Мюнхена), Региомонтанус. Как мы уже говорили, молодой Мюллер учился у Пурбаха в Вене, очень заинтересовался астрономией и математикой, по предложению своего учителя сопровождал кардинала Виссариона в Италию и под его покровительством взялся за работу по составлению сокращенного издания великого труда Птолемея, "Альмагеста", в латинском переводе для тех, кого могло отвлечь знание греческого.

Кардинал Виссарион очень заинтересовался им и дал ему возможность учиться в Италии. Мюллер выбрал Падую и провел там почти десять лет. Всякий раз, когда кто-либо почти в любой стране Европы хотел получить возможности для учебы сверх тех, которые в то время предоставляла его родина, он отправлялся в Падую. Линакр, Везалий, Иоанн Кай изучали там медицину, Коперник, чуть позже Региомонтана, математику и астрономию, и это было горячо желанной целью многих студентов. Мюллер провел почти десять лет в Италии, большую часть - в Падуе, и в возрасте около тридцати пяти лет вернулся в Германию, чтобы заняться делом своей жизни. Он поселился в Нюрнберге, где в связи с Бернардом Вальтером добился возведения обсерватории. Нюрнберг, благодаря своей тонкой обработке металлов, был лучшим местом для получения механических приспособлений всех видов, и многие из них впервые были использованы в научных целях в этой обсерватории. Он стал настоящим выставочным центром для посетителей, и в то время как в Нюрнберге развивались литературные и художественные круги, в которых особенно блистали Пиркхаймеры, Альбрехт Дюрер, Вишеры и Адам Крафт, научный интерес к городу был на таком же высоком уровне.

Мюллер провел серию наблюдений, имеющих большое значение для астрономии того времени, и заменил Луну Венерой в качестве связующего звена между наблюдениями солнца, звезд и земли. Он признал влияние рефракции на изменение видимого расположения звезд и ввел использование касательной в математике. Однако его самой важной работой для того времени была публикация серии астрономических брошюр *"Астрономические эфемериды"*, в которых были опубликованы его наблюдения, а также серии календарей для популярной информации. Они объявляли о затмениях, солнечных и лунных, за годы до их повторения и придавали высокий статус астрономии как науке. Некоторые из этих листовок даже достигли Испании и Португалии и внушили испанским и португальским мореплавателям мысль о том, что они могут ориентироваться в море по наблюдениям за звездами. Таким образом, в некотором смысле работа Региомонтана подготовила путь, по которому было совершено открытие Колумба.

Работа Региомонтана привлекла к себе столько внимания, что его пригласили в Рим, чтобы он стал папским астрономом и занялся практической работой по исправлению Календаря. К сожалению, он умер вскоре после своего прибытия в Рим, хотя и не раньше, чем был избран епископом Регенсберга (Ратисбона) в знак уважения к его учености и благочестию. Таким образом, он стал преемником Альберта Великого (в епископстве), который был в свое время одним из самых глубоких ученых. Традиция ценить ученость и оригинальные исследования, очевидно, сохранялась на протяжении трех столетий, разделяющих двух ученых-епископов.

Выдающимся ученым-студентом, родившимся в Нюрнберге в тот же год, что и Региомонтанус, был Мартин Бехем или Бехайм, известный мореплаватель и картограф, который по возвращении в Нюрнберг в 1493 году создал знаменитый земной глобус, который должен был проиллюстрировать для своих горожан современное состояние географии в том виде, в каком ее переделывали испанцы и португальцы. Работа Бехема является поразительным свидетельством совершенства географических знаний того времени, и только ради сохранения этого глобуса мы вряд ли могли бы поверить в наше время, насколько правильными были представления ученых того периода, по крайней мере, относительно более древнего континента.

Одним из величайших ученых-физиков нашего времени является Тосканелли, врач, математик, астроном и космограф, по поводу связи которого с Колумбом в последние годы разгорелись такие споры. Он и кардинал Кузанус были однокурсниками в Падуанском университете, где курс Тосканелли состоял из математики, философии и медицины. Он обосновался практикующим врачом во Флоренции и занялся различными научными исследованиями, которые сблизили его не только со студентами-естествоиспытателями, но и с учеными и художниками того времени. Брунеллески и он были близкими друзьями, но он был хорошо известен за пределами Италии, и Региомонтанус часто консультировался с ним. Его заслуги перед астрономией заключаются в кропотливых и точных наблюдениях за орбитой комет 1433, 1449-50 годов и особенно кометы Галлея при ее появлении в 1456 году и комет мая, 1457 года, июня, июля и августа того же года. Они демонстрируют самую точную силу астрономических наблюдений и глубокие математические знания для того времени. Его знаменитая карта указывала, как именно мореплаватель мог достичь побережья Индии, плывя на запад, и говорят, что Колумб взял копию этой карты с собой в свое первое путешествие. Так это или нет, но нет никаких сомнений в месте Тосканелли в истории науки благодаря оригинальным работам в области астрономии, геодезии и географии.

Однако самым важным действующим лицом физической науки в век Колумба, несомненно, был Коперник. Колумб подарил людям своего времени новый мир, но Коперник подарил им

новое творение. Когда в начале шестнадцатого века он опубликовал предварительный набросок своей теории, один из его церковных друзей заметил ему, что он дарит своему поколению новую вселенную. Вероятно, никогда не было выдвинуто теории, которая изменила бы способы мышления людей относительно мира, в котором они живут, и их отношение к нему так, как это сделала гипотеза Коперника, хотя не следует забывать, что существуют некоторые пока еще непреодолимые трудности, которые удерживают ее по-прежнему в классе научных гипотез.

До этого времени Земля повсеместно считалась центром Вселенной, гораздо более важным, чем любое другое тело, солнце, луна или звезды, а все остальные, как считалось, вращались вокруг нее. Их видимое движение было вызвано вращением земли, которое было совершенно неосознанным. Об огромных расстояниях космоса никто и не мечтал. При новом порядке мышления Земля стала второстепенной планетой небольшого размера в нашей солнечной системе, которая имела незначительную величину по сравнению со всей совокупностью других тел Вселенной. Принятие новой теории очень сильно понизило человека в его собственных оценках. Изменение точки зрения на значение вселенной, требуемое теорией Коперника, было намного большим, чем того требует эволюция в наше время.

Людям потребовалось два столетия, чтобы приспособить свое мышление к этим новым идеям. Фрэнсис Бэкон, спустя целое столетие после времен Коперника, решительно заявил, что теория Коперника не объясняет известные факты астрономии так же хорошо, как теория Птолемея. Во времена Бэкона Галилей подвергался преследованиям, и причина этих преследований заключалась в том, что он выдвигал доктрину, которую не принимал ни один другой великий астроном его времени, и выдвигал ее по причинам, которые не подтвердились в последующее время. Теория Коперника в конечном счете была принята по причинам, совершенно отличным от тех, которые были выдвинуты Галилеем.

Как Копернику удалось прийти к этому великолепному обобщению, действительно трудно понять. Однако легче получить некоторое представление об этом, когда его достижения рассматриваются в связи с тем, что делалось вокруг него в это время. Живя в столетие, когда великие люди совершали триумфы в живописи, скульптуре, архитектуре, которые с тех пор являются чудом света, и когда география совершала революцию, и пробуждались почти все науки, неудивительно, что он достиг высот математического и астрономического выражения, превосходящих все, что люди когда-либо представляли себе прежде, и что он превзошел многие поколения, которые придут после него, ясностью своей интуиции астрономической тайны вселенной.

Коперник сделал не так уж много наблюдений, и те наблюдения, которые были сделаны им, не были проработаны с той кропотливой точностью, которая могла бы считаться необходимой для достижения великой новой концепции Вселенной. У него хватило гениальности увидеть даже из тех немногих и несовершенных данных, которые были у него под рукой, каково истинное объяснение разнообразных небесных явлений. У него не было никаких доказательств для продвижения. Он рассуждал просто по аналогии. Даже Галилей столетием позже признался кардиналу Беллармину, что у него нет строгой демонстрации своих взглядов, но что "система кажется верной". В то время как многие ученые современности считают, что великие открытия происходят в результате терпеливого накопления большого количества точных наблюдений, история науки показывает, что почти неизменно эпохальные шаги в развитии совершались людьми, которые, как правило, были сравнительно молоды и не были перегружены информацией своего времени. Великие художники эпохи Возрождения, вероятно, не могли бы привести лучших доводов в пользу

своих художественных концепций, чем Коперник в пользу своего гениального замысла, но все они работали в то время, когда каким-то образом люди были способны, как никогда ранее, на эти далеко идущие интеллектуальные достижения.

Коперник был поляком, который, как и другие студенты его времени, с радостью приветствовал возможность поехать в Италию для работы в аспирантуре, изучал у Новары в Падуе математику и астрономию и был вполне готов добавить изучение медицины, потому что таким образом он мог продлить срок, на который ему разрешалось оставаться в Италии. Затем он вернулся, чтобы стать каноником Фрауэнбергского собора, и провел сорок лет в спокойном наблюдении за пациентами и в своей медицинской практике не ради денег, а на благо бедных и таких друзей капитула Собора, перед которыми он был в долгу за те годы, что они поддерживали его в Италии. Вероятно, он разработал свою великую астрономическую теорию, когда ему было около тридцати. Он не публиковал ее предварительный набросок в течение двадцати пяти лет. Он опубликовал свою великую книгу незадолго до своей смерти, сохранив ее при себе, внося в нее изменения и, хотя был полностью убежден в ее важности, совершенно уверен, что из-за отсутствия четких доказательств она не будет общепринятой.

Как и многие из этих гениев эпохи Возрождения, он был простым добрым человеком, у которого было много хороших друзей среди окружающих и у которого была одна из самых счастливых жизней, выпадающих на долю тех, у кого есть чем заняться, у кого есть ежедневные обязанности, которые позволяют им отвлечься и сводят их с друзьями во многих обычных жизненных отношениях. О его смирении сердца и простоте характера, а также о его глубокой религиозной вере можно очень хорошо судить по молитве, которая по его собственной просьбе стала единственной надписью на его надгробии: "Я не прошу ни милости, оказанной Павлу, ни той, что была дана Петру; окажи мне только ту милость, которую Ты оказал разбойнику на Кресте".

Интересно его отношение к реформаторскому движению, двадцать лет которого он прожил в Германии. Он был близким другом епископа Эрмландского Мориса Фербера, который сохранил свою кафедру верной Риму в эпоху, когда секуляризация Тевтонского ордена и отпадение многих епископов вокруг него делают его положение и положение его епархии примечательными в истории того места и времени. Коперник оставался верен старой Церкви, и в 1541 году его великая книга *"De Revolutionibus Orbium Celestium"* была посвящена папе Павлу III, который принял посвящение, и до тех пор, пока дело Галилея не поставило копемиканизм под сомнение, никогда не возникало мысли о том, что книга Коперника содержит вопросы, противоречащие вере. Затем она была помещена в **Указатель**, но только до тех пор, пока не будут исправлены некоторые незначительные отрывки, которые излагают новую теорию так, как если бы это была астрономическая доктрина, основанная на фактах и демонстрациях, а не гипотеза, которую еще предстоит обсудить ученым.

Научный дух этого столетия часто подвергают сомнению, потому что, несмотря на свои научные знания, многие астрономы и математики того времени, а также, конечно, другие образованные люди, последовавшие их примеру, не могли полностью избавиться от идеи, что звезды оказывают мощное влияние на жизнь и здоровье человека. История этой идеи, однако, сводит к минимуму возражения. На протяжении веков такие люди, как Роджер Бэкон, Альберт Великий, Николай Кузанский, Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, настаивали на том, что в том, что мы сейчас называем астрологией, ничего не может быть. Однако люди расставались со старыми идеями очень медленно. Почти через сто лет после столетия Колумба даже Галилей составлял гороскопы и, похоже, свято верил в них, хотя

некоторые из его пророчеств были прискорбно ошибочны. Кеплер составлял гороскопы, признаваясь, что не очень-то доверял им, но за них платили гораздо лучше, чем за другие математические работы, и он, к сожалению, нуждался в деньгах. Лорд Бэкон никак не мог до конца убедить себя в том, что в астрологии ничего нет. Уже после середины восемнадцатого века дипломная работа Месмера по медицине в Венском университете, который в то время имел одну из лучших медицинских школ Европы, была посвящена влиянию звезд на конституцию человека. Это было принято факультетом, и он получил ученую степень. Даже в наше время, хотя сейчас образованные люди презирают, масса людей все еще не полностью отвергла астрологию. О людях века Колумба вряд ли можно думать меньше за то, что они приняли это, хотя многие ученые того времени этого не делали.

Аналог великого научного гения, каким был Коперник, обобщателя, открывающего новые горизонты, можно было найти в его современнике Леонардо да Винчи, который был изобретателем, гением-практиком, применявшим открытия в повседневной жизни. Он решил большинство механических проблем, изобрел шлюзы для каналов, тачку и специальные методы земляных работ, станок для изготовления напильников с помощью механизмов, приводимых в движение гирями, станок для распиливания мраморных блоков вместо разделения их естественным расщеплением, модель тех, что до сих пор используются в Карраре, а также станки для строгания железа, для изготовления тисков, пил и рубанков, для прядения, для срезания ворса ткани, а также табурет для рисования художника, шлифовальную машину для красок, пружину, удерживающую двери закрытыми, домкрат для запекания, колпак для дымоходов, передвижные буровые вышки, очень похожие на те, что используются у нас сегодня, с приспособлениями для установки мраморных колонн на их основаниях, одна из которых в принципе использовалась для установки Иглы Клеопатры на набережной в Лондоне в наше время. Излюбленной областью изобретений были всевозможные устройства, относящиеся к войне, военные двигатели, устройства для отодвигания штурмовых лестниц от стен и многие другие. Он был, вероятно, величайшим изобретателем в мировой истории. У него был в высшей степени практический склад ума. Он посвятил себя проблеме полета, изучал крылья птиц и создал серию механических устройств, направленных на решение этой проблемы.

Тэн сказал о нем: "Леонардо да Винчи - изобретатель, предвосхитивший все современные идеи и все современные диковинки, универсальный и утонченный гений, одинокий и неутомимый исследователь, выводящий свои предсказания за пределы своего века, чтобы иногда достигать нашего". Едва ли было что-нибудь, к чему он прикасался и что не освещал чудесным образом своим гением. Изучая мышцы животных, он изобрел динамометр, усовершенствовал очки и изучил законы света, изобрел камеру-обскуру и в своих экспериментах с паром предвосхитил Ватта. Очень любопытной особенностью его работы является серия экспериментов с паровой пушкой, с помощью которой, как он был уверен, можно произвести большие разрушения.

Очень интересным изобретением Леонардо в области научного инструмента определенной точности было то, что можно назвать метеометром. Он был сделан из медного кольца с небольшим деревянным стержнем, который служил балансиrom. На нем были два маленьких шарика, один из которых был покрыт воском, а другой - материалом, который легко впитывал влагу. Когда воздух насыщался влагой, этот шар тяжелел и наклонял луч до тех пор, пока тот не касался одного из делений, отмеченных на медном кольце, установленном позади него. Таким образом, можно было видеть степень влажности и предсказывать погоду или, по крайней мере, ее изменения. В наше время у нас есть целая серия таких приспособлений, в основном в форме игрушек. Гигроскопичные свойства шнура или тенденция определенных цветов менять свои оттенки при наличии большего

количества влаги используются для обозначения приближающихся изменений погоды. Леонардо, по-видимому, был первым, кто применил это на практике, и он заслуживает признания приоритета в этом изобретении.

Его изучения оптики можно было почти естественно ожидать от художника, столь увлеченного цветом и чье пристальное любопытство побудило его знать не только назначение вещей, но и причины их возникновения. Он развил большую часть науки о цветовом зрении, предложил принципы оптики, которые стали известны гораздо позже, проанализировал и объяснил устройство глаза, изобрел камеру-обскуру в подражание ей и дал нам теорию цветового зрения, которая не уступает любой другой, имеющейся у нас на сегодняшний день. Одних этих оптических исследований вполне могло бы быть достаточно, чтобы занять обычную жизнь, но, по-видимому, они были всего лишь результатом серии перерывов, характерных для отдыха Леонардо. Он делал свои заметки по этому вопросу, передавал их другим, не делал попыток опубликовать свои выводы, вероятно, нашел очень немногих, с кем мог обсудить эту тему, но он был удовлетворен. Это было то, чего он хотел.

После знакомства с подобными фактами мы не удивляемся, узнав, что он предвосхитил с помощью своего рода предсказания законы тяготения, молекулярный состав воды, движение волн, волнообразную теорию света и тепла, вращение и округлость земли до времен Колумба и многие другие удивительные вещи. В его дневнике можно найти, что он планировал строительство гавани и одновременно изучал музыку волн на пляже.

Поггендорф в своем большом биографическом словаре выдающихся деятелей науки цитирует "Историю математики в Италии" Либри как авторитетное заявление о том, что Леонардо открыл капиллярность и дифракцию, использовал знаки + и -, знал камеру-обскуру (без объектива), проводил наблюдения над сопротивлением, плотностью, весом воздуха, фигурами пыли, вибрирующими поверхностями, а также над трением и его эффектами.

Все виды машин вышли из рук Леонардо. У него был несомненный гений практического изобретательства, которому, вероятно, никогда не было равных, и уж точно не превзойденных, вплоть до наших дней. Его изобретательская способность проявилась в таких разнообразных машинах, которые никогда прежде не создавались в мозгу одного человека. И это были не просто примитивные механические устройства, которые мы, несомненно, презирали бы сейчас. Напротив, почти все они сохранились, по крайней мере в принципе, и некоторые из них почти такими, какими они исходили от него.

Леонардо также проделал выдающуюся работу в области биологических наук, так что Дюваль, профессор анатомии Парижского университета и сам хорошо известный как своими исследованиями в области биологии, так и своими познаниями в истории науки, озаглавил статью о нем во французском *научном журнале* (7 декабря 1889 г.) "Биолог пятнадцатого века". Его биологические открытия обсуждаются в главе, посвященной биологическим наукам.

Иногда те, кто так мало знаком с историей науки, что они довольно легко отваживаются на подобные утверждения, утверждают, что истинный научный дух еще не пробудился и что, хотя люди проводили множество наблюдений и приобретали новую информацию, у них еще не было надлежащего научного склада ума для совершения действительно великих открытий. Довольно забавно слышать это о столетии, когда были живы Коперник, Везалий и многие другие выдающиеся современные ученые. Некоторые авторы предполагают, что подлинный подъем современного духа научных исследований произошел только во времена Фрэнсиса Бэкона. Фрэнсис Бэкон - один из кумиров рынка, но, конечно, ни один серьезный исследователь истории не отвел ему того места в науке, которое отвели ему наши английские предки, когда они были достаточно изолированы, чтобы очень мало знать о континентальном труде, и прежде всего об итальянских рабочих.

Фрэнсиса Бэкона, конечно, давно предвосхитил во всем, что касается индуктивного метода в науке, его гораздо более великий тезка Роджер Бэкон. Однако в век Колумба, за сто лет до Бэкона, итальянский философ Бернардино Телезио полностью изложил индуктивный метод и признал все его возможности. В "*Науке*" за 19 декабря 1913 года профессор Кармайкл сказал о нем:

"Он полностью отказался от чисто интеллектуальной сферы древних греков и других мыслителей до него и предложил исследовать данные, получаемые с помощью органов чувств. Он считал, что из этих данных действительно проистекает все истинное знание.

Таким образом, работа Телезио знаменует фундаментальную революцию в научной мысли, благодаря которой мы переходим от древних методов к современным. Ему удалось показать, что Аристотель апеллировал к природе, и он сделал возможным тот день, когда люди больше не будут относиться к *ipse dixit* философа-стагирита как к окончательному авторитету в вопросах науки ".

Тенденция этого столетия придавать научным принципам ценность для практических целей хорошо иллюстрируется ссылками на симпатический телеграф, о котором в то время стало много говорить. Согласно рассказанной истории, друзья на расстоянии могли бы общаться друг с другом, имея два циферблата, вокруг которых были расположены буквы алфавита, а магнитная стрелка свободно вращалась в качестве индикатора. Когда стрелка на одном из циферблатов перемещалась на букву, другой под действием магнитного притяжения должен был поворачиваться на ту же букву. Это остроумное тщеславие приписывается кардиналу Бембо, одному из великих ученых эпохи Возрождения, который был личным секретарем папы Льва X. Его друг Порта, разносторонний философ, сделал это явление широко известным благодаря яркому описанию, которое он дал в своем знаменитом труде "Естественная магия", опубликованном сразу после окончания столетия Колумба.

Очень важное развитие науки произошло в применении химии к медицине, как в отношении физиологии, так и патологии. Бэзил Валентайн в начале века Колумба проложил путь, а Парацельс многое сделал для того, чтобы показать, в чем будет заключаться преимущество применения химии в медицине. Парацельс сравнивал процессы в человеческом организме с химическими явлениями и заявлял, что изменения в химическом состоянии органов являются причинами болезней. Он выступил против гуморальной теории древних и отрицал, что сердце является местом выработки тепла в организме, поскольку, по его утверждению, каждая часть системы имеет свой источник тепла. Именно благодаря Парацельсу химия была включена в медицинскую учебную программу, и Джордж Корн в своей главе о медицинской химии в "Справочнике" Пушмана приписывает создание определенных профессорских должностей по химии в университетах того времени влиянию Парацельса. Андреас Либавиус много сделал для развития химической науки в различных направлениях своим изучением и приготовлением серной кислоты и признанием идентичности вещества, получаемого из серы и селитры, веществу, получаемому из купороса и квасцов. Исследования такого рода привели к широкому осознанию возможностей химии.

Дух того периода в отношении науки и развития способности наблюдения в то время очень хорошо иллюстрируют собственные наблюдения Колумба за склонением магнитной стрелки во время его первого путешествия через океан. Брат Потамиан рассказал эту историю в книге "Создатели электричества" (Издательство Фордемского университета, Нью-Йорк, 1909), стр. 22:

"Это одна из жемчужин в короне Колумба - то, что он наблюдал, измерил и записал это странное поведение магнитной стрелки в своем рассказе о путешествии. Правда, он не замечал этого, пока не оказался далеко в безбрежном океане. Прошла неделя с тех пор, как он покинул величественный Тенериф, и несколько дней с тех пор, как горные очертания Гомеры исчезли из виду. Памятной была ночь 13 сентября 1492 года. Ошибки быть не могло: стрелка "Санта-Марии" указывала немного западнее северной, а не прямо на север. Несколько дней спустя, 17 сентября, пилоты, измерив амплитуду движения солнца, сообщили, что отклонение достигло целой точки по компасу, тревожной величины в 11 градусов.

"Удивление и тревога, которые проявлял Колумб в этих случаях, могут быть восприняты как указания на то, что это явление было для него новым. Однако на самом деле его стрелки не соответствовали действительности даже в начале рейса из порта Палос, где, хотя никто об этом не знал, они указывали примерно на 3° восточнее северной широты. Этот угол уменьшался день ото дня, поскольку адмирал держал нос своей каравеллы направленным на Запад, пока он совсем не исчез, после чего игла повернул на Запад и продолжал двигаться на запад в течение некоторого времени, пока флагман продолжал свое плавание.

Таким образом, Колумб определил место в Атлантике, в котором магнитный меридиан совпадал с географическим и стрелка находилась точно на полюсе. Шесть лет спустя, в 1498 году, Себастьян Кэбот нашел другое место на том же берегу океана, немного севернее, в котором стрелка компаса проходила точно по линии север-юг. Этих двух наблюдений, одного, сделанных Колумбом, а другого - Кэботом, было достаточно, чтобы определить положение линии агонии, или линии без изменений, для данной местности и эпохи.

"Колумбийская" линия сразу приобрела значительное значение в географическом и политическом мире из-за предложения исключить остров Ферро и принять его за нулевой меридиан, от которого будет отсчитываться восточная и западная долгота, а также потому, что он был выбран папой Александром VI в качестве отправной точки при урегулировании соперничающих претензий королевств Португалии и Кастилии в отношении их соответствующих открытий. Было решено, что все недавно открытые земли, лежащие к востоку от этой линии, должны принадлежать Португалии, а земли на западе - Кастилии".

Первое наблюдение магнитного склонения на суше, по-видимому, было сделано примерно в 1510 году Джорджем Хартманном, викарием церкви Святого Себастьяна в Нюрнберге, который обнаружил, что оно находится на 6° восточной долготы в Риме, где он жил в то время. Он наблюдал это также в Нюрнберге, где стрелка указывала на десять градусов к востоку от Северной. Интересно объяснение Колумба склонения своим морякам. Сначала он хранил молчание по этому поводу, но когда они встревожились, полагая, что законы природы меняются по мере того, как они продвигаются все дальше и дальше в неизвестное, он сказал им, что стрелка указывает не на Полярную звезду, которая называлась Синезрение, а на неподвижную точку на небесной сфере и что сама Полярная звезда не неподвижна, а имеет собственное вращательное движение, как и все другие небесные тела. Они доверились ему, и их страхи рассеялись, а мятеж был предотвращен. Когда по возвращении в Испанию он сообщил о многочисленных и определенных наблюдениях за изменением показаний компаса, которые он сделал, ученые того времени сказали ему, что ошибся он, а не стрелка, потому что последняя везде была верна полюсу. Почему они были так уверены, они сказать не могли, но они отказывались верить даже наблюдениям, которые показывали, что это не так; хотя о них сообщил человек, который только что опроверг столь же твердые убеждения, поплыв на запад и достигнув суши. Именно такие противоречия тому, что кажется очевидными первоосновами науки, во все века приводили к великим открытиям, для совершения которых требовался гений.

ГЛАВА XI

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Обычно предполагается, что биологические науки развивались сравнительно недавно и что, прежде всего, почти 500 лет назад, в пятнадцатом веке, не могло быть и речи о каких-либо достижениях, которые имели бы сколь-нибудь серьезное значение в истории науки. Самому слову "биология" всего около ста лет, и очень часто предполагается, что интерес человека к областям знаний начинается с их наименования. Однако период, когда была проделана такая великолепная работа в физических науках и особенно такая революция в мышлении посредством наблюдения, которая произошла благодаря теории Коперника, вряд ли мог полностью пренебречь биологическими науками. На самом деле, биология, понимая это слово в самом широком смысле, добилась в это время впечатляющих успехов. Пожалуй, ни в один период до нашего времени не наблюдались такие значительные успехи во всех областях биологических наук.

Часто говорят, что люди Средневековья очень мало интересовались окружающим миром. Действительно, часто выражается удивление по поводу того, что им не следовало больше заниматься чудесной книгой природы, так маняще открытой перед ними, и больше посвящать себя изучению природы. Некоторые даже отважились поискать причину и подумали, что нашли в ней преувеличенный интерес к другому миру, отличному от этого, а отсутствие интереса средневековья к естественной истине было приписано чрезмерному увлечению сверхъестественным. Однако те, кто осмеливается думать, что люди Средневековья не интересовались природой, вообще ничего не знают о великих писателях того времени. Они глубоко неосведомлены о широких интересах тех, кого они так легкомысленно критикуют. Данте полон изучения природы. Больше, чем любой современный поэт, возможно, за одним или двумя исключениями, он использовал свои знания о природе и науке, чтобы проиллюстрировать смысл многих отрывков своей поэзии. Достаточно обратиться к "Божественной комедии" практически где угодно, чтобы доказать это. В его "Трактовке природы у Данте". Профессор Оскар Кунс из Уэслианского университета продемонстрировал это вне всякого сомнения.

В XIII веке были составлены три объемистые энциклопедии знаний, включающие многие удивительные факты о природе. Такие люди, как Альберт Великий, написавший много томов научных трудов по естественным предметам и сделавший всевозможные коллекции и наблюдения, Роджер Бэкон, во многом почти невероятным образом предвосхитивший современные знания, и Фома Аквинский, который использовал факты природы, известные в его время, в качестве основы своей философии точно так же, как это делал задолго до него Аристотель, - все они были увлеченными исследователями природы. Они не знали многих вещей, которые современный школьник может легко усвоить, ибо мы накопили много информации; поскольку не мало из того, что, как им казалось, они знали, было неверным, - но это было верно в каждый период мировой истории науки, и даже наш собственный не избежит этого неизбежного закона, но они знали гораздо больше, чем обычно думают, и то, что они знали, было гораздо более значительным для реального научного прогресса, чем любой, кроме специальных изучающих их работы, имеет представление.

Поэтому неудивительно, что в столетие Колумба в биологических науках были заложены великолепные основы, и что работы этого периода действительно представляют некоторые из наиболее важных фундаментальных истин в этих науках. Анатомия, например, получила развитие в период Возрождения, что сделало ее независимым научным подразделением. В первой половине века люди снова начали думать самостоятельно и делать свои собственные наблюдения. Довольно интересно увидеть детали, которые были добавлены к предыдущим знаниям анатомии, поскольку они демонстрируют тот факт, что они точно наблюдали; нескольких примеров будет достаточно, чтобы это стало ясно.

Ахиллини обратил внимание на **холедоховый проток**, проток, ведущий из печени в двенадцатиперстную кишку, и описал подвздошно-слепой клапан. Беренгар из Карпи исправил ряд ошибок, которые имелись в "**Анатомии**" Мондино, учебнике, которым чаще всего пользовались с начала четырнадцатого века, и он обнаружил отверстия в клиновидной кости. Возможно, для нашего времени он будет представлять еще больший интерес, потому что он был первым, кто описал червеобразный отросток. Он также был, по-видимому, первым, кто обратил внимание на тот факт, что грудная клетка у мужчин и таз у женщин в каждом случае пропорционально шире, чем у представителей другого пола, и что грубо говоря, в то время как женская форма коническая, мужская представляет собой перевернутый конус. Канани многое добавил к описанию мышц и был первым, кто заметил наличие клапанов в венах, обнаружив их в **передней** вене. Габриэле Зерби обратил внимание на косые и круговые мышцы живота и описал слезную точку, связку матки и другие анатомические детали, которые ранее не были описаны. В его книге по анатомии кости, мышцы и кровеносные сосуды были разделены на разные главы, и из путаницы, существовавшей раньше из-за слишком обобщенного преподавания, начал появляться порядок.

Именно об анатомах того времени Пушманн в своей "Истории медицинского образования" говорит: "Итальянские анатомы имели привычку производить вскрытия тел самостоятельно, и именно по этой причине все великие анатомические открытия того времени были сделаны в Италии. Анатомические школы этой страны были лучшими в мире. Все величайшие анатомы шестнадцатого века получили там свое образование, и среди мастеров итальянских школ можно найти величайшие имена, которыми может похвастаться анатомическая наука". Нойбергер в своем "Справочнике по истории медицины" [Сноска 30] говорит: "Итальянские профессора, вдохновленные блестящим примером "Мондино", превзошли всех других анатомов мира, потому что они не побрезговали взять в свои руки анатомический скальпель, и именно по этой причине в это время анатомия в Италии культивировалась с большей широтой". видения, чем где-либо еще. Итальянские анатомы положили начало в конце пятнадцатого века самому знаменитому периоду в истории искусства препарирования и стали учителями врачей всего мира".

[Сноска 30: Нойбергер у. Pagel: "**Handbuch der Geschichte der Medicin**"; Jena, 1903, Vol. II, стр. 23.]

Мартинотти в своей книге "Преподавание анатомии в Болонье до девятнадцатого века" [Сноска 31] дает очень хорошее представление о полностью научном духе их исследований и их горячем любопытстве в отношении анатомических деталей, поскольку их можно почерпнуть из комментариев Беренгара из Карпи. Он говорит, например, "Пусть никто не думает, что этой науке анатомии" (он называет ее дисциплиной) "можно научиться только из уст в уста или при изучении книг. Для этого абсолютно необходимы зрение и осязание". "Также невозможно получить какие-либо реальные знания о членах человеческого тела с

помощью одного вскрытия, для этого требуется несколько вскрытий". Он сам говорит, предлагая с истинно научным духом, как мало он знает, несмотря на свои возможности, чтобы побудить других использовать как можно больше возможностей: "сколько сотен трупов я не препарировал". Иногда говорят, что это выражение является преувеличением, но оно соответствует общему направлению метода изучения Беренгара. Вскрытие в старое время не означало полного изучения анатомии тела анатомическими методами, но любое вскрытие тела с целью определения определенной точки или изучения какой-либо особой части называлось анатомией или рассечением. Беренгар часто настаивает на том, что следует изучить несколько препаратов и срезов одних и тех же внутренних органов. Он признается, что сделал разрезы более чем на 100 трупов, чтобы определить вопрос по анатомии мозга, и все же не был удовлетворен.

[Footnote 31: G. Martinotti: *L'Insegnamento dell' Anatomia in Bologna Prima del Secolo XIX*; Bologna, 1911.]

Интерес художников эпохи Возрождения к изображению не просто поверхности вещей, но и к тому, чтобы дать представление о том, какими они были на самом деле, привел к сильному развитию любопытства к строению человеческих существ. Ни один великий художник эпохи Возрождения не обходился без вскрытий для себя, и чем более велик художник, тем больше вскрытий, как правило, мы знаем, он сделал. Микеланджело препарировал по меньшей мере части более чем 100 тел, а Леонардо да Винчи, вероятно, сделал даже гораздо больше. Одно время он предлагал написать учебник анатомии. Обычно предполагается, что любое подобное предложение художника вряд ли можно воспринимать всерьез в смысле научного учебника, представляющего реальный вклад в анатомию как науку, хотя оно, конечно, может быть ценным для художников. Однако в последние годы переиздание эскизов его вскрытий показывает, что Леонардо да Винчи, возможно, написал замечательный учебник анатомии и что его рисунки по-прежнему ценны для изучения профессиональными анатомами.

Уильям Хантер заявил, что "леонардо был величайшим анатомом того периода", и, поскольку в общей сложности у нас есть около 750 отдельных набросков вскрытий, которые он действительно изучал, можно получить некоторое представление о том, многого ли он достиг. Эти наброски представляют не только мышцы и скелет, хотя они передают их очень хорошо и особенно полно раскрывают их функции, но они также содержат наброски всех внутренних органов и даже поперечных срезов мозга в разных плоскостях. Одна эта книга, без каких-либо дополнительных сведений, обеспечила бы Леонардо выдающееся место в истории физиологии, а также анатомии.

Имея все это в виду, забавно знать, что даже среди образованных людей довольно распространено впечатление, что в то время Церковь выступала против вскрытия, и что такие книги, как "Война науки с теологией" президента Уайта, представляют Везалия поколением позже как препарирующего в страхе и трепете из-за опасности, которой он подвергался из-за нарушения церковных законов, запрещающих вскрытие. Таких законов никогда не существовало, и препарирование в научных и художественных целях, по-видимому, было гораздо лучше обеспечено, чем даже в наше время, и, прежде всего, гораздо лучше охранялось церковными властями, которые могли бы так сильно этому препятствовать, чем это было в англоязычных странах два или три поколения назад, когда страстным изучающим анатомию приходилось либо "воскрешать" тела самим, либо покупать их - как многие из них и делали - у "воскресителей", со всеми злоупотреблениями, связанными с этой практикой, чтобы сохранить анатомический материал.

Наивысшее развитие анатомии в век Колумба произошло благодаря Везалию. После того, как в детстве Везалий проявил склонность к научным и особенно биологическим исследованиям, занимаясь препарированием мелких животных, предложение к чему пришло к нему после изучения книг Альберта Великого, Везалий отправился в Париж, чтобы найти возможности для изучения анатомии; но, получив там немалую выгоду, он был несколько разочарован из-за отсутствия оборудования. Ревность его учителя Сильвиуса, которую он вызывал, еще больше затрудняла его работу, поэтому он отправился в Италию, где, как он знал, мог раздобыть материал для препарирования и возможности для учебы. Там, прежде чем ему исполнилось двадцать пять, его сделали профессором анатомии в Падуанском университете, и у него появилась возможность написать свой великий учебник по анатомии, **"О производстве человеческих корпораций"**, который остался классическим до наших дней.

Было бы довольно сложно перечислить все открытия, которыми мы обязаны Везалию. Он вполне заслуживает имени Отца современной анатомии. Практически вся его плодотворная жизнь приходится на век Колумба, и он иллюстрирует, насколько скрупулезными были ученые того времени в своих способах мышления и наблюдения. Детали, которые, как можно было ожидать, могли ускользнуть от него, описаны наиболее четко. Он был первым, кто указал на то, что нервы проникают в мышцы, и предположил, что они выполняют физиологическую функцию, вызывающую сокращение. Он открыл маленькие кровеносные сосуды, которые входят в кости, питательные артерии, но еще более определенно описал питание костей через надкостницу и ее богатое кровоснабжение. Он значительно расширил знания того времени об анатомии брюшной стенки и крупных органов брюшной полости, особенно желудка и печени. Его описания половых органов намного опережают все, что было известно его предшественникам, и здесь его анатомические знания также стали ценными для предложений в физиологии - две родственные науки, как и следовало ожидать, развивались вместе. Везалий полностью описал сердце и предположил его механизм, и все же не смог отвертеться от заявления Галена о том, что кровь проходит через перегородку сердца. Его описание кровеносных сосудов, их внутренней и наружной оболочки показывает, насколько тщательно были проведены его наблюдения. Впоследствии он заявил, что к этим исследованиям его подтолкнуло воспоминание о вскрытии мочевых пузырей, с которыми он играл в детстве и которые, как он обнаружил, состояли из нескольких слоев.

Едва ли найдется кафедра анатомии, на которой имя Везалия не было бы запечатлено. Например, он уделял большое внимание исследованию головного мозга, подчеркивал различие между серым и белым веществом, описывал мозолистое тело, прозрачную перегородку, шишковидную железу и четырехгранные тела.

По крайней мере двое из учеников и помощников Везалия в преподавании заслуживают того, чтобы быть названными в связи с великим развитием анатомии, пришедшимся на это время. Один из них - Реалдус Колумб, которому мы обязаны открытием циркуляции крови в легких, а другой - Фаллопий, чье имя знакомо по его привязке к важным структурам тела, которые он впервые описал. О Колумбе нам еще будет что сказать в разделе "физиология", поскольку кровообращение было важным вкладом в эту науку. Работа Колумба была завершена в Риме, куда он был приглашен папами для преподавания в Папской медицинской школе, и где на его указаниях и демонстрациях присутствовали кардиналы, архиепископы и выдающиеся духовные лица. Он был прозектором Везалия в Падуе и сменил его в Болонье, а затем был приглашен в Рим. Он написал великолепный учебник анатомии, который был посвящен папе Павлу IV, и он был одним из сокровищ эпохи Возрождения как

из-за развития анатомии, которую он представляет, так и из-за его ценности как одной из первых прекрасно напечатанных и иллюстрированных книг по медицине того времени.

Фаллопий, одаренный ученик Везалия, о котором Хезер, современный историк медицины, сказал, что он был "одним из самых важных многогранных врачей шестнадцатого века", следил за работой своего учителя, исправил некоторые ее детали и добавил много новых фактов. Мы не совсем уверены во времени его рождения, но ему, вероятно, было меньше тридцати, возможно, всего двадцать пять, когда он стал профессором анатомии в Ферраре. Впоследствии он занимал кафедру анатомии в Пизе, а затем анатомии и хирургии в Падуе. Он многое добавил к тому, что было известно ранее о внутреннем ухе, и подробно описал барабанную перепонку и ее связь с костным кольцом, в котором она расположена. Он также подробно описал круглые и овальные окна и их связь с преддверием и улиткой. Он был первым, кто указал на связь между сосцевидными клетками и средним ухом. Его описание слезоотводящих путей в глазу было заметным прогрессом по сравнению с описаниями его предшественников, и он также дал подробный отчет о решетчатой кости и ее клетках в носу. Его вклад в анатомию костей и мышц был очень ценным. Особенно в миологии он исправлял Везалия. Он изучал органы зачатия у обоих полов, и его описание канала или трубки, ведущей от яичника к матке, связало это строение с его именем. Другое открытие, небольшой канал, через который проходит лицевой нерв после выхода из слухового, также назван в его честь **фаллопиевым водопроводом**.

Пушманн в своей "Истории медицинского образования" говорит о Фаллопиусе (стр. 297): "Он предоставил ценную информацию о развитии костей и зубов, более точно описал каменистую кость, обогатил миологию замечательными описаниями мышц наружного уха, лица, неба и языка, сделал подробные заявления об анастомотических соединениях определенных кровеносных сосудов - например, сонных и позвоночных артерий - и открыл трохлеарный нерв. Он провел точные исследования определенных частей органа слуха и глаза, с помощью которых он смог дать более полную информацию о **ресничной связке, tunica hyaloidea**, хрусталике и других анатомических точках"."

Столь же великим, если не более великим, чем любой из них, анатомом был Евстахий, которому мы обязаны рядом важных открытий. Он особенно изучал почечную систему и головку. Его имя увековечено в евстахиевой трубе, названной в его честь. Было сказано, что со времен Евстахия к нашим знаниям об общей анатомии зубов добавилось очень мало. Он также сделал важные открытия в анатомии мозга. К сожалению, его учебник так и не был закончен, а прекрасные иллюстрации, первые медные иллюстрации к анатомическому труду, когда-либо сделанные, не были опубликованы при его жизни. Однако они в точности сохранились в библиотеке Ватикана, поскольку, как и Колумб, он был профессором Папской медицинской школы в Риме, и были опубликованы в начале восемнадцатого века самим Ланчизи, еще одним папским врачом.

Другим выдающимся анатомом того времени был Аранциус, который был профессором анатомии в Папском университете Болоньи в течение примерно тридцати двух лет сразу после окончания нашего периода, однако получил свое образование в нашем столетии. Он дал первое правильное описание анатомии плода и был первым, кто показал, что мышцы глаза возникают не из твердой мозговой оболочки, а из края полости зрительного нерва. Он подтвердил взгляды Колумба относительно движения крови от левой к правой стороне сердца и сделал ряд открытий в анатомии мозга. ему мы обязаны термином **гиппокамп**, и он очень точно описал четвертый желудочек, назвав его цистерной мозжечка.

Научное развитие физиологии, как и следовало ожидать, немедленно последовало за развитием анатомии. Действительно, Везалий заслуживает почти такой же похвалы за то, что он сделал для физиологии, как и за свои исследования в области анатомии. Функции костей, мышц и органов, как мы уже говорили, тщательно обсуждались в связи с описанием их формы, расположения и взаимоотношений с другими органами.

Вероятно, лучший способ представить прогресс, достигнутый в физиологии в настоящее время, - это рассмотреть важные шаги на пути к величайшему обобщению современной физиологии - циркуляции крови. До этого времени о нем было известно гораздо больше, чем обычно думают, и, вероятно, даже древние, особенно в Греции, имели о нем больше, чем просто намек. До того, как завершился век Колумба, открытие легочного кровообращения было свершившимся фактом, и существовало нечто большее, чем просто намек на существование общего кровообращения. Полное описание этого было сделано лишь впоследствии, но оно не заставило себя долго ждать, и оно исходило от человека, принадлежащего нашему времени. Оно не получило того тщательного научного обоснования, которое должно было сделать его фундаментальным принципом биологической науки того времени, ни до дней Харви, ни даже в течение некоторого времени после его тщательного научного описания и демонстрации. [Сноска 32]

[Сноска 32: Насколько ясно Рабле понимал функцию кровообращения, хотя и не оценил должным образом его физиологическую анатомию, можно легко увидеть из его знаменитого отрывка о кровообращении, в котором он говорит о крови как о "золотом ручейке, который с такой радостью принимается всеми органами, потому что это их единственное восстанавливающее средство". Часть этого отрывка стоит процитировать, потому что он представляет собой популяризацию научных знаний того времени. Рабле писал не для врачей и даже не для студентов-медиков, а для образованной широкой публики того времени. Он сказал:

"Селезенка сии от **крови** ее наземной части, **а именно**, почве, осадке или толстые существа поселились в нижней ее части, которые вам срок **меланхолии**; бутылки желчного вычитает оттуда все лишнее **синонимы**: откуда это привезли в другой магазин или фабрику, чтобы быть еще лучше, очищенное и утонченное, что находится в районе, который по своей агитации Diastolick и Systolick движениями аккуратненько так subtiliseth и воспаляет ее, что в **правой части** желудочка это доведено до совершенства и по венам направляется всем членам; каждый участок тела втягивает его в себя, и после его собственные моды, лелеют и содержится за это: ноги, руки, бедра, руки, глаза, уши, спина, грудь, да, все; и таким образом он является тем, кто прежде были **кредиторы**, теперь становятся **должниками**, в сердце течет в **левый** желудочек, так thinnify крови, что он таким образом получает название духовного; которое направляется по артериям ко всем членам тела, служащий для теплой и веять или вентилятор другая кровь, которая бежит по венам; свет никогда не прекращаются с его узорами и мехов, чтобы охладить и освежить; в подтверждение которых добрые сердца через артериальную Вену придает ему самые лакомые его кровь: наконец-то он сделан так хорошо и тонко в **Pete mirabile C**, что в дальнейшем эти **животные духи** имеют каркаса и состоят из него; при помощи которого воображение, рассуждение, суждение, резолюцию, Обсуждение, умозаключении, и память их рост, поступающих и операций".]

Сам Харви действительно признавал свой долг перед этими людьми предыдущих поколений, и любой непредвзятый обзор предмета ясно показывает, что в течение нескольких поколений наблюдался постепенный прогресс в направлении этого важнейшего

обобщения, а не то внезапное открытие, которое, как иногда думают, имело место. В 1546 году Сервет, который был профессором анатомии в Париже, но имел склонность увлекаться теологией, что впоследствии оказалось для него неудачным, поскольку, как следует помнить, он был сожжен Кальвином в Женеве в 1553 году, отправил Курио, преподававшему анатомию в Падуе, рукописную копию своего *"Restitutio Christianismi"*, "Восстановление христианского мира", в котором он полностью описал циркуляцию крови в легких.

Поскольку описание Сервета впервые появилось в богословском труде, комментаторам иногда казалось, что его выражения были едва ли более чем случайными и что только случайно он пришел к такому обобщению. Однако сказать это - значит проигнорировать карьеру Сервета. Он был исследователем сугубо научного склада ума, жившим в то время, когда открытия, особенно в биологических науках, совершались повсюду вокруг него, и он провел множество вскрытий, преподавал анатомию в Парижском университете и находился в наиболее подходящем положении, чтобы совершить такое новое открытие. Он проделал выдающуюся работу в области ботаники, он предложил некоторые модификации в фармакологии, которые встретили яростное сопротивление, но с тех пор были одобрены, и, подобно столь многим людям эпохи Возрождения, он "взял все знания в свою область" с поразительным успехом. К несчастью, он вторгся в теологию, а затем попал в беду. Ему пришлось бежать из Парижа, хотя, вероятно, судебное преследование против него было в немалой степени вызвано врагами, созданными его бескомпромиссным духом в споре об использовании сиропов. Он находился под защитой архиепископа Вьенского, у которого он был врачом в течение дюжины лет, и именно Кальвин донес на него римским властям таким образом, что даже дружественный архиепископ больше не мог его защитить. При попустительстве ему позволили сбежать из тюрьмы, он уехал в Женеву и там встретил свою печальную участь.

Возможно, как уже было сказано, неверно, что, приговорив Сервета к смерти, Кальвин отбросил развитие физиологии на три четверти века назад, до времен Гарвея, но, несомненно, смерть Сервета была очень прискорбным инцидентом для науки.

Примерно в это же время серия открытий в Италии привела к мысли о существовании циркуляции крови в легких и во всем теле. Уже в первом издании своего великого учебника анатомии в 1543 году Везалий выразил сомнения относительно доктрины Галена о том, что кровь проходит через перегородку сердца из одного желудочка в другой, и эти сомнения он подчеркнул во втором издании. В 1547 году Кананус, профессор анатомии в Ферраре, наблюдал клапаны в венах, и, как говорят, они были описаны еще до этого, хотя доктрина об их существовании и функционировании не была общепринятой в науке до более полного описания, сделанного Фабрициусом из Аквапенденте, который родился в нашем веке, но выполнил свою важную работу позже. Колумб, преподававший анатомию в Папском университете Сапиенца в Риме, был даже более полным и недвусмысленным в своем описании легочного кровообращения, чем Сервет. Вопрос о том, знал ли он об открытии Сервета, никогда не был окончательно решен, хотя вероятность этого кажется очень малой. По-видимому, единственная возможность состоит в том, что копия издания *"Restitutio Christianismi"*, которая была сожжена вместе с ее несчастным автором, могла уцелеть и попасть в Рим. Рим действительно является наименее вероятным местом, где могла появиться такая книга, и точно известно, что уцелели только два экземпляра этого первого издания. О них Колумб мог ничего не знать. Сам Харви, цитируя профессора Фостера в его "Истории физиологии", отзывался о Колумбе с уважением, как о великом авторитете.

Деятельность Колумба иногда преуменьшалась в Западной Европе, особенно англичанами, очевидно, из опасения, что признание его заслуг уменьшит славу Харви. Сам Харви, однако,

цитирует Колумба как авторитет в своей работе о кровообращении, а итальянский анатом, который был помощником Везалия, несомненно, был великим учителем, исследователем, диссектором, экспериментатором, наблюдателем и писателем в отношении ряда этапов медицинской науки. Он был первым, кто настоял на демонстрации того, что живые животные представляют ценность в преподавании медицины. Он заявил, что можно узнать больше о функциях организма, вскрыв одну-единственную собаку, чем просто часами щупая пульс и изучая Галена. Он проводил демонстрации на живых животных и постоянно был занят попытками выяснить функции, а также анатомические детали. К концу века Колумба ряд работников медицинских наук проводили различного рода эксперименты на живых и мертвых животных с целью развития физиологии. Евстахий экспериментально изучал почки, а сенсорные функции исследовались очень тщательно и в истинно научном духе.

Завершение открытия кровообращения произошло в лице Цезальпина, получившего все свое образование в веке Колумба. Любопытно, что прочтет его описание системного кровообращения, не может не признать, что он действительно это понимал. Его открытие не произвело такого впечатления на его поколение, как открытие Харви на следующее поколение, и он не понимал так досконально значение своего открытия. Итальянцы, однако, совершенно справедливо настаивали на том, чтобы признать за ним заслугу открытия циркуляции крови, и некоторые из них даже предположили, что Харви узнал об этом от него, но ничто не может омрачить славу Харви как великого опытного наблюдателя и оригинального гения, который полностью оценил природу революции, которую его открытие произведет в медицинских науках. Сам Гарвей был бы первым, кто осудил бы умаление славы, которая была заслугой его предшественников или его великих учителей в Италии, один из которых, Фабрициус да Аквапенденте, частично принадлежит нашему столетию. Действительно, в своей книге о кровообращении Харви отдал своим предшественникам больше чести, чем многие из его ярых английских защитников склонны делать в наше время.

Профессор Фостер в своих "Лекциях по истории физиологии шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого веков", которые были прочитаны как Лекции Лейна в Сан-Франциско, а некоторые из них также в Университете Джона Хопкинса, признает приоритет Цезальпина в описании. Он говорит (стр. 33):

Таким образом, он, по-видимому, постиг важную истину, скрытую, казалось бы, от всех, кто был до него, о том, что сердце в систолу выбрасывает свое содержимое в аорту (и легочную артерию), а в диастолу получает кровь из полых вен (и легочной вены).

"Опять же, в своих "Вопросах медицины" он, кажется, уловил факты о притоке крови из артерий в вены и о притоке крови по венам к сердцу"

На странице 35 той же работы профессор Фостер говорит: "Следовательно, мы должны признать, что Цезальпинус не только четко постиг малое кровообращение, но и установил контроль над системным кровообращением; он признал, что приток крови к тканям осуществляется по артериям и только по артериям, и что возврат крови из тканей происходит по венам, а не по артериям".

Фостер склонен придавать мало значения Цезальпину как человеку, изучающему книги, а не получающему экспериментальные или наблюдательные знания, и как ученому-писателю, а не научному первооткрывателю. Однако не следует забывать, что Цезальпинус, помимо того, что был великим анатомом, внес один из самых важных вкладов в ботанику нашего времени. Он был директором первого регулярно создаваемого в Италии ботанического сада в Пизе, который существует до сих пор, и Линней называет его первым настоящим ботаником-систематиком. Его работа о растениях разделила более 1500 растений на пятнадцать классов, различающихся по их плодам.

Таким образом, каждая деталь обращения была понята, и профессор Фостер процитировал отрывки из книг Цезальпина, которые делают необходимость такого признания предельно ясной. Итальянцы всегда заявляли об открытии циркуляции цезальпина, и южные народы Европы в целом были склонны поддерживать это утверждение, хотя немцы и англичане отказывались признать, что даже описание Цезальпина, со всей его четкостью деталей, может быть истолковано как означающее, что он понимал новую доктрину, которой он таким образом учил. Кроме того, следует отметить, что новые доктрины Цезальпина встретили очень мало отклика и фактически едва ли были замечены его современниками. Однако не следует забывать, что сам Гарвей несколько десятков лет колебался, стоит ли публиковать свою демонстрацию циркуляции крови, и есть веские основания полагать, что, хотя он представил свои взгляды своим ученикам в 1616 году и написал свой трактат в 1619 году, он отложил его публикацию до 1628 года и даже тогда опасался, что его появление сделает "человечество его врагом". Поэтому неудивительно, что в свете признанного подхода научного мышления того времени заявления Цезальпина, сделанные полвека назад, были проигнорированы учеными без должного признания их значимости.

Любой отчет о развитии биологических наук в это время был бы совершенно неполным без великой истории ботаников, которые заложили широкий, глубокий фундамент своей любимой науки в этом столетии. Первое выдающееся имя среди них - Леонардо да Винчи, история чьей работы в области ботаники кажется почти невероятной, пока перед вами не окажутся подлинные записи его наблюдений. Хотя о Леонардо всегда думали как о художнике и только недавно идея его величия как ученого стала широко известна, он в высшей степени заслуживает того, чтобы быть причисленным к числу величайших научных гениев. Свою самую замечательную работу он проделал в области биологических наук. Он очень хорошо знал анатомию людей и животных и изучил целый ряд вопросов, касающихся живых существ. Он действительно работал в области ботаники, палеонтологии, зоологии, физиологии, так что Дюваль без колебаний говорил о нем в *Научном ревью* [Сноска 33] как о биологе пятнадцатого века. Он делал особые наблюдения над полетами, плаванием, над спасением жизни при кораблекрушении, над механикой суставов, над движением лошади, так что он предвосхитил то, что мы узнали с помощью камеры. Его особый вклад в физиологию заключался в том, что определенные действия нервной системы являются рефлекторными, то есть не требуют внимания со стороны высших центров.

[Сноска 33: 7 декабря 1889 г.]

Его исследования по цвету - одни из самых интересных, проведенных до него. Они были рассмотрены не только с физической точки зрения, но особенно с физиологической, и его теория цветового зрения до сих пор привлекает внимание. Он изучал звук и сделал много ценных наблюдений, как физиологических, так и физических. Его самым интересным научным выводом, несомненно, было то же самое в отношении окаменелостей. Встретившись с ними глубоко под поверхностью земли, он заявил, что они оказались там не случайно и не из-за какой-либо незавершенности творения, но что они представляют собой

живые существа, которые были скрыты. Он даже предположил, что морские окаменелости указывают на тот факт, что море когда-то покрывало это место, где были найдены окаменелости, хотя сейчас оно находилось далеко от воды и значительно выше ее уровня.

Некоторые его сведения в области ботаники намного опережали его время. Он не только знал, что кольца, видимые в древесине ствола дерева, обозначают его возраст, по одному кольцу на каждый год, но он также знал, как определить по разной толщине различных колец конкретный сезон и то, насколько он благоприятен для роста. В Италии влага представляет собой в значительной степени самый важный элемент в благоприятный для роста растений год. Леонардо, по-видимому, показал на примере определенных лет прошлого, что когда влаги было много, кольца деревьев были толще, чем в другие годы. Он также указал, что сердцевина ствола дерева, сердцевина древесины, как мы ее называем, как правило, находится не в центре дерева, а всегда немного в стороне, потому что дерево получает больше солнечного света и тепла с одной стороны и больше растет в этом направлении. Он также указал, что, когда дерево повреждено, к этому месту переносится большое количество сока, чтобы вызвать восстановление, и что эти процессы восстановления всегда создают избыточное количество ткани, как бы для чрезмерного укрепления более слабой части - отсюда и неровности, которые, вероятно, будут существовать на дереве, где были нанесены повреждения. Наброски срезов цветов, найденные в его записных книжках, показывают, насколько хорошо он предвосхитил многие методы изучения и детали знаний в ботанике, которые должны были быть гораздо более современными. Они оказались таким же большим сюрпризом, как и его анатомические таблицы.

Профессиональные ботаники того периода были очень подробно рассмотрены профессором Эдвардом Ли Грином, профессором ботаники Католического университета и младшим специалистом по ботанике Национального музея США, в его "Вехах ботанической истории", которые являются частью тома LIV в Разных коллекциях Смитсоновского института. Он привлек особое внимание к работам великих немецких отцов современной ботаники конца пятнадцатого - начала шестнадцатого веков. Пятеро из них заслуживают видного места в истории ботаники. Отон Брунфельсиус (1464-1534), Леонардус Фуксиус (1506-1566), Иероним Трагус (1498-1554), Эвриций Кордус (1486-1535) и Валериус Кордус (1515-1544). Четыре названных первыми представляют два различных вида ботанической работы. Брунфельс и Фукс почти полностью занимаются медицинской ботаникой. Их единственная идея состояла в том, чтобы описать растения, которые можно было бы использовать в медицине или вносить специальные дополнения в рацион питания. Большинство их описаний растений скопировано у более старых авторов, некоторые из них даже у греков, но в практических целях они стремились упростить и достоверно идентифицировать лекарственные растения, снабдив их изображениями. Ботанические рисунки появлялись и раньше, но, как правило, они были убогими, и Брунфельс, и Фукс значительно улучшили их изображение. Как говорит Грин, "этих двоих вполне можно было бы назвать Отцами иконографии растений".

Книги по ботанике, должно быть, были популярны и до этого, и, вероятно, именно из-за быстрой продажи таких работ Брунфельс и Фукс взялись за их доработку. Их большие книги с картинками теперь позволяли людям всех слоев общества, образованным и неграмотным, идентифицировать несколько сотен полезных растений, чего никогда не случалось в мире до того дня. Однако они мало что добавили к научной ботанике, но, к счастью, другие люди, Козелок и Валериус Кордус, заложили серьезные научные основы истинной науки ботаники. Ни один из этих людей не хотел популяризировать ботанику настолько, чтобы сделать возможным описание растений таким образом, чтобы их можно было легко

идентифицировать по описанию. Как говорит Грин, "со стороны Cordus безошибочно видно, что существует продуманный план создания новой фитографии. Поэтому, я думаю, изучая этих людей и их книги, мы поймем, что в Германии первой половины шестнадцатого века было два отца иконографии растений и два отца описательной ботаники".

Вряд ли Грин может сказать слишком много о творчестве молодого Кордуса. Он говорит (стр. 272): "Чтобы понять возвышенный характер этого гения, необходимо только проанализировать то, чего юноша достиг в то же время в других направлениях.

"В полевых работах в Германии - только в области ботаники, не говоря уже о геологии и минералогии, в которых он был для своего времени экспертом, - он добился большего, чем его старшие современники Брунфельзий, Козелок и Фуксий вместе взятые. Подсчитано, что в своих неоднократных путешествиях по обширным лесам и самым диким горным районам он обнаружил несколько сотен новых растений. Шпренгель дал линнеевские названия примерно двадцати пяти из этих новых открытий Кордуса; и это, возможно, вдвое или втрое превышает количество новинок, собранных всеми тремя вышеназванными; и оба они были людьми более долгой жизни и более или менее продолжительных путешествий".

Грин повторяет похвалу современника в выражениях, которые показывают нам, что этот молодой человек, проживший менее тридцати лет, обладал всеми качествами современного успешного научного исследователя. Действительно, это современное описание достойно того, чтобы иметь рядом с собой в качестве каталога качеств людей, которые, как правило, в любую эпоху преуспевают в науке. Это взято из Предисловия Риффия к "Комментариям Кордуса к Диоскориду":

"Для наилучшего возможного воспитания острого от природы интеллекта в нем сочетался тот счастливый темперамент, для которого нет ничего невозможного или даже труднодостижимого. К этим дарованиям он добавил поистине изумительное трудолюбие и усидчивость в исследованиях; и, прежде всего, удивительно цепкую память на все, что он видел в природе или читал в книгах. В этом он настолько преуспел, что смог сохранить в памяти во всей полноте описания вещей, которых он не видел, но надеялся найти; таким образом, описания всегда были доступны всякий раз, когда возникала необходимость их использования".

Конрад Геснер из Цюриха заявил, что четыре книги Кордуса "поистине экстраординарны из-за точности, с которой описаны растения. Полтора столетия спустя Турнефор назвал Валериуса Кордуса первым из всех людей, преуспевшим в описании растений. Галлер, выдающийся ботаник и историк времен Линнея, приписывал Валериусу Кордусу то, что он был "первым, кто научил независимости от скудных описаний древних и заново описал растения". Грин говорит о нем: "Видно, что во всех его описаниях одинаковое внимание уделяется морфологии, а также истории жизни растения, насколько это ему известно. В своей практике описания каждого вида, как морфологической, так и биологической, он является провозвестником наших писателей конца девятнадцатого-начала двадцатого века, которые теперь, когда у нас есть микроскоп, описывают истории жизни с мельчайшими деталями до невозможности".

Очевидно, что период правления Колумба породил людей, столь же великих в изучении растений и столь же пылких в своем желании узнать последние подробности истины, какими были географы и мореплаватели того времени, стремившиеся достичь края земли и нанести ее на карту. За границей дул сильный ветер исследовательского духа, и повсюду от этого были получены великолепные результаты. Эта школа ботаники в Германии, кульминацией которой стал Валериус Кордус, чья безвременная смерть в возрасте до тридцати лет действительно стала невосполнимой потерей для науки, очень хорошо иллюстрирует это.

Хотя наиболее важный вклад в ботаническую науку того периода внесли немцы, Италия не сильно отставала в этом вопросе, а Франция, Испания и Португалия внесли свой вклад в науку. Прежде всего, именно итальянцам мы обязаны изданиями Теофраста, Диоскорида и Плиния старшего, работ, которые содержали так много информации о науке ботанике в древние времена, и современная публикация которых вызвала возрождение интереса к этому предмету, соответствующего тому, что отмечалось в связи с любым другим переизданием классической мысли в различных областях интеллектуальной жизни. Самым важным из ботаников Италии был Цезальпин, профессор ботаники в Падуе и директор тамошнего ботанического сада в конце века правления Колумба, но впоследствии ставший врачом папы Климента VIII. Ему, как мы видели при обсуждении физиологии того времени, мы обязаны полным описанием кровообращения за столетие до Гарвея. Цезальпинус назван Линнеем *primus verus systematicus*, первым настоящим ботаником-систематиком. Его работа, "**О растениях**", содержит огромное количество информации и полную классификацию всех известных на тот момент растений, числом около 1520, по пятнадцати классам. Отличительные признаки этой классификации взяты из плодов и демонстрируют тщательное наблюдение и сугубо научное внимание к деталям.

Место Цезальпина в истории ботаники лучше всего можно оценить по похвалам его коллег в этой области науки. Джон Рэй, английский ботаник конца семнадцатого века, в своей "Истории растений" заявил, что книга Цезальпина "О растениях" действительно была работой, из которой можно многому научиться. Фабриччи и Карл Фукс объявляют трактат Цезальпина первоклассным. Томас Гарсон, Пона Веронский, а также Бальтазар и Майкл Кампи в восемнадцатом веке высоко оценили его работу как полностью научную. Мы уже цитировали мнение Линнея о нем, и современный отец ботаники с радостью принял предложение Плюмье о том, что недавно открытому растению следует дать название *Caesalpinus*, чтобы это название навсегда запомнилось в ботанике. Бурхааве, о котором мы думаем гораздо больше как о враче, чем о ботанике, но некоторые из величайших работ которого были выполнены в области медицинской ботаники в университетском саду Лейдена, посоветовал своему другу и ученику, если он сможет купить какие-либо работы Цезальпина, сделать это, поскольку они были одними из лучших по этому предмету.

Во Франции Руэллиус, чья жизнь примерно поровну разделена между пятнадцатым и шестнадцатым веками, был врачом Франциска I и выдающимся ботаником. Он написал научные описания большого количества растений и поместил рядом с ними обычные названия, которыми их называли в разных странах, поскольку он получил их от крестьян, фермеров и просто деревенских жителей во время своих путешествий. Его работа стала важным вкладом в ботаническую науку. К концу своей жизни Руэллиус, как и его выдающийся современник и коллега Линакр из Англии, стал священником. Другим важным французским вкладчиком в науку является Пьер Белон первой половины шестнадцатого века, хотя он интересовался многими другими биологическими науками. Он написал

ценный трактат о хвойных растениях и монографию о птицах. Это привлекло особое внимание, потому что в нем "он сравнил скелеты птиц и человека в одной и той же позе и, насколько это возможно, кость к кости". Как говорит Гаррисон в своей "Истории медицины" (Нью-Йорк, 1913): "это была первая из серийных комбинаций гомологий, которую прославили Оуэн и Геккель". Белон много путешествовал по Греции, Египту и Востоку, а также по Европе, в основном в интересах *materia medica*, но повсюду собирал научную информацию.

В Испании и Португалии писателями-ботаниками являются ученые-медики, особенно те, кто исследовал Западную и Восточную Индию в поисках растений, обладающих целебными свойствами. Они много сделали как для чистой науки, так и для медицины, и некоторый отчет об их работе можно найти в главах "Медицина" и "Америка в век Колумба". Как аккумуляторы информации, ученые-биологи всех стран Европы в век Колумба, вероятно, внесли больший вклад в свои различные отделы, чем их коллеги любого другого соответствующего периода в истории науки, даже нашей собственной. У них, конечно, было преимущество полей, созревших для сбора урожая, но они, несомненно, в полной мере использовали свои возможности. Обо всех них можно сказать то, что Оливер Уэнделл Холмс сказал об анатомах эпохи Возрождения. Они собрали богатый урожай открытий, как комбайны на зерновом поле. За ними в следующем столетии пришли собиратели, которые нашли множество разрозненных драгоценных крупы знаний, которыми пренебрегли их предшественники, собиравшие богатый урожай, о котором нужно было заботиться. Наконец, в более позднее время, на поле появились гуси, которые находили тут и там крупы знаний, упущенных даже сборщиками, и которые издавали громкое кудахтанье всякий раз, когда находили их. Добрый сатирик сам был анатомом, и мы можем отнестись к преувеличению его картины с должным пренебрежением, но при этом признавая, что в ней гораздо больше правды, чем мы всегда хотели бы признавать даже перед самими собой.

ГЛАВА XII

МЕДИЦИНА

Неудивительно, что в это время должен был наступить великолепный век достижений в медицине, потому что их стандарты медицинского образования были на высоком уровне и поддерживались в хорошем состоянии. Средневековыми требованиями к медицинскому образованию были три года предварительной подготовки в университете, четыре года в медицинских школах, специальные курсы хирургии, если предполагалась практика в этом отделении, и год опыта работы с врачом, прежде чем разрешалась личная практика под свою ответственность. Законы императора Фридриха для обеих Сицилий в XIII веке были очень строгими в этом вопросе, и они представляли собой стандарт, который стал общепринятым. В итальянских университетах папские хартии прямо требовали выполнения этих требований. [Сноска 34]

[Сноска 34: Для получения полной информации об этом удивительном, слишком малоизвестном формальном развитии медицины см. Уолша, "Папы и наука", Издательство Фордемского университета, Нью-Йорк, 1907, где можно найти все документы.]

У нас есть серия реконструкций на эту тему примерно в середине пятнадцатого века. Прежде всего, для выдачи лицензии на практику требовался клинический опыт. В 1449 году медицинский факультет Парижа потребовал, чтобы выпускники медицинских вузов усердно посещали больницы или сопровождали опытного врача в его посещениях пациентов, и отказал в выдаче лицензии, когда это правило не соблюдалось. В Ингольштадте выпускники медицинских вузов, согласно статутам 1472 года, были обязаны принести клятву, что они будут практиковать только как представители своего учителя или какого-либо другого врача того факультета, пока они не будут признаны достаточно квалифицированными, чтобы получить лицензию на практику под свою ответственность.

В больницах того времени, которые были большими и хорошо обустроенными, тщательно вентилируемыми и могли быть хорошо очищены, было достаточно возможностей для клинического преподавания, и мы знаем, что ими пользовались. Рукопись Галена пятнадцатого века, сохранившаяся в Дрездене, содержит ряд начальных миниатюр, на которых заслуживают внимания группы, занимающиеся клиническим обучением. В своей "Истории медицинского образования" [Сноска 35] Пушманн подробно описывает некоторые из них. Там есть фотография пациента, страдающего какой-то изнуряющей болезнью, возле кровати которого стоят врач и две медсестры, в то время как врач диктует рецепт своим ученикам. Имеется в виду демонстрация врачом ученику язв на ноге и хирургическая операция на ноге, выполняемая учеником в присутствии его учителя, а также вскрытие абсцесса в подмышечной впадине. В каждом городе с населением 5000 человек были больницы, и это давало широкие возможности для получения клинического опыта. Когда больниц много и они хорошо управляются, в них должны присутствовать врачи, и это предоставляет возможности для тщательного изучения пациентов.

[Сноска 35: Перевод Хейра, Лондон, 1891.]

О влияниях, которые способствовали поднятию медицинского образования на более высокий уровень практической эффективности, можно судить по таким выражениям, как у Рабле, который в своем письме об образовании в "Гаргантюа" предлагает в качестве подготовительного изучения медицины греческий и латынь с даже небольшим знанием иврита, ради Священного Писания и естественных наук, особенно зоологии, ботаники и минералогии, а "затем тщательно перечитайте книги греческих, арабских и латинских врачей, не презирая талмудистов и каббалистов; и путем частых вскрытий приобретите совершенное знание медицины". внешний мир, микрокосм, которым является человек". Он сам показал в ряде отрывков, что последовал собственному совету, и даже в своем знаменитом описании анатомии Великого Поста, в котором его сравнения ранее считались более или менее причудливыми, "они необычайно уместны и живы и демонстрируют глубокое знание анатомии", в то время как его описания ран демонстрируют компетентное знакомство с хирургической анатомией. Этого вполне можно было ожидать, поскольку Рабле изобрел два хирургических инструмента: один для вправления переломов бедренной кости, а другой для операций при ущемленной грыже. У него есть по крайней мере один отрывок, из которого ясно, что он знал о циркуляции крови гораздо больше, чем обычно предполагается в его время, и который демонстрирует, что до Харвея происходило постепенное накопление знаний по этому предмету. (См. Главу, Посвященную биологическим наукам.)

Об интересе к медицине лучше всего можно судить по большому количеству медицинских книг, которые были напечатаны почти сразу после открытия книгопечатания. После теологии медицина была предметом, больше всего привлекавшим внимание печатников. В век Колумба была переиздана целая серия классических медицинских трудов, которые стали доступны для широкого чтения. Терпение и эрудиция, необходимые для этого, могут быть должным образом оценены только теми, кто знаком с трудом чтения корявого почерка старых рукописей и их сопоставления, а также со временем, необходимым для выяснения ошибочных показаний, которые появились из-за небрежности переписчиков. Мир в огромном долгу перед Эпохой Возрождения за эту работу. В значительной степени этими книгами пренебрегали в течение последних двух столетий, и мы только сейчас начинаем понимать, как много научный интерес того времени значил для последующих поколений. Многие из этих книг сейчас переиздаются с огромной пользой для медицины. Были переизданы не только Гиппократ, Гален, Цельс и другие классики, но и писатели промежуточного времени, Аэций, Александр Траллесский, великие арабские писатели, а затем внесшие важный вклад в медицину и хирургию позднего Средневековья. Таким образом, сумма долга, по оценкам, растет с каждым годом.

Публикация медицинских книг даже в течение нескольких десятков лет сразу после начала книгопечатания свидетельствует о большом интересе к этому предмету. Первой медицинской публикацией был календарь очищения, то есть список дней в году, в которые следует проводить очищения. Он был напечатан Гутенбергом в 1457 году. "Трактат о хирургии" Генриха фон Пфольшпундта был напечатан в 1460 году; в 1470 году были напечатаны медицинские трактаты Валескуса де Тарента, Якопо де Дондиси и Маттеуса Сильватика. В 1471 году были напечатаны трактаты Месне и Николая Салернитана. В 1472 году были напечатаны старый **"Санитарный режим"** и монография Беллегардо по "Педиатрии". В 1473 году был издан "Медицинский словарь" Симона Генуэзского, а в 1476 году "Цирургия" Вильгельма Саличетского была передана в печать. В 1478 году было напечатано первое издание Цельса, а первое печатное издание **"Анафемии"** Мондино было готово к продаже. В 1479 году вышло первое издание "Авиценны". Несмотря на огромные потери книг, произошедшие с течением времени из-за огня, воды, использования и других

врагов, у нас все еще есть много медицинских книг, напечатанных практически в каждый год в течение первой четверти века после открытия книгопечатания. К сожалению, пренебрежение к этим старым классическим книгам в восемнадцатом и начале девятнадцатого веков сделало больше, чем все остальные враждебные элементы, вместе взятые, в уменьшении количества медицинских инкунабул, которые мы могли бы иметь.

Первым великим учителем медицины периода правления Колумба был Николас Леонисенус, родившийся в 1428 году, который изучал медицину в Падуе, прожил около девяноста шести лет и более шестидесяти лет был профессором медицины в Ферраре. Он перевел "Афоризмы" Гиппократов и некоторые работы Галена на латынь и занялся применением принципов, изложенных в этих великих классиках, в своей практике и, прежде всего, в своем преподавании. Делом своей жизни он сделал противодействие арабскому чрезмерному медикаментозному лечению и особенно использованию многих лекарств на общих принципах, и он настаивал на естественных способах лечения, диете, питье, физических упражнениях, свежем воздухе и исправлении любых болезненных привычек, которые могли у него сформироваться. Вероятно, больше, чем кто-либо другой, он повлиял на медицину первой половины века правления Колумба, и его работа получила широкое признание в последние годы, когда возрос интерес к истории медицины.

После него одним из самых выдающихся врачей того времени был Томас Линакр, который, проучившись около десяти лет в Италии, вернулся в Англию, чтобы стать лечащим врачом Генриха VIII. Его переводы работ Галена привлекли широкое внимание, и Эразм, друг Линакра, однажды заявил, что после перевода Линакра Гален теперь гораздо лучше говорил по-латыни, чем раньше по-гречески. Линакр принадлежал к типу ученых врачей того времени и был одним из величайших ученых того периода. Организация Колледжа врачей Англии, организованная Линакром, является достаточным доказательством того, что ученость не делала мужчин непрактичными. Вернувшись в Англию, он обнаружил, что медицинская практика находится в прискорбном упадке, потому что не было компетентного органа, который поддерживал бы надлежащие стандарты медицинского образования и преследовал бы в судебном порядке тех, кто пытался заниматься медицинской практикой без какой-либо надлежащей подготовки, а иногда и вообще без каких-либо знаний предмета. Согласно королевской хартии, сначала для Лондона, а затем и для всей Англии, обязанность заботиться о защите населения от незаконной медицинской практики была возложена на Королевский колледж врачей. Линакр организовал и обеспечил его, и он продолжает существовать и оказывать огромное влияние на медицинскую практику в Англии в соответствии со своим первоначальным уставом вплоть до настоящего времени.

Другим выдающимся вкладчиком в медицинскую практику того времени был Джон Кайус, который также перевел некоторые работы Галена и особенно *"De Medendi Methodo"*, его издание, содержащее серию комментариев его учителя Монтана и его собственные наблюдения за пациентами. Он заслуженно наиболее известен своей небольшой книгой о потливости, в которой он продемонстрировал свою наблюдательность и способность описать то, что он видел. Геснер, великий европейский биолог того времени, который состоял в близких отношениях по переписке с Гаем и очень хорошо знал его работы о растениях и животных, назвал его в предисловии к своему *"Icones Animalium"* "человеком непревзойденной эрудиции, верности и прилежания, а также рассудительности", а в послании королеве Елизавете восхваляет его как "самого ученого врача своего времени". Заслуга Кая в том, что он внедрил регулярную практику вскрытия в английское преподавание медицины. Как и Линакр, Гай тоже, став старше, использовал деньги, накопленные им в качестве королевского врача и в ходе прибыльной медицинской

практики в Лондоне, для финансирования академических фондов. Линакр основал кафедры греческого языка и медицины в Оксфорде и Кембридже, а также Колледж врачей, а Кай, после того как стал первым президентом Королевского колледжа Линакра, основал колледж Кая в Кембридже, где и умер в 1572 году. Последний год его жизни был нарушен разграблением из его комнат ряда благочестивых предметов, связанных со старой Церковью, которой он свято придерживался, и мистер Эндрю Лэнг предполагает, что только своевременная, хотя и безвременная смерть доктора Кая (ему было всего 63 года) помешала ему разделить судьбу благочестивых предметов, связанных со старой верой, которую он лелеял так же преданно, как и догматы самой этой веры.

Одним из важных учителей медицины в то время был Джованни де Монте, по обычаю того времени известный под латинизированным именем Монтанус. Он отличался применением гуманитарных наук к медицине и своими прямыми переводами греческих медицинских книг на латынь, чтобы избежать ошибок, которые возникли в результате окольного перевода в предыдущие времена с греческого на арабский, а затем на латынь. Ему, едва ли не больше, чем кому-либо другому, обязана репутация, которую медицинская школа Падуи приобрела в то время, поскольку он прочитал серию клинических лекций о пациентах больницы Святого Франциска, которые были записаны. Они показывают, насколько тщательными были его наблюдения и насколько убедительным было его преподавание. Неудивительно, что у него были ученики со всей Европы. Его ученики думали о нем так же, как американцы думали о Луи в начале девятнадцатого века. Многие немцы пришли послушать его. О некоторых его лекциях рассказал польский студент, а доктор Джон Кайус, как мы уже говорили, был одним из его самых ревностных учеников. Монтанус настаивал на тщательном осмотре мертвых тел, чтобы проконтролировать свой диагноз, и преподавание в Падуе под его руководством было полностью практичным и таким, которое мы, вероятно, считаем современным.

ТИЦИАН, ПАРАЦЕЛЬС

Совершенно отличным от ряда ученых врачей, черпавших вдохновение в греческих классиках медицины, был еще один великий врач эпохи Колумба, который шел вразрез со всеми старыми медицинскими традициями и осмеливался думать самостоятельно. Это был Парацельс, чей девиз ***"qui suus esse potest, non sit alterius"*** - тот, кто может сформировать собственное мнение, не должен заимствовать мнение других - показывает независимый характер человека. Он порвал с учением медицины на латыни и повсюду искал все, что могло бы помочь в излечении болезней. Историкам было чрезвычайно трудно оценить его личность, и оценки его очень сильно различались. Нет никаких сомнений в том, что он многое сделал для внедрения в медицину химических средств многих видов, хотя он был решительным противником полипрагмазии своего времени, унаследованной от арабских врачей, которые с удовольствием давали большое количество лекарств. Есть его высказывания, которые показывают, насколько тщательно он продумывал проблемы медицинской практики. Он сказал: "Быть настоящим алхимиком - значит понимать химию жизни". "Медицина - это не просто наука, а искусство. Она не заключается в приготовлении пилюль, пластырей и всевозможных лекарств, но имеет дело с жизненными процессами, которые необходимо понять, прежде чем ими можно будет управлять".

Прежде всего, Парацельс признавал, что успех в медицине зависит от лечения пациента, а не от его болезни, и настаивал на идее, что природа, как правило, в высшей степени излечивает болезни, а не склонна усугублять их, как, по-видимому, думали врачи во многие периоды истории медицины. Парацельс провозгласил, что "знание природы является основой медицинской науки, и врач должен быть слугой природы, а не ее врагом; он должен быть способен направлять ее в ее борьбе за жизнь, а не своим необоснованным приемом лекарств создавать новые препятствия на пути к выздоровлению". Он очень ясно оценил влияние ума на тело и сказал: "сильная воля может исцелить там, где сомнение закончится неудачей. Характер врача может действовать на пациента более действенно, чем все применяемые лекарства". Он также осознал роль условий, окружающих пациента, как способствующих его излечению. Он сказал: "Физическое окружение пациента может оказать большое влияние на излечение от его болезни. Диета является чрезвычайно важным элементом лечения, и врач должен знать, как регулировать рацион пациента". Он обратил внимание на тот факт, что обученные санитары, сочувствующие пациенту, гораздо лучше подходят для него, чем родственники, которые могут проявлять чрезмерную заботу и показывать это, или пренебрегать, потому что желают смерти пациента.

Парацельс был первым, кто написал о профессиональных болезнях, и его монография о *"Bergsucht"*, "болезни шахтеров", является памятником его наблюдательности. Его клиническая проницательность еще раз подтверждается признанием им связи между кретинизмом и эндемическим зобом. Он также написал брошюру о минеральных ваннах и проанализировал минеральные воды для купания и питья, определив содержание железа в хлористых водах путем анализа с галловой кислотой и полученной в результате реакции с чернилами, а также продемонстрировав присутствие других солей. Он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы должным образом внедрить в медицину использование опия (в виде настойки опия), ртути, свинца, мышьяка, и его химические эксперименты многому научили его о сульфате меди и калия, и он признал цинк элементарным веществом.

Своими негативными выводами и неприятием медицинской практики, которые были распространены до его времени, он сделал для медицины не меньше, чем своими позитивными наблюдениями. Действительно, можно было бы подумать, что в его заслугах было больше отрицательной стороны. Он решительно выступил против глупой уроскопии и уромантии, с помощью которых врачи обманывали других и очень часто самих себя. Некоторая ценность мочи в медицинской диагностике была признана в Средние века, а затем, как практически всегда бывает в медицине, недалекие люди притворились, что способны извлечь из нее гораздо больше, чем она могла бы показать. У каждого заболевания появилась своя специфическая моча, а диагноз и прогноз стали в значительной степени зависеть от изменений цвета и характера мочи, которые сами по себе были весьма незначительными. Парацельс отмахнулся от всей этой нелепой чепухи, но, конечно, при этом нажил себе очень много врагов. Как правило, людей гораздо больше беспокоит исправление их ложных знаний, чем исправление их истинных.

Парацельс также отказывался принять практически всеобщее убеждение в том, что любая болезнь является показанием к кровопусканию. Он был уверен, что во многих случаях эта практика приносит больше вреда, чем пользы. То же самое он чувствовал по отношению к почти повсеместному очищению, которое практиковалось при любой форме болезни. Никто лучше него не понимал, что в организме содержатся ядовитые вещества, вызывающие серьезные заболевания. Он также был вполне готов поверить, что эти ядовитые вещества могут быть, по крайней мере, до некоторой степени выведены из организма с помощью слабительных средств. Однако он опасался, что очищение может унести с собой много веществ, более полезных для организма, чем вредные яды, которые оно выводит. Идея

аутотоксемии или аутоинтоксикации постоянно повторяется в медицине, и предполагаемые средства для ее излечения впоследствии почти всегда приносили больше вреда, чем пользы. Медицина многим обязана Парацельсу за его твердую позицию в этом вопросе. Гениальная интуиция Шекспира была верна, когда в "Все хорошо, что хорошо кончается" он поставил современного немца в один ряд с одним из величайших немцев древности. "Так говорю и я, и Гален, и Парацельс".

Мейер в своей "Истории химии" подвел итог тому, чего достиг Парацельс путем координации химии и медицины. Поскольку целью великого немецкого историка химии не было произносить панегирик Парацельсу, а просто указать на его место в истории химической эволюции, это мнение должно иметь большой вес. Он сказал, страница 71: [Сноска 36]

[Сноска 36: "История химии с древнейших времен до наших дней: будучи также введением в изучение науки", Эрнста фон Мейера, профессора химии Высшей технической школы Дрездена; переведено с разрешения автора Джорджем Макгоуэном, доктором философии.; третье издание; Лондон: Macmillan and Co., 1906.]

"Парацельс был человеком, который в первой половине шестнадцатого века открыл новые пути для химии и медицины, соединив их воедино. Ему, несомненно, принадлежит заслуга освобождения химии от ограничивающих оков алхимии путем четкого определения научных целей. Он учил, что "цель химии - не добывать золото, а готовить лекарства". Настоящие химические средства время от времени использовались и до него, но Парацельс отличался от своих предшественников теоретическими мотивами, которые побуждали его их применять. Он рассматривал здоровое человеческое тело как комбинацию определенных химических веществ; когда они каким-либо образом изменяются, возникает болезнь, и поэтому последнюю можно вылечить только с помощью химических лекарств. Предыдущее предложение содержит quintessence доктрины Парацельса; принципы старой школы Галена были совершенно несовместимы с ней, они не имели ничего общего с химией".

Его вклад в хирургию едва ли не важнее, чем вклад в медицину, поскольку он настаивал на содержании ран в чистоте и осуждал назойливую хирургию того времени. Отказываясь от всего, чему учили до него, он почти неизбежно совершал много ошибок. Кроме того, несмотря на его настойчивость в научных доказательствах, он принимал многие вещи, для которых не было веских оснований. Его работы, большинством из которых мы обязаны не непосредственно ему, а его ученикам, содержат много нелепостей. Однако нет никаких сомнений в том, что он был великим гением и что медицина этого столетия и последующих поколений многим обязана ему. Он вполне заслуживает имени Отца фармацевтической химии, которое иногда ему присваивают. Он представляет собой одно из важных звеньев в традиции медицины и является человеком, которого ценят тем больше, чем больше мы узнаем о нем благодаря недавним исследованиям его трудов". [Сноска 37]

[Примечание 37: Даже в ошибках Парацельса было что-то гениальное. Прежде всего, его влияние передавалось из поколения в поколение. Его доктрина сигнатур и изучение воздействия ядов на организм человека имели большее отношение, чем что-либо другое, к созданию терапевтических систем Ганемана и Радемахера.]

У нас есть около двух десятков книг, приписываемых ему, но, вероятно, меньше десятка действительно принадлежат ему. Вероятно, ни у кого никогда не было более высокого взгляда на медицину. Он основывает это на отношении человека к природе в целом и

предвосхищает очень современную идею о том, что болезнь - это не отрицание, а сама по себе фаза жизни. Магнетизм представляет для него великую силу, и предполагается, что какая-то его форма исходит от всех тел и устанавливает их связь друг с другом. Влияние звезд на конституцию человека - это только одна фаза этого магнетизма, который связывает весь мир воедино. Переизбыток жизненной силы в определенных мужчинах давал им магнетическое влияние на других мужчин, и это магнетическое влияние могло сохраняться даже после смерти. Следовательно, предполагалось, что мумии содержат определенный астральный бальзам, и употребление вещества мумие придавало чудесную жизненную силу больным людям. Как и ученые всех времен, Парацельс должен был иметь свое объяснение чудесам. Он предположил, что святые были людьми с избытком жизненной силы, и часть ее оставалась в их телах после смерти точно так же, как она оставалась в телах мумий. Таким образом, достаточно было попасть в сферу влияния этих органов, чтобы попасть под их влияние. Таким образом, чудеса были не исключениями из законов природы, а просто выполнением законов, которые люди только начинали понимать. С тех пор это был излюбленный способ объяснения чудес, хотя в основу объяснения всегда приводился новый набор фактов.

Конечно, Парацельс верил во многие нелепости. Он предполагает, например, что зубную боль можно пересадить на дерево следующим образом. Сняв часть коры, отрезают кусок древесины и им колют десну до тех пор, пока не потечет кровь. Затем кусок дерева, испачканный кровью, снова устанавливается на свое место в дереве, и кора также заменяется. Он также верил в лечебную мазь, которая могла излечивать раны, но не путем нанесения на саму рану, а на оружие. Однако было важно, чтобы оружие было испачкано кровью из раны. У него было ощущение, что болезненные элементы поражения или раны содержатся в крови и могут быть нейтрализованы даже вне тела. Лечебная мазь состояла из мха с головы мертвеца, предпочтительно того, кто был приговорен к смерти за убийство, мумии, человеческого жира и человеческой крови. Сейчас все это кажется нам таким абсурдным, но за такими рецептами стояла теория о том, что часть жизненной силы этих людей могла быть передана больному человеку, чтобы увеличить его жизненную силу. Множество абсурдных предписаний было сделано на основе теорий, далеко не столь разумных, как теория Парацельса.

К этому периоду также относится имя Бэзила Валентина, которого называли последним из алхимиков и первым из химиков. Как раз сейчас мы проходим через фазу исторической критики, которая ставит под сомнение его реальное существование, хотя у нас есть серия книг под его именем, опубликованных в конце шестнадцатого века. Традиция гласит, что он был монахом-бенедиктинцем, жившим примерно в середине пятнадцатого века, который испытывал многие формы лекарств с целью получения материалов для лечения человеческих болезней. Ему приписывают открытие соляной кислоты, которую он назвал соляным духом, свинцового сахара и метода получения серной кислоты и, вероятно, аммиака. Он наиболее известен своими работами о сурьме и своей книгой "Триумфальная колесница сурьмы", в которой этот металл и его соли использовались в медицинской практике на протяжении веков. Показанием к этому было то, что болезнь была в значительной степени вызвана токсикозом или накоплением ядов в организме, современной идеей аутоксемии, и что лучше всего их можно было устранить быстрым очищением. Последующее использование каломели, теория, лежащая в основе венозной операции, и многие из наших современных хирургических увлечений по улучшению состояния человека путем извлечения чего-либо из него, имеют в основе одну и ту же идею.

Работы Бэзила Валентайна ценны тем, что они настаивают на том, что врачи должны знать лекарства, которые они используют, и их действие, не просто читая о них, но изучая их на пациентах и животных. Говорят, что он сам испытывал действие сурьмы на свиньях, принадлежащих монастырю, в котором он выполнял свою работу, и другие материалы, как говорят, были испытаны таким же образом. Таким образом, он действительно отец экспериментальной медицины. Он не может сказать слишком много в осуждение врачей, которые назначают лекарства, о которых они мало знают, от болезней, о которых они знают меньше. В моем очерке о нем в "Католических церковниках в науке" (Dolphin Press, Филадельфия, 1907) я цитирую отрывок из его "Триумфальной колесницы сурьмы", в котором он горько осуждает практику врачей, которые назначают лекарства, практически ничего о них не зная, только то, что они были рекомендованы кем-то другим. Это читалось как обличительная речь современности против разрешения химику-производителю предлагать лекарства для медицинской практики. Этот отрывок очень ясно показывает, в чем секрет тайны, благодаря которой лекарства появляются и исчезают в медицине из-за недостаточного тестирования. Валентин сказал:

"И когда бы мне ни представился случай сразиться в школе с таким Врачом, который не знает, как самому приготовить свои лекарства, но поручает это дело другому, я уверен, что получу пальму первенства от него; ибо действительно, этот добрый человек не знает, какие лекарства он прописывает больным; цвет ли у них белый, черный, серый или белый, он не может сказать; и этот несчастный человек не знает, сухое ли лекарство он дает или горячее, холодное или влажное; но он знает только, что так написано в его Книгах, и он не знает, какого цвета лекарство. отсюда следует, что он претендует на знание (или, так сказать, Обладание) по Давности очень долгого времени; и все же он желает получить дополнительную информацию. И здесь снова да будет законно воскликнуть: "Боже милостивый, до чего дошло дело!" какая доброта у этих людей! какую заботу они проявляют о больных! Горе, горе им! в судный день они найдут плоды своего невежества и опрометчивости, тогда они увидят Того, Кого они пронзили, когда пренебрегали своим Ближним, стремились к деньгам и ни к чему другому; тогда как, будь они сердечны в своей профессии, они проводили бы ночи и Дни в Труде, чтобы стать более сведущими в своем Искусстве, благодаря чему больные получали бы больше уверенности в своем здоровье, их Уважении и большей Славе для себя. Но поскольку труд для них утомителен, они полагаются на Волю Случая и, будучи уверены в своей Чести и довольствуясь своей Славой, они (подобно Драчунам) защищают себя с определенной Болтливостью, без всякого уважения к Уверенности или Правде".

Другим великим врачом того времени был Корнелий Агриппа, родившийся в 1486 году из старинной семьи Неттестейм. Сначала Корнелиус был секретарем императора Максимилиана, затем воином и, наконец, изучал юриспруденцию и медицину, но все происходило так быстро, что, когда ему было всего двадцать четыре года, парламент Доула собрался всем составом, чтобы послушать его лекции о каббалистических книгах Рейхлина. Некоторое время он практиковал как врач в Женеве после того, как был адвокатом в Меце, и из-за склонности к странствиям, присущей столь многим мужчинам того времени, впоследствии мы находим его во Фрейбурге, в Лионе, затем какое-то время врачом Луизы Савойской, но ревность выгнала его от двора, и чуть позже мы находим его умирающим от голода в Антверпене, а затем в тюрьме Брюсселя. Он проезжал через Кельн, какое-то время был в Бонне, и о нем слышали из тюрьмы в Лионе. Кажется, он испытал всю гамму человеческих страданий. Трудно сказать, за что его посадили в тюрьму, но, похоже, он был человеком, который легко наживал врагов, отказывался думать, что кто-то еще много знает,

и, вероятно, его потребности заставляли его совершать поступки, которые были, по крайней мере, подозрительными, если не по-настоящему преступными.

Агриппа очень интересовался магнетизмом, был вполне увлечен идеей человеческого магнетизма и, прежде всего, был глубоко убежден во влиянии разума на тело. Он почувствовал, какое значение самовнушение или сильное убеждение играет в том, что люди могут достичь чего угодно, и сказал: "Поэтому мы должны в каждой работе и применении вещей сильно воздействовать, воображать, надеяться и твердо верить, ибо это окажет нам большую помощь". Он был совершенно уверен, что разум может оказывать сильное влияние на тело в лечебных целях, и, несомненно, в наше время на него смотрели бы как на сторонника Новой мысли, психического исцеления или некоторых других школ психотерапии, хотя он также верил в использование лекарств и лечебных мер. Другой этап его предвосхищения некоторых современных идей может быть еще более интересным для нашего поколения, хотя он лишь показывает, насколько склонна человеческая мысль к цикличности и как трудно найти что-либо новое под солнцем: для многих может быть довольно удивительным узнать, что Агриппа, по-видимому, был твердо убежден в превосходстве женщины над мужчиной. Он был тем, кого французы называли бы "самым современным феминистом". Его книга на эту тему недавно появилась в качестве библиографического сокровища в каталоге лондонского книготорговца Трегаскиса (№ 736). Название было таким: "Женское превосходство, или Достоинство и превосходство представителей этого Пола над мужчинами". Остроумная речь: первоначально написана на латыни Генри Корнелиусом Агриппой, рыцарем, доктором медицины, доктором обоих законов и тайным советником императора Карла V. Переведена на английский язык с дополнительными преимуществами. Х. (Энри) К. (напечатаны) издательствами Т. R. и М. D. и будут проданы Генри Милионом в 1670 году. В каталоге содержится примечание: "Убедительные аргументы в пользу превосходства женщин. Она переведена на английский язык, богато поэтическими образами и невероятно занимательными пассажами".

Наиболее важное научное открытие для медицины было сделано в области патологической анатомии. Предполагается, что эта наука, как правило, возникла гораздо позже того периода, которым мы занимаемся, но интерес к истории медицины в последние годы показал нам, сколько внимания уделялось патологии и сколько наблюдений было собрано в опубликованных книгах эпохи Возрождения. В Средние века таких научных наблюдений было гораздо больше, чем обычно думают. Трое мужчин в начале века правления Колумба, профессор Монтаньяна из Падуи, профессор Савонарола из Феррары, дед замученного доминиканца, и профессор Арколани из Болоньи, описали ряд различных повреждений, которые они заметили на многих телах, которые в то время препарировали. В следующие несколько лет количество этих наблюдений увеличилось. Бенедетти, профессор анатомии в Падуе и основатель анатомического театра в этом университете, сделал доклады о желчных камнях и апоплексии. Бенивьени, простой практикующий врач из Флоренции, вероятно, был первым, кто описал камни в желчном пузыре, и у него есть очень большое количество патологических наблюдений. Он первый, кого мы знаем, кто произвел ряд вскрытий с определенной целью выяснить причину смерти, и, как следствие, его заслуженно называют Отцом патологической анатомии. Олбат, региональный профессор медицины Кембриджского университета, говорит о нем: "До Везалия, до Евстахия он вскрывал тела умерших так же обдуманно и дальновидно, как любой патологоанатом в обширные времена Бейли, Брайта и Аддисона", а Мальгейн охарактеризовал его книгу как "единственную работу по патологии, которая никому ничего не должна".

Тогда стало обычным собирать наблюдения такого рода, и Беренгар из Карпи, первооткрыватель аппендикса, вскрывший огромное количество органов, описал ряд

патологических изменений. Аранци, профессор медицины и анатомии в Болонье, привел в своей книге множество наблюдений за патологическими находками и уделил особое внимание опухолям. Инграссиас, профессор анатомии в Неаполе, также интересовался патологией, и, поскольку специализация вошла в моду, его наблюдения касались в основном костей. Евстахий, профессор анатомии в Риме, заявляет в предисловии к своим анатомическим таблицам, что он был первым, кто проводил вскрытия в патологических целях в Риме, и что он собрал огромное количество материала. Публикация "Анатомии Евстахия" была отложена надолго после его смерти, а его патологические наблюдения так и не были опубликованы. Колумб в Риме произвел серию вскрытий даже высокопоставленных священнослужителей с целью определения причины смерти, и, очевидно, постепенно зарождалась наука патологии. Везалий сделал большое количество патологических наблюдений и пообещал в своей книге по нормальной анатомии опубликовать их. К сожалению, он так и не сделал этого, и его записи, похоже, утеряны, хотя не исключено, что рукопись или какая-то ее часть все еще может быть найдена в Испании.

Однако во многих других странах, помимо Италии, патологическая анатомия привлекала большое внимание. Йост ван Лом, часто известный под своим латинским именем Йодокус Ломмиус, врач из Брюсселя, который был королевским врачом короля Филиппа II, опубликовал в Антверпене три книги медицинских наблюдений сразу после окончания века Колумба (1560), в которых изложены заметки обо всех заболеваниях и проблемах прогноза. Иоганн Кентманн, врач из Торгау, уделял большое внимание изучению образования всех видов камней в организме человека - желчных, слюнных и кишечных. Франсиско Вальес, профессор медицины в Университете Алькала в Испании, опубликовал том Галена **"О локализации аффекта"**, в который он включил множество заметок из своих собственных патологических наблюдений. Примерно в то же время Жак Улье (Холлериус) опубликовал в Париже, где он был профессором медицины, книгу о "Внутренних болезнях" со многими патологическими примечаниями. Иоганн Вейер (Виерус) также добавил ценные патологические примечания к своим трудам.

В конце века патологическая анатомия была прочно закреплена как отдельный раздел медицины. Додознс (Dodonaeus), королевский врач императоров Максимилиана II и Рудольфа II, сделал большое количество ценных наблюдений при вскрытиях и описал случаи пневмонии, язв желудка, воспаления органов брюшной полости, аневризм коронарных артерий и артерий желудка, каменистых конкрементов в легких, гнойных заболеваний мочеточников и почек и эрготизма. Еще более важной для науки была работа Шенка фон Граффенберга, официального врача Фрайбурга в Брайсгау, который собрал большую коллекцию наблюдений за заболеваниями отдельных органов, чем когда-либо было сделано со времен Гиппократов. Он уделял особое внимание патологической анатомии этих случаев, и хотя многие наблюдения были его собственными, очень многие из них были получены от друзей. Его работа была закончена после окончания века Колумба, но самому ему было за двадцать до закрытия века, и он всего лишь воплощал вдохновение, которое было дано рабочими в этой мелодии. Питер ван Форест (Petrus Forestus), практикующий врач из Делфта, заслуживает почти такой же похвалы, как Шенк фон Граффенберг, и гораздо большей, чем многие профессора медицины и анатомии этой страны. Он специально изучал патологические состояния при обычных заболеваниях и был неутомим в сборе информации. Его собственные наблюдения включают более 100 случаев со вскрытиями. Благодаря этому духу за границей было обеспечено будущее научной медицины.

Хорошее представление о достижениях учителей-медиков того времени можно составить из жизнеописания Фракасториуса. Проф. Ослер в своем очерке о нем, опубликованном в его книге "Студент из Алабамы", [Сноска 38] говорит: "Научная репутация Фракасториуса

основана на работе "**О заразности**". В ней, среди прочего, содержатся три вклада первостепенной важности - четкое изложение проблем заразности и инфицирования, признание тифозной лихорадки и замечательное заявление о заразности чахотки". В том же очерке Ослер добавляет: "Фракасториус проводит замечательную параллель между процессами заражения и ферментации вина. Это не то же самое, что гниение, которое отличается отсутствием какого-либо нового зарождения и сопровождается отвратительным запахом. Определенные яды по своему действию напоминают инфекцию, но они существенно отличаются тем, что не вырабатывают в индивидууме принцип или микроб, способный воздействовать на другой яд ". Это обсуждение удивительно полное и обстоятельное, но в то же время консервативное. Позже Бойль заявил, что придет время, когда кто-нибудь откроет причину брожения и, вероятно, в то же время прольет свет на происхождение заразных заболеваний. Это пророчество исполнилось, когда Пастер занялся изучением ферментации вина и пива, а затем заложил основы бактериологии. Научный дух Фракасториуса можно оценить по тому факту, что, подобно Леонардо, он увидел окаменелости в их истинном свете и впервые в истории науки упомянул магнитные полюса Земли.

[Сноска 38: Oxford Press, 1908.]

Мужчины, чьи имена обычно ассоциируются с хирургией, часто проявляли успешный интерес и, прежде всего, наблюдательность к чистой медицине. В качестве иллюстрации можно привести один пример. Любопыт, кто считает, что наблюдение, теория и исследование артрита являются чем-то новым или что мы гораздо больше занимаемся изучением его симптомов, чем в прежние времена, должен прочесть главы Паре о подагре. Он говорит, что слово "подагра", которое ему показалось французским, вероятно, было использовано потому, что жидкость выделяется капля за каплей, **подагра за подагрой** в суставах. Или, возможно, потому, что иногда одна капля (goutte) влаги при этом заболевании вызывает очень сильную боль. Он описывает отложения материала, подобного гипсу, или каменистого вещества, подобного мелу, которые возникают при поражении. Сильные боли, возникающие в связи с болезнью, Паре, не колеблясь, приписывает изменению состава яда, который он называет "**вирусным артритом**". Он отмечает, что на боли отчетливо влияют атмосферные колебания, так что о подагрических людях вполне можно сказать, что они носят с собой календарь, который может служить им индикатором погоды всю их жизнь. Серьезные осложнения могут возникнуть при подагре, если воспалительные процессы при заболевании затрагивают другие органы, помимо суставов. К этой причине он относил воспаления печени, плевры, кишечные колики. Непрерывная лихорадка представляла для него воздействие подагрического токсина на крупные сосуды, в то время как параличи могли возникнуть, если подагрический токсин поражал "пористости" нервов.

Он описал сангвиническую подагру, частую весной, особенно среди молодых людей с остро воспаленными суставами, при этом боль становится наиболее сильной по утрам, а моча красной и густой. Очевидно, это острый ревматический артрит. Желчная подагра чаще встречалась у лиц среднего возраста, пораженные суставы были желтыми, а не красными, и боль достигала максимальной интенсивности в начале дня. Моча была лимонно-желтого цвета, но часто мутная. Третьей формой была гипофизарная подагра, которая проявлялась особенно зимой, имея в качестве основного симптома насморк, поражающий пожилых, а не молодых, но обычно без острой боли. Пораженный участок скорее холодный, чем горячий на ощупь, и дискомфорт наиболее заметен ночью. Моча была бледного цвета и густой. Меланхолическая подагра, четвертая форма заболевания, также была проявлением

старости, вызывая багровый оттенок суставов и делая их холодными на ощупь. Боли у пациентов усиливались с интервалом в три-четыре дня, а моча имела темно-мутный цвет. Сангвиническая подагра была наиболее излечимой из этих четырех и обычно длилась две-три недели; желчная подагра была гораздо более серьезной и часто заканчивалась смертью. Гипофиз и меланхолическая подагра были хроническими заболеваниями длительного действия. Во всем этом довольно легко увидеть наблюдательность Паре. Он делал поспешные выводы и чрезмерно обобщал, как это всегда делали мужчины, и поэтому совершал ошибки. Однако даже по сей день врачи так и не отказались от тенденции объединять эти острые и хронические болезненные состояния суставов под одним словом, и ревматизм для многих представляет собой ключ к загадке, которая все еще существует.

Важным событием в медицине стало опубликование в начале шестнадцатого века правил епископа Бамбергского и курфюрста Бранденбургского, согласно которым врачам или акушеркам разрешалось вызываться в качестве экспертов по судебно-медицинским делам. Судебно-медицинские вскрытия были зарегистрированы задолго до этого, хотя против их проведения всегда были серьезные возражения из-за естественного чувства отвращения, которое люди испытывают по отношению к разрушению человеческого тела. Однако в целом основы нашей юридической медицины и статус врача в суде в качестве эксперта были определены именно в это время.

Вероятно, ничто так хорошо не показывает огромный интерес того времени к развитию медицины и особенно терапии, как количество лекарств, импортируемых из Америки и Ост-Индии, многочисленные эксперименты и тщательные наблюдения, проведенные с ними, и книги, написанные о них. На самом деле, ни одно столетие не давало нам больше новых лекарств непреходящей ценности. Шаер в главе об истории фармакологии и токсикологии в новое время в "Справочнике по истории медицины" Пушмана подвел итог работе этого периода. Три известные книги того времени, содержащие интересный научный материал, были написаны Гонсало Фернандесом, личным другом Колумба, которого по месту его рождения часто называют Овьедо, Николасом Монардесом и Франсиско Эрнандесом. Фернандес был управляющим государственными золотыми рудниками в Южной Америке, но после возвращения написал свой великий труд, **"Всеобщая и естественная история Индии"**. Второй из них, Монардес, заслуживает уважения к фармакологии и всему, что связано с лекарствами, благодаря своей знаменитой коллекции натуральных продуктов Америки, которая стала широко известна благодаря его описанию их. [Сноска 39] Эрнандес писал о растениях Мексики и Центральной Америки, и его **"История растений Новой Испании"** является важным источником информации. Помимо них, Паси и Конти, итальянцы, путешествовавшие по Ост-Индии, написали книги, содержащие ценные наблюдения о восточных лекарствах и растениях, а француз Беллониус (Пьер Белон) ([см. главу о биологических науках](#)) описал арабские, персидские и индийские продукты, в то время как испанец Кристобель Акоста и португалец Гарсия да Орта и Дуарте Барбоза посетили различные части Востока и восточноафриканский Малабар и написали книги, в которых, хотя и не были специально медицинскими, многое говорилось о местных растениях, особенно о таких, как использовался туземцами в медицинских целях или обещал таким образом иметь значение. Португальский аптекарь Пирез направил королю Португалии специальное письмо относительно Индостана и Дальней Индии и того, что можно ожидать от фармакологии в этих регионах, что имеет большое значение.

[Сноска 39: Монардес вызвал такой большой интерес, что его перевели на английский язык еще до конца шестнадцатого века, и его книга была широко прочитана.]

Бельгиец Шарль де л'Эсклюс, более известный, как правило, под своим латинским именем Каролюс Клузиус, как профессор ботаники, директор ботанического сада и управляющий музеем в Вене, а позже и в Лейдене, собрал огромное количество информации, вел переписку со всеми, кто интересовался ботаникой и фармакологией. Ему удалось создать энциклопедию информации по этим предметам, которая с тех пор считается одним из самых важных фундаментальных трудов в истории этого направления науки.

Дух врачей того времени в отношении научных методов клинической медицины и их отношение к наблюдению как, безусловно, наиболее важному средству получения медицинской истины очень хорошо передают некоторые отрывки, написанные Джоном Холлом, поэтом и медицинским писателем, который написал перевод *"Хирургия парвы" Ланфранка*, опубликованный вскоре после окончания века Колумба. К этому был приложен "Очень подробный и необходимый краткий обзор анатомии" и "Историческое обличение: против насильников животных, как в Хирургии, так и в физике в нашей Стране: с Хорошей доктриной и инструкциями, которые необходимо отметить и которым должны следовать все Хирурги". В своем возражении, которое можно найти в переиздании старых текстов Общества Перси за 1844 год, доктор Холл сказал: "Гален также открыто предупреждал, что мы не должны, если хотим быть совершенно хитрыми, доверять только доктрине, изложенной в книгах, но скорее нашим собственным глазам, которым следует доверять больше, чем всем другим авторам, да! до Гиппократу и Галену".

Именно это доверие к наблюдениям, а не к книгам, является, конечно, ключевой чертой клинической медицины и медицинского прогресса. Людей того времени часто обвиняют в том, что они не слишком доверяли своим наблюдениям и своим книгам. Нет сомнений, что некоторые из них довольно серьезно ошибались в этом вопросе. Однако во все времена в истории медицины подавляющее большинство врачей не наблюдали сами, а черпали свои наблюдения из вторых рук, от других. Холл снова и снова настаивал на том, что в отношении хирургии необходимость наблюдения была чрезвычайно важна. В главе, посвященной хирургии, можно найти цитату из его критики по этому поводу.

Даже на кафедре психических заболеваний был внесен особый вклад в решение проблем этой сложной специальности, имеющей огромную ценность. Это не так уж удивительно, ибо прежде всего люди эпохи Возрождения умели видеть вещи своими глазами и описывать то, что они видели. Шекспир олицетворяет эпоху Возрождения в Англии, и никто никогда не преуспевал так хорошо, как он, в описании более легких форм психических заболеваний, как они проявляются у таких персонажей, как Офелия или король Лир. Парацельс даже попытался сделать то, чего пока не удалось достичь, - дать определение душевнобольного человека. "Человек болен разумом, в котором разумный и неразумный дух не присутствуют в должной пропорции и силе". Он отличал дураков, "которые являются животными без всякого разума", от имбецилов и идиотов, "которые являются невменяемыми животными". Его современник Монтан, который был профессором в Падуе и которого называли вторым Галеном, лечился от меланхолии на своих медицинских консультациях и приписывал ее этиологию **невоздержанности головного мозга**. Он рекомендовал лечение водой, венозное вливание и морозником. Жан Фернель разделил меланхолию на то, что мы сейчас знаем как меланхолию в собственном смысле этого слова, и манию. Он считал, что оба заболевания были вызваны нарушениями в жидкостях мозга. Джодокус Ломмиус различал бред, френит, меланхолию и манию и описал особую разновидность этой последней формы как гидрофобию. Уильям Ронделе, профессор из Монпелье, откровенно отказался от всякой метафизики в этом предмете и считал, что меланхолия возникает либо из-за дефекта мозга, либо из-за какого-то нарушения в организме, которое вызывает симпатическое расстройство мозга, особенно вероятно, что это происходит из-за желудка. Он дал довольно

поразительную картину навязчивых идей, которые овладевают теми, кто страдает меланхолией. Он отличал манию от меланхолии, говоря, что меланхолия была вызвана холодным юмором, в то время как мания была вызвана злобностью тонкой и желчной жидкости организма. Его современник, Фрэнсис Варрелиора, описал случаи, в которых безумие наступало вследствие любовных неурядиц и в которых излечение от меланхолии наступало благодаря успешному лечению такого заболевания, как геморрой, которое беспокоило пациента долгое время. Прошло немало поколений, прежде чем медицина продвинулась очень далеко за пределы идей, которые выдвигали эти врачи эпохи Возрождения при обсуждении своих психических заболеваний.

О том, насколько высоко ценили бальнеотерапию в этом столетии, можно очень хорошо судить по тому факту, что сразу после его окончания Винтернах упоминает около семидесяти пяти мест в Европе, где были купальни. Примерно в то же время доктор Руланд из Регенсбурга опубликовал монографию на двадцати восьми страницах, содержащую расположенный в алфавитном порядке список болезней с указанием конкретного места для полива, которое могло бы принести им пользу. Действительно, сразу после окончания века правления Колумба имеется множество свидетельств очень большого возрождения интереса к старым гидротерапевтическим методам, которое имело место в эпоху Возрождения.

Одна из самых интересных черт медицины этого столетия, которую часто не ценят, заключается в том, что она не прибегала к тому избытку в применении определенных средств лечения, к которому, к сожалению, прибегали некоторые из последующих столетий. Современники Колумба-медики исправили арабское злоупотребление полипрагмазией, которое имело тенденцию проявляться снова и снова в течение позднего Средневековья, несмотря на хорошо направленные усилия вдумчивых врачей подавить его. Распространение знаний классических авторов в области медицины больше, чем что-либо другое, способствовало ее искоренению в то время. Врачи использовали кровопускание, но не в каждом случае, как вошло в обычай позже, и не в том избытке, в каком оно применялось в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века. Бедный Мирабо, оратор Французской революции, находившийся столетие назад под лучшим французским квалифицированным уходом, за сорок восемь часов потерял около восьмидесяти унций крови. Под влиянием "Триумфальной колесницы сурьмы" Бэзила Валентина они часто использовали сурьму, но совсем не в том объеме, в каком она использовалась в восемнадцатом веке. В конце семнадцатого и восемнадцатом столетиями слабительными средствами злоупотребляли гораздо чаще, чем в век Колумба. Находясь под непосредственным влиянием греков, врачи того времени были насковзь консервативны, и достойных сожаления терапевтических методов, заслуживающих упоминания, так же мало, как и в любое другое время в мировой истории.

Джером Кардан нашего времени - один из гениев истории науки, чью карьеру чрезвычайно трудно понять. Его доверчивость сочетается с подлинно научным складом ума, который все проверяет экспериментально, в сочетании с его замечательными способностями к математике, что еще больше затрудняет его понимание. Он очень верил в мечты, но тогда это было потому, что он был уверен, что очень многие из его собственных мечтаний сбылись. Он был серьезным исследователем всех пограничных предметов между духом и материей и сам по себе основал Общество психических исследований, но со склонностью принимать чудесное на общих принципах. Он слышал, что намагниченные инструменты можно использовать для хирургических операций, не причиняя боли, и, проведя несколько экспериментов в этой области, объявил это великим открытием. Он был уверен, что обладает способностью магнетизировать других таким образом, чтобы предотвращать боль,

но, в конце концов, не следует забывать, что в них он всего лишь имитировал то, что неоднократно привлекало большое внимание в истории медицины и электричества. Как издатель "Формулы для кубических уравнений", он занимает выдающееся место в математике, и на него смотрели как на одного из величайших мыслителей своего времени. Его вклад в медицину и оценка, которую он обеспечил этой профессии своей популярностью среди великих людей Европы того времени, сделали его жизнь наиболее интересной для нашего поколения.

На почти инфантильные абсурдности Кардана иногда ссылались как на свидетельство отсутствия критического научного духа в то время. Однако любой, кто вспомнит отношение некоторых из самых выдающихся ученых нашего времени к определенным вопросам, таким, например, как вакцинация, спиритизм и даже френология и другие психические дисциплины, вряд ли примет какой-либо критерий отсутствия критических способностей, который может быть установлен произвольно, потому что ученый проявлял склонность принимать некоторые вещи без таких абсолютных доказательств, каких требуют другие люди. Почти у всех великих ученых были определенные особенности в этом отношении, и Кардан - лишь преувеличение этой тенденции. Его абсурдные высказывания иногда цитировались так, как если бы они представляли общепринятые мнения ученых людей того времени и демонстрировали отсутствие у них критического суждения, но никто не оценивал абсурдные мнения Кардана более сурово и не привлекал более настойчивого внимания к тому факту, что этот великий научный гений принимал некоторые детские банальности, чем его современник Скалигер, который так часто вступал с ним в полемику.

Поучительным контрастом некоторым нелепостям Кардана является небольшая книга, которая с тех пор стала классикой популярной медицины, "Средства достижения долгой и здоровой жизни" Луиса Корнаро, которая была опубликована в это время (Падуя, 1558). С тех пор ее выпускали почти в каждом поколении. Корнаро, если привести пару фраз из эссе Аддисона об этом томе, "был немощного телосложения примерно до сорока лет, когда, упрямо придерживаясь Правил, рекомендованных в этой Книге, он восстановил идеальное состояние здоровья настолько, что в четыреста лет опубликовал этот Трактат. Он дожил до четвертого издания этой книги и, прожив свой сотый год, умер без боли и агонии, как человек, который засыпает. Эта книга высоко ценится многими выдающимися авторами и написана в духе жизнерадостности и здравого смысла, которые являются естественными спутниками умеренности и добродетели".

Эта небольшая книга очень настаивает на умеренности в еде и питье и по-своему столь же разумна, как любая популярная книга по медицине, когда-либо написанная. Это живое доказательство того, что, несмотря на распространенные медицинские заблуждения многих видов, столь частые в тот период, хотя и не более частые, чем в наши дни, здравомыслящие люди могли рассматривать вопрос правильного образа жизни с надлежащей точки зрения и давать по нему дельные советы. В предисловии к последнему американскому изданию (Нью-Йорк, 1912 г.) издатель сказал: "Методы, которым следовал Корнаро, и представленные им рекомендации и предположения можно с достоинством сравнить с учениями авторитетов наших дней, таких как Мечников. Теперь эта книга представлена американской публике не только как литературный и научный курьез, но и как руководство по практическому обучению". [Сноска 40]

[Сноска 40: Первое американское издание, аннотированное Мейсоном Л. Уимсом (Филадельфия, 1809), содержало в качестве приложения книгу "Путь к богатству" Бенджамина Франклина, которую можно считать характерной для американской предприимчивости.]

Интересно свести воедино некоторые санитарные нормы того периода, поскольку часто предполагается, что только в наше время общественная забота о здоровье стала признаваться обязанностью гражданских властей. Викерсхаймер в своей книге "Медицина и врачи во Франции во времена Возрождения" [Сноска 41] собрал ряд подробностей. Парижским мясникам было запрещено хранить мясо для продажи более двух дней зимой или тридцати шести часов летом. Хозяевам гостиниц не разрешалось убивать собственное мясо, потому что, поскольку они могли приготовить его перед продажей, им было легко "притвориться испорченным мясом". Рестораторам было запрещено подавать подогретое мясо, подогретый суп или овощи. Рыба охранялась особенно тщательно, и за ее продажу налагались большие штрафы, за исключением условий, которые должны были гарантировать ее абсолютную свежесть. Сливочное масло и рыба не могли продаваться в одном магазине. Запрещалось класть красящее вещество в сливочное масло, независимо от формы используемого красящего вещества, а также смешивать старое масло с новым. Людовик XII потребовал от продавцов специй следить за абсолютной чистотой на своих горчичных фабриках и нанимать в качестве рабочих только тех, кто был чистоплотен и обладал хорошим здоровьем. Аналогичные правила существовали и для пекарей. Одним словом, они во многом предвосхитили законы о чистом питании нашего времени. К сожалению, этим правилам было позволено утратить силу во время пренебрежения общественным порядком, которое характеризовало заметное вырождение восемнадцатого и начала девятнадцатого веков.

[Footnote 41: "*La Médecine et Les Médecins en France à l'Époque de la Renaissance*," Paris: Thesis 1905.]

Некоторые популярные гигиенические процедуры того времени очень интересны и отчетливо отражают практики нашего времени. Эразмус дал студентам рекомендации по чистоте. Руки должны были мыться после каждого приема пищи; практика, ставшая необходимой из-за отсутствия вилок, а ногти нужно было стричь и чистить каждую неделю. Десны и зубы, согласно Монтень, следовало протирать грубым полотенцем каждый день, и обычно использовались различные зубные порошки. Ноги и волосы следовало мыть не реже одного раза в неделю. Среди пищевых продуктов морская рыба предпочиталась речной, и чем она живее, тем больше ее любили. Одни рекомендовали моллюсков, другие отвергали. Омары обычно считались трудными для переваривания, и устрицы и другие моллюски разделяли это предубеждение. Народные традиции в отношении еды были очень похожи на наши собственные. Горох очень хвалили как диетическое блюдо, шпинат считали полезным при вялости печени, говорили, что водяной кресс-салат оказывает благоприятное действие на кишечник, а салат-латук, а также большая часть ингредиентов для зеленых салатов, были признаны успокаивающими средствами. Огурцы были неудобоваримы, если их не приготовить, дыни должны быть спелыми, мягкими и без каких-либо пятен, иначе они были опасны, а капусту и лук хвалили или порицали как продукты питания в зависимости от конкретной части страны, из которой они были родом.

Даже в отношении напитков мнения не так уж сильно отличались от тех, которых придерживаются в настоящее время, хотя по поводу их действия разногласий было не меньше, чем мы привыкли. В Нормандии, где яблоки были обычным делом, а сидр - привычным напитком, сидр считался гораздо полезнее для мужчин, чем вино. Однако в центральной и Южной Франции вино считалось самой ценной вещью для здоровья, а белое вино считалось мочегонным средством, в то время как красное вино рекомендовалось при диарее. Вино было объявлено гораздо более полезным напитком, чем вода, и нет никаких сомнений в том, что в этом наши коллеги того времени были в высшей степени оправданы своими наблюдениями. Любая вода в окрестностях городов или крупных

населенных пунктов почти наверняка была загрязнена сточными водами того или иного вида и представляла несомненную опасность. Вероятность заражения от вина была гораздо меньше, чем от воды. Однако многие признавали, сколько зла было причинено злоупотреблением вином, и Рену заявил, что в том столетии вино убило гораздо больше людей, чем меч. Он заявил, что злоупотребление вином приводило к дегенерации мозга и печени, нервным расстройствам, вызывало тремор, конвульсии и даже паралич, а также принимало активное участие в возникновении одышки и других серьезных состояний.

Доктор Крамер обращает внимание [Сноска 42] на тот факт, что в 1481 году республика Лукка в Италии избрала трех граждан в совет здравоохранения. Они были наделены широкими полномочиями действовать в случае эпидемий. Их основной целью было предотвращение распространения инфекционных заболеваний. С этой целью они поддерживали связь с другими странами, чтобы быть предупрежденными о местах, где бушевали эпидемии, и они имели право запретить въезд в Лукку людям, животным или товарам до тех пор, пока не пройдет достаточная задержка, гарантирующая отсутствие инфекции или тщательную дезинфекцию. Слово "карантин", конечно, очень старое, хотя часто предполагается, что идея нова, и, похоже, нет сомнений в том, что в большинстве итальянских городов существовали советы здравоохранения и санитарные правила, предвосхищающие многие предположительно современные разработки. Возникает даже вопрос о том, была ли в настоящее время признана заразность туберкулеза и приняты ли меры для предотвращения его распространения. Мы знаем, что едва ли более чем через столетие после эпохи Колумба в каждом итальянском княжестве были приняты законы, объявляющие туберкулез заразным и регулирующие его.

[Footnote 42: *Revue Médicale de la Suisse Romaine*. 1914, XXIX, No. I.]

У сэра Томаса Мора в его "Утопии" есть очень любопытный абзац, касающийся статуса врачей в его идеальной республике, который показывает, каково его собственное представление о месте медицины в мире. Вполне можно было ожидать, что его долгая дружба с Линакром дала ему столь высокую оценку врача. Это тем более интересно, что в "Утопии" он выражает пренебрежение к своей собственной профессии юриста. Что поражает в этом отрывке, так это его признание того высокого места, которое медицина заслуживает занимать в интеллектуальном мире как раздел философии и науки. Он подчеркивает тот факт, что чем меньше люди нуждаются во врачах, тем больше они их ценят, предвосхищая таким образом современную идею о том, что профилактика, а не лечение, является отличной основой престижа медицинской науки. Его прекрасная дань уважения, которое медицина должна иметь в глазах людей, сделает его слова подходящим завершением к этой главе о медицине века Колумба.

"Случилось так, что один из моих товарищей, Триций Апинат, взял с собой некоторые работы Гиппократов и "Микротехнику" Галена, которые они высоко ценят, ибо, хотя в мире нет нации, которая нуждалась бы в физике так мало, как они, все же нет ни одной, которая так сильно почитала бы ее; они считают знание этого одной из самых приятных и полезных частей философии, с помощью которой они исследуют тайны природы, поэтому они не только находят это изучение в высшей степени приятным, но и думают, что такие исследования очень приемлемы для Автора природы; и представьте себе, что поскольку Он, подобно изобретателям любопытных двигателей среди человечества, выставил эту великую машину Вселенной на обозрение единственных существ, способных созерцать ее, то точный и любознательный наблюдатель, восхищающийся Своим мастерством, гораздо более приемлем для Него, чем один из стада, который, подобно животному, лишенному разума, взирает на эту великолепную сцену глазами тупого и равнодушного зрителя".

ГЛАВА XIII

ХИРУРГИЯ

Обычно предполагается, что хирургия получила чуть ли не единственное и величайшее развитие в наше время. Вероятно, ни одно открытие, пришедшее к нам в результате недавнего возрождения интереса к истории медицины, не было более удивительным, чем открытие, что хирургия пережила несколько периодов большого прогресса до нашего времени. Одно из таких и наиболее важных событий произошло в тринадцатом и четырнадцатом веках. Еще одна великая фаза хирургического прогресса, после периода упадка, который кажется неизбежным во всех человеческих делах, произошла в эпоху Возрождения. Она возникла или, по крайней мере, находилась под большим влиянием публикации глав по хирургии в латинских и греческих классиках, хотя, как бы странно это ни звучало для современных ушей, еще больше, вероятно, было сделано для развития хирургии печатанием учебников позднесредневековых хирургов. Данный таким образом новый импульс затронул почти все этапы хирургии и позволил достичь гораздо большего, чем мы, вероятно, считали возможным, только переиздание старых учебников по хирургии в последние годы стало для нас таким откровением.

Как я уже говорил в предыдущих главах, один из величайших долгов современности перед эпохой Возрождения связан с печатанием старых книг на заре книгопечатания. Ученые были готовы щедро отдавать свое время и посвящать терпеливый труд тому, чтобы обеспечить хороший текст для типографов, и так или иначе великим печатникам удавалось выпускать, как правило, великолепными изданиями, хотя и небольшого размера с точки зрения количества экземпляров, не только древние, но и то, что мы теперь стали признавать средневековой классикой медицины и хирургии. Главы о хирургии таких авторов, как Аэций, Александр Траллесский и арабских писателей, таких как Абулькассис, являются одними из наиболее важных вкладов в медицину своего времени. Учебники по хирургии таких людей, как Теодорих, Гуго Луккский, Четыре Мастера, Вильгельм Саличетский и Ги де Шолиак, являются вехами в истории великой хирургической эпохи. Все они, как правило, переиздавались великолепными тиражами в век Колумба. Без такой перепечатки, требующей времени и денег, которые мы едва ли можем себе представить, многие из этих драгоценных сокровищ истории медицины и хирургии почти наверняка были бы утрачены. Конечно, очень немногие из них сохранились бы в том виде рукописей, в котором они тогда существовали, и, самое большее, только в серьезно изуродованных состояниях. Прошло несколько столетий с тех пор, когда ими совершенно пренебрегали, поскольку не сохранилось почти никаких намеков на их ценность, и было распространено впечатление, что в средние века никто вообще не знал ничего о медицине или хирургии, достойного сохранения. Эта публикация старых учебников дала толчок хирургам того времени, что положило начало великой новой эре в хирургии, хотя для этого были задействованы и другие важные факторы. Прежде всего, развитие анатомии привело к соответствующему развитию хирургии и за счет расширения знаний мужчин о тканях, через которые должны были проводиться операции, повысило их уверенность в себе и снизило смертность от хирургического вмешательства. Великолепные больницы того времени сами по себе являются наилучшим доказательством надлежащего ухода за пациентами, причем не только медицинским, но и хирургическим способом. Нельзя слишком часто повторять,

что всякий раз, когда больницы хорошо построены, за ними должным образом ухаживают и они находятся в надлежащем состоянии, обязательно существует хорошая медицинская практика и прекрасно развита хирургия; всякий раз, когда больницами пренебрегают, медицинская и хирургическая практика опускаются до очень низкого уровня.

Строительство больниц достигло очень высокого уровня в период Возрождения, но впоследствии опустилось, как и все другие конструктивные усилия в гуманитарных целях, до того, что Якобсон, немецкий историк больниц и ухода за больными, называет неопишуемым уровнем деградации. Буквально, худшие больницы в мировой истории были построены в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века. Организация и техническое обслуживание больниц неизбежно пошли ко дну таким же образом. Не мог не произойти соответствующий упадок медицинской и хирургической практики, за которым, к счастью, последовал прогресс нашего времени. Однако многие, по-видимому, думают, что, поскольку двадцатый век так далеко опередил начало девятнадцатого, он должен быть соответственно опережающим предыдущие столетия. Это предположение составляет наиболее важную причину очень распространенной в наше время неспособности должным образом понять историю медицины и хирургии, а также историю всех направлений науки.

Это был период, когда порох начал широко использоваться в военных операциях, и неудивительно, что большое внимание уделялось огнестрельной хирургии. У нас есть четыре книги, в своем роде трактаты об огнестрельных ранениях, которые были написаны в то время людьми с большим опытом. Конечно, они совершали ошибки, нет такого периода в мировой истории, даже в нашей собственной, когда люди не совершали ошибок, но хирурги века Колумба накопили огромное количество наблюдений и постепенно выработали довольно ценный набор предложений относительно лечения различных видов ран. В начале века они допустили ошибку, думая, что пули наносят как отравленные, так и обожженные раны, и они были чрезмерно озабочены лечением этих воображаемых последствий, а не механического воздействия, возникающего при их прохождении. Однако они постепенно решали свои проблемы, даже используя эксперимент, чтобы показать последствия ранений. Брауншвейг, Феликс Вюрц, Де Виго и Ферри - классики своего времени по огнестрельным ранениям, и их книги, вероятно, были прочитаны нашим поколением больше, чем кем-либо другим с конца шестнадцатого века. Действительно, нет ничего более удивительного, чем признание ценности наблюдений, сделанных этими старыми хирургами, которое пришло за последние двадцать лет.

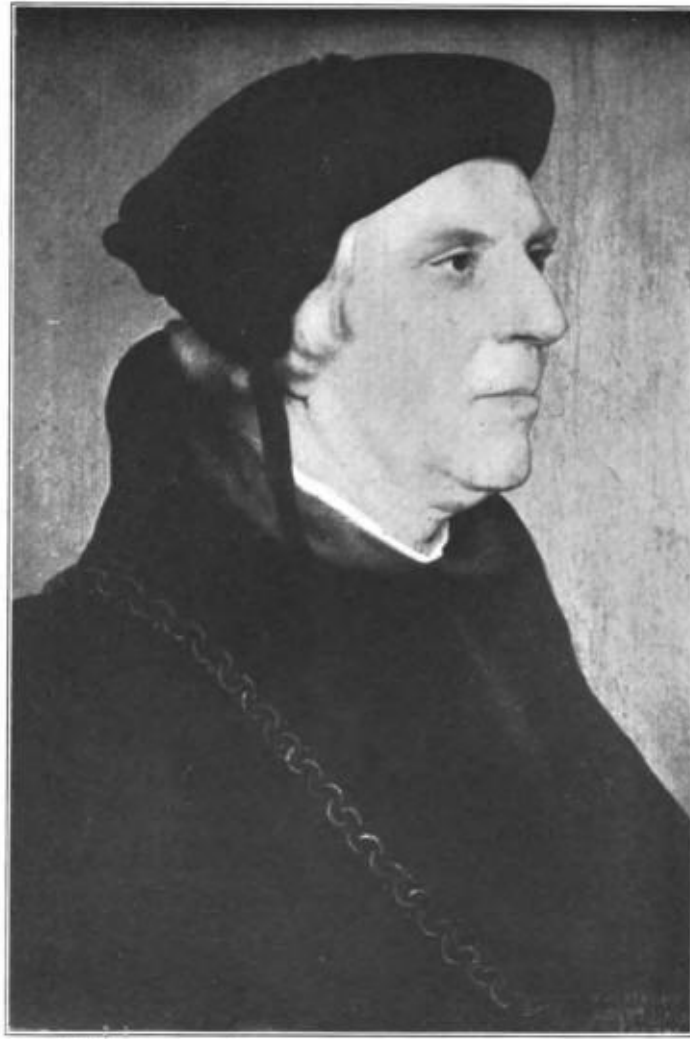
Величайшим из хирургов века Колумба является француз Амбруаз Паре, о котором говорят как об Отце современной хирургии. Он вполне заслуживает этого названия, если мы определенно ограничим его современным временем и не придем к выводу, как это делают многие, что хирургии не было со времен классического периода, поскольку, конечно, в тринадцатом и четырнадцатом веках была очень великая эпоха хирургии, но, как и в случае с человечеством, наступил период упадка, за которым последовала другая восходящая фаза на кривой истории, вершиной которой в его время является Паре.

Именно ему мы обязаны лечением огнестрельных ран простыми водными повязками или, самое большее, ароматическими веществами. Когда он начинал свою работу, они лечили огнестрельные ранения так, как если бы это были отравленные и обожженные раны, поливая след пули кипящим маслом. У Паре закончилось масло по историческому случаю, но он обнаружил, что раненые, которых не лечили, выздоравливали с меньшей болью и осложнениями, чем те, кто подвергся героическому лечению. Он осознал ошибку и проявил гениальность, чтобы исправить ее должным образом. Он изобрел лигатуру заново, хотя, конечно, она использовалась несколько раз раньше и была выведена из употребления из-за связанной с ней тенденции к сепсису, а также из-за того, что при последующем нагноении

очень часто происходило вторичное кровотечение из-за отрыва лигатуры. Он заслуживает, как и некоторые другие, признания за настоящее изобретение в его использовании. Сам Паре говорит об этом открытии, которое он сделал как раз в конце столетия правления Колумба, как о вдохновении, пришедшем к нему по Божественной Милости.

Почти в каждом отделении хирургии Паре оставил свой след. Он был хирургом-практиком. Он, как и Магги, итальянский хирург того времени, предложил экзартикуляцию как важный способ ампутации. Это состояло в удалении поврежденной конечности или гангренозного элемента в суставе чуть выше, потому что таким образом было меньше опасности осложнений и можно было получить лучшую культю для последующего использования. Чтобы продемонстрировать, что огнестрельные ранения не оставляют ожоговых ран, он продемонстрировал, что при попадании пуль даже в мешок с порохом они не взрываются. Мэгги [Сноска 43] независимо сделал то же самое наблюдение, но пошел дальше и показал также, что дробь не плавится при ударе о твердую поверхность и что шарики воска, которые обжигают, не растекаются, как если бы воск был расплавлен. Эта серия экспериментов, проведенных для демонстрации определенных ценных моментов в огнестрельной хирургии, вполне достойна самого современного времени и хорошо указывает на тот глубоко научный дух, который царил за границей в тот период. Паре также предложил сшивать перерезанные сухожилия, аккуратно сводя их концы вместе, и чтобы ни одна часть языка не удалялась после травмы, но части должны быть сведены вместе, поскольку в этом органе заключена огромная сила исцеления. Он посоветовал перерезать язычок постепенно затягивающейся лигатурой, и он, так же как и Франко, изобрел аппарат для заполнения расщелины в кости дефектного неба и другие подобные механические приспособления.

[Примечание 43: Любой, кто сомневается в способности людей того времени обсуждать практический научный вопрос с совершенно научной точки зрения, используя экспериментальные демонстрации и тщательные рассуждения, должен прочитать отчет Гурлта об экспериментах Магги с огнестрельным оружием и сравнение немецким хирургом выводов этого коллеги начала шестнадцатого века с фактами, выявленными в ходе обсуждения того же предмета после франко-германской войны 1871 года, и экспериментами, которые были проведены сразу после этого в том же направлении.]

ГОЛЬБЕЙН, ДОКТОР УИЛЬЯМ БАТТС

Действительно, с механической стороны хирургии Паре наиболее интересен. Ортопедия, то есть механическое и хирургическое лечение детей с деформациями, направленное на их излечение или, по крайней мере, уменьшение их уродства, обычно считается чем-то новым, но в эпоху Возрождения появилось много предложений по этому поводу. Гельферих в своем **"Руководстве по хирургии"** в **"Справочнике"** Пушмана, например, говорит, что ортопедический арсенал Паре был довольно обширным. Он использовал различные аппараты и специально разработанную обувь с бинтами, чтобы добиться чрезмерной коррекции косолапости. Он лечил плоскостопие различными способами, в частности, с помощью специальной обуви. Он изобрел корсет с отверстиями для вентиляции, который можно носить при различных перекрутах позвоночника и других деформациях позвоночника. Он и Фаллопиус рассказывали о ценности резекций при различных заболеваниях суставов и даже при деформациях. Паре заявил, что ***genu valgum***, то есть смещение коленей, было вызвано теми же причинами, что и те, которые привели к косолапости, или, по крайней мере, что эти заболевания были связаны.

Очень интересный случай из его жизни описан Паре в его мемуарах в связи с одним из таких удивительных случаев глубокого повреждения мозга, которые кажутся неизбежно смертельными, но пациент выживает. По предположению доктора Мамфорда, это точная

копия хорошо известного гарвардского случая с ломиком, самого известного в американской хирургии, когда человек из каменоломни оправился от травмы, несмотря на то, что отбойный железак полностью прошел через его голову от подбородка вверх, выйдя через верхнюю часть черепа. Образцы из дела, сохраненные много лет спустя, во время смерти мужчины, все еще можно увидеть в музее Гарварда. Дело Паре было очень похожим, но касалось очень важной личности. Франциск Лотарингский, герцог де Гиз, был ранен под Булонью "ударом копья, которое вошло над правым глазом, ближе к носу, и вышло с другой стороны, между ухом и задней частью шеи, с такой силой, что наконечник копья вместе с куском дерева был сломан и остался прочным; так что его можно было вытащить только с огромной силой, используя клещи Смита. И все же, несмотря на силу удара, который не обошелся без переломов костей, нервов, вен и артерий, а также других разорванных и переломанных частей тела, мой господин, по милости Божьей, был исцелен". Без подтверждения возможности этого нашим современным случаем, вполне вероятно, что на этот счет возникли бы серьезные сомнения.

Особенно интересна костная хирургия периода Возрождения. Фаллопиус выступал за сохранение надкостницы кости настолько, насколько это было возможно, всякий раз, когда имели место заболевания или травмы костей. Теперь мы знаем, что надкостница в здоровом состоянии способствует регенерации кости, и, очевидно, к такому выводу Фаллопиуса привели клинические наблюдения за удовлетворительным улучшением, которое наблюдалось в случаях, когда надкостница затрагивалась как можно меньше. Их лечение переломов было превосходным, и они добились хороших результатов. Именно в это время старые методы применения силы при вправлении вывихов уступили место принципу, согласно которому суставы должны восстанавливаться по тому же пути, по которому произошел вывих. Ряд хирургов того времени, в частности Масса, Инграссиас и Виго, писали о заболеваниях позвоночника, описывая "проникающее повреждение" позвоночника, стойкое нагноение и последующую деформацию, используя термин *"ventositas spinae"*, и другие, которые указывают на их интерес к тому, что мы знаем как болезнь Потта. Виго описал переломы внутренней поверхности черепа, когда внешняя поверхность не сломана, а Аргелата описал депрессию без перелома, возникающую у молодых людей.

Значительный прогресс был достигнут в лечении переломов черепа и травм головного мозга. Виго вернул использование корончатого трепана и многое сделал для популяризации инструмента. Великое множество хирургов изобрели различные инструменты для поднятия вдавленной кости или для удаления фрагментов, и каждый из них был уверен, что его конкретный тип инструмента подходит лучше всего. Интересно прочитать "Историю хирургии" Гельферих в *"Справочнике"* Пушмана по этим и другим пунктам, потому что они расположены в том порядке, в котором были сделаны открытия и переоткрытия, изобретения и переосмысления. Эпоха Возрождения особенно богата интересной хирургической историей. Поздние последствия черепно-мозговых травм, слабоумия, глухоты и различных форм паралича были тщательно изучены такими людьми, как Фаллопиус, Паре и Делла Кроче.

Были рассмотрены и обсуждены различные этапы хирургической операции, которые часто считаются гораздо более современными. Например, в то время широкий интерес привлекал весь вопрос о переливании крови. Магнус Пегелиус из Ростока предположил, что артерию одного пациента следует прикрепить непосредственно к артерии другого пациента, чтобы произвести переливание крови. Об использовании этого метода лечения после больших потерь крови или в случае анемии упоминают многие мужчины. На него возлагали не меньше надежд, чем в наше время на опиатерапию. Джером Кардан пошел дальше, чем кто-либо другой, в том, что он искал от переливания крови. Он всегда видел возможность

мистических результатов, и его предположение состояло в том, что переливание крови может привести к изменению морали людей. Было даже сказано, что использование крови животного таким же образом может привести к наделению человеческого индивидуума определенными животными качествами характера. Это столь же абсурдно, но столь же разумно, как и многие из наших хирургических попыток перевоспитать преступников путем операции на их мозге. В 1539 году Бенедикт отметил возникновение гемофилии, или болезни кровотечения. Это замечали и раньше, в Средние века, но упускали из виду.

Что касается варикозного расширения вен, то эпоха Возрождения отказалась от старых методов операции и предложила использовать бинты. Савонарола, дед доминиканца Савонаролы, который был сожжен заживо во Флоренции, описал различные формы бинтов и предложил отдыхать в положении лежа так, чтобы ноги были выше головы для облегчения дискомфорта. Савонарола очень интересовался исправлением деформаций и довольно тщательно классифицировал различные формы изгиба позвоночника вперед, назад и в стороны и предложил лечить их с помощью бинтов, которые можно накладывать, когда они мягкие и податливые, но которые затвердевают после их наложения. Паре в конце века использовал корсет из очень тонких перфорированных железных пластин, которые, по его настоянию, должны быть с хорошей подкладкой. Его следует менять каждые три месяца, и его форму часто меняют так, чтобы она соответствовала росту тела и изменениям, вызываемым им самим.

Некоторые из разработок хирургической техники в это время чрезвычайно интересны, потому что они иллюстрируют то точное внимание к деталям и изобретательские способности в хирургии, которые обычно предполагается приберечь на гораздо более позднее время. Паре, например, изобрел целую серию специальных аппаратов почти для каждого этапа корректирующей хирургии, многие из которых уже упоминались. Фаллопиус настаивал на том, чтобы соединять мышцы шеи вместе и удерживать их в нужном положении с помощью швов всякий раз, когда они были разорваны, потому что результаты почти всегда были превосходными и функция восстанавливалась. Каждый выдающийся хирург того времени придавал особое значение сшиванию разорванных сухожилий. Видус Видиус изобрел золотую или серебряную трубку для использования после трахеотомии, чтобы через нее можно было дышать, и предложил использовать этот инструмент также после травм гортани. Монте изобрел магнит, помогающий извлекать проглоченные железные предметы, застрявшие в горле.

В то время все специальности развивались чудесным образом. История операции кесарева сечения свидетельствует об эволюции акушерства. В 1500 году Джейкоб Нуфер, ветеринар, успешно выполнил эту операцию своей собственной жене, и ряд других последовали этому примеру, пока в течение двадцати пяти лет после окончания нашего периода Руссе не насчитал 15 случаев такой операции. Гинекология и акушерство всегда развивались вместе, и Вейер, голландский врач и хирург, который так много сделал, чтобы избавить мир от наваждения колдовства и указать на его связь с тем, что мы знаем как истерические проявления, написал учебник по гинекологии, а Каспар Вольф заложил глубокие основы науки гинекологии того времени. Вюрц, пришедший после нашего периода, но испытавший на себе его глубокое влияние и которого действительно следует считать последователем Парацельса, очень настаивал на простом лечении ран и решительно выступал против распространенного обычая "засовывать в них тряпки, бальзам, масло и мази". Такое учение имело бы большое значение для развития гинекологии и акушерства.

Каброл посоветовал удалить молочную железу при раке и настоял на ее полном удалении, а также на части грудной мышцы, если это показалось оператору необходимым из-за

фактического или кажущегося поражения. Каброль также заявил, что ранения в сердце не обязательно были смертельными, и привел подробности одного из них, которое он сам лечил и впоследствии видел при вскрытии, поскольку смерть наступила от другого состояния. Он упоминает тот факт, что были найдены сердца оленей, в которых имелись явные признаки заживших ран, так что давняя традиция относительно летальности сердечных ранений не является абсолютной. Делла Кроче учил, что кровь, гной или другая жидкость должны быть удалены из грудной клетки путем аспирации. Он предложил использовать для этой цели баночный стакан или шприц, а в случае необходимости даже рот. Он посоветовал ввести металлическую трубку в грудную клетку для дренажа. Аркуланус рекомендовал вскрыть эмпиему путем перфорации грудной клетки, что позволило бы провести дренаж. Если эмпиема открылась спонтанно и стала хронической, следует сделать более низкое отверстие для лучшего дренажа.

Не менее изобретательны они были и в своих предложениях относительно хирургического вмешательства при заболеваниях брюшной полости. Риоланус объяснил непроходимость кишечника так подробно, как никто когда-либо это делал, и точно определил, что это за состояние и единственный способ его лечения. Паре посоветовал выпускать газы из чрезмерно растянутого кишечника, когда их нелегко вернуть в брюшную полость. Фиораванти сообщил о случае спленэктомии, после которой пациент выздоровел. Были изобретены всевозможные бужи при стриктурах, и было высказано множество предложений относительно инструментального облегчения при сложных стриктурах.

Савонарола предложил удалить **ранулу**, очевидно, после того, как на собственном опыте убедился, что за простым удалением этой кисты железы под языком практически всегда следует ее повторное заполнение. Он описал технику пункции при асците и привел некоторые интересные подробности случаев, в том числе одного, в котором падение привело к травматичной эвакуации жидкости с последующим излечением. Он рекомендовал пункцию плевральной полости при плевральном выпоте и, прежде всего, при эмпиеме, когда пациент находился в тяжелом состоянии. Чуть позже Беренгар из Карпи, которого обычно считают гораздо более сведущим в анатомии, чем в хирургии, обсудил вопрос о переломе черепа методом **контрекупа**, очевидно, имея значительный опыт. Он подробно описал некоторые случаи **экстирпации матки** при проциденции и разработал методику введения ртути при луэ. Был ли он первым, кто сделал это, или нет, мы не уверены. Нет сомнений, что его практика привлекла широкое внимание. Его навещали пациенты со всего мира, и его вызывали на консультации даже на большие расстояния, чтобы повидать представителей знати. Вероятно, никогда не было более важного открытия в терапии, чем использование ртути при специфических заболеваниях, и люди того времени, которым следует приписать развитие этого этапа терапии, заслуживают самой высокой похвалы. Это требовало самого тщательного, терпеливого, длительного наблюдения, и оно было успешно проведено.

В то время как огнестрельные ранения становились настолько частыми, что требовали особого внимания, раны от мечей и других острых инструментов, вызывавших уродливые уродства, были довольно распространенным явлением. Внимание привлекла косметическая хирургия. Можно было бы подумать, что из-за их незнания асептической хирургии в настоящее время не было возможности для какого-либо значительного развития пластической хирургии. На самом деле, однако, было сделано немало такого, что имело большое значение для исправления уродств, вызванных травмами, и неприглядных врожденных дефектов или шрамов после болезни. Уже был отмечен ряд процедур по коррекции заячьей губы и волчьей пасти. Как раз в начале века правления Колумба техника Бранка, отца и сына, по восстановлению носов, утраченных в результате травмы или

болезни, привлекла широкое внимание. Их метод состоял в том, чтобы сделать новый нос из кожи руки, сняв лоскут с внутренней части предплечья, прикрепив его ко лбу и плотно забинтовав руку на макушке головы, чтобы удерживать лоскут на месте, подпитываемый кровообращением руки до тех пор, пока он не закрепится прочно, после чего прикрепление к руке было срезано и нос сформирован из полученной таким образом живой ткани. Вьянео и Аранзи описали методы формирования носа, и было высказано предположение, что для этой цели можно было бы использовать часть кожи лба. Дефекты губ и век были вылечены наложением тканей, освежением краев и сведением их вместе.

Чрезвычайно интересным автором-хирургом начала шестнадцатого века является Микеле Анджело Бьондо, иногда известный под латинским именем Блондус. В его трудах есть несколько отрывков, касающихся использования теплой воды в качестве единственной подходящей повязки для ран, которые довольно поразительны. Он рассказывает о некоторых врачах своего времени, которые вместо мазей и всевозможных аппликаций, которые делают "торговцы воском", просто промывали свои раны теплой водой. Он добавляет, что эти врачи настаивают на том, что очень многих хирургических пациентов убивает не столько их болезнь, сколько обычай давать им только небольшое количество пищи и неблагоприятный эффект, производимый на них прикладыванием к ранам. Он добавляет далее, что эти люди не имеют обыкновения лечить пациентов, страдающих лихорадкой, соблюдая для них щадящую диету, но, напротив, они дают им вино и питательную пищу вместо помоев (птисанов). Его комментарий заключается в том, что этот разумный метод вспомогательного лечения, к сожалению, не приносит большого успеха в профессии. Очевидно, это было слишком просто и естественно, чтобы обратиться к врачу того времени. Он добавляет с тонкой иронией: "Говорят, что предпочтительнее методично умереть, чем жить эмпирически".

Гурлт в своей *книге "История хирургии"* (Берлин, 1898), которому я обязан большей частью того, что здесь сказано о работе этих старых хирургов, приводит некоторые дополнительные подробности лечения ран Бьондо. После остановки кровотечения рану нужно было промыть, а затем покрыть *oleum abjetinum*, очень вероятно, маслом скипидара, от одной до двух частей розового масла. Что касается использования воды при лечении ран, Бьондо сказал: "Самые опытные из старых врачей относились к воде с таким страхом, что едва ли использовали ее для удаления грязи из окрестностей ран. Однако я сам, увидев чудесное действие воды на раненые части тела, не могу не поражаться ее сверхъестественным свойствам". Несмотря на это решительное заявление, Бьондо в своей книге приводит главы, посвященные всем старым методам лечения ран и различным применениям, которые, как предполагалось, творили чудеса, вызывая исцеление. Следствием этого стало то, что водная доктрина была отодвинута на задний план и, вероятно, привлекла очень мало внимания. Здесь был заложен зародыш великого открытия - использования кипяченой воды, очевидно, имевшего за собой некоторый опыт, и все же оно оставалось неиспробованным, его истинная ценность оставалась недооцененной четыре столетия спустя.

Парацельс, совершивший революцию в медицине того времени, почти столь же масштабно изменил и хирургию. По крайней мере, принципы, которые он заложил, разительно отличались от многих из тех, что были приняты в его время, и поразительно походили на те, которые мы привыкли принимать в наше время. Он настаивал на том, что в максимально возможной степени раны следует предоставить природе, поскольку существует определенная тенденция к излечению. Он решительно выступал против назойливой хирургии и заявлял, что немалая часть последующих осложнений при ранах была вызвана неверно направленными усилиями по их излечению. Он рассказал о *чуме*, вызванной

ранениями, и заявил, что видел, как она эпидемически передавалась от одного пациента к другому в больничных палатах. Он описывал пиемию как **Wundsucht**, то есть инфекционное заболевание, вызванное раной. Парацельс описал гангрену и провозгласил ее эпидемический характер. Он первый, от кого мы получили информацию о тщательном изучении воздействия молнии, и почти первый, кто поверил, что человек может быть поражен молнией и при этом не погибнуть или даже смертельно ранен.

В целом идеи того времени были не так уж далеки от наших, как некоторые из промежуточных периодов. Фаллопиус описал соединение по первому намерению как напоминающее то, что происходит между двумя воцеленными поверхностями, когда их соединяют параллельными линиями и скрепляют. Вюрц описал раневую лихорадку, очевидно, рожистое воспаление, и предупредил о возможности ее перерастания в эпидемию.

Аркео, известный также под латинским именем Франсиско Аркеус, испанский хирург, родившийся ближе к концу пятнадцатого века, иллюстрирует жизнеспособность хирургии в Испании в то время. У него есть ряд интересных хирургических рекомендаций, и вот что он может сказать в отношении косолапости. Стопу следует тщательно вымачивать в течение тридцати дней в теплой воде, в которой варились какие-либо каши. Затем хирург, берясь за хромую ногу, должен приложить все свои силы, чтобы вернуть ее в надлежащее положение и в ту форму, которую он желает. Обычно это может быть достигнуто без труда или задержек, отчасти из-за предшествующего размягчения тканей, но прежде всего из-за нежного возраста и мягких тканей ребенка. Затем следует использовать повязку для поддержания стопы в этом положении до тех пор, пока коррекция не станет постоянной. Амбруаз Паре, как я уже говорил, добился аналогичных результатов, но он также использовал различные виды аппаратов для лечения косолапости и предотвращения контрактур в суставах, возникающих вследствие паралича. Он первый известный нам хирург, заинтересовавшийся искусственными кистями рук и ног для тех, кто был лишен конечностей в результате ампутации, и первый, применивший искусственные глаза. Фабриций Аквапендентский, родившийся во времена Колумба, но работавший после него, рекомендует массаж и перевязку при **варикозном расширении вен** и железный башмак с накладками при **вальгусной деформации стопы**. Он делал исправление постепенно. Он сказал: "Я говорю исходя из опыта, поскольку я много имел дело с искривленными ногами, ступнями и спиной и сделал их прямыми и правильными".

О том, что Германия не была лишена отличительного духа того времени благодаря вдумчивой работе в хирургии, свидетельствуют труды Гуго фон Пфольшпундта, которые были найдены всего несколько лет назад. В том, что касается хирургической механики, он внес много практических предложений и изобретений. В случае с заячьей губой он предложил накладывать швы на слизистую поверхность так же, как и на поверхность кожи, после того, как края расщелины были освежены, чтобы их можно было свести вплотную друг к другу и удерживать в совместном положении. Он также предложил использовать постоянное удлинение отягощения при переломах и некоторых травмах суставов. Возможно, его наиболее интересной хирургической разработкой для нас является описание серебряной трубки с фланцами, которая вводилась в кишечник при наличии больших ран или когда кишечник был разорван, концы аккуратно соединялись над трубкой, которой позволялось оставаться на месте. Пфольшпундт сказал, что он часто видел, как использовались эти трубки, и пациент жил много лет после этого. Это ранняя форма того, что в наше время известно как кнопка Мерфи, хотя это было не первое предложение о механическом устройстве, помогающем восстанавливать повреждения кишечника. Один из новейших средневековых хирургов использовал трахею животного в качестве трубки, с помощью которой соединялись поврежденные кишки. Через некоторое время он распался в

выделениях, но оставался нетронутым до тех пор, пока не произошла тщательная склейка кишечника.

Пфольшпундт не был образованным человеком и даже не писал на своем немецком языке правильно, если не сказать изящно. Он был просто практическим приверженцем хирургии, вероятно, даже не регулярно практикующим врачом, и все же его труды показывают, как много он знал о технических деталях, чрезвычайно важных для хирургической практики, которые, как обычно предполагается, имеют гораздо более позднее происхождение. В конце концов, некоторые из наших выдающихся хирургов не были образованными людьми ни в каком смысле этого слова, и иногда возникало ощущение, что избыток информации о том, что было достигнуто непосредственно перед его приходом, иногда удерживал врача, равно как и хирурга, от самостоятельного обдумывания проблем, связанных с практикой, и достижения ценных практических выводов.

Помимо Пфольшпундта, есть по крайней мере еще два немецких хирурга того времени, чьи труды, дошедшие до нас, заслуживают места в истории выдающихся достижений века Колумба. Один из них - Иероним из Брауншвига, чье имя пишется по-разному, а другой - Ганс фон Герсдорф. Брауншви́г, или Брауншвейг, раньше считался старейшим автором по хирургии на немецком языке, пока сравнительно недавно не была обнаружена рукопись Гуго фон Пфольшпундта. Он опубликовал свою книгу "Хирургия" в 1497 году, и за несколько лет она выдержала девять изданий. В ней есть несколько гравюр на дереве, и они, вероятно, помогли ей обрести популярность.

Брауншви́г очень гордился своим призванием хирурга и цитирует то, что Гален, Разес, Абулькассис, Ланфранк и Ги де Шолиак провозгласили качествами, которыми должен обладать хирург, и особо настаивает на том, что он "должен обладать глубокими знаниями и натренированным наблюдением за анатомией, чтобы всякий раз, когда может потребоваться разрезать или прижечь, он должен точно знать, в каких областях это делать, чтобы нанести как можно меньше повреждений, и что он должен быть способен диагностировать заболевания суставов и знать, какие важные органы могут быть повреждены пулевыми или другими ранениями". с оружием и уметь судить об опасности вырубki для его изъятия". Прежде всего, он рекомендует молодому хирургу неизменно вызывать на консультацию старшего и более опытного коллегу или даже двух, если случай очень сложный и у него есть сомнения по этому поводу.

Некоторые детали его техники очень интересны, поскольку показывают, насколько тщательно он продумывал даже незначительные проблемы, связанные с практикой хирургии. Например, он говорит о ранах на лице, что, поскольку "красота лица - это то, что, прежде всего, делает людей красивыми, хирург должен проявлять величайшую осторожность, чтобы на нем не произошло некрасивого соединения, и, насколько это возможно, части тела должны быть сведены вместе и удерживаться на месте, используя как можно более деликатные средства, пока не произойдет заживление".

С другой стороны, он без колебаний обсуждает даже переломы грудной кости и говорит, что если пациент отхаркивает кровь, это плохой признак, поскольку почти наверняка были разорваны какие-то артерии, лежащие под костью. Он предлагает положение, помогающее в коррекции деформации и смещения кости, и упоминает, что некоторые из старых хирургов пытались приподнять ее с помощью больших сухих чашечек. При переломах ребер были даны аналогичные рекомендации, но Брауншви́г придерживался мнения, что они приносили больше вреда, чем пользы. Он рекомендовал бинты, пропитанные белком, или кожу, отлитую в форму детали, и покрыл грудную клетку большим бинтом.

Нет никаких сомнений в том, что он очень хорошо знал книги своих предшественников и что он вдумчиво адаптировал их так, как научил его его сорокалетний опыт. Он начинает свою книгу с посвящения хвале Богу и Своей Матери, не забывая при этом о distinguished магистратах города Страсбурга. В предисловии он говорит, что испытывает искушение написать свою книгу, потому что есть много молодых, неопытных мастеров хирургии, занимающихся лечением ран, которые не понимают этого и, следовательно, наносят большой вред человечеству. Он надеется, что сможет проинструктировать их, а также других людей, которые, живя в небольших городах и деревнях, не имели возможности ознакомиться с практикой хирургии и все же должны быть в состоянии помочь больным и раненым. Картина положения хирурга того времени довольно интересна.

Следующим из немецких хирургов того периода был Ганс фон Герсдорф, практиковавший в Страсбурге. Его хорошо известной работой является "Полевой справочник по хирургии", в котором он делится некоторым опытом долгих лет работы военным и муниципальным врачом. Книга была издана с серией гравюр на дереве, некоторые из них анатомические, но большинство представляют хирургический интерес и выполнены очень хорошо. Его иллюстрация ампутации - первая из когда-либо сделанных на эту тему, и есть много фотографий его инструментов. Нам остается только отметить некоторые из его рассуждений на темы, о которых в его время обычно не задумывались. Он обсуждает ранения печени, особенно такие, которые возникают в результате обширных ранений брюшной полости, и говорит, что если повреждено само вещество печени, то проблема, несомненно, будет смертельной. Если печень не повреждена, но все же появляется в ране, ее следует заменить, а внешние раны зашить. Все его рассуждения о ранах глубоких органов примерно в том же консервативном ключе.

Герсдорфу есть что сказать по поводу контрактур и анкилозов. Когда эти деформации должны быть исправлены, ткани вокруг суставов должны быть размягчены с помощью заделок и втирания старого масла, а контрактуры постепенно устраняются с помощью манипуляций или инструментальных средств. Он изобрел ряд аппаратов для растягивания таких контрактур, и четыре больших рисунка воспроизводят их. Частично они имеют форму брони или шин, расположенных таким образом, что их можно согнуть или выпрямить с помощью винта. Также имеется винтовое устройство для обеспечения растяжения в различных направлениях. Он не очень-то верил в то, что коррекция проводится слишком медленно, поскольку заявляет, что большинство контрактур и анкилозов можно преодолеть за несколько часов.

Обсуждая ампутации, он упоминает использование анестетиков старшими хирургами и цитирует Ги де Шолиака о методе анестезии, применявшемся им, но он считает, что лучшие результаты достигаются без использования такого материала. Сам он никогда не пользовался анестетиками, хотя провел более 100 ампутаций. Возможно, его тевтонский народ лучше переносил боль, чем пациенты латинских стран. Отказ от использования анестетиков очень интересен в настоящее время, поскольку эта практика постепенно исчезла и была забыта. Герсдорф особенно предостерегает от употребления только опиума как средства предотвращения боли, и Шолиак сделал то же самое ранее.

Дух, которым должны были обладать хирурги того времени, очень хорошо иллюстрируется отрывком из Джона Холла, написанным вскоре после окончания столетия Колумба в его "Обращении к историку", на который более подробно ссылаются в главе о медицине. Он сказал: "Поэтому я хотел бы, чтобы все хирурги были обучены, поэтому я хотел бы, чтобы

никто не считал себя обученным иначе, чем главным образом на опыте, ибо обучение в хирургии заключается не только в умозрении и не только в практике, но и в умозрении, хорошо проверенном опытом".

Доктор Холл сочинил серию рифмованных стихотворений, которые должны были помочь молодому хирургу легко вспомнить о своих обязанностях. Прежде всего он настоятельно рекомендовал ему никогда не лечить случай, пока он его не поймет, в случае сомнений обращаться к консультанту и советует ему после консультации утешить пациента, но серьезно поговорить с кем-нибудь из друзей пациента. Прежде всего, чтобы не беспокоить чувства пациента. Среди других превосходных советов он очень настаивает на знании анатомии, и две его рифмованные строфы, касающиеся этого, кажется, стоит процитировать, чтобы показать дух, в котором он писал:

"Он не настоящий хирург,
Который не может искусно показать
природу каждого члена
группы отдельно друг от друга.

Ибо в этой благородной ручной работе
Ничто не превосходит
знание анатомии
, Если оно хорошо усвоено".

Нет необходимости говорить, что в главе такого рода невозможно дать какой-либо формальный отчет о хирургии того времени. Все, что я смог сделать, это указать на то, что в каждой стране Европы хирурги думали самостоятельно, сталкивались с большинством наших современных хирургических проблем и находили неумелые решения. В нашей современной хирургии едва ли найдется хоть один этап - от антисептики и анестезии до технических деталей различного рода, через пластическую хирургию, использование аппаратов, манипуляций и многих видов инструментов, - который нельзя найти в современных учебниках по хирургии. Гурлту в его великой "Истории хирургии" потребовалось около 400 страниц большого тома объемом в октаво, с выдержками, набранными довольно мелким шрифтом, чтобы рассказать историю хирургии века Колумба. Гельферих занимает несколько сотен страниц "Справочника по истории медицины" Пушмана с подробным описанием того, что было сделано хирургами того периода. Развивались специальности, и во все из них был внесен важный вклад. Великий независимый, ищущий характер той эпохи так же примечателен в хирургии, как и в любой другой области интеллектуальной деятельности в наше время.

КНИГА ІІІ

КНИГА СЛОВ

ГЛАВА I

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Латинской литературы, созданной во времена Колумба, или, по крайней мере, книг, написанных на латыни, буквально легион. Редко когда была эпоха большей литературной продуктивности, и во всех областях люди писали на латыни. Это был универсальный язык ученых. Каждый образованный человек понимал его; когда бы он ни писал для образованных людей, он использовал его. Когда ученые, владеющие разными языками, встречались, это был готовый ресурс. Этот обычай начал терять свою силу только в конце века правления Колумба, хотя он получил серьезное потрясение от отказа Парацельса использовать что-либо, кроме народного языка, и был нанесен смертельный удар популяризацией даже теологических дисциплин на народном языке во время движения реформации. Латынь продолжала оставаться средством общения между учеными в течение двух столетий после правления Лютера, но ее использование постепенно сошло на нет в связи с деградацией науки в восемнадцатом веке.

Многие, очевидно, видят только неоспоримую пользу в постепенном вытеснении латыни различными народными языками, но универсальный академический язык имел много преимуществ. Как правило, в то время образованному человеку требовалось знать только один язык, кроме своего собственного. Практическое образование в научных целях, и прежде всего в области права, медицины, философии и теологии, было очень упрощено. Теперь студент, изучающий естественные науки, должен знать, как правило, по крайней мере два языка, помимо своего собственного. В последние годы мы пришли к осознанию необходимости универсального языка, и отсюда последовательные волны интереса к недавно изобретенным языкам. Однако латынь, помимо своей практической полезности в качестве общего языка, вознаграждала изучающего ее, открывая для него ценную литературу, благодаря которой ему стоило потратить время и труд на ее изучение.

Самым плодотворным периодом современной латыни, несомненно, была эпоха Возрождения с 1450 по 1550 год, однако из всей этой латинской письменности века Колумба очень немногое сохранилось в наше время в том смысле, что ее читают ради нее самой. Многие из старых книг выросли в цене, но это происходит главным образом из-за их особого значения в истории конкретной науки или в развитии книгопечатания. Такие книги, как *"Фабрика человеческого тела"* Везалия, стали классикой, с которой должен был ознакомиться каждый ученый, изучающий медицину, хотя по практической ценности они были вытеснены более поздними книгами. Некоторые философские и теологические труды того периода, а также ряд мистических и духовных произведений все еще читаются сами по себе, но, за некоторыми исключениями, такими как работы Томаса Кемпийского и другие, которые мы упомянем, это скорее курьезы, которые вызывают к эрудиции специального студента, чем настоящие живые книги, к которым можно обратиться.

В это время было написано огромное количество латинских стихов. Санназаро, один из самых способных членов Неаполитанской академии, написал стихотворение, сравнимое по размеру с "Энеидой" Вергилия, посвященное "Рождению Христа". Это только один пример. В то время были буквально сотни ученых, которые думали, что, поскольку они могут писать

латинские стихи, в которых не нарушаются правила грамматики и просодии, и, прежде всего, если они могут использовать слова, которые использовались их любимыми латинскими авторами, и удачно повторять выражения Вергилия, Горация и вообще классических поэтов, они создают литературу, по крайней мере, если не поэзию. Люди всегда питали подобные иллюзии, всегда писали то, что представляло интерес только для их собственного времени, и получали удовольствие от занятия ума и предвкушения репутации и славы. Ничего из этой латинской поэзии не сохранилось, и действительно, только очень редкий специалист по латинской литературе, обычно тот, кто посвятил себя латыни эпохи Возрождения, может что-либо знать о ней. Несомненно, кое-что из этого было в высшей степени научным. Также нет сомнений в том, что немалая часть из этого была достаточно поэтического качества. Однако все это носило явно академический характер и ушло в область забытых текстов, которые сейчас содержат такое огромное количество материала.

Вероятно, ничто так ясно не показывает, что писателем, и прежде всего поэтом, рождаются, а не становятся, что именно оригинальность мысли, а не способ выражения делают литературу долговечной, как судьба столь многих произведений этих писателей эпохи Возрождения. С другой стороны, ничто так не иллюстрирует ценность оригинальности мысли помимо стиля, как сохранение в качестве непреходящего влияния на человечество серии книг, в которых стиль был, вероятно, последним, о чем думал автор, а способу выражения в его сознании почти не было места по сравнению с его желанием эффективно излагать свои мысли.

Три книги, которые жили с тех пор и, насколько может предвидеть человеческий разум, будут жить всегда, - это *"Подражание Христу" Томаса Кемписа* "Утопия" сэра Томаса Мора и *"Духовные упражнения" святого Игнатия Лойолы*. Все они были написаны на латыни, потому что именно на этом языке они были бы понятны большинству читателей того времени. Все три автора, вероятно, вообще не думали о языке, который они использовали, за исключением того, что он был удобен для других, поскольку его могли читать люди всех наций, до которых они больше всего хотели достучаться. Все они прямые, простые, даже убедительные в своих способах выражения, но, несомненно, было сделано мало записей и, вероятно, очень мало переписано. Книга Томаса Кемписа, почти без сомнения, вышла из-под его пера точно так же, как его слова исходили из всего сердца на духовных конференциях, которые он давал своим братьям. Вероятно, он никогда и не думал о словесных тонкостях, кроме как о том, чтобы обеспечить как можно более простое выражение переполняющих его идей. "Утопия" написана правильной, но не классической латынью, и весьма вероятно, что Эразм нашел бы в ней много ошибок в употреблении, в то время как чичеронианцы того времени наверняка пришли бы в ужас при одной мысли о необходимости читать на такой латыни и вряд ли смогли бы понять, как кто-то мог написать такие нецицероновские фразы. Как было сказано о Микеланджело, святой Игнатий писал вещи, а не слова, и "Духовные упражнения" - это кладезь мысли, но ни в каком смысле не образец стиля.

Существовал вопрос о том, действительно ли "Подражание Христу" было написано Фомой Кемпийским, но теперь этот вопрос, я думаю, окончательно решен. Все указывает на авторство брата Общей жизни, который родился в маленьком городке Кемпен и около семидесяти лет прожил в монастыре Святой Агнессы, выступая духовным наставником своих братьев, давая им утешение и советы во времена испытаний, всегда направляя их мысли к высшей жизни. В большинстве рукописей много фламандских оборотов, то есть латинских употреблений, которые были распространены в Нидерландах того времени. Утверждалось, что, поскольку они существуют не во всех рукописях, аргумент, основанный

на них, не является абсолютным. Однако преобладающие свидетельства указывают на то, что фламандские копии более близки к оригиналу, а отсутствие этих особых способов выражения в других рукописях лишь указывает на то, что очень многие переписчики того времени, особенно в Италии и Франции, были вполне осведомлены об этих несовершенствах языка и пытались исправить их, исходя из своего лучшего знания латыни. Это лишь показывает, насколько мало стиль книги имел отношения к ее популярности и что именно эта мысль понравилась миру того времени и с тех пор продолжает приносить произведению широкую популярность.

Сам Кемпис родился в четырнадцатом веке, но поскольку он дожил до девяноста лет и умер в 1471 году, более двадцати лет его жизни, в течение которых он был активен и владел своими способностями, прошли в наш период. "Подражание Христу", вероятно, было написано примерно за двадцать лет до начала века Колумба, но не принимало той окончательной формы, в которой мы ее знаем, примерно до начала нашего периода. Таким образом, она имеет право на место среди великих произведений того времени. Я иногда высказывал предположение, что трое мужчин, чьи имена начинаются со звуков **К**, достигли великолепного расширения человеческих знаний в то время. Колумб открыл новый континент, Коперник открыл новую вселенную, а Кемпис открыл удивительный новый мир в собственной душе человека. Он сделал для человека-микромира столько же, сколько Коперник для космоса или Колумб для нашей земли. Были обнажены доселе неисследованные регионы, и было положено начало их картографированию. Однако Кемпис завершил свою работу больше, чем кто-либо из его великих современников. Очень мало было добавлено к тому, что он смог сделать для самораскрытия человека в своей маленькой книге.

ЧИМА ДА КОНЕЛЬЯНО, ХРИСТОС (ДРЕЗДЕН)

Эта работа не сразу приобрела популярность, хотя постепенно ее стали знать и использовать избранные духи во многих местах, и некоторые из величайших людей того времени научились ценить ее. Это очаровательное свидетельство того факта, что сам Кемпис сначала делал, а затем преподавал, что он так мало заботился о репутации, связанной с его работой, что его имя не было напрямую связано с ней, и со временем возникли некоторые сомнения в ее авторстве. "Если ты хочешь знать и учиться с пользой, - сказал он, - пожелай быть неизвестным". Это одна из самых трудных задач, но скромный брат из Обычной жизни, написавший возвышенно красивую книгу, усвоил ее. Он написал и другие книги, более того, вероятно, по меньшей мере дюжину, приписываемых ему на основании достаточно веских доказательств, но при этом сказал: "В общем, нам всем больше нужно молчать, чем говорить, действительно, мало тех, кто слишком медлителен, чтобы говорить". Ни одна из других его книг не сравнится с "Имитацией", но многие из них, такие как "Маленький сад роз" и "Долина лилий", достойны прочтения и демонстрируют многие черты очаровательной простоты, удивительной проницательности и психологической силы, которые обеспечили репутацию его величайшему произведению.

На протяжении всех последующих столетий люди восхищались и восхваляли "Имитацию". Это не было классикой в смысле книги, которую все хвалят и которую читают очень немногие, но, напротив, с тех пор это стало привычным чтением для очень многих избранных духов человечества. Быть любимой книгой сэра Томаса Мора, Боссюэ и Массильона, Лойолы и Беллармина, Джона Уэсли, Сэмюэля Джонсона, Ламартина, Ла Гарпа, Мишле, Лейбница и Вильмена - это действительно знак отличия. Она понравилась не только христианам, поскольку такие люди, как Ренан и Конт, почти в наше время очень высоко оценили ее. Ее читают далеко не только ученые по профессии или те, кто сильно занят духовными вопросами, мы обнаруживаем, что это было любимое чтение генерала Чайна Гордона, генерала Уолсли, покойного императора Фредерика и исследователя Стэнли. Джордж Элиот выражает свою глубокую признательность ему в "Мельнице на флоссе", где она говорит, что "Он и по сей день творит чудеса, превращая горькую воду в сладость". Сэр Джеймс Стивен говорит о ней как о работе, "которая не могла не привлечь внимания и которая понравилась всем душам, доведенным до отчаяния". Покойный лорд Рассел из Киллоуэна всегда носил с собой ее экземпляр и каждый день читал в ней по главе, совсем как Игнатий Лойола три с половиной столетия назад. Частым сюрпризом является контраст между мужчинами, посвятившими себя этому делу. Победоносцев, глава Священного Российского Синода, так долго стоявший за спиной царя, читал в нем каждый день.

Святой Франциск Сальский сказал о "Подражании": "Его автор - Святой Дух". Паскаль сказал о нем: "Ожидаешь увидеть только книгу, а находишь человека". Де Квинси заявил: "После Библии в европейской рекламе и обращении эта книга стала ответом на вздох христианской Европы о свете с небес". Доктор Сэмюэл Джонсон заявил, что "Томас Кемпийский, должно быть, хорошая книга, поскольку мир раскрыл свои объятия, чтобы принять ее". Фраза в ней, которую он повторял чаще всего и которая, очевидно, пришлась ему по душе, звучит так: "Не сердись, что ты не можешь сделать других такими, какими ты хочешь их видеть, поскольку ты не можешь сделать себя таким, каким ты хочешь быть". Мэтью Арнольд, чьи религиозные взгляды, возможно, можно считать предвзятыми, его суждение относительно нее и чье чувство стиля, как можно было бы предположить, сдерживалось отсутствием законченности в языке, назвали "Имитацию" "Самым изысканным документом после Нового Завета из всех, которые когда-либо вдохновлял христианский дух". Что может быть еще более удивительным для некоторых, он даже, не колеблясь, добавил, что "Его моральные предписания равны лучшим, когда-либо изложенным великими учителями морали - Эпиктетом или Марком Аврелием".

Некоторые выражения, использованные по отношению к "Имитации", являются одними из самых хвалебных, которые когда-либо использовались в отношении какой-либо книги. С тех пор они исходят от людей всех мастей, всех поколений, всех наций, и многие из них - одни из самых уважаемых в свое время. Фонтенель объявил "Имитацию" "лучшей книгой, когда-либо вышедшей из-под рук человека". Каро, французский философ, сравнивает ее с другими книгами, известными в том же этическом направлении, только для того, чтобы поставить ее на вершину саму по себе. "Откройте "Имитацию", - говорит он, - после прочтения *"De Officiis"* Цицерона или *"Энхиридиона"* Эпиктета, и вы почувствуете, что мгновенно перенеслись в другой мир". Ламенне заявил, что "Подражание" "сделало больше святых, чем все спорные книги. Чем больше читаешь, тем больше удивляешься. Есть что-то небесное в простоте этой замечательной книги". Анри Мартен, французский историк, заявил: "Эта книга не состарилась и никогда не состарится, потому что она является выражением вечной нежности души. Это было утешением для тысяч - можно сказать, миллионов - душ".

Ламартин в своей "Джослин" (и не следует забывать, что Ламартин был не только поэтом, но и историком и критиком) писал:

"Измученный внутренней борьбой,
я нахожу в "Подражании" новую жизнь -
Книгу неясную, бесчестную, подобную гончарной глине.
Но богат евангельскими истинами, как майскими цветами.
Где сочетаются высочайшая мудрость, человеческая и Божественная,
Мир для измученной души, чтобы говорить".

Ла Гарп, драматург и критик, чей "Курс литературы" так долго был стандартным учебником, находился в тюрьме и, к сожалению, нуждался в утешении, когда начал ценить "Имитацию". Его восхвалению этого почти нет предела, и при таких обстоятельствах действительно следует считать, что похвала исходит от сердца. Он писал: "Никогда ни до, ни после я не испытывал эмоций столь сильных и в то же время столь неожиданно сладостных - слова "Узри, я здесь" непрестанно отдаются эхом в моем сердце, пробуждая его способности и трогая его до самых глубин".

Поэтому неудивительно, что дин Черч говорит об этом: "Ни одна книга человеческого сочинения не была спутницей стольких серьезных часов, не ценилась в самых разных религиозных сообществах, не воодушевляла и не утешала столько разных умов - проповедника, солдата и мыслителя-одиночки - христиан, или даже, может быть, тех, кто неспособен верить". Дин Милман в своей книге "Латинское христианство" заявил, "что эта книга удовлетворяет некую непреодолимую потребность в христианстве человечества, что она придала ему полноту и блаженство, которые не оставляли желать ничего лучшего, ее безграничная популярность - единственное неопровержимое свидетельство". У него даже есть несколько похвальных слов стилю Кемписа: "Стиль - церковная латынь, но совершенство церковной латыни в чистом и продуманном построении". Декан Пламптр, чьи исследования Данте и великих греческих поэтов дали ему столь веское право судить о месте книг в мировой литературе, является одним из почитателей святилища "Подражания". Преподобный доктор Лиддон, великий греческий лексикограф, назвал ее "самым отборным из религиозных произведений, продуктом высочайшего христианского гения и одной из книг, тронувших сердце мира".

Большого, чем это, вряд ли можно сказать ни о какой книге. Был ли когда-нибудь столь гармоничный хор похвал? Исходила ли когда-нибудь похвала от людей, от которых можно было бы больше желать, чтобы их восхваляли? Очевидно, что "Подражание Христу" предназначено для всех людей во все времена. Это поэма нашей общей человеческой природы.

Когда сэр Джон Лаббок включил "Имитацию" в свой список ста лучших книг, некоторые люди выразили удивление. Редактор *"Пэлл Мэлл Газетт"* поинтересовался мнением своих читателей по этому вопросу, и некоторые из самых выдающихся английских церковников, а также многие выдающиеся английские люди публично похвалили его. Архидьякон Фаррар, чьи симпатии к четвертой книге "Подражания", безусловно, были бы очень слабыми и чье неприятие многих католических доктрин, которые а Кемпис благоговейно принимал, возможно, могло бы вызвать у него некоторое предубеждение против нее, писал, что "Если бы все книги в мире были охвачены пламенем, первыми двенадцатью, которые я выхватил бы из пламени, были бы Библия, "Подражание Христу", "Гомер", "Эсхил", "Фукидид", "Тацит", "Вергилий", "Марк Аврелий". "Данте", "Шекспир", "Мильтон" и "Вордсворт". " Люди, с которыми, таким образом, связан Кемпис, являются одними из признанных гениев истории литературы как до, так и после него. Было бы нетрудно составить целую кипу цитат, каждая из которых едва ли менее хвалебна, чем эта из архидьякона Фаррара. Они исходят от самых разных людей, набожных и не набожных, книжных и практичных, духовных и мирских,

людей с большим жизненным опытом, совершивших поступки, которые мир не скоро забудет, и которые, если таковые имеются, имеют право говорить от имени человечества о значении жизни и о том, что любая книга может означать для руководства в этой жизни и утешения в ее испытаниях и трудностях.

Ламартин в своей книге "Entretiens Familiers" назвал ее "поэмой души" и заявил, что в ней "на нескольких страницах изложена практическая философия людей любого климата и всех стран, которые искали, страдали, изучали и молились сквозь слезы с тех пор, как страдала плоть и размышлял разум".

Если воспользоваться его термином, "Имитация" - это буквально великое стихотворение. Это творение и это видение. Поэт - творец и провидец. Чем он великодушнее, тем более способен брать обычные жизненные материалы и создавать из них великую поэзию. Чем великодушнее поэт, тем больше людей он привлекает. Поэт видит переживания человека, а не отдельных людей. То, что видели и чувствовали все, но никто так хорошо не выразил, является темой поэзии. Чем больше читаешь о "Подражании", тем больше осознаешь всю истинность этой характеристики его как поэзии. Если взять отрывки из него в том виде, в каком они были облечены в ритмичные предложения, то ощущение поэзии, заключенное в них, становится очень отчетливым. Например, это из главы XXII третьей книги:

"Почему у одного меньше, у другого больше;
Не нам задавать этот вопрос, а Твоим,
С которыми строго следят за заслугами каждого человека.
А потому, Господь Бог, я считаю великим благословением
не иметь многого, что внешне кажется достойным
Похвалы - как о них судят люди".

Или, если ода - ибо таковой она действительно является - о любви из пятой главы третьей книги будет прочитана вместе с одним из великих припевов греческих трагиков, как, прежде всего, некоторые припевы Софокла в "Антигоне" или "Эдипе в Колоносе", высокое поэтическое качество будет легче уловить:

"Великая вещь - это любовь,
Великое благо во всех отношениях.
Облегчать все ноши,
Нести все неравное,
Нести ношу, не чувствуя ее.
Превращая всю горечь в сладкий привкус.
Благородная любовь Иисуса
Побуждает людей к добрым делам
И побуждает их всегда
желать лучшего.
Любовь будет стремиться ввысь
И не будет задерживаться
земными вещами
, Она будет свободной.

Нет ничего слаще любви,
Ничего сильнее, ничего выше.
Нет ничего полнее, ничего лучше
И приятнее ни на небе, ни на земле.

Ибо любовь рождена от Бога
И не может покоиться
Иначе, как в Нем
Превыше всего сотворенного.
Любовь быстра, искренна.
Благочестива, приятна и восхитительна.
Храбрый, терпеливый, верный,
Осторожный, долготерпеливый, мужественный.
Никогда не ищущий собственного блага;
Ибо там, где человек ищет себя,
Он отпадает от любви".

Следующая по значению книга латинской литературы того времени - "Утопия" сэра Томаса Мора. Мало найдется книг более удивительных по своему окружению. Вероятно, никто никогда так не возвышался над окружающей его социальной атмосферой и не вдыхал разреженный воздух идеальных социальных условий, как Мор в "Утопии". Она была написана под влиянием его первого знакомства с "Республикой" Платона и в результате его бесед с великим французским ученым и другом Эразма Питером Джайлсом, или, как его называют в истории науки, Эгидиусом. Мор обсуждал не только литературные темы, но и применение греческой литературы, которой они оба интересовались, к современной политике Европы и социальным условиям своего времени. Мору еще не исполнилось тридцати лет, но его наблюдательность была на самом высоком уровне, а его жизненные принципы еще не затвердели в общепринятой форме из-за реального соприкосновения со слишком большим количеством трудностей. Не имея еще опыта управления государством и руководствуясь высочайшими идеалами товарищества и бескорыстия, он разработал замечательную схему идеального правления, с помощью которой было бы достигнуто счастье человечества. Он ясно видел все социальные иллюзии и проблемы насквозь и с почти юношеским энтузиазмом предлагал свое решение всех трудностей, которые он видел.

Несомненно, "Утопия" является главным литературным памятником великого гения сэра Томаса Мора. Сэр Сидни Ли в своей книге "Великие англичане шестнадцатого века" (Scribner's, 1904) заявляет, что "это столь же восхитительно по литературной форме, сколь и оригинально по мысли. Это показывает ум, бунтующий в силе отрешенности от чувств и предрассудков, которые преобладали в его личном окружении. В значительной степени эта сила отрешенности была порождена его изучением греческой литературы". Пожалуй, нет большего повода для похвал значению классики в образовании, чем тот факт, что эти люди эпохи Возрождения нашли в греческих книгах не только источник своей литературы, но также своего искусства, архитектуры и даже своей науки, и, прежде всего, им была дана широта ума, позволяющая следовать предложениям, с которыми они сталкивались. Однако не следует забывать, что Мор также находился под глубоким влиянием св. **"О гражданстве божьем"** Августина можно найти очевидные следы этого. Известно, что он читал труд великого латинского отца Церкви и что он очень глубоко восхищался им. Без какой-либо узости или фанатизма, вдохновленный великим трудом Августина, будущий лорд-канцлер Англии нарисовал для своего поколения Христианскую республику Платона.

"Утопия" была опубликована в конце 1516 года в Лувене, в то время, вероятно, самом известном и, несомненно, самом космополитичном центре академического образования в Европе. На данный момент в тамошнем университете обучалось около 5000 студентов, и это был один из крупнейших университетов мира. Новое издание вышло всего четыре месяца спустя в известном парижском издательстве, а в течение года великий ученый-печатник Фробен из Базеля выпустил то, что мы бы сейчас назвали **"роскошным изданием"**, по

предложению и под редакцией Эразма и с иллюстрациями друга Эразма, для которого Мор позже стал таким благотворным покровителем в Англии - Ганса Гольбейна.

Неудивительно слышать, что книга была тепло встречена всеми учеными Европы. Эпитеты, которыми издатели наградили ее на титульном листе: *aureus, saluatis, festivus* - золотая, полезная, оптимистичная книга, - были заимствованы из мнений, высказанных некоторыми из лучших ученых Европы. Эразм громко хвалил ее, она была тепло встречена во Франции, она нашла свое применение повсюду среди ученых Италии, ее читали, хотя и не слишком открыто, в Англии, где были некоторые подозрения в ее критическом отношении к английскому правительству и где своенравие Тюдоров не допускало критического рассмотрения его действий.

Книга была в высшей степени интересной; вероятно, ни до, ни после нее не было романа о **социальных тенденциях**, который вызывал бы такой интерес. Предварительная глава книги, по словам Сиднея Ли, "представляет собой яркое художественное произведение, в котором Дефо не смог бы превзойти себя". Мор рассказывает, как он случайно встретил своего друга-ученого Питера Джайлса на улицах Антверпена за разговором со старым моряком по имени Рафаэль или Ральф Хитлодей. Это имя означает "наблюдатель за мелочами". Мор пользуется нынешним интересом к открытиям Западного континента, делая его моряком, недавно вернувшимся из путешествия в Новый Свет под командованием Америго Веспуччи. Название Америка в честь Америго в то время только набирало популярность, и это добавляло интереса. Ральф был впечатлен благотворными формами правления, которые преобладали в Новом Свете. Он также посетил Англию и заметил там социальное зло, которое требовало скорейшего устранения. Бедные становились все беднее, богатые становились все богаче, деградация масс подтачивала силы страны, неправильные вещи были в почете, и на это намекали, что должна произойти социальная реформа, иначе произойдет социальная революция. Книга содержала бесстрашное разоблачение социального зла, которое в то время было обычным явлением в каждой стране Европы, хотя опыт Мора в Англии был окрашен в большей степени, чем где-либо еще.

С момента выхода книги в свет ее читали представители каждого поколения, серьезно относившегося к своим социальным проблемам. Она не была опубликована в Англии до 1551 года, но была снова переведена на английский епископом Бернетом в форме, которая сделала ее английской классикой. Она содержит такое удивительное предвосхищение стольких предложений по смягчению социального зла, которые сейчас обсуждаются, что я предпочел поместить серию цитат из нее в Приложении, чтобы показать, как мало нового в человеческом мышлении, и, прежде всего, как отзывчивый гений в любое время преуспевает в ясном видении и решении проблем человечества так же хорошо, как и в любое другое время, в полном противоречии с так много обсуждаемой эволюцией, которая, как предполагается, постепенно ставит эти проблемы перед судом человечества и обеспечивает их улучшение. Эта книга достойна того, чтобы быть помещенной рядом с "Республикой" Платона, и в ближайшем будущем ее будут читать больше, чем, вероятно, любое другое произведение подобного характера. В нашем собственном поколении его выпуски были выпущены на всех современных языках, а также несколько изданий на английском. Это одна из непреходящих книг человечества, в которой ученый любой нации не может позволить себе признаться, что не читал, и в которой социальный реформатор когда-либо найдет советы по человеческому возвышению и величайшему счастью для как можно большего числа людей.

Третьей великой книгой латинской литературы столетия является "Духовные упражнения" святого Игнатия. Однако это книга не для чтения, а для того, чтобы ею жить. Это книга,

содержащая материал для размышлений, а не слова, которыми можно манипулировать. С тех пор она оказала глубокое влияние на каждое поколение людей. Если бы с тех пор он не сделал ничего другого, кроме как сформировал всех членов его собственного ордена, этого было бы достаточно, чтобы запечатлеть его как очень великий человеческий документ. Однако с момента своего написания она оказала глубокое влияние на все религиозные ордена, как мужские, так и женские, и в настоящее время является основой почти всех формирующих упражнений, на которых основана современная религиозная жизнь. Несомненно, это работа великого духовного и интеллектуального гения, который прежде всего умел подавлять себя. В нем нет ни одного лишнего слова, и единственная жалоба была на аббревиатуру, выходящую за рамки того, что сделало бы ее легко понятной. Однако те, кто изучил его наиболее глубоко, не обнаруживают никаких трудностей в понимании, хотя и признают невозможность, разве что после многих лет преданности ему, постичь все его драгоценное значение. Это сокращенное руководство по духовной жизни, и удивительно, что человек посвятил его во все возможные недоразумения в его нынешнем виде, но отсутствие в нем слишком больших подробностей делает его еще более ценным и оставляет место для выражения индивидуальности того, кто дает упражнения, которые так необходимы.

Четвертой книгой, заслуживающей места в любом отчете о латинской литературе того периода, является *"Коллоквиумы"* Эразма, **хотя, несомненно, некоторые могли бы потребовать места для "Encomium Moriae"**, у которой, по крайней мере, академическое бессмертие. *"Коллоквиумы"* - это в высшей степени книга для ученых, написанная на изящной латыни, которую Эразм мог так эффективно использовать, и она выдержала множество изданий при его жизни и с тех пор неоднократно переиздавалась. Это была явно книга скорее по стилю, чем по содержанию, и представляющая скорее академический, чем популярный интерес. Ученые во все времена обращались к его страницам за свежестью и информацией и были восхищены его очаровательным стилем и остроумием. Она слишком горькая, чтобы всегда вызывать восхищение, но многие из ее сатирических частей дают превосходное представление, хотя и, несомненно, преувеличенное, если рассматривать его как картину времени, условий образования в данный момент. Ее нечасто переводили, и поэтому, при нашем обычно самодовольном незнании латыни, в наше время она менее известна, чем в любое другое время с момента ее публикации. Его биография по сравнению с тремя другими томами латинской литературы, представленными в этой главе "Его современники", подчеркивает разницу между местом стиля и мысли в мировой литературе. Ученые того периода, несомненно, рассматривали книгу Эразма как настоящий триумф науки, великий вклад в мировую литературу. "Подражание Христу", "Утопия" и "Духовные упражнения" изначально читались не сами по себе, а с определенной целью. Однако они поддерживали активную жизнь, в то время как в большинстве случаев *"Коллоквиумы"* влачили довольно безжизненное академическое существование.

Однако это не умаляет достоинств книги, равно как и других вкладов Эразма в латинскую литературу того времени. Однако латынь была в лучшем случае принятым языком, и вряд ли можно было ожидать проявления в ней врожденного гения. Прозе повезло в высшей степени больше, чем стихам, и именно к первым, а не ко вторым мы обращаемся, чтобы узнать о некоторых выдающихся достижениях того периода в мировой литературе.

ГЛАВА II

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Как я уже говорил во Введении, несмотря на высочайшее величие художественных произведений века Колумба, его картин, скульптуры и архитектуры, литературой того времени не только не пренебрегали, но и занимали место в истории культуры, уступающее лишь Афинам эпохи Перикла. Действительно, долгое время эпоха Льва X, как ее называли, считалась серьезным соперником по своим литературным сокровищам тому чудесному периоду греческого мышления и письменности. Впоследствии литературный мир пережил период преувеличенного критического обесценивания его. Однако в последние годы, более того, за последние полвека, наметилась растущая тенденция восстановить прежнее понимание литературы этого периода и высоко ценить ее.

В это время в каждой стране Европы были написаны книги, которые не только никогда не умрут, но и являются частью привычного чтения ученых, по крайней мере, всех времен. Не то чтобы в этой литературе было мало популярных элементов, но ее ученость сделала ее особой любимицей, и в то время было написано немало книг, о которых никто, хоть сколько-нибудь претендующий на образованность, охотно признался бы в незнании. Ариосто, Макиавелли, Рабле, Вийон, сэр Томас Мор, Эразм, Святая Тереза, Маргарита Наваррская и "Плеяды", а также собрание английских молитвенников - все они имеют непреходящее значение в сфере мировой литературы, что привело к появлению их изданий и переводов на все культурные языки даже в нашем поколении более чем через четыре столетия после их первоначального создания.

ТИЦИАН, АРИОСТО

Итальянская литература начала века особенно богата. Было бы совершенно невозможно дать этому сколько-нибудь адекватное объяснение в отдельной главе, поскольку речь идет о периоде Возрождения, а литература итальянского Возрождения рассматривалась во многих томах. Самым важным из писателей, несомненно, является Ариосто, которого гораздо больше ценил его собственный народ, чем другие страны, хотя во времена глубокого интереса к литературе он всегда оказывал глубокое влияние на писателей за пределами Италии. Сэйтсбери в "Раннем Возрождении" суммировал свои лучшие качества в нескольких предложениях, которые, учитывая расстояние во времени, месте и темпераменте, разделяющие поэта и критика, вполне могут быть восприняты как высшая похвала. Ариосто, по его словам, "почти, если не совсем, высший во многих отношениях. Можно также сказать, что он никогда не терпит неудачу и что эта свобода от неудач объясняется не прирученной безупречностью или трусливым отказом от самых трудных попыток - что это будет нелегко, - но мы должны поставить его на самое низкое место, чуть ниже самого великого из всех. Я считаю, что на такое место он имеет право даже с точки зрения тех, кто отказывается от исторической оценки или по крайней мере признает это с неохотой. Было сказано, что как Рабле он представляет величайшую литературу своего времени, наиболее полно проникнутую внелитературными, а также литературными особенностями того времени; и можно добавить не только то, что немногие времена были

представлены так тщательно, но и то, что немногие когда-либо так тщательно поддавались репрезентации".

С, возможно, почти простительным энтузиазмом соотечественника, учитывая его действительно большие заслуги как поэта, его называли итальянским Гомером, а его великое произведение, *"Орландо Фуриозо"*, называли "самой красивой, разнообразной и замечательной романтической поэмой, которой может похвастаться мировая литература". В нем с очаровательным искусством сплетены два великих романтических цикла о Карле Великом и Артуре. Это поэтический апофеоз рыцарства, написанный с поразительным совершенством стиля и обретающий форму, а также с изумительным разнообразием происшествий. Хотя великая поэма была любимицей скорее итальянцев, чем иностранцев, когда понимаешь, насколько глубоко культурными были итальянские читатели, как правило, на протяжении всех столетий со времен Ариосто, вполне вероятно, что ему нельзя было воздать большего комплимента, чем эта преданность его соотечественников. Однако "Орландо" не остался без чести в зарубежных странах, среди тех, чьим мнением следует дорожить больше всего. Это отбрасывало в тень бесчисленные поэтические романы, которые были написаны в течение предыдущего столетия. Ни одна из многочисленных имитаций, которые она вызвала, не подходила к ней ни по красоте формы, ни по стилю, ни по глубокому человеческому интересу. Ариосто прежде всего знал человеческое сердце и превосходно владел пафосом. Он особенно способен заставить невозможное или невероятное казаться разумным. Теперь, по прошествии четырех столетий, мы знаем, что он из всех времен и принадлежит культуре всех веков.

Современные читатели, не знакомые с произведениями прошлого, часто склонны думать, что интересы авторов прошлого сильно отличались от интересов современного человечества и что, как следствие, чтение их, несомненно, было бы очень скучным занятием. Даже небольшое прочтение Ариосто показало бы, насколько в высшей степени человечен классический писатель на все времена и насколько буквально то, что он часто является комментарием в утренней газете. Одно или два сравнения Ариосто, которые показывают его интерес к человечеству и к жизни вокруг него, послужат иллюстрацией этого. Его наблюдение за детьми столь же близко, как и у Данте:

Подобно ребенку, который откладывает плод,
когда он созрел, а потом забывает, где он хранится,
Если случится так, что спустя много дней
его шаг вернется туда, где находится его сокровище.
Он удивляется, видя его в упадке.
Прогнивший и испорченный, и богатство так и хлынуло рекой;
И то, что он любил в старину с острым наслаждением,
Он ненавидит, презирает, отвращается и отбрасывает назло".

Подобно Данте, он тоже наблюдал за животными и особенно обращал внимание на повадки собак.

"И когда мы видим, как две собаки вступают в бой,
движимые то ли завистью, то ли другой ненавистью,
Приближающиеся точить зубы, но еще не вступающие в бой.
С косыми глазами, красными, как угли в каминной решетке,
Затем они начинают кусаться, пылая яростью.
С горькими криками и ликующими от злобы спинами, Так пришли с мечами, криками и множеством насмешек
рыцарь Черкесии и он из Кьярамона".

Другие поэмы Ариосто, помимо его Эпоса, имеют второстепенное значение. Он написал серию сатир, которые представляют собой скорее болтливые эссе на литературные и личные темы в стихах, чем сатиры в нашем смысле этого слова. Прежде всего, Ариосто добродушно относился к собственным разочарованиям в жизни, и его оптимизм в чем-то напоминал Сервантеса. Гарнетт в своей "Истории итальянской литературы" (стр. 151) говорит: "Его лирические произведения ничем не примечательны, за исключением одного впечатляющего сонета, в котором он, кажется, выражает раскаяние в неправильностях своей жизни:

"Как могу я надеяться, что Ты на небесах услышишь,
о Божественный Господь, мою бесплодную молитву к Тебе,
Если за всей болтовней языка Ты видишь
, Что все же сердцу дорога сеть?
Раздели это Ты, кто все видит так ясно,
И не обращай внимания на непреклонность упрямой воли.
И это соверши Ты, прежде чем, чреватый мной,
Харон поведет в Тартар свою лодку.
Обиталищем зла, которое застилает Твой свет.
И чувственный соблазн, и пройденные по ошибке пути.
Я больше не отличаю Зло от добра.
Руфь для хрупкой души, покорной розге,
Может тронуть смертную; вопреки ей самой
тащить ее на небеса - это дело Божье".

В Италии ***сакре rappрезентациони***, как назывались пьесы о чудесах и мистериях, имел особый период развития, хотя и не такой, как в Англии, и хороших образцов их для нас не сохранилось. Однако у нас есть свидетельства их влияния в том факте, что некоторые ученые поэты того времени писали пьесы, основанные на мифах древней олимпийской религии, по образцу некоторых из этих мистерий. "***Орфей***" Политиана, пожалуй, лучший пример этого. Это было немногим лучше, чем импровизация, сочиненная за короткий двухдневный срок в Мантуе по случаю визита кардинала Франческо Гонзаги в его родной город в 1472 году, но она знаменует собой эпоху в эволюции итальянской поэзии. Аддингтон Саймондс даже зашел так далеко, что сказал, что "это самый ранний образец светской драмы, содержащий в пределах своих коротких сцен зародыш оперы, трагедии и пасторальной пьесы". В нем были фрагменты, которые нужно было не только произносить, но и петь, и есть эпизоды из ***римской терцы***, мадригалов, карнавальной песни, Баллады, а также хоровые отрывки, которые явно являются оперными. После того, как Орфей нарушил закон, согласно которому он не должен смотреть на свою жену, пока они не достигнут высшего мира, его жалоба носит лирический характер, в ней есть что-то от греческой хоровой оды. Аддингтон Саймондс в своих "Очерках и этюдах по Южной Европе" перевел отрывки так, чтобы дать отличное представление о персонаже пьесы:

"Кто установил законы Любви?
Неужели
не будет ли проявлена жалость к одному короткому взгляду, столь полному любви?"
Поскольку у меня отняли небеса,
Поскольку вся моя великая радость превратилась в боль,
я вернусь и снова буду умолять Смерть!

ТИСИФОНА

Нет, не пытайся повернуть назад!
Напрасен твой плач, напрасны все твои слова.
Эвридика не может жаловаться
ни на что, кроме тебя, хотя ее горе велико.
Тщетны твои стихи против голоса судьбы!
Как тщетна твоя песня! Ибо смерть сурова!
Не пытайся идти по обратному пути: ноги твои останавливаются!
Законы бездны неизменны и незыблемы".

Аддингтон Саймондс привел ряд примеров популярной итальянской поэзии эпохи Возрождения [Сноска 44], которые очень хорошо демонстрируют качества этого направления литературы и, прежде всего, иллюстрируют, насколько оно похоже по своему характеру на более легкие формы стиха во все времена, и особенно на наш собственный. Политиан, великий ученый, чьи знания заполнили лекционные залы Флоренции студентами всех наций и чьи критические и риторические работы ознаменовали эпоху в истории науки, был способен временами разгибаться и писать *ballate*, как их называли, хотя они сильно отличались от наших баллад, которые должны были исполняться во время танцев на площадях летними вечерами. Строфы из некоторых из них помогут показать их характер. Например, последняя строфа его Майской баллады посвящена старой как мир теме: "Собирайте бутоны роз, пока можете".

"Я отправился бродить, девушки, в один прекрасный день.
В зеленом саду в середине мая.

Когда полная роза покидает свою нежную оболочку.
Когда она самая милая и прекрасная на вид.
Тогда самое время возложить на нее твой венок,
Прежде чем исчезнут ее красота и свежесть.
Поэтому собирайте розы с великим ликованием.
Милые девушки, пока не истаял их аромат.

Я отправился бродить, девушки, в один погожий день,
По зеленому саду в середине мая".

[Сноска 44: "Очерки и этюды в Южной Европе", Нью-Йорк, 1880 г.]

Многие итальянские ученые того периода уделяли время написанию баллад, и часто цитируется одна из них, приписываемая Лоренцо деи Медичи. В нем слово *signore*, что означает господин, используется вместо имени дамы, потому что она является повелительницей души певца.

"Как я могу петь беззаботно и без фантазий
, Когда мой возлюбленный господин больше не улыбается мне?

Одно-единственное утешение успокаивает отчаяние моего сердца.
И эта печаль немного приободряет мою душу;
Моему господину я всегда честно
служил верой и правдой, незапятнанно чисто;

Если тогда я умру таким невиновным, на моих носилках,
Возможно, она прольет одну слезу обо мне.
Как я могу петь беззаботно и без фантазий
, Когда мой любимый господин больше не улыбается мне?"

Эти баллады часто были посвящены языческой теме "хватай жизненные возможности, пока можешь" - популярному выражению эпохи Возрождения, отголоску "*Carpe diem*" Горация, "лови день", которое римлянин позаимствовал у своих греческих образцов. Однако время от времени в карнавальных песнях, написанных для исполнения во время гуляний во время Карнавала, звучит более серьезная нотка, и удивительно, что такая мысль подчеркивается. Одна из самых известных карнавальных песен приписывается Лоренцо Медичи:

"Прекрасна молодость и лишена печали;
Но она ежечасно улечивается.
Юноши и девушки, наслаждайтесь сегодняшним днем;
Вы ничего не знаете о завтрашнем дне.

Мидас идет более утомительным путем:
Все, к чему он прикасается, превращается в золото:
Если нет вкуса удовольствия,
Какой смысл в несметном богатстве?

Что за радость таится в его пальцах,
Когда он вынужден жаждать "да"?
Юноши и девушки, наслаждайтесь сегодняшним днем;
Вы ничего не знаете о завтрашнем дне".

ПАЛЬМА ВЕККЬО, ПОЭТ (ИНОГДА НАЗЫВАЕМЫЙ АРИОСТО)

После смерти Лоренцо одна из этих карнавальных песен, написанная Антонио Аламани, чтобы выразить скорбь его народа по нему, была исполнена людьми в масках скелетов, которые ехали на машине смерти, и музыка к ней была похожа на марш смерти. В качестве контраста с менее серьезными песнями стоит процитировать:

"Печаль, слезы и раскаяние
- это наша обреченность на страдания, ибо да:
У этого мертвого сборища, проезжающего мимо,
Нет крика, кроме раскаяния!
Таковыми, какие вы есть, когда-то были и мы.:
Вы будете такими же, как сейчас мы:
Мы мертвецы, как вы видите:
Мы увидим вас мертвецами там, где
нет смысла проявлять большую осторожность.
После грехов, покаяния.

Мы тоже на карнавале
Пели наши песни о любви по всему городу

Так от греха к греху мы все
Слома Голову, не обращая внимания, падали вниз; -
Теперь мы плачем, мир вокруг.
Покаяние! о, покаяние!

Бессмысленные, слепые и упрямые глупцы!
Время крадет все, пока оно скачет:
почести, слава, государства и школы
Проходят, и ничто не остается;
Пока наш труп не скроется в могиле.
И вынуждает к этому раскаяние".

Как ни странно, итальянская проза века Колумба имела более широкую популярность и влияние, чем ее поэзия. Два литературных источника в прозе вытекли из Италии - художественная литература и история. Величайшим из современных писателей-историков, несомненно, является Макиавелли. Его имя было настолько обесчещено из-за доктрин, которые, как считается, он выдвинул, что очень немногие люди осознают, каким глубоким исследователем человеческой природы он был и насколько глубокой была его философия. Его знаменитая книга, "*Il Principe*" (Принц), была написана через десять лет после смерти Колумба и сразу же привлекла широкое внимание. Эта великая политическая монография представляет собой спокойный анализ различных методов, с помощью которых амбициозный, бессовестный человек может подняться к суверенной власти. Обычно предполагается, что это изложение его собственной абсолютно беспринципной философии. На самом деле, это такой же урок политики для всего мира, и хотя его мог бы добросовестно изучить человек, который хотел узурпировать суверенную власть в свободном государстве, он содержит ряд уроков, которые тот, кто руководит, может прочитать, чтобы все граждане знали, как именно может быть вызвано крушение их свобод. Вероятно, никогда еще не было такого вклада в политическую философию, который привлек бы столько внимания. Это одна из немногих книг, которую серьезные политики всех стран и почти каждого поколения со времен Макиавелли сочли достойной прочтения. На самом деле, он настолько высоко ценится как человеческий документ, что признание в незнании его любым, кто утверждает, что он образован, считается почти серьезным недостатком в науке.

После серии рассуждений о Ливии Макиавелли было поручено написать историю Флоренции. Это первая попытка в какой-либо литературе проследить политическую жизнь народа, показывающая все действующие на него силы и вытекающие из них последствия. Он помещает портрет Флоренции на фоне очень яркой группы картин, взятых из итальянской истории. По необходимости, поскольку он был нанят по их предложению для этой цели, Медичи получили место первого ранга и очень большую известность. Однако это было не просто подобоострастие, а очень правильная оценка роли, которую сыграл этот дом в судьбе Флоренции. Он вкладывает в уста своих исторических персонажей речи в манере Ливия и Фукидида, и некоторые из этих речей являются шедеврами итальянского ораторского искусства. Его стиль энергичен и лишен какой-либо мысли об украшательстве, основанный только на стремлении выразить свой смысл полностью и убедительно. Позже он написал пьесу, которую Джон Аддингтон Саймондс, английский критик, чье глубокое знание итальянской литературы придает его мнению большой вес, без колебаний назвал "самой зрелой и мощной пьесой на итальянском языке". Могут быть разные мнения относительно места Макиавелли в философии, и прежде всего в этике, но не может быть никаких сомнений в его гениальности как историка и писателя, как глубокого

исследователя людей и их путей и одного из величайших вкладчиков в политическую философию.

Мы привыкли сбрасывать со счетов все, что было сказано в ущерб личному характеру Макиавелли, хотя не следует забывать, что даже в прежние времена были люди, которые понимали, что его книга была эссе по политической философии, сделавшим замечательное откровение, а ни в коем случае не исповедью личных мнений. Было сказано, что мы обязаны появлением выражения "Старый Ник", привычно используемого для обозначения дьявола, тому факту, что первое имя Макиавелли было Николас. Сэм Батлер давным-давно написал:

- Ник Макиавелли ни разу не хитрил,
Хотя и назвал свое имя нашему старому Нику.

В наше время некоторые из людей, чьи обширные знания и богатый опыт наилучшим образом позволили им выразить мнение о Макиавелли, наиболее решительно высказывались о его характере и влиянии. Прежде всего, они настаивали на непреходящем характере его работ и на том факте, что они апеллируют к существенному в человеческой природе, а не к преходящим увлечениям какого-то отдельного поколения. Два таких разных по интеллектуальной подготовке человека, как Джон Морли и лорд Эктон, согласны в этом так, как они не могли бы согласиться в большинстве других вещей. Морли сказал, что "Макиавелли был современником любой эпохи и гражданином любой страны". Лорд Эктон сказал, что он "не исчезающий тип, а оказывающий постоянное и современное влияние".

Помимо романа, который мы цитируем далее в этой главе, и своих политических и исторических трудов, Макиавелли написал серию пьес и стихотворений, представляющих высокую литературную ценность. Гарнетт в своей "Итальянской литературе" говорит, что "он подошел ближе, чем кто-либо из современников, за исключением Леонардо да Винчи, к утверждению себя универсальным гением. Ни один человек его времени не стоит выше интеллектуально, и его недостаток морального возвышения в значительной степени компенсируется его обильной одаренностью единственной добродетелью, в которой особенно нуждался итальянец его времени, но которой были лишены слишком многие итальянцы, - патриотизмом".

Другим великим современником Колумба среди итальянских писателей был итальянский историк Гвиччардини (1483-1540). В отличие от большинства великих историков, он был человеком дела. Когда ему не исполнилось и двадцати, его отправили флорентийским послом к королю Испании, а в двадцать с небольшим лет, при папе Льве X, он управлял Моденой и Реджо с таким талантом, который привлек к нему широкое внимание. Он был генерал-лейтенантом Антиимперской армии в 1527 году, позже был одним из Восьми во Флоренции, а с 1531 по 1534 год правил Болоньей в качестве папского вице-легата. Он очень подробно рассказывает историю Италии с 1492 по 1534 год. Он пишет как очевидец, который сам был замечен в большинстве описываемых им сцен. Массе материала не позволено заслонять картину в целом, и произведение имеет неоспоримую литературную ценность. Вероятно, никогда в мировой истории такое описание событий не исходило от человека, который сам был одним из самых выдающихся действующих лиц в них. Его работа была объявлена "величайшим историческим трудом, появившимся с начала современной эпохи" ("Британская энциклопедия").

Примерно в середине девятнадцатого века публике были представлены до сих пор неопубликованные работы Гвиччардини в десяти томах, которые пролили чудесный свет на самого историка. Его **"Ricordi Politici"** заслуживают того, чтобы их поставили рядом с

"Принцем" Макиавелли, и, прочитав их, легко понять, что Гвиччардини считал своего друга Макиавелли в некотором роде "любезным визионером или политическим энтузиастом". Вероятно, никогда еще не существовало набора человеческих документов, которые так хорошо освещали высоты и глубины человечества, как эти труды эпохи Возрождения. Читать Макиавелли, **"Рикорди" Гвиччардини**, "Автобиографию" Бенвенуто Челлини и Рабле - значит видеть противоречия, присущие этому микрокосмическому человеку, лучше, чем это возможно каким-либо другим способом. Если мы только добавим Монтень, который получил образование в нашем веке, картина будет полной. Эти люди эпохи Возрождения ясно и глубоко видели человечество через призму самих себя. Гвиччардини, лишенный страсти, равно как и высоких моральных стандартов в личной жизни, в высшей степени лояльный своим покровителям во все времена, вплоть до отправления правосудия, и, несомненно, способный, обладает всем, что обычно вызывает восхищение, если не уважение людей, и все же никто не может читать его "Воспоминания", не испытывая глубочайшего отвращения к его цинизму, эгоизму и недоверию к людям. Ранке поставил под сомнение его добросовестность как историка, и его прежняя репутация исчезла. Именно этот контраст, проявленный в его произведениях, делает работы Гвиччардини столь же ценным вкладом в историю человечества, как и многие шедевры его современников.

Одним из писателей того времени, которого нельзя упускать из виду, хотя его заслуги не всегда признавались, является Вазари, чья "Жизнь художников" интересовала каждое поколение в каждой стране, которые много занимались великими художниками. Сам будучи художником, живя в близких отношениях со многими людьми, чьи жизни он зарисовывал, собирая анекдоты о них и спасая от забвения многие личные черты, которые в противном случае были бы потеряны для потомков, Вазари преуспел в создании чрезвычайно ценной и интересной книги. Некоторые из его анекдотов были дискредитированы, и он часто был открыт для критики за отсутствие критической проницательности при подборе материалов, но его трудолюбие, его понимание того, что могло представлять интерес, и его неустанные усилия сделать свой очерк как можно более полным заслуживают признания, которое они получили. Хотя его стиль, по-видимому, в высшей степени бесхитростен, он обладает, как сказал Гарнетт, "либо наукой, либо мастерством удачной композиции в экстраординарной степени". Не следует забывать, что это кажущееся отсутствие искусства часто является высшим искусством, и поэтому неудивительно, что о Вазари говорят как о Геродоте искусства. О его хорошем вкусе как в искусстве, так и в литературе свидетельствует его восхищение первыми плодами ранней тосканской школы, которыми в его время пренебрегали. Он был одним из самых добродушных, обаятельных мужчин того времени, у которого появилось много друзей.

Самым популярным и интересным этапом литературы эпохи Возрождения и века Колумба для нашего времени, несомненно, является художественная литература, которая была написана так обильно и так широко читалась в этот период. Всякий раз, когда большое количество людей проявляет интерес к чтению, со временем им предлагается все более и более поверхностное чтение, пока, наконец, в моду не войдет самое тривиальное повествование. Такое случалось несколько раз в мировой истории. Это можно проследить в Риме с упадком, в восточных странах, как это ясно показывает издание "Тысячи и одной ночи" Бертона, и в наше время, а также в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Другим интересным развитием событий является тенденция к тому, что художественная литература, популярная среди лучших и предположительно более образованных классов, постепенно все больше и больше сосредоточивается на сексуальных проблемах и сексуальных вопросах всех видов. Это происходит всякий раз, когда у многих есть досуг и

небольшое образование. Это довольно заметно в период Возрождения, хотя было написано очень много хороших историй превосходного литературного качества без какого-либо намека на это.

Написание романов в Италии началось с Боккаччо в четырнадцатом веке и продолжилось Саккетти и Джованни Фиорентино. Однако примерно в середине пятнадцатого века такой способ письма вошел в моду, и количество романов, хотя, конечно, под словом *novelle* итальянцы подразумевали короткий рассказ, почти неисчерпаемо. Очень многие из них были утрачены, но очень большое количество сохранилось. Первым из писателей того времени был Массуччо Салернитано, который процветал во второй половине пятнадцатого века и умер ближе к его концу. Дони сказал о нем: "Да здравствует тогда имя Салернитано, который, пренебрегая заимствованием даже единого слова у Боккаччо, создал произведение, которое он по праву может считать своим собственным". Именно ему мы обязаны первой формой того, что впоследствии стало "Ромео и Джульеттой". Массуччо был реалистом и призывал "Небеса в свидетели, что все его рассказы являются правдивым повествованием о событиях, происходивших в его время". Сохранилось по меньшей мере пятьдесят его романов.

Часто эти авторы романов не пытались заниматься каким-либо другим видом литературы и действительно нередко не были учеными ни в каком смысле этого слова, но следующий из итальянских романистов того времени, Савадино дельи Ариенти, был опытным ученым и историком. Его соотечественники до сих пор считают очень ценной историю его родного города Болоньи. Он назвал свои рассказы "Порретане", потому что заявил, что они были прочитаны в банях Поррето, которые были любимым летним курортом и местом общественных развлечений болонцев. Предполагалось, что их изложение займет примерно то же место, что сейчас занимают движущиеся картины. Для контраста здесь представлено множество забавных приключений, остроумных историй, любовных романов, а иногда и трагических происшествий. Помимо своих романов и своей истории, Ариенте написал рассказ о знаменитых дамах, *Делле Донн Клэр*, посвященный Джунипере Сфорца Бентивольо, который очень ясно показывает, как женщины эпохи Возрождения, какими мы их знаем, были оценены их современниками-мужчинами в самом начале века Колумба.

После Савадино идет Луиджи да Порту. Искалеченный ранением в раннем возрасте, он ушел из армии в литературу и стал другом многих ученых того времени, особенно кардинала Бембо и членов семьи Гонзага. Ему мы обязаны "Джульеттой" в ее лучшем и чистейшем виде. Это единственная история, которую мы получили от него, но в то время она завоевала всемирную известность и никогда не теряла своего интереса для человечества. За Порто последовал Леонардо Илличини, еще один автор единственного романа, который сохранился и выдержал несколько изданий. Илличини, или Лицинио, как иногда называют его имя, был врачом, некоторое время придворным врачом герцога Миланского, впоследствии профессором медицины в Ферраре и одним из выдающихся философов того времени. Говорят, что в каждом человеке есть один хороший рассказ, если только у него есть время и энергия, чтобы написать его, и Илличини написал свой и привлек внимание своих выдающихся друзей и современников благородством и красотой чувств, которые он вложил в него и которые делают его исключительным из обычного направления итальянских романов.

Как и Илличини, Макиавелли, историк и политический философ, взял на себя смелость написать роман, который мало кто читал, но в котором присутствует определенное преувеличение социальной сатиры, что довольно тесно связывает его с нашим временем. Эта история действительно представляет собой любопытную, постоянно повторяющуюся

фазу отношения, которое мужчины привыкли - исключительно в шутку - принимать к браку. Согласно этой истории, дьяволы были очень обеспокоены тем фактом, что большинство женатых мужчин, попавших в ад, винили в своем приходе своих жен. В аду было достаточно хорошо до тех пор, пока люди были готовы признать, что они были наказаны заслуженно, но общество там стало очень неудобным в этом новом устройении. Дьяволы решили послать одного из своих людей на землю, чтобы узнать об этом. Бельфагору, одному из павших Архангелов, принявшему тело красивого тридцатилетнего мужчины с большим состоянием, поручено жениться и прожить с женой десять лет. Он без труда нашел невесту, "вскоре привлек к себе внимание многих знатных горожан, благословленных большими семьями дочерей и небольшими доходами. Первая из них вскоре была предложена ему, и Бельфагор выбрал очень красивую девушку по имени Онеста." Имя, означающее чистоту, очевидно, выбрано Макиавелли с определенной целью, ибо, хотя жена чиста, как ангел, в ней есть нечто большее, чем гордыня Люцифера.

Хорошее представление о том, как развивается история, можно получить, только процитировав отрывок из перевода романа:

Он недолго наслаждался обществом своей возлюбленной Онесты, прежде чем нежно привязался к ней и не мог видеть, как она испытывает ни малейшее беспокойство или досаду. Теперь, наряду с другими своими дарами красоты и благородства, эта дама принесла в дом Родриго такую невыносимую долю гордыни, что в этом отношении сам Люцифер не мог сравниться с ней, ибо ее муж, испытавший на себе воздействие того и другого, без труда мог решить, какой из них самый невыносимый. И все же стало бесконечно хуже, когда она обнаружила степень привязанности Родриго к ней, которой она воспользовалась, чтобы добиться власти над ним и править им железным прутком. Не удовлетворившись этим, когда она поняла, что он это вынесет, она продолжала досаждала ему всевозможными оскорблениями и колкостями таким образом, чтобы причинять ему самую неопишемую боль и беспокойство. Благодаря влиянию ее отца, братьев, друзей и родственников, супружескому долгу и любви, которую он питал к ней, он некоторое время терпел все это с терпением святого. Было бы бесполезно перечислять безумства и экстравагантности, на которые он впадал, чтобы удовлетворить ее вкус к одежде и каждому предмету новейшей моды, которыми так изобилует наш город, столь изменчивый по своей природе, в соответствии с его обычаями. Однако, чтобы жить с ней в непринужденных отношениях, он был вынужден делать нечто большее; он должен был помочь своему тестю распределить обязанности между другими его дочерьми; и затем она попросила его снабдить одного из ее братьев товарами для отплытия в Левант, другого шелками для отправки на Запад, в то время как третий должен был устроиться в золотодобывающей лавке во Флоренции. На такие предметы вскоре была потрачена большая часть его состояния. Наконец, наступил сезон карнавалов; предстояло праздновать праздник Святого Иоанна, и весь город, как обычно, был в брожении. Многие знатнейшие семьи были готовы соперничать друг с другом в великолепии своих приемов, и леди Онеста, решив не затмевать себя знакомством, настояла, чтобы Родриго превзошел их всех в богатстве их пиршеств. По вышеуказанной причине он подчинился ее воле; и, более того, он не постеснялся бы сделать гораздо больше, как бы трудно это ни было, если бы мог льстить себя надеждой сохранить мир и уют в своем доме и спокойно ожидать завершения своего разорения. Но это было не так, поскольку высокомерный нрав его жены из-за долгого попустительства вырос до такой степени резкости, что он был в растерянности, как поступить. Его слуги, мужчины и женщины, больше не оставались в доме, будучи неспособными сколько-нибудь долго поддерживать ту невыносимую жизнь, которую они вели. Неудобства, которые он испытывал из-за того, что у него не было никого, кому он мог бы доверить свои дела, невозможно выразить словами.

Даже его собственные знакомые дьяволы, которых он привел с собой, уже покинули его, предпочтя вернуться вниз, чем дольше подчиняться тирании его жены. Предоставленный, таким образом, самому себе, среди своей бурной и несчастливой жизни, и растративший все наличные деньги, которыми он располагал, он был вынужден жить надеждами на прибыль, ожидаемую от его предприятий на Востоке и Западе. Все еще имея хороший кредит, он, чтобы поддержать свой ранг, прибегал к переводным векселям; и вскоре из-за того, что счета работали против него, он оказался в той же ситуации, что и многие другие несчастные спекулянты на рынке. Как раз в тот момент, когда его дело стало чрезвычайно щекотливым, как с Востока, так и с Запада пришло внезапное известие, что один из братьев его жены растратил всю прибыль Родриго на игру, и что, пока другой возвращался с богатым грузом незастрахованным, его корабль, к несчастью, потерпел крушение, а он сам пропал."

Бельфагор бежал и, сильно пострадав от своих преследователей, наконец сбегает, и в конце романа довольно хорошо проводит время при дворе короля Франции, где он вступил во владение дочерью короля и привлекает к себе пристальное внимание друзей, родственников, придворных, врачей и духовенства действиями, которые он заставляет ее совершать. Итальянец, которому Бельфагор доверил свою тайну, предстает перед Судом и узнает о деятельности конкретного дьявола. Он пытается убедить Бельфагора оставить свою жертву, но демон категорически отказывается. Наконец итальянец, застав Бельфагора врасплох, кричит, что его жена идет за ним. С воплем бедняга бросает свою жертву и радуется, что нашел дорогу обратно в ад.

В первой половине шестнадцатого века появился целый ряд итальянских романистов, каждый из которых написал множество романов. Одним из самых ранних из них является Фиренцуола, который, как говорят, был монахом и ученым, поскольку среди его собраний сочинений есть перевод "Золотого осла" Апулея, трактаты о животных, две комедии, а также критические и литературные работы другого рода. После него пришел Чинтио, написавший "Гекатомити, или Сто басен". Он был очень плодовитым писателем, возможно, самым популярным в свое время, с тех пор у него периодически возникали периоды популярности. Его похвалы были воспеты почти всеми учеными того периода. Его почерк был ярким, но смелым, и стиль показывает начало того вырождения, вызванного чрезмерным стремлением сделать его научным, что так часто характерно для периода, когда гениальность уступает место простому таланту. Один из его рассказов послужил основой для шекспировской "Трагедии Отелло", и это обеспечило Чинтио место среди комментаторов Шекспира. Другим итальянским романистом, память о котором часто обновлялась по аналогичной причине, был Маттео Банделло, о котором часто говорят как о лучшем с литературной точки зрения, поскольку он является самым объемным из итальянских романистов того периода. Он почти единственный из них, помимо Боккаччо, известный за пределами Италии, и хотя он был священником, а затем епископом, его рассказы столь же аморальны, как и рассказы других романистов того времени.

Действительно, наиболее важной характеристикой всего этого романного творчества в Италии является то, что большинство историй были совершенно лишены моральных качеств, многие из них были распущенными, а некоторые из них привлекали главным образом благодаря любви к описаниям жестокости, к которой человечество, по-видимому, всегда привлекало. В наше время соответствующим чтением является ежедневная газета. Истории о преступлениях и жестокости вчерашнего дня, которые рассказываются каждое утро, примерно равны средней продолжительности этих **новелл**, написанных итальянскими романистами эпохи Возрождения. На них такой же спрос, и о них так же много говорят. По литературному качеству романы бесконечно выше наших современных газетных статей. Самое интересное в этих романах о непристойности и жестокости то, что их авторы, по

крайней мере, утверждали, что они были написаны для того, чтобы осуществить реформацию и исправление зла путем распространения знаний о нем и таким образом заставить людей осознать его отвратительность. Всякий раз, когда приводится какой-либо предлог для публикации нами жестоких и аморальных подробностей преступлений в наших газетах, это следует той же самой благовидной логике. Немало авторов популярных романов были священнослужителями. Банделло стал епископом, но продолжал писать романы. Хорошие, исполненные благих намерений люди в любое время вполне могут ошибиться в достижении своей цели, и популярность была такой же отличной приманкой, как в наше время зарабатывание денег.

Одним из самых интересных вкладов в итальянскую прозу того времени является "Автобиография" Бенвенуто Челлини, которая занимает достойное место после художественной литературы того периода. Эта книга стала известной в наше время, особенно с тех пор, как ее перевел Гете, и выдержала множество изданий почти на всех языках Европы. Давным-давно Уолпол назвал ее "более забавной, чем любой роман", и, вероятно, судить о ней следует скорее как о художественной литературе, чем как о подлинной автобиографии. Стиль прост, непосредствен, прямолинейен, а замечательный роман имеет большую историческую ценность, поскольку Челлини общался с большинством великих людей и многими представителями высшей знати своего времени, и он использовал свой опыт в качестве основы для рассказа. Сейчас трудно сказать, насколько это может быть правдой, поскольку великие произведения искусства Челлини, казалось бы, противоречат этому, поскольку они представляют его частым жестоким убийцей, в то время как количество труда, которое он, должно быть, вложил во многие работы, которые мы имеем от него, казалось бы, делает невозможным, чтобы он проводил столько времени, сколько предполагала его жизнь, в легкой жизни и праздности, в то время как привязанность его современников и их уважение к нему на склоне лет, казалось бы, были еще большим противоречием. Очевидно, он был одним из тех людей, которым нравится, когда их считают хуже, чем они есть на самом деле, и подобно очень многим художникам всех времен, которые стремятся создать впечатление, что их работы были вспышками гения, а не результатом кропотливого терпеливого труда.

Одна из книг, оказавшая очень большое влияние в тот период и заслуживающая гораздо большего, чем роман Бенвенуто, признания типичной для того времени, - это "Кортиджано" **Бальдассаре Кастильоне**, в котором автор изображает идеального придворного или джентльмена того времени. Методом изложения является серия бесед, состоявшихся при дворе Урбино среди выдающихся людей, которые часто посещали его в то время, когда большинство самых известных персонажей эпохи Возрождения время от времени наведывались в этот маленький городок на холмах. Стандарты джентльмена Кастильоне очень высоки не только в личном поведении, но особенно в интеллектуальных достижениях. Его цель нарисовать образ ученого джентльмена, идеал совершенного рыцаря, казалась современникам успешно выполненной. Книга была широко прочитана. Это оказало влияние не только на Италию, Францию и страны Латинской Америки, но прежде всего глубоко затронуло англичан. М-р Кортоуп говорит, что "Перенесенный на Север Европы и привитый все еще рыцарским манерам английской аристократии, идеал Кастильоне способствовал формированию характера сэра Филипа Сидни. Огастес Хэйр в своей книге "Дамы итальянского Возрождения" (Нью-Йорк, 1904) говорит:

Спенсер заявил, что цель его книги та же: "Сформировать джентльмена с благородной личностью, в добродетельной и мягкой дисциплине". Мы могли бы заполнить целый том примерами удивительного влияния, которое творчество Кастильоне оказало на литературу елизаветинской эпохи, поскольку мы слышим его отголоски в сонетах Шекспира, гимнах

Спенсера "О небесной любви", Бена Джонсона, Марлоу, Бертона, поэтов и ранних драматургов, даже грейва Эшема; и, среди более поздних писателей, в творчестве Шелли. "Гимн интеллектуальной красоте" пропитан тем же итальянским платонизмом".

Как правило, действительно, можно сказать, что лучшее в литературе и искусстве итальянского Возрождения имело гораздо большее влияние, чем худшие его элементы. Только в более поздние времена многие из, к сожалению, слишком человеческих вкладов в интеллектуальную жизнь того периода были возрождены среди ученых и стали рассматриваться как выражающие дух времени. В каждом движении всегда есть второстепенные люди, чьи ноты диссонируют, которые преувеличивают значимость своих собственных идей и часто демонстрируют худшую сторону человеческой натуры. Однако делать из них выводы о реальном настроении того времени и его влиянии было бы печальной ошибкой. Кастильоне значил для Европы своего времени гораздо больше, чем Челлини. "Придворный" глубоко запал в умы поэтов, художников, литераторов и образованных людей всех сословий и пробудил все лучшее в тех, кто оказывал влияние на свое поколение. "Автобиографию" читали гораздо шире, но в основном люди, чье влияние на других было незначительным, в то время как поэты, писатели и художники не восприняли ее всерьез, но провели над ней час или два досуга, как над любым другим романом, и снова вернулись к своей работе.

ГЛАВА III

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Французская литература века Колумба лишь немногим, если вообще уступает итальянской по мировому влиянию и интересу. Его инициатором стал этот обаятельный персонаж, бродячий поэт Вийон. В первый год нашего столетия ему исполнилось двадцать, и, к счастью для литературного мира избежав повешения, он писал стихи, которые всегда привлекали внимание поэтов всех стран и, кроме того, пользовались популярностью всякий раз, когда люди выходили за рамки своего времени и страны в поисках литературных интересов. Немногие поэты нового времени имели среди образованных людей всех стран столько горячих поклонников - их вполне можно было бы назвать преданными, - сколько Вийон. Сила выражения эпохи Возрождения, которая только начиналась, была воплощена в нем, и никто никогда не говорил лучше того, что он пел, хотя его послание было достаточно ограниченным. Его "Дамы былых времен", вероятно, адресованная в послесловии принцу Чарльзу Орлеанскому, своему современнику-поэту, которому, как говорят, он обязан своим спасением от повешения, является наиболее известной и является типичным примером его творчества, раскрывающим причину его стойкости:

- Скажи, где... в каком краю находится

Флора, эта прекрасная римлянка,

где Гиппархия и Таис, та,

Которая претендует на родственную красоту?

Эхо где? кто откликается на тот же

Голос с озер и рек,

Прекрасный за пределами человеческого понимания:

Но ... где прошлогодний снег?

* * * * *

Королева Бланш, белая, как лилия,

Которая пела с надрывом сирены; Берта, Алиса, Беатриче,

Эрменгарда, удерживавшая Мэн,

Жанна, благословенная дева Лотарингии,

сожженная английскими врагами в Руане.

Где они, о Королева-девственница?

Но... где прошлогодний снег?

Принц, ни через неделю, ни через год,

не указывай мне, где они будут раскрыты.

Чтобы ты не услышал этого бременя.

Но... где же прошлогодний снег?

Вместе с Вийоном приехал принц Чарльз Орлеанский, о котором мы, вероятно, знали бы очень мало, если бы не тот факт, что двадцать лет заключения в английской тюрьме дали ему возможность предаться поэзии. Его прекрасные строки, посвященные смерти жены, являются *шедевром* траурной поэзии и одной из жемчужин литературы. Обращение принца к Смерти относительно того, что заставило Судьбу настолько осмелиться забрать

благородную принцессу, которая была его утешением, его жизнью, его благом, его удовольствием, его богатством, и почему она не забрала его самого, часто переводилось. Есть еще одно его маленькое стихотворение, адресованное ей, которое часто цитировалось, но не может цитироваться слишком часто:

"Как Бог сделал ее приятной на вид!
Такой святой, исполненной благодати и прекрасной;
Из-за великих дарований, которые в ней есть.
Все спешат вознести ей хвалу.

Какая душа могла бы устать от нее?
Каждый день восстанавливается ее красота.
Как Господь рад видеть ее!
Такую святую, исполненную благодати и прекрасную.

Ни здесь, ни за морем.
Я не знаю ни одной девицы или дамы.
Кому может понравиться, что она демонстрирует все свои достоинства;
Только во сне может быть такая мысль -
Как Бог сделал ее приятной на вид!"

Одно из коротких стихотворений Клемана Маро содержит его формулу того, что составляет счастье в жизни. Это одна и та же формула, которая была в устах всех поэтов во все времена, которые стремились выразить себя на эту тему, хотя некоторые критики были достаточно недобры, чтобы сказать, что она не всегда была в их сердцах: "Счастлив тот, чей ум и заботы разделяют несколько акров отцовской земли". Маро останавливается несколько подробнее. Его стихотворение является предвосхищением сонета великого мастера-печатника из Антверпена Кристофера Плантена конца нынешнего столетия. Из-за множества ассоциаций оно заслуживает места здесь:

"Это, Клеман Маро! (если хочешь знать)
Может даровать человеку счастливую жизнь.
Блага, которые вы не зарабатываете, но приобретаете по завещанию,
Приятный, здоровый дом и постоянный огонь.
Никто вас не ненавидит, вы сами лишены ненависти.
И мало вмешиваясь в государственные дела:
Мудрая и простая жизнь, верные друзья и любовь к
хорошей простой пище, когда нечем поразить взор,
Со всеми в непринужденной беседе сочетаться:
Проводить ночи беззаботно, а не беспечно от вина;
Иметь жену - добрую, радостную, целомудренную и яркую;
И хорошо спать, отчего ночь становится короче:
Доволен своим званием и не стремись к более высокому;
И не бойся смерти, и не желай смерти
Этого, Клеман Маро! (если вы хотите знать)
Может ли человек даровать счастливую жизнь".

Франциск I сам был поэтом, и его стихи и письма были собраны и опубликованы в первой половине девятнадцатого века. "За неимением большого таланта у него была настоящая страсть к поэзии", - говорит Имберт де Сент-Аман, и, подобно Труверам, ему нравилось поочередно пользоваться лирой и мечом. Сент-Бев в своих *"Литературных портретах"* заявил, что "Франциск I со дня своего восшествия на престол дал сигнал к этому мощному труду, который должен был помочь расширить и определенно усовершенствовать французский язык. Благодаря импульсу, данному им свыше, вскоре вокруг него произошло всеобщее очищение земли". Стихи, в которых он сформулировал одно из самых меланхолических и поразительных суждений, которые когда-либо произносил монарх о ничтожестве величия этого нижнего мира, заслуживают того, чтобы их процитировали:

"Чем больше у меня имущества, тем больше растет моя печаль;
Чем больше у меня почестей, тем меньше мое довольство;
За одного я получаю сто, я желаю сто.
Когда у меня ничего нет, я ни о чем не жалею;
Но, имея все, меня мучает страх
Либо потерять это, либо сделать еще хуже.
Уставший, я вполне могу оплакивать свое несчастье,
Видя, что умираю от зависти, но хочу иметь что-то хорошее.
Это моя смерть, и я почитаю ее жизнью".

Однако самым важным писателем Франции того времени, несомненно, была сестра Франциска, Маргарита Наваррская или Ангулемская. Ее "Гептамерон" широко читался практически в каждом поколении после ее собственного, и хотя были высказаны некоторые сомнения в ее авторстве, вполне вероятно, что вековое приписывание ей должно сохраниться. Эта книга по своему влиянию почти такая же злая, как все, что когда-либо было написано. Ее автор, несомненно, была святой. У нее были самые лучшие намерения, и ее работа иллюстрирует, как легко благие намерения могут пойти наперекосяк. Ад был вымощен благими намерениями тогда, как и сейчас. Как я предположил в главе о некоторых великих женщинах века, соответствующую ошибку сейчас совершают многие хорошие женщины в крестовом походе за предоставление сексуальной информации в качестве защиты молодежи. Творчество Маргарет - один из лучших образцов французской прозы того времени. Сэнтсбери в своей книге "Раннее возрождение" называет это очень замечательной книгой, которую, как правило, недооценивали, "представляющей почти одинаковую привлекательность для тех, кто читает просто для развлечения, для тех, кто ценит литературу как литературу, и для тех, кто любит внелитературные головоломки различного рода - от авторства до аллюзий".

Репутация Маргарет пострадала больше, чем того заслуживало осуждение "Гептамерона". О ее личности стоит судить скорее по очаровательным стихам мистического характера, которые она написала. Ее книга "Les Marguerites de la Marguerite des Princesses" слишком хорошо известна, чтобы просто упоминать ее здесь. В ней есть очаровательное изящество и изысканная деликатность. Это истинный показатель ее характера. Как сказал Имберт де Сент-Аман в своей книге "Женщины двора Валуа", "Поэзия и религия были двумя ее утешителями". Ее решение, когда она посмотрела на свое распятие и разразилась стихами, было таким:

"Это моя воля и твердое намерение
Больше не быть тем, чем я был,
И не развлекаться в этом бедном мире.

Видя печали, которые царят там в изобилии.
И которые днем и ночью терзают мое сердце".

В ее коллекции есть образцы благочестия, достойные ее великой современницы-мистички святой Терезы. Следующее почти напоминает крик святой Терезы: "Я умираю, чтобы иметь возможность умереть".

"Господи, когда же настанет день, который
я жажду увидеть,
Когда чистой любовью я
Буду привлечен к Тебе?
Этот брачный день, О Господи,
Так долго откладывается.
Что я не нахожу удовлетворения
Ни В богатстве, ни в похвале.
Вытри с этих скорбящих глаз
Текущую слезу,
И даруй мне Твой лучший дар,
сладкий покой".

Французская поэтесса Луиза Лабе, *ла Кордьер*, жена шнуровщика, как ее называли в связи с родом занятий ее мужа, заслуживает отдельного места, потому что в то время она одновременно представляла возможности даже представителей ее пола низкого происхождения получить высшее образование, а ее произведения демонстрируют природную грацию и пылкую страсть, которые ставят их в высокий ранг лирической поэзии. С тех пор появилось множество поэтесс страсти, но сомнительно, чтобы многие из них сильно превзошли французских леди эпохи Возрождения из среднего класса. Форма сонета показалась бы нам крайне неподходящей для такого страстного выражения, но такова была мода использовать ее, и Луиза Лабе примерно на триста лет предвосхищает использование миссис Браунинг этой формы для очень похожих целей. Один из ее сонетов вполне можно прочесть рядом с некоторыми из сонетов миссис Браунинг.

"Как только я начну принимать.
В моей мягкой постели, в покое, которого я желаю,
Покидает мое тело моя печальная душа,
И спешит к тебе своим нетерпеливым путем.
Тогда в моем нежном сердце, прежде чем я проснусь.
Я обретаю блаженство, к которому больше всего стремлюсь.
Блаженство, по которому я никогда не устану вздыхать.
По которому я плачу так, словно мое сердце вот-вот разорвется.
Приятного сна, о, столь благословенный для меня сон,
Счастливый покой, полный спокойствия.
Даруй, чтобы каждую ночь я мог обновлять свой сон.
И если мое печальное сердце, клянусь всей любовью, одержимо.
Никогда не должно быть счастливо наяву.
Но пока я сплю, позволь мне притворяться".

Юмор конца века Колумба очень хорошо проиллюстрирован в некоторых эпиграммах Мелена де Сен-Желе, например, Маро, сына поэта, воспитанного в поэтических кругах, умевшего писать изящные банальности или, как говорят французы, *мэтра современного искусства*. Достаточно любопытно, что именно он импортировал сонет из Италии. До сих

пор она была неизвестна французским поэтам, но, к сожалению, как должно казаться большинству из нас, ей суждено было затмить баллады, рондо, виреле и другие поэтические формы, которые так долго были в моде во Франции. Я предпочитаю процитировать здесь два его коротких эпиграмматических стихотворения, которые служат для того, чтобы показать, насколько старо новое в остроумии и юморе:

- Ты находишь во мне большую ошибку, мой друг.

Потому что я хвалю твоего ближнего,

И все же от тебя всякую похвалу утаиваю: Но скажите, почему я должен тратить свое время на восхваление ваших достоинств или вашей рифмы?

Ты делаешь это стократно лучше".

Второй в яркой сатире затрагивает вечный вопрос о чести, причитающейся ученому:

Друг! назови из этих двух вещей справедливую степень,

Великую ученость или великое богатство; что лучше?

Я не знаю. Но я вижу, что образованные люди все еще оказывают большое уважение богатым".

The "**Защита и иллюстрация французского языка**", которая является манифестом Плеяд, была написана Иоахимом дю Белле как раз в конце века Колумба и опубликована в феврале 1550 года по современному календарю, но в 1549 году по старому, когда год начинался в День Богородицы (25 марта). С этими словами группа мужчин, большинству из которых было около двадцати пяти лет, вступила в новый период французской литературы.

Фиктивное средневековье еще продолжалось - всего лишь остатки и отголоски Романа о розе, и теперь во французскую литературу должен был войти новый дух. Гениальность всего этого была заложена в столетии Колумба. Поэты Плеяд пришли, чтобы преподавать современную ноту. Пьер Ронсар был величайшим из них, и через пять лет вся Европа узнала кое-что о новом рождении французской поэзии. Два таких совершенно разных ума, как королева Мария и королева Англии Елизавета, стали горячими поклонниками и даже почти покровителями новых поэтов, и особенно Ронсара. Многие стихи были задуманы заранее, и некоторые из лучших были опубликованы в течение года или двух после окончания того, что мы называли Веком Колумба. Маленькая лирическая **Миньон! Песня "Allons voir si la Rose"**, которая всегда была любимой в каждом поколении с любой поэзией в душе, стала известна по всей Европе в течение года после ее публикации в 1552 году.

Есть еще одна ода Ронсара, гораздо более серьезная, которая показывает, что поэты прежних времен могли думать и о других вещах, помимо любви, красоты и розы, сталкиваясь с более суровыми проблемами своего времени и воспевать их значение с поэтической глубиной. Поскольку его тема столь же вечна по своему интересу, как и тема любовных стихотворений, и, возможно, имеет большее значение для нашего времени, я предпочитаю процитировать ее:

- Почему, бедный крестьянин, ты должен бояться

руки со скипетром или коронованной головы?

Скоро они - легкие тени - будут отправлены

, чтобы увеличить число погибших.

Ко всем смертным - разве это не мудро?--

Широкие врата Смерти всегда открыты.

Туда должна отправиться душа императора,

Туда так же быстро спуститься роковая ладья

Харона, которую нужно найти,
Как душу серва или хинда.

Смелее, вы, искатели;
Эти великие молнии войны
Не больше, чем вы сами, пойдут
Вооруженные нагрудниками там, внизу,
Как будто сражаясь, как в былые времена.
Кольчуги принесут им пользы не больше -
Копье, щит и боевой клинок -
, Чем тебе твои коса и лопата.

Радаманта, судья суровый,
Ты уверен, что больше не буду бояться
броня в его обитель страха
, чем крестьянской деревянной рожном;
и не более или менее восхищаюсь
богатых одеждах или в смысле наряда,
или великолепные зрелища
, где король в состоянии ли ложь."

Иоахим дю Белле, ушедший из жизни в раннем возрасте тридцати пяти лет после долгих лет болезни, был обязан своим вдохновением на написание стихов чтению классики. Именно он написал воззвание Плеяд, о котором я уже упоминал. Если бы его судьба была счастливее, от него, несомненно, вышло бы много замечательных стихотворений, и он был бы серьезным соперником своего друга Ронсара. Как бы то ни было, из-под его пера вышло несколько стихотворений, которые всегда будут интересны французам и образованным людям в любой стране. Одно из наиболее серьезных заслуживает того, чтобы его процитировали.

"Если бы тогда в нашу жизнь короче, чем один день
потеряла все время; если вращающаяся год
спешит наших дней последние надежды, чтобы вновь появиться;
если все, что должны потерпеть неудачу и уходят--

что, О мой плен души, ты мечтаешь? скажи!
Почему здесь так любят наши темные дни.
Если улететь в обитель более дорогую,
Хорошо оперенные крылья у тебя на плечах покачиваются?

Есть благо, которого желает любая душа.
Там покой, к которому стремится мир,
И там вечно царят любовь и наслаждение.

Там, о душа моя, вознесенная к высочайшим небесам,
Ты действительно узнаешь
Ту идеальную красоту, которую я сейчас обожаю".

Во французской прозе нашего столетия в начале стоит Комин, вполне достойный четвертый в том замечательном квартете французских писателей-историков, который начался с Виллардуэна в конце двенадцатого века, дал нам Жуанвиля в тринадцатом, Фруассара в четырнадцатом и Комина во второй половине пятнадцатого. Он один из историков, которых

когда-либо будут читать; обладающий политической проницательностью и философским взглядом на историю, которые отводят ему особое место. Он был не просто летописцем, и индивидуальность его работы, то качество, благодаря которому история превращается в литературу, ставит его намного выше многих современных авторов, пишущих о том, что называется историей, хотя это всего лишь сборник материалов для какого-нибудь историка, который вложит в них душу. В конце века жил Мишель де Лопиталь, чьи речи, многочисленные мемуары и специальные трактаты, в основном связанные с разъяснением права, всегда имели недостатки юридического письма и, тем не менее, демонстрировали силу выражения, равной которой никогда не было.

После Рабле, несомненно, величайшим из прозаиков того времени был Амьо, чья первая работа, перевод греческого романа "Теагена и Шарликле", была опубликована в 1546 году, и который в последующие годы жизни, дожившей почти до девяноста, опубликовал свои переводы Плутарха, произведение, за которое он получил звание наставника королевских детей и епископство Осер. Он был великим раздавщиком милостыни.

Перевод Плутарха, сделанный Амьо, был объявлен практически новым и оригинальным произведением. Монтень сказал о нем:

"Прежде всего я благодарен Амиоту за то, что у него хватило ума выбрать столь достойное и подходящее произведение, чтобы представить свою страну. Мы, невежественные люди, пропали бы, если бы это не подняло нас из трясины; благодаря этому мы теперь осмеливаемся говорить и писать, а дамы дают уроки из этого школьным учителям; это наш требник ". Для англоговорящих людей его значение значительно возрастает, если учесть, что на самом деле это была версия Амиота, который в английском костюме Флорио стал шекспировским Плутархом. Любой, кто знает, как близко Шекспир следовал своему Плутарху, поймет, какое важное влияние на мировую литературу было суждено оказать Амиоту.

Этот перевод Плутарха стал рассматриваться, вероятно, как один из лучших переводов, когда-либо сделанных. Иногда говорят, что "переводить - значит предавать" и что лучшие переводы - это в большинстве случаев гобелены, увиденные не с той стороны, но "Плутарха" Амиота следует считать исключением из этого правила. Эразм сказал о переводе Галена Линакром на латынь, что он был лучше греческого оригинала. "Плутарх" Амьо стал французской классикой, хотя греческий автор ни в коем случае не был классиком в ограниченном смысле этого слова в оригинале. Расина никто другой читать не стал бы, потому что считал, что на французском языке нет ничего равного ему. Произведения Амьо являются сокровищницей французского языка, и современные французские критики часто сожалеют о том, что многим его выражениям было позволено утонуть в пустоте.

Франция гордится обладанием еще одним из этих поразительных персонажей эпохи Возрождения, Рабле, относительно оценки характера и места которого в истории, как и в отношении Макиавелли, мир еще не совсем определился. Нет никаких сомнений ни в его гении, ни в широте взглядов и всестороннем понимании знаний своего времени, ни в его способностях энергичного писателя, хотя грубость стиля и частое потворство вульгарности сделали его писателем в основном для мужчин, и даже многие из них были отстранены от изучения его произведений из-за вопиющих этих недостатков. Его недостатки были в значительной степени присущи его времени, поскольку в эпоху Возрождения привыкли называть вещи своими именами. Грубость его стиля так очевидна не из-за раскованности

его собственной жизни. Тщательные исследования в наше время совершенно ясно показали, что существует множество недоразумений относительно его личного характера, которые следует устранить. В свое время Рабле управлял всем спектром жизни. Сначала он был монахом, затем монах, получил медицинскую степень в Монпелье, врач, снискавший значительный авторитет своими познаниями в медицине, автор книг, которые были широко читаемы, ученый, чьи поездки в Рим дали ему широту знаний, необычную даже для его времени, и близкий друг некоторых великих и добрых церковников и литераторов своего времени.

Старая легенда, которая представляла его ненасытным шутом, пьющим вино, разгуливающим по пирушкам в качестве лишнего сана священника, теперь должна быть отброшена. Его переходы от монаха к монаху, к врачу были совершены с надлежащего церковного разрешения, и, несмотря на свободу слова и либеральные тенденции, которые можно найти в его трудах, у него никогда не было серьезных проблем с церковными властями. Очевидно, на него смотрели как на гения, на добрую волю которого можно было положиться, чтобы удержать его от серьезных еретических высказываний, хотя иногда его чрезмерный жизненный дух приводил его к выражениям, которые часто были нескромными и иногда нуждались в исправлении. Его отношения с Гийомом и Жаном дю Белле, с епископами Майезэ и Монпелье, а также с выдающимся юристом Тирако являются наиболее убедительным доказательством высокого уважения, которым он пользовался не только среди людей его ранга, но и среди тех, кто намного выше его по власти и положению - князей Церкви и покровителей гуманизма.

Несмотря на их сдерживающую вульгарность, с тех пор его работы пользуются большим спросом и до сих пор часто находятся в руках ученых и тех, кто хочет оценить хотя бы одну грань истинной внутренней сути и всеохватности духа Возрождения. Число греческих и латинских авторов, которых он цитирует, очень велико, и его кругозор, должно быть, был очень широким. Он, кажется, также немного знал иврит. Очень немногие из его современников вообще осознавали, что в своих произведениях он внес неоценимый вклад не только во французскую, но и в мировую литературу. Однако такой хороший критик, как Иоахим дю Белле, в "Защите и иллюстрации французского языка" называет его человеком, "который вернул Аристофана к жизни и который так хорошо имитирует сатирическое остроумие Люциана".

Тот факт, что его книга должна была быть опубликована в это время без того, чтобы ее автор подвергся серьезному порицанию, а тем более преследованию, является доказательством того, что обычное убеждение многих, пишущих об истории того времени, в том, что травля ереси была любимым занятием церковников, необоснованно и показывает, насколько абсурдно впечатление, которое многие допускают, что малейшая неосторожность может иметь даже фатальные последствия. Такие люди, как Этьен Доле и Джордано Бруно, погибли в то время по обвинению в еретичестве, но это произошло потому, что их труды казались Церкви, и прежде всего гражданским властям того времени, подрывающими авторитет и пропагандирующими анархию. Это всегда было опасным подозрением для писателя-философа, которому можно было бы подпасть в любое время, и оно не лишено серьезных опасностей, скорее социальных, чем юридических, даже в наше время. Однако в других вопросах, как показывает пример Рабле, существовала если не современная свобода, то, по крайней мере, большая терпимость к самовыражению, при условии, что мысли были смягчены юмором, а характер писателя, как известно, таков, что подлинная недоброжелательность или анархические тенденции по отношению к гражданским и церковным властям не были явной целью его произведений.

Интерес нашего поколения к Рабле лучше всего иллюстрируется основанием в 1902 году Общества изучения Рабле в Париже. Орган Общества, *"Ревю этюдов Рабле"*, впервые появился в январе 1903 года и уже многое добавил к нашим знаниям о Рабле. Теперь полностью доказано, что Гаргантюа был популярным фольклорным персонажем задолго до времен Рабле, и что он принял этот образ только для того, чтобы придать популярность своим собственным идеям. Несмотря на грубую сторону своей работы, он может сказать так много ценного в отношении образования, ценного даже для нашего времени, так много об исправлении популярных ошибок и решительном повторении философии жизни, с помощью которой люди могут обеспечить свое счастье не через эгоизм, а через любовь к своим ближним, что всякий раз, когда люди глубоко задумываются о себе, а не просто плывут вслед за другими мыслителями, Рабле всегда привлекает внимание. Когда Рабле становится популярным во Франции, это всегда хороший знак, потому что мужчины обычно мыслят глубже, чем раньше. Подобно Данте, он является пробным камнем искренности, честности мыслей и целей среди своих соотечественников.

Рабле - человек, которого труднее всего описать тем, кто не француз. Сентсбери в своем "Раннем возрождении", пожалуй, дал наилучшую краткую оценку, когда сказал:

"С чисто кредитной точки зрения его (Рабле) активы настолько велики, что можно только поражаться их недооценке любым компетентным аудитором . . . Вы **можете** сказать что-то против него, и некоторые из этих **некоторых** вещей правдивы. Но останутся три вещи. Он (пусть компетентные люди опровергнут это, если осмелятся) один из величайших писателей мира; он один из великих сатириков мира; и он - как не все великие писатели и очень немногие великие сатирики - тот, кто искренне и сильно любил своих ближних".

В первом абзаце своего "Франсуа Рабле" [Сноска 45] (написанного для серии "Французские литераторы") Артур Тилли, чья "Литература французского Возрождения" показала, насколько компетентным он был судьей, подытожил характер и место Рабле. Именно Тилли я обязан большинством приведенных здесь подробностей, и его абзац послужит подходящим завершением.

[Сноска 45: Липпинкотт, Phila., 1907.]

"Отличительной чертой величайших писателей является то, что они с большей или меньшей полнотой отражают мысли, стремления и характер своей эпохи, и это касается не только их собственной страны, но и всего цивилизованного мира. Из этой избранной группы принадлежит Рабле. Он является воплощением не только раннего французского Возрождения, но и всего Возрождения в его более ранних и свежих проявлениях, в его преданности гуманизму, в его беспокойном и многогранном любопытстве, в его сильном энтузиазме, в его вере в будущее человечества".

ГЛАВА IV

ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Испанская литература того периода содержит важнейший материал, имеющий огромное значение не только для самой испанской литературы, но и для литературы всего мира. В главе о женщинах эпохи Возрождения я привлекла внимание к интересу королевы Изабеллы к литературе, и хотя она не создавала никаких официальных литературных произведений, ее письма были признаны классическими документами Испанской академии на испанском языке. Самый важный вклад в испанскую литературу за столетие внесла также женщина, хотя она, несомненно, так же мало думала о создании литературы, когда писала, как и королева. Это была святая Тереза, к трудам которой серьезные писатели на духовные темы во всех странах и во все времена, часто несмотря на различия в верованиях, обращались как к классике духовности. Ее литературная деятельность состоит из трактатов, которые она написала по заказу своих духовников на мистические темы, а затем из ее многочисленных писем. Именно эти последние, в частности, широко читаются в наше время и являются мировой классикой в своем порядке. Вероятно, никого не понимали так неправильно, как святую Терезу. Многие, которые, как правило, вообще ничего не знают о ней из первых рук, стали считать ее одной из почти невозможных святых личностей, чьи часы сосредоточенности на молитве, посте и других видах умерщвления плоти привели их в состояние ума, граничащее с иррациональным, если не откровенно истеричным. Действительно, ее часто считают самым ярким типом из них.

ФРАНЦИЯ, ДЕВА, ПЛАЧУЩАЯ НАД ТЕЛОМ ХРИСТОВЫМ (ЛОНДОН)

Дэвид Ханней в своей книге "Позднее возрождение" из серии книг профессора Сейнтсбери "Периоды европейской литературы" (Нью-Йорк: Scribner's, 1898), внимательно прочитавший ее произведения, говорит: "Ее письма, которые являются не только самой

привлекательной частью ее творчества, но и самой ценной, показывают ее не только как великую святую, но и как великую леди с очень острым умом, тонким остроумием и безграничным здравым смыслом. Ее собственный великий характер запечатлен в каждой строчке. Никто никогда не проявлял меньше чисто эмоционального святого характера, "блуждающего повсюду, капризного, мелодичного, слабого, главным образом по воле благочестивой прихоти".

Чтобы ощутить истинное очарование писаний святой Терезы, нужно прочитать ее письма, а из них почти невозможно сделать такие подборки, которые можно было бы включить в отведенное здесь краткое пространство. К счастью, они дошли до нас в том виде, в каком она их написала. Брат Луис де Леон сам был достаточно литературен, чтобы избавить их от достойного отца-исповедника, который бы "улучшил и отшлифовал ее периоды". Мир был близок к тому, чтобы потерять чудесный язык, о котором Крэшоу сказал: "О, это не испанский, но она говорила на Небесах".

Некоторое представление о ее простоте и силе выражения можно получить из "Гимна Христу Распятому", знакомого английским читателям в версии Драйдена, которая также приписывается св. Игнатий Лойола и святой Франциск Ксаверий, но который, кажется, более уместно приписать Серафической Матери из жгучих слов Крэшоу "сладкая зажигалка", "неустрасимая дочь желаний" и "прекрасная сестра серафима". Это стихотворение, независимо от того, кто был его автором, по крайней мере, является ярким примером стиля того времени.

"О Боже, Ты - объект моей любви,
Не ради надежд на бесконечные радости наверху.
И не из страха перед бесконечной болью внизу,
Которой должны подвергнуться те, кто не любит Тебя:
Ради меня и таких, как я, Ты когда-то нес
позорный крест, гвозди, копье,
Терновый венец пронзал Твое священное чело.
Какой кровавый пот льется с каждого члена!
Ради меня в муках Ты выпускаешь дух,
Пригвожденный ко кресту, и спасаешь меня Своей смертью.:
Скажи, неужели эти страдания заставляют мое сердце замирать?
Кто, кроме тебя Самого, может сейчас заслужить мою любовь?
Такой, какой была и остается Твоя любовь ко мне.
Такой есть и будет моя любовь к Тебе. Твою любовь, о Иисус, да воспою я всегда,
О Бог любви, добрый Родитель, дражайший Король".

Самым оригинальным вкладом Испании в чистую литературу были рыцарские рассказы, ставшие столь популярными в конце пятнадцатого века. **На "Амадиса де Галла"** претендуют французы, но французский оригинал утерян, а испанский не только хорошо известен, но и является типично испанским, передающим сам характер народа. Первое известное издание относится к началу шестнадцатого века, и за пятьдесят лет в Испании было выпущено двенадцать его изданий. За ним последовала целая серия книг подобного рода. Многим из них совершенно не хватало литературного качества, но они добились популярности. Наши первые романисты были литераторами. Им на смену пришли писатели-халтурщики, которые следят за модой момента и зарабатывают гораздо больше денег и продают гораздо больше экземпляров, чем великие романисты. Нечто подобное произошло в Испании. Эти рыцарские рассказы иногда ставились в упрек уму испанцев того времени,

но тогда что мы скажем о нашем собственном гораздо более распространенном занятии историями, по возможности более тривиальными и абсурдными?

Мы не можем не воздать должное выдающимся людям за интерес, который они проявили к некоторым из этих историй. *"Пальмерин Инглаторский"*, который священник Сервантеса "хранил бы в шкатулке, подобной той, которую Александр нашел среди трофеев Дария, предназначенных для охраны произведений Гомера", привлек столько внимания Эдмунда Берка, что он признался в Палате общин, что потратил на это много времени. Доктор Джонсон признался, что проводил часы досуга летом над *"Felixmarte de Hircania"*. *"Амадис де Галль"*, названный "цирюльником" Сервантеса "лучшим в этом роде", - пожалуй, единственная из рыцарских историй, которую нужно прочитать мужчине. Обычное предположение, что это история Франции из-за слова "Галлия", совершенно ошибочно. Амадис - британский рыцарь, Галлия означает Уэльс, Виндилизора - Виндзор, а Бристоль становится Бристольской. Действие происходит "спустя не так много лет после Страстей нашего Искупителя". Там чудесные приключения, что-то происходит на каждой странице, битвы с великанами, всевозможные магические заклинания, чудеса, чудодейственные побеги, спасения в последний момент, пока верность не будет вознаграждена и Амадис не женится на Ориане, дочери короля Британии, и с тех пор все они живут счастливо.

После рыцарских рассказов появились "Novelas de Picaros", плутовские романы, которые мы по-английски называли "Рассказами о мошенничестве". Два вида художественной литературы представляют собой противоположные крайности. Рыцарские рассказы были почти полностью вымышленными. Плутские романы были скорее натуралистическими исследованиями из низкой жизни. Первой из них была *"Селестина"*, но наиболее влиятельной является *"Лазарильо де Тормес"*, которая, как ни странно, приписывается, хотя и на основании сомнительных свидетельств, знаменитому Диего Уртадо де Мендосе, а также фраю Хуану де Ортеге из ордена Святого Иеронима. Эти истории отражают постоянно повторяющуюся тенденцию человечества интересоваться мошенниками, быть готовым посмеяться над их негодяйством и особенно над его способностью обманывать тех, кто выше его, которая была так эффективно использована Плавтом и послужила зародышем идеи в сюжете Джила Биаса и Скаррона и, вероятно, навела на мысль о шекспировском "Джеке Фальстафе". Есть фазы нашей современной художественной литературы, которые демонстрируют ту же тенденцию.

Фицморис Келли в своей книге "Испанская литература" (Серия "Литературы мира" Эпплтона, Нью-Йорк, 1898) сказал о *"Лазарильо де Тормесе"*:

"Спустя триста лет она пережила всех своих соперников, и ее можно читать с таким же назиданием и развлечением, как и в день ее первого появления. Он задал моду, которая распространилась по всем странам и нашла воплощение на страницах "Пиквика" в девятнадцатом веке; но немногие из его последователей соответствуют ему в сатирическом юморе, и никто не подходит к нему в строгой лаконичности, где ни одно слово не является лишним и где каждое слово говорит с непревзойденным эффектом. Кто бы ни написал эту книгу, он навсегда закрепил тип комического прозаического эпоса в исполнении нуждающихся, и он сделал это так мудро, что бросил вызов любой конкуренции".

По очень любопытному контрасту, литература испанского происхождения этого столетия, оказавшая наибольшее влияние на мир, переведенная на все языки, прочитанная и глубоко изученная, является прямо противоположным полюсом этих прозаических эпосов. Ибо самыми известными в мире писателями о духовности и мистицизме были испанцы, величайшие из них жили в это время, и их до сих пор читают повсюду, издание за изданием

появляясь на многих языках. Великими именами среди мистиков, чьи труды были либо завершены в течение нашего столетия, либо, по крайней мере, был заложен фундамент для чьей работы, поскольку их авторы достигли зрелости в это время, были Иоанн Авильский, Луис де Гранада и Луис де Леон. Иоанн из Авилы - самый известный из них и занимал что-то вроде положения учителя по отношению к остальным. Его самая известная книга, "Духовный трактат", до сих пор широко читается в религиозных учреждениях и знакома всем, кто сколько-нибудь серьезно изучал религиозную жизнь. Поскольку со времен его правления в мире существуют и оставались сотни тысяч религиозных деятелей, многие из которых представляют высочайшую культуру и хороший вкус, у "апостола Андалусии", как его называли, на протяжении всех этих столетий был большой круг избранных читателей. Его книга написана с пылким красноречием, в ней содержатся глубоко духовные пассажи, и, как сказал Ханней, "в ней всегда присутствует большая доля религиозного качества елеосвящения". В наше время есть много глубоко умных и серьезно размышляющих людей, которые считают эту книгу одной из самых замечательных книг, когда-либо написанных.

Книга Луиса де Гранада "Руководство для грешников" была переведена на все языки Европы и читалась не только духовенством, но и народом. Его книга "Молитвы и размышления о главных тайнах веры" в гораздо большей степени находилась в руках духовенства и монашествующих, но едва ли была менее известна. "Совершенная касада" Луиса де Леона приобрела широкую известность, а другие его книги об "Именах Христа" и "Книге Иова" нашли место в каждой важной религиозной общине Европы.

Два имени в испанской поэзии этого периода бессмертны в Испании, и их произведения знакомы изучающим литературу во всем мире. Это Боскан и Гарсиласо де ла Вега. Молодой человек, Гарсиласо, отправил "*Il Cortigiano*" Кастильоне в Боскан и предложил перевести его на испанский. Фицморис Келли в своей книге "Испанская литература" сказал: "Хотя сам Боскан считал перевод делом, подходящим для "людей, играющих мелкие роли", его перевод - почти идеальное исполнение". Это привело к тому, что Боскан перевел на испанский язык многие другие итальянские произведения, не столько путем перевода, сколько путем имитации, более соответствующей гениальности испанского языка. Не великий гений, не выдающийся стихосложенный, не наделенный ни одним высшим даром, Боскан занимает уникальное место в анналах литературы благодаря своей прочной и бесповоротной победе.

Гарсиласо, его юный друг, намного опережает его в поэтическом гении. Он был солдатом-поэтом, "берущимся то за меч, то за перо", как он сам говорил, и умер в раннем возрасте тридцати трех лет. Его смерть наступила как лидера штурмующего отряда при романтических обстоятельствах, на глазах у императора и армии. Первым взобравшись на брешь, он был смертельно ранен и попал в объятия будущего переводчика Ариосто и его более близкого друга, маркиза де Ломбея, которого мир лучше всего знает как святого Франциска Борджиа. "Его знаменитое происхождение, его показная доблесть, его великолепная внешность, его обольстительное обаяние, его безвременная смерть: все это в сочетании с его певческим даром сделало его героем легенд и кумиром нации. Подобно сэру Филипу Сидни, Гарсиласо олицетворял все достижения и всю грацию". Довольно любопытно, что Гарсиласо поет не воинственную, а пасторальную песню, и "свет, которого никогда не было ни на суше, ни на море", о мире с поэтической меланхолией, которая так легко может стать предметом критики, но всегда была любимым местом уединения очень многих поэтов во многие повторяющиеся времена.

На западной оконечности испанского полуострова португальцы, отличавшиеся своим языком, имели собственную литературу, которая достигла своего совершенства сразу после

столетия правления Колумба, но перспективы которой можно увидеть и в наш период. Величайшим из их поэтов является Камоэнс, которого немецкий критик Шлегель без колебаний поставил не только выше двух своих великих современников шестнадцатого века, Ариосто и Тассо, но и выше всех современных эпических поэтов и даже выше Вергилия. Его стихотворение было прочитано в переводе на все языки Европы. Хотя он был написан не в то время, которое мы называем веком Колумба, поэт засвидетельствовал величие своего гения до 1550 года, и некоторые из сонетов его ранних лет заслуженно считаются достойными, возможно, места среди величайших примеров в этой форме. Причина, по которой миссис Браунинг назвала свои "Португальские сонеты" таким названием, заключалась в том, что, вероятно, самые прекрасные любовные сонеты в мире были написаны на этом языке. Португальскому языку была придана форма, в которой он должен был сохраниться в настоящее время, и всегда, когда язык формируется, каким-то образом приходят гении, чтобы дополнить его выразительные способности и в то же время придать ему форму, которую он должен поддерживать, отчасти вследствие того, что их гений выразил себя в нем определенными устойчивыми способами.

Некоторые из более коротких стихотворений, написанных Камоэнсом, когда он был молодым человеком между двадцатью и двадцатипятилетним возрастом, то есть до окончания века Колумба, настолько характерны для **общества** во все времена, и в то же время представляют собой такие восхитительные фрагменты стихосложения с то тут, то там налетом очаровательной поэтичности, что для современности они представляют более чем мимолетный интерес. Я рискну процитировать некоторые из них, чтобы проиллюстрировать их разнообразие, но в то же время потому, что, хотя все они приписываются Камоэнсу, сомнительно, чтобы некоторые из них не были написаны другими и впоследствии переданы ему из-за его большей известности. Они очень хорошо иллюстрируют поэтическую жилку португальцев того времени, хотя обычно не предполагается, что Португалия была в какой-либо степени тронута духом Возрождения или что ее литература имеет какое-либо значение. Большинство из них касаются любви, хотя и не все они столь серьезны, как рондо, которого так часто цитируют:

"Точно так же, как Любовь - вон та роза,
вокруг нее разливается Небесный аромат.
И все же слезы раскрывают его покрытые росой листья,
И среди шиповника он веет,
Совсем как Любовь.

Отбирают для цветения на грудке.
Поскольку стебель покрыт грубыми шипами.
Их нужно собрать вместе с остальными.
И прижать к сердцу.
Прямо как Любовь.
И когда грубые руки срывают бутоны-близнецы,
Они умирают - и никогда не расцветут,
- Но шипы по-прежнему остры,
Как Любовь".

В более легком ключе звучит канцоне даме, поклявшейся своими глазами, обычай, который был довольно распространен, согласно рыцарским сказаниям, столь популярным незадолго до этого. Первая и последняя строфы дадут хорошее представление об этом:

"Когда девушка моего сердца склоняется к лжесвидетельству,
Самая сладкая из клятв скрывает самые лживые намерения.
И подозрение, смущенное, улетучивается из ее общества,
Когда она улыбается как ангел - и клянется своими глазами.

Тогда, дорогая, я бы предпочел, трижды предпочел поверить
Тому, что ты утверждаешь, даже если это и обман.
Чем то, что ты "своими глазами" так нечестиво клянешься
И грешишь против небес - ибо небеса есть!"

Временами португальский поэт мог быть довольно серьезным. Часто цитировались две строфы из начала канцонета, в которых делание денег противопоставляется добру как истинной цели жизни:

Поскольку в этой унылой юдоли слез
Нет ничего определенного, кроме смерти.
Почему мы должны тратить наши весенние годы
На накопление бесполезных сокровищ?

Нет - пусть молодой и пылкий ум
Станет другом человечества,
И в великодушном служении найдет
источник более чистого удовольствия!"

Говорят, что поэт влюбился в фрейлину при дворе, намного превосходящую его по рангу. За эту дерзость он был изгнан от двора и, не имея возможности жить так близко и в то же время так далеко, решил отправиться солдатом в Африку. Так или иначе, перед его отъездом состоялась последняя встреча с ней (она умерла в возрасте двадцати лет), и он прочел в ее глазах, когда она прощалась с ним, тайну того, что она была так же глубоко влюблена, как и он. Он отправился туда, куда звал долг, храбро сражался, потеряв в одном из сражений глаз, и, исполненный воинской чести, получил разрешение вернуться ко двору. Когда он вернулся, его возлюбленной больше не было. Сонет, написанный, когда он узнал печальную новость, возможно, более искусственный, чем он написал бы в зрелом возрасте, но он и другие принесли португальской литературе славу любовных сонетов, которые подсказали миссис Браунинг название "Португальские сонеты" для ее любовных стихотворений:

"Эти очаровательные глаза, в чьем звездном шаре
пока сидела Любовь, улыбались часами напролет.
Эти косы света, которые затмевали дневные лучи.
Эта рука благосклонна, а сердце искренне;
Эти девственные щеки, которые так поздно появились,
Как сугробы, усыпанные майскими цветами,
Превратились в кусочек холодной и никчемной глины.
Ушли - навсегда ушли - и погибли здесь,
- Но не омытые самой горячей слезой Памяти!
- Смерть! ты сорвал ее в один безжалостный час.
Это благоухающее растение, к которому, хотя и мало что приливает.
Был дан более мягкий плод его расцвета;
Любовь увидела содеянное - и когда он задержался рядом,
Вздыхнула о руинах и вернулась на Небеса!"

Период расцвета литературы испанского полуострова пришелся на столетие, следующее за тем, которое мы назвали в честь Колумба, но сохранившихся литературных произведений достаточно, чтобы показать, что великий дух того времени глубоко затронул умы людей, и заложить широкие и глубокие основы Золотого века испанской литературы, который должен был наступить так скоро.

ГЛАВА V

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Английская литература века Колумба очень рано добилась некоторых своих триумфов в литературной сфере - драматургии, в которой другие нации добились незначительных успехов. Англия во второй половине пятнадцатого века создала серию пьес, высокое место которых в литературе было должным образом признано только в течение последних двух или трех поколений. Обычно предполагается, что драматическая литература серьезного значения появилась на каком-либо современном языке гораздо позже этого времени. Действительно, как правило, английская драма времен Шекспира считается первым сколько-нибудь важным событием в этой области. Испанская драма возникла почти сразу после нашего шекспировского периода, французская пришла на полвека позже, и, что довольно любопытно, Италия и Германия не создавали национальной драмы до девятнадцатого века. Мистические и нравоучительные пьесы второй половины пятнадцатого века в Англии были возрождены в последние годы и, вне всякого сомнения, проиллюстрировали гениальность их авторов и прекрасную эволюцию драматургии в это время. Фрагменты, которые разыгрывались во многих местах, в публичных представлениях, доказали, что обладают захватывающей силой над аудиторией, превосходящей драматическую литературу нашего времени, а драматические способности и гений людей, написавших их, теперь получили всеобщее признание.

"Обывателя", например, играли при переполненных залах во многих крупных городах страны, зрители внимательно слушали в течение двух часов без антракта, а затем отдавали максимально возможную дань уважения, уходя всегда в тишине. Эта история представляет собой всего лишь драматическое изложение места в жизни "четырех последних вещей, которые следует помнить" - смерти, страшного суда, рая и ада, - представляющих интерес для каждого человека. Такая тема, казалось бы, совершенно не гармонирует с настроением нашего времени и, прежде всего, с тем настроением, с которым наши люди посещают театр. Человек, написавший эту пьесу и сумевший придать ей такой непреходящий интерес, был первоклассным драматическим гением, поскольку он умел брать знакомые вещи из жизни, даже те, которым люди не склонны уделять много внимания, и делать их неотразимыми.

Мистические пьесы приобрели для нас гораздо большее значение после широкой популярности спектакля "Страсти" в Обераммергау. Каждые десять лет тысячи людей приезжают в маленькую деревушку, насчитывающую едва ли более тысячи жителей, чтобы увидеть и услышать, как простые сельские жители рассказывают старую-престарую историю о Страстях и смерти Того, Кто умер на Кресте за нас. Отчасти, возможно, посещение связано с тем, что это стало модным занятием, но по большей части это настоящий акт поклонения, но святыне, которая является литературной и по-настоящему драматичной, а также религиозной. Со всего мира люди стекались на него и признавались в драматической силе истории в ее простой постановке таким образом, чтобы заставить нас осознать, какую мощную привлекательность, должно быть, имели старые мистерии для людей позднего Средневековья, когда они достигли совершенства в изложении. Та привлекательность, которую игра "Страсти" имела для пожилых людей, у Рождественских представлений была для детей, но также и для их старших товарищей и особенно женщин.

Именно в век Колумба эти мистические и нравоучительные пьесы достигли своего наивысшего развития и величайшего совершенства выражения и подачи. В Англии это развитие оказалось благодатной почвой, на которой выросла великая драматическая литература елизаветинской эпохи. В них есть все элементы великой драматической литературы. В изложении тем, которые имеют наивысшую привлекательность, присутствует простота и прямота, и в то же время сделано это очень по-человечески, так что остроумие и, прежде всего, юмор играют свою роль, а затронутые проблемы - это те, которые интересуют все человечество. Об этом этапе развития драматической литературы известно так мало, хотя он представляет собой такое очаровательно простое выражение драматической поэзии, содержащее урок искренности, естественности и увлеченности высшими вещами, в которых наше поколение нуждается прежде всего для того, чтобы вырваться из колеи чрезмерного внимания к проблемным пьесам, что некоторый обзор его кажется необходимым не только для получения полной картины литературы времен Колумба, но и ради непреходящей социальной значимости этой ранней драматической литературы.

**Princeps induetur morore. Et
quiescere faciam superbiam po-
tentium.
EZECHIE. VII**

**Vien, prince, avec moy, & delaisse
Honneurs mondains tost finissantz.
Seule suis qui, certes, abaisse
L'orgueil & pompe des puissantz.**

Страница из ранней популярной печатной религиозной книги (гравюра на дереве)

Хотя у нас есть более яркие примеры этого направления литературы из Англии, почти в каждой стране Европы Страстные пьесы получили замечательное развитие к концу пятнадцатого века. Они были особенно поразительны как по своей литературной ценности, так и по представлению в тевтонских странах и в Англии. В Англии была поставлена целая серия пьес, многие из которых дошли до нас. Возникает вопрос, был ли "Everyman" изначально голландского или английского происхождения. Первой постановкой этого произведения был перевод голландского "**Элькерлейка**". В Германии период, когда пьеса "Страсти" достигла своего наивысшего развития, пришелся примерно на 1450-1550 годы. В это время вышли пьесы "Великая франкфуртская страсть", "Альсфельдер" и "Фридбургер". Однако для многих других городов были написаны свои особые пьесы о страсти, которые были представлены по-своему. Были "Венские страсти", "Страсти Санкт-Галля" и "Страсти Маэстрихта". Но были и спектакли "Страсти" в Эгере, Аугсбурге, Фрайзинге и Люцерне. С самых ранних времен в разных частях Тироля ставились Страстные пьесы, всегда привлекавшие пристальное внимание людей, и именно здесь единственный сохранившийся пример до сих пор показывает нам, насколько по-настоящему драматичными и сильными по своей привлекательности были эти пьесы. [Сноска 46]

[Сноска 46: Почти забавно слышать, что знание Священных Писаний скрывалось от людей в то время, до Реформации, когда эти популярные пьесы, на которые стекалась вся деревня и в которых принимало участие так много людей, досконально знакомили их со всеми подробностями жизни Христа. Однако было гораздо больше, чем это, поскольку со многими пьесами о Страстях были связаны

циклы живых картин или представлений особых сцен, в которых, начиная с Сотворения Мира, вся Библейская история, и особенно те ее части, которые связаны с пришествием Христа, были четко представлены перед ними. Лучшего способа донести до людей великие истины христианства или жизнь Христа как центральный факт мировой истории невозможно было и вообразить. Людей не поощряли читать трудные отрывки, которые даже самым глубоким теологам трудно понять, извлекать из них свой собственный смысл и спорить о них, обвиняя в ереси каждого, кто не соглашался с их толкованиями, но их учили глубокому моральному и религиозному значению всего Ветхого и Нового Завета. Они узнали о ценности Священных Писаний как литературы, а также об их качестве как основного документа религии, но прежде всего их научили их отношению к жизни. Все это было так преподнесено им, что стало развлечением, а не задачей, и с самых ранних лет они познакомились с великими мыслями, лежащими в основе религии, чтобы обеспечить ее влияние на них.]

Сборник старинных английских пьес Додсли, который в своем четвертом издании под редакцией У. Кэрю Хэзлитта (Лондон, 1874) содержит ряд старых пьес, малоизвестных, особенно богат материалами из века Колумба. Серия нравоучительных пьес "Интерлюдия четырех стихий", "Обыватель", "Прощающий и монах", "Мир и дитя", "Уголок провинциала", "Божьи обетования" и "Четыре буквы П" являются типичными примерами. Все они демонстрируют истинный драматический дух, и, хотя им не хватает театральной техники современных пьес, они почти бесконечно превосходят в своем выражении реалий человеческого интереса и раскрытии глубин человеческого сочувствия представление поверхностностей, которые сейчас сходят за драму.

Ближе к концу века Колумба был написан роман "Брак Витте и науки", который не был опубликован до 1570 года. Это была первая пьеса, в которой была сделана такая аранжировка, разделенная на пять актов и обозначенные сцены. Таким образом, была создана современная драматическая форма. Легко понять, что на глубоком фундаменте, литературном и техническом, заложенном таким образом за столетие до 1550 года, могла быть построена великая структура елизаветинской драмы.

О том, насколько возросла оценка нравоучительных пьес, можно очень хорошо судить по некоторым недавним высказываниям в их адрес изучающих драматургию. Все особенно громко восхваляют "Обывателя". Во введении к "Everyman with other Interludes" из серии "Everyman" писатель говорит, что "обратиться от пьесы Бэйла (одной из более поздних моралей, "Божьих обетований") к душераздирающим реалиям "Everyman" - все равно что обратиться от тома законов к назидательным проповедям одного из Евангелий". Он добавляет:

"Она была написана, без сомнения, как и большинство пьес в этом томе, священнослужителем; и он, должно быть, был человеком с глубоким воображением и самой нежной человеческой душой, какую только можно себе представить. Его церковные привычки становятся достаточно ясны к концу пьесы, где он призывает каждого человека пойти и исповедаться в своих грехах. Подобно многим более пронзительным сценам и отрывкам в пьесах о чудесах, которые следуют за ней, эта мораль также заставляет восклицать о том, насколько хорош был простой английский язык четырнадцатого и пятнадцатого веков".

Было бы ошибкой думать, что в этих старых драмах изображалась только серьезная сторона жизни. Напротив, они были полны юмора, и автор уже цитировавшегося Предисловия к "Everyman" говорит по этому поводу: "В этих религиозных и моральных интерлюдиях драматическая окраска, какой бы грубой она ни была, реальна и искренна. Юмор широкой народной комедии постоянно прорывается сквозь паутину Священных Писаний в пьесах гильдии, подобных тем, в которых Ной-кораблестроитель или пресловутые три пастуха появляются в театрализованном представлении. Противоборствующая жена Ноя в "Честерском потоке" и хитрая жена Мака в "Пастушьей пьесе Уэйкфилда", где в сценах кражи овец раскрывается прирожденный йоркширский юморист, предлагают пару сплетен, с которыми нелегко сравниться для грубой комедии. Жена Мака, как пастух из той же пасторали, повторяет пословицы на каждом выдохе: "В конце концов, женщине помогает ависа!" "Так долго горшок шел к воде, наконец, он вернулся домой сломанным!"

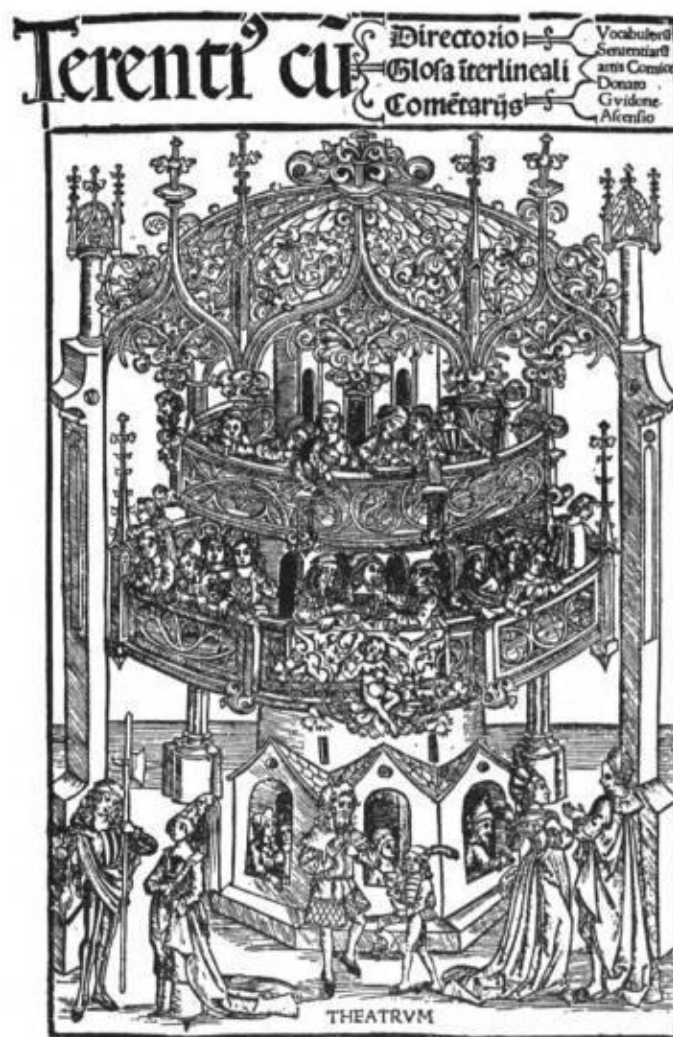
"То в жару, то в холод,
В полном отчаянии семья,
Которой нужна женщина!"

И ее пьеса о старом присловье северян: "Я съем своего ребенка",

"Если я когда-нибудь обманул тебя,
То съем этого ребенка,
Который лежит в этой колыбели",

(ребенок был украденной овцой), должно быть, вызвало у горожан и деревенских жителей возмутительный смех. Жена Мака действительно по-своему столь же запоминающаяся, как Жена из Бата, дама Квикли или миссис Гэмп ".

Некоторое представление о том, до какой степени люди того времени стремились к массовым зрелищам, можно получить из "Марии Магдалины", которая сочетает в себе элементы всех различных видов религиозных пьес того времени. Это была пьеса о чуде, потому что в ней рассказывается о жизни и смерти святой Марии Магдалины. Это пьеса-мистерия, поскольку в ней представлены сцены из Жизни Христа.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ТЕАТРА НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ "КОМЕДИЙ ТЕРЕНЦИЯ", СТРАСБУРГ (1490)

Это пьеса о морали, потому что абстрактные персонажи выводятся на сцену для представления борьбы между добром и злом в человеческой жизни. Доктор Фернивалл разделил пьесу на две части, всего в ней пятьдесят одна сцена: двадцать в первой и тридцать одна во второй. Есть некоторые свидетельства того, что некоторые сцены были вставлены только для того, чтобы дать время для смены сцен. Вероятно, у них было два театрализованных представления или передвижных грузовика, которые чем-то напоминали бы передвижную сцену, которая была предпринята в последнем поколении. Сожжение храма и некоторые эпизоды морских странствий вполне могли предоставить возможность для впечатляющих эффектов амбициозного характера. У нас нет записей о том, как далеко они зашли в этом отношении, хотя некоторые намеки на попытки неожиданного сценического представления можно найти в документах того времени, и мы знаем, что в Италии они очень эффективно инсценировали землетрясение.

Пьеса "Четыре стихии" была написана как раз в начале шестнадцатого века. Дата его написания обозначена одной из речей Experience в этой пьесе, которая говорит:

- До сих пор, в течение этих двадцати лет.
На Западе будут найдены новые земли,
О которых мы никогда до этого не слышали
ни письменно, ни другими способами".

Этот отрывок иллюстрирует тенденцию делать эти пьесы не только развлекательными, но и поучительными, и можно было бы процитировать множество подобных отрывков, чтобы показать, что с их помощью предпринимались определенные усилия по передаче информации, хотя, как правило, это имело гораздо большее отношение к религии и общественной жизни, чем к вещам, более далеким от повседневной жизни.

Одним из важных драматических писателей первой половины нашего века Колумба был Джон Скелтон, родившийся около 1460 года и бывший одним из самых выдающихся английских литераторов своего времени. У него была серия литературных ссор со многими выдающимися писателями, в том числе с Александром Барклаем и Уильямом Лили, грамматиком, и какое-то время он пользовался покровительством Вулси, но, очевидно, не смог обуздать свою склонность к сатире и поэтому попал в немилость кардинала. Александр Дайс издал свои произведения в двух томах в 1843 году и обратил особое внимание на подлинную ценность своих четырех драматических произведений: "Интерлюдии о добродетели", комедии под названием "Ахидемойос", "Ниграмансир" (некромант) и "Величие". Сейчас сохранился только один из них, последний, хотя относительно остальных существуют традиции, и единственный оставшийся показывает, какой ценный материал был утрачен.

Еще более важным вкладчиком в это направление драматической литературы и весьма значительным предшественником Шекспира был Джон Хейвуд, друг и сосед сэра Томаса Мора из Хартфордшира, написавший серию драматических произведений, состоящих из пяти интермедий. Из них "Четыре буквы П" наиболее известны и являются типичным примером этой формы драматической литературы. Его полное название - "Очень веселая интрижка торговца людьми, Помилователя, Бакалейщика и Коробейника", и сюжет разворачивается вокруг состязания, устроенного между ними, и особенно первыми тремя, относительно того, кто сможет сказать наибольшую ложь. Палмеры были настоящими или предполагаемыми вернувшимися паломниками из Святой Земли, несущими пальмы как символ своего паломничества, и, как правило, были известны своим умением рассказывать убедительные истории. Помилователи были бродячими торговцами, которые продавали напечатанные молитвы и различные предметы поклонения, к которым прилагались индульгенции, прощение, на языке того времени. Они тоже были известны тем, что натягивали длинный лук. Бакалейщик и Разносчик, благодаря их привычке сплетничать с людьми, знали все новости района, в котором они жили, и имели репутацию людей, способных придать рассказам живость и сенсационность, так что вполне можно было ожидать, что Четыре буквы "П" послужат прекрасными иллюстрациями умения лгать.

Палмер получает приз в конкурсе с самым первым рассказом. Все сразу соглашаются, что никто не может даже надеяться превзойти его. Отрывок, в котором он это делает, стоит процитировать, потому что он дает иллюстрацию языка и стиля, а также того юмора, который можно найти в "интерлюдиях" Хейвуда:

- И вот что я хотел бы, чтобы вы поняли:
я видел женщин пятьсот тысяч;
И часто оставался с ними подолгу.
Однако во всех местах, где я бывал,
Из всех женщин, которых я видел,
я никогда не видел и не знал на своей совести
Ни одной женщины, потерявшей терпение".

Таким образом, спокойно и с такой силой серьезного утверждения с уст Палмера срывается самая большая и осязаемая ложь. Сами конкурсанты сразу же единодушны в своем решении.

Священник: "Клянусь мессой, это великая ложь!"

Помилователь: "Я никогда не слышал большего, клянусь Пресвятой Богородицей!"

Разносчик: "Более великий! Нет, знаете ли вы кого-нибудь столь же великого?"

В своем рассказе о "Помилователе" Хейвуд без колебаний высмеивает многие претензии этого класса и особенно то, что они потакают суевериям невежд, продавая всевозможные невероятные реликвии. Католики очень хорошо понимают, что подобные мошенничества практикуются во все времена. Даже в наши дни мужчины ходят повсюду, продавая молитвы, чтение которых, как предполагается, дает тысячи лет снисхождения и тому подобную нелепость. Кроме того, торговля искусственными реликвиями хорошо известна, и церковные власти всегда пытались регулировать ее. Хейвуд попросил своего Помилователя выставить на продажу такие реликвии, как кусочек ногтя большого пальца Святой Троицы, перо из крыла Святого Духа и тому подобные невероятные нелепости. Навязывания во имя религии все еще с нами. Интересно знать, что до религиозной революции с ними боролись с помощью лучшего оружия - сатиры.

Еще до конца века правления Колумба была написана первая английская комедия в современном смысле этого слова. Она была написана Николасом Удаллом и называлась в честь своего героя "Ральф Ройстер Дойстер". Он был чванливым простаком, тщеславным щеголем того времени, которого играет некто Мэтью Мерригрик, нуждающийся юморист, олицетворяющий паразита старой латинской драмы, под влиянием которой была написана эта первая английская комедия. Николас Удалл был директором Итонской школы, и пьеса, состоящая из оживленных рифмованных куплетов, перемежающихся веселыми песнями, была написана для того, чтобы мальчики Итона играли ее в соответствии с их обычаем ставить по несколько спектаклей в год. Пьеса в какой-то степени напоминает фарс и содержит ряд ситуаций такого рода, которые всегда вызывали смех и, несомненно, всегда будут вызывать. В одной из сцен пьесы женщины, вооруженные метлами, побеждают Ральфа и его мужчину в ожесточенной схватке. Представлен урок о необходимости пунктуации, показывающий, насколько полностью можно изменить смысл письма, поставив точки в неправильных местах. Удалл написал несколько других пьес, в частности одну под названием "Иезекииль", использованную для развлечения королевы Елизаветы во время ее визита в Кембридж.

Другая форма литературы, помимо драмы, которая достигла зрелости в это время в Англии, также носит популярный характер. Она состоит из волнующих английских баллад, которые были собраны в один том епископом Перси в его "Реликвиях" в конце восемнадцатого века. Вероятно, никогда не было более волнующего боевого пения, чем в "Древней балладе о Чеве Чейзе", или "Адаме Белле", или "Клайме из Клафа". Хорошо было сказано, что "по

графической лаконичности, по поэтической простоте, по пламенному пылу, по нежности пафоса наша современная поэзия не приближается к этим старым балладам". Сэр Филип Сидни сказал о "Чеве Чейзе": "Я никогда не слышал старой песни Перси и Дугласа, которая тронула бы мое сердце сильнее, чем звук трубы". Несмотря на то, что язык прост, стихи грубы, мысли суровы, а история чрезмерно проникнута сочувствием к преступнику, во все времена, даже самые утонченные, эти баллады волновали сердца англичан. Авторы их неизвестны, но они обладали гением истинных поэтов, силой видения и поразительной способностью к самовыражению. Баллады будут жить так же долго, как наш английский язык, и их будут продолжать читать даже культурные люди, во всех отношениях далекие от грубости того времени и людей, для которых были написаны эти баллады.

После балладной поэзии того периода вполне естественно последовала **"Смерть Артура" сэра Томаса Мэлори**. Было много различных мнений относительно достоинств этой работы, и в лучшем случае это смесь из многих источников. То, что мистер Эндрю Лэнг назвал "великолепным лоскутным одеялом", гармонично дополнено достойным заключением "в нежности и невыразимой печали". Несмотря на множество источников, существует единство духа и чувств, и Мэлори был замечательным рассказчиком. Жизненная сила Мэлори подтверждается изданием за изданием в девятнадцатом веке. Эта книга апеллирует к вечной природе человека, и это всегда будет занимать ей почетное место, по крайней мере, среди книг образованных людей. Стиля в литературном смысле этого термина очень мало, и аномальные конструкции Мэлори всегда озадачивали грамматиков, но, как говорит Гарнетт в своей книге "Английская литература" [Сноска 47], "Это не делает его непонятным для читателей любого периода". Кэкстон возложил на английскую литературу огромные обязательства, обеспечив сохранность произведения, выбрав его в качестве одной из своих ранних печатных книг. С тех пор это делает честь его вкусу в популярной литературе.

[Сноска 47: "Английская литература: иллюстрированный отчет в четырех томах". Гарнетт и Госс: Нью-Йорк, 1903.]

Во второй половине пятнадцатого и в первые годы шестнадцатого века в Шотландии произошло замечательное развитие английской поэзии. Незадолго до открытия "Века Колумба" Джеймс Ферст из Шотландии, девятнадцать лет просидевший в английской тюрьме, положил славное начало шотландской литературе. Одиночество этих лет побудило его искать и приобретать ту литературную культуру, которая сделала его имя известным в мире литературы. Вполне возможно, что "Королевская просьба" (a quire или книга), представляющая собой поэтическую запись о том, как он увидел Джейн Бофорт, внучку Джона Гонты, из окна своей тюрьмы, и о том, как он завоевал ее в качестве своей королевы, могла быть написана не его рукой. Однако нет никаких сомнений в его вкусе к литературе, в его покровительстве ей и в том, что он заложил традицию, которая сделала английскую литературу Шотландии такой важной на протяжении большей части последующих столетий. Четыре поэта середины века Колумба в Шотландии заслуживают того, чтобы их назвали: Слепой Гарри, Роберт Хенрисон, Гавин Дуглас и Уильям Данбар. Все они до сих пор с любовью читаются шотландцами, но очень немногие среди образованных людей англоязычных стран захотели бы признаться в незнании их, и для многих они являются любимыми поэтами. Данбар - величайший из английских поэтов от Чосера до Шекспира, и шотландские критики, по крайней мере, громко восхваляли его. Мистер Крейк говорит:

"Этого замечательного мастера, как серьезной, так и шуточной песни, по праву можно назвать шотландским Чосером, независимо от того, обращаем ли мы внимание на широкий диапазон его гения или на его превосходство во всех стилях над всеми поэтами его страны,

которые предшествовали ему и всеми, кто на протяжении веков приходил после него. Бернс, безусловно, единственное имя среди шотландских поэтов, которое еще можно поставить в один ряд с именем Данбара; и даже вдохновенный пахарь, хотя и равен Данбару по комической силе и превосходит его по глубине страсти, не может сравниться с поэтом постарше ни по силе, ни по общей плодovitости воображения ".

Два английских поэта нашего времени - Генри Говард, граф Суррей, и сэр Томас Уайатт, у которых, несмотря на неравенство в заслугах, так много общего, что их имена тесно связаны. О том, насколько высоко их ценили во времена Елизаветы и как много их влияние значило для современников Шекспира, можно судить по выражению Паттенхэма, сказавшего в 1589 году:

"Генри, граф Суррей, и сэр Томас Уайатт, между которыми я нахожу очень мало различий, я почитаю их за два главных фонаря света для всех остальных, кто с тех пор потратил свои силы на английскую поэзию; их тщеславие было возвышенным, их стиль величественным, их манера держаться безупречной, их слова правильными, их размеры изящными и пропорциональными".

Суррею английская литература обязана двумя важными литературными новшествами - введением сонета и использованием отточенного белого стиха. Влияние Италии и классических авторов прослеживается очень отчетливо, и его версия второй и четвертой книг "Энеиды", которую Мильтон назвал "английским героическим стихом без рифмы", оказала фундаментальное влияние на английскую поэзию. Его сонеты - это в основном любовные излияния, которые в то время повсеместно входили в моду и которым Шекспир, в свою очередь, предавался немного позже. Некоторые из его биографов и редакторов выдвинули ряд причудливых теорий о его отношениях с "прекрасной Джеральдиной", в честь которой были написаны многие из лучших сонетов, но сомнительно, что эти любовные стихи представляют собой нечто большее, чем блуждающие поэтические фантазии того времени. Незаслуженная смерть Суррея на эшафоте в возрасте тридцати лет усилила романтический интерес, связанный с его именем как поэта. Сэр Томас Уайатт, хотя и более чем на дюжину лет старше своего друга Суррея, должен считаться его учеником в поэзии. Он тоже написал несколько новых сонетов на тему, занимавшую многих поэтов того времени, - Любовь, - но, как и в случае с Сурреем, у нас есть от него несколько сатир и метрические версии псалмов.

Вероятно, величайшим вкладом в английскую прозу того времени является "Жизнь Эдварда V." сэра Томаса Мора. Мистер Халлам назвал его "первым образцом хорошего английского языка - чистого и пронизательного, хорошо подобранного, без вульгаризмов или педантизма". Многие другие провозгласили Мора первым великим мастером английской прозы и даже отцом английской прозы. Среди критиков были голоса несогласных с этими высокими похвалами. Однако нет сомнений в том, что Мор писал прямым прямым английским языком, который глубоко повлиял на ход английской речи, и традиция отвела ему высокое место среди великих английских ораторов. Язык, несомненно, произвел на него глубокое впечатление, и хотя его самым важным произведением в литературе является "Утопия", написанная на латыни, нельзя отрицать его высокое место в английском языке.

Знатоки английского языка всегда признавали это, но из-за религиозных чувств и антикатолической традиции, сложившейся во времена Елизаветы и Джеймса, работой Мора пренебрегали, за исключением более глубоких исследователей. Сэмюэл Джонсон в "Истории английского языка", прилагаемой к его словарю, посвящает почти треть всего места, отведенного для этой цели, Большему. Он несколько извиняется за обилие цитат из

"канцлера", но оправдывает это тем, что "Необходимо привести более крупный образец как потому, что язык был в значительной степени сформирован и устоявшийся, так и потому, что из слов Бена Джонсона следует, что его работы считались образцами чистого и элегантного стиля".

Недавний писатель, [Сноска 48] профессор Дж. С. Филлимор, говорит о стиле Мора: "Его обычная проза отличается легким, эластичным изобилием Боккаччо и любовью юриста исчерпывающе доказывать свою точку зрения в споре. Но он обладает всеми качествами великого прозаического стиля: звучным красноречием, менее громоздким, чем у Мильтона; простотой и доходчивостью аргументации, с безошибочным чувством ритмов и гармоний английского звучания. Он мастер диалога, излюбленного средства передвижения того века; не слишком драматичный в этопоэзии персонажей и в то же время не позволяющий форме превратиться в пустую условность, возражающий в своем великом Диалоге ("Вопрос он" и "Вопрос я") - кто угодно, только не соломенный человечек. Мы видим, что если Лукиан был его ранней любовью, то он не пренебрегал и Платоном. Елизаветинская проза безвкусна и манерна по сравнению с его собственной: после его смерти обрывается нить Чосера, которую никто не подхватил до Кларендона и Драйдена. С его разговорной, хорошо воспитанной, непринужденной непринужденностью он является предком Swift. Его стиль - так говорит нам Эразм - был приобретен долгими и тщательными занятиями и упражнениями; он изучал латынь, плоды которой должны были появиться на английском, когда растущая серьезность времени предупредила его, что было бы неплохо выступить перед более широкой аудиторией, чем латынь могла охватить. Даже там, где он многословен - а это может показаться многословием в "фолианте черныхписем", который в современной форме читается достаточно легко и приятно, - его веселый юмор ненадолго умолкает".

[Сноска 48: *Дублинское обозрение*, июль 1913 г.]

Как и во французском, некоторые переводы на английский в этот период представляют собой почти такую же замечательную прозу, как "Плутарх" Амьо. Даже когда переводы того времени обладают причудливостью английского языка того периода, они достойны восхищения своей близостью к оригиналу и определенным ритмом предложений. О переводе Бернером "Хроник" Фруассара Снелл в книге "Переходная эпоха" ("Справочники английской литературы", "Скрибнерс") говорит: "Английский язык настолько насквозь идиоматичен, что при чтении теряется всякое ощущение, что книга - всего лишь интерпретация, и человек отдается ее легкому и знакомому течению с тем же радостным самодовольством, как если бы это было оригинальное произведение. С другой стороны, если кто-то настаивает на том, чтобы разрушить чары и сравнить их с французским текстом, его поражает не только великолепие, но и точность перевода".

Литературное качество английской прозы первой половины шестнадцатого века лучше всего раскрывается в переводах Священных Писаний, сделанных в то время на народный язык, и в непревзойденных сборниках английского молитвенника. Тиндейл и Ковердейл ответственны за переводы Священных Писаний, и Кранмеру обычно приписывают написание Сборников, хотя, как было сказано Сэнтсбери, "эта атрибуция находит лишь очень слабое подтверждение в известной работе архиепископа". Именно благодаря этим образцам удивительно выразительного, насквозь идиоматичного английского языка, изысканным образцам стиля переводчики версии Библии короля Якова получили возможность подарить нам замечательный фундаментальный литературный труд, который должен был выйти из-под их рук полвека спустя. Было сказано, что один из самых неотразимых аргументов в пользу божественного авторства Священных Писаний

заключается в способности, которой они обладают, делать все их переводы великой литературой. Именно их влияние ощущается в английском молитвеннике и в тех частях Требника, которыми мы обязаны первой половине шестнадцатого века.

МАНТЕНЬЯ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

ГЛАВА VI

СТИПЕНДИЯ В ИТАЛИИ

Одной из самых важных глав в великом достижении людей нашего столетия является их ученость, то есть критическое и ценное знание того, что люди написали до их времени, и особенно великих классических произведений древности. В этом, почти излишне говорить, Италия является не только первопроходцем, но и *сmydueй alma mater studiorum*, которой так гордился Линакре, для тех, кто стремится к познанию классики и настоящей учености со всего мира. Из всех стран, Франции, Испании, Германии, далеких Польши и Дании, а также Англии, в Италию стекались те, кто искал возможности для учебы, которые нельзя было получить дома. Кроме того, итальянские учителя преподают повсюду, хотя сама Италия не оказалась мачехой для тех, кто получил хорошее образование в ее великих учебных заведениях. Многие иностранцы, доказавшие свои способности, получили профессорское звание и провели много лет, обучая других в Италии так, как учили его самого.

Сейчас век книгопечатания, и было крайне важно, чтобы как можно скорее были напечатаны хорошие издания классических произведений, чтобы предотвратить дальнейшее вырождение их текстов и избежать дальнейшего риска потери драгоценных сокровищ древности. Ученые Италии взялись за создание хороших текстов, и в течение столетия после изобретения книгопечатания все важные греческие и латинские авторы были опубликованы в научных изданиях, тексты которых до сих пор вызывают уважение. Количество труда, необходимого для этого, разумная ученость, терпение, которое было необходимо, и бескорыстная преданность самому трудному делу - все это по достоинству могут оценить только ученые. Нет большего долга, которым мы обязаны эпохе Возрождения, чем то, что она сделала для классической литературы, и, безусловно, большая часть этого долга принадлежит Италии.

Повсюду, то есть в каждом крупном городе, существовали школы Нового обучения, и обычно какие-нибудь щедрые покровители того, что они стали называть гуманизмом, потому что это представляло высшие интересы человечества, поддерживая ученых, которые писали и исправляли рукописи, а впоследствии формировали библиотеки печатных книг и давали возможность великим печатникам продолжать свою работу, подписываясь на их первые издания. Если бы Церковь не была глубоко заинтересована в этом новом движении, было бы совершенно невозможно, чтобы оно продолжалось. К сожалению, как это всегда случается всякий раз, когда люди получают новые знания, многие из них, то есть беспокойные и недалекие умы среди них, которые всегда, вероятно, составляют подавляющее большинство в любом новом движении, были захвачены идеей, что они знают намного больше, чем те, кто был до них, что от них нельзя ожидать принятия старомодных идей в религии и философии. Из-за беспорядков, вызванных такими неугомонными личностями, в настоящее время иногда кажется, что между Церковью и Новым Учением существует противостояние. Это ложное впечатление отчасти связано с тем фактом, что в некоторых странах, особенно в Германии и Англии, доктрины реформ, как указывал Гаске, часто назывались Новым учением, чему, конечно, была оппозиция. Однако

большинство великих ученых-классиков были священнослужителями, некоторые из них имели очень высокий ранг и влияние в церковных советах, даже кардиналы и папы, и в целом подавляющее большинство выдающихся ученых испытывали самые тесные симпатии к церковным властям. Исключений настолько мало, что существование этого правила становится предельно ясным, хотя в наше время исключениям уделяется так много внимания, что у очень многих умов создалось совершенно ложное впечатление относительно церковной оппозиции образованию.

Первое имя, которое заслуживает упоминания среди ученых Италии, - это Эней Сильвий из семьи Пикколомини, который более известен под именем Пий II, которое он носил как папа. Он является типичным примером ученых эпохи Возрождения, поскольку в молодости его изучение классической античности привело его к выражению языческих идей как в жизни, так и в языке. В возрасте сорока лет он исправился и стал так же хорошо известен своей преданностью, как и прежней раскованностью характера. Император Фридрих III сделал его имперским поэтом, и его репутация ученого создала моду в этом отношении, которая принесла большую пользу растущему движению Нового обучения. Его влияние как папы продолжало это делать, хотя главной задачей своего понтификата он сделал организацию Европы против турок, чтобы предотвратить дальнейшее усиление их могущества со всем, что означало бы разрушение культуры, а также религии. Действительно, его любовь к литературе, по-видимому, была по меньшей мере таким же большим стимулом для организации крестового похода, как и его долг священнослужителя. Когда он услышал о падении Константинополя, он воскликнул: "Сколько имен могущественных людей погибнет! Это вторая смерть Гомера и Платона. Источник муз иссяк навсегда". О том, как высоко ценили его современники и как много значил пример его учености, лучше всего можно судить по дворцу Пикколомини и другим зданиям Пьенцы, но особенно по изысканно красивой библиотеке Пикколомини в Сиене. Украшения, созданные Пинтуриккьо для этой библиотеки, являются лишь дополнительным свидетельством восхищения его поколением. Письмо Сильвиуса Ладисласу, молодому королю Богемии и Венгрии, который обратился к нему за советом относительно образования, является одним из важных документов в истории образования. В нем содержится часто цитируемый отрывок о месте памяти в образовании:

"Сначала мы должны подчеркнуть огромную важность памяти, которая на самом деле является первым условием способности к письму. Мальчик должен учиться без усилий, точно запоминать и легко воспроизводить. Справедливо называют память "кормящей матерью познания". Однако она нуждается в совершенствовании, независимо от того, одарен ли мальчик внимательностью или нет. Поэтому пусть каждый день запоминается какой-нибудь отрывок из поэта или моралиста".

Одним из величайших ученых того периода и одним из лидеров ренессансного движения к классике, которое привело к пробуждению деятелей искусства и литературы того времени, был кардинал Виссарион, чья долгая жизнь, длившаяся более восьмидесяти лет, дала ему почти четверть века во времена Колумба. Он прибыл вместе с императором Иоанном Палеологом на Феррарский собор в 1438 году, где его репутация ученого и обширная эрудиция во всех богословских вопросах обеспечили ему большой авторитет среди греческих епископов. Ему больше, чем кому-либо другому, следует приписать официальное воссоединение с латинской Церковью, которое стало счастливым результатом этого Собора. Поэтому ему была оказана честь прочитать греческую формулу Акта объединения. К сожалению, уния была недолгой, но Виссарион перешел на латинский обряд и в 1439 году был возведен в сан кардинала.

Кардинал пользовался большой популярностью у последующих пап, и как раз в начале века правления Колумба его отправили в качестве папского легата в Болонью, как "ангела мира", в надежде, что он сможет подавить фракционные волнения и примирить разделенные интересы. Кардинал Виссарион превосходно справился с этой трудной миссией, уладил внутренние разногласия и преуспел в проведении мудрых реформ в городском управлении и отправлении правосудия. Однако его основное внимание было уделено университету. Он перестроил здание и собрал там самых известных учителей мира, особенно поощряя изучение классики, и прежде всего греческого языка. Он сам обеспечивал из своих личных доходов все, чего не хватало в зарплате, собрал вокруг себя выдающуюся группу ученых, писателей и поэтов и положил начало тому великолепному всплеску интереса к интеллектуальной жизни, который должен был сделать Болонью такой знаменитой.

Он продолжал активно оказывать влияние на науку Италии, пока ему не перевалило за восемьдесят, но всегда был важным фактором практической жизни своего времени. Когда ему был восемьдесят один год, он написал для папы Павла II письмо об организации нового крестового похода против турок. Когда ему было восемьдесят три, он отправился с посольством в Париж, чтобы организовать объединение западных наций для крестового похода. Находясь в Риме в последние годы своей жизни, Виссарион собрал вокруг себя ученых и писателей всех специальностей. Ученые того времени особенно многим обязаны его покровительству. Он был другом Пурбаха из Вены, кардинала Николая Кузанского, Региомонтана и многих других. В его доме была основана первая академия, и он был известен как покровитель литературоведения. Он собрал огромное количество ценных рукописей за очень большие деньги, заказал копии других и передал свои сокровища после смерти, чтобы основать библиотеку в Венеции, его коллекция составила ядро знаменитой библиотеки Святого Марка.

После этих двух великих церковников и покровителей науки есть ряд ученых, чьи имена заслуживают упоминания за то влияние, которое они оказали на науку в Европе того времени. В начале нашего века пришли греки, которые были изгнаны из своей родной страны в результате завоевания турками. Деметрий Халкондил, Теодор Газа, Георгий Трапезунд и Иоанн Аргиропулос, не имея возможности спокойно продолжать свои занятия в разгар тревоги, поднятой турками, прибыли в Италию еще до падения Константинополя. В 1448 году Газа читал лекции о Демосфене в Ферраре, где среди его учеников был впоследствии выдающийся немецкий ученый Рудольф Агрикола. В первый год нашего столетия папа Николай V пригласил Газу в Рим занять кафедру философии и принять главное участие в задуманном папой плане перевода основных греческих классиков. Переводы Газы были в основном связаны с научными греческими трудами, такими как "О проблемах механики" Аристотеля и "О животных" и "Ботаника" Теофраста. На некоторое время он удалился в монастырь, но был отозван в Рим папой Павлом II для участия в **издании принцепса** Геллия. После смерти Виссариона он снова удалился в свой монастырь, где и скончался в 1475 году. Его греческая грамматика стала знаменитой и использовалась в качестве учебника Будеусом в Париже и Эразмом в Кембридже. Мануций описывает его как главного среди латинских и греческих ученых своего времени, века, изобилующего ученостью, и Скалигер более века спустя восхваляет его как *magnus vir et doctus*, великого человека и ученого.

Джордж Трапезунд, много лет преподававший в Венеции, был приглашен в Рим, где стал одним из папских секретарей. Он также принимал участие в плане перевода греческих классиков, и его переводы включают "Риторику и проблемы Аристотеля" и "Законы и Харменииды Платона". Аргиропулос преподавал сначала в Падуе, а затем в течение пятнадцати лет под покровительством Медичи во Флоренции. Он тоже был приглашен

папой в Рим и пользовался там большим уважением. Его роль в великом плане перевода касалась главным образом трудов Аристотеля, чьи "Этика", "Политика", "Экономика", "О душе" и "О небесах" были напечатаны в его версиях. Он был мастером политологии, и его лекции посещали Типтофф, граф Вустерский, и Рейхлин, великий немецкий гуманист. Обращаясь к Рейхлину, Аргиропулос, услышав, как тот читает и переводит отрывок из Фукидида, воскликнул со вздохом: "О чудо! благодаря нашему изгнанию Греция перелетела через Альпы". Халкондилес в раннем возрасте двадцати шести лет сразу завоевал итальянскую аудиторию в Перудже в 1450 году. Впоследствии он читал лекции в Падуе, будучи первым преподавателем греческого языка, получавшим зарплату в любом из университетов Европы. В течение двадцати лет он читал лекции во Флоренции и там подготовил *editio princeps* Гомера, первого великого греческого автора, который был напечатан. После смерти Лоренцо Медичи он удалился в Милан и там редактировал "Исократа" и "Самоубийцу". Его исправление греческих текстов - лучшее доказательство его учености, и мало кто из людей его времени мог сравниться с ним в этом. Он был известен мягкостью своего нрава и цельностью характера, и у него появилось много друзей. В Санта-Мария-Новелла во Флоренции есть знаменитая картина Гирландайо, на которой изображены портреты Фичино, Ландино, Политиана и Халкондилеса.

Работе всех этих людей оказал большую помощь папа Николай V, который сам был выдающимся ученым в то научное время. Во время своего понтификата в первые годы столетия Колумба он сделал для поощрения образования больше, чем кто-либо другой в то время. Его обширные познания в области рукописей сделали его лично экспертом, и он собирал рукописи со всех стран и является основателем ватиканской коллекции рукописей. Помимо переводов Аристотеля, под его руководством были переведены Фукидид, Геродот, Ксенофонт, Полибий и Эпиктет, Диодор Сицилийский, Страбон и Аппиан. Католицизм его вкуса и, прежде всего, включение научных книг греков - это дань уважения свободе духа папы. На смертном одре он заявил, что его величайшим утешением было то, что он был щедр в награждении ученых людей.

После папского влияния наиболее важным фактором поощрения учености были академии, которые были основаны в это время. Лоренцо де Медичи возродил, после перерыва в 1200 лет, древний обычай отмечать память Платона ежегодным банкетом. Из этого возникла **Академия** Флоренции, почти все члены которой были выдающимися учеными. Наиболее известными среди них являются Ландино и Фичино, оба они были наставниками Лоренцо, Пико делла Мирандола и Политиано. Первое известие об Академии, которое у нас есть, содержится во введении к изданию "Симпозиума" Платона, подготовленному Фичино. Он рассказывает, что все семь его выступлений на "Симпозиуме" были прочитаны вслух и обсуждены пятью гостями. Несомненно, Фичино был центром **Академии** и одним из величайших деятелей науки того времени. В возрасте сорока лет он принял священный сан и следующие двадцать пять лет, вплоть до своей смерти, был известен как верный священник, чья ученость была посвящена тому, чтобы показать, как Платон осветил христианство. В последние годы своей жизни он читал лекции по Плотину и переводил его.

Самым известным из этих ученых во Флоренции, несомненно, был Политиан, гораздо больше интересовавшийся латынью, чем греческим, хотя Сэндис в своей "Истории классической науки" (Издательство Кембриджского университета, 1908) говорит, что он, вероятно, был первым учителем в Италии, чье владение греческим языком было на уровне греческих иммигрантов. Хотя он умер в возрасте сорока лет, мы обязаны ему ценной текстологической критикой Лукреция, Проперция, Овидия, Статия, Авзония, Цельса, Квинтилиана, Феста, а также Катутла и Тибулла. Его монография о хронологии писем Цицерона, его обсуждение использования придыхательного в латинском и греческом

языках и различий между аористом и имперфектом, проиллюстрированных подписями греческих скульпторов, а также его умение решать текстовые трудности сделали его одним из величайших вкладчиков в великолепную работу, проделанную в это время в области классической научной грамматики и эрудиции, а также в обеспечение мира надлежащими текстами классиков. Помимо чистой литературы, он очень интересовался правом и специально изучал "Пандекты" Юстиниана. Он отказался следовать за теми, кто рабски подражал Цицерону, и осуждает цicerонианцев как простых обезьян Цицерона. Известны его высказывания по этому поводу. "Мне лицо быка или льва кажется гораздо красивее, чем у обезьяны, хотя обезьяна имеет более близкое сходство с человеком. Но кто-то скажет, что вы не выражаете Цицерона. Я отвечаю, что я не Цицерон, то, что я действительно выражаю, - это я сам".

Академии были созданы в других городах и добились отличных результатов в плане получения образования, хотя временами власти подозревали их в занятии политикой или в фактической поддержке политических группировок или даже революционных идей. Почти всегда они обязаны своим происхождением покровительству высших духовных лиц или тех, кто был в очень близких симпатиях к Церкви, и всегда в их состав входили выдающиеся священнослужители. После Флорентийской академии следующей в хронологическом порядке была Римская. Существует даже некоторый вопрос, не была ли Римская академия первой по времени, только она получила это название только после того, как оно было принято во Флоренции. Самой важной фигурой в Римской академии был человек, который за неимением лучшего принял древнеримское имя Помпоний Летус. У него был достаточно ограниченный интеллект, чтобы отказаться изучать греческий, потому что он боялся, что это испортит его латинский стиль. Члены Римской академии, подчиняясь его правящему духу, отпраздновали основание Рима ежегодным возвращением фестиваля Палилии - обычая, который до сих пор сохраняется многими римскими академиями. Помпоний занимался садоводством в соответствии с наставлениями Варрона и Колумеллы, латинских авторов по сельскому хозяйству, и ничто так не радовало его, как то, что его считали вторым Катонем. Именно ему обязано возрождение регулярных постановок пьес Плавта.

КОРРЕДЖО, ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА И СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН

Среди наиболее важных членов Академии были Платина, который стал библиотекарем Ватикана, и Сабелликus, который впоследствии стал префектом Библиотеки Сан-Марко в Венеции. На какое-то время из-за подозрений в ее политических, а возможно, и религиозных тенденциях Римская академия была закрыта, а некоторые из ее членов посажены в тюрьму, но при папе Сиксте IV она была возрождена и все ее старые обычаи восстановлены. Помпоний написал комментарии ко всему Вергилию, к Саллюстию и Курцию, к письмам Плиния и Квинтилиана, к своим фаворитам в области сельского хозяйства Варрону и Колумелле, а также к своим не менее великим фаворитам, грамматикам Фесту и Нонию Марцеллам. Чтобы дополнить свое сходство с древними римлянами, он когда-то при жизни выразил желание, чтобы после смерти его тело просто поместили в древнеримскую гробницу на Аппиевой дороге. Когда он умер в возрасте семидесяти лет, его взгляды изменились, и ему устроили великолепные христианские похороны. Столь велико было почитание его учености, что на его погребении в церкви **Ара Коэли**, среди римских древностей, которые он так любил, присутствовало, как сообщает нам Грегоровиус, около сорока епископов.

Эта Римская академия продолжала существовать, то процветая, то занимаясь тривиальными вещами, как и положено подобным учреждениям, вплоть до разграбления

Рима в 1527 году. Как говорит Сэндис ("Гарвардские лекции о возрождении обучения", издательство Кембриджского университета, 1905), "Его лучшие дни пришлось на эпоху Льва X, когда в него входили самые блестящие члены литературного общества Рима, такие люди, как будущие кардиналы Бембо и Садолето, а также Паоло Джовио и Кастильоне. Он очень поощрял изучение латыни, особенно, и его члены писали латинские стихи и произносили латинские речи, и, прежде всего, поощрял развитие римской археологии, сохранение всех видов римских останков, редактирование книг и восстановление всех возможных источников информации о римской жизни".

В Риме существовали небольшие академии, одна из которых, Витрувианская академия, занималась в основном архитектурой. Но, как это было верно и во Флоренции, где существовало несколько второстепенных академий, по крайней мере, некоторые из них были всего лишь прикрытием для политических дискуссий и организаций, и, как следствие, поставили под подозрение другие, более серьезные организации с тем же названием.

Следующая по значимости академия - Неаполитанская, которая возникла, вероятно, примерно в начале века правления Колумба, во время правления Альфонсо Арагонского, великодушного покровителя образования. Его наиболее выдающимися членами были Антонио из Палермо, чье итальянское имя Беккаделли часто используется; Понтано и Санназаро, поэты, и Лаврентий Валла, историк и профессор риторики. Впоследствии Валла стал профессором риторики в Риме по приглашению папы Николая V, который нуждался в его помощи для осуществления великого плана переводов с греческого на латынь всех великих авторов, которым он постоянно дорожил. Валла стал папским секретарем при преемнике Николая, папе Каликсте III, но, к сожалению, он умер в раннем возрасте пятидесяти лет. Он заслуживает более пристального внимания, потому что он является одним из основоположников исторической критики, и он начал это осуждение преувеличенной веры в Аристотеля, что само по себе очень правильно, но, к сожалению, зашло слишком далеко и привело к недооценке средневековых ученых, которые так усердно изучали Аристотеля, и даже самого Аристотеля. Его обсуждение Пожертвования Константина привлекло много внимания и очень ясно показало, как ученость может быть использована с благой целью для исправления ложных представлений даже спустя много времени после произошедших событий.

The **Академия** в Венеции заслуживает большего, чем мимолетное упоминание, потому что, хотя она и была основана намного позже других, она ставила перед собой вполне практическую цель - обеспечить систематическую публикацию греческих классиков. Она была основана Альдом в 1500 году, который назвал ее Новой академией эллинистов, и была настолько же сильно греческой, насколько Академия Помпония была римской. Ее конституция была написана на греческом языке, на собраниях говорили по-гречески, и греческие имена были приняты ее итальянскими членами. Фортигуэрра из Пистойи, секретарь Академии, таким образом, стал Картеромахом. Основной целью Академии было выпускать ежемесячно тиражом не менее 1000 экземпляров какого-нибудь хорошего автора. Среди почетных иностранных членов были Линакр, некоторые из переводов которого опубликовал Альдус, и Эразм, посетивший Венецию в 1508 году и выразивший восторг от возможности принять участие в обсуждениях Академии. Всему миру известно, насколько успешной была Академия в своей цели поощрения научной печати. Aldus выпустил не менее 27 **основных изданий** греческих авторов и греческих справочных изданий. На момент его смерти в 1515 году все основные произведения греческой классики были напечатаны. Академия сыграла важную роль в оказании ему помощи в этом великолепном достижении, которое значило для науки во всей Европе больше, чем, возможно, любое другое движение, занявшее столь короткое время.

Есть много ученых эпохи Возрождения, чьи имена едва ли известны за пределами узкого круга современных специалистов в своих отделах, хотя их влияние ощущалось на протяжении многих поколений и их работа достойна самых высоких похвал. Типичным примером этого является Амброджо Калепино, монах-августинец, которому мы обязаны первым большим современным латинским словарем. Под названием "Рог изобилия" она впервые появилась в Реджо в 1502 году и много раз переиздавалась в течение шестнадцатого века. Венецианские Альдусы напечатали не менее восемнадцати ее изданий. Этот лексикон стал основой, на которой последующие лексикографы, признавая его достоинства, создали свои более масштабные работы. Это было издание Фаччолати на семи языках, напечатанное в Павии в 1718 году, которое много раз переиздавалось. Имя Калепинус стало синонимом слова dictionary или лексикон и часто используется без заглавной буквы как нарицательное в Италии в течение последующих поколений. Его великолепная работа вполне заслужила это признание, поскольку является памятником классической науки первой половины века правления Колумба.

Одним из величайших итальянских ученых первой половины века Колумба был тот выдающийся член Флорентийской академии, книги которого были особыми любимцами сэра Томаса Мора, Джованни Пико делла Мирандола, который умер в раннем возрасте тридцати одного года после того, как возмечтал о единстве всех знаний и был поглощен планированием обширной работы, которая должна была сформировать законченную систему знаний. Он посвятил себя греческому языку, христианскому богословию и философии и даже навлек на себя подозрения своим погружением в каббалистические знания и произвел глубокое впечатление на поколение, среди которого жил. Его репутация замечательного не по годам развитого ученого, безвременно ушедшего из жизни, сохраняется до сих пор, а изучение сэром Томасом Мором его работ и обсуждение их создали ему репутацию в Англии, которая значительно усилила его известность по всей Западной Европе. Он был счастлив в своем конце, ибо скончался в тот самый день, когда захватчик Италии, король Франции Карл VIII, вступил маршем во Флоренцию.

Ученость продолжала занимать самое высокое место в Италии до тех пор, пока политические неурядицы, и прежде всего разграбление Рима в 1527 году, не отвлекли умы людей от мирных занятий, не разбросали библиотеки и не сделали покровительство учености наиболее трудным для правителей и духовенства.

ГЛАВА VII

УЧЕНОСТЬ ТЕВТОНСКИХ СТРАН

Германия и тесно связанные с ней тевтонские страны - единственная часть Европы, которая не создала отдельной национальной литературы в этот период Возрождения. Это правда, что популярная поэзия Ганса Сакса относится к этому времени, и она всегда была популярна в Германии и часто переиздавалась, но она никогда не оказывала никакого влияния на мировую литературу и представляет собой почти единичное явление в истории немецкой литературы. Реформаторы писали энергичную немецкую прозу, и в противоречивых статьях, которые были так часты в то время, и, прежде всего, в переводах Священного Писания на местный язык, заложили основы современного верхненемецкого языка, который должен быть прослежен до этого периода, но даже немцы вряд ли утверждают о существовании немецкой литературы эпохи Возрождения.

С другой стороны, наука Германии в то время была по-своему столь же замечательной, какой Германия когда-либо была в предметах, которыми она интересовалась. Вероятно, нигде в Европе наука не проникала в народ так глубоко, и нигде не предоставлялось более свободных возможностей для овладения классическими языками, чем вдоль Рейна, в Нюрнберге и соседних городах и даже в районах к северу от них. Немецкая мысль того времени была написана на латыни, и большая ее часть носила чисто академический и мимолетный характер. Однако некоторым из них, таким как работы Кемписа, прежде всего "Подражание Христу", было суждено обрести бессмертие и оказывать непреходящее влияние. Немало образовательных трудов Эразма и, особенно, других учеников "Братьев общей жизни" были свидетелями многих возрождений интереса вплоть до наших дней, когда они снова привлекают широкое внимание. Ученость отвлекла интеллектуальную энергию, которая могла бы быть направлена на создание национальной литературы для немцев, и ее необходимо глубоко изучить, чтобы оценить Германию того времени.

Для любого правильного понимания науки за пределами Италии в период Возрождения, который соответствует веку Колумба, наиболее важным предварительным условием является знание института, духа, работы и учеников Братьев Общей жизни. Значение их истории не было общепризнанным, особенно в англоязычных странах, до недавних лет, и даже сейчас многие не в состоянии оценить ее большое значение. Предубеждение против религиозных орденов, приобретенное благодаря симпатии к Реформации, затмило значение этого важнейшего фактора в образовании и учености тевтонских стран, которое действительно едва ли можно преувеличить. Порядок повседневной жизни был, особенно в первой половине того, что мы называли Веком Колумба, великой приемной матерью ученых, чья репутация заслуженно сохранилась до нашего времени и теперь стала непреходящими вехами в истории науки. Упоминания имен таких их учеников, как Агрикола, Томас Кемпийский, кардинал Николай Кузанский, Александр Гегиус и Вимфелинг, было бы вполне достаточно, чтобы предоставить исчерпывающее доказательство этого.

Члены этого религиозного ордена не давали никаких обетов, не просили и не получали милостыни. Согласно их конституции, они добывали хлеб насущный, хотя их первой целью было культивирование духовной жизни, и согласно их правилам они должны были

посвятить себя в связи с этой целью своему интеллектуальному развитию, образованию, копированию классических произведений и написанию книг. Их основатель, Герт де Гроот (1340-1384), принадлежал к довольно богатой купеческой семье, и когда он принял сан, то получил церковные привилегии в качестве каноника в Утрехте и Ахене. В чем-то подобно святому Франциску Ассизскому, в разгар того, что вполне могло бы показаться обычной успешной жизнью, он заболел и пережил опыт, который описал декан Стэнли, сказав, что "все выглядит по-другому, если смотреть из горизонтального положения". После выздоровления Герт де Гроот сложил с себя канонические обязанности, передал свое имущество картезианцам и провел семь лет в уединении, размышляя о значении жизни и об истинном предназначении человека в ней. В конце этого времени он вышел проповедовать, и его проповедь имела замечательный успех. Послушать его стекались тысячи людей, и вскоре многие молодые люди пожелали присоединиться к нему в его простом образе жизни, быть направленными им и помогать ему в его работе.

Почти без его желания вокруг него выросла религиозная община, и когда Герт де Гроот умер ближе к концу четырнадцатого века, его преемница Флоренс Радевинс основала знаменитый монастырь Виндесхайм, материнский дом новой религиозной жизни. Эти новые религиозные деятели обучали, особенно, средний и низший классы, переписывали книги и сами писали комментарии на всевозможные духовные темы как можно более простым языком. Их школы стали центрами духовной и интеллектуальной жизни Нидерландов и Рейнской области, и в течение пятнадцатого века их число и посещаемость учеными росли. Девентер, одна из их самых известных школ, насчитывала ко времени открытия Америки более 2000 учеников, и некоторые из величайших людей первой половины века правления Колумба были учениками "Братьев общей жизни".

Мистер Гамильтон Мэби в своем сборнике эссе "Огонь моего кабинета" отдал достойную дань уважения этим дорогим старым ученым и учителям, в котором кратко и сочувственно подытожил их работу и ее значение. Он сказал (стр. 92):

"Признаюсь, я никогда не могу равнодушно читать историю Братьев Общей жизни, тех скромных, терпеливых учителей и мыслителей, чья преданность и огонь души на протяжении полутора столетий делали избранные сокровища итальянских дворцов, монастырей и университетов общим достоянием на низменных берегах Нидерландов. Аскетизм этого благородного братства не был болезненным и вызывающим разногласия фанатизмом; это было самоотречение, чтобы они могли дать больше. Видения, которые временами поражали неземной красотой голые стены их камер, только усиливали их желание разделить свои небесные привилегии с тяжело обремененным внешним миром. Несомненно, Вергилий, Гораций и другие мастера классической формы никогда не удостаивались такой чести, как тогда, когда эти благородно мыслящие любители науки и им подобных сделали свои звучащие строки привычными в крестьянских домах".

Многие люди, похоже, склонны думать, что образование бедных стало возможным только в наше время. Цеховые школы средневековья противоречат этому, но история Братьев общей жизни показывает, сколько организованных усилий было приложено к воспитанию бедных учеников. В своей "Жизни Томаса Кемпийского" Кеттелвелл рассказал, что они сделали для бедных, а также насколько широкими были основы образования, которые они заложили (стр. 165):

"Но была еще одна мера предосторожности, которая оказала большую услугу, уберегая их (Братьев) от увлечения фанатизмом или диким энтузиазмом, потому что это дало им полезный объект и цель в жизни, о которых нужно заботиться, и это было поощрение,

которое они оказывали интеллектуальным занятиям, и интерес, который они проявляли к образованию. Большая часть обучения, которое давалось в школах в то время, часто была доступна только тем, кто мог за это заплатить, в то время как в его передаче был немалый недостаток Братья общей жизни, напротив, не только способствовали бесплатному обучению или помогали тем, кто не мог заплатить за это, и таким образом сделали искусство чтения и письма доступным для многих, кто иначе не мог бы их получить; но, что было более важным, они вдохнули в образование совершенно новую жизнь и придали ему более чистую и благородную цель.

Изучающим историю хорошо известно, что примерно в это время произошло значительное улучшение характера образования и что прогресс образования в северных частях Германии в значительной степени обязан усилиям Братъев Общей жизни. Хотя Джерард призывал членов Братства смотреть на Христа как на источник всего света и истины, всей жизни и мира, без Которого все знания или дары были бы лишь тщетными тенями, все же он не ограничивал бы их никем, кроме христианских авторов. Среди древних философов он хотел, чтобы его образованные ученики читали труды Платона и Аристотеля, и ценил первого за его превосходные рассуждения в лице Сократа. Мораль Сенеки ему очень понравилась, и он рекомендовал ее Братьям как богатый клад мудрости. Он сам был сведущ в искусстве медицины и кое-что знал о законах, и очевидно, что некоторые из его учеников пользовались большим уважением за свои знания в них. И из того, что Томас Кемпис говорит о Джерарде, следует, что он хотел бы, чтобы священнослужители изучали геометрию, арифметику, логику, грамматику и другие предметы. Из чего следует, что Братья Общей жизни были призваны к получению того, что в то время было либеральным и просвещенным образованием, и, следовательно, были первыми в своем поколении и в тех краях, кто продвигал и поощрял это, и, таким образом, у них было меньше шансов быть уведенными или раздутыми невежественным или глупым энтузиазмом ".

Они переписывали, но, следуя инструкциям, придавали своему копированию ценность для собственного образования. Это было важным событием (стр. 167):

"Все началось, как мы показали, в великой простоте под благословением Божиим. К молодым священнослужителям он (их основатель) присоединил определенных священников и мирян, создав таким образом смешанное общество. Праздность и накопление мирских благ были скалой, о которую потерпели кораблекрушение столь многие монашеские ордена, и поэтому к развитию Внутренней жизни добавились некоторые полезные занятия и стремление к изящной словесности. И чтобы разум не ослабевал из-за того, что работа по копированию рукописей слишком долго велась как простая ручная операция, Джерард предписал каждому из священнослужителей, чтобы он делал выдержки из лучших высказываний, с которыми он встречался, особенно из Отцов Церкви и Святых, и даже составлял протоколы своих собственных размышлений и заносил их в определенную книгу под названием "Рапиариум". И, поскольку восторженный диакон Девентера всегда соединял пример с наставлением, он сам переписал и опубликовал множество небольших работ, составленных из трудов Святых, большинство из которых сейчас утрачены. . Несомненно, именно этому обычаю, которому Фома Кемпийский в значительной степени следовал в первые дни своей связи с Братством, мы в основном обязаны теми многочисленными небольшими религиозными трудами, которые он написал впоследствии, во главе которых он ставит книги *"О подражании Христу"*.

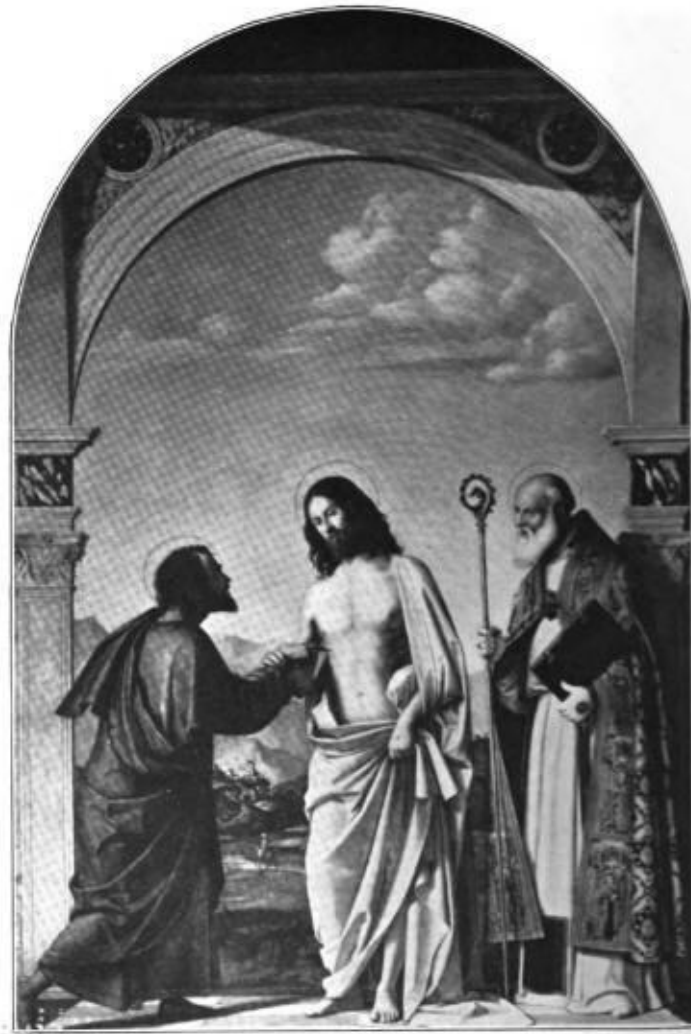
Было бы легко подумать, что, вероятно, эти добрые монахи гораздо больше посвящали себя развитию благочестия, чем хорошей литературе, и что, возможно, даже их преданность культуре была довольно поверхностной. На самом деле, однако, их школы прославились

своей основательностью, и по всему Рейну сыновья "мясника, пекаря и изготовителя свечей" научились бегло читать и писать по-латыни, вели переписку латинскими буквами и, прежде всего, похоже, получили очень ценное вдохновение для интеллектуальной жизни, которое не погасло даже из-за простой карьеры зарабатывания денег. Многие выпускники их школ прославились в немецкой науке того периода. Не все из них стали священнослужителями, хотя, конечно, очень многие так и сделали.

Вероятно, самым важным из их учеников был кардинал Николай Кузанский, величайший и самый оригинальный мыслитель пятнадцатого века. Как это ни странно, почти все его достижения в интеллектуальной жизни были достигнуты в математике и естественных науках. Его работа кратко описана в главе, посвященной [физической науке века](#). Из-за важного вклада в медицину ему посвящена глава в моей книге "Создатели медицины старого времени" (Издательство Фордхэмского университета, Нью-Йорк, 1911).

Сугубо практический характер мышления Кузана и его воспитание на книгах и опыте можно легко оценить по его абзацу, посвященному объединению его Отечества, в котором его дальновидный патриотизм предвосхитил самые современные взгляды.

Кусанус был отправлен в качестве папского легата в Германию примерно в начале века правления Колумба, чтобы исправить злоупотребления и привести христианский мир в более тесное соприкосновение со Святым Престолом. В ходе своих путешествий по Германии он осознал всю слабость и зло, связанные с расколом немецкого народа на множество мелких княжеств. Он ясно видел, как много их союз под руководством одного руководителя будет означать для самих людей, их счастья и прогресса, и прежде всего для мира человечества. Почти за четыре столетия до фактического осуществления мечты о Германской империи он очень решительно высказался по этому вопросу и, что довольно любопытно, вывел свои основные аргументы из экономических условий и отсутствия каких-либо гарантий прочного мира, обеспечиваемых существованием множества мелких правительств. Для его очень практического научного склада ума характерно, что он зашел так далеко в деталях реализации своего видения, что предложил составить бюджет и предоставить законодательному органу официальные отчеты о том, как были потрачены деньги.

ЧИМА-ДА-КОНЕЛЬЯНО, ХРАМ СВЯТОГО ФОМЫ. ФОМА (ВЕНЕЦИЯ)

"Закон и королевство должны быть поставлены под защиту единого правителя или власти. Небольшие отдельные правительства князей и графов потребляют непропорционально большое количество доходов, не обеспечивая никакой реальной безопасности. По этой причине у нас должно быть единое правительство, и для его поддержки мы должны иметь определенную сумму доходов от налогов, ежегодно выделяемую представительным парламентом, и перед этим парламентом (*рейхстагом*) должен ежегодно представляться определенный отчет о деньгах, которые были потрачены в течение предыдущего года".

Некоторое представление об интеллектуальных устремлениях того времени и отношении людей к знанию и истине можно получить из параграфа кардинала Кузана, который настолько всеобъемлющ и полон любви к мудрости в лучшем смысле этого слова, что является классическим и заслуживает места в тетради каждого учителя. Это вполне можно принять за девиз школ Братьев Общей жизни.

"Знать и думать, видеть истину глазами разума - это всегда радость. Чем старше становится человек, тем большее удовольствие это ему доставляет, и чем больше он посвящает себя поиску истины, тем сильнее становится его желание обладать ею. Как любовь - это жизнь сердца, так и стремление к знанию и истине - это жизнь ума. Посреди движения времени,

повседневной работы жизни, ее сложностей и противоречий мы должны бесстрашно поднимать наш взор к ясному небесному своду и всегда стремиться к более твердому пониманию и более глубокому проникновению в суть происхождения всего доброго и прекрасного, способностей наших собственных сердец и умов, интеллектуальных плодов человечества на протяжении веков и чудесных творений природы вокруг нас, в то же время всегда помня, что только в смирении кроется истинное величие, и что только знания и мудрость приносят пользу, пока нашей жизнью управляют принципы. они".

Одним из величайших учеников Братьев общей жизни является знаменитый Рудольф Агрикола, который получил образование в Девентере, но с характерным для его времени интеллектуальным любопытством и стремлением к учебе и возможностям интеллектуального развития, которые так часто наблюдались в Веке Колумба, отправился в Эрфурт, Лувен, а затем в Кельн и Париж, чтобы не упустить ни одной возможности получить образование. Когда ему было двадцать пять, он уехал в Италию, где изучал юриспруденцию и риторику в Павии, а затем в Ферраре, где изучал греческий язык под руководством Теодора Газы. Некоторое время он занимал политический пост, но Иоанн Дальбергский, епископ Вормса, признавая его ученость, обеспечил ему возможность преподавать в Гейдельберге. Он читал лекции об Аристотеле и переводил Лукиана. Прежде всего, он был великим пионером гуманизма в Германии и своим личным влиянием зажег факел, который вскоре должен был осветить страну. Однажды, когда он искал директора кафедральной школы в Мюнстере, он написал Рудольфу фон Лангену: "Я питаю величайшую надежду, что с вашей помощью мы однажды отвоюем у гордой Италии ее хваленую славу превосходства в образовании и литературе".

Якоб Вимфелинг, который позже стал известен как "Школьный учитель Германии", является еще одним из тех учеников Братьев Общей жизни, которые достигли отличия. Он получил образование в Шлеттштадте на территории нынешнего Эльзаса. Однако, как и другие, он уехал далеко за пределы страны из-за своей учености. Он учился во Фрайбурге и Эрфурте, а также в Гейдельберге и, вероятно, какое-то время находился в Италии. Он вернулся в Гейдельберг в качестве профессора, его лекции были в основном посвящены святому Иерониму. Почти в каждом городе, в котором он оставался надолго, он основывал литературные общества и посвящал себя реформе методов образования. Прежде всего, он настаивал на важности морального воспитания в образовании и очень ясно дал понять, что, по его мнению, образованный человек без высокой моральной подготовки более опасен для зла, чем человек без образования. Его труды получили широкое распространение и во многом определили характер образования на два столетия. Его идея заключалась в том, что образование должно производить способных и добросовестных граждан, а не опытных ученых. Он был в высшей степени практичен в своем взгляде на вещи и осуждал столь распространенное во многие времена в истории представление о том, что хранение в памяти информации, вместо тренировки ума вдумчивой работой, чтобы сделать его способным к наилучшему суждению, когда это необходимо, является истинным идеалом образования.

Одним из учеников Агриколы на греческом языке, хотя он был старше его, был Александр Гегиус, который в течение последних пятнадцати лет своей жизни, которые почти точно соответствуют последним пятнадцати годам пятнадцатого века, превратил школу Девентера в крупнейший образовательный центр Северной Германии. Среди его учеников в Девентере был Эразм. Гегиус многое сделал для того, чтобы положить конец старым средневековым идеям в области образования, которые изжили себя, и привести изучение классики. Один из его больших друзей, Рудольф фон Ланген, был студентом Эрфурта, который посетил Италию и вернулся полным энтузиазма к гуманистическим

исследованиям, и в конце концов ему удалось основать школу Нового обучения в Мюнстере, где он был каноником Кафедральной церкви. Он пытался добиться назначения Гегиуса директором этой школы, но вынужден был довольствоваться своим учеником Мурмеллиусом, который в то время написал серию очень полезных учебников.

Величайшим из учеников Братьев общей жизни, который также является одним из величайших ученых всех времен, является Дезидериус Эразмус. Вероятно, нельзя получить лучшего представления о высокой оценке, которой пользовались стипендии в то время в Европе, чем из карьеры Erasmus. Ему везде были рады. На него смотрели как на одну из движущих сил того времени. К его мнению жадно прислушивались, его книги читали, он пользовался дружбой не только ученых, но и высших духовных лиц, знати и даже членов королевской семьи. Он проделал огромный объем работы и оказал глубокое влияние на свое время. Его влияние на Англию было особенно велико, и он помог декану Колету в его великом замысле будущей школы Святого Павла, написав свой трактат **"О разумных исследованиях"**; он был другом епископа Уорхэма и сэра Томаса Мора; под влиянием епископа Фишера из Рочестера он стал профессором богословия леди Маргарет в Кембридже; одним словом, он повсюду участвовал в интеллектуальной жизни того времени. Он много лет прожил в Италии, помогал Альдусу, печатнику, в Венеции, черпая вдохновение в библиотеках, ученых и останках классиков. Его многочисленные монографии и диалоги много значили для распространения правильных взглядов на классическое образование. Его издания латинских авторов включают Сенеку, Светония, некоторые работы Цицерона, Плиния и Теренция. Среди его греческих текстов - Аристотель и Птолемей. Он сделал повторения святого Амвросия и святого Августина и святого Златоуста, а также три издания святого Иеронима. Его издание греческого Завета, вероятно, важнее любого из этих.

Одним из важных ученых и педагогов Германии того времени, хотя любой, кто с некоторой тщательностью проанализирует труды его жизни, несомненно, будет склонен думать, что его значение было преувеличено из-за его связи с реформаторским движением, и что по сравнению со многими другими учеными того времени он не заслуживает той высокой репутации, которая была ему предоставлена, был Филипп Шварцерд, который перевел свою фамилию Чернозем на греческий Меланхтон и известен под этим именем. Он был всего лишь одним из многих великих немецких ученых того времени, хотя многие люди, кажется, думают, что он стоит почти особняком, являясь ярким примером предполагаемой свободы интеллектуального развития, которую принесла Реформация.

Меланхтон под влиянием своего дяди Рейхлина стал профессором греческого языка в Виттенберге. Он читал лекции о Вергилии, Теренции и Цицероне. Во время своего преподавания он написал греческую и латинскую грамматику, отредактировал множество изданий классических трудов и опубликовал серию комментариев к Цицерону, Теренцию, Саллюстию, Овидию, Квинтилиану, а также отрывки из "Этики" и "Политики" Аристотеля. Он был мягким, добродушным ученым, глубоко христианином в своих принципах, совершенно не сочувствующим языческому духу многих менее значительных гуманистов, прежде всего за пределами Германии. Его более мягкий дух был подавлен сильным характером Лютера. Говорят, что на смертном одре он сказал своей матери, что старая церковь была хорошей для того, чтобы умереть в ней, хотя реформатская могла бы быть достаточно хорошей, чтобы жить в ней. Распространение Реформации в Германии привело к широкому распространению его учебников, отсюда и его название ***preceptor Germaniae***.

Однако научные исследования не ограничивались Рейнской областью и Западной частью Германии. Многие города Восточной части в то время имели великолепное развитие образования и классической науки и разделяли художественный импульс того периода.

Нюрнберг, Аугсбург, Инсбрук, Вена, а также Штутгарт, Ингольдштадт и Тюбинген присоединились к движению. Великим учителем в этой части Германии был Иоганн Рейхлин, который изучал греческий язык в Париже и Базеле, а также в Италии, преподавал в Базеле, Орлеане и Пуатье, а затем почти двадцать пять лет преподавал в Штутгарте, Ингольдштадте и Тюбингене, где он был профессором греческого и иврита. Когда ему было всего двадцать, он выпустил латинский словарь под названием *"Vocabularius Breviloquus"*, известный своей краткостью, сжатостью и упорядоченным расположением, который выдержал двадцать изданий менее чем за тридцать лет. Он настолько овладел латынью, греческим и ивритом, что его называли "трехязычным чудом Германии". Его учебники на иврите дали большой толчок изучению этого языка и литературы в Германии.

О нем были очень высокого мнения, его отправляли с различными дипломатическими миссиями в Италию, он занимал важные судебные должности в правительстве и обладал огромным влиянием на людей своего времени. Он умер примерно через пять лет после начала лютеранского движения, но не сочувствовал раскольнической позиции виттенбергского профессора. Когда он обнаружил, что его племянник Меланхтон, для которого он обеспечил кафедру греческого языка в Виттенбергском университете, присоединился к Лютеру, он выразил свое неодобрение и аннулировал завещание своей библиотеки, которая ранее предназначалась Меланхтону. Рейхлин был представителем самой широкой культуры того времени, источником вдохновения и стимула к учености для всех, кто соприкасался с ним. Ожесточенная полемика по поводу некоторых его произведений привлекла внимание всей литературной Германии в начале XVI века, показав, насколько широко был распространен интерес ко всем интеллектуальным вопросам в то время.

Людьми, которые возглавили защиту Рейхлина в этом споре, были в основном Ульрих фон Хаттен, Иоганн Ягер из Дорнхайма и Конрад Мут, или, как его стали называть по латинскому имени, *Мутуанус Руфас*, еще один ученик Братьев общей жизни, школьный товарищ Эразма в Девентере. Впоследствии он учился в Италии, где сблизился с Пико делла Мирандолой и получил степень доктора права в Болонье. Сэндис рассказал свою историю в своей "Истории классической науки" (стр. 257):

По возвращении он (Мут) поселился в Готе, где золотыми буквами вывел над дверью своей канонической резиденции слова BEATA TRANQUILLITAS, а затем посвятил свои мысли "Богу, Святым и изучению всей Древности". Он проявлял живейший интерес к своим младшим друзьям, гуманистам из Эрфурта, вдохновляя их страстным желанием распространять классическую литературу, ненавистью к педантизму и формализму старых схоластических методов и критическим настроением, в котором было мало почтения к прошлому. Организовав победу гуманистов над схоластическими мракобесами того времени, их лидер дожил до того времени, когда его "спокойный" дом был безжалостно разграблен протестантской толпой, в то время как тихие воды гуманизма были затоплены более сильным потоком Реформации".

Одним из великих немецких ученых и редакторов эпохи Возрождения был Конрад Цельтес, чье настоящее имя было Конрад Пикет, но было изменено с типичной для эпохи Возрождения тенденцией к классификации на античную форму *Celtes*. Он получил образование у таких людей, как епископ Иоанн Дальбергский и Рудольф Агрикола, а затем, после путешествия по Италии, где он был в близких отношениях с Помпониюс Летусом, Фичино и знаменитым печатником Альдом Мануциусом, по возвращении в Германию он был коронован поэтом-лауреатом в Нюрнберге и там же получил степень доктора. Во время своих путешествий по Северным странам он основал, по аналогии с Римской академией, литературные общества во многих городах. Было *Литературное общество Вислы*, штаб-

квартира которого находилась в Кракове; *Sodalitas Literarum Danubiana*, первоначально основанное в Венгрии, но впоследствии переведенное в Вену, и *Sodalitas Literarum Rhenana*, члены которого проживали вдоль Рейна.

Эта последняя академия была основана в Майнце за год до открытия Америки. Среди ее членов были трое самых выдающихся людей того времени. Иоганн фон Дальберг, епископ Вормса, чье имя так часто встречается в истории ученых того времени из-за его щедрого покровительства образованию, был его первым президентом. Аббат Тритемиус из Триттенхайма и Вилибальд Пиркхаймер из Нюрнберга были среди его выдающихся членов. Тритемиус потратил много времени и денег на сбор старых рукописей. Пиркхаймер был выдающимся государственным деятелем и покровителем гуманизма, а также переводчиком греческих текстов и изучал археологию.

Помимо основания этих академий, Кельтес читал лекции во многих университетах и выпустил издание сочинений Хросвиты, монахини-драматурга десятого века. Для его поколения было такой неожиданностью (для нашего она едва ли меньше, так мало распространено правдивой исторической информации) обнаружить, что в монастырях вдоль Рейна в десятом веке существовала какая-либо литература, что некоторое время велась серьезная дискуссия о том, не кельты подделывали эти писания, но окончательно решено на основании абсолютно неопровержимых доказательств того, что Кельт редактировал только те рукописи, которые он нашел.

Будучи библиотекарем Императорской библиотеки, основанной Максимилианом I Венским, Цельтес собрал множество греческих и латинских рукописей и в целом использовал свое влияние, чтобы уберечь драгоценные старинные документы от уничтожения путем надлежащего ухода за ними. Как поэт он привлек к себе немалое внимание в свое время, хотя его поэзия невысокого уровня. Он был главой Академии поэтов в Вене, первого учреждения подобного рода в Европе, и его влияние как ученого и литератора было гораздо большим, чем его оригинальность как писателя. Он был близким другом Чарити Пиркхаймер и многих членов нюрнбергской группы гуманистов, и некоторая свобода его поэзии может показаться признаком отсутствия религии, но эти дружеские отношения, очевидно, указывают на беспечность в религиозных вопросах, но не на неприятие религии. Чарити Пиркхаймер неоднократно упрекала его за вольность в поэзии.

Карьера Пиркхаймеров дает хорошее представление об интересе к науке как мужчин, так и женщин в Германии в этот период Возрождения. Чарити Пиркхаймер, впоследствии настоятельница монастыря бедных Кларис в Нюрнберге, заслуживает упоминания в этой связи не меньше, чем ее брат, но очерк ее карьеры по праву занимает место среди женщин эпохи Возрождения. Вилибальд Пиркхаймер заслуживает бессмертия, которое обеспечила ему его стипендия. Он перевел Ксенофонта, Платона, Плутарха и Лукиана на латынь, но дух времени будет лучше понят, если вспомнить, что он также сделал переводы Евклида и Птолемея. Обычное предположение о том, что интерес к древним языческим авторам уменьшал привязанность к Церкви, опровергается его переводами греческих Отцов Церкви также на латынь. Он сам был автором истории Германии, которая принесла ему титул немецкого Ксенофонта. Однако его интерес к литературе был лишь частью его учености, поскольку астрономия, математика и естественные науки были не только любимыми предметами изучения, но и областями, в которых он проводил успешные исследования. Кроме того, он с большим усердием взялся за изучение нумизматики и помог добиться всеобщего признания ее ценности как отдельного раздела исторических исследований.

Для универсальности эстетических интересов людей того времени, в которое он жил, было типичным то, что Пиркхаймера также глубоко привлекало искусство и что Альбрехт Дюрер был одним из его ближайших друзей. Великому немецкому художнику мы обязаны характерным изображением ученого. Как и Эразм, Вилибальд Пиркхаймер признавал необходимость реформы Церкви в Германии, и в начале реформаторского движения он встал на сторону Лютера и писал в защиту немецкого реформатора и доктрин, которым он учил. Однако в течение нескольких лет он пришел к пониманию того, что религиозный бунт не только не исправляет зло, но и подчеркивает его, и, кроме того, настолько будоражит умы людей в Германии, что делает невозможным надлежащее развитие изобразительного искусства и литературы. Кроме того, вскоре он узнал, что так называемые реформаторы намеревались разрушить монастырь в Нюрнберге, в котором многие из его родственниц женского пола обрели не только покой, счастье и возможность развивать духовную жизнь, но и жить интеллектуальной жизнью в полной мере, в соответствии со своими желаниями. Чаритас, его сестра, была настоятельницей монастыря Святой Клары, а среди монахинь были еще одна сестра, Клэр, и дочери Вилибальда, Кэтрин и Кресцентия. Он написал статью в защиту монашеской жизни для женщин, в которой указал на возможности для обретения покоя и радости в развитии интеллектуальной и духовной жизни, которыми пользуются в этих учреждениях. Во время написания этого апологетического труда он сам полностью убедился в необходимости приверженности старой Церкви.

Отношение гуманистов, ученых-классиков и приверженцев Нового Учения в Германии к Церкви было предметом многих и самых разных мнений. Сэндис очень хорошо резюмировал это в абзаце, который заслуживает того, чтобы его процитировали из-за важности темы, авторитета автора и вероятности того, что позиция, которую он занимает как в отношении Германии, так и Церкви, делает его, насколько это возможно в вопросе, столь насыщенном личными чувствами, беспристрастным критиком. Он сказал (стр. 258):

"Гуманистов Германии можно разделить на три последовательные школы, отличающиеся друг от друга своим отношением к Церкви: (1) Более ранние, или схоластические гуманисты, которые были верными сторонниками Церкви, в то время как они стремились к возрождению классического обучения и новой системы образования. Их представляют три великих учителя Северной Германии - Рудольфус Агрикола, Рудольф фон Ланген и Александр Хегиус; также Вимфелинг, восстановитель образования в Южной Германии; Тритемиус, один из основателей Рейнского литературного общества, и Экк, знаменитый оппонент Лютера. Они работали над возрождением обучения во всех отраслях знания, в то же время надеясь, что Новое Обучение останется подвластным старому богословию. (2) Промежуточные, или рациональные гуманисты, которые придерживались рационального взгляда на христианство и его вероучение, в то время как они протестовали против старой схоластики и против внешних злоупотреблений Церкви. "Они либо не поддерживали Лютера, либо вскоре покинули его, сознавая, что его движение приведет к разрушению всей истинной культуры". Их лидерами были Рейхлин и Эразмус, Конрад Мут, готский каноник. "Их партия и ее истинное творение культуры потерпели кораблекрушение во время бури Реформации". (3) Более поздние, или протестантские гуманисты, которые были готовы "протестовать" против всего, молодые люди с большим талантом, но меньшей образованностью, чья любовь к свободе иногда переходила в распушенность. Их лидером был Ульрих фон Хаттен. Со временем некоторые из них стали рациональными гуманистами, другие - сторонниками Лютера. "В то время как Эразм, Рейхлин и Мут с недоверием относились к пропаганде Лютера, "эти молодые гуманисты" устремились к новым стандартам протеста и бунта, и тем самым опозорили культуру и потерпели кораблекрушение при возрождении образования в Германии".

Более ранние немецкие гуманисты не были увлечены идеей о том, что единственное, что стоит изучать, - это Новое Образование, и что только классика Греции и Рима может составить надлежащую основу любого правильного образования. В более поздний период немецкого гуманизма это преувеличение было очень распространено. Однако в более ранний период место и ценность самого немецкого языка были признаны, и людям позднего Средневековья были возданы должное за все, чего они достигли для науки и реального прогресса в философии и теологии. Янссен в третьем томе своей "Истории немецкого народа" очень четко обрисовал это (стр. 1-3):

"Самые ранние гуманисты рассматривали классическую античность с точки зрения абсолютной веры в христианство и поставили классику на службу своему вероучению. Они ценили произведения древних писателей за глубоко религиозный характер воплощенных в них идей; они рассматривали их как отголоски первобытного вдохновения; но в то же время они были решительными и активными противниками чисто языческих систем мышления и жизни. Они изучали античность в научном духе исчерпывающих исследований и оправдывали включение языческих материалов в свои системы культуры тем, что эти классические произведения были незаменимой основой науки, великолепным средством умственной гимнастики для формирования независимых суждений и оттачивания интеллекта для постижения и представления истины. Благодаря более глубоким знаниям, которые они приобрели об интеллектуальной жизни древнего мира, они надеялись облегчить понимание Священных Писаний и привнести свежую жизнь и реальность в современные системы философского и теологического изучения. Именно этот мотив вдохновил Николая Кузанского и его ученика Агриколу на неустанные труды по внедрению изучения классической литературы в учебную программу немецких университетов; это побудило Александра Гегуса сделать классику основой образования, а Якоба Вимфелинга написать свои эпохальные слова. "Для христианской культуры опасна не история языческих писателей сама по себе, - сказал последний, - а ложное понимание их и обращение с ними. Несомненно, было бы абсолютно фатально, если бы, как это часто бывает в Италии, посредством классики языческие взгляды на жизнь, наносящие ущерб чистой христианской морали и патриотическому духу подрастающего поколения, распространились за границу или проникли в учение наших писателей и поэтов. Но, с другой стороны, законное использование древних писателей могло бы оказать самые неоценимые услуги христианству и учености. Разве сами Отцы Церкви не черпали величайшую помощь в своих объяснениях Священного Писания из изучения этих нечестивых авторов и, следовательно, не рекомендовали их для почитания изучающими христианство? Святой Григорий Назиенцен, - продолжал он, - назвал противников классического изучения врагами истинного образования, а папа Григорий Великий убедительно показал, что изучение классики было полезной подготовкой и незаменимым подспорьем к пониманию теологии".

"По тем же причинам ведущие богословы пятнадцатого века Хейнлин фон Штайн, Грегори Райш, Гейлер из Кайзерсберга, Габриэль Виель, Иоганн Тритемиус были ревностными защитниками и пропагандистами трудов христианских гуманистов.

"С чистой совестью, - говорит Тритемий, - мы можем рекомендовать изучение древних писателей всем тем, кто использует их не в мирском духе для простого интеллектуального развлечения, а для серьезного развития своих умственных способностей и кто, по примеру Отцов Церкви, стремится извлечь из них добрые плоды для питания христианской науки".

Эти цитаты послужат для того, чтобы показать, насколько ясно ученые того времени осознавали всю ценность классических исследований для науки, но в то же время всю

опасность для реального образования, а также для христианства. Они представляют собой критическую мудрость, которая, как часто предполагается, не была развита в это время. Предполагается, что критическое суждение появилось гораздо позже. Однако те, кто делает такое предположение, руководствуются незнанием реалий образования и учености нашего времени, которые по-настоящему осознались только в сравнительно последние годы. Немецкая наука в период Возрождения, то есть в столетие Колумба, до того, как ее нарушила Реформация, представляла собой самое прекрасное проявление немецких способностей и интеллектуального гения, какое когда-либо было у этого способного народа.

ГЛАВА VIII

СТИПЕНДИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ

В то время как Италия была буквально *alma mater studiorum* в эпоху Возрождения, а Германия, вероятно, в то время достигла большего в научном образовании, что повлияло на последующие поколения, чем любая другая страна, за исключением Италии, все страны Европы в значительной степени разделяли новое обучение и многое сделали для классической науки до 1550 года. Действительно, вполне вероятно, что для очень многих хорошо образованных студентов того времени предложенные мной сравнения достижений покажутся оскорбительными или, по крайней мере, неуместными. Конечно, никто так высоко не ценит, как я, великолепную работу ученых-гуманистов Франции, Испании, Португалии и Англии в век Колумба. Каждый из них великолепно разделял интеллектуальный стимул, который был дан возобновлением классических исследований, и особенно греческого языка, и каждый из них, в качестве прекрасной компенсации за импульс, приданный им движением, вернул ему научные достижения, которые усилили волну и помогли распространению гуманизма, по крайней мере, по всей Западной Европе. Национальные достижения всех этих стран заслуживают внимания, и каждая из них в настоящее время многого достигла в области образования, которое никогда не будет забыто.

Вероятно, самый простой способ оценить степень учености Франции в век Колумба - это сказать, что многие авторитетные источники заявляли, что еще до конца века Франция отобрала у Италии пальму первенства в области классической науки. Однако первым важным преподавателем французского языка был итальянец Джером Алеандер, прибывший во Францию вскоре после начала шестнадцатого века с предисловием от Эразма. Он читал лекции по греческому, а также латыни и, вероятно, также по ивриту. Он стал ректором Парижского университета в 1512 году, но вернулся в Рим в 1517 году и был назначен библиотекарем Ватикана. Его выдающиеся заслуги в области образования и Церкви принесли ему кардинальскую шапку, и он стал одним из самых выдающихся представителей папского двора того времени. Именно под его руководством было создано первое греческое книгопечатание во Франции. Три трактата Плутарха о морали были напечатаны в Париже в 1509 году, чтобы служить учебниками для его учеников.

Его преемником на посту преподавателя классической литературы в Париже был выдающийся француз Будеус, который до конца своей жизни считался, пожалуй, самым выдающимся из ныне живущих ученых. Он ездил с дипломатическими миссиями к папам Юлию II и Льву X и таким образом очень заинтересовался Новым Знанием. Он самостоятельно выучил греческий, и при Франциске I и Генрихе II его слава греческого ученого, по словам Сэндиса [Сноска 49], была "одной из слав его страны". "Он открыл новую эру в изучении римского права своими комментариями к "Пандектам" Юстиниана, а чуть позже он открыл новые горизонты в качестве первого серьезного исследователя римской чеканки в своем трактате *"De Asse"*, Это был зрелый результат не менее чем девятилетних исследований, и за двадцать лет выдержал десять изданий. Говорят, что его обширная ученость вызвала зависть Эразма" (Сэндис).

[Сноска 49: "История классической науки", издательство Кембриджского университета, 1908, стр. 170.]

Его преданность учебе вошла в поговорку. Говорят, что даже в день своей свадьбы, совершив исключительный акт самоотречения, он ограничил свое учебное время всего тремя часами. Интересно узнать, что его жена разделяла его энтузиазм к учебе, по крайней мере, в той мере, в какой всячески помогала ему своим преданным вниманием, которое не позволяло ему отвлекаться или изводить себя какими-либо заботами. Однажды, когда он был занят чтением в своей библиотеке, внезапно вбежал один из слуг и сообщил ему, что дом горит. Ученый, не поднимая глаз от своей книги, просто сказал: "Пойди и скажи моей жене; ты очень хорошо знаешь, что я не должен беспокоиться о домашних делах". Он сильно страдал от головных болей, которые лучшие врачи того времени тщетно пытались вылечить, применяя настоящие прижигания к коже головы. Однако через некоторое время ему было высказано предположение, что необходимо не лечение, а лучшее регулирование его жизни. Он научился совершать длительные прогулки и каждый день проводил некоторое время за возделыванием своего сада, что значительно облегчало его головные боли.

Его величайшим вкладом в науку того времени стало успешное убеждение Франциска I, которому помогла сестра этого монарха, Маргарита Наваррская, основать Колледж де Франс, хотя вначале у него не было такого амбициозного названия, а он назывался просто Корпорацией королевских чтецов. В нем не было официальных резиденций или даже аудиторий для публичных лекций. Как говорили в то время, "он был построен для мужчин". Статуя Будеуса по праву стоит сейчас перед зданиями колледжа, поскольку он был настоящим основателем. То, что было сделано для получения подлинного образования и стипендий до того, как были возведены здания и запущен механизм колледжа, показывает, насколько больше люди значат, чем учебное заведение.

В этой Корпорации Царственных чтецов поначалу было пять учителей греческого, иврита и математики. Первыми двумя преподавателями в нем были Пьер Данес, известный как Данезиус, который отредактировал важное издание Плиния, а затем Юстина Мученика, а затем стал епископом Лавора и принимал важное участие в Тридентском соборе, и Жак Туссен, трудолюбивый ученый, составитель греческого и латинского словаря. Говорят, что лекции Туссена в течение некоторого времени посещали трое мужчин, чье влияние на последующее время было очень заметным, и все же контраст характеров очень разителен. Это были Игнатий Лойола, Джон Кальвин и Франсуа Рабле. Турнебус также был одним из учеников Туссена, а позже сам стал выдающимся профессором, сначала в Тулузе, а затем в качестве преемника своего учителя в Париже. Туссен был известен своей эрудицией. Он был живой библиотекой. Турнеб, хотя в молодости привлекал к себе большое внимание своей изумительной памятью, стал специалистом по критике греческих текстов. Как раз в конце века Колумба он опубликовал серию греческих текстов, включая Эсхила и Софокла, и отредактировал "Законы" Цицерона. Он написал комментарии к Варрону и Плинию старшему.

ФРАНЦИСК I СЛУШАЕТ ПЕРЕВОД МАКО ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО, ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ (ТОРИ)

Мы имеем от Монтень, который был одним из его учеников как раз в конце нашего столетия, удивительно интересное описание Турнебуса, которое служит доказательством того, что профессор рода был во все времена примерно одним и тем же и что его ученики часто любили его ровно настолько, насколько находили много поводов для смеха в его одежде и манерах. Однако это действительно большое отличие - быть столь любимым мастером Монтеня, который сам не отставал в учености.

"Я видел Адриана Турнеба, который, никогда не исповедовавший ничего, кроме учебы и литературоведения, в чем он был, по моему мнению, достойнейшим человеком, жившим за эту тысячу лет ... несмотря на это, в нем не было ничего педантичного, кроме ношения своего гоуна и некоторых внешних фасонов, которые нельзя было свести к некультурному покрою придворных. Что касается его внутренней стороны, я считаю его одним из самых незапятнанных и по-настоящему честных умов, которые когда-либо существовали. Я неоднократно намеренно убеждал его говорить о вещах, наиболее далеких от его кабинета, в чем он был настолько проницателен и мог с такой быстротой постигать и с таким здравым суждением различать их, что казалось, он никогда не исповедовал и не изучал другие факультеты, кроме войны и государственных вопросов".

Французские педагоги того времени, по-видимому, очень хорошо осознали истинное значение образования. Рабле обычно не воспринимают всерьез, за исключением тех, кто изучает его произведения и уделяет им много внимания, но его книги содержат ряд

наиболее интересных работ по этому предмету. Его разительный контраст между тем, каким было образование, когда он был мальчиком, и в старости, нарисованный Гаргантюа, отражает огромный прогресс, произошедший в образовании в то время. Эти абзацы могут быть восприняты как свидетельство современника о преданности науке со стороны как мужчин, так и женщин, которая тогда развивалась во Франции. Он испытывает обычное ренессансное презрение к готической культуре, презрение, которое существует даже в настоящее время среди тех, кто не знает ничего лучшего.

"У меня не было запаса таких учителей, как у тебя. Время было все еще темное и благоухало страданиями и бедствиями, причиненными готами, которые полностью уничтожили всю хорошую литературу. Но по Божественной благодати его собственный свет и достоинство были в моей жизни восстановлены на письма, и я вижу такую поправку в нем, что в настоящее время у меня вряд ли примут в первый класс немного грамматики-мальчиков, хотя в юности я был известный, и не без оснований, так как самые ученые той эпохи. . . .

"Но теперь все методики преподавания восстанавливаются, изучение языков продлено-- греческая, без которых это позор для мужчины в стиле сам ученый; еврейский, Халдейский, латинский; впечатления от книги самые элегантные и правильное использование печати, которая была придумана в свое время по Божественному вдохновению, а с другой стороны артиллерии был изобретен дьявольские внушения.

"Весь мир полон знающих людей, самых образованных наставников, самых обширных библиотек, так что я придерживаюсь мнения, что ни во времена Платона, ни Цицерона, ни Папиниана никогда не было таких удобств для учебы, как сейчас. И никто в дальнейшем не должен подвергать себя риску на публике или в какой-либо компании, кто не был хорошо отшлифован в мастерской Минервы. Я действительно вижу грабителей, палачей, флибустьеров, конюхов нынешнего века, более образованных, чем врачи и проповедники моего времени.

Что мне сказать? Женщины и молодые девушки стремились к этой похвале и небесной манне хорошего обучения. Это настолько верно, что в моем нынешнем возрасте я был вынужден изучать греческий язык, которым я не пренебрегал, как Катон, но на изучение которого у меня не было времени в юности; и я охотно наслаждаюсь чтением Нравоучений Плутарха, прекрасных диалогов Платона, памятников Павсания и Древностей Афиня, ожидая часа, когда Богу, моему Создателю, будет угодно призвать меня и повелеть покинуть эту землю ".

При всей своей шутливости, юмористическом духе (некоторые люди называли бы это нелепой буффонадой), Рабле не питал иллюзий относительно истинного значения образования. Заключительные фразы письма Гаргантюа своему сыну об образовании вполне можно рассматривать как отражающие серьезную сторону взглядов Рабле на место религии в образовании и его глубокое признание полной несостоятельности любого образования, которое не включало бы нравственное воспитание. Часто цитировались его золотые слова: "Наука без совести губит душу". Однако сомнительно, чтобы большинство людей осознали, насколько ценен контекст, в котором встречаются эти слова. Весь этот отрывок стоит того, чтобы педагоги хотя бы имели его рядом с собой:

"Но поскольку (согласно мудрому Соломону) мудрость не входит в злонамеренную душу, а наука без совести - всего лишь гибель души, тебе надлежит служить, любить и бояться Бога, и на Него возлагать все свои мысли и всю свою надежду, и прилепляться к Нему верой, основанной на милосердии, чтобы ты никогда не был разлучен с Ним грехом.

"Держи под подозрением обман мира. Не обращай сердца своего к суете; ибо эта жизнь проходит, но Слово Господне пребывает вовеки. Будь полезен всем своим ближним и люби их, как самого себя. Почитай своих наставников. Беги от общества тех, на кого ты не хотел бы походить, и не получай напрасно милости, которые Бог даровал тебе.

"И когда ты поймешь, что достиг всего знания, которое приобретается в тех краях, вернись ко мне, чтобы я мог увидеть тебя и дать тебе свое благословение перед смертью.

"Сын мой, мир и благодать Господа нашего да пребудут с тобою. Аминь".

Одним из важных учителей того времени во Франции был Юлий Цезарь Скалигер, родившийся в Италии, особенно известный своей ролью в споре о цicerонизме и защищавший Цицерона от нападок Эразма, утверждая, что латинский оратор был абсолютно совершенен. Скалигер печально известен тем, что ввел в классический спор самые ожесточенные личности. К сожалению, его примеру последовали многие. Его сын - более известный Скалигер, но на момент закрытия нашего века ему было всего десять лет. Его образование дает представление об образовательных методах века. Когда ему было всего четырнадцать, от него требовали ежедневно произносить короткие латинские декламации и вести письменный учет постоянного потока латинских стихов его отца. Именно так он рано овладел латынью. Но он уже осознавал, что "не знать греческого - значит ничего не знать" (Сэндис).

В Испании наблюдалось великолепное развитие науки, которое начало давать о себе знать вскоре после открытия Америки. Здесь, как и везде, инициативу проявили контакты с Италией. Испанский дворянин Гусман, посетивший Италию во время Флорентийского собора, вернулся с переводами некоторых работ Цицерона и Квинтилиана, и интерес к ним пробудился. Антонио из Лебриксы, обычно называемый Небризенсисом, проведя двадцать лет в Италии, вернулся в 1473 году, чтобы читать лекции в Севилье, Саламанке и Алькале и опубликовать грамматики латинского и греческого языков, а также иврита. После этого Барбоза, ученик Политиана, преподавал греческий язык в Саламанке. Многие испанские епископы, посетившие Рим для выполнения своих церковных обязанностей, вернулись с рукописями и, прежде всего, с пробудившимся интересом к классическим исследованиям, чтобы посеять семена Нового Учения. Действительно, это было важным фактором в великом движении за гуманизм во всех западных странах в то время.

Однако самым важным фактором для испанской культуры и учености был знаменитый кардинал Хименес, иногда известный под своей фамилией Сиснерос. Перед ним открывалась важная карьера в церковной жизни, и Хименес, который был великим викарием кардинала Гонсалеса Сигуэнцского, оставил этот пост, чтобы стать францисканцем Строгого соблюдения. Его административные способности вскоре привели к его избранию настоятелем своего монастыря, и он стал известен среди своих братьев своей преданностью духовной жизни. В год открытия Америки он был выбран духовником королевы Изабеллы. Он согласился с условием, что ему будет позволено жить в своем монастыре и появляться при дворе только тогда, когда за ним пошлют. Он во многом

способствовал успешному обращению Колумба к ее Величеству. Три года спустя он был избран преемником своего друга Мендосы на посту архиепископа Толедо. В то время этот пост означал канцлерство Кастилии. Хименес отказался от сана, и только после шестимесячной задержки, повинуясь прямому приказу папы, он принял его. Став архиепископом, он продолжал жить как простой францисканец, жертвуя большую часть огромных доходов своего престола на помощь бедным и особенно на выкуп пленников. Как раз в это время активность турок сделала это одной из насущных социальных потребностей того времени.

Говорят, папа даже сделал Хименесу выговор за пренебрежение внешним великолепием, подобающим его сану. Он не стал бы надевать епископальное платье, разве что таким образом, чтобы его францисканское одеяние оставалось видимым под ним. Выполнение им своих обязанностей канцлера Кастилии предоставило ему широкие возможности для проявления своих административных способностей и продемонстрировало его власть и высокое чувство справедливости. Он в полной мере использовал свой высокий пост для поощрения культуры и, прежде всего, классических исследований. В 1504 году он основал Университет Алькала, пригласив на его кафедры самых выдающихся ученых из Болоньи, Парижа и других испанских университетов. Практически все религиозные ордена основали дома в Алькале в связи с университетом. Среди тех, кого привлекла Алкала, был Нуньес де Гусман, который выпустил издание Сенеки, заслужившее похвалу Липсия, и который, кроме того, предложил ценные исправления "Естественной истории" Плиния. Говорят, что он также опубликовал, в основном по предложению кардинала Хименеса, подстрочный латинский перевод трактата святого Василия об изучении греческой литературы. Он известен как Пинциан из Пинтии, древнего названия Вальядолида, родины его рождения, и большая часть его энтузиазма к изучению классики была вызвана поездками в Италию, во время которых он собрал ряд рукописей, которые привез с собой как бесценные сокровища.

Однако великой работой кардинала Хименеса стала публикация под его патронажем первой многоязычной Библии, известной как комплутенсианский полиглот от Комплутума, древнего названия Алкалы. Это заняло пятнадцать лет, стоило огромной суммы денег, значительно превышающей миллион долларов в наших ценностях, заняло очень многих ученых, привлекло широкое внимание и, прежде всего, вызвало интерес к лингвистическим исследованиям, который распространился по всей стране и ощущался даже в других странах. Это было завершено всего за четыре месяца до смерти кардинала и было посвящено Льву X. Большую часть доходов своего архиепископства, которые накопились благодаря его бережному использованию, он оставил своему любимому университету Алькала. Несмотря на самоотречение в отношении еды и питья, доведенное до такой степени, что, как опасались, это могло повредить его здоровью, и на то, что многим казалось даже в то время, серьезное недосыпание для молитвы и учебы, продолжавшееся на фоне всей его огромной административной работы, - поскольку он часто был регентом королевства и проявлял большие способности в военной организации, - он дожил до восьмидесяти одного года. Его почитали как святого, хотя эта честь никогда не была подтверждена каким-либо официальным заявлением.

После этого развитие науки было сравнительно легким. Такие люди, как Вивес, Вергара, опубликовавший греческую грамматику, получившую высокую оценку многих ученых того времени и высоко оцененную Скалигером, и Санчес, который был профессором греческого языка в Саламанке, когда ему был всего тридцать один год, продолжали Новое Обучение. Учебник Санчеса по латинскому синтаксису под названием "Минерва" стал более популярным по всей Европе, чем почти любой другой. Хаазе заявил, что он сделал для латинской грамматики больше, чем кто-либо из его предшественников, а сэр Уильям

Гамильтон, английский философ, даже считал, что изучение "Минервы" с примечаниями редакторов было более полезным, чем изучение **"Принципов" Ньютона**. Сэндис отмечает, что "во всяком случае, она написана на хорошей латыни, и автор демонстрирует знакомство со всем спектром латинской литературы, а также с Аристотелем и Платоном".

После этого грамматика, наука о языке, действительно, в значительной степени оказалась под властью испанских умов. Нуньес, или, как его называют на латыни, Нуннезий из Валенсии, который учился в Париже и был профессором греческого языка в Барселоне, был автором небольшой интересной греческой грамматики, которая, по словам Сэндиса, мало чем отличается от той, что сейчас используется в школах. С приходом иезуитов Эммануэль Альварес создал латинскую грамматику, в которой впервые были формально изложены принципы языка и отброшены фантазии древних грамматистов. Она стала учебником во всех иезуитских школах, с тех пор часто переиздавалась, является основой всех наших современных латинских грамматик и, по словам опытных учителей, превосходит всех своих преемников. Однако Испания не пренебрегала и другими этапами обучения. Агостино после окончания Саламанки преподавал юриспруденцию в Падуе и Флоренции, стал членом Папского трибунала в Риме, изучая надписи и древние памятники, а также рукописи старого города. Позже он стал епископом Лериды, а затем архиепископом Тарагоны. Он опубликовал трактат о римских законах, который часто переиздавался, но его шедевром в области классической археологии стала книга о монетах, надписях и других древностях, первоначально опубликованная на испанском языке и привлекавшая широкое внимание общественности.

Португалия следует в науке за остальной частью полуострова и обязана своей инициативой контакту с итальянскими источниками. Резенде преподавал греческий язык в Лиссабоне и Эворе и причислял к своим ученикам знаменитого Ахилла Статиуса, чья карьера началась в основном после завершения века Колумба, хотя до закрытия века ему было двадцать шесть, и его ученость является продуктом нашего времени. Он завоевал свою высокую репутацию в Риме работой над античными портретами и комментариями к **"Поэтическому искусству"** Горация, когда ему еще не было тридцати, и подтвердил это последующей прекрасной работой о Катулле и Тибулле. Он был связан с Мюретусом в издании **Проперция**, а его исследования о "Выдающихся людях Светония" привлекли внимание ученого мира своего времени и были высоко оценены Кейсобоном. Отец-иезуит Альварес, о грамматике которого я уже упоминал, хотя и был испанцем по происхождению, жил в Португалии и получил там образование. Университет Коимбры с новой силой заработал как раз в конце века правления Колумба, и его классическая школа особенно прославилась при иезуитах. Университет стал известен своим педагогическим колледжем, выпускниками, которые намеревались избрать преподавание как призвание, и своими возможностями для подготовки преподавателей религиозных орденов.

На Англию в начале эпохи Возрождения часто смотрели как на страну, настолько удаленную от культурных центров Континента, что от нее мало что ожидали в области науки. Конечно, то же самое было более или менее верно и в отношении Германии, но не из-за расстояния в пространстве, а из-за речи. Народы, говорящие на латинских языках, чувствовали друг к другу братство, которого они не разделяли с немцами или англичанами, чью речь, следует признать, они считали варварской, отчасти в духе узости, свойственной грекам древности по отношению ко всем народам негреческого происхождения. Всегда верно, что нации совершенно не понимают друг друга, и наше собственное отношение к Италии в настоящее время, хотя цивилизация и культура мира больше обязаны Италии, чем всем другим нациям современной истории, вместе взятым, типично для этой постоянной тенденции к национальному непониманию. Итальянцы были очень удивлены, получив учеников из

Англии в начале века правления Колумба, и, по-видимому, еще больше удивились тому, что они добились замечательных успехов. Вскоре они стали высоко ценить их, и такие люди, как Линакр, Джон Фри и Кай, даже стали преподавателями в итальянских университетах. Снова и снова итальянцы выражали свое удовлетворение распространением знаний среди англичан и поздравляли их с успехами в новом обучении. Поздравления были вполне заслуженными.

Епископ Крейтон в своей книге "Раннее возрождение в Англии" [Сноска 50] говорит, что первым английским гуманистом был лорд Грей из Коднора, который окончил Баллиол-колледж в Кельне, который в то время славился своей общей культурой и образованием, но поскольку он хотел более конкретно познакомиться с классической культурой, он ночью улизнул во Флоренцию, чтобы ему не помешали многочисленные друзья, которых он приобрел в Кельне. Он нашел много интересного во Флоренции, заказал там библиотеку, а затем отправился в Падую, где некоторое время учился. Однако репутация Гуарино привлекла его в Феррару, и оттуда он отправился в Рим, где ученый Николай V назначил его епископом Элийским. Одним из следующих великих английских ученых был Джон Фри, врач, чьи расходы во время его поездки в Италию оплачивал лорд Грей, и который пользовался не меньшим успехом у итальянских ученых. Ученый доктор был назначен епископом Бата в 1465 году, но умер до своего посвящения.

[Сноска 50: Издательство Кембриджского университета, 1895.]

Пожалуй, самой интересной особенностью приема, оказанного Италией этим студентам из Британии, "которая находится за пределами мира", было то, что они были выбраны на важные посты в университете абсолютно непредвзято, конкурируя с итальянцами. Рейнольд Чичели, учившийся в Ферраре у Гуарино, стал ректором тамошних университетов. Джон Типтофт, граф Вустерский, вынужденный покинуть Англию политическими условиями в начале второй половины пятнадцатого века, отправился в Венецию и Святую Землю и изучал латынь в Падуе, посетил престарелого Гуарино в Ферраре, как рассказывает нам Сэндис в своей "Истории классической науки", и послушал лекцию Аргиропулоса по греческому языку. Говорят, что латинская речь, которую он произнес в присутствии папы Пия II (Энея Сильвиуса), вызвала слезы радости из глаз папы римского из-за чувства удовлетворения от того, что классическая наука теперь стала достоянием всего мира.

Эразм, который, безусловно, имел право судить как из-за своей собственной учености, так и из-за многолетнего проживания в Англии, в декабре 1499 года написал письмо другу в Италию с высочайшей похвалой английской учености. Это панегирик его английским друзьям, но это и славная дань уважения:

"Я нашел в Англии ... так много знаний и культуры, причем не обычной, а непонятной, точной и древней, латыни и греческого, что теперь мне вряд ли захочется ехать в Италию, разве что посмотреть на нее. Когда я слушаю моего друга Колета, мне кажется, что я слушаю самого Платона. Кто может не восхищаться Гроцином со всей его энциклопедической эрудицией? Может ли что-нибудь быть более острым, более глубоким, более утонченным, чем суждение Линакра? Создавала ли природа когда-нибудь что-нибудь более мягкое, приятное или счастливое, чем разум Томаса Мора?"

В Англии, как и везде, Реформация нанесла сокрушительный ущерб образованию. Конфискация образовательных пожертвований, подавление монастырей и разгром их библиотек практически положили конец науке в Англии. Снижение уровня образования

продолжалось до конца восемнадцатого века. Только за последние сто лет Англия начала восстанавливать утраченные позиции.

В то время мужчины в основном изучали латынь, но ближе к концу пятнадцатого века они взялись за греческий, и первым англичанином, изучившим греческий язык в период возрождения образования, был Уильям Селлинг, монах-бенедиктинец. Сэндис рассказывает нам, что "Днем и ночью его преследовали видения Италии, которая рядом с Грецией была кормящей матерью гениальных людей". Он был дядей Линакра, который имел честь сопровождать его в его посольстве к Папе Римскому в 1485 году. Современная английская классическая наука как по греческому, так и по латыни начинается с Линакра и двух его друзей, Уильяма Гроцина и Уильяма Латимера. Латимер был большим другом сэра Томаса Мора. Младшим из группы английских грековедов был Уильям Лили, который во время паломничества в Иерусалим изучал греческий язык на Родосе. Он был одним из бедных знатоков истории, который пробивал себе дорогу в школе среди всевозможных трудностей и лишений. Зарабатывая на жизнь в Венеции, он преуспел в продолжении учебы.

Гроцин был одним из величайших греческих ученых этого поколения в Европе. Он доказал, что книга, известная как "Церковная иерархия", не была написана Дионисием Ареопагитом, которому ее так долго приписывали, и таким образом дал первое доказательство критической эрудиции английских изучающих греческий язык. Еще одним выдающимся греческим ученым был Джон Фишер, впоследствии епископ Фишер, чья покровительница, леди Маргарет, под его руководством так много сделала для образования и особенно для классической науки в Англии.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СЭР ТОМАС МОРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

Складывается очень общее впечатление, что впервые в истории к общим социальным проблемам человечества отнеслись серьезно и сознательно искали их решения. По крайней мере, очень распространено мнение, что ни одно поколение до нашего времени не осознавало все эти проблемы так хорошо, как мы, и всерьез не пыталось найти рациональные решения, несмотря на всевозможные корыстные интересы и старые предрассудки и традиции. Поскольку "Утопия" сэра Томаса Мора представляет собой полное противоречие этому самодовольному отношению к нашим социологическим интересам, представляется целесообразным процитировать здесь серию отрывков из его книги, которые очень хорошо иллюстрируют, как двадцатисемилетним молодым человеком он столкнулся со всеми нашими социальными проблемами, которые, конечно, являются проблемами человечества во все времена, когда оно находилось в достаточно

цивилизованном состоянии, и увидел так ясно, как никто когда-либо видел, и так же подробно изложил их рациональные решения.

Возможно, самый удивительный отрывок касается религиозной терпимости, которая в Утопии была полной. Часто говорили, что впоследствии сам Мор, став лордом-канцлером, нарушил свои собственные принципы в этом вопросе, но некоторые из лучших юристов Англии умело защитили его от подобных обвинений. Предполагаемое пятно на его характере связано с религиозными предрассудками тех, кто пишет. После религии вопрос о вооружении наций является наиболее важным вкладом Мора в политическую науку, и в нем подробно обсуждается зло постоянных армий и глупые причины для поддержания наций в состоянии войны. Как и следовало ожидать, существует суровое осуждение вульгарной демонстрации таких предметов, как дорогие драгоценные камни, и более того, дети утопистов даже очень высмеивают такие детские варварские наклонности. Завышенная стоимость золота вызывает презрение. Идея Мора о справке о состоянии здоровья до вступления в брак очень простым способом предвосхищает многие евгенические идеи наших дней. Будущий лорд-канцлер высоко ценил врачей, хотя, что удивительно, не столько свою профессию юриста, и его описания больниц Утопии показывают, насколько глубоко они понимали, какой должна быть больница, и как мало что изменилось в наших современных планах строительства больниц, хотя мы склонны думать о них как о великой эволюции в больничном строительстве.

Есть много других направлений мысли, которые он представляет и которые чрезвычайно интересны в наше время. Действительно, едва ли можно перевернуть страницу "Утопии", не обнаружив, что она соответствует тому, что Джеймс Рассел Лоуэлл предложил как по меньшей мере случайное определение классики, когда он сказал, что "читать классику - это читать комментарий к утренней газете". Книги, которыми заинтересовались утописты, демонстрируют широту интереса самого Мора к великой литературе, и тот факт, что в список включены великие писатели-ученые, противоречит многим современным представлениям об ограниченности интеллектуального любопытства в наше время. В Утопии они отвергают астрологию, слушают музыку во время еды, которую готовят сообща, экономя много времени для отдельных людей, думают, что дисциплина - это лозунг образования, изобрели дверные пружины, ухаживают за своими лесами, предвосхищая все наши идеи по охране природы, и разделили свое время так, что есть шесть часов работы и восемь часов сна, а остальное - для культуры и отдыха. Это всего лишь выбранные наугад примеры неожиданностей, которые постоянно встречаются в книге.

Отрывок, касающийся религиозной терпимости, тем более поразителен, что, написанный в 1515 году или, самое позднее, в 1516 году, он отражает его мнение до начала беспорядков Лютера и непосредственно перед началом той серии беспорядков в Европе, которая в течение следующих трех столетий нанесла такой серьезный ущерб искусству, литературе и образованию, а также политике Европы. Это выглядит следующим образом:

"При первом формировании своего правительства Утопус понял, что до его прихода к ним старые жители были вовлечены в большие ссоры из-за религии, из-за которых они были настолько разделены между собой, что ему было легко победить их, поскольку, вместо того, чтобы объединить свои силы против него, все различные религиозные партии сражались сами по себе. После того, как он покорила их, он издал закон, согласно которому каждый человек мог исповедовать ту религию, какую ему заблагорассудится, и мог пытаться привлечь к ней других силой аргументации, дружелюбными и скромными способами, но без

ожесточения против тех, кто придерживается других мнений; но что он не должен использовать никакой другой силы, кроме силы убеждения, и не должен примешивать к ней упреки или насилие; а те, кто поступал иначе, должны были быть приговорены к изгнанию или рабству.

Этот закон был принят Утопусом не только для сохранения общественного спокойствия, которое, как он видел, сильно пострадало от ежедневных раздоров и непримиримой борьбы, но и потому, что он считал, что этого требуют интересы самой религии. Он считал неуместным принимать поспешные решения и, казалось, сомневался, не могут ли все эти различные формы религии исходить от Бога, который мог бы вдохновлять человека по-разному и быть довольным этим разнообразием; поэтому он считал неприличным и глупым для любого человека угрожать и наводить ужас на другого, чтобы заставить его поверить в то, что ему не кажется истинным. И если предположить, что лишь одна религия действительно было правдой, а остальные ложные, он предполагал, что врожденная сила истины наконец-то вырвется вперед и сиять, если поддерживается только силой аргументов и с мягким и непредвзято; в то время как, с другой стороны, если споры велись с применением насилия и беспорядков, как самый злой всегда самый упрямый, так что лучший и наиболее священная религия может быть не захлебнулся от суеверия, а кукурузу с колючки и шипы; поэтому он оставил мужчины полностью их свобода, чтобы они могли быть свободными верить так, как они должны увидеть, потому что, только он сделал торжественный и суровый закон против тех, кто до сих пор дегенерат из достоинства человеческой природы, чтобы думать, что наши души умерла вместе с нашими телами, или что мир управляется по воле случая, без мудрого надправляющей Провиденс: ибо все они ранее считали, что было такое государство, поощрений и наказаний на хорошие и плохие после этого жизнь; и они теперь посмотри на те, что думают иначе, как мало достоин быть расценено мужчин, поскольку они деградируют так благородное существо, как душа, и считаю его не лучше какого-нибудь зверя: тем самым они далеко от глядя на таких людей, как пригодный для человеческого общества, или, чтобы граждане хорошо организованной Речи Посполитой; с человеком такие принципы должны, всякий раз, когда он рискнет сделать это, спускают все свои законы и обычаи: ибо нет сомнения, чтобы быть сделано, это человек, который ничего не боится, но закон, и ничего не воспринимает после смерти, не гнушается ничем, чтобы прорваться через все законы своей страны, либо путем обмана или силы, когда таким путем он может удовлетворить его аппетиты. Они никогда не возносят тех, кто придерживается этих принципов, ни в почести, ни на должности, и не используют их в каких-либо общественных целях, но презирают их как людей низкого и подлого ума. Тем не менее, они не наказывают их, потому что они устанавливают это как максимум, что человек не может заставить себя верить во что ему заблагорассудится; и они также не побуждают никого скрывать свои мысли угрозами, чтобы у людей не возникало соблазна лгать или скрывать свои мнения; что, будучи своего рода мошенничеством, вызывает отвращение у утопистов: они действительно заботятся о том, чтобы предотвратить их споры в защиту этих мнений, особенно перед простыми людьми; но они терпят и даже поощряют их спорить о них наедине со своим священником и другими серьезными людьми, будучи уверенными, что они будут излечены от этих безумные мнения, если перед ними поставить разум".

Постоянные армии, по-видимому, являются темой, которая будет интересовать государственных деятелей главным образом в настоящее время. Скорее всего, следовало бы ожидать, что мы развили аргументы, которые сейчас используем против них, в сравнительно последние годы. Некоторые из замечаний сэра Томаса Мора чрезвычайно интересны, потому что они показывают проблему в том виде, в каком мы ее честно

изложили, и причины за и против армий изложены очень просто, но очень решительно. Четыреста лет ничего не изменили в ситуации, хотя мы склонны думать, что эволюция внесла большие изменения за этот промежуток времени. Подчеркнуты только недостатки. Еще больше сказано почти в начале его "Утопии":

"Во Франции есть еще более зловредный сорт людей, ибо вся страна полна солдат, которых все еще содержат в мирное время (если такое состояние нации можно назвать мирным); и им платят жалование по тому же принципу, по которому вы ссылаетесь на этих праздных слуг дворян: это максима этих мнимых государственных деятелей, что для общественной безопасности необходимо всегда иметь в готовности хороший отряд солдат-ветеранов. Они думают, что на грубых людей нельзя положиться, и иногда ищут повода для начала войны, чтобы обучить своих солдат искусству перерезать глотки, или, как заметил Саллюстий, "для того, чтобы держать руки в употреблении, чтобы они не оступели от слишком долгого перерыва". Но Франция на собственном опыте убедилась, насколько опасно кормить таких зверей. Судьба римлян, карфагенян и сирийцев, а также многих других народов и городов, которые были опрокинуты и полностью разрушены этими постоянными армиями, должна сделать других мудрее".

И все же мы не можем найти лучшей причины для создания больших армий, чем то, что Фукидид назвал [греческий текст] "уравновешенным страхом", который мы привыкли обозначать термином куртелье "баланс сил".

Часто цитировался отрывок из "Утопии", в котором Мор обсуждает ношение красивой одежды, драгоценных камней и самоцветов. По прошествии 400 лет это все еще будет с огромной силой ощущаться всеми, кто серьезно размышляет на эту тему. Конечно, это буквально здравый смысл, но тогда что здравый смысл когда-либо мог противопоставить моде? Жители Средней Африки носят латунные кольца и модный ситец, потому что их трудно достать и они дорогие, и поэтому выделяют своего владельца. Его культурные европейские брат - и сестра - носят то, что в равной степени является детским и варварским, потому что дорого и самобытно, и, несомненно, будут продолжать это делать. Идеи сэра Томаса Мора на этот счет интересны, но наше поколение останется столь же глух к ним, как и все остальные со времен его правления.

"Я никогда не видел более яркого примера противоположного впечатления, которое разные обычаи производят на людей, чем я наблюдал у послов анемолианцев, которые приезжали в Амарот, когда я был там. Когда они приехали обсуждать важные дела, депутаты из нескольких городов собрались вместе, чтобы дожидаться их приезда. Послы народов, расположенных вблизи Утопии, зная их обычаи и то, что красивая одежда у них не в почете, что шелк презирается, а золото - знак бесчестия, обычно приезжали очень скромно одетыми; но анемолийцы, жившие более отдаленно и имевшие мало торговли с ними, понимая, что они одеты грубо и все в одинаковой манере, считали само собой разумеющимся, что у них нет ни одной из этих прекрасных вещей, которыми они не пользовались; и они, будучи скорее тщеславным, чем мудрым народом, решили одеться скромнее. выставляют себя с такой помпой, что должны выглядеть как боги и поражать своим величием бедняков-утопистов. Таким образом, три посла въехали в сопровождении сотни слуг, все одетые в одежды разных цветов и большей частью в шелк; сами послы, принадлежавшие к знати своей страны, были одеты в золотые одежды и украшены массивными цепями, серьгами и кольцами из золота; их шапки были увешаны браслетами, усыпанными жемчугом и другими драгоценными камнями - словом, они были украшены всеми теми вещами, которые у утопийцев были либо символами рабства, либо знаками позора, либо детскими игрушками. Было не так уж неприятно видеть, с одной

стороны, какими они выглядели крупными, когда сравнивали свои богатые одеяния с простой одеждой утопийцев, которые в большом количестве вышли посмотреть, как они въезжают; а с другой, наблюдать, как сильно они ошибались в том впечатлении, которое, как они надеялись, произведет на них эта пышность. Всем это показалось настолько нелепым зрелищем, что они никогда не покидали своей страны и не видели обычаев других народов, что, хотя они и оказывали некоторое почтение тем, кто был наиболее бедно одет, как если бы они были послами, все же, когда они увидели самих послов, увешанных золотом и цепями, они посмотрели на них как на рабов и отказались обращаться с ними с почтением. Возможно, вы видели детей, которые уже достаточно выросли, чтобы презирать свои игрушки, и которые выбросили свои драгоценности, зовут своих матерей, легонько толкают их и кричат: "Посмотрите на этого большого дурака, который носит жемчуга и драгоценные камни, как будто он еще ребенок!" В то время как их матери очень невинно отвечали: "Помолчите! Это, я полагаю, один из дураков послов". Другие осуждали вид их цепей и замечали, "что от них нет никакой пользы, ибо они были слишком тонкими, чтобы связывать их рабов, которые могли легко разорвать их; и, кроме того, они висели так свободно, что они думали, что их легко выбросить и таким образом получить от них что угодно". Но после того, как послы пробыли среди них день и увидели такое огромное количество золота в их домах (которое они так же презирали, как и ценили у других народов), и увидели еще больше золота и серебра. в цепях и оковах одного раба было больше, чем всех их украшений, их плюмажи упали, и они устыдились всей той славы, за которую они прежде ценили себя, и соответственно отложили ее в сторону - решение, которое они немедленно приняли, когда, вступив в какую-то свободную беседу с утопийцами, они обнаружили их понимание таких вещей и других их обычаев. Утопийцы недоумевают, как человека может так восхищать ослепительный, сомнительный блеск драгоценного камня, который сам может смотреть на звезду или солнце; или как кто-то должен ценить себя за то, что его ткань сшита из более тонкой нити; ибо какой бы тонкой ни была эта нить, когда-то она была не лучше овечьей шерсти, и эта овца все еще оставалась овцой, несмотря на то, что носила ее ". (Джон Г. Сакс рассказал последнему поколению, насколько велика разница, носит ли человек продукт индийского растения или индийского червя.)

Сразу за этим следует едва ли не более поразительный отрывок, касающийся богатства и изменений, которые оно производит в отношении умов людей друг к другу, который, несомненно, был бы написан современным социалистом.

"Они очень удивляются, когда слышат, что золото, которое само по себе такая бесполезная вещь, должно повсюду так высоко цениться, что даже человека, для которого оно было изготовлено и которым оно имеет свою ценность, все же следует считать менее ценным, чем этот металл; что человек из свинца, у которого ума не больше, чем у бревна, и который настолько же плох, насколько и глуп, должен иметь много мудрых и хороших людей, которые будут служить ему, только потому, что у него есть большая куча этого металла; и что если случится так, что по какой-то случайности или уловке закона (который иногда уменьшает такие большие изменения, как случайность само по себе) все это богатство должно было перейти от хозяина к самому подлому негодяю из всей его семьи, он сам очень скоро стал бы одним из его слуг, как если бы он был вещью, принадлежащей к его богатству, и поэтому был обязан следовать за его состоянием! Но гораздо больше они восхищаются и ненавидят глупость тех, кто, когда они видят богатого человека, хотя они ничего ему не должны и никоим образом не зависят от его щедрости, все же, просто потому, что он богат, оказывают ему немногим меньше божественных почестей, даже если они знают, что он

настолько алчен и низменен, что, несмотря на все свое богатство, он не отдаст им ни фартинга из него, пока жив!"

Возможно, его величайший вклад в социальную этику и решение социальных проблем заключается в его решительном утверждении права рабочего на прожиточный минимум в лучшем смысле этого часто употребляемого термина и его настойчивом осуждении того факта, что рабочих нельзя эксплуатировать, чтобы дать людям возможность накапливать огромное богатство, которым, несомненно, будут злоупотреблять. Мор искренне верил в разделение прибыли и не стеснялся в выражениях. Прежде всего, он осуждает несправедливость, порожденную хищническим обогащением. Это был судебный ум величайшего лорда-канцлера, который когда-либо был в Англии, который, сказав об утопическом государстве как о "том, что единственно по праву может претендовать на название содружества", продолжает:

"Вот теперь я хотел бы посмотреть, осмелится ли кто-нибудь быть настолько смелым, чтобы сравнивать с этим равенством справедливость других народов; среди которых я оставляю Бога, если смогу найти какой-либо признак равенства и справедливости. Ибо какая это справедливость, что богатый ювелир, или ростовщик, или, короче говоря, любой из них, который либо вообще ничего не делает, либо то, что они делают, таково, что это не очень нужно государству, должен иметь приятную и богатую жизнь либо за счет безделья, либо за счет ненужного бизнеса, когда в то же время бедные рабочие, возчики, кузнецы по металлу, плотники и пахари, благодаря такому большому и постоянному труду, который едва в состоянии выдержать тягловый и выносящий скот, и, опять же, столь необходимому труду, что без него они не могут жить? ни одно государство, способное продержаться один год, не должно зарабатывать на жизнь так тяжело и бедно и вести такую жалкую жизнь, чтобы состояние рабочих животных могло казаться намного лучше и здоровее? . . . И все же, помимо этого, богатые люди, не только путем частного мошенничества, но и по общим законам, каждый день отнимают у бедных какую-то часть их повседневной жизни . . . Они изобретают и измышляют всевозможные средства и способы ремесел, во-первых, как безопасно сохранить, не боясь потерять, то, что они несправедливо собрали вместе, и, во-вторых, как нанимать и злоупотреблять работой бедных за как можно меньшие деньги. Эти уловки, когда богатые люди постановляют сохранять и соблюдать под знаменем общества, то есть также и бедных людей, тогда они становятся законами . . . Поэтому, когда я рассматриваю и взвешиваю в уме все эти государства, которые в настоящее время где бы то ни было процветают, да поможет мне Бог, я не могу усмотреть ничего, кроме определенного заговора богатых людей, закупающих свои товары под именем и титулом содружества".

Везде можно найти высший здравый смысл. Например, сэр Томас Мор указывает, что, хотя утопийцы "знали астрономию и были в совершенстве знакомы с движением небесных тел; и со многими инструментами, хорошо сконструированными и разделенными, с помощью которых они очень точно вычисляют курс и положения солнца, луны и звезд; но что касается обмана гадать по звездам, по их противоположностям или соединениям, это даже не приходило им в голову". Это предложение было написано примерно в то время, когда Коперник разрабатывал свои выводы относительно Вселенной, какой мы ее сейчас знаем. Большинство людей могли бы предположить, что астрология к этому времени потеряла весь свой вес. Однако более века спустя Галилей и Кеплер составили гороскопы, и в семнадцатом веке астрология была очень общепринятой. Еще в восемнадцатом веке Месмер написал докторскую диссертацию в Венском университете о влиянии звезд на конституцию человека. Все по-настоящему великие мыслители человечества отказывались принимать астрологию, но это дань уважения гению этого тридцатисемилетнего человека, получившего юридическое образование, который пришел к столь верному выводу.

Почти на каждой странице "Утопии" есть цитата, которая показывает, насколько проницательным был взгляд Мора на значение жизни не только для его собственного времени, но и для всех времен. Буквально я перевернул страницу с цитатой, касающейся астрологии, и нахожу следующее: "Жизнь в удовольствиях - это либо настоящее зло, и в этом случае мы не должны помогать другим в их стремлении к этому, но, напротив, всячески удерживать их от этого, как от самого вредного и смертоносного; или, если это хорошо, так что мы не только можем, но и обязаны помогать другим в этом, почему тогда человеку не следует начинать с себя?" На этой странице у него много предложений, относящихся к философии того, что мы сейчас называем образованным гедонизмом. "Они делают вывод, что если человек должен способствовать благосостоянию и комфорту остального человечества, природа гораздо более энергично побуждает его делать это для себя. Они определяют добродетель как жизнь в соответствии с природой, поэтому они воображают, что природа побуждает всех людей искать удовольствия как цель всего, что они делают".

Идеи, касающиеся многих современных вопросов, затронуты лишь вскользь, но все же с достаточной детализацией, чтобы заставить нас осознать, что проблемы, которые мы иногда, вероятно, считаем новыми, были решены в те давние времена. Например, затрагивается вопрос облесения и необходимость поддержания легкодоступного запаса древесины.

"Ибо там можно увидеть сведенными к практике не только все искусство, которое земледелец применяет при внесении удобрений и улучшении больной почвы, но и вырванные с корнем целые леса, а в других местах посаженные новые, там, где раньше их не было. Их главным мотивом для этого является удобство перевозки, поскольку их древесина может находиться либо недалеко от их городов, либо расти на берегах моря или некоторых рек, чтобы доставляться к ним по воде; ибо перевозить древесину на расстояние по суше труднее, чем кукурузу".

Можно было бы подумать, что, возможно, такой практичный человек, как Мор, не поверил бы в полезность книг для своей идеальной республики, и можно было бы даже подумать, что, будучи преданным праву и политике, он не был бы слишком хорошо знаком с классическими авторами. Однако вот его параграф по этому вопросу, который сразу раскрывает его оценку и вкусы.

"Так случилось, что, отправляясь в свое четвертое плавание, я взял с собой вместо товаров очень много книг; ибо я был так далек от мысли о скором возвращении, что скорее думал, что вообще никогда не вернусь, и я отдал им все свои книги, среди которых были многие труды Платона и некоторые работы Аристотеля: у меня также был "Теофраст о растениях", который, к моему великому сожалению, был несовершенным; ибо, когда я небрежно положил его рядом, пока мы были в море, за него ухватилась обезьяна и во многих местах вырвала листья. У них нет книг по грамматике, кроме Ласкариса, потому что я не взял с собой Теодораса; у них также нет словарей, кроме Исихия и Диоскорида. Они высоко ценили Плутарха и были очень восхищены остроумием Лукиана и его приятной манерой письма. Что касается поэтов, то у них есть Аристофан, Гомер, Еврипид и Софокл в издании Альда; а у историков - Фукидид, Геродот и Геродиан".

Его описание того, как утописты распределяют свое время, интересно со многих точек зрения. Шесть часов работы, восемь часов сна, а остальное время отводится на

образованный досуг с лекциями, спортом, играми и различными упражнениями - это действительно идеал, который человеческой природе было бы трудно превзойти ни в один период мировой истории. Такое разделение, вероятно, способствовало бы здоровью и счастьем человека лучше, чем все, что когда-либо было испробовано.

Но они, разделяя день и ночь на двадцать четыре часа, назначают шесть из них для работы, три из которых до обеда и три после; затем они ужинают, а в восемь часов, считая с полудня, ложатся спать и спят восемь часов: остальное время, помимо того, которое уходит на работу, еду и сон, оставлено на усмотрение каждого человека; однако они не должны злоупотреблять этим промежутком для роскоши и безделья, но должны использовать его в каком-нибудь надлежащем упражнении, согласно их различным склонностям, каковым по большей части является чтение. Обычным делом является проведение публичных лекций каждое утро до рассвета, на которые не обязаны являться никто, кроме тех, кто отмечен за литературу; тем не менее, очень многие, как мужчины, так и женщины, всех рангов, ходят слушать лекции того или иного рода, в соответствии со своими склонностями; но если другие, не созданные для созерцания, предпочитают в это время заниматься своим ремеслом, как это делают многие из них, им не препятствуют, а скорее хвалят, как людей, которые заботятся о служении своей стране. После ужина они проводят час в каком-нибудь развлечении, летом в своих садах, а зимой в залах, где они едят, где развлекают друг друга музыкой или беседами. Они даже не разбираются в кости или других подобных глупых или озорных играх. Однако у них есть два вида игр, мало чем отличающихся от наших шахмат".

Вероятно, самым ярким свидетельством жизни и характера сэра Томаса Мора является тот факт, что писатели, наиболее тщательно изучавшие его карьеру, сходятся во мнении, что он воплощал все великие принципы, которые он изложил в своей "Утопии", в своем собственном окружении и семейной жизни. Морис Адамс в своем Предисловии к камелотскому изданию "Утопии" говорит:

"Утопия была всего лишь домашним произведением автора. Его прекрасный дом на берегу реки в Челси был, благодаря его увлечению общественной жизнью и музыкой, а также остроумию и веселости его натуры, жилищем радости и веселья, а также учебы и размышлений. Он часто звенел песнями и был наполнен веселым смехом детей и внуков, сам он, по его собственным словам, "был весел, жизнерадостен и приятен среди них". Эразм, который часто был его гостем, дал нам много восхитительных воспоминаний о своей семейной жизни, о своих детях и их обязанностях, а также об обезьяне и кроликах, которые развлекали их досуг. Для одинокого и вечно скитающегося Эразма дом Мора был убежищем от неудобств и досады его холостяцкого существования. В одном из своих посланий он пишет: "Мор построил недалеко от Лондона, на берегу Темзы, скромный, но просторный особняк. Там он живет, окруженный своей многочисленной семьей, включая свою жену, своего сына и жену его сына, своих трех дочерей и их мужей, с одиннадцатью внуками. Нет ни одного живущего мужчины, который был бы так привязан к своим детям, как он, и он любит свою старую жену, как если бы она была пятнадцатилетней девочкой. Превосходство его характера таково, что, что бы ни случилось, с чем нельзя было поделать, он так весел и доволен, как если бы было сделано самое лучшее из возможного. В доме Мора вы бы сказали, что академия Платона снова возродилась, только, в то время как в академии дискуссия вертелась вокруг геометрии и силы чисел, дом в Челси - настоящая школа христианской религии. В нем нет никого, ни мужчины, ни женщины, кто бы не читал или не изучал свободные искусства, но главной их заботой является благочестие. Никто никогда не бывает замечен праздным; глава дома управляет им: не только величественной осанкой и

частыми упреками, но и мягкостью и дружелюбными манерами. Каждый член клуба занят на своем месте, с готовностью выполняя свой долг; нет недостатка и в трезвом веселье".

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ

По крайней мере, в истории, написанной на английском языке, настолько общеизвестно, что начало нашего современного прогресса следует относить ко времени, когда движение, называемое Реформацией, освободило умы людей от господства Церкви, которая прилагала все усилия, чтобы держать людей во тьме, чтобы обеспечить им более полное подчинение церковному учению, что прослеживание всего нашего современного развития за столетие до начала движения может удивить многих читателей. Однако это правда не только в том, что почти за сто лет до Реформации в каждом департаменте каждой страны Европы наблюдался расцвет интеллектуальных и художественных достижений, но и в том, что гораздо более поразительно, что сразу после начала "реформаторского" движения декаданс дал о себе знать повсюду. Искусство во всех его проявлениях, живопись, скульптура, архитектура, образование и ученость, литература и, прежде всего, гуманизм, достигли великолепного выражения в течение первых трех четвертей века правления Колумба. В четвертой четверти, совпадающей с распространением реформаторских доктрин, упадок начинается почти на всех этапах человеческой деятельности и продолжается до тех пор, пока революции конца восемнадцатого и начала девятнадцатого веков не дали новый стимул независимому мышлению. Ввиду позиции, занятой на предыдущих страницах, представляется необходимым проиллюстрировать эти факты цитатами из хорошо известных некаатолических авторов.

Никакая логическая ошибка не обходится дешевле, чем аргументация, потому что один набор событий происходит за другим, следовательно, это связано с этим другим. Потребовалось бы гораздо более глубокое и широкое изучение истории, чем любое из тех, которые мы провели здесь или могли бы провести в нашем ограниченном пространстве, чтобы проследить философию истории века Колумба и последующих столетий и указать на действующие причины и их следствия. Все, на что здесь можно указать, это то, что факты интеллектуальной истории представляют собой прямое противоречие с обычно принятым мнением о том, что все лучшее, что есть в наше время, можно отнести к Реформации. Напротив, сразу после реформаторского движения человеческие достижения приходили в упадок на протяжении многих поколений, и возрождение последних ста лет представляет собой возврат к идеям и образам мышления, существовавшим до религиозного восстания и эволюция которых была прервана этим движением.

ОБРАЗОВАНИЕ, КНИГИ, УЧРЕЖДЕНИЯ

Историческое мнение, которое, по мнению очень многих людей, уверенных в том, что они хорошо информированы, стоит выше всяких сомнений, заключается в том, что Реформация оказала удивительно благотворное влияние на образование. На самом деле, образование, которое находилось на очень высоком уровне развития в период Возрождения, начало приходить в упадок сразу после Реформации почти повсюду в Европе, и только в школах иезуитов оно достигло бы серьезной глубины деградации. Как бы то ни было, в протестантских странах наблюдается резкий спад, пока в восемнадцатом веке кардинал Ньюман не решил, что образование в Оксфорде находится на самом низком уровне, и когда Винкельман захотел преподавать греческий язык в Германии, ему пришлось заставить своих учеников выписывать экземпляры Платона, потому что в этой стране в течение двух столетий не выходило ни одного издания этого автора. Авторитеты в области истории образования подчеркивали это, и никто в большей степени, чем профессор Паульсен, который после большого академического опыта по всей Германии в конце своей жизни занимал кафедру философии в Берлинском университете. Его книга по истории немецкого образования была переведена на английский язык и опубликована с предисловием президента Колумбийского университета Николаса Мюррея Батлера. Не нужно заходить слишком далеко, чтобы узнать мнение великого немецкого авторитета относительно влияния Реформации на образование. Он говорит:

"После 1520 года гуманизм, аристократический и светский импульс, был вытеснен движением гораздо большей силы и глубины - религиозным и народным движением Реформации. На короткое время Реформация вполне могла показаться укреплением гуманизма, поскольку оба они были едины в своей ненависти к схоластической философии и Риму. Хаттон и Лютер представлены в брошюрах 1520 года как два великих борца за свободу. Однако внутренне они были очень разными людьми, и очень разными были цели, к которым они стремились повести немецкий народ. Лютер был человеком внутреннего антирационалистического и антицерковного религиозного чувства, а Хаттон - человеком рационалистического и либертинистического гуманизма. Хаттон не дожил до того, чтобы увидеть проявление этого великого контраста; но после 1522 или 1523 года глаза гуманистов были открыты для этого факта, и почти без исключения они отвернулись от Реформации как от чего-то еще более враждебного учености, чем сама старая Церковь. По правде говоря, в то время казалось, что Реформация по своим последствиям будет по существу враждебна культуре. В страшных беспорядках между 1520 и 1530 годами университеты и школы пришли к почти полному упадку, и вместе с Церковью пали учебные заведения, которые она создала, так что Эразм вполне мог сказать: "Там, где царит лютеранство, заканчивается литература".

У тех, кто поддерживает Реформацию и ее хваленое благотворное влияние на образование, может возникнуть соблазн возразить, что, по крайней мере, немецкое религиозное движение предоставило свободу преподавания немецким университетам. Протестантская традиция постоянно подчеркивает, что влияние Церкви на учебные заведения до этого времени имело самые серьезные последствия и что из-за этого развитие образования было предотвращено. Те, кто предполагает, что так называемые реформаторы ввели академическую свободу в Германии, найдут очень мало поддержки любому подобному утверждению у профессора Паульсена. Паульсен настаивает на том, чтобы ровно все наоборот, и это далеко не неся свободу мысли, новые религиозные движения еще больше сковывала университета и профессорско - свобода и свобода слова и пишу, так что, к сожалению, неестественный период развития образования выходит на сцену в Германии. Он говорит с точки зрения своего собственного факультета философии и, очевидно, возмущен оковами, которые были наложены на свободу спекуляции в тот период.

"В этот период также были предприняты более решительные усилия по контролю за обучением, чем в любой период до или после этого. Страх перед ересью, чрезмерное беспокойство о том, чтобы обучение не выходило за рамки ортодоксального, были не менее сильны в лютеранских, чем в католических институтах - возможно, даже сильнее, потому что здесь доктрина не была так хорошо установлена, отступничество было возможно в любом из двух направлений, католицизме или кальвинизме. Даже философский факультет почувствовал давление этого требования правильности доктрин. Так возникли эти ограничения внутри мелких государств и их узколобых устоявшихся церквей, которые почти задушили интеллектуальную жизнь немецкого народа".

Непонимание влияния реформаторского движения на образование в значительной степени связано с тем фактом, что новизна доктрин реформаторов в религии и теологии привела к использованию иногда термина "Новое обучение" для обозначения их преподавания. Однако этот же термин стал использоваться для изучения латинской и греческой классики, и предполагаемое неприятие Церковью гуманистических учений основано на смешении этих двух терминов. Конечно, священнослужители старой Церкви выступали против Нового Учения в той мере, в какой оно касалось доктрин реформаторов о свободе воли, отсутствии заслуг в добрых делах и отрицании других религиозных доктрин. Однако они были самыми ревностными покровителями Нового Учения в той мере, в какой этот термин может быть применен к изучению классики. На самом деле, иезуиты, основанные в это время, основывали все свое учение на классике, и их школы распространились по всей Европе.

Что касается отсутствия интереса к книгам, образованию, учености, даже к сохранению великих памятников национальной литературы после смены религии в Англии, то самый простой способ узнать об этом - прочитать отчет епископа Бейла о том, что случилось с ценными книгами, принадлежавшими старым монастырям и образовательным учреждениям во времена Реформации. Он одобрял подавление монастырей и был ярым реформатором, но он не может не обратить внимания на абсолютное пренебрежение к сокровищам литературы не только со стороны знати и простых людей, но и со стороны самих университетов. Легко понять, каким ужасным должно было быть положение дел, чтобы вызвать этот негодующий протест у столь хорошего королевского человека, последователя нового порядка и протестанта против всего католического. Епископ Бейл сказал в своем предисловии к книге Лиланда "Новогодний подарок Генриху VIII" в 1549 году:

"Мы никогда не были бы оскорблены потерей наших библиотек, которых было так много и которые находились в таких пустынных местах, тем более если бы сохранились главные памятники и наиболее выдающиеся произведения наших замечательных писателей. Если бы в каждом графстве Англии была хотя бы одна библиотека, предназначенная для сохранения этих благородных произведений и привития хорошей образованности нашим потомкам, это было бы еще не все. Но уничтожить все без разбора, огромное количество из них, которые купили эти особняки суеверий, сохранили эти библиотечные книги ... Некоторые, чтобы почистить свои подсвечники, а некоторые, чтобы протереть свои ботинки. Кое-что они продавали бакалейщикам и торговцам мылом, а кое-что за море переплетчикам книг, причем не в небольшом количестве, а иногда целыми кораблями, набитыми до отказа на удивление иностранных народов. Да, университетам этого мира не все ясно в этом отвратительном факте. Но проклят ... (тот), кто стремится насытиться такими нечестивыми приобретениями и так глубоко опозорить свою естественную страну. Я знаю торговца, имя которого на данный момент не разглашается, который купил содержимое двух благородных библиотек за сорок шиллингов, как ни стыдно об этом говорить. Этот материал он занимал вместо серой бумаги более десяти лет, и все же у него

накопилось достаточно запасов на столько же лет вперед. Я считаю это правдой и заявляю с тяжестью, что ни британцы под властью римлян и саксов, ни английский народ под властью датчан и норманнов никогда не подвергались такому разрушению своих ученых памятников, какое мы видели в наше время ".

Раньше казалось неким оправданием этого печального зла утверждение, что подавление монастырей было вызвано порочной жизнью монахов. Протестантские историки обычно заявляли, что это были очаги безнравственности, которые необходимо было искоренить. Тщательное исследование историков нашего времени полностью опровергло любой подобный вывод. Было обнаружено, что несколько небольших монастырей не соответствуют своим высоким идеалам. Несколько, но очень немногих монахов были признаны недостойными своего призвания. Даже при всем желании дискредитировать их, нельзя было найти ничего, что можно было бы сказать против более крупных монастырей, и правительствам пришлось прибегнуть к другим средствам, чтобы добиться их подавления с какой-то тенью законности. Приближенные короля были вынуждены занять должность аббата, а затем по предварительной договоренности передали монастыри и их имущество короне. Каждый прогресс в критической истории в наше время все больше и больше склонялся к оправданию монахов.

От американца в наше время вполне можно было бы ожидать, что он будет твердо удерживать равновесие, не нарушая старых предрассудков. Преподобный доктор Джордж Хеджес, декан Епископальной теологической школы Кембриджа, штат Массачусетс, в своей книге "Аббатство фонтанов: история средневекового монастыря" сказал (стр. 88):

"Спокойное суждение современного историка в пользу монахов, и он находит, что большинство из них были людьми респектабельной и благочестивой жизни. Трезвомыслящие люди в белых рясах, которые признавались в своих ошибках на собрании капитула и с радостью несли за них наказание, о котором обыватель ни на минуту не задумывался, страстно желали быть хорошими. Они были полны решимости вести праведную жизнь".

Он говорит, далее цитируя Берка: "Враг - плохой свидетель; грабитель - еще хуже".

ВЛИЯНИЕ На ИСКУССТВО

Сейчас общепризнано, что религиозный бунт разрушил искусство. Религия послужила мотивами для великого искусства, но большинство из них, и особенно нежное чувство благоговения перед Божьей Матерью и святыми, а также вера в ангелов, исчезли в это время или были печально затруднены в своем выражении, и вся тенденция реформаторского движения была иконоборческой. Поклонение образам было одним из самых ожесточенных обвинений в адрес старой Церкви. Любопытно отметить, что точно так же, как искусство снова развивалось в протестантских странах, церкви снова превратились из обычных собраний в святилища художественной красоты. Однако не следует забывать, что это совершенно противоречит "протестам", которые первоначально были выдвинуты против старой Церкви, и что идеи, связанные с этим неприятием искусства в Церкви, помогли увести многие некультурные умы от католицизма в то время бурь и стрессов.

В главе о приходской жизни в Англии в своей хорошо известной книге "Перед великим разграблением" преподобный Дж. Огастес Джессоп, который, несмотря на свое горькое осуждение того, что произошло во время Реформации и после нее, никогда, я полагаю, не становился католиком, рассказывает о изумительной красоте церковных сооружений в те века, которые раньше назывались темными, а теперь, как известно, полны света, а затем рассказывает о том, что произошло после так называемой Реформации.

"И мы приходим в полное замешательство от поразительного богатства мастерства, художественного вкуса и эстетического чувства, которые, должно быть, были в нашей Англии во времена, которые до недавнего времени мы считали варварскими. Я говорю "Сбит с толку", потому что мы не можем понять, как все это остановилось в течение жизни одного поколения, не зная, что ужасное разграбление наших церквей и других приходских зданий и возмутительное разграбление приходских гильдий в царствование Эдуарда Шестого ужасной бандой грабителей, которые продолжали свою отвратительную работу, привело к такому отвратительному уничтожению, к такой чистоте драгоценных сокровищ, которые были в изобилии разбросаны по всей стране, что тупое отчаяние когда-либо заменить то, что было безжалостно разграблено, сокрушило дух всей нации, а также к тому, что все они были уничтожены. и искусство вымерло в сельской Англии, а король Побелка и королева Уродство правили безраздельно на протяжении веков". (Курсив наш.)

Под искусством, конечно же, понимаются скульптура и архитектура, а также многие художественные промыслы. Легко понять, что под влиянием придирчивого духа Реформации все это пришло в упадок. Люди отказались от старой веры ради индивидуального суждения о религиозной истине. Стерилизирующее влияние последовавшего за этим противоречивого периода легко понять. Герхард Гауптман, немецкий драматический поэт, которому недавно была присуждена Нобелевская премия по литературе, охарактеризовал этот упадок искусства при реформаторах в очень ярком отрывке.

"Мне, как протестанту, часто приходилось сожалеть о том, что мы купили нашу свободу совести, нашу личную свободу слишком высокой ценой. Чтобы освободить место для маленького, жалкого ростка личной жизни, мы уничтожили целый сад фантазии и вырубали девственный лес эстетических идей. Мы зашли даже так далеко в безумии нашей

слабости, что выбросили из сада наших душ плодородную почву, которая накапливалась тысячелетиями, или же вспахали ее под бесплодную глину.

Таким образом, сегодня мы имеем интеллектуальную культуру, которая надежно защищена живой изгородью нашей личности, но внутри этой живой изгороди у нас есть только хрупкие карликовые деревья и недостойные растения, жалкое потомство великих предшественников. У нас есть телеграфные линии, мосты и железные дороги, но здесь нет церквей и соборов, только сторожевые будки и казармы. Нам нужны садоводы, которые остановят нынешний процесс стерилизации почвы и обогатят поверхность, перерабатывая в нее богатые слои, находящиеся под ней. В моей мастерской передо мной всегда фотография могилы святого Себастьяна. Этот богатый немецкий символ возник из невидимого в самый роскошный период развития немецкого искусства. Как формальный продукт этого искусства, его очень трудно оценить так, как он того заслуживает. Мне кажется, это одна из самых замечательных работ во всей области художественных достижений. Душа всего великого средневековья окутывает этот серебряный гроб, придавая ему благородное единство, и восседает на самой вершине Смерти, Жизни как растущее дитя. Такая работа могла достичь своего совершенства только в охраняемых помещениях старой Матери-Церкви".

Все декоративно-прикладные искусства пострадали аналогичным образом, и ни одно искусство не избежало неблагоприятного воздействия. Музыка, которая пережила один великий период развития в виде старого простого песнопения в позднем Средневековье под влиянием церкви, как раз вступала в новый и славный этап развития под покровительством Церкви, когда началось реформаторское движение. Простая песня создала такие шедевры, как "Плачущие", о которых Рокстро сказал, что никогда не было более печальной последовательности отдельных нот, и "Ликующий", исполняемый на мессе в Страстную субботу, который, по его словам, представляет собой столь же высокое выражение радости. Теперь свое место должна была занять фигурная и гармоническая музыка. Мессы Палестрины и оратории святого Филиппа Нери только начинались. Реформаторы, однако, не хотели иметь ничего общего с музыкой. Церковное пение было заимствовано у старой Церкви, но музыке как искусству возвышать религию и вносить в нее дань преданности не было места. Частушечная песня возникла в церковных церемониях, подобно тому как драматическая литература возникла в церемониях, связанных с празднованием различных мистерий. Как и любое другое человеческое и естественное стремление, музыка была под подозрением в новой религии, и следствием этого стал серьезный ущерб развитию искусства. Только после постепенного ослабления уз пуританских элементов в протестантской религии музыка снова начала обретать самостоятельность.

УПАДОК БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

В области гуманизма и решения социальных проблем Реформация была особенно отсталой. Лидеры новых религий были настолько сосредоточены на объяснении своих собственных доктрин и способов мышления, на привлечении учеников и на том, чтобы другие люди думали так же, как они, что благотворительная деятельность серьезно пострадала. Разрушение монастырей оставило многих нуждающимися, но мало кто мог позаботиться о них. Прежде всего, новая доктрина об оправдании только верой, которая провозглашала, что добрые дела не имеют значения до тех пор, пока люди верят определенным образом, устранила мотив для большей части благотворительной работы, которая делалась раньше.

Поэтому неудивительно, что больницы и уход за больными и стариками достигли такой глубины деградации, которую довольно трудно понять. Мы, живущие в двадцатом веке, знаем, насколько низко пали больничное обслуживание и сестринский уход в начале девятнадцатого века, и мы были склонны думать, что в предшествующих поколениях ситуация, должно быть, была намного хуже. Поэтому удивительно обнаружить, что первая половина девятнадцатого века представляет собой то, что мисс Наттинг и мисс Док в своей "Истории сестринского дела" удачно назвали Мрачным периодом сестринского дела, в течение которого "состояние сестринского искусства, благополучие пациента и статус медсестры опустились до неопишемого уровня деградации".

Якобсон в своих Очерках "История ухода за больными" [Сноска 51] прослеживает, когда именно начался этот упадок, вскоре после того, как реформаторскому движению удалось прочно закрепиться, и он подробно описывает, как именно произошел спад. Он говорит:

[Footnote 51: Beiträge zur Geschichte des Krankencomforts, *Deutsche Krankenpflege Zeitung*, 1898, in 4 parts.]

"Примечательным фактом является то, что внимание к благополучию больных, улучшениям в больницах и учреждениях в целом и к деталям сестринского ухода пережило период полного и длительного застоя после середины семнадцатого века или после окончания Тридцатилетней войны. Ни чиновники, ни врачи не проявляли никакого интереса к повышению уровня сестринского дела или к улучшению состояния больниц. В течение первых двух третей восемнадцатого века, продолжает он, ничего не было сделано для улучшения состояния ни строительства, ни ухода за больными. Сестринское дело по-прежнему интересовало только религиозные ордена, и некоторые остатки техники сохранились. Результатом стало то, что в этот период общий уровень сестринского дела упал намного ниже, чем в более ранние периоды. Городские больницы были похожи на тюрьмы, с голыми, некрашеными стенами и маленькими темными комнатками, маленькими помещениями, куда не проникало солнце, и мрачными палатами, где теснились пятьдесят или сто пациентов, лишенных всех удобств и даже предметов первой необходимости. В муниципальных и государственных учреждениях того периода не слышали о прекрасных садах, просторных залах и источниках воды старой монастырской больницы средневековья, не говоря уже об удобствах их уютных интерьеров".

Более тщательное изучение гильдий, в частности, показало, какое огромное социальное зло было нанесено этой конфискацией того, что на данный момент, строго для государственных целей, называлось церковной собственностью. В начале правления Генриха VIII Тулмин Смит подсчитал, что в Англии насчитывалось около 30 000 гильдий. В их сокровищницах хранились очень большие суммы. Они откликнулись на все социальные потребности, к которым мы сейчас только начинаем возвращаться. Они обеспечивали пенсии по старости и инвалидности, страхование от пожара и наводнения, от потерь в результате грабежа, тюремного заключения, а также от потери скота и сельскохозяйственной продукции; существовали формы страхования от потери зрения, от потери конечности или любой другой формы увечья. Сумма денег, конфискованных из сокровищниц этих гильдий, была подсчитана в пересчете на наши деньги в несколько сотен миллионов долларов. Если вспомнить, что перепись населения Англии, проведенная во времена Елизаветы, незадолго до того, как ожидалась Великая армада, показала, что общая численность населения составляла менее пяти миллионов человек, то легко понять количество благ, которых можно было достичь с помощью этой огромной суммы денег, не находящейся в руках немногих, а распределенной в 30 000 казначейств и использованной в социальных целях.

После реформы в Англии о гильдиях практически ничего больше не было слышно, и социальные несправедливости начали множиться.

СУЕВЕРИЯ И ПЫТКИ

Часто говорят, что с Реформацией пришел конец суевериям и той преувеличенной вере в религию, которая мешает людям пользоваться своим разумом, и тому чрезмерному вниманию к вещам потустороннего мира вместо этого, которое мешает им быть практичными и процветающими. Однако последующая история стран, наиболее пострадавших от немецкого религиозного восстания, отнюдь не подтверждает это заявление, а показывает, какой вред принесло отсутствие сильной центральной религиозной власти и какой урон для идеализма был нанесен ослаблением детской веры, которая так много значила не только для религии, но и для литературы и искусства в предыдущие столетия.

Суеверия не были уничтожены, но суеверие изменило свою цель и теперь, вместо того чтобы быть поэтичным, часто становилось жестоким и нетерпимым. Например, мания колдовства, которая представляла собой худшее проявление суеверия, от которого, возможно, когда-либо страдало человечество, затронула протестантские страны гораздо сильнее, чем католические. Тысячи и тысячи людей были преданы смерти как ведьмы в Германии, и именно из протестантских стран это заблуждение распространилось путем психического заражения в католические страны Европы. Католические страны, не находящиеся в тесных отношениях с протестантскими странами, такими как Ирландия, это не затронуло. Хотя Ирландия была самой католической из стран, ни одна ведьма не была казнена там в соответствии с каким-либо формальным законом на протяжении более пятисот лет. Здесь, в Америке, бред о колдовстве является одним из печальных пятен в нашей истории. Проявились многие другие формы суеверий, и когда не было религиозных мотивов, были другие причины. Люди, очевидно, не могут удержаться от влияния вещей, которых они не понимают. Целители всех мастей занимают место религиозного врачевания средневековья, а медицинские и научные суеверия заменяют религиозную сверхкрупность. Электрические пояса и накладки заменяют реликвии. В переоцененные средства и совершенно неэффективные излечения всех видов сейчас верят гораздо больше, чем когда-либо средневековые люди позволяли себе увлекаться религиозными суевериями.

Аналогичная историческая ошибка гласит, что пытки, страдания за убеждения и жестокие наказания прекратились вместе с Реформацией или, по крайней мере, везде, где это движение прочно закрепилось. Это абсолютно не соответствует действительности, поскольку суды над ведьмами повсюду сопровождались пытками, а жестокие наказания были правилом, особенно в протестантских странах. Иногда довольно забавно читать в газетных и журнальных статьях описания пыток инквизиции и бессердечия средневековых людей, священнослужителей на одном дыхании с упоминанием Железной девы и знаменитых пыточных сапог Нюрнберга. Это, однако, были изобретения, сделанные не для инквизиции и не для средневековья, а для периода после реформации в протестантском Нюрнберге. И не следует забывать, что Нюрнберг был одним из самых культурных городов Германии, и что его жители были высокообразованными, и что именно в таком реформаторском городе были изобретены и развиты пытки и жестокие наказания. Согласно римскому праву, пытка была одним из способов установления истины в юридических целях. Почти до нашего времени она оставалась законным способом судопроизводства. Даже в

настоящее время она не исчезла полностью, и хотя средства физической пытки устранены, их заменяют "третья степень" и различные фазы психических мучений.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕКАДАНС

Прежде всего, нельзя забывать о политическом значении этого движения, которое так часто считается чисто религиозным. Дворянство в это время в значительной степени утратило свою независимость. Король стал верховным правителем, и новый национализм, развившийся в Европе, очень тесно сплотил страны и народы, которые раньше были связаны лишь очень слабо. Фердинанд был королем Арагона, а Изабелла - королевой Кастилии, когда их брак объединил эти королевства. Последующие события того времени сделали испанский полуостров единым целым. Практически то же самое произошло во Франции. Папа Юлий II планировал объединенную Италию. Едва ли прошло полвека после окончания века Колумба, как шотландская и английская короны объединились. Многие знатные люди этих стран потеряли свой престиж. Говорят, что глупая расточительность Золотой Парчи стоила многим дворянам Франции и Англии их поместий или, по крайней мере, сделала их абсолютно независимыми в пользу короля.

В разгар этой политической революции изменение господствующей религии стало очень ценным приобретением для монархов, чье положение не было чрезмерно прочным или чья казна была истощена, поскольку оно передало им заботу о Церкви и ее собственности, а также о государстве и его доходах. Это позволяло им конфисковывать большие суммы денег, раздавать церковные поместья знатым фаворитам; но, прежде всего, это оставляло их без какого-либо сильного организованного этического фактора внутри государства, который мог бы противостоять любым актам несправедливости, которые они могли бы совершить. Их лорд-канцлеры и раньше были епископами, но теперь они были политическими фаворитами и часто самыми настоящими временщиками. Характеристика лордом Кэмпбеллом некоторых английских канцлеров постреформационного периода проливает свет на это. Масштабы возникшей в результате политической несправедливости легко понять, хотя и нелегко понять, как люди это выдерживали.

Конституция английской палаты лордов времен Реформации, напротив, очень ярким образом отражает разницу между старым и новым в политических вопросах. В настоящее время Палата лордов является почти исключительно наследственной. Примерно седьмая часть его членов находится там по назначению или на выборах, и большая часть даже этой части избирается из потомков потомственной знати. До Реформации шестьдесят процентов Палаты лордов состояли из духовных лордов. Многие из них были епископами, но больше среди них было аббатов и настоятелей Религиозных домов, магистров и генералов религиозных орденов и других должностных лиц, представлявших монастыри как крупных землевладельцев, которые в то же время представляли значительную часть крестьянства, монастырских землепашцев, которые были так счастливы, как часто говорили, быть под крестом. Немало епископов были самостоятельными отпрысками среднего класса или даже бедняков. Очень многие настоятели и представители религиозных орденов происходили даже из низших слоев общества. Это были люди, избранные своими единоверцами для управления ими, потому что считалось, что они обладают лучшими качествами сердца и души для таких должностей. На протяжении веков очень многие из этих людей были святыми, то есть олицетворяли тот характер и predisposition, которые заставляли

людей позднего времени заявлять, что они прожили героическую жизнь, полную бескорыстия и заботы о других.

Это правда, что временами некоторые из духовных лордов были сыновьями знати, фаворитами королей, людьми, которые использовали политическое влияние, чтобы добиться церковного преимущества; но доля таких людей никогда не была очень большой, и хотя многие известны, это потому, что для них история многих веков закончилась. Вероятно, лучшей второй палаты для консервативного законодательства, чем Палата лордов до начала Реформации, организовать было невозможно. Большинство мужчин в нем были представителями не одного класса, а всех классов Англии. Всегда было много сыновей крестьян и мелких торговцев, и эти люди часто поднимались по служебной лестнице, но только при таких обстоятельствах, которые, по крайней мере, исключали семейные амбиции, и обычно их продвижение по службе было обусловлено известным отсутствием у них личных амбиций. Как правило, их бескорыстие было главной чертой, благодаря которой они добивались предпочтения. В глубине души они особенно пеклись об интересах бедных классов. Без каких-либо шансов на честолюбие для самих себя, без каких-либо желаний обогатить семью, которой для них не существовало, они имели столько гарантий выполнения своего долга как представители народа, сколько только можно было себе представить. Даже такие гарантии не предотвратят всех злоупотреблений, но они максимально приближены к этому. Ничто так не проливает свет на политические условия с социальной точки зрения, как это сравнительное исследование Палаты лордов дореформенной эпохи с Палатой лордов нынешней.

Что касается политической свободы, то времена после Реформации представляют собой упадок главным образом из-за передачи в руки гражданского правительства власти как в политических, так и в религиозных вопросах. В результате устранения церковных властей как независимых факторов в жизни народа вместо того, чтобы подчиняться государственным чиновникам, произошло серьезное ущемление прав граждан, которые были достигнуты упорным трудом в предыдущие столетия. Современные политические события - это не столько новое утверждение современной демократии, сколько возврат к демократическим принципам средневековья. Многим это покажется глубоко парадоксальным. Однако это всего лишь парадокс для тех, кто не знаком с политической жизнью Средневековья. Великая хартия вольностей была составлена и подписана, основные законы Испании и Франции приняты, Золотая булла Венгрии обнародована, декларация независимости Швейцарии издана - и все это за одно столетие предшествующего времени - тринадцатое. Тогда были сформулированы такие принципы, как то, что не должно быть налогообложения без представительства, и вольные города приобрели права для своих граждан и заложили основу того правления народа, самим народом и для народа, которое является основой современной демократии. Все это было серьезно нарушено во времена реформаторского движения, и упадок, подобный тому, который имел место в гуманизме и движении за больницы и сестринское дело, можно проследить в отношении политической свободы. Кульминацией этого стал в конце восемнадцатого века ужасный катаклизм Французской революции, которая попыталась восстановить все старые принципы политической свободы, исправить все злоупотребления сразу и исправить накопленные за столетия ошибки, но была обречена на провал. Серия революций начала девятнадцатого века была необходима для того, чтобы вернуть людям что-то вроде прав, которыми они обладали в Средние века, и создать общественное настроение, еще раз более благоприятствующее демократическим институтам. Илер Беллок, который, вероятно, знает Французскую революцию не хуже любого представителя нашего поколения, не так давно заявил, что она представляла собой попытку вернуть мир к тем идеалам демократии,

которые сложились в средние века. Наш период представляет собой именно конец Средневековья, и именно после Реформации можно отметить упадок прекрасного старого демократического духа, который был возвращен в рамках старой Церкви.

Прежде всего, народное счастье уменьшилось и фактически почти исчезло по всей Европе в результате реформаторского движения. До этого церковные святые дни, которых было почти двести в год, предоставляли широкие возможности для досуга, и церковные общества устраивали мистические и нравоучительные спектакли, а гильдии устраивали банкеты и собрания на свежем воздухе, различные "эли", как их называли, часто давали повод для сердечного развлечения. Все это прекратилось с Реформацией. Пуританские представления о религии вычеркнули из года святые дни, которые также были праздниками. Сейчас мы занимаемся тем, что возвращаем их в качестве годовщин национальных событий и рождений национальных героев вместо празднования христианских праздников и дней святых, в качестве государственных праздников и памятных дней различного рода. Секты были настолько поглощены обсуждением догм, что почти не интересовались развлечениями людей. Теперь люди собирались, чтобы поспорить о доктринах, которые они не могли понять, и вместо прекрасных церемоний старой религии, с их удовлетворяющим все чувства обращением, очарованием и поучительностью, даже в качестве простого зрелища, они слушали многословные, сухие, как пыль, проповеди по долгу службы и расходились по домам, чтобы мрачно сидеть в затемненных комнатах и соблюдать то, что они называли Субботой. До Реформации люди после церковных служб обычно собирались для игр и отдыха на лужайке перед церковью, и у молодежи была возможность предаваться всевозможным воскресным развлечениям. Только в последние годы, с разрывом уз протестантизма, мы вернулись к возрождению средневековых обычаев.

Нации отдалились друг от друга, и интернационализм, который развивался и который поддерживался общностью церковных интересов, исчез. Национальные правительства становились все более консолидированными, но симпатии народов становились все более и более разделенными. Пока в новое время не развилась торговля, тому прекрасному интернационализму, который так часто проявлялся в духе, по крайней мере в средние века, пришел конец. Крестовые походы многое сделали для разрушения барьеров узкого национализма. Религиозные ордена еще больше способствовали общению и усилению симпатии между народами. Университеты, среди студентов которых были представители различных наций, создавали почву для улучшения отношений между мужчинами. Теперь все это практически подошло к концу. Не только это, но и раскол в политике и сектантство в религии все больше и больше отдаляли людей друг от друга и заставляли их смотреть на представителей других наций со все меньшим сочувствием. Политические перемены привели к концентрации власти в руках правителей и укреплению государств для ведения войны, но они отняли у людей многие права и, прежде всего, уменьшили их симпатии к себе подобным, за исключением их собственного народа, и уничтожили тот дух доброго товарищества среди образованных и культурных людей мира, который был так хорошо возвращен в прежние времена. Только в конце девятнадцатого века между народами вновь возник тот дух дружественных отношений, который существовал в позднем средневековье и раннем Возрождении.